



ДАВИД
САМОЙЛОВ



НОВАЯ
БИБЛИОТЕКА
ПОЭТА



ДАВИД САМОЙЛОВ



ДАВИД САМОЙЛОВ



НОВАЯ БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

*Гуманитарное агентство
«Академический Проект»*

ДАВИД САМОЙЛОВ

СТИХОТВОРЕНИЯ

Санкт-Петербург
2006

Редакционная коллегия

А. С. Кушнер (*главный редактор*),
К. М. Азадовский, Н. А. Богомолов, М. Л. Гаспаров,
А. К. Жолковский, А. Л. Зорин, А. В. Лавров,
И. Н. Сухих, Р. Д. Тименчик

Вступительная статья А. С. НЕМЗЕРА
Составление, подготовка текста В. И. ТУМАРКИНА
Примечания А. С. НЕМЗЕРА и В. И. ТУМАРКИНА

Издание выпущено при поддержке
Комитета по печати и взаимодействию со средствами массовой
информации Санкт-Петербурга

Издательство благодарит Российское авторское общество
за помощь в осуществлении издания

ISBN 5-7331-0321-3



9 785733 103211

- © А. С. Давыдов, Г. И. Мегведева,
- © А. С. Немзер, *вступ. статья,*
примеч., 2006
- © В. И. Тумаркин, *состав,*
примеч., 2006
- © Гуманитарное агентство
«Академический проект», 2006

ЛИРИКА ДАВИДА САМОЙЛОВА

В 1982 году Давид Самойлов написал о своих отношениях со временем:

Откуда я?
Из тридцатых?
А может — из сороковых?
А может — из шестидесятых
Или семидесятых?
Жизнь моя не лежит
В такой хронологии строгой.
Свои пути избирая,
Я избегал боковых.
А шел прямой дорогой.
Своей простой дорогой.

(«Откуда я?..»)

Своя дорога не совпадает с общим движением истории, хронологические вехи условны, по ним нельзя угадать суть маршрута. Тремя годами раньше Самойлов решал этот вопрос внешне иначе:

Я рос соответственно времени.
В детстве был ребенком.
В юности юношей.
В зрелости зрелым.

Поэтому в тридцатые годы
я любил тридцатые годы,
в сороковые
любил сороковые.

(«Свободный стих»)

Бесстрашие поэта («И знаю, что будет со мной, / когда придет не мое время. / И не страшусь») основано на понимании времени, которое в пору зрелости сменило любовь. Одиноким «пехотный солдат», греющий душу трубочкой и вином, находящий временный приют у «милых хозяек», совсем не похож на стойка, способного ощущать независимую от нас логику истории. Автопортреты разнятся, как разнятся отношения к жизни и смерти (неназванной, но присутству-

ющей в «Свободном стихе»; внешне легкой, но от того особенно страшной в «Откуда я?...»), но мы ощущаем единство спорящих друг с другом текстов. Автополемика, возвращение к уже проговоренным сюжетам и смысловым комплексам больше, чем примечательная особенность поэзии Самойлова, — это ее конструктивный принцип.

Всю сознательную жизнь Самойлов вел дневники¹, где фиксация исторических событий и бытовых обстоятельств занимала не меньшее место, чем рефлексия. С 1969 года, опираясь на поденные записи, он писал автобиографическую (по сути — историческую и философскую) прозу, полагая жанровым образцом «Былое и думы» Герцена². Безусловно, дневник Самойлова является серьезным источником, а «Памятные записки» — захватывающим повествованием, без которого не сможет обойтись ни биограф поэта, ни историк русской литературы и общественной мысли XX века. Безусловно, работа над прозой мыслилась Самойловым как внутренне необходимое дело. Но столь же безусловно, что вел дневник и работал над автобиографией автор грустно-ироничных стихотворений «Дом-музей» и «Фотограф-любитель». Музейные экспонаты «правдивы». Поэт, в чей дом приходят экскурсанты, тоже «рос соответственно времени»: смолоду был ниспровергателем, под старость — лауреатом. Но вещи, будь то «любимое блюдо» или картины, письма, дневники, могут сложиться лишь в трафаретную схему, закрывающую лицо и судьбу.

Здесь он умер. На том канаве,
Перед тем прошептал изреченье
Непонятное: «Хочется пе...»
То ли песен? А то ли печенья?

За гротескным недоумением рассказчика скрыта настоящая тайна. В финальных строках — «Смерть поэта — последний раздел. / Не толпитесь перед гардеробом» — слышен голос уже не простодушного экскурсовода, но самих поэтов — автора этих стихов и старинного стихотворца. Недаром для характеристики его не героического ухода взята классическая формула Лермонтова, обросшая многими смыслами, вошедшая в состав русского поэтического мифа и позднее ставшая названием самойловских стихов об уходе Ахматовой — «смерть поэта». Жизнь — такая же тайна, закрытая от тех, кто газует на музейные витрины, читает мемуары и «толпится перед гардеробом». И это касается не только поэтов: вереница снимков не может передать «историю простую», бедного человека, что жил «на фоне звезд. / И сам был маленькой вселенной, / Божественной и совершенной».

Человек осуществляется в истории, ею напитывается, ее музыку или какофонию пытается расслышать, с нею спорит (что должно привести не к отторжению, а к пониманию). И в то же время он не есть только «производная от истории», только точка скрещения исторических векторов. Выпадение из истории и полное ей подчинение одинаково соблазнительны и опасны, ибо уничтожают личность. Эта проблема постоянно присутствует в сознании Самойлова, сказываясь и на выборе творческой стратегии (вплоть до жанровых, стили-

вых, метрических предпочтений, построения сборников, способов общения с читателем), и на оценке собственной личности, судьбы и поэтической миссии. С особой ясностью она проступает в напряженных до болезненности раздумьях Самойлова о своем поколении.

Слово «поколение» в литературе о Самойлове стремится к доминирующей позиции. Как правило, Самойлов встраивается в определенный ряд — его место среди тех, кто едва успел заявить о себе конце тридцатых, прошел Великую Отечественную войну и не без труда утвердился в литературе после смерти Сталина³. (Исключения были. Первая книга Сергея Наровчатова «Костер» увидела свет в 1948 году, сборники Михаила Луконина «Сердцебиение» и «Сталинградская книга» — в 1947-м и 1949-м; регулярно печатался и даже снискал официальное признание, впрочем, быстро сменившееся про-рабочей критикой, Семен Гудзенко; в 1948, 1949 и 1951 в Иркутске издавались стихи Юрия Левитанского. Однако поздний, у Самойлова — особенно поздний, выход к читателю стал частью поколенческой легенды.) Даже автор первой монографии о Самойлове, связанный с поэтом узами дружбы и стремившийся вести речь о его индивидуальности, не обошелся в названии своей книги без рокового термина⁴.

Проблемы поколений⁵ Самойлов касается в очерке о Наровчатове («Попытка воспоминаний»), заключив традиционный перечень патетичным тезисом: «Литературные направления, группы, кружки неминуемо распадаются. Поколение может не осуществиться, но рас-пасться не может» (134). Между тем в стихах Самойлова («Перебирая наши даты...», «Пятеро», «Жизнь сплетает свой сюжет...») картина сложнее. Во-первых, работает синекдоха — поколение сводится к компании «пятерых», в которую наряду с Самойловым входили погибшие на войне Павел Коган и Михаил Кульчицкий и выжившие Сергей Наровчатов и Борис Слуцкий, иногда расширяемой упоминанием тех (и только тех), поэтов-сверстников, что погибли на войне. Во-вторых, такое решение подводит к мысли о распаде и конце (уже не только кружка или цеха). В-третьих, уход одних сопровождается расхождением других: в «Перебирая наши даты...» знаково отсутствует Слуцкий (это время его ссоры с Самойловым — 168—173), а «ауканье» с Наровчатовым («Сережей») отдает безнадежностью. Уже здесь «поколение» предстает — вопреки мемуарному тезису — осуществившимся (пусть трагически), но распавшимся. Тем дороже его суть для позднего Самойлова, увидевшего в своих ровесниках «де-кабристов без Сенатской».

Казалось бы, поколение — ценность бесспорная, однако и здесь все не просто. Не зря один из наиболее проникательных интерпретаторов начинает итоговую статью грустной цитатой: «Неполучившееся военное поколение», — сказал Самойлов о своих сверстниках-поэтах, о единственном поколении, насчет которого, кажется, ни у кого нет сомнения, что оно «получилось». Верно связав это суждение с горечью утрат, критик далее напоминает о тех укоризнах, что Самойлов адресовал поколенческой общности (хотя и не только ей) в стихотворении «Вот и все. Смежили очи гении...»⁶. Стихи о том, как «словно в опустевшем помещении, / Стали слышны наши голоса»,

сложился под впечатлением от кончины «последнего гения» — Ахматовой⁷, но публикации ждали целое десятилетие, хотя за эти годы увидели свет три самойловские книги («Дни», «Равноденствие», «Волна и камень»). Здесь в равной мере представимы как цензурные трудности (с точки зрения идеологических надсмотрщиков, советские поэты двигались от вершины к вершине, а вовсе не тянули «слово залежалое»), так и глубоко личная проблема — боязнь обидеть нехудших собратьев по цеху. Приговор дался трудно, но произнесен он был. Счет к себе подразумевал и счет к коллегам, рассказанным по обоймам и нахваливающим свои болота, не замечая того, как нарастает немота.

В «рассветных» не только по антуражу, но и по сути стихах о Фете («Кончался август...») великий лирик подобен ветру (в русской поэзии со времен Жуковского и Пушкина — символ абсолютной свободы). Стихи эти совсем не просты. «Стозвездный Аргус», корреспондируя со «звездными» строфами Фета, остается грозным чудовищем, от которого должно спастись. Фетовская тема — реакция на актуальное для рубежа 1960—1970-х годов противопоставление «тихой лирики» (иногда к этому скорее сконструированному, чем реальному течению причислялся и Самойлов), якобы восходящей к традициям Тютчева и Фета, и «эстрадной поэзии». Но самойловский Фет не вписывается в любую плеяду. В русской традиции «плеядой» обычно именуются поэты — современники Пушкина. Блестящий знаток отечественной поэзии, Самойлов мог знать, что образ этот впервые появляется не у полноценного сочлена «союза поэтов» Баратынского («Звезда разрозненной плеяды» — характерно, что Баратынский ведет речь об уже распавшейся общности, хотя послание «Князю Петру Андреевичу Вяземскому» написано еще при жизни Пушкина, в 1834 году), но у раздраженного аутсайдера Катенина. В автобиографической «Элегии» (1828) мужественному Евдору (античному двойнику автора) противопоставлено чванливо отвергающее благородную старину сообщество «новых» александрийских поэтов: «Друг же друга хваля и до звезд величая, / Юноши (семь их числом) назывались Плеядой, / В них уважал Евдор одного Феокрита». В письме Пушкину от 4 января 1835 г. Катенин откомментировал это имя: «et se n'est pas le baion Delvig» («и это не барон Дельвиг»), что означает: «хотя Дельвиг и писал, подобно Феокриту, идиллии, я, Катенин-Евдор, уважаю лишь случайно причисленного к "Плеяде" и ценного вопреки ней Пушкина». «Последний гений» XIX века свободен, как ветер и Пушкин, — той же участи ищет его двойник из второй половины века XX, ощутивший себя в этот момент «последним», обретающим новое дыхание (свидетельством тому несколько близких по времени стихотворений — «Что-то вылепится...», «Неужели всю жизнь надо маяться...», «Не мысль, не слово, — а под снегом...», «В воздухе есть напряженье...», «Там дуб в богатырские трубы...») и не желающий числиться в сколь угодно симпатичных обоймах. Стихи о «последнем гении» не отрицают, но корректируют тревогу, стыд и недовольство собой, явленные в стихах о бытии после гениев. Отказ от плеяд (при неизживаемой любви к «своим») приведет позже к мечте войти в историю одним «из поздней пушкинской плеяды» («Пусть нас увидят

без возни...»), то есть просто русским поэтом. («Пушкинское» стихотворение знаково вершится отсылкой к «Зимней ночи» Пастернака — «Метелям не задуть свечу».) А еще позже — к нарочито «нелепому» замыслу растворения в синтетическом стихотворце.

Если бы я мог из ста поэтов
Взять по одному стихотворенью
(Большого от нас не остается),
Вышел бы пронзительный поэт <...>

Ах, какой бы стал поэт прекрасный
С лирой тихой и громогласной!
Был бы он такой, какого нет.

(«Ехегі...»)

Отказываясь от индивидуальности во имя идеала, поэт ведет примечательную игру. Он говорит вроде бы о «своей» эпохе (второй половине XX века, что началась «роковыми сороковыми» — смирение не мешает ввести автоцитату), но на втором плане присутствует и целое русской поэзии. Заголовок отсылает к ломоносовскому, державинскому, пушкинскому переложениям оды Горация, а «споров сто поэта с гражданином» заставляют вспомнить, по крайней мере, Рылеева и Некрасова (и вновь Самойлова). Зачин шутливого текста ориентирован на скорбные поздние стихи Ахматовой («Если б все, кто помощи душевной...», 1961), где сила поэта складывается из ответных даров тех, кто был поэтом ободрен, но вдумчивому читателю тот же зачин напоминает еще и об ахматовской трансформации одной из любовных «александрийских песен» Кузмина («Если б я был древним полководцем...», 1906). Сама же идея памятника поэту, что вобрал в себя все, заставляет вспомнить о «памятнике» Ходасевича, о его мифе «личной малости» и неотторжимой причастности большой традиции, об особом чувстве бытия поэта «после поэзии» и в предощущении неведомой, но неизбежной новизны: «Во мне конец, во мне начало. / Мной совершенное так мало! / Но все ж я прочное звено: / Мне это счастье дано. // В России новой, но великой, / Поставят идол мой двуликий / На перекрестке двух дорог, / Где время, ветер и песок...» (1928). Принадлежность поколению, скорбь о его судьбе, осознание себя его выразителем (счастье это — «Большую повесть поколения / Шептать, нащупывая звук...») не исключает, но предполагает мечту о полной свободе, парадоксально связанную с подчинением сверхпоколенческому единству поэзии и надеждой на новое слово (эта тема проходит от «Талантов» до «Ожидания пришествия»).

Двигаясь по хронологическому маршруту («перебирая наши даты»), необходимо помнить об устойчивой приверженности поэта к спору с собой (иногда доходящему до проклятий своей «второй» ипостаси), о его желании увидеть всякое явление (будь то историческое событие, интимное переживание, бытовой факт или литературная тенденция) с разных сторон. Отсюда его любовь к уточняющему прописыванию прежде использованных тем (чужих и своих), тот принцип «палимп-

сеста», что, используя образ самоейловского стихотворения («Средь шумного бала»), тонкий исследователь счел едва ли не главной особенностью его позднего творчества⁸. Самойловский диалогизм (увы, наряду с постоянным вмешательством цензуры в отношения поэта и публики) существенно корректирует любую эволюционную модель, прилагаемую к его творчеству. Самойлов не столько изменялся, сколько *выявлялся*, нередко озадачивая критиков «новизной», что для самого поэта была отнюдь не новой. Не раз скептически отозвавшись о своих ранних (избежавших печатного станка) стихах, Самойлов, однако, счел должным со временем обнародовать некоторые из них, а публикацию в сборнике «Залив» сопроводил ироничной, но, в сущности, очень серьезной преамбулой:

«Критики писали, что я пришел в литературу "готовым".

Теперь, когда я обрел читателей, им, может быть, интересно будет знать — как я "готовился", как приутоговлялся.

Порой мне кажется, что вкусы мои не очень сильно изменились»⁹.

Будущий поэт, Давид Самуилович Кауфман¹⁰, родился 1 июня 1920 года в Москве, в семье ассимилированных еврейских интеллигентов (отец — врач). В семье говорили по-русски, но справлялись еврейские праздники. Отец читал мальчику стихи Пушкина¹¹, повествовал о своем детстве (маленький город в черте оседлости) и пересказывал Ветхий Завет. Отцовское чувство двойной принадлежности еврейству и России оказалось существенным и для сына, в пору болезненно обострившегося общественного обсуждения русско-еврейских коллизий записавшего в дневнике: «Если меня, русского поэта и русского человека, погонят в газовую камеру, я буду повторять: "Шема исроэл, адэной элэхейну, адэной эход"». Единственное, что я запомнил из своего еврейства» (II, 314; запись от 4 июня 1988)¹².

Лучшие черты горячо любимого отца Самойлов переносит на ту ближайшую среду, в которой произошло его формирование, на «рабочую интеллигенцию», которая противопоставляется и дореволюционной элите, и «огромному слою людей с высшим образованием», что сложился во второй половине XX века.

«Рабочая интеллигенция <...> не была производителем высоких духовных ценностей и новых понятий. Она была хранителем созданий духовной культуры в нашей стране. После революции, когда разгромлены или повергнуты в бегство были духовная элита, дворянство, священство, оставались реально два класса, сохранившие культуру, преемственность, — рабочая интеллигенция и крестьянство. В этих условиях сохранялись ценности литературы, философии, живописи, театра, а с другой стороны — и ценности народной культуры, главнейшая из которых — язык.

Сходились эти две среды хранителей русской культурной традиции в понимании нравственности.

Народное трудолюбие и нравственность высоко почитались. например, моим отцом».

Та же тональность доминирует в воспоминаниях о школе: «В нашей новой школе, бедной, демократической, шатаемой поспешными педагогическими концепциями <...> костяком были старые педагоги, лишь формально принимавшие новые веяния, а на деле исподтишка учившие нас по старинке грамоте и арифметике» (82; о крестьянских корнях отца — 53; о подмосковной деревне, еще не утратившей традиционного уклада, — 69—78; о школе — 83—85). Можно счесть воспоминания Самойлова излишне идеализирующими новую интеллигенцию, школу и крестьянство 1920-х годов (здесь существенны «обстоятельства места»; в других городах и даже в других московских районах картина выглядела иначе), но полезнее уразуметь: именно такой образ «своей» среды, закрепившись в памяти поэта, задал ему этические и гражданские ориентиры. Да и эстетические тоже.

Оптика нового интеллигента, приобщенного к культуре, но не замкнутого в кастовой скорлупе, мальчика, выросшего в большом доме, где «бывшие» соседствуют с «будущими» (хлынувшими в Москву провинциалами и крестьянами), ученика «новой школы» с очень пестрым (то есть демократичным) составом, строит самоеловский образ довоенной Москвы. Поэт, радовавшийся, когда критики фиксировали в его стихах голос горожанина, был не просто горожанином, а москвичом, уроженцем большой, эклектичной, в равной мере напоенной уходящей, но цепкой стариной и экспериментальной (во всех смыслах) новизной столицы нового государства. Причем годы его становления прошли не на «аристократическом» (при всех советских коррекциях) Арбате и не в «купеческом» (при тех же коррекциях) Замоскворечье, но и не в совсем уж пригородных (по тем временам) Марьиной роще или Сокольниках, а на ближней окраине. Кауфманы жили в доме на Александровской площади, из окна мальчик видел сады, уходящие к Самотеке, «маяк Сухаревой башни», «водонапорные башни Крестовской заставы». Именно здесь должен был особенно остро сказываться извечный эклектизм и полифонизм Москвы, принявший в годы НЭПа (детство поэта) особенно яркие формы. Это пространство в силу своей хаотичности и гетерогенности, причастности нескольким временным и культурным пластам было своим для всякого, кто в нем оказывался, что вовсе не исключало жестокости, коварства и бессовестности разнородных соседей. Их можно было не любить и бояться, но нельзя было воспринимать как нечто экзотическое. Сопричастность будущего поэта «полународу» (способному в свои высшие мгновения становиться народом) рождалась здесь, хотя прочувствована и осознана была позднее — на фронте.

Детство для Самойлова не потерянный рай, но отправной пункт, куда невозможно вернуться. В хрестоматийном «Из детства» молодой мальчик открывает для себя «бренность мира»; не менее хрестоматийный «Выезд», по верному наблюдению Ст. Б. Рассадина, заканчивается движением в неизвестность («Все мы едем и едем куда-то») ¹³; отроческая любовь — это «наливающийся плод / С древа будущих трагедий» («Был ли счастлив я в любви...»), а невозможность возвращения осознана рано и навсегда:

Я б вас позвал с собой в мой старый дом...
(Шарманщики, петрушка — что за чудо!)
Но как припомню долгий путь оттуда —
Не надо! Нет!.. Уж лучше не пойдём!..
(«Двор моего детства»)¹⁴.

Утрата детства и мнимость «возвратов» (ср. «Обратно крути киноленту...», где за безумным киносеансом следует «выход из зала на свет») принимается Самойловым как данность (у него нет набокковской или трифоновской ностальгии). В этом отношении показательны восьмистишие «Я учился языку у нянек...», комментарием к первой строфе которого могут служить «детские» страницы «Памятных записок». Однако говоря о себе, Самойлов одновременно цитирует статью Пушкина «Опровержение на критики» (1830): «не худо нам иногда прислушиваться к московским просвирням. Они говорят удивительно чистым и правильным языком». Усвоенная в московском детстве речь просвирен не избавила Пушкина от печальной необходимости в зрелости постигать совсем другой язык. Как и Самойлова, обреченного учиться теперь «у тебя, моя ночная птица, / У тебя, бессонная тоска». В последних строках спрятан финал пушкинских «Стихов, сочиненных ночью во время бессонницы» (написанных той же болдинской осенью, что и «Опровержение на критики» в версии Жуковского: «Я понять тебя хочу, / Темный твой язык учу». Тонкая отсылка к Пушкину превращает сегодняшнюю, сопряженную с давними утратами, боль в закономерный факт бытия всякого поэта.

Сочинять мальчик начал рано (в шесть лет), но «стихотворцем-вундеркиндом» не стал, в частности, благодаря тактичным замечаниям известного исторического романиста Василия Яна (Янчевецкого), дружившего с родителями Давида. Попытка напечататься в «Пионерской правде» оказалась неудачной, что, впрочем, не слишком задело подростка. Не признав абсолютной правоты за литературным консультантом газеты («Поэта из тебя не будет. А грамотным человеком ты можешь стать»), начинающий автор, по сути, принял вторую часть обидного ответа. Судя по самоеловским свидетельствам о его первых литературных опытах, в них и так доминировала установка на освоение культуры: он излагал стихами повесть Яна «Финикийский корабль», претворял яновского же «Спартака» в драму, писанную пятистопными ямбами, сочинял поэму «Жакерия» (скорее всего под впечатлением от одноименной драматической хроники Мериме), перекладывал в стихи полюбившиеся рассказы, например, «о том, как в Китае изготавливается чай». Параллельно писались стихи вроде тех, что помещались в школьных хрестоматиях («о праздниках»). Здесь видны главные особенности типового русского (советского по прописке во времени) интеллигентного мальчика с литературными склонностями: тяга к исторической экзотике (Древний мир и Средневековье), бессознательное «западничество» (простодушная форма «тоски по мировой культуре»), жажда социальной справедливости и вера в образцы. Соединение, условно говоря, «школьной» (стихи о праздниках) и «книжной» линий логично приводит к «Песни о Чапаеве»,

вероятно, стимулированной популярным фильмом (герой вроде Спартака, но из своей, советской, истории). В отрочестве интерес к «материалу» (прежде всего — историческому) соединяется с интересом к мастерству. Самойлов вспоминает, что в доме было не много поэтических книг (Жуковский, переводной Гейне, Есенин) — надо признать: это были очень полезные для всякого пишущего отрока сочинения. Жуковский, завлекая сюжетной энергией и историческим антуражем баллад, вселяет мысль о поэтической универсальности. («Сюжетность», приязнь к переводам — пусть с понятными, советской действительностью обусловленными, оборотами — и свободное владение всем репертуаром русского стиха — константы поэтического мира Самойлова.) Гейне — это острота индивидуального стиля в «общедоступной» (ориентированной на фольклор) форме, сопряжение интимной лирики и повествования (снова баллады!), спасительная и отчаянная ирония (плюс переводческий соблазн от недовольства «русским Гейне»). Есенин — это предельная искренность, нарушение литературных приличий, прививка модернизма (опять-таки в маске «народности»).

Есенина (наряду с Северяниным и Брюсовым — тоже характерные имена; своего рода Гейне и Жуковский русского модернизма) Самойлов называет в числе своих «ранних влюбленностей». В семнадцать лет (к этому моменту юноша, с детства учивший французский язык, имеет некоторое представление о французской поэзии и в какой-то мере знаком с русской классикой) происходит встреча с поэзией Пастернака, после чего Самойлов «года два бредил только его стихами». «Только» — наверно, преувеличение (вряд ли лишь с 1939 года в поле зрения Самойлова попадают Блок, Сологуб, Хлебников, Цветаева, Ходасевич, Гумилев, Ахматова, Мандельштам, о знакомстве с творчеством которых он говорит в других местах), но преувеличение понятное (о первых опытах — 79—80, 63, 85; о знакомстве с поэзией «серебряного века» — 316, 320). Диалог с Пастернаком пройдет сквозь все творчество Самойлова. (К примеру, самоейловское переживание довоенной Москвы кажется отражением московской мифологии Пастернака.) Конечно, он знал Маяковского — кроме прочего, об этом позаботилась советская идеологическая машина, что после сталинской резолюции (декабрь 1935 г.) вводила Маяковского, «как картофель при Екатерине». Знал в той или иной мере современных поэтов — Асеева, Кирсанова, Тихонова, Багрицкого, Сельвинского, Антокольского, Луговского, Светлова, Уткина и др.

В четырнадцать лет (15 декабря 1934 г.) он признается: «Поэзия успокаивает меня. Когда я пишу стихи, то чувствую, что все плохое уходит и остается только легкое и хорошее» (далее размышления о невозможности искусства в условиях любой диктатуры, в том числе и полностью принимаемой «нашей пролетарской», которая нужна, «чтобы задушить врага»). В пятнадцать слышит похвалы профессионального (хоть и молодого) литератора Ярополка Семенова (запись от 14 января 1936 г.; Семенов, подобно многим будущим критикам, одобрил «эпiku» — «Жакерию» и «Спартакa» — и строже отнесся к более «традиционной», идущей «к Надсону», лирике — I, 16, 57—58). В

семнадцать сочиняет «Плотников...» и охотно их читает, должно быть, чувствуя: здесь есть нечто кроме взятых напрокат у мастеров (Багрицкого, Сельвинского, Антокольского) «материала» и «приемов». И это так. В «Плотниках...» сквозь «вкусную» средневековую экзотику, настырную виртуозность аллитераций, «ни на что не похожий» неравнострочный дольник теперь различаешь два самойловских лейтмотива — любовь к «плотской» жизни (отсюда яркость предметного ряда), предполагающая веселую раскрепощенность — и острое чувство конечности земного праздника, тревожное (прикрытое бравадой) заглядывание за черту. В «вийонообразном» удалце угадываются черты других жизнелюбивых и при всем их мужестве страшщихся «тьмы без времени и воли» героев Самойлова (Меншиков, Дон-Жуан, Цыганов, стоящие на пороге небытия и озадаченные роковым «зачем?»). Символично, что и последние стихи Самойлова — о смерти, но смерти «не насовсем и не навсегда», о посмертном чувстве жизни.

Уже осознав себя поэтом (сентябрь 1941 г.), он включает ранние (доифлийские) опыты в тетрадь, на первой странице которой значится: «Д. КАУФМАН. Стихи. 1937—1941. Москва. Пусть эти тексты прикрыты «извиняющимся» подзаголовком «Детские стихи»¹⁵ — включение их в «итоговый сборник» означает, что автор датой своего вхождения в литературу полагает 1937 год. Таково было ретроспективное ощущение — так ли мыслил «юноша, обдумывающий жительство» в 1937 году, мы не знаем.

Во всяком случае, окончив школу в 1938-м, Самойлов выбрал не «вторую профессию» (обычное решение людей, уверенных, что словесность от них не уйдет, а внелитературные навыки пригодятся — так он, например, был путь Слуцкого, поступившего в Юридический институт) и не Литературный институт (то есть четкую профессионализацию), а качественное гуманитарное образование — он поступил в Московский институт философии, литературы и истории (МИФЛИ). Где и осознал себя поэтом.

В многожды описанном «красном лицее» Давид Кауфман быстро сходится с Павлом Коганом и Сергеем Наровчатовым. Они наносят визит Илье Сельвинскому (бывший лидер конструктивизма и оппонент Маяковского воспринимается как патриарх — хотя ему еще нет сорока, но патриарх живой и деятельный; к «небожителю» Пастернаку зачарованные его стихами ифлийцы не пошли) и получают его благословение. Они участвуют в работе семинара Сельвинского при Гослитиздате. Они осваиваются в литературной Москве. К осени 1939 года в это содружество входят Михаил Кульчицкий, Борис Слуцкий и Михаил Львовский (позднее поэзию оставивший). В компании, осознающей себя авангардным отрядом новой поэзии («поколение сорокового года») наш герой — младший (два года и даже год в юности создают ощутимую дистанцию). Расхождение с предыдущим поколением сводится к вопросу «воспевать время или совершать его». «Совершать» — значит не следовать за безусловно верными партийными директивами, но смелым «словом» выполнять поставленную историей задачу. Свою «философию» шестерка именует «откровенным марксизмом». Они полагают, что, «принимая на себя гражданскую мис-

сию, вправе рассчитывать на откровенность власти», они готовы «стать посредниками между властью и народом». В этом контексте идет обсуждение пошедшего на убыль большого террора — ищутся таинственные оправдания процессов 1937 года. «В общем, мы принимали 37-й с оговоркой, что истинный его смысл не может быть сейчас открыт, но он несомненно существует и является частью необходимой стратегии. Подробное разбирательство и окончательную оценку мы оставляли "на потом" — на после войны, после победы» (114—117, 140, 144).

Императив гражданского служения задавался и интеллигентскими традициями, предполагавшими различие «власти» (которая всегда — а не только в советском обличье — не хороша) и «общества», для блага которого интеллигенция существует, и гегельянским оправданием действительности, и памятью о профетической миссии русского литератора, и модернистской тягой к переустройству бытия, и острым предчувствием войны (собственной гибели). Поворот идеологической системы к патриотизму не отменял прежних интернационалистских утопий: коммунистическая Россия мыслилась прообразом будущей свободной и единой планеты, русская история — важнейшей составляющей общего движения к коммунизму, а интимное чувство к Отечеству предполагало столь же пламенную любовь к человечеству. Этот комплекс идей виден в стихах Когана и поэме Кульчицкого «Самое такое», ориентированной на Маяковского — автора «Владимира Ильича Ленина» и «Хорошо!». Для «поколения сорокового года» гражданственность не отрицала, но предполагала эстетическую новизну, резкость, дерзость. Учиться которой следовало у того же Маяковского. Или у Сельвинского, претендующего (тщетно) на то, чтобы занять вакансию «государственного поэта», оттеснив Симонова (советского Гумилева) и Твардовского, чуждого (с точки зрения «наследников модернизма») всякому новаторству.

Характерно, что в 1940 году Самойлов испытывает разочарование в Пастернаке (что не мешает присутствию в предвоенных стихах «пастернаковских» ходов). Оказавшись в ИФЛИ, он вдруг понял, что его «избирательное сродство» со старшим поэтом слишком хорошо вписывается в интеллектуальную моду — и не захотел быть вместе со «снобами». Официальная критика Пастернака, видимо, интерпретировалась как еще одна «историческая необходимость» — примерно так Самойлов воспримет в 1946 году погромное постановление ЦК о журналах «Звезда» и «Ленинград». Было здесь и нечто перекликающееся с самоощущением самого Пастернака, в 1941 году резко сменившего стиховую манеру. Самойлов, однако, судя по его дневникам, не заметил (или не оценил) новые стихи Пастернака — как те немногие, что были напечатаны в журналах 1941 года, так и вошедшие в сборники «На ранних поездах» (1943) и «Земной простор» (1945). Точно так же он пропустил сборник Ахматовой «Из шести книг» (1940), ставший для многих крупнейшим литературным событием.

Его искания об эту пору связаны с Хлебниковым, что видно в «Падении города (Мангазеи)¹⁶» и «Пастухе в Чувашии», строки которого «Я подражал "Цыганам" Пушкина / До третьих петухов» хорошо вписывается в хлебниковский контекст. Подобно Алеко и Вели-

миру, герой постигает свободу в блаженном беспорядке «первично-го мира», в общении с «божественным язычником» (ведуны и шаманы Хлебникова повторяют пушкинского старого цыгана). Не известно, знал ли поэт тогда статью Тынянова «Промежуток» (скорее, не знал), но мыслил он сходно с заключением ее 8 главки: «Нам предстоит длительная полоса влияния Хлебникова, длительная слайка его с XIX веком, просачивание его в традиции XIX века, и до Пушкина XX века нам очень далеко». Примечательно, что интерес к Хлебникову сопутствует вниманию к русской классике, не привлекаемой некоторыми ифлийцами, и корреспондирует с выявившимся на войне увлечением фольклором. Не менее примечательно, что, приобретая в зрелости репутацию адепта классики, Самойлов сохранил любовь к русскому авангарду вообще и Хлебникову в частности («Ах, бедный современный гений...», «Маяковский отмаячил...», «Хлебников»). Это заставляет вспомнить другой тезис статьи Тынянова: «Молчаливая борьба Хлебникова и Гумилева напоминает борьбу Ломоносова и Сумарокова. И, вероятно, в той и другой борьбе была доля любви»¹⁷.

Молчаливая борьба Хлебникова и Гумилева пережила 1920-е годы и зачастую шла в сознании одного конкретного поэта. (Примеров — с очень разными результатами — множество: от Мандельштама до Тихонова, Антокольского, Липкина.) «Патриотический историзм» рубежа 1930—1940-х годов нуждался в «выправленном» Гумилеве (ясность, энергия, сюжетность плюс обращение к национальной истории). Отсюда успех точно угадавшего социальный заказ Симонова — автора поэм «Ледовое побоище» (1938) и «Суворов» (1939). Неудивительно, что Самойлов, мечтающий (хотя и иначе, чем Симонов) о соединении национальной идеи и интернационализма, пишет выдержанную в гумилевской (если не брюсовской) тональности «Софью Палеолог» — единственное довоенное стихотворение, включенное им в первый сборник «Ближние страны» и открывающее дорогу дальнейшим опытам о русской государственности: «И был уже неоспорим / Закон меча в делах условных... / Полуулыбкой губ бескровных / Она встречала Третий Рим»¹⁸.

Хотя стихи 1939—1940 гг., как кажется, содержат куда меньше «собственно самойловского», чем «Плотники...» и стихи, написанные на войне, ифлийский период сыграл важную роль в судьбе того, кто стал Давидом Самойловым. Во-первых, он — частью благодаря поддержке друзей, благословиению Сельвинского, публикации «Охоты на мамонта» в «Октябре», вхождению в литературные круги — осознал себя поэтом. Во-вторых, он понял, что суть поэзии не в следовании одной и только одной выработанной манере (так наметилось одно из расхождений со всегда узнаваемым, ни на кого не похожим, «авангардным» Слуцким). В-третьих, трезво оценив позднее тот штурм литературных высот, что был предпринят «поколением сорокового года», он выработал стойкую неприязнь к любым скороспелым «ренессансам», «переворотам в поэзии», предполагающим ставку на более или менее узкий круг «новых» авторов¹⁹.

Не попав на финскую войну, Самойлов и в Великую Отечественную на фронте оказался не сразу. Летом 1941 он рыл окопы в Смоленской области и, заболев, вернулся в Москву. Несмотря на полученную отсрочку пытался вместе с Коганом поступить на курсы военных переводчиков. Пережил в Москве страшное начало октября, когда казалось, что город, брошенный властью, будет сдан немцам. В эти дни он переводил «Пьяный корабль» Рембо, что соответствовало атмосфере общего безумия. Тогда же встретился со Слуцким, уже побывавшим на фронте, раненым и прошедшим госпиталь (128, 158)²⁰. Дальнейшее — эвакуация в Самарканд, поступление в военно-пехотное училище (июль 1942 г.) — служба в пулеметном расчете на Волховском фронте (прибыл на передовую 13 сентября 1942 г., ранен в бою 26 марта 1943 г.) — красноуральский госпиталь — тыловая служба в Горьком — служба в разведроте на 1-м Белорусском фронте (с апреля 1944 г.) — Белоруссия, Украина, Польша, Германия — частично отражено в дневнике (I, 150—226; здесь же впечатления от прочитанного, записи солдатских разговоров, историй, словечек, литературные планы) и подробно описано в мемуарах (181—289).

Война, вырвавшая вчерашнего студента из семьи и дружеского круга, учила разом принадлежности целому (России, которую он впервые увидел и прочувствовал) и одиночеству (письма от друзей доходили редко; весть о гибели Павла Когана всерьез ударила по творящей легенде о союзе поэтов; короткий визит в Москву отозвался горечью — см. «Прощание»). Новый опыт сказался в стихах 1944 года, когда Самойлов, вновь попавший на передовую, пережил взлет творческой активности. Из более ранних стихов значимо «Слово о Богородице и русских солдатах» — первый самоейловский опыт претворения фольклора в личную поэзию. При очевидной дистанции меж автором и почти лубочными персонажами финал здесь освещен песенной общностью:

Не сказала ни слова, пригорюнилась Пречистая

И опять дорога.

Опять поле чистое.

Идут солдаты страной непогожею.

И лежит вокруг осень

мокрой рогожею.

Какие солдаты? Из сказки, где можно вернуться с того света (ср. главу «Смерть и воин» в «Василии Теркине» Твардовского)? Те, что рассказывают сказку? Или московский умник, способный завершить фольклоризированный текст резким модернистским сравнением? В том и дело, что у всех одна дорога. Если в послании к «книжной героине» последовательно стилизуется пушкинский канон («Прости мне горькую досаду...»), а «я» воспринимается как автор, то в «Стихах о солдатской любви» автор растворяется в обобщенном солдате: «мужик» и угадываемый «студент» одинаково нуждаются в минутной

женской ласке, временном пристанище на долгом пути, чуде, о котором завтра останется лишь воспоминание. Доброе или злое. Чувствуя боль догадки солдата о том, что пока он милуется с «чужой», его жена или возлюбленная тоже кого-то утешает (при этом всякий дорвавшийся до ласки солдат женщин мстительно мучает), слившись с персонажем (поэтому в «Стихах о солдатской любви» возникает местоимение первого лица — «Я душу с тоски разую...»), поэт в последней строфе говорит об *общей* доле: «И нет, не бредить снами, / Покуда беды дуют / И вся Россия с нами / Во весь простор бедует». В следующем стихотворении («Как смеют женщину ругать...») поэт, не «воспитывая», а утешая товарища, что прикрывает муку бравадой и бранит баб шляхами, вновь говорит о глубинном тождестве своего «я» и «адресата». Я такой же. А ты лучше, чем кажется. И потому, что был «не по-здешнему хорош» в бою, и потому, что я чувствую ту же боль, а значит и тебе доступны высокие чувства²¹.

С этих стихов начинается сюжет «временного дома», короткой, обреченной и — вопреки всему — счастливой любви, что не спасает от необходимости идти дальше, выполняя солдатский (или какой-то иной) долг. Эта тема организует цикл «Дорога на Польшу», где в первых двух стихотворениях возлюбленная оказывается мнимой, ее короткая любовь — маскировкой (потому что завтра она будет ласкать тех, кого действительно любит — наших врагов; отсюда путь к «Бандитке», задуманной тогда же). Эта тема возникает в «Доме на Седлецком шоссе», где Мариша обречена ждать растворившегося в пространстве «российского жолнежа», заменой которому станет «скуповатый хуторянин». Эта тема, лишившись эротической окраски (речь идет лишь о временных приютах во враждебном и зовущем пространстве чужбины), сквозит в других «польских» стихах. Ее предварительный итог подведен в «Божене», где нет ни умолчаний, ни указаний на коварство героини, ни подмены своей тоски тоской оставленной возлюбленной.

В зрелости Самойлов постоянно возвращался к этому смысловому комплексу. «Запавшее» в 1944 году «очнулось» в «Полночь под Иван-Купала», втором из «Стихов о Польше» (так и названном — «1944»), «Что надобно солдату...», «Вале-Валентине», поэмах «Ближние страны» (особенно глава «Помолвка в Лейпциге», где герой вписывает в альбом временной подружки: «Фройляйн Инге! Любите солдат, / Всех, что будут у вас на постое») и «Снегопад»²². Те же мотивы (иногда и без «военного» контекста) легко увидеть в любовной лирике, где высшее чувство мимолетно, где невозможно вернуться к былой возлюбленной («Средь шумного бала...»), где за счастливую легкость быстро сменяющихся влюбленностей («Я никогда не пребывал...») приходится платить осознанием муки оставленной (умершей) женщины и предчувствием нелюбви. Долг солдата и воля бродяги одинаково уводят от «обычного счастья», а разумные соображения не могут справиться ни с новой страстью, ни с черной ревностью, ни с душасцей виной. (Линия начинается еще до «Пярнуских элегий» и не заканчивается на «Беатриче»; хотя в этих циклах она явлена всего резче.) И зная все это, поэт не устает благодарить судьбу за подаренные мгновения — более того, видит в них залог оправдания, схожего

с оправданием Фауста: «Может, простится мне, / Грешной моей душе, / За то, что пять счастливых дней / Мы провели с Антониной. / И были совсем счастливы. / И больше уже не видались» («Памяти Антонины»).

Нарочитая грамматическая двусмыслица заставляет колебаться: то ли поэт говорит, что будет все-таки прощен, хотя и согрешил, то ли, что он будет прощен именно за это греховное счастье, за полноту «пятидневного» чувства. Но общий контекст заставляет принять второй вывод, помня о мерцающем первом — всегдашнем самойловском сострадании к оставленным (здесь вновь вспоминается «раненый женской долей» Пастернак, автор «Второго рождения» и «Доктора Живаго», переводчик «Фауста»).

Тянутся, от стихов 1944 года и другие нити, часто, впрочем, сплетающиеся с «любовной». Счастье «передышек» на большой дороге преображает солдата в вольного странствующего, образ которого будет всплывать постоянно. Например, в «цыганских» стихах 1980-х годов, где мечта о спасительной воле («жаль, что меня не украли») подсвечена безнадежностью («И звучит эта нота, / Когда уже жить неохота» — «Цыгане»). Цыганская свобода (свобода скоморохов из одноименных стихов или героев «Последних каникул», за которыми скрыта свобода любого артиста) пленяет как последний и обреченный рывок. В цыганско-каникулярном мире царят известные еще первооткрывателю темы «страсти роковые» («те же», что и в обыденном мире — «Андалузская баллада»), вольная пляска вершится под звон монетки (хоть и с оговоркой — «Водил цыган медведя...»), человек цивилизации может лишь прильнуть к веселой вольнице, но после будет обречен на слезы об утраченных (недостижимых) свободе и любви («Играй, Игнат, греми цимбал...»). «Цыганщина» — оборотная сторона служения. Это сказка, которую можно рассказать («Притча о сыновьях Уцы»), но нельзя сделать былью. Если, конечно, ты не безумец, вроде старика из «Фантазии о Радноти»²³.

Невозможность стать «цыганом» усиливает необходимость солдатского «роздыха», хотя бы «блаженного сна на сто минут». Эта строка из «Звезды», которую Самойлов в сборнике «Залив» поставил непосредственно перед посвященным Льву Копелеву «Часовым». Часовой, будь то солдат на войне или затравленный инакомыслящий в брежневском СССР (в дальнейшем Копелев в дневнике и переписке с Л. К. Чуковской будет именоваться «Часовым») имеет право на передышку, но не более — он должен вернуться на пост. Организуя первую строфу тезис «нельзя не сменять часового» поддержан строфой второй, «уютной», лексически отсылающей к «Василию Теркину», но в третьей (часовой законно уснул) возникает память о прошлом холоде (предчувствие холода нового), а ненавязчивые аллитерации готовят ударное слово «долг», что с неизбежностью озарит концовку: «Пусть тело, что тыло и дрогло / Задремлет — и вся неДоЛга, / Забыв о величии долга, / Не помня себя и врага».

«Забывается» тело («Нельзя человека живого / Во всем уподобить кусту»), душа знает, где ее место. Поэтому «Звезда» с ее высокой, чуть архаизированной лексикой и кольцевой композицией («блаженный сон» обрамлен строфами о торжественном бдении, о вол-

шебном свете звезды, которая, по Канту, так же удивительна, как нравственный закон) не ослабляет «Часового», а принимает его как частность: «Но я еще вернусь к рассвету, / На пост. Звезду увижу эту. / Она как свет в окне жилья. / Не знаю, кто она такая, / Зачем она стоит, сверкая / И на меня покой лия». Покой долга выше блаженства, как «обязанности выше прав», хотя в поэме «Юлий Клоппус» эта чеканная формула и снижена ироничным вопросом с тавтологической (по-пушкински) рифмой: «Скажите, разве я не прав?»

Две ипостаси Самойлова, условно говоря, «стоическая» (строгий мастер, «послушник ясновидца») и «эпикурейская» (дон-жуан, гуляка, остроумец, сделавший поэзию игрой), растут из одного солдатского корня²⁴. Но здесь же исток еще одной, быть может, важнейшей ипостаси поэта — музыкальной. Все в том же 1944 году Самойлов пишет жесткое послание «Пастернаку» и первое стихотворение диптиха «Катерина». Их общая тема — конец старой музыки, «музыки во льду» из «Высокой болезни» и неназванной, но угадываемой «музыки над нами» мандельштамова «Концерта на вокзале» (1921), что отзывается в строках «Есть где-то в мире Бах и власть / Высокой музыки над сором». Пастернака поэт-солдат пытается обвинить: его «музыка» не соответствует ужасу войны («Мы там без музыки вмораживали трупы») и уступает незатейливым звукам «гармошки вятской» (тоже, видимо, недостаточным). Пастернак оказывается ответственным за утрату музыки, без которой, как следует из концовки, существовать нельзя. Строки «Нельзя без музыки!.. / Но где она такая?» отсылают к концовке статьи Гоголя «Скульптура, живопись, музыка»: «Но если и музыка нас оставит, что будет тогда с нашим миром?» (Гоголевский миф о музыке усвоен скорее всего сквозь призму пореволюционной прозы Блока о «музыке революции»). Инвектива удается не вполне, ибо вязнет в пастернаковских же реминисценциях. (См. также «Вы просите стихов. Их нет...» с прямой ориентацией на «Высокую болезнь». «Неужто называть стихом / Печные трубы при глухом / Проселке, тусклые кресты / На перекрестках, мертвый танк...» прямо вырастает из «Уместно ль песнью звать содом, / Усвоенный с трудом / Землей, бросавшейся от книг / На пики и на штык».) Отношения с Мандельштамом сложнее: наряду с «Концертом на вокзале» (окрашенном той же гоголевско-блоковской тревогой) для «Катерины» значимо стихотворение «В тот вечер не гудел стрельчатый лес органа» (1918), где органу противопоставлены песни Шуберта, чьим эквивалентом у Самойлова становится квазинародная песня («скомороший визг баяна»), которой, однако, (в отличие от ледяного органа) есть дело до любви. Новая музыка (новая поэзия) должна быть «народной», но впитавшей «индивидуальные» начала; нынешние песни — это лишь ее предвестье. Мечта о синтезе фольклорного и личностного окрасит все творчество Самойлова²⁵, а женское пение (иногда заменяемое пением мужским, просто музыкой, соловьиными руладами) станет символом высшего единства искусства, любви и жизни²⁶.

Обнаруживая в военных стихах зерна будущих главных текстов Самойлова, заметим, что в них же формируется самоейловская поэтика. Столь значимая до войны установка на то, что Самойлов (вслед за

критиком Игорем Шайтановым) называл стихом «одноразового использования», то есть стихом, «который принадлежит только данному поэту и никому другому» (146) перестает доминировать. Из известных нам опытов военных лет резко уклоняются от классического канона лишь четверостишие «Отступление», полиметричные «Слово о Богородице и русских солдатах», «Стихи о солдатской любви» и «Божена», да «Муза», где дольник первой строфы переходит во второй в чередование четырех- и трехстопных анапестов, заостренное дактилической рифмой, что должна восприниматься как раритетная и индивидуальная (а на самом деле пришла от Пастернака²⁷). Теперь (и так будет в дальнейшем) Самойлову нужно вышивать свой узор по знакомой канве, сдвигать акценты, превращая «старый» стих в стих «свежий». Всего нагляднее тут рифмы. Поэт систематически отказывается от правила альтернанса, составляя четырехстопные ямбы перекрестной рифмовки со сплошными мужскими окончаниями («Как пахнет Самарканд зимой...», «1942»²⁸), пятистопные хорей — со сплошными женскими («Девочка», «Мария»), трехстопные амфибрахий — с чередованием строф со сплошными дактилическими, сплошными женскими и хранящими норму альтернанса («Дом у дороги») и (особенно часто!) четырехстопные ямбы со сплошными женскими рифмами (еще менее привычными, чем сплошные мужские): «О, нужно ли спускаться с Марса!..», «Рубеж», «Вдохновение», «Нет! Мы не просто честолюбцы!..», «Мы в старый дом вошли. А стужа...»; сюда же примыкают написанные сразу после войны «Зачем кичимся мы и спорим...» и «Бандитка». Этим размером Самойлов напишет едва ли не самые эмблематичные и известные стихи — «Сороковые» (одно разнообразящее рисунок двустипье с дактилическими окончаниями: «Где извещены похоронные / И перестуки эшелонные») и «Перебирая наши даты»²⁹. Такая — изощренная и прикровенная — работа по превращению «общего» и узнаваемого стиха в «свой» проявится и в ритмике³⁰, и в фонике и паронимии³¹, и в стиле. Поэтический мир Самойлова будет расти и усложняться, но путь, по которому поэту предстоит двигаться, был в 1944 году уже найден. Как и тип поэтической речи, который Самойлов не без лукавства опишет шестнадцать лет спустя:

Стих, небогатый, суховатый,
 Как будто посох суховатый,
 Но в путь с которым я иду,
 Он мне годится для опоры...

(«Стих, небогатый, суховатый...»)

Слово «традиция» здесь не произнесено, но присутствует, благодаря мотивам «пути» и «опоры»³².

Самообретение поэта было неотделимо от «предвестия свободы», о котором говорит Пастернак в эпилоге «Доктора Живаго». Отсюда особое чувство Самойлова к годам войны. «Вот ощущение: война и молодость словно слились для Самойлова в таком свободном и гармоническом единстве, что война и осталась у него символом этой

легкой, просторной, светлой, почти веселой свободы» — писал Л. А. Аннинский, обрामив правдоподобное, но неточное суждение цитатами из «Сороковых» и поэмы «Ближние страны»³³. Понять можно: критик не знал ни ранних (оставшихся ненапечатанными) опытов («Стихи солдатской любви», «1942», обе «Атаки»), столь же физиологически конкретных, что и памятные стихи Гудзенко или Слуцкого, ни стихов, появившихся позднее. Мы их теперь знаем. Как знаем, что в один и тот же день — 5 января 1946 г. — появились строки: «Измучив рифмами мечты, / С войны пришедшие солдаты / Прорвем плотины немоты» («Я верю в нас. И это свято...») и дневниковая запись: «Шакалы набросились на войну, как на труп лошади. Когда они все съедят, жить им будет нечем» (I, 227). Уже тогда Самойлов прозорливо опасался дискредитации и упрощения «военной темы» — в «Памятных записках» он скажет об этом предельно жестко:

«Подражатели Льва Толстого в отдельных случаях могли копировать его интонации и повторять его ситуации, не понимая истинного значения нравственной позиции Толстого по отношению к войне, проявившейся уже в «Севастопольских рассказах». В сущности же, наша военная литература стоит на точке зрения иронической солдатской формулы, принятой всерьез: «война все спит».

Нет, не спит! Не списала» (217).

В искореженном цензурой «Семене Андреиче» чувство гармонии возникает, но как чудо, не закрывающее кошмар войны («И все же были такие минуты...»), а фольклорное (не без хлебниковских обертонов) превращение подвига в песню не отменяет скорби по оставшемуся у пулемета другу. В «Сороковых» важна не только когдатопная «легкость», но и сегодняшнее изумление от того, что удивленное «А это я на полустанке» и самоубеждающее «Да, это я на белом свете» заставляют вспомнить «Перед зеркалом» Ходасевича (его отголоски есть и в других стихах Самойлова). Строка «И все на свете понимаю» полнится горькой иронией. Мажор «Сороковых» неотделим от минора «Перебирая наши даты...». И все же Самойлову потребуется еще раз «прописать» (усилив мотив обманчивого всепонимания юности, но не отказавшись от восхищения смешной и светлой наивностью) свои «фирменные» стихи в «Пушкине по радио».

Сущностная бесчеловечность войны явлена Самойловым в «Поэте и гражданине» и «Дезертире», закономерно вызвавших противодействие цензуры и пришедших к читателю не без смысловых потерь. В первом «рылеевско-пушкинско-некрасовское» название введено вовсе не ради шутки (в гражданине нет ничего «гражданственного»; высокое слово стало бесцветным обращением), как не для «оживляющего действие» каламбура возникает в нем Лорка. Поэт слышит в имени официантки фамилию трагически погибшего собрата, воспоминание о его судьбе и стимулирует рассказ о походе расстрелянном немце. Немце, о котором ничего неизвестно, но который тоже мог быть поэтом. Поэтому финальная строка — «Это был не я» — означает не только то, что теперь поэт стал другим человеком, глубже понимающим, что же когда-то случилось, но и нечто вроде «тогда убили не меня». А могли бы. Поэты, действительно, рождены «не для битв... для молитв», но это же относится и к

прочим гражданам. Вопрос гражданина («Ты это видел?») тоже двоятся. Он может означать — «Неужели ты и впрямь видел такой ужас? Да не выдумка ли это?». Но может быть прочитан иначе — «Значит, ты видел, как я расстрелял этого немца?» Два прочтения не отрицают, но дополняют друг друга. Гражданин либо живет, не зная, что «это» — было, либо, совершив «это» (исполнив то, что полагал долгом), о случившемся забывает. В любом случае он (до рассказа поэта — вопрос о том, произойдет ли потом что-то с гражданином, Самойлов оставляет по-пушкински открытым) не чувствует своей причастности общей вине («война все спишет»). Чем и отличается от поэта, видящего в каждом убитом — брата (здесь мысль о родстве всех поэтов преобразуется в мысль об общечеловеческом единстве, преступлением против которого является война). Некий человек был бездействующим свидетелем, а значит и пособником убийства — он стал поэтом, потому что не просто «это видел», но не может об «этом» забыть, живет с неугасающей виной.

И с неугасающим состраданием к жертвам. Выскочивший из окружения дезертир, привалившись к стогу сена, испытывает «чувство движения к небу» — поэт наделяет персонажа той причастностью высшей гармонии, что гениально выражена Фетом в «На стоге сена ночью южной...», «почти пересказывая» верлибром памятные строки: «Я ль несся к бездне полуночной, / Иль сонмы звезд ко мне неслись?» Но чем ближе сходство, тем страшнее различие: дезертир не подобен «первому жителю рая», его сопричастность космосу и высшей свободе мнима, а потому «движение к небу» не может стать «движением к дому» — дважды повторяются слова «дома себя не увидел». Бесценность жизни бывшего крестьянина (равного великому поэту — для того и нужны фетовские реминисценции) перечеркнута войной, а попытка вырваться из войны расчеловечивает несчастного беглеца. Он больше не крестьянин (идиллические картины живы только в памяти), у него больше нет дома — он обреченный преступник. Финальный крик совы не сулит ничего доброго тому, кто спасает себя, когда «фашисты наших бьют».

Как мог Самойлов совмещать сознание абсолютного ужаса войны (очевидное уже в «Семене Андреиче») с тем действительно счастливым чувством, которое есть — при всех оговорках — в «Сороковых» и без которого не было бы «Звезды», «Часового», «Пушкина по радио»? В том ли только дело, что война совпала с юностью? Три взаимооточняющие версии ответа даны в «потаенных» стихах, где военное прошлое соотнесено с послевоенным настоящим и туманным будущим. Проще всего в «Если вычеркнуть войну...» «Останется негусто»: вина, самообман, страх, эгоизм. Война ничего не списывает — она не искупление, а «что-то вроде искупленья», доблесть фронтовиков — не гражданская, а «как бы гражданская». Здесь слышится полемика — скорее всего, со Слуцким, автором «Ордена теперь никто не носит...» и «Бани» (ср. «Мы помалкиваем или / Кажем раны и рубцы»), но к ней дело не сводится. «От стыда и от досады» военными воспоминаниями не спастись, но война остается единственным опытом свободы.

Советская не-свобода чревата завтрашней войной, а «Та война, что когда-нибудь будет, — / Не моя это будет война». Здесь предчув-

ствии грядущих катаклизмов, которые уже невозможно будет оправдать, сливаясь с переживанием современности как ныне идущей войны — беззвучной, но не оставляющей шансов. «Та война, что меня уничтожит, / Осторожно и тихо идет». Уже! «Все сначала она подытожит, / А потом потихоньку убьет».

А потому спастись от страха, от чьих-то «задумчивых шагов по первопутку», от понурого «опыта четырех десятилетий», от мнимо выручающих юмора и водки можно только броском в прошлое — «А хорошо бы снова на войну» («Пью водку под хрустящую капустку...»). В этом «хорошо бы» достаточно горечи — и не только потому, что время необратимо.

Одной из последних самойловских оглядок стала «Валя-Валентина», написанная в День Победы. Здесь есть военный ад («...комсомольский секретарь / Кишки запихивает в рану...»), есть военный суррогат рая (госпиталь с ангелической сестрицей) и есть невозможность вернуться к тому самоощущению. Раненый солдат мог тешиться иллюзией — «И вроде с Родиной в расчете». Ныне понятно, что и тогда было только «вроде».

Возвращаясь с войны, поэт ждал совсем другого. Но и тогда он понимал, что отгремевшими героическими годами его судьба не заканчивается. Первое «итоговое» стихотворение («Так рубят лозу на скаку...») держится рефреном «И этим не кончилась повесть». Открытость будущему станет константой и позднейших «итоговых» стихов — «Сорок лет. Жизнь пошла за второй перевал. / И не допита чаша сия» и «Пой для храбрости, идя в долину, / Пой погромче, унимая дрожь. / Или помолись отцу и сыну / И тогда, наверное, дойдешь» («Я уже за третьим перевалом...»).

...

Послевоенное семилетие — период темный во всех отношениях. Самойлов вел дневник в 1946-м (до сентября), 1948-м и самом начале 1949-го годов, а возобновил его только в 1954-м. В мемуарах он говорит об этом времени куда скупее, чем о юности и войне. Оптимистический настрой победителя, готового «прорвать плотины немоты», жестоко корректируется политическими и литературно-бытовыми реалиями. В первой половине 1946 года поэт остро переживает несозвучность со сверстниками, названными «четвертым поколением» (Гудзенко, Межиров) — «Поэзия стала скучным эстрадным номером». После «знакового», призванного констатировать высоту и единство поэзии вечера в Колонном зале он пишет о выступивших там Ахматовой и Пастернаке отчужденно, о Сельвинском — полупрезрительно (несмотря на личную благодарную приязнь), об Антокольском — просто грубо (I, 227, 231; записи от 5 января и 4 апреля 1946 г.). Судя по всему, ему не были близки новые стихи Твардовского («Дом у дороги», позднее высоко Самойловым ценимый) и Исаковского («Враги сожгли родную хату...»), которые современный исследователь ставит в ряд с «новой лирикой» Заболоцкого и первой песней Окуджавы, что писались тоже в 1946 году, а «литературными фактами» стали

десять лет спустя³⁴. Видимо, не замечается и обновление голоса Пастернака. От поэзии «откровенный марксист» ждет мысли — исторической, социальной и политической.

Отсюда — попытка позитивного толкования постановления ЦК о журналах «Звезда» и «Ленинград», предпринятая в разговоре с Наровчатовым и развитая уже втроем (к друзьям присоединился Слуцкий). Самойлов вспоминает: «Мы не хотели сильно обижать Ахматову, Зощенко или Пастернака (после постановления он откажется от публикации антипастернаковских стихов, не захочет включать свое искреннее — в другом контексте выросшее — порицание в хор обличений по команде — А. Н.), но считали, что обижают их из тактических соображений. И гордились тем, что умеем отличать стратегию от тактики <...> Тактика оказалась стратегией. И те, поруганные и ошельмованные, были за то и поруганы, что поняли раньше нас смысл стратегии. Опыт и талант придали им силы устоять, противостоять, остаться самими собой и приготовиться к следующей эпохе лучше, чем мы, потратившие столько сил в поисках откровенности и доброго смысла там, где была сплошная ложь и злонамеренность» (159).

Сил было потрачено с избытком. Дневник 1948 года — хроника отнюдь не «приспособленчества» (Самойлов не рвется в печать; он манкирует занятиями и в итоге не получает диплома; резко отзывается о литературских нравах), но стремления оправдать Историю и с ней слиться, перевести «ряд политических убеждений в ряд поэтических ощущений». Вновь, как в беседах 1946 года, повторяется мысль об особом пути России и ее предшественницы Византии (если в России произошла пролетарская революция, то это свидетельство превосходства русской культуры). Самойлов ищет (и как бы обретает, укорив себя за «заблуждения этих двух лет» — стало быть, были «заблуждения»!) простую истину: «Людам нужно показать <...> что любой партийный лозунг таит в себе поэзию...» (I, 237, 238—239, 245, 247, 258—259). И в то же время... Дело даже не в трезвых оценках Сельвинского и Тихонова или возмущении статьей Тарасенкова, хулящей Хлебникова, брезгливом взгляде на молодого поэта, изготавившего стихи о нефти, или неприятии первой книги Наровчатова (ближайшего друга!), название которой «слишком многое напоминает» (I, 237, 250, 252, 254—255)³⁵. Дело в том, что, заблуждаясь, Самойлов не переставал думать. И писать стихи, невозможные для печати. Позднее, под впечатлением от повести Л. К. Чуковской «Софья Петровна» он запишет: «Как мы все не сошли с ума? Или мы сходили с ума и десять лет были безумны? Я прозрел в 48-м году (по стихам судя — раньше)» (I, 303; запись от 30 сентября 1962; ср. ретроспективную оценку «Бандитки»: «мои ощущения всегда были верней и четче мыслей» — 249).

Стихов тех лет до нас дошло немного — около полусотни (причем началом 1950-х датированы считанные тексты), что, учитывая дальнейший опыт Самойлова (да и урожайное трехлетие — 1944—1946), не может быть случайностью. Невозможность публикаций (за эти годы тиснения удостоились лишь семь опусов, два из которых исполнены в соавторстве) и работа над переводами в конце 1940-х — начале 1950-х к ощущаемому спаду лирики имеет лишь косвенное отноше-

ние. Сознательно не желая быть лириком, Самойлов пытается писать поэмы (в том числе о детстве Ленина — вот она, «большая история», прямым ведущая к революции; чем-то подобным будет двадцать лет спустя заниматься Евтушенко в «Казанском университете») и планирует роман. Замыслы остаются нереализованными.

Напрашиваются слова о паузе, о накоплении мысли, что потом обернется стихами, но такая характеристика страшного семилетия будет неточной. И не только из-за сходства с типовыми зачинами статей о Самойлове, на которые были обречены критики, работавшие при советской власти. Даже назвав паузу «вынужденной», напомнив об антисемитизме рубежа 1940—1950-х, о тотальной подлости литературных нравов (точно отвечающих партийной политике), мы рискуем упустить нечто очень важное — несколько стихотворений, вошедших в «золотой корпус» Самойлова. Это «Семен Андрейч», свободное фольклорное дыхание которого потом отзовется в «Цыгановых». Это «Элегия», где сплетаются отвращение к литературным стандартам и симпатия к простодушным обывателям, которые хотят, чтобы любовь завершалась браком, а свет торжествовал над мраком — и поэт с удивлением чувствует основательность их смешных резонов. Это «Стихи о царе Иване», работая над которыми Самойлов думал не столько о Грозном, сколько о Сталине.

Аналогия, любезная самому Сталину и ставшая отправным пунктом для фильма С. М. Эйзенштейна, романной трилогии В. И. Костылева, драматической дилогии А. Н. Толстого, пьесы Сельвинского «Ливонская война», пьесы В. А. Соловьева «Великий государь» и др., вовсе не подразумевала вуалирования жестокости Ивана. Напротив, Грозный являлся там во всей грозе; его деяния не подлежали обсуждению («историческая наука» уже доказала их целесообразность), но предполагали *сочувствие* царю. Несущему на своих плечах тяжелейший груз. Окруженному предателями. Вынужденному опираться на палачей, а потом их же казнить (дела Басмановых и Вяземского — аналогия с судьбами Ягоды и Ежова здесь не могла не ощущаться). Страдающему от одиночества (смерти Анастасии у Эйзенштейна и Марии Темрюковны в «Орле и орлице» А. Н. Толстого должны были напомнить о смерти Аллилуевой). Мучающегося из-за пролитых (по необходимости!) рек крови. Знающему и о трудной доле простого народа, и о том, что народу этому его — великого государя — помыслов до конца не понять. Создавая «сложный и противоречивый» образ Грозного, советский автор свидетельствовал, во-первых, о своей допущенности к высшим тайнам, а во-вторых, о «зрячей любви» к Сталину. Если в произведениях о новейшей истории Сталин представлялся лицом идеальным, то сочинения о Грозном (наряду с анекдотами, где Сталин, как правило, зловец и «по-народному» мудр) были призваны напомнить, что Отец и Хозяин тоже человек. (Зашедший по этому пути слишком далеко Эйзенштейн был своевременно одернут.)

Все черты мифа о Грозном в самоеловских стихах на месте А «очеловечивания» не происходит. Не только в «Смерти Ивана» (выбор сюжета сверхрискованный — Сталин умереть не может), что, скорее всего, была написана после «прозрения». (Самойлов вспоминает разговор со Слуцким в 1951 году; на вопрос «Ты любишь Стали-

на?» Слуцкий отвечает: «В общем, да. А ты? — В общем, нет» — 164). Не только в «Томлении Курбского», где сюжет тоже тянет на солидный приговор: если в 1960-х Курбский ассоциируется с Герценом или диссидентами-отъезжантами, то в 1947 году должен был вспоминаться даже не Троцкий, а совсем недавно повешенный генерал Власов. (Если Самойлов тогда не думал о Власове, то это лишь свидетельствует о его внутренней свободе: значит, не думал и о тех, кто мгновенно уловит убийственную аналогию.) Предположим, в «Томлении Курбского» сработал инстинкт драматурга, позволяющего персонажу выговориться, дабы быть опровергнутым. Но в «Иване и холопе» речь отдана как раз царю — холоп произносит лишь пять реплик, четыре из которых подтверждают правоту государя-тезки. Утвердилось, что это и есть «равновесие» двух несовместимых, но сущих прав — и подтверждение тому находили в последней строке: «— Бог разберет, — отвечает холоп». Но ответы холопа не усиливают, а ослабляют монологи царя (и так все понятно), а последний наносит сокрушительный удар. Грозный верил, что, будучи помазанныком, он неподсуден, что действует всегда по воле Бога (о чем и писал Курбскому) — Бог, которого не всуе поминает холоп, выше любого земного властителя: государева правда оказывается сомнительной, сама возможность суда не оставляет камня на камне от системы абсолютной власти, чьим воплощением является Иван (и угадываемый Сталин). Первое стихотворение цикла вроде бы вполне (даже излишне) оправдывает Ивана (потому, вероятно, и не печатал его Самойлов в «вегетарианские» времена), но фольклорный демонизм царя-оборотня («В лесу по-волчьему завой, / В степи по-птичьему вскричи!») действует сильнее, чем наставления («Ты мало грозен был, Иван, / Тебе бы надо быть лотей...»), очень похожие на рекомендации, которые в феврале 1947 года Сталин давал «проштрафившимся» Эйзенштейну и Черкасову (слухи об этой ночной беседе могли дойти до поэта): «Одна из ошибок Ивана Грозного состояла в том, что он недорезал пять крупных феодальных семейств. Если он эти пять семейств уничтожил бы, то вообще не было бы Смутного времени. А Иван Грозный кого-нибудь казнил и потом долго каялся и молился. Бог ему в этом деле мешал»³⁶ (ср. «Иван и холоп»). Царь, то ли предугадывающий советы «преемника», то ли слышащий их из XX века, оказывается не только «лотым зверем», но и человеком потерянным. Убедительность советов пропадает в тумане, торжеством тумана (в котором не сыщешь дороги) стихи и заканчиваются. Как и «Томление Курбского».

Особое значение приобретает вопрос самойловского Курбского: «Гневом Божиим не родятся ль смуты, / Царь Иван, за гибелью твоей?..» История свидетельствует: рождаются. Аналогия становится смертельной. Развита она будет в «Смерти Ивана», где веселье молодого звоняря («А может, и вовсе не надо царей?») должно напомнить о том, что случилось дальше — о Смуте. И подвести к выводу: зло рождает только зло. Бояре, вздыхающие по былому гневу царя, его сыновья, которым «не по чину венец», вольница, собирающаяся на Дон, — вот она держава, которую государь обрек долготу кровавому нестроению. В «Смерти Ивана» основа скептицизма, с которым Са-

мойлов будет смотреть на судорожные и исторически бесперспективные действия наследников Сталина, на их колебания меж «либерализмом» и «закручиванием гаек». Здесь же колыбель тех тревог, что поэт испытывал в последние годы жизни — на заре новых времен. Во мраке последних сталинских лет Самойлов сумел выйти к соединению государственного чувства с чувством нравственным.

Такое соединение не могло формироваться лишь по принципу «от противного». Отсюда упомянутая выше попытка конструирования «ленинского мифа», свидетельством которой стало стихотворение «В переулке московском старинном...»³⁷. Ленин здесь лишь одно из проявлений русской свободы. «Декабристские» сны видел мальчик в «дальнем покое» (отсылка к сну Николеньки Болконского в эпилоге «Войны и мира») — такие же сны снятся сейчас другому «мальчишке суровому», тоже не успевшему на еще одну Отечественную войну, за которой должно последовать освобождение Отечества. «Декабризм» мыслится лучшим воплощением русского духа.

И это не случайно. Дневник 1945 года заканчивается «декабристской» выпиской из Гершензона (предисловие к книге «История молодой России»). Хотя Самойлову важна прежде всего политическая активность декабристов (тут же проецируемая в сегодняшний день: «Совершенный тип человека нашего времени — тип декабриста; но декабриста, пришедшего к власти»), а настроен он пока оптимистично, в дневник заносится и финал рассуждения Гершензона: «когда жизнь поставила на пробу их личное мужество, они во тьме рудников засияли, как драгоценные камни» (I, 226; 26 декабря)³⁸. «Декабристское» самоощущение было естественным для мыслящих фронтовиков, вне зависимости от меры критичности их мысли — будь то Солженицын (уже распознавший в Сталине деспота, но еще верящий в Ленина) или Самойлов с его «откровенным марксизмом» и доверием к власти. (Это прекрасно понимал Сталин: потому и отправлялись вчерашние победители в лагерь.) Но «декабристский комплекс» невозможен без мысли о возможном поражении — и Самойлов, чуждый помыслов о формировании Союза Благоденствия, о поражении думает, примеривается к участи декабриста.

Он пишет «Сибирь», традиционно осмысливая ее пространства как надежду России — Сибирь здесь не вместилище сказочных богатств (как у Ломоносова) и не место духовного возрождения грешника (как у Достоевского), а колыбель свободы. В русской словесности эти три «огласовки» сибирского сюжета постоянно взаимосотносятся, восходя к единому мифологическому представлению о преисподней, куда должен спуститься герой, дабы одарить мир светом. Самойлов чувствует слитность «сибирского» мифа и строит текст соответственно: три первые строфы — влекущая картина обильного и свободного первозданного мира, четвертая строится на скрещении хрестоматийных пушкинских цитат: «Когда во глубине сибирских руд / Кирки бросали, точно якоря, / И верили, и знали — не умрут / И, наконец, взойдет она, заря». («Якорь» — эмблематический эквивалент ключевого слова пушкинского послания — «надежда».) Высшая ценность — верность свободе: «Не золото связало нас судьбой, / А вольности осмысленный язык». И она — как у Пушкина — будет вознаграждена:

«Лежит Алтай, как каменный топор. / Прими его, помыслив о делах!» (трансформация строки «И братья меч вам отдадут» — поэт, понимает, понимал ее как предсказание революции, а не примирения власти с бунтовщиками). Стихи эти трудно свести к «монологу декабриста» — если «я» зачина в такую интерпретацию худо-бедно вписывается, то в пятой строфе речь идет о времени явно «постдекабристском»: недаром Самойлов меняет «классический» пятистопный ямб на дольник, а строками «В татарские скулы упиралась рука / И глаза грозили тебе, Петербург», скорее всего, рисуют ссыльного Ленина. Нет и аллюзии: ни послевоенная реальность, ни тогдашний настрой поэта не допускают и мысли о его сочувствии неким разгромленным заговорщикам. Есть контур мечты о «декабризме». Ее обертоны слышны в дневниковой записи от 9 января 1946 года: «Мы — поколение 40-х годов России — призваны быть светом в темном царстве Европы» (I, 227), где расхожим «добролюбовским» речением выражена неприязнь к буржуазной Европе, не только коминтерновская, но и блоковская. Отступление в Сибирь при поражении в будущей войне и/или отождествление Сибири с Россией — «боковые» смыслы «сибирско-декабристских» стихов. Важней иное: декабристы, о которых пишет (и с которыми самоотжествляется) Самойлов, похожи не на «синих гусаров» Асеева, а на героя Мандельштама, для которого «труд и постоянство» вернее жертвы, отвергнутой «слепыми небесами», на того, кто «променял на сруб / В глухом урочище Сибири» прежний «честолюбивый сон». Такой взгляд на декабристов — не столько бунтарей, сколько подвижников-просветителей — корреспондирует с несколько более поздней (18 мая 1948 г.) дневниковой записью: «Дали бы мне жить, как я хочу, я уехал бы, уехал бы на год, куда угодно подальше от Москвы. Я поступил бы учителем в школу и писал бы книгу...» (I, 252).

О декабристах и несостоявшихся декабристах XX века Самойлов будет размышлять много лет, усиливая этическую составляющую сюжета. Уже герой «Дневника», оказавшись на Сенатской, не может выстрелить в «боевого генерала». Лучшее в Пестеле — это непосредственность и улыбка, делающая «русского Брута» светлоглазым. В «Ялуторовске» Каховский, в Милорадовича выстреливший, назван «незнатной птицей», бессмертие признано уделом ссыльных, а «душные дымы злодейства» сплетаются в один клубок с «вольным дымком» родины. В черновой редакции, где преобладал «народовольческий» код (отсюда «март» итогового варианта) говорится о «бессмысленности цареубийства» и «красивой лжи» тщеславия заговорщиков, что вновь напоминает о «Декабристе» Мандельштама. Еще яснее эта линия (и опять с опорой на Мандельштама) проведена в «Декабристе», окликающем далекие стихи 1946 года: «Сибирь! И тишина. И просвещение. / И отдаленность от родни. / Мы будем жить. Нет ничего священней, / Чем просвещение в наши дни. // Мы будем жить близ синевы Байкала» (ср. в «Сибири» о Байкале, укрывшем синеву океана).

Сурово сопоставляя декабристов и диссидентов, Самойлов, в частности, писал: «Декабристское дело оказалось выше поражения. Именно после него сформировался высокий, образцовый для России

нравственный тип. Диссиденты такого типа не создали <...> Декабризм оказался неповторим» (II, 301; запись в «Общем дневнике» от 25 мая 1981 г.). Здесь счет предъявлен «младшим» — тем, кто, метафорически говоря, вырос из спящего мальчишки стихов о доме «В перулке московском старинном...» и соотносится с автором как Николенька Болконский с Пьером Безуховым. Самойловское же поколение не сумело выполнить «декабристской миссии», потому что его лучшая часть погибла. Об этом — «Памяти юноши», стихи, пропитанные скрытыми отсылками все к тому же «Декабристу» Мандельштама.

Самойловский разноstopный ямб (нечетные строки — пятиstopные, четные — трехstopные, иногда заменяемые двух- или четырехstopными) не тождествен, но похож на стих Мандельштама, чередующего шести- и четырехstopные ямбы (то же обеспеченное контрастом «длинных» и «коротких» строк ощущение «прерывистости» на общем плавном фоне). Шестая строфа («В профессорской квартире, где он жил, / В квартире деда, / Бывало, сизой тучей дым кружил / И за полночь текла беседа») кажется модернизированным вариантом четвертой строфы «Декабриста» («Бывало, голубой в стаканах пуш горит...»). Упоминание «русского ампира» и «льва» из большого сада корреспондируют с «квадригами... на триумфальных поворотах». В этом ряду и другие (не имеющие параллелей у Мандельштама) детали обнаруживают декабристскую окраску. «Староинтеллигентское» происхождение и воспитание «маменькина сынка» — аналог «барства», юношеский уход на войну повторяет деяние «детей двенадцатого года», а «горняя звезда», что «горит над ратным полем» (она же — «рассветная звезда» последней строфы), оказывается пушкинской «звездой пленительного счастья», при свете которой особый смысл обретают «признания в общей вере». Гибель не позволила юноше (Илье Лапшину) стать «декабристом» и ослабила его выживших ровесников. Верность его памяти — это и верность звезде — звезде первого послания Чаадаеву, что блестит едва ли не во всех самоеловских звездах. (Потому и звучит это послание в «Пушкине по радио».) Кажется символичным, что реквием по «несостоявшемуся декабристу» Илье Лапшину был написан тем же мартом 1979 года, когда Самойлов завершил «Прощание» — реквием по скончившему с собой диссиденту Анатолию Якобсону. Не менее интересно, что если смыслообразующим подтекстом прощания с Лапшиным стал «Декабрист» Мандельштама, то «Прощание» с его резкими переносами, внутренними рифмами и смысловыми лакунами ориентировано на поэзию бунтарки (и самоубийцы) Цветаевой.

Самоощущение «декабриста без Сенатской» росло в Самойлове долго и трудно. Кажется, однако, что в его формировании годы немоты сыграли серьезную роль. «Новые времена» встречались почти без иллюзий — в «оттепель» Самойлов не стремился занять вакансию «гражданского поэта». Те его стихи 1956—1957 годов, что можно условно назвать «политическими», нацелены не вовне (обличение-проповедь), а внутрь (исповедь). Таково «Презрение», напоминающее о покаяниях Некрасова («Я за то глубоко презираю себя...») и Блока («Ангел-хранитель») и, как у предшественников, сопрягающее интимную вину с гражданской. Таков «Страх» с жутким рефреном «Не

ко мне, не ко мне, не ко мне». Таковы «Пусть недостаток и убыток...», «Поэты» и «Как поумнел я с той поры...», где расчет со слабостями предполагает не прощение, но выросшую строгость к себе. Стихи эти пишутся не для публики и — в отличие от неподцензурной лирики Слуцкого — не расходятся в списках. И причиной тому, в первую очередь, внутренний строй резких исповедальных фрагментов. В пору общественного спроса на обнаженный лиризм Самойлов не склонен открывать душу. В столе остаются не только непроходимые «злободневные» вещи (например, образчики «черного юмора» — «Жил стукач», «Старая песня», «Идут разговоры»), но и стихи с интимной конкретикой, встреча с которыми обрела бы читателя на поиски биографического контекста. В этом ряду стоят «Чужая мне принадлежала...», «Грусть», «Романс», «Проводила в путь последний...», «Когда любовь развеялась, истлела...» и др. Той же стратегии Самойлов будет придерживаться и дальше, скрывая от читателей трагическую лирику 1961 года («Плчет женщина чужая...», «Таким, как ты придумала меня...»). Более того, он утаивает даже «пейзажные зарисовки», в которых можно ощутить второй — интимный — план («Какой нам странный март подарен!..», «Как медленно листья...», «Не ломайте ее, не ломайте...»), а выйдя к «своему» сюжету (невозможность возвращения былой любви), опять-таки оставляет его до лучших времен: читая «Мальчики уходят на войну...», видишь, сколько самойловской лирики из этих стихов выросло.

В «Ближних странах» стихов о любви не было вовсе. Во «Второй перевал» проскользнула затуманенная фольклорными ассоциациями «Алепушка». Читатель имел формальное право спросить, откуда взялся первый глагол в строке «Я любил, размышлял, воевал» и на чем основано признание «Тихо радуюсь. Не оттого ли, / Что любви, и надежды, и боли / Мне отведать сполна довелось...» («Дождь пришел в городские кварталы...»). Точно так же читатель едва ли ощущал личный план песенно-наивной «Золушки», где за улыбчивым сочувствием сказочной героине прячется досада поэта, знающего о своей правоте и в то же время почитающего жалобы на судьбу дурным тоном. Публично можно сказать о Золушке, которая «шьет туфельку сама», но не о себе. Между тем автор знал цену не только собратьям по цеху (сестрам, что «замуж выданы / За ближних королей»), но и себе — поручкой тому прежде написанная «Зрелость», где предсказывается будущее («после-бальное») торжество, уже почти ненужное и приправленное фальшью:

И платят позднею ценой:
«Ах, у него и чуб ржаной!
Ах, он и сам совсем иной,
Чем мы предполагали!»
Спасибо тем, кто нам мешал!
И счастье тем, кто сам решал, —
Кому не помогали!

Напечатанная в журнале «Зрелость» не вошла ни в «Ближние страны», ни во «Второй перевал» — она появилась в «Днях», когда

как раз и пошли толки про «чуб ржаной» поэта, что без посторонней помощи сшил себе «туфельку».

...

«Обочинное» бытие поэта в хрущевские времена закаляло его для подступающих трудных сезонов. Он был готов и к поблажкам фортуны, в возможность которых верил не слишком (вошедшее в интеллигентский фольклор «Хочется и успеха, / Но на хорошем поприще»), и к поражениям. В «Конце Пугачева» слышно не только сочувствие к легкомысленно взорлившему «страхолюдине-бандиту» и презрение к его изворотистым «боярам», но и печальное признание «силы вещей». Признание не окончательное, ибо стихи о Емелке не отменяют «Оправдания Гамлета», где персонаж, традиционно трактуемый как символ безволия, предстает человеком подвига, осмысленного при любом результате («Доверяй своему удару, / Даже / если / себя / убьешь!»). Он уповал на пушкинскую «тайную свободу», на счастье творчества, но в победительной концовке «Болдинской осени» («Благодаренье Богу — ты свободен — / В России, в Болдине, в карантине...») уже слышалось (не зря цензура корежила последнюю строку!) тоска «Святогорского монастыря», где, оспаривая не только пушкинианцев, но и самого Пушкина, предельно жестко сказано о цене не-свободы («Пусть нам служит утешеньем / После выплывшая ложь, / Что его пленяла ширь, / Что изгнанье не томило...»). Он приучал читателя угадывать непроговоренное — «Сороковые», «Слава Богу!» («Хорошо, что случилось с нами, / А не с теми, кто помоложе») и «Перебирая наши даты...» несли ту правду о войне и поколении, что подразумевала продолжение в иных стихах — частью таящихся в столе, частью — еще не написанных. Даже в лирической сдержанности был свой резон — Самойлов словно чувствовал, что во второй половине XX века право на прямой разговор о себе дается лишь тому, кто для публики уже стал поэтом. Отсюда та «установка на совершенство», на полновесность каждого стихотворения, что господствует в его первых книгах, где нет места «дневниковой» лирике.

Установка эта дала трещину в «Днях», составленных из стихов «переходного времени» (1963—1970) и открывающихся словом о внутреннем освобождении:

О, как я поздно понял,
Зачем я существую!
Зачем гоняет сердце
По жилам кровь живую.

И что порой напрасно
Давал страстям улеться!..
И что нельзя беречься,
И что нельзя беречься...

(«Давай поедем в город...»)

Здесь появляется лирика, приоткрывающая дверцу в мир интимных переживаний («Расставанье...», «И всех, кого любил...», «Названия зим», «Получил письмо из далека...», «Была туманная луна...», «Весь лес листвою переполнен...», «Вдруг обоймут большие шумы леса...»), и исповедальные монологи («Химера самосохраненья...», «Зрелость», «Я рано встал. Не подумав...»), но и за кадром прячется очень многое — наиболее откровенные стихи начала 1960-х, в которых теперь мы распознаем прообразы «Пярнуских элегий» и «Беатриче», при жизни автора оставались ненапечатанными. (Должно, однако, помнить и о внешних причинах — тоненькие книжицы просто не могли вместить всего.) В дальнейшем каждый сборник Самойлова («Волна и камень», «Весть», «Залив») оказывался новым шагом по пути преодоления разрыва между «стихами для себя» и «стихами просто»³⁹. Процесс этот был завершён в «Голосах за холмами», где дневниково-исповедальный контекст, обилие «как бы спонтанных» коротких пьес, ошеломляющих то режущей простотой, то недоговоренностью, заставляли воспринимать в лирическом ключе даже фольклорные стилизации.

Поворот (не столько в поэтике, сколько в стратегии авторепрезентации), совершённый Самойловым в 1960-х годах и ставший явным в следующее десятилетие, был следствием его возросшей уверенности в себе. В 1962 году он напишет стихи (разумеется, света не увидевшие), которые можно считать его *сredo*:

Двадцать лет от беспамятства злого
Я лечусь. И упрямо учу
Три единственно внятные слова:
Понимаю, люблю и хочу.

(«Становлюсь постепенно поэтом...»)

Огромные смысловые объёмы трех «единственно внятных слов» («понимаю» вбирает в себя семантику первоначального «ненавижу») подвластны тому, кто способен расслышать музыку мира и соотнести ее со своей («не зеркалом быть и не эхом, / И не тетеревом на току»). Тоска по объединяющей поэта и мир музыки мучила Самойлова с военных лет. Не принимая квазимузыкальных норм, он не радовался и своей «отдельности», привычно видя в ней грех индивидуализма (отсюда утаивание интимных стихов). Он искал образец органичного соединения «личного» и «хорового» начал, тайпописи и открытости миру, свободы и включенности в большую традицию. Сложные, отягощенные «богоборческим» бунтом, отношения с Пастернаком не позволили младшему поэту вполне оценить зрелые свершения старшего (осознание глубинного родства с автором «Доктора Живаго» придет позже). О том, что можно быть поэтом в антипоэтическую эпоху, Самойлов понял во многом благодаря начавшемуся в конце 1950-х годов общению с Ахматовой, знакомству с ее зрелой поэзией и ахматовскому «благословению», которое отменило давнее — теперь обнаружившее «суррогатность» — благословение Сельвинского и возместило равнодушие Пастернака⁴⁰. Казавшаяся навсегда поте-

рянной музыка вернулась — поэт, услышав скрипку на ночной Ордынке (то есть после визита к Ахматовой), восхищенно изумляется: «Откуда музыка у нас?»

Поэт — голос. (Это устойчивый мотив Ахматовой, говорит ли она о «трагическом теноре эпохи» Блоке, о «неповторимом голосе» скончавшегося Пастернака или о себе, обреченной выражать боль и страсть «многих» — «Я — голос ваш...»). Шепот поэта превозмогает духоту «кратких сроков» и «пыль типографского шрифта», он не зависим от бумаги и карандаша (память о тех стихах Ахматовой, что долгие годы жили лишь в памяти поэта и ее конфидентов). В этом шепоте — залог свободы («Ни гул молвы, ни славы голос трубный / Не правят вашей медленной судьбой», как ни правили ею другие — страшные — звуки миновавшего страшного времени) и основа науки «быть всегда самим собой», о которых говорит Самойлов в послании «Анне Ахматовой», долго остававшемся тайной двух поэтов.

Под знаком Ахматовой рождаются и, взаимодействуя, развиваются два сквозных сюжета самойловской лирики. Первый — о «рукоположении в поэты», второй — об «Анне» как воплощении женского начала, в равной мере — «жизненного» и «поэтического». Оба развиваются по «ахматовским» законам, то есть предполагают семантическую многомерность, таящуюся за вроде бы доступным первым смыслом.

Заглавный персонаж «Старика Державина» совсем не похож на Ахматову, а его отношения с теми, кто держал «оборону под деревней Лодвой» (или «поколением сорокового года»), не имеют ничего общего с установившимся в другую эпоху диалогом Ахматовой и Самойлова. Ахматова никогда не была ни «льстецом», ни «в чинах», а «лиры» в пору своей старости раздавала достаточно щедро (Самойлову — в числе прочих). В самойловском «Державине» скорее угадывается Пастернак (хотя это, конечно, не «прототип» в точном смысле). Взгляд на него — это разом и взгляд из военных лет (здесь важно не только разочарование в учителе, но и довоенное восприятие Пастернака как едва ли не официального поэта), и взгляд из сегодня, вдруг открывающий мудрость ушедшего «старика». (Все связанные с Державиным глаголы даны в прошедшем времени — значит, теперь его нет.) «Старик» был «разумом велик» не только потому, что пренебрег «способным малым», но и потому, что не слишком задумывался о лучших — может, убитых, а может, и выживших. Состоятся — без него обойдутся: «лиры запросто не дарят». И за ратные подвиги — тоже. Получив от «другого Державина» (Ахматовой) «лиру» уже не «запросто», а на законных основаниях, должно признать правоту «Державина первого» (прежде благословлять было не за что) и почитать его память. (Других стихов, которые можно было бы счесть откликом на смерть Пастернака, у Самойлова нет.) Как Ахматова в «Поэме без героя», соединяя черты своих современников, создает образ поэта начала века (или даже поэта вообще)⁴¹, так Самойлов претворяет Пастернака и Ахматову в «старика Державина» — великого старого поэта века, идущего на спад.

Для Самойлова Державин — начало русской поэзии, а «старик Державин» («предпоследний гений» Пастернак и Ахматова) — ее ко-

нец (вспомним «Вот и все. Смежили очи гении...»). Отсюда державинский эпиграф к «Смерти поэта» — стихам, в которых по устойчивой традиции поминовение новопреставленного обращается в плач по всей русской поэзии. Державину не довелось оплакивать своих предшественников, поэтому цитируется его прощание с Суворовым (воинский мотив напоминает о молодых героях «Старика Державина», иные из которых остались на ратном поле). Родство Державина и Ахматовой подкрепляется упоминанием их общего локуса — царско-сельского сада; так скрещиваются темы «благословения» (встреча Державина с Пушкиным на лицейском экзамене, где младший поэт читает «державинообразные» «Воспоминания в Царском Селе») и «поминок» (Ахматова, которой довелось оплакать столь многих, — воплощение «снигирия-снегирия», чье пение отозвалось стихами Державина на смерть Суворова). Державин цитируется нарочито вольно и со смещением смысла (поэт был удручен тем, что его снигирь выдаст колено военного марша после кончины полководца), но так же цитируется и Ахматова: метрико-строфический рисунок «Поэмы без героя» узнаваем, но дан с вариациями, отсылки к «Поэме...» замаскированы и сдвинуты, а «полосатая верста» заставляет вспомнить не только главного претендента на вакансию отсутствующего героя (того, кто в первой части «полосатой наряжен верстой», в «Решке» автор именует «главным» — это и есть «сборный» великий поэт новой эпохи, противопоставленный «демон-Блоку» и до времени погибшему юному «корнету»), но и пушкинские строки о «верстах полосатых» («Зимняя дорога») и «версте небывалой» («Бесы»). В державинско-ахматовском поле пребывает вся русская поэзия, живущая постоянными переключками — «гневливая вода в Дарьяле» и «ветер в молдавской степи» отсылают не только к Лермонтову и Пушкину, но и к пастернаковским вариациям на их темы. Единство русской поэзии и одаривает надеждой финала — надеждой на еще не очнувшегося «зоревого царскосельского снегирия».

Смысловая линия «Смерти поэта» получит продолжение в двух стихотворениях «Волны и камня» — «Возвращенье от Анны...» (где и появляется «пушкинская» строка, ставшая названием книги) и «Ночном госте», открывающемся ключевым для книги (и позднейшего творчества Самойлова) тезисом: «Наконец я познал свободу». Стихи о «прозрении в даль», новом бытии и новом слове сознательно выстроены из «старых» материалов. За пушкинской цитатой скрывается отсылка к «Грифельной оде» Мандельштама (1923), где в свою очередь прозрачный лермонтовский зачин («Звезда с звездой — могучий стык, / Кремнистый путь из старой песни») прикрывает смыслообразующий подтекст — предсмертные стихи Державина о «реке времени»⁴². Неназванный Мандельштам замещен Державиным, с которым поэт якобы прощается. Но это прощание особого рода — и потому что слово Державина, обнаружившись в «Грифельной оде», снова оживает у Самойлова, и потому что Мандельштам был назван Цветаевой «молодым Державиным» («Никто ничего не отнял...», 1916), и потому что тема «прощания с камнем» тоже пришла от Мандельштама («Уничтожает пламень / Сухую жизнь мою, / И ныне я не камень, / А дерево пою», 1915; стихи эти, возможно, подсказавшие Самойлову

название пьесы о Меншикове — «Сухое пламя», — пророчили изменения в поэтической системе Мандельштама). Набор неоднозначных ассоциаций заставляет ощутить связь традиции и новизны (характерно, что Самойлов выбирает раритетный метр — двусогнутый анапест), и появление в пушкинско-мандельштамовско-державинских стихах ахматовского имени отнюдь не случайно. Это и было тем «продолжением» Ахматовой, которое Самойлов в «Общем дневнике» (запись от 17 марта 1977) назвал необходимым, хотя и почти невозможным (II, 284).

Другой пример такого продолжения — «Ночной гость». Здесь, как и в «Смерти поэта», Самойлов варьирует метрико-строфическую структуру «Поэмы без героя». Большая часть текста ориентирована не прямо на «Поэму...», но на ее «источник» — «Второй удар» кузминского цикла «Форель разбивает лед» (1927): подобно Кузмину (и в отличие от Ахматовой) Самойлов использует рифменную схему ААБВВг, впрочем, разбивая пробелом шестистроchnую строфу Кузмина на две трехстрочные (типовая строфа «Поэмы...» строится по схеме ААБВВб; число строк с женскими окончаниями может нарастать). Есть и лексические схождения со «Вторым ударом»: «тройка», «бубенцы», самоеловское «Дом по крышу снегом укутан» напоминает о кузминском «Галереи, сугроб на крыше»; примечательно, что у Самойлова, как и у Кузмина, время действия — просто зима, но нет столь важной для «Поэмы...» приуроченности к святкам. Самойлов знал первопродходческую работу, установившую кузминский генезис ахматовской строфы⁴³, — сам он расслышал пушкинские обертоны «Второго удара», в частности отсылку к «Цыганам» в пятой строфе («А законы у нас в остроге, / Ах, привольны они и строги: / Кровь за кровь, за любовь любовь <...> Нам не надо кровавой мести»)⁴⁴. Отсюда органичность появления в «кузминско-ахматовской» ауре незнакомца, похожего на Алеко, то есть Пушкина. (Автобиографический код «Цыган» задан соименностью автора и героя и намеками в эпилоге поэмы. Отсылки к «Цыганам» как к знаку пушкинской ревности — тема для Самойлова важная — возникают в таких значимых для пушкинского мифа текстах, как 4—6 «вариации» Пастернака (1918) и третья часть романа Тынянова «Пушкин».) Здесь Ахматова уже важнее Кузмина: в «Поэме...» автора навещают не только просто мертвецы, но и бессмертные поэты. В «сновиденьях Анны», как бы продолжающих «Поэму...», возможна встреча нового поэта с Пушкиным. Остальные реминисценции (в той или иной мере обусловленные «ахматовским» кодом) дают «неточные» разгадки, что должны быть преодолены читателем. Зимней ночью поэт встречается не со своей душой (как во введенной ироничным намеком «Большой элегии Джону Донну» Бродского, 1963), не с ушедшей навсегда возлюбленной (как в балладе Эдгара По «Улялюм», 1847, о которой напоминает имя молодого поэта), не с дьяволом, предлагающим смириться пред Гением Судьбы (как в стихотворении Блока «Осенний вечер был. Под звук дождя стеклянный...», 1912, что неизбежно вспоминается в связи с Эдгаром По, — цитируемые Блоком «Ворон» и «Линор» развивают ту же тему обреченного бытия после утраты возлюбленной, что и «Улялюм»), не с карающей силой (как в «Каменном госте» и «Шагах Командора» —

ср. название стихотворения Самойлова и мотив сна-смерти Анны). Он встречается с Пушкиным, знающим нечто большее, чем хозяин спящего дома.

Услышав от гостя слова о бессмертии и независимости от времени, хозяин отвечает вроде бы по-пушкински. Он говорит о привязанности к бытию, о сохранении человечности (мягко цитируются пушкинские же строки о «самостоянье человека» как залоге его величия), об ужасе длящегося спора со временем. Пушкинская жизненная программа (вернее та ее часть, что упорно принимается за целое) — достоинство приватного бытия, личная честь, независимость от приходящих обстоятельств (политики), культ дома — находит соответствие в поэтических установках. «Мы уже дошли до буколик», то есть до воспевания патриархальных (вечных) сельско-домашних радостей. Самойловские буколики второй половины 1960-х — начала 1970-х — это «Там дуб в богатырские трубы...» (с еле приметной реминисценцией «Из Пиндемонти»), совсем не спроста появившееся «Подражание Феокриту», «Песнь о друзьях Милоша» (жестко противопоставленная — вплоть до расхождения жанров, выраженного заменой одной буквы — предшествующей ей «Песне о походе»; в отличие от Вука — грубо говоря, Анатолия Якобсона, которому «Песня...» посвящена, — Милош-Самойлов не может воевать и надеяться, он заслужил право пировать и петь с друзьями). Это могучая эпическая утопия «Цыгановых» (в ее мире нет советской власти и колхозов, но — вопреки жанровому канону — есть страсти, есть смерть и ужас от «бесмысленности» бытия; и нет Бога). Это — если перейти из области поэзии в область быта — жизнь на лоне природы, пушкинское «домостроительство» (семейное счастье, дети, гости, пиры) в Опалихе (позднее — в Пярну). Это репутация веселого и мудрого мастера, которая формировалась именно в те годы и (при всей резонности) закрывала другие грани поэзии Самойлова, что самого поэта не слишком радовало. Он цену «буколикам» знал. Как знал, что от истории спрятаться невозможно. И сходством «жестоких веков» не утешался. В «Волне и камне» (куда бдительная цензура не допустила «Ночного гостя») буколическая атмосфера взрывается не один раз («Солдат и Марта», «Из стихов о Польше», «Прощание юнака», «Поэт и гражданин»); всего отчетливее (без отхода в историю) — в «Я ехал по холмам Богемии...» Здесь пушкинская гармония (ее знак — архаизированное ударение в слове «холмы») буквально разбивается об историю, ввод советских войск в Чехословакию. В последних строках Самойлов горько полемизирует с крылатой формулой тютчевского «Цицерона»: «Счастлив, кто посетил сей мир / В его минуты роковые» («счастлив» у Тютчева эквивалентно «блажен»; это слово и было в первой публикации «Цицерона»). Нет, все не так: «И был я намного блаженнее, / В неведенье будущих бед», «минут роковых», ударов грубой силы по хрупкой идиллии. Неведенье кончается, «буколики» временны.

Об этом и говорит поэту «ночной гость». В начале его второй реплики (как и в финале монолога хозяина) Самойлов переходит от «кузминской» рифмовки к «ахматовской». Это смысловой центр стихов. Пушкин напоминает собрату об относительности его (пушкин-

ской же!) правоты, об угрозах нового «жестокоего века» (если упоминание «сумы и тюрьмы» актуализирует политическую тему, то сходство гостя с Алеко — возможность иных испытаний, тех, что выпали герою «Цыган» и суммированы строкой «И от судеб защиты нет»), о недостаточности «возврата к истокам» (этот мотив постоянно присутствует в самойловских размышлениях о молодых поэтах и развертывается в идиллии «Учитель и ученик»: «Но ежели вперед спиною пятясь, / Упрешься в стену, вспомни обо мне...»). За равновесием «ахматовских» строф следует страшное (выбивающееся из общего рисунка, поэт переходит к парной рифмовке) признание: все, что мы делаем, тщетно, «Я не ведаю, как нам быть».

Это не отчаяние, а именно «неведение», признание невозможности любой одноплановой стратегии, вовсе не отменяющее необходимости творчества и любви к жизни. За молчанием, переходящим в сон, предпоследней пары строф (вновь «кузминская» рифмовка) следует по-ахматовски срифмованная кода. Уялюмов (пародийно заостренный вариант «темной», «отчаявшейся» ипостаси поэта-гостеприимца) произносит «Ах, пустяки», слова с которыми появляется Пушкин — этот повтор возвращает нас к теме победы поэзии над временем. Сновиденья Анны не прерываются, но «задремывают» и «растекаются»: пребывать в них всегда (свести к ним поэзию) невозможно, но и забыть их (остаться при одних «буколиках») нельзя. Вещий сон превышает свою «кошмарную» составляющую, в нем есть и надежда.

«Темный свет» (здесь уместен этот оксюморон в духе Эдгара По) «Ночного гостя» делает более понятной антиномичность творчества Самойлова 1970—1980-х годов, поэзии, создававшейся, говоря на языке Ахматовой, «после всего». С одной стороны, Самойлов ощущает себя легитимным (и, похоже, единственным — отсюда двусмысленные цитирование и аттестация Бродского в «Ночном госте») наследником «последних гениев». Он приноравливается к амплу «старика Державина», помня о двух ликах этого персонажа — «ахматовском» (благословения молодым даются, но как бы не вполне всерьез) и «пастернаковском» («Пусть пылится лучше. Не отдам!»). Он культивирует «стариковские» черты, что опять-таки предполагает двоеение: с «веселой мудростью» соседствуют вспышки ворчливого гнева, признания в собственной ненужности и непонятости, невозможности какого-либо диалога — вплоть до жалоб на телесные недуги (подступающую слепоту)⁴⁵. Он проецирует свои интимные чувства на великих предшественников (от Данте до Пастернака), одновременно поверяя их трагическим опытом свою боль и любовь. Даже из пакостных цензурных игр (навязывание «литературных» заглавий рискованным лирико-философским исповедям) он, видимо, не без внутреннего ехидства, умеет высечь смысл. «Туманные» (это не значит «обманывающие»!) заголовки концентрируют внимание на «странных» текстах, помогая приблизиться к сути.

Наконец он пишет «Стансы» — гордую апологию подражания, «вторичности» (которой его попрекают литературные противники). «Суровая старуха» здесь, разумеется, та же, что и в «Смерти поэта», то есть Ахматова. Но единственные «Стансы» Ахматовой («Стрелецкая луна...», 1940) — это своего рода «Анти-стансы»: поэт оспаривает

двух ближайших братьев, что, решившись на «подражание», написали «двадцативечные» варианты «Стансов» пушкинских с их «надеждой славы и добра». Это «Столетье с лишним — не вчера...» Пастернака (1931) с прямым цитированием Пушкина и выраженным желанием «Труда со всеми сообща / И заодно с правопорядком» и «Стансы» («Я не хочу среди юношей тепличных...») Мандельштама (1935), ориентированные на пастернаковский опыт «примирения с действительностью»⁴⁶. Самойлов, для которого проблема «поэт и власть» всегда была важна, помнит и о «примирительных» (освященных именем Пушкина) стансах Пастернака и Мандельштама, и о бунте Ахматовой. (Это бунт против «традиции», которой «поддались» Пастернак и Мандельштам. У Ахматовой нет надежд. Кремль — цитадель новой власти и символ русской истории — предстает сгустком абсолютного зла. «Согласие» с «преображенцем» — Петром Первым — мнимо: он стоит всех Иванов, Бориса, Самозванца и Сталина, ибо обогрил Кремль стрелецкой кровью, о чем и напоминает «стрелецкая луна» зачина, вводя которую, Ахматова опровергает пушкинское полуоправдание казней, мрачивших «начало славных дней Петра».) Проектируя будущие стансы, Самойлов не делает выбора, но знает, что в любом случае пойдет путем «коренного поэта». Как знает, что терновый венец неотделим от лаврового. (Мотив сплетения лавров и терниев, равно применимый к трем «последним гениям», введен в русскую словесность Жуковским во фрагменте послания «К кн. Вяземскому и В. Л. Пушкину», посвященном Озерову, и канонизирован лермонтовской «Смертью поэта»⁴⁷, поэтому «корешной поэт» у Самойлова — это не кто-то конкретный, а русский поэт вообще.) Как знает, что поэзия состоит из «подражаний», что не избавляет «подражателя» от испытаний «смертным часом» и «вечной любовью», но лишь утяжеляет его долг. К исполнению которого автор «Стансов» готов. Так писать может лишь тот, кто уверен в своей избранности.

Здесь-то и начинается «с другой стороны». Ибо тот же Самойлов в ряде стихов (большей частью — потаенных, но не только) говорит о себе как о неудачнике, неловком заместителе ушедших, если не самозванце. И ладно бы вариация на тему «Лета к суровой прозе клопнат» («Пора бы поэзию бросить...»), раздражение на обстоятельства («Не хочется идти в журнал...»), где стихи все-таки рвутся к читателю, ибо их назначение — быть пушкинским «глаголом»), горечь утраты, заставляющая быть жестоким к себе («Вот и все. Смежили очи гении...»), где собственная поэтическая речь приравнена к пошлостям Ленского), ладно бы даже осознание своего вынужденного, но от того не менее паскудного шутовства-рабства («Играет март на скрипочке...», «Тайный летописец», где финальное торжество снижено общим ерническим тоном). Но ведь есть и «неизреченный ужас» утраты себя, ужас перед собой («Я потерял богатство...») и подступающим безумием («Скрежещет ветка о стекле...»). Есть ощущение бессмыслицы не только «квасигражданского существования» («Не у кого просить пощады...»), жизни без любви и веры («Хотел бы я жить, как люблю и умею...») — отсюда тянутся нити к поздним стихам об исчезающей любви), жизни как таковой («Настала такая эпоха...»), но и поэзии. Поэзия дразнит недостижимостью («Никогда не пробиться в

поэты»). В «Меня Анна Андревна Ахматова...», концовка которого приведена выше, в вину себе — со ссылкой на Учителя — ставится «пристрастие к сюжетам», боязнь прямого лирического высказывания. На деле страх этот был благотворен как для «сюжетных» стихов (энергия скрытого лирического плана), так и для стихов «дневниковых» (если прорыв свершается, то обнаруживаются клочущие и «неудобные» чувства и страсти). Только Самойлов таких «оправданий» в расчет не брал. Стихи получаются, но «не те». Многажды писавший о чуде вызревания «слова» и восторге от его явления («Слово льется...», «Дописывая этот стих...», «Вдохновенье», «Дай выстрадать стихотворенье!...») Самойлов вдруг ужасается сбывшемуся «счастью» —

Теперь уже знаю:
Стихи потекут.
Их целую стаю
Моей нарекут.

Сего не преложишь,
Как сказано встарь.
Пиши, пока можешь,
Несчастливая тварь!

(«Теперь уже знаю...»)

Пиши — без смысла и надежды — потому что на иное ты неспособен, а отказаться от «престранной» профессии не можешь. Как не можешь прервать опостылевшую жизнь («Нет пистолета, есть петля...», «Смерть не врет. Она открыта...», «Я ухожу постепенно...», «Лет через пять, коли дано дожить...»).

Как одолевал Самойлов эту — «темную», тоже «стариковскую» — составляющую своей натуры (и поэтической системы)? Можно предположить, что ответ поэта свелся бы к одному слову — «Анна». Имя это означает возлюбленную, но возлюбленную, в которой соединены конкретная женщина и идеал. Выше говорилось и о самойловском переживании любви, где «страсть к разрывам» соединяется с тоской по оставленной женщине и благодарной памяти, и о сопряжении любви и музыки, и о том, как трудно поэт двигался к раскрепощению любовной лирики. Любовь к женщине для Самойлова предполагает причастность как земному бытию (красоте дальнего мира), так и высшей гармонии (весть о которой доносится искусством — женским пением, музыкой, поэзией). Отсюда динамическое равновесие доступности счастья (любовь сопряжена с «домом», «буколическими» ценностями, продолжением рода, трудом и душевным покоем) и его недоступности, обрекающей поэта на тяжкие (для себя и других) поиски идеала.

Поиски эти превращают Дон Жуана (искателя красоты) в Фауста (искателя истины). В русской традиции такой «фаустизированный» Дон Жуан возникает в драматической поэме А. К. Толстого (1862), поэта, интересовавшего Самойлова и во многом ему близкого (рефлексия над личностью Грозного и феноменом Смуты, нравственными проблемами истории; тяга к сюжетности, обусловившая пристра-

стие к балладам; неприязнь к любым формам «партийности»; сочетание и взаимопроникновение высокой и фривольно комической поэтических линий; ср. также внимание Самойлова к рифмам Толстого⁴⁸). С другой стороны, Дон Жуан и Фауст возглавляют вереницу масок, навестивших автора «Поэмы без героя» («Этот Фаустом, тот Дон Жуаном...»), и возникают в написанном «на полях» «Поэмы...» стихотворении «Гости» (1943). При этом у Ахматовой Дон Жуан (вкуче с соседствующим ему Фаустом и Демоном-Блоком, в которого он превращается) не получает оправдания, а Донна Анна (из «Шагов Командора», она же Коломбина) оказывается лишь двойником Анны подлинной, то есть автора «Поэмы...»: Ахматова ценила свое имя («В то время я гостила на земле, / Мне дали имя при крещенье Анна, / Сладчайшее для губ людских и слуха» — «Эпические мотивы. 1», 1913) и не раз входила в роли своих мифологических, исторических и литературных тезок (включая Донну Анну).

Имя Анна встречается по крайней мере в 16 стихотворениях Самойлова и трех его разработках дон-жуановского сюжета («Конец Дон-Жуана. Комедия, не имеющая самостоятельного значения»⁴⁹, послевоенная, ненапечатанная при жизни поэма «Шаги Командорова» и «Старый Дон-Жуан»). Появившись впервые в прикровенном виде (инициалы в посвящении «Я вышел ночью на Ордынку...»), оно в дальнейшем сохраняет ахматовские обертоны, причем не только в стихах, обращенных к «старухе суровой» или прямо ее называющих («Анне Ахматовой», «Меня Анна Андревна Ахматова...», «Надоели поэтессы...», «Ах, наверное, Анна Андревна...», «Простое величие я видел однажды...»). Это не значит, что иные биографические составляющие (см. примеч. к стихотворениям «Пестель, поэт и Анна» и «Был вечер, полный отращенья...») в стихах не сказались или что Самойлов маскировал свое чувство к Ахматовой («утаенной любви», разумеется, не было). Это значит, что «Анной» в стихах Самойлова может оказаться и обладательница совсем другого имени, та, кто воплощает его идеал или видится его утраченным воплощением. Героиня дон-жуановской легенды сакрализуется благодаря Ахматовой, в «голосе» («музыке») которой «женское» неотделимо от «поэтического».

«Названья зим» — стихи повышенной музыкальности, их семантика спрятана в фонике. В вокалической структуре доминирует «а» (из 41 ударения 20 приходится на этот звук), далее идут «и» (8 ударений) и «е» (4), «ы» (3), «о» (3) и «у» (1). Отмеченность «а» понятна: этот звук искомого имени, которое настойчиво вводится уже в первую строфу («имеНА», «[адНА]», «мерцАНье», «тАйНА», «голубизНА»). «Наталья» (тоже с ударным «а») связана с холодом (противопоставленным «теплому пуху» третьей строфы), небом («голубизна») и отчужденностью. Не отменяя биографических прочтений, отметим пушкинские ассоциации (холодная «мадонна»). «Наталья» — это намек на «Анну», в которой небесное соединится с земным (теплота). Во второй строфе вспыхивают другие имена из прошлого. «Елена», видимо, соотносится с похищенной «Еленой-Лорелеей» детства («Двор»), окутанной дымкой «канунных», предвоенных, троянско-мандельштамовских ассоциаций. «Марфа», возможно, отсылает к еще более раннему детству (это имя домработницы в семье Кауфманов).

Наконец, «Катерина» связана с музыкой (ср. одноименный диптих). Но все они лишь предвестья «Анны», которая есть и в этой строфе (ударное «а» по-прежнему слышнее остальных звуков; оно организует строфу, обнаруживаясь в смысловой рифме 1 и 4 строк — «зимА» — «с уМА», поддержанной ключевым глаголом «любю[л'А]лся»). В последней строфе «Анна», явившаяся в клаузуле 2 строки («тумАННОЙ» — она уже есть, но не вполне различима, как и должно быть в тумане), затем обнаруживается дважды — в истинном обличье (зарифмованная клаузула 3 строки) и в «замещенном» («[ана]» — со слабой редукцией первого звука). Но не зря «Катерина» (с ударным «и», вторым по частотности гласным, слышным в значимых словоформах «зим», «зимней», и связью с музыкой) занимает столь сильную позицию (конец перечня имен и рифма). Она ближе всех к «Анне» (как по частотности ударное «и» к «а»).

Здесь должно на время оставить поэтику и обратиться к бытовому контексту. Стихи были написаны 15 января 1965 года, либо накануне возвращения из Эстонии, либо сразу по прибытии в Москву (из дневника видно, что 10 января Самойлов был еще в Таллине, а 22 — уже в столице). Первые дни нового года он провел с женщиной, в которую был влюблен и чей отъезд вызвал «запойную тоску» (запись от 4 января). Дальнейшие записи фиксируют душевные колебания: мечту о большом семейном доме с веселой хозяйкой, ощущение ее несбыточности, страх неверных шагов (8 января), рассуждения об устаревшей «коллизии долга и чувства», в которых общественная проблематика «вытесняет» личную (9 января), новый приступ мечты о «другом доме», где должны быть «и ум, и дарование, и полная отдача мне» (ясно, что речь идет о хозяйке этого дома), новые сомнения («Все это, видимо, пустая блажь, потому что я смертельно болен» — 10 января). А 19 января («Названья зим» уже родились) поэт пишет: «Неужто я еще в какой-то степени молод?» (II, 7—9). Стихи об обретенной любви с намеком на «местный колорит» (теплая балтийская зима) трудно связать с кем-либо, кроме избранницы поэта, чье имя в неполной форме заключает ударное «а», а в полной — ударное «и». Самойловская замена табуированного имени освященным традицией эквивалентом особенно изящна потому, что в русской литературе есть прецедент «скрепления» этих имен. Гоголь, считавший, что «Ганна, Галя, Галька» суть формы имени Анна и зафиксировавший ошибку в «Книге всякой всячины», увековечил ее в «Майской ночи», имя героини которой в именительном падеже — «Ганна», а в звательном — «Галю». Благодаря дневнику мы можем поверить стихи фактами, но и сам текст с его изощренной звуковой, семантической и интертекстуальной игрой, называет «земное» имя возлюбленной — это Галина Ивановна Медведева, позднее ставшая женой поэта⁵⁰. «Анной» ее сделала «ахматовская» тайнопись.

По-другому Ахматова присутствует в разговоре Пушкина и Пестеля. Здесь, кроме окольцовывающего текст пения героини, который служит живым фоном теоретического разговора (человек проступает в «русском Бруте», лишь когда речь заходит о любви), важна скрытая цитата в перечне тем беседы. «Говорили о Ликурге, / И о Солоне, и о Петербурге». Смежность Ликурга и Солона, давших законы аристо-

кратической Спарте и демократическим Афинам (то есть системам правления, контрастным, но равно противостоящим деспотизму Петербурга), кажется естественной. Но великим эллинам уже доводилось соседствовать: «Ты железные пишешь законы, / Хаммураби, ликурги, солоны / У тебя поучиться должны» — так Ахматова аттестует того персонажа «Поэмы...», что «полосатой наряжен верстой», поэт вообще. Как «законодатели» (ср. издевательскую аттестацию «ликургов» в сноске автора) ниже поэта, так Пестель ниже Пушкина. Вероятно, и именование его в названии «поэтом» продиктовано «Поэмой...». Поэзия же (любовь, пение) в кишиневских стихах укоренена в земном и домашнем мире: Анна шьет или вышивает, она слита с первозданными запахами (баранья шкура, вино, хлеб), даже природа дана в «домашнем» коде («День наполнялся нежной синевой, / Как ведра из бездонного колодца»). Анна повторена рифмой в «желАННА», а желанна поэту (тому и другому) жизнь с ее простыми теплыми радостями. И учитывая «домостроительный» контекст «зимних» стихов, должно если не отождествить их героиню с Анной стихов «летних», то отметить их соприродность. Опять-таки не без помощи Ахматовой.

В «Получил письмо издалека...» Анна оказывается уже не сегодняшней спутницей, но бывлой взлюбленной. Автор и адресат друг для друга мертвы («между нами пролегли века»), но и всегда живы, ибо Ахматовой сказано: «Смерти нет — это всем известно». Как в сопутствующих «Поэме...» стихах «Через 23 года» (1963) автору снится «Голос твой из недр темноты. // И по имени! Как неустанно / Вслух зовешь меня снова... "Анна!" / Говоришь мне, как прежде, — "Ты!"», так героине послания «порой мой голос снится: / Анна! Защити обоих нас». Защита — это спасение от страшной для обоих встречи. У Толстого Донна Анна спасает Дон Жуана ценой своей гибели, и поэт страшитс такого исхода — поэтому «защити обоих нас». В более раннем обращении к тому же адресату говорилось: «Аленушка, не возвращайся, / Не возвращайся никогда». Превращение «Аленушки» в «Анну» стало возможным не только в силу приязни к многомерному имени, но и потому что стихи адресованы женщине-поэту.

О «Смерти поэта» было сказано выше; заметим лишь, что именование усопшей по имени-отчеству в «разговорной» форме («Анной Андревшой») Самойлов будет называть ставшую «залетейской тенью» Ахматову во всех обращенных к ней стихах) придает величественной фигуре «домашнее» измерение, важное для других граней «мифа об Анне».

В «Был вечер, полный отвращения...» Анна (здесь ее пение заменяют соловьиные рулады) оказывается безвозвратно потерянной (губительного спасения от нее поэт не ждет). Речь идет о давней ошибке: когда-то поэт не распознал «Анны» («И страх — она не та, не та»), а неназванная прямо «Анна зимняя» предстает одной из «чужих людей». Поэт проецирует свое состояние в пору возвращения из Таллина на возвращение из некоего «города незнакомого», что, конечно, закрыто для аудитории. (Читатели и не предполагались.) Но встретившись с этими стихами, неизбежно вспомнив полноту жизни-любви в «Названьях зим», всякий задумается: а «Анной» ли была «Анна соловьиная»? Не есть ли это еще один задним числом оформленный мираж ищущего идеал Дон Жуана?

«Святогорский монастырь» превращает Анну в «мгновенье Анны» (зарифмованное с «мимолетным виденьем» «чуждое мгновенье» пушкинского послания «К***», в адресаты которого назначила себя А. П. Керн, кстати, как и полагается Аннам, дама поющая). Идеал недостижим и сомнителен. Самойлов, разумеется, знал, что Анна Петровна особой роли в жизни Пушкина не сыграла и обрела инобытие в стихах, положенных на музыку Глинкой. Такая — лишь благодаря поэту обретшая высшее значение — иллюзорная Анна точно встраивается в зловещий контекст стихов о спасительной смерти, множество параллелей к которым обнаруживается в потаенной лирике конца 1960-х годов.

«Возвращенье от Анны...» двойт образ: с одной стороны, здесь присутствует Ахматова в державинской ипостаси (см. выше), с другой — та Анна, с которой были связаны планы домостроительной идиллии. Обретая «другое волнение» и «другую печаль» (ср. тему «буколик» в «Ночном госте»), поэт думает, что «возвращенье от Анны» («благая прохлада» дороже устойчивой жизни) есть возвращенье к себе, к своей легкой неприютности (побег «Последних каникул», которые на то и каникулы, чтобы оборваться). Однако «двоение» Анны заставляет усомниться в поражении «Анны домашней» (она же — «Анна зимняя»): если от великой традиции (Ахматовой) не уйти, то не уйти и из дома (что не исключает порывов и сомнений). Не зря Самойлов говорит не об «уходе», а о двоящемся «возвращении». А проклиная свою неспособность быть вполне поэтом, вновь оглядывается на «Анну», от которой собирался вернуться к себе («Меня Анна Андревна Ахматова...») Эта диалектика ощутима и в «Ночном госте», для понимания которого небезразлично тайное имя хозяйки опалихинского дома.

Особый случай — «Анна Ярославна». В «Волне и камне» находим два стихотворения, в посвящениях которым стоят инициалы, совпадающие с начальными литерами имени и отчества киевской княжны (королевы Франции). Это обращенные к Анатолию Якобсону и навеянные его грядущим отъездом «...И тогда узнаешь вдруг» и «Песня о походе». Подтекст первого — ахматовское «Мужество» (1942): «И мы сохраним тебя, русская речь, / Великое русское слово» (ср. в «Анне Ярославне»: «Девушки в Днепре белье полощут / И кричат по-русски, хохоча»). Подтекст более далекий, хотя тоже ясный: «Мне голос был. Он звал утешно...» (1917; отказ от эмиграции) и «Не с теми я, кто бросил землю...» (1922; презрительно-сострадательный взгляд на изгнанника и оправдание тех, кто остался на терзаемой врагами земле). Напомним о «киевской» линии ахматовской поэзии (см., в частности, «Широко распахнуты ворота...», 1921, сложно отзывающееся в двух последних строфах «Анны Ярославны») и ее автобиографического мифа. Подлинной «Анне» (Ахматовой) противопоставляется подменная «Анна Ярославна» (не имя и отчество, а имя и фамилия, не женщина, а мужчина). Антитеза спрятана, и, разумеется, не делает Якобсона прямым адресатом стихов.

В «Надоели поэтессы...» преобразуется наблюдение, занесенное в «Общий дневник» несколькими годами ранее: «Имена целого поколения русских поэтесс — Белла, Новелла, Юнна — дают представле-

ние о среде, из которой они вышли, и о том, почему они более или менее — ломачи» (II, 290; 14 декабря 1977). Манерным именам, соответствующим манерному стихописанию, противопоставлены подлинны. При этом «Марина» (Цветаева, замороженная семантическими переливами своего имени — прежде всего «морскими» и «польскими», роднящими с Мариной Мнишек) — только «писала». «Анна», в которой явлена полнота жизни и поэзии, — «была», что выше, чем «писала». Подтекст здесь прост — ахматовская «Эпиграмма» («Могла ли Биче словно Дант творить...», 1958), но использован он сложно. Поэтессам дается совет: «Выходите лучше замуж, / Лучше мальчиков рожайте», то есть если не можете быть «Аннами Ахматовыми», то будьте как моя «Анна». Но «Эпиграмма» лишь вершится убийственной кодой («Но, Боже, как их замолчать заставить»), а открывается неразрешимым вопросом. Пока Самойлов прикасается к нему шутя, но через несколько лет он всплывет в трагическом цикле «Беатриче», одна из тем которого — мука женщины, связавшей судьбу с поэтом, сперва растворившейся в нем и отказавшейся от «самости», а потом безнадежно и болезненно пытающейся вырваться из плена высокой легенды и кухонного чада.

В следующей Анне («Играй, Игнат, греми, цимбал!») сливаются все — брошенные, мечтавшие, ложные, изменившиеся. Под цыганскую игру (обычно веселящее Самойлова слово здесь наливается черными смыслами — «Со мной играл Нечеловек / И сорок первый год») идет прощание с «отыгранной» жизнью (а не подменившей ее в тексте «молодостью») и «Анной» как ее высшим воплощением (любовь слита с музыкой — «Под скрипку и цимбал / Вот здесь я Анну целовал / И слезы проливал»). Цыганско-молдавская оркестровка не раскрывает тайны: указывая на ту Анну, что была выше названа «соловьиной» (ср. в связанных с «Играй, Игнат, греми, цимбал!» «Цыганах»: «Я помню цыгана Игната / В городе Кишиневе. / Как он играл когда-то / О давней моей любви»), она в то же время предполагает идущую от «Цыган» Пушкина тему ревности, что заставляет вспомнить о совсем другой «Анне». И об Ахматовой, ибо расставание с жизнью и музыкой — это расставание с поэзией.

К Ахматовой Самойлов обращается в одном из самых мрачных фрагментов «Беатриче», оспаривая ее «пословичное» речение о легкости явления стиха, подобного придорожным цветам («Мне ни к чему одические рати...», 1940). В стихе, что растет теперь у Самойлова, нет задора, нежности и радости. Но из горькой и жгучей отравы (безлюбья, ревности, злобы), от которой поэт погибнет, все равно поднимается «травинка для строчки» — сводная сестра не только одуванчиков, но и горькой лебеды. Самойлов о горечи лебеды знал, об отраве, питавшей многие стихи Ахматовой, что живут «не ведая стыда», помнил, и кого в час отчаяния окликнуть, понимал. Внешне споря, он соглашался с Ахматовой — следовал ее заветам, преобразовал кошмар обыденности в поэтическое слово. Сжигал себя, «чтоб превратиться в речь».

В последний раз Самойлов впрямую вспомнил в стихах Ахматову за год до смерти. Строки «Простое величье я видел однажды / В Ахматовой Анне Андревне» в комментариях не нуждаются. Память о

природном и подлинном величье, жившем в голосе и стихах, уберегла поэта от ласк и привечаний, что хуже бед. Он не говорил, что сберег себя благодаря Ахматовой — это и без слов ясно. Он знал, что «Анна» на древнееврейском значит «благодать», и ощущал себя частным благодати.

...

Самойлов дорожил именем русского поэта и не отступал от избранной стези в мало пригодное для поэзии время, сперва — лихорадочное, потом — душашее пошлостью и цинизмом, потом — вновь взбурлившее и поднимающее на поверхность кучу дряни, что, по слову Самойлова, «не лезет в стих». Он знал цену себе, что не страховало от сомнений и срывов, наивных поисков «новизны» и мнимо успокаивающих самоповторов. Выстроив в середине 1960-х поэтическую систему, разделенную на потаенно дневниковую «поэзию для себя» и совершенную (порой с легким холодком) «поэзию для публики», он медленно, от книги к книге, рефлектируя и рискуя, сводил два разнотройных стиховых массива в смысловое единство. Все больше доверяясь читателю, открывая свою «тайную» трагическую ипостась, Самойлов не позволил ей закрыть ипостась иную, полнящуюся любовью к жизни и доверием к будущему. Он смог претворить стихи о нелюбви в стихи о любви. Он одарил русскую поэзию своей личностью и своей «Анной». Он жил и писал веря, что рано или поздно Россия станет свободной и сильной, «сумбур полународа / Преобразуется в народ», и тогда появится действительно новый поэт. Он надеялся, что летящий на риф фрегат (поэзии, России, истории) пронесется «над Сциллой и Харибдой», и делал для этого все что мог.

Давид Самойлов умер 23 февраля 1990 года, в Таллине, на вечере памяти Пастернака, великого поэта, духовная близость с которым росла в нем год от года. На этот день пришлась четвертая годовщина кончины Бориса Слуцкого, с которым Самойлов страстно спорил и которого нежно любил. Это был день Красной армии, в строю которой поэт прошел Великую Отечественную.

Смерть Самойлова была логичным и торжественным итогом жизни того, кто десятилетием без малого ранее написал удивительные стихи, страшный финал которых не отменяет мощи и искренности властного зачина:

Мне выпало счастье быть русским поэтом.

Андрей Немзер

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Самойлов Давид*. Поденные записи: В 2 т. М., 2002. Далее ссылки на это издание даются в тексте, в скобках; римская цифра обозначает том, арабская — страницу.

² См.: *Самойлов Д. С.* Памятные записки. М., 1995; *Самойлов Давид*. Перебирая наши даты. М., 2000. Далее ссылки на это издание даются в тексте, в скобках.

³ См., например: *Лазарев Л.* Поэзия военного поколения. М., 1966; *Кожин В. В.* Лирика военного поколения // Социалистический реализм и художественное развитие человечества. М., 1966; *Аннинский Лев*. Мальчики великой эпохи // *Аннинский Лев*. Тридцатые — семидесятые. М., 1978; *Лазарев Л.* Юноши 41-го года: (Заметки о поэзии военного поколения) // *Лазарев Л.* Это наша судьба: Заметки о литературе, посвященной Великой Отечественной войне. М., 1978; *Страшнов С.* «Родом из войны»: (О поэтических поколениях) // Вопросы литературы. 1985. № 2; и др.

⁴ *Баевский Вагим*. Давид Самойлов: Поэт и его поколение. М., 1986. Здесь, впрочем, необходимо учитывать советские идеологические каноны. Не слишком благонадежный писатель не имел права на «личную монографию» (это предполагало повышение его статуса) — особенно если автором книги был столь же «сомнительный» литературовед.

⁵ См. наиболее исторически строгий опыт: *Чугакова Мариэтта*. Заметки о поколениях в советской России // Новое литературное обозрение. 1998. № 30. С. 73—91; о распавшемся надвое «третьем поколении» (Самойлов отнесен к его «остановленной, или задержанной» части): Там же. С. 83—84.

⁶ *Рассадин С. Б.* Самойлов // Русские писатели 20 века: Биографический словарь. М., 2000. С. 611—612.

⁷ В мемуарах главу о Пастернаке Самойлов назвал «Предпоследний гений» (316).

⁸ *Шайтанов Игорь*. Палимпсест // Литературное обозрение. 1982. № 5. С. 47—49; ср. также: *Шайтанов Игорь*. О времени слышнее вест... // *Самойлов Давид*. Избранные произведения: В 2 т. М., 1989. Т. 1. С. 5—20.

⁹ Цит. по: *Самойлов Давид*. Избранные произведения: В 2 т. М., 1989. Т. 1. С. 305.

¹⁰ Две довоенные публикации вышли за подписью Д. Кауфман. Псевдоним в сочетании с именем и отчеством ни в коей мере не камуфлировал еврейское происхождение. В 1970—1980-е годы, отвечая на вопросы посетителей поэтических вечеров о псевдониме, Самойлов шутовски говорил, что поэту не подобает носить «купеческую» фамилию (по-немецки Kaufmann — купец). В «Памятных записках» он подробно излагает семейную легенду об одном из предков,

служившем маркитантом при армии Наполеона — см. примеч. к «Маркитанту». Родовая фамилия в переводном варианте возникает в «Памфлете»: «...Написали памфлет / Про поэта Купцова <...> А Купцов все играл / И играл на гитаре».

¹¹ Строки о чтении-пении пушкинской баллады («Из детства») прежде возникли в принципиально важном (и до сей поры оставшемся неизвестным) стихотворении, где Самойлов пытался подвести «предварительные итоги»: «Неужто в гробу — это я? // Тот я, что болел скарлатиной, / И видел, как падает снег, / И папа читал мне: "Как ныне / Сбирается вещей Олег"» («Когда я умру, перестану...»). Об отце (и в связи с отцом — о феномене «русского еврейства») Самойлов подробно говорит в мемуарах (44—58).

¹² Самойлов вспоминает начало молитвы: «Слушай, Израиль! Господь — наш Бог, Господь один». Его редкие поэтические обращения к еврейской теме особо значимы (кроме прочего — именно потому, что редки). В апреле 1944 года, надо думать, под свежим впечатлением от соприкосновения с «обыкновенным» фактом нацистского геноцида, написана «Девочка»: «Девочка! и я ношу и грею / Под личной грубой и несхожей / Сердце Божьей милостью евреев, / Милости не заслуживших Божьей». В 1989-м — «Еврейское неистребимо семя...», где трагическое переживание еврейской обреченности разрешается жертвенным порывом, свидетельствующим о богоизбранности древнего народа, что гибелью своей открывает путь к новому бытию человечества: «Мы семь столетий имя, а не племя, / Страданье, воплотившееся в плоть <...> Но если в человеках мир настанет, / И ближнего не оскорбит никто, / Пускай нас до последнего не станет. / Я отпер дверь. И застегнул пальто». Оба стихотворения опубликованы посмертно, хотя на исходе 1980-х Самойлов имел возможность обнаружить тексты на «горячую тему». Но делать этого не стал.

¹³ *Rassagin С. Б.* Указ. соч. С. 612.

¹⁴ Ср. также «Двор» (1961), где похищение красавицы Елены кладет конец счастливому бытию: «Во двор идти не хочется, / Заброшена игра... / А может, детство кончилось / И тянет со двора». Похищение Елены Прекрасной стало причиной Троянской войны (ср. предвоенное стихотворение «Опять Гефест свой круглый щит кует...» и тему Елены в нем) — «со двора» юного поэта утянуло на войну. Невозможность возвращения к прежней жизни станет смыслообразующим мотивом ряда поздних стихотворений и поэм.

¹⁵ Проницательный анализ сборника с обильным цитированием текстов и указанием на их источники (Маяковский, Хлебников, Пастернак, Заболоцкий и др.) см.: *Баевский Вагум.* Указ. соч. С. 36—48.

¹⁶ *Баевский Вагум.* Указ. соч. С. 38.

¹⁷ *Тынянов Ю. Н.* Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С. 182, 180.

¹⁸ Акмеистическая разработка военной темы присуща стихотворению «Опять Гефест свой круглый щит кует...». В «Прощании» Москва — при всей лживости и сытости населяющих ее «уже чиновников, уже лжецов и честолюбцев», что противопоставлены друзьям поэта, ответственным за судьбу России, — именуется Третьим Римом (с подразумеваемым продолжением формулы: «а Четвертому не быть»).

¹⁹ Так Самойлов оценивал «ренессанс», пропагандируемый Слуцким во второй половине 1950-х; см. письмо Слуцкому, приблизительно датированное летом 1956 г. (168—172). Так же он оценивал попыт-

ку В. В. Кожина сконструировать «новый провинциальный ренессанс» в начале 1970-х (II, 53; запись от 1 марта 1971). Отсюда же, видимо, злые оценки андеграундных объединений, в частности, «смогистов» и «лианозовцев».

²⁰ См. также: *Баевский Вагим*. Указ. соч. С. 49, 46—48 (о переводе «Пьяного корабля»). Эти впечатления (а в какой-то мере и дух стихов Рембо) отразился в «Осени сорок первого». Ср. описание Москвы 16 октября в дневниковой записи от начала ноября (I, 148).

²¹ Война сделала возможной прежде в официальной литературе недопустимую «интимизацию» лирики. Этот процесс — со всеми его прихотливыми поворотами — был недавно детально описан; см.: *Чудакова М. О.* «Военное» стихотворение Симонова «Жди меня...» (июль 1941 г.) в литературном процессе советского времени // *Новое литературное обозрение*. 2002. № 58. С. 223—259. Самойлов шел по пути откровенности гораздо дальше, чем, с одной стороны, защищенный репутацией, а с другой — ориентирующийся на печатный станок Симонов, точно угадавший возможность прорыва и его рамки. Самойлов же и не пытался обнародовать эти стихи. Читая их после войны в интеллигентных компаниях, поэт не раз наткнулся на ханжеское отторжение (I, 248; запись от 6 апреля 1948 с выводом: «Эти стихи — своеобразный пошломер»).

²² Характер издания не позволяет в должной мере охарактеризовать поэмы Самойлова. Необходимо, однако, указать на их лирическую природу. Сюжет в поэмах (и балладах) Самойлова, с одной стороны, проясняет те смыслы, что таятся в зернах суггестивной лирики, а с другой — прячет эти самые зерна, придавая лирическому началу еще большую загадочность. Все поэмы Самойлова написаны о себе. («Цыгановы» — попытка выстроить альтернативный вариант судьбы, завершающаяся обнаружением невозможности «другой жизни», ее глубинной тождественности жизни привычной.) Кроме «Ближних стран» и «Снегопада», о чьем лирическом генезисе сказано выше (их отраженный вариант — «Последние каникулы», где солдатский путь долга обращается в вольную дорогу, с такими же счастливыми — и истаявающими — привалами, и той же невозможностью обрести дом), укажем на параллель «Сна о Ганнибале» и «Пярусских элегий», на проговаривание послевоенных проблем сперва в «Шагах Командорова» и «Чайной», а затем (очень по-разному) в «Блудном сыне», «Юлии Кломпусе» и «Возвращении» (вновь и вновь судьба бесприютного солдата), на связь «Струфиана» не только со «Смертью императора Максимилиана», но и с устойчивой темой запредельного покоя, последнего освобождения, на «дон-жуановский» комплекс, на вырастание «Канделябров» (и по-другому — «Похитителя славы») из «домашней поэзии». Тесная соотнесенность поэм между собой, их, если угодно, не полная самодостаточность (так проза Мандельштама и Пастернака сколько-нибудь понятна лишь в поле их стихов) вновь указывают на лиризм как доминанту самоейловского поэтического мира. Подробнее см.: *Немзер Ангрей*. Поэмы Давида Самойлова // *Самойлов Давид*. Поэмы. М., 2005.

²³ «Цыганские» стихи Самойлова органично встраиваются в тот корпус текстов, что глубоко осмыслен в классической работе Ю. М. Лотмана и З. Г. Минц «"Человек природы" в русской литературе XIX века и "цыганская тема" у Блока». См.: *Лотман Ю. М.* Русская литература и культура Просвещения. М., 1998. С. 325—384.

²⁴ Обе ипостаси видны не только в «поэтической», но и в «литературно-бытовой» личности Самойлова. С одной стороны, он был неутомимым переводчиком, сочинителем детских пьес в стихах, составителем сценических композиций, критиком, стиховедом, автором «Книги о русской рифме» (М., 1982; Второе дополненное издание), то есть вполне подходил под формулу «Писатель — это учреждение», которой автор монографии о поэте озаглавил ее эпиграф; см.: *Баевский Вагим*. Указ. соч. С. 239—254. С другой стороны, игровые, «домашне-кружковые» стихи и проза Самойлова (вероятно, далеко не в полном объеме) сложились в большую книгу; см.: *Самойлов Давид*. В кругу себя. Таллинн, 2001 (составитель Юрий Абызов).

²⁵ В этой связи важны не только «Шуберт Франц» (1961), где герой представлен фольклорным творцом («не сочиняет — / Как поется, так поет») песен (в будущем — народных), но и антитеза композиторов в поэме «Юлий Кломпус»: «Я помню дивную певицу. / Бывало, на ее губах / Смягчался (курсив мой. — А. Н.) сам суровый Бах / И Шуберт воспевал денницу». В той же первой главе поэмы описание песенного («фольклорно-низового») репертуара послевоенной компании завершается именем поэта, достигшего (по мнению многих, включая Самойлова) искомого синтеза индивидуальной и хоровой (народной) лирики: «Былым защитникам державы, / Нам не хватало Окуджавы». Уместно напомнить, что эпиграфом к этой главе стали строки «Высокой болезни», соседствующие с «музыкой во льду».

²⁶ Здесь, кроме прочего, должно упомянуть автопародию (она же *credo*) «Собачий вальс», где плененный бельканто «вороватой суки» поп отказался от злодейского замысла и «стал подпевать собаке басом». В последних строках несомненно отсылка к строфе о редакторе и цензоре стихотворения «Соловьи Ильдефонса-Константы» («Зачем я его правил! Зачем я его резал!») и судьбе этой строфы, советскими инстанциями все-таки зарезанной.

²⁷ «Они трехъярусным гекзаметром / Смещались вправо по квадрату. / Смещенных выносили замертво, / Никто не замечал утраты» («Встреча», 1921).

²⁸ Четырехстопный ямб со сплошными мужскими рифмами прижился в русской поэзии после «Шильонского узника» Жуковского (во многом благодаря «Мцыри»), однако в поэмах (вплоть до рассказа Крокодила о петроградском зоосаде в сказке Чуковского), а не в лирике, и с парной (иногда переходящей в тройную), а не перекрестной рифмовкой. Интереснейший пример работы Самойлова с этим размером — «Старый сад», где виртуозно используются рифмы, воспринимающиеся как «не совсем рифмы», не только ассонансы («сад — таз») и рифмы неполные («крепка — шкаф», «гул — лугу»), но и рифмы с перестановкой согласных, поддержанные аллитерацией внутри строки («славянофил — лиловых слив»; «нить — Ламартин») и диссонанс («ночник — чекан»).

²⁹ О сплошных женских рифмах Самойлова см.: *Баевский Вагим*. Указ соч. С. 205—206. В. С. Баевский оспаривает гипотезу о влиянии польской поэзии, где женская рифма является константой. Любопытно, однако, что размер появляется при первом соприкосновении поэта с польским языком. Что же касается русских истоков самойловского четырехстопного ямба со сплошными женскими рифмами, то скорее всего это «Мефистофель» (1919) Пастернака, входящий в те же «Пять повестей» («Темы и вариации»), что и отозвавшаяся в

«Музе» «Встреча». Поэт не зря утверждал, что «однотомник с портретом Яр-Кравченко» вытвердил «на память от первой до последней строки» (316). Явно пастернаковский «Мефистофель» отзовется в «Завсегдагае» («Он мефистофель и приятель / Буфетчицы и судомоек» и ряд других сходжений). О самойловской рифме см. также: *Жовтис А.* Стихи нужны... Алма-Ата, 1968. С. 101—104; *Гаспаров М. А.* Эволюция русской рифмы // *Гаспаров М. А.* Избранные труды: В 3 т. М., 1997. Т. 3. С. 318, 323.

³⁰ См. тонкие наблюдения над жанровой дифференциацией (лирика — поэмы) и семантизацией ритмических разновидностей в самойловских ямбах: *Руднев В. П.* Трехстопный ямб Д. Самойлова // Сборник трудов СНО филологического факультета. Русская филология. В. Тарту, 1977. С. 109—118; *Руднев В. П.* Четырехстопный ямб Д. Самойлова // Материалы республиканской конференции СНО. 1977. Русская филология. Тарту, 1977. С. 113—128. Ср. также: *Иванов Вяч. Вс.* Об одном способе организации ритмического построения стихотворения // Проблемы структурной лингвистики. 1978. М., 1981. С. 219—222; *Абишева С.* Трехсложные размеры в поэзии Д. Самойлова // Проблемы стихотворного стиля: Тематический сборник научных трудов. Алма-Ата. 1987. С. 77—88 и др.

³¹ См.: *Григорьев В. П.* Поэтика слова: На материале русской советской поэзии. М., 1979. С. 20, 258; *Северская О.* К описанию семантики паронимической аттракции // Вопросы языкознания. 1990. № 3. С. 35; *Гаспаров М. А.* Иноязычная фоника в русском стихе // *Гаспаров М. А.* Избранные труды: в 3 т. М., 1997. Т. 3. С. 572.

³² Традиционализм Самойлова никогда не превращается в самоцель. Достаточно напомнить, что этот «противник» верлибра написал четыре стихотворения с одним и тем же названием — «Свободный стих», сделав этот метр структурообразующим фактором личного жанра. Одноименные стихотворения — это философско-поэтические манифесты: «Профессор Уильям Росс Эшби...» (апология мозга как «негибкой системы», то есть человеческого разума, способного противостоять кошмарам «писателя Кафки»); «В третьем тысячелетии...» — иронично поданная, но кровно самойловская мысль о спрессованности истории; «Я рос соответственно времени...» — *stredo* поэта в отношении текущей истории. Наконец, собственно «Свободный стих...» (первая строка совпадает с названием; Самойлов зримо издевается над будущими литературоведами), где поэт объясняет, что же этот тип стиха (жанр) значит для мастера.

³³ *Аннинский Лев.* Мальчики великой эпохи // *Аннинский Лев.* Тридцатые — семидесятые. М., 1978. С. 171—172.

³⁴ *Чудакова М. О.* Возвращение лирики // Вопросы литературы. 2002. Вып. 3.

³⁵ Книга Наровчатова называлась «Костер» — как сборник (1918) Гумилева, запрещенного, но оказавшего огромное влияние на советских балладников, чья линия и была продолжена Наровчатовым. Самойлову чужды строки «быть на Одре славянским заставам, воевать им славу мечом». Приведа их же в мемуарах, он пишет: «Остатки доверенной поэтической компании окончательно распались. Только мы со Слуцким еще несколько лет держались вместе» (160). Здесь есть преувеличение; ср. о середине 1950-х — времени наибольших успехов Слуцкого: «Помню, как сердился Сергей на Слуцкого, не пожелавшего подтягивать нас на взятую высоту» (135). Приязнь к

Наровчатову Самойлов сохранил не только в пору «Сороковых», но и позже, когда друг его молодости стал крупным функционером, не погнушавшимся принять участие в «процессе исключения» Л. К. Чуковской из Союза писателей. Попыткой двигаться в сходном курсе (советская баллада — пусть без «славянщины», но с антизападным пафосом) стали «Офицеры его величества». Над этим стихотворением Самойлов долго работал, включил его в «Ближние страны» и более не переиздавал.

³⁶ Цит. по: *Кобрин В.* Иван Грозный. М., 1989. С. 9

³⁷ Позднее в «Его слове» (1957) заглавное (ленинское) слово воплощает «волю и народность / Революции». Это была попытка совместить свое (идушее от Блока) понимание революции как «музыкального» высвобождения народного духа с нормами оттепели. Самойлов по-школярски ориентируется на благородные образцы: отрицание «легенды» и «обожествления», тема ленинского то ли бессмертия, то ли возрождения (напомним о тогдашней знаковой формуле — «восстановление ленинских норм») пришли от Маяковского, восторг перед Лениным-оратором (воплощением истории) — из «Высокой болезни». Есть соблазн предположить, что и автор подался соблазну: стихи о Ленине должны были помочь прохождению первой (!) книги тридцатисемилетнего поэта сквозь редакторские препоны. Позднейшие самоейловские размышления о революции развиваются в русле Блока (и трактуемого в блоковском ключе «Доктора Живаго»), их поэтическим выражением стало «Рождество Александра Блока», где нет места Ленину и политической составляющей октябрьского переворота, а итогом становится затмение Вифлеемской звезды.

³⁸ Ср.: *Гершензон Михаил.* Избранное: <В 4 т>. М.; Иерусалим, 2000. Т. 2. С. 10. Следы внимательного чтения книги Гершензона приметны и в дальнейших дневниковых записях.

³⁹ Ср. тонкие наблюдения над переходом Самойлова от «книг» (до «Дней» включительно) к сборникам (начиная с «Волны и камня») и растерянной реакцией критики на этот процесс: *Чупринин Сергей.* Крупным планом. Поэзия наших дней: проблемы и характеристики. М., 1983. С. 81—82.

⁴⁰ Самойлов вспоминал о знакомстве и «незначущих разговорах» с Пастернаком. Младший поэт интереса не вызвал, хотя и удостоился «однажды необязательного приглашения: да, надо бы встретиться, поговорить» (318).

⁴¹ См.: *Тименчик Р. Д.* Заметки о «Поэме без героя» // Ахматова Анна. М., 1989. С. 14—15.

⁴² О мандельштамовском подтексте см.: *Баевский Вагим.* Указ. соч. С. 133—135. О державинских реминисценциях в «Грифельной оде»: *Гинзбург Лидия.* О лирике. Л., 1974. С. 387—389 (книга эта, вероятно, была известна Самойлову).

⁴³ *Тименчик Р.* К анализу «Поэмы без героя» А. Ахматовой // Тартуский государственный университет. Материалы XXII научной студенческой конференции. Тарту. 1967. Итоговая работа на эту тему появится позднее; см.: *Тименчик Р. Д., Топоров В. Н., Цивьян Т. В.* Ахматова и Кузмин // *Russian Literature.* 1978. <V. > 6. № 3. July.

⁴⁴ Об этом см. в позднейшей работе: *Паперно И.* Двойничество и любовный треугольник: поэтический мир Кузмина и его пушкинская проекция // *Studies in the Life and Works of Mixail Kuzmin / Ed. By John E. Malmstad.* Wien, 1989. (WSA. Sonderband 24). P. 57—82.

⁴⁵ Смысловой комплекс «стариковства» блестяще проанализирован в одной из лучших работ о Самойлове; см.: *Чулпринин Сергей*. Указ. соч. С. 80—91.

⁴⁶ Возможно, Ахматова в 1940 году знала и вторые «Стансы» Мандельштама («Необходимо сердцу биться...», 1937), где обреченный поэт сделал новый шаг навстречу людоедскому режиму и главному людоеду. Очень мала вероятность, что «Стансы» эти (впервые опубликованы в 1989 году) были известны Самойлову в пору работы над его «Стансами».

⁴⁷ Реминисценция послания Жуковского у Лермонтова была выявлена в ранней работе Ю. Н. Тынянова, опубликованной лишь посмертно: *Тынянов Ю.* Литературный источник «Смерти поэта» // Вопросы литературы. 1964. № 10. С. 98—106. Самойлов мог знать эту публикацию.

⁴⁸ *Самойлов Д.* Книга о русской рифме. М., 1982. С. 180—184.

⁴⁹ См.: Вопросы литературы. 2003. Май — Июнь. С. 216—225; публикация и послесловие Г. Медведевой. (В послесловии приведены наброски «Юного Дон-Жуана», 1988, еще одного самоейловского обращения к легенде.) Для нас важны как раннее обращение поэта к сюжету, что пройдет сквозь все его творчество, так и разочарованность Дон-Жуана семейной жизнью с Анной.

⁵⁰ Еще одно тому доказательство — сцепленность «зимних» стихов с появившимися годом позже и обращенными к Г. И. Медведевой «весенними» («Была туманная луна...»), где вновь встречаем четырехстопный ямб с опоясывающей рифмовкой, доминирование ударного «а» и спрятанную туманом «Анну» (первая строка), весенний истаивающий мороз, подменивший зимнее тепло, и мотив перечня имен («Во сне какие имена...»). Ср. сходную звуковую игру в первом из строго засекреченных (посвящение — «Только тебе») «Двух стихотворений»: «Таллин — тайное обиталище...»

СТИХОТВОРЕНИЯ

СТИХОТВОРЕНИЯ, ПОДГОТОВЛЕННЫЕ К ПЕЧАТИ АВТОРОМ

1. ПЛОТНИКИ...

Плотники о плаху притупили топоры.
Им не вешать, им не плакать — сколотили наскоро.
Сшибли кружки с горьким пивом горожане, школяры.
Толки шли в трактире «Перстень короля Гренадского».

Краснорожие солдаты обнимались с девками,
Хохотали над ужимками бродяги-горбуна,
Городские стражи строже потрясали древками,
Чаще чокались, желая мяса и вина.

- Облака и башни были выпуклы и грубы.
10 Будет чем повеселиться палачу и виселице!
Геральдические львы над воротами дули в трубы.
«Три часа осталось жить — экая бессмыслица!»

Он был смел или беспечен: «И в аду не только черти!
На земле пожили — что же! — попадем на небеса!
Уходи, монах, пожалуйста, не говори о смерти,
Если — экая бессмыслица! — осталось три часа!»

- Плотники о плаху притупили топоры.
На ярмарочной площади крикнули глашатаи.
Потянулись солдаты, горожане, школяры,
20 Женщины, подростки и торговцы бородатые.

Дернули колокола. Приказали расступиться.
Голова тяжелая висела, как свинчатка.
Шел палач, закрытый маской, — чтоб не устыдиться,
Чтобы не испачкаться — в кожаных перчатках.

Посмотрите, молодцы! Поглядите, голубицы!
(Коло-тили, коло-тили в телеса колоколов.)
Душегуб голубоглазый, безбородый — и убийца,
Убегавший из-под стражи, сторожей переколов.

- Он был смел или беспечен. Поглядел лишь на небо.
30 И не слышал, что монах ему твердил об ерунде.
«До свиданья, други!
Может быть, и встретимся когда-нибудь:
Будем жариться у черта на одной сковороде!»

Май 1938

2. ПАСТУХ В ЧУВАШИИ

Глухой хрипун, седой молчальник
Из-за коряг следил луну.
Вокруг стоял сухой кустарник,
Жевали совы белену.
И странны, как рога оленье,
Валялись корни в отдаленье.
На холод озерных зеркал
Туман влачил свои полотна.
Здесь мир первичный возникал
10 Из глины и кути болотной.
...И, звезд питаюсь млечным соком,
Сидел он, молчалив, как окунь.

Как дым, кипели комары
В котле огромной лихорадки.
За косогоры падали миры.
И все здесь было в беспорядке.

Я подошел к огню костра.
— А сколько будет до кордона? —
Глаза лениво и бездонно
20 Глядели из болотных трав.
Он был божественный язычник
Из глины, выжженной в огне.
Он на коров прикрикнул зычно,
И эхо пело в стороне...
Я подражал «Цыганам» Пушкина
До третьих петухов.

Потом достигла речь кукушкина
Светлевших перьев облаков.
Коровы сбились в теплый ком,
30 Следя, как звезды потухали.
Шурша шершавым языком,
Они, как матери, вздыхали...

Конец 1938

3. ОХОТА НА МАМОНТА

Я спал на вокзале.
Тяжелый мамонт,
Последний,
шел по болотам Сибири.
И камень стоял. И реки упрямо
В звонкие
берега
били.

А шкуры одежда обвисали.
В налушнах
Стрелы торчали. И было слышно:
Мамонт идет по тропам непослушным,
Последний мамонт идет к водопою.

Так отступают эпохи.
Косые,
Налитые кровью и страхом глаза.
Под закосневшим снегом России
Оставив армию,
уходит на Запад.

Но челюсть разорвана криком охоты.
Кинулось племя. В руках волосатых
Свистнули луки, как птицы...
И кто-то
Уже умирал
на топях проклятых.

И вдруг закричал
последний мамонт,
Завыл,
одинокий на всей земле.
Последним криком своим и самым
Угрюмым и долгим
кричал зверь.

Так звал паровоз в ледниковой ночи,
Под топот колес,
неуемно,
грозно...
Мы спали тогда на вокзале тифозном
И там же кончались
при свете свечи.

1939

4. К ВЕЧЕРУ

К вечеру лошади на ходулях
Шляются. Сосны дымят медью.
В травах лиловых кузнечик колдует.
И мир поворачивается медленно,
Как деревянное колесо.
Перемежаются длинные спицы.
Вдруг прилетают тяжелые птицы
И улетают за горизонт.

1939

5. КОНЬ

И снова конь
 отряхает, как прачка,
Пену с мускулистых рук.
И огний глаз
 несется в горячке.
И копыта сбиты
 по четыре
 в стук.

1940 или 1941

6. СОФЬЯ ПАЛЕОЛОГ

Отмерено добро и зло
Весами куполов неровных,
О византийское чело,
Полуулыбка губ бескровных!

Не доводом и не мечом
Царьград был выкован и слеплен.
Наивный варвар был прельщен
Его коварным благолепьем.

10 Не раз искусный богомаз,
Творя на кипарисных досках,
Его от разрушенья спас
Изображеньем ликов плоских.

И где пределы торжеству,
Когда — добытую жар-птицу —
Везли заморскую царицу
В первопрестольную Москву.

20 Как шлемы были купола.
Они раскачивались в звоне.
Она на сердце берегла,
Как белых ласточек, ладони.

И был уже неоспорим
Закон меча в делах условных...
Полуулыбкой губ бескровных
Она встречала Третий Рим.

1941

7. ПЕРЕД БОЕМ

В тот тесный час перед сраженьем
Простуженные голоса
Угрюмым сходством выраженья
Страшны, как мертвые глаза.

И время не переиначишь.
И утешение одно:
Что ты узнаешь и заплачешь,
И что тебе не все равно.

1944

8. МУЗА

Тарахтят паровозы на потных колесах,
Под поршнями пары затискав.
В деревянном вагоне простоволосая
Муза входит в сны пехотинцев.

И когда посинеет и падает замертво
День за стрелки в пустые карьеры,
Эшелоны выстукивают гекзаметры
И в шинели укутываются Гомеры.

1944

9. РУБЕЖ

Свет фар упирается в ливень.
И куст приседает, испуган.
И белый, отточенный бивень
Таранит дорогу за Бугом.

Рубеж был почти неприметен.
Он был только словом и вздрогом.
Все те же висячие плети
Дождя. И все та же дорога.

Все та же дорога. Дощатый
Мосток через речку. Не больше.
И едут, и едут солдаты
Куда-то по Польше, по Польше.

Август 1944

10—11. КАТЕРИНА

1

Баян спасает от тоски,
Но не спасает от печали,
Когда поет, как казаки
Дружка убитого встречали.

Есть где-то в мире Бах и власть
Высокой музыки над сором.
Органа ледяная страсть
Колючим восстает собором.

10 Той музыке не до любви!
Она светла и постоянна!
О руки белые твои,
О скомороший визг баяна!

Кривляется горбатый мех,
Дробится в зеркальце лучина.
И только твой счастливый смех
Я вдруг услышал, Катерина.

2

В стихах господствует закономерность,
Как в подвижном строении светил,
Как будто с мерным замыслом Гомера
Господь свое создание сличил.

И облака российского ненастья
Теряют вид нестираных рубах,
И горький ветер зла и разногласья
Приобретает старость на губах.

10 И бытия растерзанная глина
За столько лет, наверное, впервой
В твоем саду, родная Катерина,
Неосторожной поросла травой...

1944

12

Мы зябли, но не прозябали,
Когда, съедая дни и сны,
Вокзалы лязгали зубами
В потемках, как цепные псы.

Холодный шорох снегопада.
И привокзальные костры.
А в отдаленье канонада
Катает гулкие шары.

1945

13

Берлин в просветах стен без стекол
Опять преследует меня
Оскалом сползшего на цоколь,
Как труп, зеленого коня.

Продуты смертным сквозняком
Кривые пальцы мертвых сучьев.
Над чем смеешься, страшный конь,
По уши тучи нахлобучив!..

1945

14. СЕМЕН АНДРЕИЧ

С. А. Косову

Помню! Синявинские высоты
Брали курсанты три раза подряд.
Еле уволокли пулеметы.
А три батальона — там и лежат.

Помню! Расстреливали перед строем
Солдатика девятнадцати лет
За то, что парнишка не был героем.
Бежал. А этого делать не след.

10 Помню! Мальчик простерт на талом
Снегу с простреленным животом.
Помню еще — о большом и малом,
Об очень сложном и очень простом.

И все же были такие минуты,
Когда, головой упав на мешок,
Думал, что именно так почему-то
Жить особенно хорошо.

20 И ясно мне все без лишних вопросов,
И правильно все и просто вокруг.
А рядом — Семен Андреевич Косов,
Алтайский пахарь, до смерти друг.

Да, он был мне друг, неподкупный и кровный,
И мне доверяла дружба святая
Письма писать Пелагее Петровне.
Он их отсылал не читая.

— Да что там читать, — говорил Семен,
Сворачивая самокрутку на ужин, —
Сам ты грамотен да умен,
Пропишешь как надо — живем, не тужим.

30 Семен Андреич! Алтайский пахарь!
С тобой мы полгода друг друга грели.
Семь раз в атаку ходил без страха.
И пули тебя, как святого, жалели.

Мы знали до пятнышка друг о друге,
И ты рассказывал, как о любви,
Что кони, тонкие, словно руки,
Скачут среди степной травы.

40 И кабы раньше про то узнать бы,
Что жизнь текла, как по лугу, ровно,
Какие бывали крестины и свадьбы,
Как в девках жила Пелагея Петровна.

Зори — красными петухами.
Ветер в болоте осоку режет.
А я молчал, что брежу стихами.
Ты б не поверил, подумал — брешет.

Ты думал, что книги пишут не люди,
Ты думал, что песни живут, как кони,
Что так оно было, так и будет,
Как в детстве думал про звон колокольный...

50 Семен Андреич! Алтайский пахарь!
Счастлив ли ты? Здоровый? Живой ли?
Помнишь, как ты разорвал рубаху
И руку мне перетянул до боли!

Помнишь? Была побита пехота,
И мы были двое у пулемета.

И ты сказал, по-обычному просто,
Ленту новую заложив:
— Ступай. Ты ранен. (Вот нынче мороз-то!)
А я останусь, покуда жив.

60 Мой друг Семен, неподкупный и кровный!
Век не забуду наше прощанье.
Я напишу Пелагее Петровне,
Выполню клятвенное обещанье.

Девушки в золотистых косах
Споют, придя с весенней работы,
Про то, как Семен Андреич Косов
Один остался у пулемета.

70 И песни будут ходить, как кони,
По пышным травам, по майскому лугу.
И рощи, белые, как колокольни,
Листвою раззвонят на всю округу.

И полетят от рощи к роще,
От ветки к ветке по белу свету.
Писать те песни — простого проще
И хитрости в этом особой нету.

10 января 1946

15

Ты не торопи меня, не трогай.
Пусть перегорит, переболит.
Я пойду своей простой дорогой
Только так, как сердце повелит.

Только так. До той предельной грани,
Где безверьем не томит молва,
Где перегорают расстоянья
И ложатся пеплом на слова.

Горький пепел! Он стихами правит,
Зная, что придет его черед,
Даже если женщина оставит,
Друг осудит, слава обойдет.

1946

16

Извечно покорны слепому труду,
Небесные звезды несутся в кругу.

Беззвучно вращаясь на тонких осях,
Плывут по вселенной, как рыбий косяк.

В раздумье стоит на земле человек,
И звезды на щеки ложатся, как снег.

И в тесном его человечесьем мозгу
Такие же звезды мнутся в кругу.

10 В нас мир отражен, как в воде и стекле,
То щеки уколует, подобно игле,

То шоркнет по коже, как мерзлый рукав,
То скользкою рыбкой трепещет в руках.

Но разум людской — не вода и стекло,
В нем наше дыханье и наше тепло.

К нам в ноги летит, как птенец из гнезда,
Продрогшая маленькая звезда.

Берем ее в руки. Над нею стоим,
И греем, и греем дыханьем своим.

1946

17

Город зимний,
Город дивный,
Снег, как с яблонь,
Лепестками.
Словно крыльев
Лебединых
Осторожное дыханье.

Дворники,
Как пчеловоды,
Смотрят снежное роенье.
И заснеженной природы
Принимают настроенье.

7 января 1947

18. КРЫЛЬЯ ХОЛОПА

Стоишь, плечами небо тронув,
Превыше помыслов людских,
Превыше зол, превыше тронов,
Превыше башен городских.

Раскрыты крылья слюдяные,
Стрекозым трепетом шурша.
И ветры дуют ледяные,
А люди смотрят, чуть дыша.

10 Ты ощутишь в своем полете
Неодолимый вес земли,
Бесмысленную тяжесть плоти,
Себя, простертого в пыли.

И гогот злобного базара,
И горожанок робкий страх...
И Божья, и людская кара.
О человек! О пыль! О прах!

20 Но будет славить век железный
Твои высокие мечты,
Тебя, взлетевшего над бездной
С бессильным чувством высоты.

14 мая 1947

19. ТРЕВОГА

Долго пахнут порохом слова.
А у сосен тоже есть стволы.
Пни стоят, как чистые столы,
А на них медовая смола.

Бабы бьют вальками над прудом —
Спящим снится орудийный гром.
Как фугаска, ухаает подвал,
Эхом откликаясь на обвал.

К нам война вторгается в постель
Звуками, очнувшимися вдруг,
Ломотой простреленных костей,
Немотою обожженных рук.

Долго будут в памяти слова
Цвета орудийного ствола.
Долго будут сосны над травой
Окисью синеть пороховой.

И уже ничем не излечим
Пропитавший нервы непокой.
«Кто идет?» — спросонья мы кричим
И наганы шарим под щекой.

23 октября 1947

20—23. СТИХИ О ЦАРЕ ИВАНЕ

<1>. МЕЧТА О МОРЕ

Он видел лес,
Где распевают птахи
И где ночами ухают сычи.
И этот лес шумел, шумел в ночи.
И этот лес лежал до синя моря.

Он видел степь,
Где ястреб и орел
Ныряют в травы.
Холм за холм и дол за дол
10 Свободно уходили на просторе.
И эта степь легла до синя моря.

А моря он не видел никогда...
Ему ночами снилась синяя вода,
Над нею пена белая кипела,
И словно степь дышал ее простор.
И море пело, пело, пело,
Как по ночам поет дремучий бор.

И птицы снились не степные, не лесные —
20 Невиданные, новые, иные —
Не желтоглазый сыч,
Не серый беркут,
А птицы синеглазые морские,
Как гуси белокрылые, белы
И с клювами кривыми, как орлы.

Подобно морю
Простиралась степь.
Подобно морю
Волновались чащи.
И сны его тревожили
30 Все чаще.
Какие сны!
А им свершенья нет!

И государь державы сухопутной,
Бывало, просыпался.
Рядом с ним
Дышала женщина, как дышит море.
Но пахло духом смоляным, лесным,
И филин ухал в непроглядном боре.

А по лесным дорогам шли войска,
40 Шли ратники, скакали верховые,

Везли в санях припасы огневые.
И озирал просторы снеговые
Суровый воевода из возка.

О море, море — русская мечта!
Когда еще тебе дано свершиться!
И государю по ночам не спится,
А чуть прикроет грозные зеницы,
Все чудятся ему морские птицы,
И синева, и даль, и высота!

Февраль 1957

<2>. ИВАН И ХОЛОП

Ходит Иван по ночному покою,
Бороду гладит узкой рукою.
То ль ему совесть спать не дает,
То ль его черная дума томит.
Слышно — в посаде кочет поет,
Ветер, как в бубен, в стекла гремит.

10 Дерзкие очи в Ивана вперя,
Ванька-холоп глядит на царя.
— Помни, холоп непокорный и вор,
Что с государем ведешь разговор!
Думаешь, сладко ходить мне в царях,
Если повсюду враги да беда:
Турок и швед сторожат на морях,
С суши — ногаи, да лях, да орда.
Мыслят сгубить православных христьян,
Русскую землю загнали бы в гроб!
Сладко ли мне? — вопрошает Иван.
— Горько тебе, — отвечает холоп.

20 — А опереться могу на кого?
Лисы — бояре, да волки — князья.
С младости друга имел одного.
Где он, тот друг, и иные друзья?
Сын был наследник мне Господом дан.
Ведаешь, раб, отчего он усоп?
Весело мне? — вопрошает Иван.
— Тяжко тебе, — отвечает холоп.

30 — Думаешь, царь-де наш гневен и слеп,
Он-де не ведает нашей нужды.
Знаю, что потом послен твой хлеб,
Знаю, что терпишь от зла и вражды.
Пытан в застенке, клещами ты рван,
Царским клеймом опечатан твой лоб.

Худо тебе? — вопрошает Иван.

— Худо, — ему отвечает холоп.

— Ты ли меня не ругал, не честил,
Врал за вином про лихие дела!
Я бы тебя, неразумный, простил,
Если б повадка другим не была!
Косточки хрустнут на дыбе, смутьян!
40 Криком Малюту не вгонишь в озноб!
Страшно тебе? — вопрошает Иван.
— Страшно! — ему отвечает холоп.

— Ты милосердья, холоп, не проси.
Нет милосердных царей на Руси.
Русь — что корабль. Перед ней — океан.
Кормчий — гляди, чтоб корабль не потоп!..
Правду ль реку? — вопрошает Иван.
— Бог разберет, — отвечает холоп.

1947—1950

<3>. ТОМЛЕНИЕ КУРЬСКОГО

Над домами, низко над домами
Медным ликом выплыла луна.
Во тумане, близко во тумане
Брежут псы, сошедшие с ума.

Только совесть бродит под туманом,
Как изветник, смотрится в пробой.
Не доспорил князь с царем Иваном,
Не поладил князь с самим собой...

Пишет Курбский в лагере литовском —
10 И перо ломает на куски.
Сторожа по деревянным доскам
Бьют — и то, наверно, от тоски.

«Огляди меня, как саблю, на свет,
Выспроси бессонницу мою.
Предаю тебя, проклятый аспид,
Но с тобою Русь не предаю.

Не иду к лъстецам твоим в науку,
Не плутаю с хитростью лисы.
Награжден за муку, за разлуку,
20 Говорю прямыми словесы.

Оглядись! Среди непрочных топей
Ты столбы трухлявые забил.

Воспитал вокруг себя холопей,
А высоких духом погубил.

Отворил ли правду властью царской?
Водворил ли счастье и покой?
Времена жестокости татарской
Воцарились под твоей рукой!

30 Годы — суть для вечности минуты,
Перейти их мыслями сумей.
Гневом Божьим не родятся ль смуты,
Царь Иван, за гибелью твоей?..»

Оплавая, свечи плачут воском,
Под глазами тени-медяки.
Пишет Курбский в лагере литовском
И перо ломает на куски.

40 За домами, низко за домами,
Засветилась алая черта.
Во тумане, близко во тумане,
В час рассвета кличут кочета.

Октябрь 1947

<4>. СМЕРТЬ ИВАНА

Помирает царь, православный царь!
Колокол стозвонный раскачал звонарь.
От басовой меди облака гудут.
Собрались бояре, царской смерти ждут.
Слушают бояре колокольный гром:
Кто-то будет нынче на Руси царем?

10 А на колокольне, уставленной в зарю,
Весело, весело молодому звонарю.
Гулкая медь,
Звонкая медь,
Как он захочет, так и будет греметь!

«Где же то, Иване, жены твои?» —
«В монастырь отправлены,
Зельями отравлены...» —
«Где же то, Иване, слуги твои?» —
«Пытками загублены,
Головы отрублены...» —
«Где же то, Иване, дети твои?» —
20 «Вот он старший — чернец,
Вот он младший — птенец.
Ни тому, ни другому

Не по чину венец...» —
«Где же, царь-государь, держава твоя?» —
«Вот она, Господи, держава моя...»

А на колокольне, уставленной в зарю,
Весело, весело молодому звонарю.
Он по сизой заре
Распугал сизарей.
30 А может, и вовсе не надо царей?
Может, так проживем,
Безо всяких царей,
Что хочешь — твори,
Что хошь — говори,
Сами себе цари,
Сами государи.

Лежит Иван, в головах свеча.
Лежит Иван, не молитву шепча.
Кажется Ивану, что он криком кричит,
Кажется боярам, что он молча лежит,
40 Молча лежит, губами ворожит.
Думают бояре: хоть бы встал он сейчас,
Хоть потешил себя, попугал бы он нас!

А на колокольне, уставленной в зарю,
Весело, весело молодому звонарю.
Раскачалась звонница —
Донн-донн!
Собирайся, вольница,
50 На Дон, на Дон!

Буйная головушка,
Хмелю не проси!..
60 Грозный царь преставился на Руси.
Господи, душу его спаси...

1950—1952?

24. ОСЕНЬ СОРОК ПЕРВОГО

Октябрь бульвары дарит рублем...
Слушки в подворотнях, что немцы под Вязьмой,
И радио марши играет, как в праздник,
И осень stomachовым кораблем
Несется навстречу беде, раскинув
Деревьев просторные паруса.
И холодно ротам. И губы стынют.
И однообразно звучат голоса.

10 В тот день начиналась эпоха плаката
С безжалостной правдой: убей и умри!
Философ был натуго в скатку закатан,
В котомке похрустывали сухари.
В тот день начиналась эпоха солдата
И шли пехотинцы куда-то, куда-то,
К заставам, к окраинам с самой зари.

Казалось, что Кремль воспарил над Москвой,
Как остров летучий, — в просторе, в свеченье.
И сухо вышагивали по мостовой
Отряды народного ополчения.
20 И кто-то сказал: «Неужели сдадим?»
И снова привиделось, как на экране, —
Полет корабельный, и город, и дым
Осеннего дня, паровозов, окраин.

И было так трудно и так хорошо
Шагать патрулям по притихшим бульварам.
И кто-то ответил, что будет недаром
Слезами и кровью наш век орошен.
И сызнова подвиг нас мучил, как жажда,
И снова из бронзы чеканил закат
30 Солдат, революционеров и граждан
В преддверье октябрьских баррикад.

Конец 1947 или 1948

25

В переулке московском старинном,
Где луна заливает дворы стеарином,
Я люблю этот дом со столбами простыми,
А на доме —
Anno Domini: —
По-латыни.
Может быть, перед тем как стоять на Сенатской,
Залетал сюда сокол
В гвардейском мундире
10 Из полнощной столицы.
И копыта будили отточенным цоком
Былого счастливица
Времен государыни-императрицы.

Да! Быть может, впервые
Залетали сюда бескорыстье и вольность России.
И опять верховые
Спешили,

Суровою волей исполнясь,
И в полночь
20 Их кони разгневаные уносили.

О Россия!
Мы умели читать твою горе
В помутившемся взоре
Этих окон, осевших от времени,
О, свобода твоя
Не пришла из-за моря,
Нет! Она не без роду и племени!
Где-то рядом дышала она бескорыстьем,
Где-то рядом вещала она декабристам,
30 Чтоб потом воплотиться в Ленине.

В этот дом прилетали в метельном огне
Тройки, кони, как вьюги легки.
И гремела музыка,
И свет был в окне...
Только в дальнем покое
Под детской щекою во сне
Были сжаты мальчишеские кулаки...
Лоб был чистый, высокий, суровый.
Спал ребенок
40 Вдали от гостей
Под мурлыканье няньки дворовой...

Отгремела
Цыганская музыка вьюги и тройки,
И жестокая шаль пала с плеч,
Откружив, отслужив...
Все ушло.
Только в дальнем покое
На койке
Спит мальчишка суровый,
50 Под подушку кулак подложив...

1948

26. НОВОСЕЛЫ

Шипит рубанок
В желтой пене
Смолистых стружек.
Встает строенье,
Прогибы балок
Слегка напряжив.

10 Стойт и курят
 Новоселы,
 Стойт и спорят:
 — Деревня будет.
 — А нет — поселок.
 — А может, город!

 Конечно, город!
 Он будет белый
 И веселый.
 Здесь хватит места
 И хватит дела
 Всем новоселам.

20 Здесь на заре
 На самой ранней,
 На самой свежей
 Весенних яблонь
 Благоуханье
 Вдохнет приезжий.

30 Пройдет приезжий
 Мимо почты
 И мимо школы.
 Перемигнутся
 И улыбнутся
 Новоселы.

 — Нельзя ли, братцы,
 Напостоянно
 Здесь прописаться? —
 И потолкуют,
 И посмеются,
 И согласятся.

1948

27. ЭЛЕГИЯ

Дни становятся все сероватей.
Ограды похожи на спинки железных кроватей.
Деревья в тумане, и крыши лоснятся.
И сны почему-то не снятся.
В кувшинах стоят восковые осенние листья,
Которые схожи то с сердцем, то с кистью
Руки. И огромное галок семейство,
Картаво ругаясь, шатается с места на место.
Обычный пейзаж! Так хотелось бы неторопливо
10 Писать, избегая наплыва

Обычного чувства пустого неверья
В себя, что всегда у поэтов под дверью
Смеется в кулак и настойчиво трется,
И черт его знает — откуда берется!

Обычная осень! Писать, избегая неверья
В себя. Чтоб скрипели гусиные перья
И, словно гусей белоснежных станицы,
Летели исписанные страницы...
20 Но в доме, в котором живу я — четырехэтажном, —
Есть множество окон. И в каждом
Виднеются лица:
Старухи и дети, жильцы и жилицы.
И смотрят они на мои занавески,
И переговариваются по-детски:
— О чем он там пишет? И чем он там дышит?
Зачем он так часто взирает на крыши,
Где мокрые трубы, и мокрые птицы,
И частых дождей торопливые спицы? —

А что, если вдруг постучат в мои двери
и скажут: — Прочтите.
30 Но только учтите,
Читайте не то, что давно нам известно,
А то, что не скучно и что интересно...
— А что вам известно?
— Что нивы красивы, что люди счастливы,
Любовь завершается браком,
И свет торжествует над мраком.
— Садитесь, прочту вам роман с эпилогом.
— Валяйте! — садятся в молчании строгом.
И слушают.

Он расстается с невестой.
40 (Соседка довольна. Отрывок прелестный.)
Невеста не ждет его. Он погибает.
И зло торжествует. (Соседка зевает.)
Сосед заявляет, что так не бывает,
Нарушены, дескать, моральные нормы
И полный разрыв содержания и формы...
— Пойдите, стойте! Но вы же просили...
— Просили! И просьба останется в силе...
Но вы же поэт! К моему удивленью,
Вы не понимаете сути явлений,
50 По сути — любовь завершается браком,
А свет торжествует над мраком.
Сапожник Подметкин из полуподвала,
Положим, пропойца. Но этого мало
Для литературы. И в роли героя
Должны вы его излечить от запоя

И сделать счастливым супругом Глафиры,
Лифтерши из сорок четвертой квартиры.

60

.....
На улице осень... И окна. И в каждом окошке
Жильцы и жилицы, старухи, и дети, и кошки.
Сапожник Подметкин играет с утра на гармошке.
Глафира выносит очистки картошки.
А может, и впрямь лучше было бы в мире,
Когда бы сапожник женился на этой Глафире?
А может быть, правда — задача поэта
Упорно доказывать это:
Что любовь завершается браком,
А свет торжествует над мраком.

1948

28

Жаль мне тех, кто умирает дома,
Счастье тем, кто умирает в поле,
Припадая к ветру молодому
Головой, закинутой от боли.

Подойдет на стон к нему сестрица,
Поднесет родимому напиться.
Даст водицы, а ему не пьется,
А вода из фляжки мимо льется.

Он глядит, не говорит ни слова,
В рот ему весенний лезет стебель,
А вокруг него ни стен, ни крова,
Только облака гуляют в небе.

И родные про него не знают,
Что он в чистом поле умирает,
Что смертельна рана пулевая.
...Долго ходит почта полевая.

5 февраля 1949

29. СНЕЖНЫЙ ЛИФТ

Все сегодня легко, свежо...
Взять хотя бы вон тот снежок,
Тот, что смехом сыпучим жжет
Твой полуоткрытый рот,
Тот, что падает наискосок
На бульвар, на киоск,

- На лоток,
На дома,
На забор из досок.
- 10 Он белее, чем белый конь,
Он свежее, чем молоко,
Он навален до самых стрех,
Он просеян сквозь сотню сит.
Вот уже неподвижно висит,
Это город летит вверх.
- Город — вверх, мимо снежных сетей,
Город — вверх, на забаву детей.
Мимо снега
Летят фонари,
20 Окна,
Трубы,
Часы,
Карниз —
Прямо в медленную пургу.
- Эй, держись!
Не свались
Вниз!
Там все тоже в снегу!
В снегу!
- 30 Если ты сегодня счастлив,
Я возьму тебя в снежный лифт.

Февраль 1949

30. ГОНЧАР

Продавали на базаре яблоки, халву, урюк,
Полосаты, как халаты, запотели арбузы.
А разгневанное солнце било в медные тазы.
И впервые я услышал, что лучи имеют звук.

Как развенчанный владыка, гордо щурился верблюд
На сурового узбека из колхоза «Кзыл юлдуз».
Тот, не глядя на прохожих, молча вспарывал арбуз.
А вокруг горшков и блюд волновался разный люд.

- 10 Ах, какие это блюда — и блестят, как изразец,
И поют, как колокольчик, и звенят, как бубенец.
Их безоблачному небу взял Аллах за образец.
Это маленькое небо за десятку продают.

А какие там узоры по глазури завиты!
Красноперые пичуги в синих зарослях поют,
И прохладные озера меж цветами налиты.
Эти милые озера за десятку продают.

Он, как глина, мудр и стар, этот каменный гончар.
Он берет ломоть арбуза — красноватый хрусткий снег,
Он к прохожим безучастен, этот старый человек:
20 Пусть, мол, сам себя похвалит звонкий глиняный товар.

Он недаром желтой глиной перепачкан по утрам,
Веселья своим удачам и грустя от неудач.
А болтливость не пристала настоящим мастерам.
Суетливость не пристала настоящим мастерам.

1949

31. ОФИЦЕРЫ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА

Сорок первый.
Ветер высвистывает
В крышах соломенных.
Рощи ветвистые,
Как руки, заломлены.

По Волоколамскому
В рассвете брезжущем,
Тент прополаскивая
Ветром режущим,

Взлетая на мостиках,
Кренясь и сияясь,
С гостями заморскими
Несется «виллис».

А гости кутаются,
Совсем заиндевав,
В потемках путаница
Путей невидимых.

Но офицерам его величества
Удивляться не приличествует.
(Из самого Лондона
Депеша пришла:
Узнать доподлинно,
Как дела,
Каково действительное
Положение,
Скоро ль решительное

Пораженье,
Сколько недель Россия продержится
При крайней русской самоотверженности?)
Летят, по выжженности
Узнавая,
Что здесь поблизости
Передовая.
То там, то тут
Ее приметы...
Контрольный пункт.
— Документы!

Офицеры его величества
Достают удостоверения личности.

С улыбкой союзной,
Почти что ангельской,
Подходит грузный
Генерал английский,
Из тех, которые
С вражьей сворою
Когда-то высаживались
В Архангельске.

...Командир дивизии,
Подполковник,
Встречает «ревизию»:
— Гуд моунинг!
На вопрос подробный —
Без охоты особенной:
— Полки потрепаны,
Но боеспособны.

Офицеры его величества
Решают бросить все околичности...

Послушав обстрел,
Поглядев искоса,
Командир пободрел,
Как будто выпался.

Он вносит миссии
Предложенье
Пройтись по дивизии
В расположенье
Рот батальонов,
Поскольку там
Яснее истинное положенье.

...Сорок первый.
Ветер высвистывает
Над синими елями.
Рощи ветвистые
Снарядом прострелены.

У края полянки
Лежит отделение.
Мертвые танки
Горят в отдалении.

Сержант в шинели
Почти что глиняной
Командует
Оборонительной линией.

И входят британцы
Отнюдь не без робости
В особую область
Упорства и доблести.

Особая отрасль
Характера нашего —
Советская доблесть
Стоит не прикрашена.

(В продрогшем окопе
Присевший «максим».
И тесный блиндажик
Из хлипких лесин.)

И в той тишине
Под шинелью английской —
Озноб по спине,
Как тогда, в Архангельске.

И голос сержантский
(Рукою — честь):
Будем держаться.
Патроны есть.

Взвод в составе
Шести красноармейцев.
Офицерского состава
Не имеется.

К миссии вопросец
От наших рот:
Когда откроется
Второй фронт?..

И чуть лукаво
Вздёрнута бровь:
— Поровну славу —
Поровну кровь.

Офицеры его величества
Считают, что можно ограничиться.

И как будто картошкой
Заляпан рот,
Тугим языком
Генерал проворачивает
Слова
Про второй фронт.

...Сорок первый.
Ветер высвистывает
Так, как вначале,
Рощи ветвистые
Хлещут бичами.

По Волоколамскому
Навстречу миссии
Прицепами лязгают
Мотодивизии.
Сибирские роты,
Железный народ:
На фронт! На фронт!
На фронт! На фронт!

Отряды. Отряды.
Танки. Орудия.
Снаряды. Снаряды.
Люди. Люди.

И грохот стоит над полями и пущами,
Как будто пружина огромная спущена.

И неудержима
Стальная пружина.
Ее разворот —
До ворот Берлина.

1947—1950

32. В РАЙОННОМ РЕСТОРАНЕ...

В районном ресторане
Оркестрик небольшой:

Играют только двое,
Но громко и с душой.

Один — сибирский парень,
Мрачнейший из людей.
Его гармошке вторит
На скрипке иудей.

Во всю медвежью глотку
Гармоника ревет,
А скрипочка визгливо —
Тирлим-тирлим — поет.

И музыка такая
Шибает до слезы.
Им смятые рублевки
Кидают в картузы.

Под музыку такую
Танцуют сгоряча
И хвалят гармониста,
И хвалят скрипача.

Когда последний пьяный
Уходит на покой,
Они садятся двое
За столик угловой

И выпивают молча
Во дни больших удач —
Стакан сибирский парень
И рюмочку скрипач.

1952

33. ПОДМОСКОВЬЕ

Если б у меня хватило глины,
Я б слепил такие же равнины;
Если бы мне туч и солнца дали,
Я б такие же устроил дали.
Все негромко, мягко, неспешно,
С глазомером суздальского толка —
Рассадил бы сосны и орешник
И село поставил у проселка.
Без пустых затей, без суесловья
Все бы создал так, как в Подмосковье.

Между 1949 и 1955

34. НАЧАЛО ЗИМНИХ ДНЕЙ

Прекрасная пора — начало зимних дней,
Нет времени яснее и нежней.
Черно-зеленый лес с прожилками берез,
Еще совсем сырой, мечтающий о снеге.
А на поле — снежок и четкий след колес:
В ходу еще не сани, а телеги.
В овраге двух прудов дымящиеся пятна,
Где в белых берегах вода черным-черна.
Стою и слушаю: какая тишина,
Один лишь ворон каркнет троекратно
И, замахав неряшливым крылом,
Взлетит неторопливо над селом...
Люблю пейзаж без диких крепостей,
Без сумасшедшей крутизны Кавказа,
Где ясно все, где есть простор для глаза, —
Подобье верных чувств и сдержанных страстей.

Между 1949 и 1955

35. АПРЕЛЬ

Словно красавица, неприбранная, заспанная,
Закинув голову, забросив косы за спину,
Глядит апрель на птичий перелет
Глазами синими, как небо и как лед.
Еще земля огромными глотками
Пьет талый снег у мельничных запруд,
Как ходоки с большими кадыками
Холодный квас перед дорогой пьют.
И вся земля — ходок перед дорогой —
Вдыхает запах далей и полей,
Прощаясь с хозяйкой-недотрогой,
Следящей за полетом журавлей.

Между 1949 и 1955

36. ПЕРВЫЙ ГРОМ

Стоят дубы с обнаженными сучьями,
Как молотобойцы с рукавами засученными,
Ударят кувалдой по пням-наковальням,
Откликнется роща громом повальным.
Как мехи, ветрами задышат тучи,
И мехи загудят, запоют, заревут.
И каленую молнию бросит подручный
Остывать,

Как подкову готовую,
В пруд.

Между 1949 и 1955

37. МОСТ

Стройный мост из железа ажурного,
Застекленный осколками неба лазурного.

Попробуй вынь его
Из неба синего —
Станет голо и пусто.

Это и есть искусство.

Между 1949 и 1955

38. НА ПОЛУСТАНКЕ

На полустанке пел калека,
Сопровождавший поезда:
«Судьба играет человеком,
Она изменчива всегда».

Он петь привык корысти ради —
За хлеба кус и за пятак.
А тут он пел с тоской во взгляде,
Не для людей, а просто так.

А степь вокруг была огромной,
А человек был сир и мал.
И тосковал бедняк бездомный,
И сам себя не понимал.

И, сам себя не понимая,
Грустил он о былых годах,
И пел он, как поет немая
Степь в телеграфных проводах.

Не позднее 1955

39. СКАЗКА

Мальчик строил лодку.
И построил лодку.
И поплыл по речке
В тихую погоду.

Лодка острым носом
Воду бороздила.
Облако дорогу
Ей загородило.

10 Мальчик въехал в облако,
В белое, густое.
А за первым облаком —
Облако второе,
Облако пуховое,
Облако из снега.

А за третьим облаком
Начиналось небо.

20 Мальчик плыл не речкою,
Мальчик плыл по Млечному,
По небу проточному
В сторону восточную.

Мальчик плыл по звездам,
К месяцу тянулся.
Покатался по небу
И домой вернулся.

Не позднее 1955

40. ЧЕРНЫЙ ТОПОЛЬ

Не белый цвет и черный цвет
Зимы сухой и спелой —
Тот день апрельский был одет
Одной лишь краской — серой.

Она ложилась на снега,
На березняк сторукий,
На серой морде битюга
Лежала серой скукой.

Лишь черный тополь был один —
Весенний, черный, влажный.
И черный ворон, нелюдим,
Сидел на ветке, важный.

Стекали ветки как струи,
К стволу сбегали сучья,
Как будто черные ручьи,
Рожденные под тучей.

Подобен тополь был к тому ж
И молнии застывшей,
От серых туч до серых луж
Весь город пригвоздившей.

Им оттенялась белизна
На этом сером фоне.
И вдруг, почуяв, что весна,
Тревожно ржали кони.

И было все на волоске,
И думало, и ждало,
И, словно жилка на виске,
Чуть слышно трепетало —
И талый снег, и серый цвет,
И той весны начало.

Апрель 1956

41. НЕ СПИТСЯ

Как может быть спокоен прокурор,
Подписывая смертный приговор?
И неужели штатным палачам
Казненные не снятся по ночам?

10 Да, прокурор, покинув кабинет,
К знакомым уезжает на обед.
И смену сдав другому палачу,
Палач супругу треплет по плечу.
Хороший парень! Человек не злой!
А он сегодня — голову долой!

Он человек. А человек — не волк.
Он знает долг. И он исполнил долг.
Прекрасный долг убить велел ему.
И он убил. Здесь совесть ни к чему.

И все ж не спится нынче палачу,
Бессонница. Пора сходить к врачу.

20 В застенке карьеристы завелись.
И склоками в застенке занялись.
Порочат честных,
Воду замутив.
А был такой хороший коллектив!

1956

42. ТЕЛЕГРАФНЫЕ СТОЛБЫ

Телеграфные столбы.
Телеграфные столбы.

В них дана без похвальбы
Простота моей судьбы!
Им шагать и мне шагать
Через поле, через гать.
Вверх по склону. И опять
Вниз со склона.
Но не вспять.

10 По-солдатски ровный шаг
Через поле и овраг,
Вверх по склону — и опять
Вниз со склона. И опять
Вверх по склону — на горбы...

Телеграфные столбы.
Телеграфные столбы.

1956

43. ИЗ ДЕТСТВА

Я — маленький, горло в ангине.
За окнами падает снег.
И папа поет мне: «Как ныне
Сбирается вещей Олег...»

Я слушаю песню и плачу,
Рыданье в подушке душу,
И слезы постыдные прячу,
И дальше, и дальше прошу.

Осеннею мухой квартира
Дремотно жужжит за стеной.
И плачу над брэнностью мира
Я, маленький, глупый, больной.

1956

44. ЖЕЛЕЗНАЯ СКВОРЕШНЯ

Я вырос в железной скворешне.
А был я веселый скворец.
Порою туманною, вешней
Звенела капель о торец.

Скворешня железная пела,
Когда задували ветра.
Железная ветка скрипела,
Гудела стальная кора.

10 В скворешне учился я пенью,
Железному веку под стать,
Звенеть ледяною капелью
И цинковым свистом свистать.

А если мне пенье иное,
Живое, уже ни к чему,
То дайте мне сердце стальное
И ключик вручите к нему.

20 Гоните воркующих горлиц,
Рубите глухие сады,
Пока не заржавели в горле
От слез и туманов лады.

Железом окуйте мне руки,
В броню заключите до пят!
Не то уже странные звуки
С утра в моем горле кипят.

1956

45

Я наконец услышал море, —
Оно не покладая рук
Раскатывало у Бомбори
За влажным звуком влажный звук.

Шел тихий дождь на побережье,
И, не пугая тишины,
Пел только мужественно-нежный,
Неутомимый звук волны.

Я засыпал под этот рокот,
И мне приснился сон двойной:
То слышал я орлиный клетот,
То пенье женщины одной.

И этот клетот, это пенье
И осторожный шум дождя
Сплелись на грани сновиденья,
То приходя, то уходя...

Апрель или май 1956

46. ИДУТ РАЗГОВОРЫ

По улице строим
Идут разговоры,
Идут разговоры,
Шагают разговоры.

А сбоку —
Подъезды,
Витрины,
Конторы
И окна, в которых
Глазеют машинистки.
Сидят деловоды,
Глядят фантазеры
На то, как шагают
Железные взводы.
Идут разговоры,
Идут разговоры.

Красиво шагают
Ногами-слогами,
Красоткам кидают
Нахальные взоры:
— Эй, милка-красотка,
Давай с разговором,
А без разговора
Не надо, не надо...

А ночью повсюду —
Глухие заборы.
Во всех подворотнях
Кошачьи раздоры,
И в щели, и в дыры,
И в лазы, и в норы
Ползут разговоры,
Ползут разговоры.

Какие-то страшные,
Сизые,
Пьяные —
Ползут разговоры,
Как воры,
Как воры.

1956

47. ЗРЕЛОСТЬ

Приобретают остроту,
Как набирают высоту,
Дичают, матереют,
И где-то возле сорока
Вдруг прорывается строка,
И мысль становится легка.
А слово не стареет.

10 И поздней славы шепоток
Немного льстив, слегка жесток,
И, словно птичий коготок,
Царапает, не рана.
Осенней солнечной строкой
Приходит зрелость и покой,
Рассудка не туманя.

И платят позднею ценой:
«Ах, у него и зуб ржаной!
Ах, он и сам совсем иной,
Чем мы предполагали!»
20 Спасибо тем, кто нам мешал!
И счастье тем, кто сам решал, —
Кому не помогали!

1956

48. ЦИРК

Отцы поднимают младенцев,
Сажают в моторный вагон,
Везут на передних сиденьях
Куда-нибудь в цирк иль в кино.
И дети солидно и важно
В трамвайное смотрят окно.

10 А в цирке широкие двери,
Арена, огни, галуны,
И прыгают люди, как звери,
А звери, как люди, умны.

Там слон понимает по-русски,
Дворняга поет по-людски.
И клоун без всякой закуски
Глощает чужие платки.

Обиженный кем-то коверный
Несет остроумную чушь.

И вдруг капельмейстер проворный
Оркестру командует туш.

20 И тут верховые наяды
Слетают с седла на песок.
И золотом блещут наряды,
И купол, как небо, высок.

А детям не кажется странным
Явление этих чудес.
Они не смеются над пьяным,
Который под купол полез.

30 Не могут они оторваться
От этой высокой красы.
И только отцы веселятся
В серьезные эти часы.

1956

49. ДУЕТ ВЕТЕР

Дует ветер однолучный
Из дали, дали степной,
Ветер сильный, однозвучный,
Постоянный, затяжной.

Этот ветер обдувает
Город с ног до головы.
Этот ветер навевает
Пыль земли и пыль травы.

И вокруг легко и гулко
Подпевают целый день
Все кларнеты переулков,
Все органы площадей.

Как оркестры духовые,
Трубы города гудят,
Даже окна слуховые
Словно дудочки дудят.

Окна с петель рвутся в гуде,
Двери бьют о косяки.
И бегут навстречу люди,
Распахнув воротники.

Январь 1957

Я очень люблю деревья
 За то, что они не лгут,
 За то, что кричат и воют,
 Когда их бураны гнут.

Я очень люблю деревья,
 Они лишены лицемерья —
 Хохочут, когда хохочется
 И плачут, когда захочется.

Апрель 1957

И так бывает — в день дождливый,
 Когда все серо и темно,
 Просветом синевы счастливой
 Среди туч откроется окно.

И мгла расходится кругами
 От восходящих сквозняков,
 Над низовыми облаками —
 Паренье верхних облаков.

Но вот уже через мгновенье
 Сомкнулся дождевой навес,
 И скрылось легкое строенье
 Тысячеярусных небес.

28 апреля — май 1957

52. ЗОЛУШКА

Веселым зимним солнышком
 Дорога залита.
 Весь день хлопочет Золушка,
 Делами занята.

Хлопочет дочь приемная
 У мачехи в дому.
 Приемная-бездомная,
 Нужна ль она кому?

Белье стирает Золушка,
 Детей качает Золушка,
 И напевает Золушка —
 Серебряное горлышко.

В окне — дорога зимняя,
Рябина, снегири.
За серыми осинами
Бледнеет свет зари.

20 А глянешь в законные
Просторы без конца —
Ни пешего, ни конного,
Ни друга, ни гонца.

Посуду моет Золушка,
В окошко смотрит Золушка,
И напевает Золушка:
«Ох, горе мое, горюшко!»

Все сестры замуж выданы
За ближних королей.
С невзгодами, с обидами
Все к ней они да к ней.

30 Блестит в руке иголочка.
Стоит в окне зима.
Стареющая Золушка
Шьет туфельку сама...

1957

53. ЗИМНИЕ СТИХИ

Утром, только солнцу встать,
Выхожу стихи искать.

Вон лежат стихи мои,
Только выйду на луга, —
Как застывшие ручьи,
Как январские снега.

Вон шумят, как воробьи,
Над лесочком молодым.
Вон встают стихи мои
Над трубою, словно дым.

Вот коней ковать ведут,
Затянувши кожухи,
Или по воду идут
В пуховых платках стихи.

Я гляжу на их полет,
На походку, на разбег...

Что за звонкий нынче лед!
Что за свежий нынче снег!

1957?

54

О, много ли надо земли
Для дома, для поля, для луга,
Чтоб травами пела округа
И море шумело вдали?

О, много ли надо земли,
Чтоб очи продрать на рассвете
И видеть, как шумные дети
Пускают в ручьях корабли;

Чтоб в зарослях возле села
Черемуха жарко дышала
И ветвь поцелуям мешала —
И все ж помешать не могла?

О, много ли надо земли
Для тропки, проселка, дороги,
Чтоб добрые псы без тревоги
Дремали в нагретой пыли?

О, много ли надо земли
Для истины, веры и права,
Чтоб засека или застава
Людей разделять не могли?

1957

55. НОЧЛЕГ

Однажды летним вечерком
Я со знакомым стариком
В избе беседовал за водкой.
Его жена с улыбкой кроткой
Нам щей вчерашних подала,
А после кружево плела.

Старухи грубая рука
Была над кружевом легка.
Она рукою узловатой
Плела узор замысловатый.

10

Старик был стар — или умен,
Он поговорки всех времен

Вплетал умело в дым махорки.
Или, наоборот, ему
Все время чудились в дыму
Пословицы и поговорки...

20 Его прекрасное смирение
Похоже было на презрение
К тому, что мучило меня.
Он отвергал легко и грубо
Фантазии народолюбя,
Не возмущаясь, не кляня.

Старуха кружево плела.
И понял я, что мало стою,
Поскольку счастье ремесла
Не совместимо с суетою.

30 Потом стелила нам постель.
Кричал в тумане коростель.
И слышал я на сеновале,
Как соловьи забушевали!
Забушевали соловьи!

Забушевали соловьи!
Что за лады, что за рулады!
Как будто нет у них беды,
Как будто нет у них досады...
Забушевали соловьи...

40 Я спал, покуда птицы пели,
Воображенье распалив.
Потом рассвет струился в щели,
А я был молод и счастлив...

1957

56. ЕГО СЛОВО

Не легенда, не обожествленье —
Просто жил нужнейший людям человек.
...Вижу снова — на трибуне Ленин
Смелым жестом осеняет век.

И не смывает тревожным отдаленьем
Этот облик, четкий, как гранит.
...Вижу снова — на трибуне Ленин
Перед съездом слово говорит.

И молчит расчетливая робость,
И пустая гордость смущена.
В этом слове сила и суровость
Революции
 воплощена.

Он внушает право и законность
Баррикадам — биться до конца.
В этом слове — целеустремленность
Революции.

 И все сердца,
Ощущая времени огромность,
Начинают биться, как одно.
В этом слове — простота и скромность
Революции.

 Ему дано
Обнимать события четкой мыслью,
Несогласных логикой круша.
В этом слове — страсть и бескорыстье
Революции.

 Ее душа
Здесь встает, чтоб до конца бороться,
Зная цель и не жалея сил.
В этом слове честь и благородство
Революции.

 Он возносил
Главное. На место ставил частность.
Разделял случайность и закон.
В этом слове — доброта и ясность
Революции.

 Ладонью он
Разрубал всех доводов негодность,
Звал вперед, в иные времена.
В этом слове — воля и народность
Революции...

1957

57

Луч солнца вдруг мелькнет, как спица,
Над снежной пряжей зимы...
И почему-то вдруг приснится,
Что лучше мы, моложе мы,

Как в дни войны, когда, бывало,
Я выбегал из блиндажа
И вьюга плечи обнимала,
Так простодушна, так свежа;

И даже выстрел был прозрачен
И в чаще с отзвуками гас.
И смертный час не обозначен,
И гибель дальше, чем сейчас...

Между второй пол. 1957 и 1959

58. БЕЛЫЕ СТИХИ

(Рембо в Париже)

Рано утром приходят в скверы
Одинокие злые старухи,
И сердитые пенсионеры
На скамейках читают газеты.
Здесь тепло, розовато, влажно,
Город заспан, как детские щеки.
На кирпично-красных площадках
Бьют пожарные струи фонтанов,
И подстриженные газоны
Размалеваны тенью и солнцем.

В это утро по главной дорожке
Шел веселый и рыжий парень
В желтовато-зеленой ковбойке.
А за парнем шагала лошадь.
Эта лошадь была прекрасна,
Как бывает прекрасна лошадь —
Лошадь розовая и голубая,
Как дессу незамужней дамы,
Шея — словно рука балерины,
Уши — словно чуткие листья,
Ноздри — словно из серой замши,
И глаза азиатской рабыни.

Парень шел и у всех газировщиц
Покупал воду с сиропом,
А его белоснежная лошадь
Наблюдала, как на стакане
Оседают озон с сиропом.
Но, наверно, ей надоело
Наблюдать за веселым парнем,
И она отошла к газону
И, ступив копытом на клумбу,
Стала кушать цветы и листья,
Выбирая, какие получше.
— Кыш! — воскликнули пенсионеры.
— Брысь! — вскричали злые старухи. —
Что такое — шляется лошадь,

Нарушая общий порядок! —
Лошадь им ничего не сказала,
Поглядела долго и грустно
И последовала за парнем.

Вот и все — ничего не случилось,
Просто шел по улице парень,
Пил повсюду воду с сиропом,
А за парнем шагала лошадь...

Это странное стихотворенье
Посвящается нам с тобою.
Мы с тобой в чудеса не верим,
Оттого их у нас не бывает...

Между второй пол. 1957 и 1959

59. ПОЛУФАБРИКАТЫ

Продажа полуфабрикатов —
Полусупов, полусалатов,
Полуцыплят, полукотлет.
За пять минут готов обед.

Удобство. Малые расходы.
Освобождение женских рук.
Белки, жиры и углеводы
Согласно правилам наук.

Иду. И веку не перечу.
Иду и толпы мне навстречу —
Полубогов, полулюдей,
Полумужчин, полудетей,
Полумерзавцев, полушлюх,
Полудевиц, полустарух, —
В полупальто, в полусапожках,
И, зябко запахнув полу,
С полуулыбкою сторожкой
Они уходят в полумглу.

Удобство! Малые расходы!
На башне полунощный звон.
Дома плывут, как пароходы,
Из полуяви в полусон.
Иду в полночной тишине
И дико мечутся во мне
Полуидеи, полустрасти,
Полунадежда, полусчастье,

Полувражда, полупечаль,
Полулюбовь, полуудача.

Иду, в карманы руки пряча,
И пахнет рыбою февраль...

1958—1959

60. АТЛАНТ

Не нужен гений и талант,
Что сам собою горд,
А нужен труженик Атлант,
Что мир воздвиг на горб.

Стоит он, выпятив губу,
По-бычьи пяля взор.
И чует на своем горбу
Косые грани гор.

Земля круглее казана,
А в ней огонь и лед.
И океанская волна
Ему за ворот бьет.

А он стоит, багроволиц,
Спина — под стать коню.
И вдруг как гаркнет:
— Люди, цыц!
Неровно — уроню!

1959

61. СТАРИК

Старик с мороза вносит в дом
Охапку дров продрогших.
В сенях, о кадку звякнув льдом,
Возьмет железный ковшик;

Водой наполнит чугунок,
Подбросит в печь полешки.
И станет щелкать огонек
Каленые орешки.

Потом старик найдет очки,
Подсядет ближе к свету,
Возьмет, как любят старики,
Вчерашнюю газету.

И станет медленно читать
И разбираться в смысле,
И все события сочитать
В особенные мысли.

1959?

62. ГИТАРЫ

Базарный день.
Базарный гам.
И солнце бьет, как колотушка,
По утюгам,
По битюгам,
По медно-солнечным тазам;
Визжит свинья,
Свистит свистушка;
10 Лежит громоздкая ботва,
Как детский рот, свежа редиска,
Огорока как жернова,
И сколько шума, гама, писка!
Гогочет гусь,
Бубнит бидон,
Тележный скрип,
Горшечный звон,
И гул, и брань, и разговор,
И смех, и струнный перебор.

20 Приехал парень на базар.
А перед парнем — сто гитар,
Гитар, разделанных в желток.
И он по деке — тук и ток,
Потом по струнам — треньк и бряк,
Чтоб не был брак,
Чтоб был товар!
Он перетрогал сто гитар
И, наконец, нашел одну
И сразу понял: вот она,
30 Как только ущипнул струну.
Ему народ кричит: «А ну,
Сыграл бы ты, милоч, для нас!»
А парень, рыж и желтоглаз,
Спокойно говорит: «Сейчас!»

Он взял за горлышко гитару,
Смахнул аккорд — один, другой.
На зависть целому базару
Струна запела за струной,
Тугая сталь залепетала.

40 И он прошелся для начала
По всем звучащим, всем семи,
Как бы кичась перед людьми.
И крынки загудели в тон,
Свистушки засвистели в такт.
Потом слегка запел бидон
И где-то отозвался конь.

Потом запел кузнечный мех,
Пила, за ней — сковорода.
В такт зазвучали шум, и смех,
И брань, и вся белиберда.
50 И все ряды, и весь базар —
Все сто рядов, все сто гитар.
Молочницы кричали в такт,
Лоточницы бранились в такт.
И все гитары в унисон
Играли вальс «Осенний сон».

Но скоро песня прервалась,
И говорили, расходясь:
«Ишь, Рыжий! Хорошо играл!
Не зря гитару выбирал!»

24 декабря 1956 — 1959 или начало 1960

63. НАТАША

Неужто девушке Наташе
Несладко жить в родной стране?
Чего ей мало? Хлеба? Каши?
Да нет, достаточно вполне.

Ей сладок хлеб, и сон ей сладок,
И дом ей мил, и сад ей мил.
Мила ей стопочка тетрадок
И столик с пятнами чернил.

10 Милы искусственные розы
И свист запечного сверчка.
А после первого мороза
Рябина горькая сладка.

А эти танцы в воскресенье
В соседнем клубе заводском!
И провожанье и веселье,
Запорошенное снежком!

Милы ей складки юбки чинной
 И новенькие башмачки.
 И сладок приступ беспричинной
 И обещающей тоски.

Ей мило все на белом свете
 И все имеет свой резон...
 А мы! А мы уже не дети,
 Нам горек хлеб. И труден сон.

Я с ней беседую часами,
 И мне не хочется стареть,
 Когда учусь ее глазами
 На мир доверчиво смотреть.

1959 или начало 1960

64

А<нне> А<хматовой>

Я вышел ночью на Ордынку.
 Играла скрипка под сурдинку.
 Откуда скрипка в этот час —
 Далеко за полночь, далеко
 От запада и до востока —
 Откуда музыка у нас?

1960

65. СТАРЫЙ ГОРОД

Трудолюбивые пейзажи,
 Возделанная красота.
 И все крутлей холмы, все глаже
 И все отраднее места.

Тевтонский орден и Ливонский —
 Чванливых рыцарей орда —
 В своем ленивом пустозвонстве
 Здесь не оставили следа.

Зато ремесленные швабы
 И местный работающий люд
 Свои понятия и масштабы
 Навечно утвердили тут.

Они ценить привыкли место,
И город, окружен стеной,
Залег извилисто и тесно,
Как мозг в коробке черепной.

И разум прост, и тверд, и скромн.
И облик крыш над головой
Подобен сомкнутым ладоням,
Прошедшим обжиг вековой.

1960

66. СОЛОВЬИНАЯ УЛИЦА

Тучей шла сирень, лавиной,
На заборы надвигалась.
Это буйство называлось
Улицею Лакстигалас,
Улицею Соловьиной.

Свешивалась через стены
Гроздью пышной, грузной, пьяной,
И дворы вспухали пеной,
Словно глиняные жбаны.

Кто живет здесь — люди, птицы?
И ужель в домишках чинных
Есть под красной черепицей
Страсти кроме соловьиных?

Что за слово — Лакстигалас?
Птичье или человечье?..

И свободно постигалась
Сладость чуждого наречья.

1960

67

Давайте защитим людей
От войн, обмана и насилья!
Иначе для чего нам крылья
Орлов, пегасов, лебедей?

Давайте проясним мозги,
Запорошенные враждою,
Промоем светлою водою
Глаза не видящих ни зги.

Давайте выправим хребты,
Замлевшие дугообразно,
Иначе назначенье праздно
Поэзии и красоты.

Давайте наше ремесло
Сравним с искусством врачеванья,
Ведь нету лучшего призванья,
Покуда существует зло.

И люди будущей земли,
Быть может, скажут нам спасибо.
Мы быть прекраснее могли бы,
Но быть уместней не могли...

1960

68

Я стал теперь зависим от погоды,
Как некогда зависел от страстей.
Напоминает прежние походы
Ломота, гуд, бессонница костей.

Вот здесь в плече болота Лодвы ноют,
И мгинской стужей руку мне свело,
Осколок Склобы ногу беспокоит,
А что-то прочно вглубь меня вошло.

И ночью будит, и томит незримо,
И будоражит, не смыкая глаз.
И уж ничто не пролетает мимо,
А, словно пуля, задевает нас.

1960

69

Деревья в двадцатом веке
Растут, как растут деревья.
И птицы в двадцатом веке
Поют, как поют птицы.
И люди в двадцатом веке
Живут, как живут люди.

Деревья гордятся цветом,
А птицы гордятся лётom.
А люди гордятся веком.

И все-таки мы немало,
Немало проворотили,
Немало наворотили.
Деревья не умирают.
И весны навстречу ветру
Бросают ветку тугую...

А кто недоволен веком,
А кто недоволен эпохой —
Пускай себе выбирают
Какую-нибудь другую —
Какую-нибудь... люблю!

1960?

70. АЛЕНУШКА

Когда настанет расставаться —
Тогда слетает мишура...
Аленушка, запомни братца!
Прощай — ни пуха ни пера!

Я провожать тебя не выйду,
Чтоб не вернулась с полпути.
Аленушка, забудь обиду
И братца старого прости.

Твое ль высокое несчастье,
Моя ль высокая беда?..
Аленушка, не возвращайся,
Не возвращайся никогда.

1960

71. ТАЛАНТЫ

Их не ждут. Они приходят сами.
И рассаживаются без спроса.
Негодующими голосами
Задают неловкие вопросы.

И уходят в ночь, туман и сырость
Странные девчонки и мальчишки,
Кутаясь в дешевые пальтишки,
Маменьками шитые навырост.

В доме вдруг становится пустынно,
И в уютном кресле неудобно.
И чего-то вдруг смертельно стыдно,
Угрызенью совести подобно.

И язвительная умудренность
Вдруг становится бедна и брэнна.
И завидны юность и влюбленность,
И былая святость неизменна.

Как пловец, расталкиваю ставни
И кидаюсь в ночь за ними следом,
Потому что знаю цену давним
Нашим пораженьям и победам...

Приходите, юные таланты!
Говорите нам светло и ясно!
Что вам — славы пестрые заплаты!
Что вам — низких истин постоянство!

Сберегите нас от серой прозы,
От всего, что сбило и затерло.
И пускай бесстрашно льются слезы
Умиленья, зависти, восторга!

1961

72. НАД НЕВОЙ

Весь город в плавных разворотах,
И лишь подчеркивает даль
В проспектах, арках и воротах
Классическая вертикаль.

И все дворцы, ограды, зданья,
И эти львы, и этот конь
Видны, как бы для любованья
Поставленные на ладонь.

И плавно прилегают воды
К седым гранитам городским —
Большие замыслы природы
К великим замыслам людским.

1961

73

Сорок лет. Жизнь пошла за второй перевал.
Я любил, размышляя, воевал.
Кое-где побывал, кое-что повидал,
Иногда и счастливым бывал.

Гнев меня обошел, миновала стрела,
А от пули — два малых следа.
И беда отлетала, как капля с крыла,
Как вода, расступалась беда.

Взял один перевал, одолею второй,
Хоть тяжел мой заплечный мешок.
Что же там — за горой? Что же там — под горой?
От высот побелел мой висок.

Сорок лет. Где-то будет последний привал?
Где прервется моя колея?
Сорок лет. Жизнь пошла за второй перевал.
И не допита чаша сия.

1960—1961

74

Стих небогатый, суховатый,
Как будто посох суховатый.
Но в путь, которым я иду,
Он мне годится — для опоры,
И на острастку песей своры,
Для счета ритма на ходу.
На нем сучки, а не узоры,
Не разукрашен — ну и что ж!
Он мне годится для опоры,
И для удара он хорош!

1961

75. ОСЕНЬ

Вот опять спорхнуло лето
С золоченого шестка,
Роща белая раздета
До последнего листка.

Как раздаривались листья,
Чтоб порадовался глаз!
Как науке бескорыстья
Обучала осень нас!

Так закутайся потёпле
Перед долгою зимой...
В чем-то все же мы окрепли,
Стали тверже, милый мой.

1961

76. ЗАБОЛОЦКИЙ В ТАРУСЕ

Мы оба сидим над Окою,
Мы оба глядим на зарю.
Напрасно его беспокою,
Напрасно я с ним говорю!

Я знаю, что он умирает,
И он это чувствует сам,
И память свою умеряет,
Прислушиваясь к голосам,

10 Присматриваясь, как к находке,
К всему, что шумит и живет...
А девочка-дочка на лодке
Далеко-далеко плывет.

Он смотрит умно и степенно
На мерные взмахи весла...
Но вдруг, словно сталь из мартена,
По руслу заря потекла.

20 Он вздрогнул... А может, не вздрогнул,
А просто на миг прервалась
И вдруг превратилась в тревогу
Меж нами возникшая связь.

Вдруг понял я тайную повесть,
Сокрытую в этой судьбе,
Его непомерную совесть,
Его беспощадность к себе,

И то, что он мучает близких,
А нежность дарует стихам...
На соснах, как на обелисках,
Последний закат польхал.

30 Так вот они — наши удачи,
Поэзии польза и прок!..
—А я не сторонник чудачеств, —
Сказал он и спичку зажег.

1958—1961

77. БОЛДИНСКАЯ ОСЕНЬ

Везде холера, всюду карантины,
И отпущенья вскорости не жди.

А перед ним пространные картины
И в скудных окнах долгие дожди.

Но почему-то сны его воздушны,
И словно в детстве — бормотанье, вздор.
И почему-то рифмы простодушны,
И мысль ему любая не в укор.

Какая мудрость в каждом сочлененье
Согласной с гласной! Есть ли в том корысть!
И кто придумал это сочиненье!
Какая это радость — перья грызть!

Быть, хоть ненадолго, с собой в согласье
И поражаться своему уму!
Кому б прочесть — Анисье иль Настасье?
Ей-богу, Пушкин, все равно кому!

И за полночь пиши, и спи за полдень,
И будь счастлив, и бормочи во сне!
Благодаренье Богу — ты свободен —
В России, в Болдине, в карантине...

1961

78. СОРОКОВЫЕ

Сороковые, роковые,
Военные и фронтовые,
Где извещенья похоронные
И перестуки эшелонные.

Гудят накатанные рельсы.
Просторно. Холодно. Высоко.
И погорельцы, погорельцы
Кочуют с запада к востоку...

10 А это я на полустанке
В своей замурзанной ушанке,
Где звездочка не уставная,
А вырезанная из банки.

Да, это я на белом свете,
Худой, веселый и задорный.
И у меня табак в кисете,
И у меня мундштук наборный.

И я с девчонкой балагурю,
И больше нужного хромаю,

И пайку надвое ломаю,
И все на свете понимаю.

Как это было! Как совпало —
Война, беда, мечта и юность!
И это все в меня запало
И лишь потом во мне очнулось!..

Сороковые, роковые,
Свинцовые, пороховые...
Война гуляет по России,
А мы такие молодые!

1961

79

С<ергею> Б<орисовичу> Ф<огельсону>

Слава Богу! Слава Богу!
Что я знал беду и тревогу!
Слава Богу, слава Богу —
Было круто, а не отлого!

Слава Богу!
Ведь все, что было,
Все, что было, — было со мною.
И война меня не убила,
Не убила пулей шальнойю.

Не по крови и не по гною
Я судил о нашей эпохе.
Все, что было, — было со мною,
А иным доставались крохи!

Я судил по людям, по душам,
И по правде, и по замаху.
Мы хотели, чтоб было лучше,
Потому и не знали страху.

Потому пробитое знамя
С каждым годом для нас дороже.
Хорошо, что случилось с нами,
А не с теми, кто помоложе.

1961

80. ПАМЯТИ А. Р.

Жил в Ленинграде странный малый,
Угрюмый, мрачный и больной.
Был у него талант немалый.
Я знал его перед войной.
Вел счет неведомым обидам,
Нес груз невидимой вины.
Он был убогим инвалидом
Не бывшей, будущей войны.

Мы ждали славы и победы,
Лихого грома медных труб.
А он провидел только беды,
Он видел свой убогий труп,
Его шатали бомбовозы
Своею воющей волной,
Блокады будущей морозы
Его покрыли сединой.

Читая странные баллады,
Мы не угадывали в нем
Провидца будущей блокады,
Что приближалась день за днем.
Где он погиб? В каком подвале?
Как он окончил бытие?
Какие люди подавали
Ему последнее питье?
Какую страждущую строчку
Он дописать уже не мог?
Какой несчастный по листочку
Его стихи в печурке сжег?

Стихи, наверное, сгорели,
Не много было в них тепла.
А люди эти постарели.
А может, жизнь их утекла.
И сгинул он. На белом свете
Он не оставил ничего.
И мы не судим о поэте,
Как будто не было его.

1961

81. ПЕРЕБИРАЯ НАШИ ДАТЫ

Перебирая наши даты,
Я обращаюсь к тем ребятам,

Что в сорок первом шли в солдаты
И в гуманисты в сорок пятом.

А гуманизм не просто термин,
К тому же, говорят, абстрактный.
Я обращаюсь вновь к потерям,
Они трудны и невозвратны.

Я вспоминаю Павла, Мишу,
Илью, Бориса, Николая.
Я сам теперь от них завишу,
Того порою не желая.

Они шумели буйным лесом,
В них были вера и доверье.
А их повыбило железом,
И леса нет — одни деревья.

И вроде день у нас погожий,
И вроде ветер тянет к лету...
Аукаемся мы с Сережей,
Но леса нет, и эха нету.

А я все слышу, слышу, слышу,
Их голоса припоминая...
Я говорю про Павла, Мишу,
Илью, Бориса, Николая.

1961

82. ШУБЕРТ ФРАНЦ

Шуберт Франц не сочиняет —
Как поется, так поет.
Он себя не подчиняет,
Он себя не продает.

Не кричит о нем газета,
И молчит о нем печать.
Жалко Шуберту, что это
Тоже может огорчать.

Знает Франц, что он кургузый
И развязности лишен,
И, наверно, рядом с музой
Он немножечко смешон.

Жаль, что дорог каждый талер,
Жаль, что дома неуют.

Впрочем — это все детали,
Жаль, что песен не поют!..

Но печали неуместны!
И тоска не для него!..
Был бы голос! Ну а песни
Запоются! Ничего!

1961

83. СЛОВА

Красиво падала листва,
Красиво плыли пароходы.
Стояли ясные погоды,
И праздничные торжества
Справлял сентябрь первоначальный,
Задумчивый, но не печальный.

И понял я, что в мире нет
Затертых слов или явлений.
Их существо до самых недр
Взрывает потрясенный гений.
И ветер необыкновенней,
Когда он ветер, а не ветр.

Люблю обычные слова,
Как неизведанные страны.
Они понятны лишь сперва,
Потом значенья их туманны.
Их протирают, как стекло,
И в этом наше ремесло.

1961

84

Готовьте себя к небывалым задачам,
Но также готовьте себя к неудачам —
Не только к полетам, но также к падениям,
И к бдениям суровым, и к ранам кровавым,
И к мыслям жестоким, и к здоровым суждениям.
Готовьте себя к небывалым задачам,
Без этих задач ничего мы не значим,
Без этих задач мы немного стоим.
Но только не путайте молнию с громом,
Звезду — с метеором и лес — с сухостоем.
И вы различайте, где ум и где разум.

Готовьте себя к небывалым свершениям,
Но только не путайте уголь с алмазом,
Служенье — со службой и долг — с одолженьем.

1961?

85

Хочется мирного мира
И счастливого счастья,
Чтобы ничто не томило,
Чтобы грустилось не часто.

Хочется синего неба
И зеленого леса,
Хочется белого снега,
Ярко-желтого лета.

Хочется, чтоб отвечало
Все своему назначенью:
Чтоб начиналось с начала,
Вовремя шло к завершенью.

Хочется шуток и смеха
Где-нибудь в шумном скопище.
Хочется и успеха,
Но на хорошем поприще.

Июль 1961

86

Захотелось мудрым землянам
Распрощаться с домом зеленым,
Побродить по нездешним лонам,
По иным морям-океанам.

И откуда такое желанье?
Почему со времен Дедала
Рвутся в небо наши земляне,
Неужели земли им мало?

10 Но птенцы готовятся летом
К их осенним большим перелетам.
Так нас тянет к дальним планетам,
К безначальным тянет высотам.

Кличет осень из синих далей,
Осыпаются листья клена...

От великих наших печалей
Звезды манят нас с небосклона.

20 Бурой, желтой, красной метелью
Закружились жухлые листья...
От великих наших веселий
Манят нас надзвездные выси.

Журавли курлычут. По далям
Оплывают сосны, как свечи.
И, раскрыв глаза, упадаем,
Упадаем небу навстречу.

1961

87. ВДОХНОВЕНЬЕ

Жду, как заваленный в забое,
Что стих пробьется в жизнь мою.
Бью в это темное, рябое,
В слепое, в каменное бью.

Прислушиваюсь: не слышать ли,
Что пробивается ко мне.
Но это только капли, капли
Скользят по каменной стене.

Жду, как заваленный в забое,
Долблю железную руду,
Не пробивается ль живое
Навстречу моему труду?..

Жду иступленно и устало,
Бью в камень медленно и зло...
О, только бы оно пришло!
О, только бы не опоздало!

Сентябрь 1961

88

Подставь ладонь под снегопад,
Под искры, под кристаллы.
Они мгновенно закипят,
Как плавкие металлы.

Они растают, потекут
По линиям руки.

И станут линии руки
Изгибами реки.

Другие линии руки
Пролягут как границы,
И я увижу городки,
Дороги и столицы.

Моя рука как материк —
Он прочен, изначален.
И кто-нибудь на нем велик,
А кто-нибудь печален.

А кто-нибудь идет домой,
А кто-то едет в гости.
А кто-то, как всегда зимой,
Снег собирает в горсти.

Как ты просторен и широк,
Мирок на пятерне.
Я для тебя, наверно, Бог,
И ты послушен мне.

Я берегу твоих людей,
Храню твою удачу.
И малый мир руки моей
Я в рукавичку прячу.

Сентябрь 1961

89. ДОМ-МУЗЕЙ

Потомков ропот восхищенный,
Блаженной славы Парфенон!
Из старого поэта

...производит глубокое...
Из книги отзывов

Заходите, пожалуйста. Это
Стол поэта. Кушетка поэта.
Книжный шкаф. Умывальник. Кровать.
Это штора — окно прикрывать.
Вот любимое кресло. Покойный
Был ценителем жизни спокойной.

Это вот безымянный портрет.
Здесь поэту четырнадцать лет.
Почему-то он сделан брюнетом.

(Все ученые спорят об этом.)
Вот позднейший портрет — удалой.
Он писал тогда оду «Долой»
И был сослан за это в Калугу.
Вот сюртук его с рваной полрой —
След дуэли. Пейзаж «Под скалой».
Вот начало «Послания к другу».
Вот письмо: «Припадаю к стопам...»
Вот ответ: «Разрешаю вернуться...»
Вот поэта любимое блюдо,
А вот это любимый стакан.

Завитушки и пробы пера.
Варианты поэмы «Ура!»
И гравюра: «Врученье медали».
Повидали? Отправимся дале.

Годы странствий. Венеция. Рим.
Дневники. Замечанья. Тетрадки.
Вот блестящий ответ на нападки
И статья «Почему мы дурим».
Вы устали? Уж скоро конец.
Вот поэта лавровый венец —
Им он был удостоен в Тулузе.
Этот выцветший дагерротип —
Лысый, старенький, в бархатной блузе —
Был последним. Потом он погиб.

Здесь он умер. На том канаве,
Перед тем прошептал изречение
Непонятное: «Хочется пе...»
То ли песен? А то ли печенья?
Кто узнает, чего он хотел,
Этот старый поэт перед гробом!

Смерть поэта — последний раздел.
Не толпитесь перед гардеробом...

Октябрь 1961

90. СОВЕТЧИКИ

Приходили ко мне советчики
И советовали, как мне быть.
Но не звал я к себе советчиков
И не спрашивал, как мне быть.

Тот советовал мне уехать,
Тот советовал мне остаться,

Тот советовал мне влюбиться,
Тот советовал мне расстаться.

А глаза у них были круглые,
Совершенно как у лещей.
И шатались они по комнатам,
Перетрогали сто вещей:

Лезли в стол, открывали ящики,
В кухне лопали со сковород.
Ах уж эти мне душеприказчики,
Что за странный они народ!

Лупоглазые, словно лещики,
Собирались они гурьбой,
И советовали мне советчики,
И советовались между собой.

Ах вы, лещики, мои рыбочки,
Вы, пескарики-головли!
Ах спасибо вам, ах спасибочки,
Вы мне здорово помогли!

Октябрь 1961

91

Если вычеркнуть войну,
Что останется? Не густо.
Небогатое искусство
Берeditь свою вину.

Что еще? Самообман,
Позже ставший формой страха.
Мудрость, что своя рубаха
Ближе к телу. И туман.

10 Нет, не вычеркнуть войну,
Ведь она для поколенья —
Что-то вроде искупленья
За себя и за страну.

Правога ее начал,
Быт жестокий и спартанский,
Как бы доблестью гражданской
Нас невольно отмечал.

Если спросят нас юнцы,
Как мы жили, чем мы жили,

Мы помалкиваем или
Кажем раны и рубцы.

Словно может нас спасти
От стыда и от досады
Правота одной десятой,
Низость прочих девяти.

Ведь из наших сорока
Было лишь четыре года,
Где нежданная свобода
Нам, как смерть, была сладка...

Октябрь 1961

92

Дождь пришел в городские кварталы,
Мостовые блестят, как каналы,
Отражаются в них огоньки,
Светофоров цветные сигналы
И свободных такси светляки.

Тихо радуюсь. Не оттого ли,
Что любви, и надежды, и боли
Мне отведать сполна довелось,
Что уже голова побелела
И уже настоящее дело
В эти годы во мне началось.

И когда, словно с бука лесного,
Страсть слетает — шальная листва,
Обнажается первооснова,
Голый ствол твоего существа.
Открывается графика веток
На просторе осенних небес.

И не надо случайных чудес —
Однодневок иль однолеток.

Эй, листва! Постарей, постарей!
И с меня облетай поскорей!

Октябрь 1961

93. КАРУСЕЛЬ

Артельщик с бородкой
Взмахнул рукавом.
И — конь за пролеткой,
Пролетка за конем!

И — тумба, и цымба!
И трубы — туру!
И вольные нимбы
Берез на ветру.

10 Грохочут тарелки,
Гремит барабан,
Играет в горелки
Цветной балаган.

Он — звонкий и легкий —
Пошел ходуном.
И конь за пролеткой,
Пролетка за конем!

20 То красный, как птица,
То желтый, как лис.
Четыре копытца
Наклонно взвились.

Летит за молодой
Платочек вьюном.
И — конь за пролеткой,
Пролетка за конем!..

Сильнее на ворот
Плечом поднажать,
Раскрутишь весь город,
Потом не сдержать.

30 За городом роща,
За рощею дол
Пойдут раздуваться,
Как пестрый подол.

Артельщик хохочет —
Ему нипочем:
Взял город за ворот
И сдвинул плечом.

1961

94. ДЕРЕВЯННЫЙ ВАГОН

Спотыкался на стыках,
Качался, дрожал.
Я, бывало, на нарах вагонных лежал.
Мне казалось — вагон не бежал, а стоял,
А земля на какой-то скрипучей оси
Поворачивалась мимо наших дверей,
А над ней поворачивался небосвод,
Солнце, звезды, луна,
Дни, года, времена...
Мимо наших дверей пролетала война,

А потом налетали на нас «мессера».
Здесь не дом, а вагон,
Не сестра — медсестра,
И не братья, а — братцы,
Спасите меня!
И на волю огня не бросайте меня!

И спасали меня,
Не бросали меня.
И звенели — ладонь о ладонь — буфера,
И состав
Пересчитывал каждый сустав.
И скрипел и стонал
Деревянный вагон.
А в углу медсестра пришивала погон.

А в России уже начиналась весна.
По откосам бежали шальные ручьи.
И летели недели, года, времена,
Госпитальные койки, дороги, бои,
И тревоги мои, и победы мои!

1950-е—1961

95. БЕРТОЛЬД ШВАРЦ

(Монолог)

Я, Шварц Бертольд, смиреннейший монах,
Презрел людей за дьявольские нравы.
Я изобрел пылинку, порох, прах,
Ничтожный порошок для забавы.
Смеялась надо мной исподтишка
Вся наша уважаемая братья:
«Что может выдумать он, кроме порошка!
Он порох выдумал! Нашел занятие!»

10 Да, порох, прах, пылинку! Для шутих,
Для фейерверков и для рассыпных
Хвостов павлиньих. Вспыхивает — пых! —
И роем, как с небесной наковальни,
Слетают искры! О, как я люблю
Искр воркованье, света ликованье!..

Но то, что создал я для любованья,
На пагубу похитил сатана.
Да, искры полетели с наковален,
Взрели, как быки, кузнечные меха.
И оказалось, что от смеха до греха
20 Не шаг — полшага, два вершка, вершок.
А я — клянусь спасеньем, Боже правый! —
Я изобрел всего лишь для забавы
Сей порох, прах, ничтожный порошок!
Я, Шварц Бертольд, смиреннейший монах,
Вас спрашиваю: как мне жить на свете?
Ведь я хотел, чтоб радовались дети.
Но создал не на радость, а на страх!
И порошок мой в тугих стволах
Обрел вдруг сатанинское дыханье...
30 Я сотворил паденье крепостей,
И смерть солдат, и храмов полыханье.

Моя рука — гляди! — обожжена,
О Господи, тебе, тебе во славу...
Зачем дозволил ты, чтоб сатана
Похитил порох, детскую забаву!
Неужто все, чего в тиши ночей
Пытливо достигает наше знанье,
Есть разрушенье, а не созиданье,
И все нас превращает в палачей?

1961

96. ТЕЛЕВИЗОРЫ

Начинают отмирать
Чувства — то, другое, третье.
Начинаю понимать:
Лихолетье.

Стол, уставленный едой.
Блеск посуды, звон стаканов.
Мир не шире, чем ладонь
С телевизионных экранов.

Юный, сытый человек
Отдыхает на диване.
Перед ним двадцатый век
Дрессируют на экране.

Два часа — футбольный матч,
Полтора — кинокартина.
А потом — певец, скрипач,
Комментатор, балерина,

Водевиль, народный хор,
Лектор-популяризатор.
Ходовой киноактер,
Эфиопский император.

Встреча, съезд, отъезд, приезд,
Президент, премьер, посланник.
Сразу все в один присест —
Ложь и правда, кнут и пряник.

Человек идет в постель
Сонный и осведомленный.
Телевизорная щель
Гаснет...

Конец 1950-х или начало 1960-х

97. ДЯДЬКИН

Иван Алексеевич Дядькин
Сегодня пошел в ресторан.
А в небе светилась планета
По имени Альдебаран.

В сравнении с этой планетой
Не больше песчинки земля.
А Дядькин в сравнении с нею —
Немного поменьше нуля.

10 Бушуют бесшумные взрывы
В тиши межпланетных пространств.
А Дядькин под звуки оркестра
Впадает в лирический транс.

Танцует он с милой соседкой,
Ее обнимает рукой.
Ведь он же — венец мироздания.
И парень, вообще неплохой.

20 Домой возвращается Дядькин.
Он весел. И несколько пьян.
И вдруг он увидел планету
По имени Альдебаран.

Летит голубая планета
В неясном астральном дыму.
И дикие, желтые звезды
Несутся навстречу ему.

Несутся, несутся, несутся...
И Дядькин стоит чуть живой,
Решив, что висит он над бездной
И, может быть, вниз головой!...

30 Ах, Дядькин, не бойся пространства.
Мы тоже, как звезды, горим.
Мы землю уже покорили,
А небо еще покорим.

Недавно ты был обезьяной,
А вона куда воспарил
Работой усердных гиббонов
И трудолюбивых горилл!

40 И Дядькин уходит спокойный.
Бросается спать на диван
И меркнет на небе планета
По имени Альдебаран...

Конец 1950-х или начало 1960-х

98. ДНЕВНИК

Писал при свете фитилька
Дневник. Страницы дневника
Еще дышали жаром боя,
Азартом русского штыка,
Огнем возвышенных мгновений,
Разрозненностью впечатлений.

Писал французский свой дневник
Поручик русский,
ученик
Парни, Шенье, Дидро, Декарта
И ненавистник Бонапарта.

Писал округло и легко
О том, как был хорош Нико,

Его наперсник и приятель,
Как был упорен неприятель,
Как дрогнуло было левый фланг,
О том, как был ужасен вид
Отбитых у французов флешей,
Что Пестель-прапорщик как леший
Дрался и, кажется, убит.

Писал возвышенным пером
Про славный подвиг генерала...
Писал...

Кругом огни привала
Дымились. Осень простирала
Свои печальные поля.
И ветер в гренадерских соснах
Гудел, как мачты корабля...

Откуда было знать ему,
Поклоннику чужого слога,
Что приведет его дорога
В Москву, и дальше, за Москву,
Через леса, через болота,
Пургой продутые насквозь,
Где воспитанье патриота
Недавно только началось!

Пиши, герой!

Пари, поручик,
Подобно легкому перу,
Пусть совесть будет твой попутчик
В бою, в Париже, на пиру.

И может быть, в том декабре
В рядах мятежного каре
Ты будешь стынуть на Сенатской.
И там направишь пистолет
На боевого генерала,
Героя прежних юных лет.
Но та десница, что карала
Врага, вдруг дрогнет... Странный век!
Ты пистолет уронишь в снег.

Пиши, пиши! Сверкай очами!
Поет походная труба,
Дымят костры... А за плечами
России грозная судьба.

Не позднее 1962

99. УТРО

Старых пней медвежьи барабаны,
И дубов шатры, и балаганы,
И трава со слюнками росы,
И железное перо вороны —
Открывают мне свои законы,
Доверяют мне свои азы.

Наконец-то я познал науку
И внимаю смыслу, а не звуку,
Ветру, а не шелесту травы.
Что мне этот шорох, что мне лепет,
Что мне шепот будничной молвы!

1962

100. РИСУНОК

Марии Кросс

Как весело рисуют дети
Доверчивые чудеса —
Не Истину и Добродетель,
А человечка или пса.

И пес неистов и оранжев,
В зубах зеленое: «Гав-Гав!»
И, радуги разбудоражив,
Конь скачет о шести ногах.

А над конем летит сорока,
Летит дорога под коня,
Хочет солнце кособоко
И улыбается луна.

И человечек-огуречек
С овальным розовым брюшком,
Так беззаботен, так доверчив,
На том коне сидит бочком.

Он твердо знает, что доскачет,
Застенчивый до немоты,
И в руки маленьких циркачек
Положит красные цветы...

Дитя! От мыслей безрассудных
Меня чертою отдели.

Пусти, пусти меня в рисунок
И в добром мире посели!

Май 1962

101. МАТАДОР

Скорей, скорей! Кончай игру
И выходи из круга!
Тебе давно не по нутру
Играть легко и грубо.

Пока злещеный рог быка
Тебя не изувечил
Под исступленный свист райка
И визг жестоких женщин,

10 Пока убийцею не стал,
Покуда ножевого
Клинка мерцающий металл
Не поразил живого —

Беги! Кончай игру! Скорей!
Ты слышишь, как жестоко
Сопенье вздыбленных ноздрей,
Как воет бычье око!..

20 ...Ты будешь жить на берегу
В своей простой лачуге,
Не нужный прежнему врагу,
Забыв о прежнем друге.

И только ночью волн возня
Напомнит гул, арену.
И будет нож дрожать, дразня,
На четверть вбитый в стену...

1962

102. НОЧНАЯ ГРОЗА

Тяжелое небо набрякло, намокло.
Тяжелые дали дождем занавешены.
Гроза заливает июльские стекла,
А в стеклах — внезапно — видение женщины.

Играют вокруг сопредельные громы,
И дева качается. Дева иль дерево?

И переплетаются руки и кроны,
И лиственное неотделимо от дьевьего.

10 Как в изображенье какого-то мифа,
Порывистое изгибание стана,
И драка, и переполох, и шумиха
С угоном невест, с похищением стада.

Она возникает внезапно и резко
В неоновых вспышках грозы оголтелой,
Неведомо как уцелевшая фреска
Ночного борения дерева с девой.

20 С минуту во тьме утопают два тела,
И снова, как в запечатленной искусством
Картине, является вечная тема —
Боренья и ребер, ломаемых с хрустом.

Июль 1962

103. СТАРИК ДЕРЖАВИН

Рукоположения в поэты
Мы не знали. И старик Державин
Нас не заметил, не благословил...
В эту пору мы держали
Оборону под деревней Лодвой.
На земле холодной и болотной
С пулеметом я лежал своим.

Это не для самооправдания:
Мы в тот день ходили на заданье
И потом в блиндаж залезли спать.
А старик Державин, думая о смерти,
Ночь не спал и бормотал: «Вот черти!
Некому и лиру передать!»

А ему советовали: «Некому?
Лучше б передали лиру некоему
Малому способному. А эти,
Может, все убиты наповал!»
Но старик Державин воровато
Руки прятал в рукава халата,
Только лиру не передавал.

Он, старик, скучал, пасьянс раскладывал.
Что-то молча про себя загадывал.
(Все занятие — по его годам!)
По ночам бродил в своей мурмолке,

Замерзал и бормотал: «Нет, сволочи!
Пусть пылится лучше. Не отдам!»
Был старик Державин льстец и скаред,
И в чинах, но разумом велик.
Знал, что лиры запросто не дарят.
Вот какой Державин был старик!

Июль 1962

104. КРАСНАЯ ОСЕНЬ

Внезапно в зелень вкрался красный лист,
Как будто сердце леса обнажилось,
Готовое на муку и на риск.

Внезапно в чаще вспыхнул красный куст,
Как будто бы на нем расположилось
Две тысячи полураскрытых уст.

Внезапно красным стал окрестный лес
И облако впитало красный отсвет.
Светился праздник листьев и небес
В своем спокойном благородстве.

И это был такой большой закат,
Какого видеть мне не доводилось.
Как будто вся земля переродилась —
И я по ней шагаю наугад.

1962

105. НАТАША

Круглый двор
с кринолинами клумб.
Неожиданный клуб
страстей и гостей,
приезжающих цугом.
И откуда-то с полудиспугом —
Наташа,
она,
каблучками стуча,
выбегает, выпархивает —
к Анатолю, к Андрею —
Бог знает к кому! —
на асфальт, на проезд,
под фасетные буркалы автомобилей,
вылетает, выпархивает без усилий

всеми крыльями
девятнадцати лет —
как цветок на паркет,
как букет на подмости, —
в лоск асфальта
из барского особняка,
чуть испуганная,
словно птица на волю —
не к Андрею,
Бог знает к кому —
к Анатолю!..
Дождь стучит в целлофан
пистолетным свинцом...
А она, не предвидя всего,
что ей выпадет вскоре на долю,
выбегает
с уже обреченным лицом.

1962

106

Я рано встал. Не подумав,
Пошел, куда повели,
Не слушая вещей шумов
И гулов своей земли.

Я был веселый и странный,
Кипящий и ледяной,
Готовый и к чести бранной,
И к слабой славе земной.

Не ведающий лукавства,
Доверчивый ко словам,
Плутал я — не заплутался,
Ломал себя — не сломал.

Тогда началась работа
Характера и ума,
Восторг, и пот, и ломота,
Бессонница, и луна.

И мўка простого помола
Под тяжким, как жернов, пером,
И возле длинного мола —
Волны зеленой излом...

И солоно все, и круто,
И грубо стало во мне.

И даже счастья минута.
И ночь. И звезды в окне.

1962

107

О Господи, конечно, все мы грешны,
Живем, мельчась и мельтеша.
Но жаль, что, словно косточка в черешне,
Затвердевает камешком душа.
Жаль, что ее смятенье слишком жестко,
Что в нас бушуют кровь и плоть,
Что грубого сомнения подростка
Душа не в силах побороть.
И все затвердевает: руки — в слепок,
Нога — в костыль и в маску — голова,
И, как рабыня в азиатских склепах,
Одна душа живет едва-едва.

1962

108

Музыка, закрученная туго
в иссиня-черные пластинки, —
так закручивают черные косы
в пучок мексиканки и кубинки, —
музыка, закрученная туго,
отливающая крылом вороньим, —
тупо-тупо подыгрывает туба
расхлябанным пунктирам контрабаса.
10 Это значит — можно все, что можно,
это значит — очень осторожно
расплетается жесткий и черный
конский волос, канифолью тертый.
Это значит — в визге канифоли
приближающаяся поневоле,
обнимаемая против воли,
понукаемая еле-еле
в папирозном дыме, в алкоголе
желтом, выпученном и прозрачном,
20 движется она, припав к плечу чужому,
отчужденно и ненапряженно,
осчастливленная высшим даром
и уже печальная навеки...
Музыка, закрученная туго,
отделяющая друг от друга.

1962

Странно стариться,
 Очень странно.
 Недоступно то, что желанно.
 Но зато бесплотное весомо —
 Мысль, любовь и дальний отзвук грома.
 Тяжелы, как медные монеты,
 Слезы, дождь. Не в тишине, а в звоне
 Чьи-то судьбы сквозь меня продеты.
 Тяжела ладонь на ладони.
 10 Даже эта легкая ладошка
 Ношей кажется мне непосильной.
 Непосильной,
 Даже для двужильной,
 Суетной судьбы моей... Вот эта,
 В синих детских жилках у запястья,
 Легче крылышка, легче пряжи,
 Эта легкая ладошка даже
 Давит, давит, словно колокольня...
 20 Раздавила руки, губы, сердце,
 Маленькая, словно птичье тельце.

1962

Вс<еволю> И<ванову>

Как объяснить тебе, что это, может стать,
 Уж не любовь, а смерть стучится мне в окно.
 И предстоит навеки рассчитаться
 Со всем, что я любил, и с жизнью заодно.

Но если я умру, то с ощущеньем воли.
 И все крупички моего труда
 Вдруг соберутся. Так в магнитном поле
 Располагается железная руда.

И по расположенью желтой пыли —
 Иначе как себя изобразжу? —
 Ты устремленность всех моих усилий
 Вдруг прочитаешь как по чертежу.

1962

Непонятны нам сыновья и дочери.
 До чего дожили!
 Нам не верят дочери с сыновьями.
 Зря мы разливаемся соловьями.

Говорят: как же вы допустили?
 Как спокойно спать могли в постели?
 Как же вы себе не опостылили?
 Неужели вы совсем опустели?

Мы в постели глаз не смыкали,
 Слушали, стрельнет ли дверь в подъезде.
 Лишь в окопе мы спокойно спали,
 Положив под голову созвездья.

Жили мы разное и розное,
 Так, что часто о себе не помнили.
 Родились мы рано или поздно.
 Жаль, от пули вовремя не померли.

И чернили мы себя дочерна,
 Хоронили себя заживо в яме.
 Знали: не поверят нам сыновья и дочери,
 Не простят нас дочери с сыновьями.

1962

Давай поедem в город,
 Где мы с тобой бывали.
 Года, как чемоданы,
 Оставим на вокзале.

Года пускай хранятся,
 А нам храниться поздно.
 Нам будет чуть печально,
 Но бодро и морозно.

10 Уже дозрела осень
 До синего налива.
 Дым, облако и птица
 Летят неторопливо.

Ждут снега. Листопады
 Недавно отшуршали.
 Огромно и просторно
 В осеннем полушарье.

20 И все, что было зыбко,
Растрепано и розно,
Мороз скрепил слюною,
Как ласточкины гнезда.

И вот ноябрь на свете,
Огромный, просветленный,
И кажется, что город
Стоит ненаселенный, —

Так много сверху неба,
Садов и гнезд вороньих,
Что и не замечаешь
Людей, как посторонних.

30 О, как я поздно понял,
Зачем я существую!
Зачем гоняет сердце
По жилам кровь живую.

И что порой напрасно
Давал страстям улечься!..
И что нельзя беречься,
И что нельзя беречься...

Апрель—декабрь 1962

113. ОБЛАКА

Вон плывут, возникают из самой зари
Облаков бело-розовые монастыри.
Зимний город. Но вот он расплылся, исчез,
И уже предо мною не город, а лес.
А потом предо мною не лес, а гора,
И уже не гора, а сраженье быков,
Но быки распадаются на два шара,
И опять предо мною гряда облаков.

Вон плывут облака, возникают из самой зари
Облака. Для детей они как буквари.
Даже те, что еще не умеют читать,
Понимают картинки зверей и людей,
Различают косые линейки дождей,
Электрических линий прямую печать,
И похожий на чистописанье ивняк,
И фабричной трубы восклицательный знак.

Вон плывут облака далеко-далеко...
А читать и писать научиться легко.

Не позднее 1963

114. ЧАСОВЩИК

Бывает, рядом человек
Живет негромок, незамечен
И славою не изувечен,
Живет, как будто пустоцвет.

А человек к тому привык.
Его не радуют ужимки.
Он века тонкие пружинки
Рассматривает, часовщик.

Он видит мелкие, как дробь,
Пульсирующие рубины,
И часики, неуловимы,
Качают время, словно кровь.

Они идти не устают.
Стучат негромко и привычно.
И малые, как сердце птичье,
От башенных не отстают.

Их часовщик сработал сам
Не для похвал и одобренья.
И надо бы проверить время
По этим маленьким часам.

1963

115. НА ОКРАИНЕ

Парк в предутреннем беспорядке
Из волос вытрясает сор.
Пахнет снег огуречной кадкой,
Подтекает, словно рассол.

А весна идет ветровая,
Сыrovатая, как белье,
Под стеклянный бубен трамвая
Продувающая жилье.

Да, видать, окончилась спячка,
И орет себе в синеве
Петушок горластый, как прачка.
Есть еще петух на Москве!

Развеселый, лихой, горластый,
Рябоперый и огневой.

Будь что будет — живи и здравствуй!
Пой, петух, покуда живой!

21 марта 1963

116

Стройность чувств. Их свободные речи.
И в мазут Патриарших прудов
Опрокинут мерцающий глетчер,
Звездный брус городских холодов.

В эту ночь окончанья сезона,
Когда лебеди странно вопят,
До сухого и нежного звона
Доведен городской листопад.

10 И почти одинаково ярки
Фонари, что в аллее горят,
И высокие тополи в парке,
Сохранившие желтый наряд.

На пустынной аллее садовой
Мне сулит этот лиственный звон
Приближение музыки новой
И конец переходных времен.

20 Пруд лоснится, как черное масло,
И как легкое пахнет вино.
И бессонница наша прекрасна —
Так все молодо, так ледяно!..

1963?

117. РОЖДЕНИЕ

Как странно, что за сорок с лишним лет
Не накопил я опыта. Впервые
Глаза протер. Встаю. Ломаю хлеб.
Снег за окном. Деревья неживые.

Впервые припадаю к молоку.
Впервые поднимаю груз измены,
Впервые пью вино, впервые лгу,
Себе впервые вспарываю вены.

Впервые знаю: жизнь не удалась.
Захлебываясь, воду пью из горсти.

Впервые умираю. Первый раз
Покорно истлеваю на погосте.

Я прах впервые. Я впервые тень.
Впервые, грешный, я молю прощенья...
Смятенье, колыбель, сирень, метель —
Какая щедрость перевоплощенья!

Какая первородная игра!
Впервой... впервые... завтра... накануне...
Трещит доска... Ломается игла...
И я опять рождаюсь — как в июне.

Июнь 1963

118. КОЛЫБЕЛЬНАЯ ВПОЛГОЛОСА

Ну вот, сыночек, спать пора,
Вокруг дерева потемнели.
Черней вороньего пера
Ночное оперенье ели.
Закрой глаза. Вверху луна,
Как рог на свадьбе кахетинца.
Кричит, кричит ночная птица
До помрачения ума.

Усни скорее. Тополя
От ветра горько заскрипели.
Черней вороньего пера
Ночное оперенье ели.
Все засыпает. Из-под век
Взирают тусклые болотца.
Закуривает и смеется
Во тьме прохожий человек.

Березы, словно купола,
Видны в потемках еле-еле.
Черней вороньего пера
Ночное оперенье ели.

Июнь 1963

119. ДВОРИК МИЦКЕВИЧА

Здесь жил Мицкевич. Как молитва
Звучит пленительное: Litwo,
Ojczyzno moja. Словно море
Накатывается: О, Litwo,

Ојсзузно моја.
Квадратный дворик. Монолитно,
Как шаг в забое,
Звучит звенящее: О, Litwo,
Ојсзузно моја!
10 И как любовь, как укоризна,
Как признак боли,
Звучит печальное: Ојсзузно,
Ојсзузно моја.
Мицкевич из того окошка
Глядел на дворик,
Поэт, он выглядел роскошно,
Но взгляд был горек.
Он слышал зарождение ритма.
Еще глухое,
20 Еще далекое: О, Litwo,
Ојсзузно моја!
2 июля 1963

120. КРАСОТА

Она как скрипка на моем плече.
И я ее, подобно скрипачу,
К себе рукою прижимаю.
И волосы струятся по плечу,
Как музыка немая.

Она как скрипка на моем плече.
Что знает скрипка о высоком пенье?
Что я о ней? Что пламя о свече?
И сам Господь — что знает о творенье?

10 Ведь высший дар себя не узнает.
А красота превыше дарований —
Она себя являет без стараний
И одарять собой не устает.

Она как скрипка на моем плече.
И очень сложен смысл ее гармоний.
Но внятен всем. И каждого томит.
И для нее никто не посторонний.

И, отрешась от распрей и забот,
Мы слушаем в минуту просветленья
20 То долгое и медленное пенье
И узнаем в нем высшее значенье,
Которое себя не узнает.

1963?

121. ФОТОГРАФ-ЛЮБИТЕЛЬ

Фотографирует себя
С девицей, с другом и соседом,
С гармоникой, с велосипедом,
За ужином и за обедом,
Себя — за праздничным столом,
Себя — по окончанье школы,
На фоне дома и стены,
Забора, бора и собора,
Себя — на фоне скакуна,
Царь-пушки, башни, колоннады,
На фоне Пушкина — себя,
На фоне грота и фонтана,
Ворот, гробницы Тамерлана,
В компании и одного —
Себя, себя. А для чего?

Он пишет, бедный человек,
Свою историю простую,
Без замысла, почти впустую
Он запечатлевает век.

А сам живет на фоне звезд.
На фоне снега и дождей,
На фоне слов, на фоне страхов,
На фоне снов, на фоне ахов!
Ах! — миг один, — и нет его.
Запечатлел, потом — истлел
Тот самый, что непрехотливо
Посредством линз и негатива
Познать бессмертье захотел.
А он ведь жил на фоне звезд.
И сам был маленькой вселенной,
Божественной и совершенной!
Одно беда — был слишком прост!
И стал он капелькой дождя...

Кто научил его томиться,
К бессмертью громкому стремиться,
В бессмертье скромное входя?

1963

122. ОПРАВДАНИЕ ГАМЛЕТА

Врут про Гамлета,
Что он нерешителен.

Он решителен, груб и умен.
Но когда клинок занесен,
Гамлет медлит быть разрушителем
И глядит в перископ времен.

10 Не помедлив стреляют злодеи
В сердце Лермонтова или Пушкина.
Не помедлив рубит гвардеец,
Образцовый, шикарный воин.
Не помедлив бьют браконьеры,
Не жалея, что пуля пущена.

Гамлет медлит,
Глаза прищурив
И нацеливая клинок,

20 Гамлет медлит.
И этот миг
Удивителен и велик.
Миг молчания, страсти и опыта,
Водопада застывшего миг.
Миг всего, что отринуто, проклято.
И всего, что познал и постиг.

30 Ах, он знает, что там за портьерой,
Ты, Полоний, плоский хитрец.
Гамлет медлит застывшей пантерой,
Ибо знает законы сердца,
Ибо знает причины и следствия,
Видит даль за ударом клинка,
Смерть Офелии, слабую месть ее,—
Все, что будет потом.
На века.

Бей же, Гамлет! Бей без промашки!
Не жалея загнивших кровей!
Быть — не быть — лепестки ромашки,
Бить так бить! Бей, не робей!
Не от злобы, не от угару,
Не со страху, унявши дрожь,—
Доверяй своему удару,
Даже
 если
 себя
 убьешь!

1 декабря 1963

123. В ДЕРЕВНЕ

В деревне благодарен дому
И благодарен кровле, благодарен печке,
Особенно когда деревья гнутся долу
И ветер гасит звезды, словно свечки.

Сверчку в деревне благодарен,
И фитилю, и керосину.
Особенно когда пурга ударит
Во всю медвежью голосину.

Соседу благодарен и соседке,
Сторожевой собаке.
Особенно когда луна сквозь ветки
Глядит во мраке.

И благодарен верному уму
И доброму письму в деревне...
Любви благодаренье и всему,
Всему — благодаренье!

Не позднее 1964

124

Все реже думаю о том,
Кому понравлюсь, как понравлюсь.
Все чаще думаю о том,
Куда пойду, куда направлюсь.

Пусть те, кто каменно-тверды,
Своим всезнанием гордятся.
Стою. Потеряны следы.
Куда пойти? Куда податься?

10 Где путь меж добротой и злобой?
И где граничат свет и тьма?
И где он, этот мир особый
Успокоенья и ума?

Когда обманчивая внешность
Обескураживает всех,
Где эти мужество и нежность,
Вернейшие из наших вех?

И нет священной злобы, нет,
Не может быть священной злоба.

Зачем, губительный стилет,
Тебе уподобляют слово!

Кто прикасается к словам,
Не должен прикасаться к стали.
На верность добрым божествам
Не надо клясться на кинжале!

Отдай кинжал тому, кто слаб,
Чье слово лживо или слабо.
У нас иной и лад, и склад,
И все. И большего не надо.

1964

125

Та война, что когда-нибудь будет, —
Не моя это будет война.
Не мою она душу загубит
И не мне принесет ордена.

Я уже не пойму ее целей,
Оправдания ей не найду.
Лишь верхушки простреленных елей
Будут как в сорок первом году.

Та война, что когда-нибудь грянет,
Не нужна мне. Отвоевал.
И меня уже пуля не ранит,
А, настигнув, убьет наповал.

Но, скорей, не дождусь я и пули,
Потому что не нужен врагу.
Просто в том оглушающем гуле
Я, наверное, жить не смогу.

Та война, что случится не скоро, —
Мне не надо готовиться к ней.
Никогда не приму от каптера
Свежепахнущих, хрустких ремней.

Та война, что меня уничтожит,
Осторожно и тихо идет.
Все сначала она подытожит,
А потом потихоньку убьет.

1964

126. СВОБОДНЫЙ СТИХ

Профессор Уильям Росс Эшби
Считает мозг негибкой системой.
Профессор, наверное, прав.
Ведь если бы мозг был гибкой системой,
Конечно, он давно бы прогнулся,
Он бы прогнулся, как лист жести, —
От городского гула, от скоростей,
От крика динамиков, от новостей,
От телевидения, от похорон,
10 От артиллерии, от прений сторон,
От угроз, от ложных учений,
Детективных историй, разоблачений,
Прогресса наук, семейных дразг,
Отсутствия денег, актерских масок,
Понятия о бесконечности, успеха поэзии,
Законодательства, профессии,
Нового в медицине, неразделенной любви,
Несовершенства.
Но мозг не гибок. И оттого
20 Стоит, как телеграфный столб,
И только гудит под страшным напором,
И все-таки остается прямым.
Мне хочется верить профессору Эшби
И не хочется верить писателю Кафке.
Пожалуйста, выберите время,
Выключите радио, отоспитесь
И почувствуйте в себе наличие мозга,
Этой мощной и негибкой системы.

1964

127. ГОЛОСА

Здесь дерево качается: — Прощай! —
Там дом зовет: — Остановись, прохожий! —
Дорога простирается: — Пластай
Меня и по дубленой коже
Моей шагай, топчи меня пятой,
Не верь домам, зовущим поселиться.
Верь дереву и мне. —
А дом: — Постой! —
Дом желтой дверью свищет, как синица.
А дерево опять: — Ступай, ступай,
Не оборачивайся. —
А дорога:
— Топчи пятой, подошвою строгай.
Я пыльная, но я веду до Бога! —

Где пыль, там Бог.
Где Бог, там дух и прах.
А я живу не духом, а соблазном.
А я живу, качаясь в двух мирах,
В борении моем однообразном.
А дерево опять: — Ну, уходи,
Не медди, как любовник надоевший! —
Опять дорога мне: — Не тяготи!
Ступай отсюда, конный или пеший. —
А дом — оконной плачет он слезой.
А дерево опять ко мне с поклоном.
Стою, обвит страстями, как лозой,
Перед дорогой, деревом и домом.

1964

128. С ЭСТРАДЫ

Вот я перед вами стою. Я один.
Вы ждете какого-то слова и знания,
А может — забавы. Мол, мы поглядим,
Здесь львиная мощь или прыть обезьянья.

А я перед вами гол как сокол.
И нет у меня ни ключа, ни отмычки.
И нету рецепта от бед и от зол.
Стою перед вами, как в анатомичке.

Учитесь на мне. Изучайте на мне
Свои неудачи, удачи, тревоги.
Ведь мы же не клоуны,
но мы и не боги.
И редко случается быть на коне!

Вот я перед вами стою. Я один.
Не жду одобрения или награды.
Стою у опасного края эстрады,
У края, который непереходим.

1964

129. ПЕРЕД СНЕГОМ

И начинает уставать вода.
И это означает близость снега.
Вода устала быть ручьями, быть дождем,
По корню подниматься, падать с неба.
Вода устала петь, устала течь,

Сиять, струиться и переливаться.
Ей хочется утратить речь, залечь
И там, где залегла, там оставаться.

Под низким небом, тяжелей свинца,
Усталая вода сияет тускло.
Она устала быть самой собой.
Но предстоит еще утратить чувства,
Но предстоит еще заледенеть
И уж не петь, а, как броня, звенеть.

Ну, а покуда в мире тишина.
Торчат кустов безлиственные прутья.
Распутица кончается. Распутья
Подмерзли. Но земля еще черна.
Вот-вот повалит первый снег.

10 сентября 1964

130. ПАМЯТЬ

Е<вгениу> Л<аскиной>

Я зарастаю памятью,
Как лесом зарастает пустошь.
И птицы-память по утрам поют,
И ветер-память по ночам гудит,
Деревья-память целый день лепечут.

И там, в пернатой памяти моей,
Все сказки начинаются с «однажды».
И в этом однократность бытия
И однократность утоленья жажды.

Но в памяти такая скрыта мощь,
Что возвращает образы и множит...
Шумит, не умолкая, память-дождь,
И память-снег летит и пасть не может.

1964

131. ПОДРОСТОК

Подросток! Как по нежному лекалу
Прочерчен шеи робкий поворот.
И первому чекану и закалу
Еще подвергнут не был этот рот.

В ней красота не обрела решенья,
А истина не отлилась в слова.
В ней лишь мольба, и дар, и приношенье.
И утра свет. И неба синева.

1964—1965

132

Весь лес листвою переполнен,
Он весь кричит: тону! тону!
И мы уже почти не помним,
Каким он был семь дней тому.

Как забывается дурное!
А память о счастливом дне,
Как излученье роковое,
Накапливается во мне.

Накапливается, как стронций
В крови. И жжет меня дотла —
Лицо, улыбка, листья, солнце.
О горе! Я не помню зла!

1964—1965

133. ПОЗДНЕЕ ЛЕТО

Вы меня берегите, подмосковные срубы,
Деревянные ульи медового лета.
Я люблю этих сосен гудящие струны
И парного тумана душистое млеко.

Чем унять теребящую горечь рябины,
Этот вяжущий вкус предосеннего сока?
И смородинных листьев непреоборимый
Запах? Чувствуют — им увядать недалеко.

Промелькнет паутинка, как первая проседа,
Прокричит на сосне одинокая птица.
И пора уже прозу презренную бросить,
Заодно от поэзии освободиться.

1964—1965

134. МОРЕ

Сначала только пальцем
Покатывало гальку
И плотно, словно панцирь,
Полнеба облегло.
Потом луна в барашках
Сверкала белым кварцем.
Потом пошло качаться.
И наконец выиграло.

Когда выиграло море,
Душа возликовала,
Душа возликовала
И неба захотела,
И захотела ветра,
И грома, и обвала.
А чем она владела —
Того ей было мало!..

1964—1965

135. КОНЕЦ ПУГАЧЕВА

Вьются тучи, как знамена,
Небо — цвета кумача.
Мчится конная колонна
Бить Емельку Пугача.

А Емелька, царь Емелька,
Страхолюдина-бандит,
Бородатый, пьяный в стельку,
В чистой горнице сидит.

Говорит: «У всех достану
Требушину из пупа.
Одного губить не стану
Православного попа.

Ну-ка, батя, сядь-ка в хате,
Кружку браги раздави.
И мои степные рати
В правый бой благослови...»

Поп ему: «Послушай, сыне!
По степям копытный звон.
Слушай, сыне, ты отныне
На погибель обречен...»

Как поднялся царь Емеля:
«Гей вы, бражники-друзья!
Или силой оскудели,
Мои князи и графья?»

Как он гаркнул: «Где вы, князи?!»
Как ударил кулаком,
Конь всхрапнул у коновязи
Под ковровым черпаком.

Как прощался он с Устиньей,
Как коснулся алых губ,
Разорвал он ворот синий
И заплакал, душегуб.

«Ты зови меня Емелькой,
Не зови меня Петром.
Был, мужик, я птахой мелкой,
Возмечтал парить орлом.

Предадут меня сегодня,
Слава Богу — предадут.
Быть (на это власть Господня!)
Государем не дадут...»

Как его бояре встали
От тесового стола.
«Ну, вяжи его, — сказали, —
Снова наша не взяла».

1964—1965

136. НАЗВАНЬЯ ЗИМ

У зим бывают имена.
Одна из них звалась Наталья.
И было в ней мерцанье, тайна,
И холод, и голубизна.

Еленою звалась зима,
И Марфою, и Катериной.
И я порою зимней, длинной
Влюблялся и сходил с ума.

И были дни, и падал снег,
Как теплый пух зимы туманной...
А эту зиму звали Анной,
Она была прекрасней всех.

15 января 1965

Вода моя! Где тайники твои,
 Где ледники, где глубина подвала?
 Струи ручья всю ночь, как соловьи,
 Рокочут в темной чаше краснотала.

Ах, утоли меня, вода ручья,
 Кинь в губы мне семь звезд, семь терпких ягод,
 Кинь, в краснотале черном рокоча,
 Семь звезд, что предо мной созвездьем лягут.

Я притаюсь, притихну, как стрелок,
 Боящийся спугнуть семью оленей.
 Ручей лизнет мне руку, как телок,
 И притулится у моих коленей.

1965

138. ПЕСТЕЛЬ, ПОЭТ И АННА

Там Анна пела с самого утра
 И что-то шила или вышивала.
 И песня, долетая со двора,
 Ему невольно сердце волновала.

А Пестель думал: «Ах, как он рассеян!
 Как на иголках! Мог бы хоть присесть!
 Но, впрочем, что-то есть в нем, что-то есть.
 И молод. И не станет фарисеем».
 Он думал: «И, конечно, расцветет
 10 Его талант, при должном направленьи,
 Когда себе Россия обретет
 Свободу и достойное правленьи».
 — Позвольте мне чубук, я закурю.
 — Пожалуйте огня.
 — Благодарю.

А Пушкин думал: «Он весьма умен
 И крепок духом. Видно, метит в Бруты.
 Но времена для Брутов слишком круты.
 И не из Брутов ли Наполеон?»

20 Шел разговор о равенстве сословий.
 — Как всех равнять? Народы так бедны, —
 Заметил Пушкин, — что и в наши дни
 Для равенства достойных нет условий.
 И посему дворянства назначенье —
 Хранить народа честь и просвещенье.

— О да, — ответил Пестель, — если трон
Находится в стране в руках деспота,
Тогда дворянства первая забота
Сменить основы власти и закон.
30 — Увы, — ответил Пушкин, — тех основ
Не пожалеет разве Пугачев...
— Мужицкий бунт бессмыслен... —

За окном

Не умолкая распевала Анна.
И пахнул двор соседа-молдавана
Бараньей шкурой, хлевом и вином.
День наполнялся нежной синевою,
Как ведра из бездонного колодца.
И голос был высок: вот-вот сорвется.
40 А Пушкин думал: «Анна! Боже мой!»

— Но, не борясь, мы потакаем злу, —
Заметил Пестель, — бережем тиранство.
— Ах, русское тиранство — дилетантство,
Я бы учил тиранов ремеслу, —
Ответил Пушкин.

«Что за резвый ум, —
Подумал Пестель, — столько наблюдений
И мало основательных идей».
— Но тупость рабства сокрушает гений!
50 — В политике кто гений — тот злодей, —
Ответил Пушкин.

Впрочем, разговор
Был славный. Говорили о Ликурге,
И о Солоне, и о Петербурге,
И что Россия рвется на простор.
Об Азии, Кавказе, и о Данте,
И о движенье князя Ипсиланти.

Заговорили о любви.

— Она, —
60 Заметил Пушкин, — с вашей точки зренья
Полезна лишь для граждан умноженья
И, значит, тоже в рамки введена. —
Тут Пестель улыбнулся.

— Я душой
Матерьялист, но протестует разум. —
С улыбкой он казался светлоглазым.
И Пушкин вдруг подумал: «В этом соль!»

Они простились. Пестель уходил
По улице разъезженной и грязной,
70 И Александр, разнеженный и праздный,
Рассеянно в окно за ним следил.

Шел русский Брут. Глядел вослед ему
Российский гений с грустью без причины.

Деревья, как зеленые кувшины,
Хранили утра хлад и синеву.
Он эту фразу записал в дневник —
О разуме и сердце. Лоб наморщив,
Сказал себе: «Он тоже заговорщик.
И некуда податься, кроме них».

80 В соседний двор вползла каруца цугом,
Залаял пес. На воздухе упругом
Качались ветки, полные листвою.
Стоял апрель. И жизнь была желанна.
Он вновь услышал — распевает Анна.
И задохнулся:
«Анна! Боже мой!»

24—25 марта 1965

139

И всех, кого любил,
Я разлюбить уже не в силах!
А легкая любовь
Вдруг тяжелеет
И опускается на дно.

И там, на дне души, загустевает,
Как в погребе зарытое вино.

Не смей, не смей из глуби доставать
Все то, что там скопилось и окрепло!
Пуускай хранится глухо, немо, слепо,
Пуускай! А если вырвется из склепа,
Я предпочел бы не существовать,
Не быть...

1965

140. НЕОРЕАЛИЗМ

Жизнь одинокого мужчины,
Интеллигентного таксиста,
Как будто из кинокартины
Во вкусе неореалиста.

Осенний вечер. Час десятый.
От фонарей не много свету.
Закуривает сигарету,
Достав ее из пачки мятой.

Подкидывает на ладони
На счастье мелкую монету.
Поднявши воротник болоньи,
Закуривает сигарету.

Заходит в бар. Берет газету
И улыбается скрипачке.
Закуривает сигарету,
Достав ее из мятой пачки.

Он пьет, чего-то ожидает,
Глядит с улыбкой виноватой.
И сигарету зажигает,
Достав ее из пачки мятой.

Вновь выпивает напоследок.
Сереет. Близится к рассвету.
— Ну что же, можно жить и эдак! —
Закуривает сигарету.

1965

141. ЧИТАЯ ФАНТАСТА

С<таниславу> Л<ему>

Что, если море — мыслящее существо,
А волны — это мысли моря,
И зыбкое зеленое стекло
Подвижная пронизывает воля?

Тогда мне страшен мудрый океан
И буйное его воображенье.
И что такое лютня, и кимвал,
И стон, и необузданное пенье?

Как страшно быть смятением земли,
Быть мозгом всеобъемлющим и диким,
Топить в себе мечты и корабли —
Быть океаном — Тихим и Великим!

1965

142. ЗИМА НАСТАЛА

В первую неделю
Остекленели
Глаза воды.
Во вторую неделю
Закоченели
Плечи земли.
В третью неделю
Загудели
Метели
Зимы.

В первую неделю
Я духом пал.
Во вторую неделю
Я чуда ждал.
А в третью неделю,
Как снег упал,
Хорошо мне стало.
Зима настала.

1965

143. СИГЛИГЕТ

В той Венгрии, куда мое везенье
Меня так осторожно привело,
Чтоб я забыл на время угрызенья
И мною совершаемое зло,

В том Сиглигете возле Балатона,
В том парке, огороженном стеной,
Где горлинки воркуют монотонно, —
Мое смятенье спорит с тишиной.

Мне кажется, что вы — оживший образ
Той тишины, что вы ее родня.
Не потому ли каждая подробность,
Любое слово мучают меня.

И даже, может быть, разноязычье
Не угнетает в этой тишине,
Ведь не людская речь, а пенье птичье
Нужней сегодня было вам и мне.

1965

Я видел, как поджав колени,
 Со скал кидаются олени
 И, распрямляясь на лету,
 Свою являют красоту.
 Летят, похожие на струйки,
 На руки, или же на струнки,
 На все, что так напряжено,
 Что в красоту превращено.
 Везде, где есть усилье взлета,
 Вдруг возникает красота —
 В крыле орла, в плече пилота,
 В осеннем трепете куста.

11 сентября 1965

145. В ОБЩЕЖИТИИ СЛЕПЫХ

В общежитии поют разноголосо,
 Но не зажигают свет.
 В общежитии слепых поют «Бандьера росса»,
 Но не знают, что такое цвет.

А лицо слепое ввысь воздето,
 И поют, припав лицом к клюке.
 Вероятно, есть идея цвета,
 Даже если света нет в зрачке.

Вероятно, есть идея взлета
 Даже у прикованных к земле.
 Вероятно, есть на свете что-то,
 Повествующее о добре и зле.

Даже у незрячих от рожденья,
 Тех, кого обидела судьба,
 Вероятно, есть идея зренья,
 Как идея воли — у раба.

1965

146. РЯБИНА

Так бы длинно думать,
 Как гуси летят.
 Так бы длинно верить,
 Как листья шелестят.
 Так бы длинно любить,
 Как реки текут...

Руки так заломить,
Как рябиновый куст.

Январь 1966

147

Химера самосохраненья!
О, разве можно сохранить
Невыветренными камня
И незапутанною нить!

Но ежели по чьей-то воле
Убережешься ты один
От ярости и алкоголя,
Рождающих холестерин;

От совести, от никотина.
От каверзы и от ружья, —
Ведь все равно невозвратима
Незамутненность бытия.

Но есть возвышенная старость,
Что грозно вызревает в нас,
И всю накопленную ярость
Приберегает про запас,

Что ждет назначенного срока
И вдруг отбрасывает щит.
И тычет в нас перстом пророка,
И хриплым голосом кричит.

1966

148

Снег сухой, как зубной порошок,
Он не с неба падает, а с веток.
Написать бы об этом стишок...
То ли так написать, то ли эдак.

Старый тополь стоит, как шандал,
Угасая на зимнем рассвете.
И об этом бы я написал...
С тем сравнил бы, а может, и с этим.

Избы из-под угрюмых чепцов
Смотрят в бледные зарева стужи.

И об этом в конце концов
Написал бы я лучше иль хуже...

Не тащите предметы в стихи,
Не ломайте, поэты, предметы,
Не расходуйте на пустяки,
Не растрачивайте на приметы!

Снег сухой или тополь прямой,
Или бледные зарева стужи —
Это признаки жизни самой,
А не прихоти рифмы досужей.

Если снег запоет в тополях,
Если звонкая стужа ударит
И метель в подмосковных полях
Белый пчельник бесшумно заварит —

Значит, что-то свершается в нас,
В атмосфере души и в природе.
И летит, ошарашен, Парнас,
Подчиняясь земной непогоде.

29 января 1966

149

Получил письмо издалека,
Гордое, безумное и женское.
Но пока оно свершало шествие,
Между нами пролегли века.

Выросли деревья, смолкли речи,
Отстремели времена.
Но опять прошу я издалече:
Анна! Защити меня!

Реки утекли, умчались птицы,
Заросли дороги. Свет погас.
Но тебе порой мой голос снится:
Анна! Защити обоих нас!

31 января — 2 февраля 1966

150

Расставанье,
Век спустя после прощанья,

Ты звучишь во мне, как длинное стенанье,
Как стенанье ветра за стеной.
Расставанье,
Мне уже не нужное,
Стонешь ты, как женщина недужная,
Где-то за туманной пеленой.

Пробуждаюсь.
Вместе с пробуждением
Оборвался звук. Но странным пеньем
Я разбужен был. Так где оно?
Я однажды в детстве слышал это:
Женский вопль далеко до рассвета,
Замиравший медленно вдали.
Мне казалось — это похищенье
Женщины. Куда ее влекли?

Так со мной бывает спозаранок,
Когда что-то нарушает сон.
Слышу похищенье сабинянок —
Длинный, удаляющийся стон.

1966

151. ДВОР МОЕГО ДЕТСТВА

Еще я помню уличных гимнастов,
Шарманщиков, медведей и цыган,
И помню развеселый балаган
Петрушек голосистых и носастых.
У нас был двор квадратный. А над ним
Висело небо — в тучах или звездах.
В сарае у матрасника на козлах
Вились пружины, как железный дым.
Ириски продавали нам с лотка.
И жизнь была приятна и сладка...
И в той Москве, которой нет почти
И от которой лишь осталось чувство,
Про бедность и величие искусства
Я узнавал, наверно, лет с пяти.

Я б вас позвал с собой в мой старый дом...
(Шарманщики, петрушка — что за чудо!)
Но как припомню долгий путь оттуда —
Не надо! Нет!.. Уж лучше не пойдём!..

1966

152. ВЕТРЕННЫЙ ВЕЧЕР

Взлетает пернатая птица,
И ветер пернатый щебечет,
Пернатое дерево мчится
И перья горючие мечет.

И ветер снимается с места
И наискось мчит к небосклону.
Как огненный кочет с насеста,
Слетают багряные клены.

Слетают багровые тучи,
Взлетают лиловые дымы.
Предметы легки и летучи,
Свистящи и неудержимы.

Наверное, это везенье —
Однажды от спячки проснуться,
Увидеть основ потрясенье,
В него с головой окунуться.

Февраль или март 1966

153. СМЕРТЬ ПОЭТА

Что ж ты заводишь
Песню военную,
Флейте подобно,
Милый снегирь?
Державин

Я не знал в этот вечер в деревне,
Об успении Анны Андревны,
Но меня одолела тоска.
Деревянные дудки скворешен
Распевали. И месяц навешен
Был на голые ветки леска.

Провода электрички чертили
В небесах невесомые кубы.
А ее уже славой почтили
Не колонные залы и клубы,
А лесов деревянные трубы,
Деревянные дудки скворешен.
Потому я и был безутешен,
Хоть в тот вечер не думал о ней.

Это было предчувствием боли,
Как бывает у птиц и зверей.

Просыревшей тропинкою в поле,
Меж сугробами, в странном уборе
Шла старуха всех смертных старей.
20 Шла старуха в каком-то капоте,
Что свисал, как два ветхих крыла.
Я спросил ее: «Как вы живете?»
А она мне: «Уже отжила...»

В этот вечер ветрами отпето
Было дивное дело поэта.
И мне чудилось пенье и звон.
В этот вечер мне чудились в лесе
Красота похоронных процессий
И торжественный шум похорон.

30 С Шереметьевского аэродрома
Доносилось подобие грома.
Рядом пели деревья земли:
«Мы ее берегли от удачи,
От успеха, богатства и славы,
Мы, земные деревья и травы,
От всего мы ее берегли».

И не ведал я, было ли это
Отпеванием времени года,
Воспеваньем страны и народа
40 Или просто кончиной поэта.
Ведь еще не успели стихи,
Те, которыми нас одаряли,
Стать гневливой волною в Дарьяле
Или ветром в молдавской степи.

Стать туманом, птицей, звездой,
Иль в степи полосатой верстою
Суждено не любому из нас.
Стихотворства тяжелое бремя
Прославляет стоустое время.
50 Но за это почтут не сейчас.

Ведь она за свое воплощенье
В снегиря царскосельского сада
Десять раз заплатила сполна.
Ведь за это пройти было надо
Все ступени беззвучного ада,
Чтоб себя превратить в певуна.

Все на свете рождается в муке —
И деревья, и птицы, и звуки.
И Кавказ. И Урал. И Сибирь.
60 И поэт смежаются веки.

И еще не очнулся на ветке
Зоревой царкосельский снегирь.

27 марта 1966

154

Была туманная луна,
И были нежные березы...
О март-апрель, какие слезы!
Во сне какие имена!

Туман весны, туман страстей,
Рассудка тайные угрозы...
О март-апрель, какие слезы —
Спросонья, словно у детей!..

Как корочку, хрустящий след
Жуют рассветные морозы...
О март-апрель, какие слезы —
Причины и названья нет!

Вдали, за гранью голубой,
Гудят в тумане тепловозы...
О март-апрель, какие слезы!
О чем ты плачешь? Бог с тобой!

5 апреля 1966

155. ВЫЕЗД

Помню — папа еще молодой.
Помню выезд, какие-то сборы.
И извозчик — лихой, завитой.
Конь, пролетка, и кнут, и рессоры.

А в Москве — допотопный трамвай,
Где прицепом старинная конка.
А над Екатерининским — грай.
Все впечаталось в память ребенка.

Помню — мама еще молода,
Улыбается нашим соседям.
И куда-то мы едем. Куда?
Ах, куда-то, зачем-то мы едем!

А Москва высока и светла.
Суматоха Охотного ряда.
А потом — купола, купола.
И мы едем, все едем куда-то.

Звонко цокает кованый конь
О булыжник в каком-то проезде.
Куполов угасает огонь,
Зажигаются свечи созвездий,

Папа молод. И мать молода.
Конь горяч. И пролетка крылата.
И мы едем, незнамо куда, —
Все мы едем и едем куда-то.

15 мая 1966

156. ПРЕДМЕСТЬЕ

Там наконец, как пуля из ствола,
Поезд метро вылетает из-под земли.
И вся округа наклонена.

Там дивная церковь,
Оранжевая с белым,
Слегка накренясь, как в танце на льду,
Медленно откатывается вбок.

Там, в поредевших рощах,
Белые дома —
Макеты рационального воображения.
Но земля не занята городом.

Там воздух листвен.
Там иволга садится на балкон.

Там балконные двери —
Летки человеческого пчельника.
Вечером светятся окна
Пузырьками искусственных сотов.

Там ветер намывает флаг,
И свежее полотнище, пахнущее арбузом,
Хлобыщет небо.

1966

157. НА ДУНАЕ

О, краткое очарованье
Плывущих мимо кораблей!
А после разочарованье
От бронзы бывших королей.

Сидят державные солдаты,
Как задремавшие орлы.
А корабли плывут куда-то,
Как освещенные балы.

Здесь варвары на земли Рима
Запечатлели свой набег.
Но все равно — плывущий мимо
Прекрасней ставшего на брег.

1966

158. ТАЛЛИНСКАЯ ПЕСЕНКА

Хорошо уехать в Таллин,
Что уже снежком завален
И уже зимой застелен.
И увидеть Элен с Яном,
Да, увидеть Яна с Элен.

Мне ведь многого не надо,
Мой приезд почти бесцелен:
Побродить по ресторанам,
Постоять под снегопадом
И увидеть Яна с Элен,
Да, увидеть Элен с Яном,

И прислушаться к метелям,
Что шуруют о фрамугу,
И увидеть: Ян и Элен,
Да, увидеть — Ян и Элен
Улыбаются друг другу.

А однажды, утром рано,
Вдруг отъехать от перрона
Прямо в сторону бурана,
Где уже не будет Элен,
Где уже не будет Яна.
Да, ни Элен и ни Яна...

Декабрь 1966?

159. МАРИИ

М<арии> К<росс>

Прекрасно рисует Мария,
Особенно белку и лиса,
Особенно птицу и рыбу,
Особенно листья и лица.

Хотел бы и я поселиться
В том маленьком мире Марии,
Где славные звери такие,
Такие хорошие листья,
Такие хорошие лица!

21 декабря 1966
Таллин

160. СОЛОВЬИ ИЛЬДЕФОНСА-КОНСТАНТЫ

Ильдефонс-Константы Галчинский дирижирует соловьями:
Пиано, пианиссимо, форте, аллегро, престо!
Время действия — ночь. Она же и место.
Сосны всплывают в небо романтическими кораблями.

Ильдефонс играет на скрипке, потом на гитаре,
И снова на скрипке играет Ильдефонс-Константы Галчинский.
Ночь соловьиною трелью прокатывает в гортани.
В честь прекрасной Натальи соловьи поют по-грузински.

Начинается Бог знает что: хиромантия, волхование!
Зачарованы люди, кони, звезды. Даже редактор,
Хлюпая носом, платок нашаривает в кармане,
Потому что еще никогда не встречался с подобным фактом.

Плачет редактор. За ним расплакался цензор.
Плачет директор издательства и все его консультанты.
«Зачем я его правил! Зачем я его резал!
Что он делает с нами! Ах, Ильдефонс-Константы!»

Константы их утешает: «Ну что распустили нюни!
Ничего не случилось. И вообще ничего не случится!
Просто бушуют в кустах соловьи в начале июня.
Как они чисто поют! Послушайте: ах, как чисто!»

Ильдефонс забирает гитару, обнимает Наталью,
И уходит сквозь сиреневый куст, и про себя судачит:
«Это все соловьи. Вишь, какие каналы!
Плачут, черт побери. Хотят — не хотят, а плачут!..»

Март — 24 декабря 1966

161. НОЧНОЙ СТОРОЖ

В турбазе, недалеко от Тапы,
Был необычный ночной сторож.
Говорили, что ночью он пишет ноты

И в котельной играет на гобое.
Однажды мы с ним разговорились
О Глюке, о Моцарте и о Гайдне.
Сторож достал небольшой футлярчик
И показал мне гобой.
10 Гобой лежал, погруженный в бархат,
Разъятый на три неравные части,
Черный, лоснящийся и холеный,
Как вороны в серебряной сбруе.
Сторож соединил трубки,
И черное дерево инструмента
Отозвалось камергерскому блеску
Серебряных клапанов и регистров.
Я попросил сыграть. И сторож
Выдул с легкостью стеклодува
Несколько негромких пассажей...
20 Потом он встал в концертную позу
И заиграл легко, как маэстро,
Начало моцартовского квартета.
Но вдруг гобой задохнулся и пискнул.
И сторож небрежно сказал: «Довольно!»

Он не мог играть на гобое,
Потому что нутро у него отбито
И легкие обожжены Сибирью.
Он отдышался и закурил...
30 Вот почему ночной сторож
Играет по ночам в котельной,
А не в каком-нибудь скромном джазе
Где-нибудь в загородном ресторане.

Благодарите судьбу, поэты,
За то, что вам не нужно легких,
Чтоб дуть в мундштук гобоя и флейты,
Что вам не нужно беглости пальцев,
Чтоб не спотыкаться на фортепиано,
40 Что вам почти ничего не нужно, —
А все, что нужно,
Всегда при вас.

Декабрь 1966 — 1967

Вот и все. Смежили очи гении.
И когда померкли небеса,
Словно в опустевшем помещении
Стали слышны наши голоса.

Тянем, тянем слово залежалое,
Говорим и вяло и темно.
Как нас чествуют и как нас жалуют!
Нету их. И все разрешено.

1967

163

Был ливень. И вызвездил крону.
А по иссякании вод,
Подобно огромному клену,
Вверху замерцал небосвод.

Вкруг дерева ночи чернейшей
Легла золотая стезя.
И — молнии в мокрой черешне —
Глаза.

1967

164. РОЖДЕСТВО АЛЕКСАНДРА БЛОКА

В тумане старые дворцы
Хирели,
Красногвардейские костры
Горели.
Он вновь увидел на мосту
И ангела, и высоту.
Он вновь услышал чистоту
Свирели.

10 Не музыка военных флейт,
Не звездный отблеск эполет,
Не падший ангел, в кабарет
Влетевший — сбросить перья...
Он видел ангела, звезду,
Он слышал флейту, и на льду
Невы он видел польню
Рождественской купелью.

20 Да, странным было для него
То ледяное рождество,
Когда солдатские костры
Всю ночь во тьме не гасли.
Он не хотел ни слов, ни встреч,
Немела речь,
Не грела печь,

- 30 Студеный ветер продувал
Евангельские ясли.
Волхвы, забившись в закутки,
Сидели, кутаясь в платки, —
Пережидали хаос.
И взглядывали из-за штор,
Как польхал ночной костер,
Как пламя колыхалось.
- «Волхвы! Я понимаю вас,
Как трудно в этот грозный час
Хранить свои богатства,
Когда веселый бунтовщик
К вам в двери всовывает штык
Во имя власти и земли,
Республики и братства.
- 40 Дары искусства и наук,
Сибирских руд, сердечных мук,
Ума и совести недуг —
Вы этим всем владели.
Но это все не навсегда.
Есть только ангел и звезда,
Пустые ясли и напев
Той, ледяной свирели.
- 50 Увы! Мы были хороши,
Когда свершался бунт души,
Росли богатства духа.
Сегодня нам отдать их жаль,
Когда возмездья просит сталь
И выстрел ветреную даль
Простегивает глухо!»
- 60 Да, странным было для него
То ледяное рождество
Семнадцатого года.
Он шел и что-то вспоминал,
А ветер на мосту стонал,
И ангел в небе распевал:
«Да здравствует свобода!»
- У моста грелись мужики,
Веселые бунтовщики.
Их тени были велики.
И уходили патрули
Вершить большое дело.
Звезда сияла. И во мгле
Вдали тревогу пел сигнал.

70 А рядом «Интернационал»
Свирель тревожно пела.
Шагал патруль. Вот так же шли
В ту ночь седые пастухи
За ангелом и за звездой,
Твердя чужое имя.
Да, странным было для него
То ледяное рождество,
Когда солону ветер греб
Над яслями пустыми.

80 Полз броневик. Потом солдат
Угрюмо спрашивал мандат.
Куда-то прошагал отряд.
В котле еда дымилась.
На город с юга шла метель.
Замолкли ангел и свирель.
Снег запорошивал купель.
Потом звезда затмилась...

23 мая 1967

165

Дай выстрадать стихотворенье!
Дай вышагать его! Потом,
Как потрясенное растение,
Я буду шелестеть листом.

Я только завтра буду мастер
И только завтра я пойму,
Какое привалило счастье
Глупцу, шуту, Бог весть кому, —

Большую повесть поколенья
Шептать, нащупывая звук,
Шептать, дрожа от изумленья
И слезы слизывая с губ.

22 июля 1967

166. СВЯТОГОРСКИЙ МОНАСТЫРЬ

Вот сюда везли жандармы
Тело Пушкина (О, милость
Государя!). Чтоб скорей,
Чтоб скорей соединилось
Тело Пушкина с душой
И навек угомонилось.

Здесь, совсем недалеко
От Михайловского сада,
Мертвым быть ему легко,
Ибо жить нигде не надо.
Слава Богу, что конец
Императорской приязни
И что можно без боязни
Ждать иных, грядущих дней.
Здесь, совсем недалеко
От Михайловского дома,
Знать, что время невесома,
А земля всего родней, —
Здесь, совсем невдалеке
От заснеженной поляны,
От Тригорского и Анны,
От мгновенья Анны Керн;
Здесь — на шаг от злой судьбы,
От легенд о счастье мнимом,
И от кухни, полной дымом,
И от девичьей избы.

Ах, он мыслил об ином,
И тесна казалась клетка...
Смерть! Одна ты домоседка
Со своим веретенем!
Вот сюда везли жандармы
Тело Пушкина... Ну что ж!
Пусть нам служит утешеньем
После выплывшая ложь,
Что его пленяла ширь,
Что изгнание не томило...
Здесь опала. Здесь могила.
Святогорский монастырь.

Осень 1967 — 5 января 1968

167. АПРЕЛЬСКИЙ ЛЕС

Давайте каждый день приумножать богатство
Апрельской тишины в безлиственном лесу.
Не надо торопить. Не надо домогаться,
Чтоб отроческий лес скорее отер слезу.

Ведь нынче та пора, редчайший час сезона,
Когда и время — вспять и будет молодеть,
Когда всего шальней растрепанная крона
И шапку не торопится надеть.

О этот странный час обратного движенья
Из старости!.. Куда?.. Куда — не все ль равно!

Как будто корешок волшебного женьшеня
Подмешан был вчера в холодное вино.

Апрельский лес спешит из отрочества в детство.
И воды вспять текут по талому ручью.
И птицы вспять летят... Мы из того же теста —
К начальному, назад, спешим небытию...

13 апреля 1968

168. ФЕЙЕРВЕРК

Музыкантам, музыкантам
Было весело играть.
И под небом предзакатным
Трубам весело сиять.

Но окрестности темнели,
Угасал латунный сверк.
И, когда сомкнулись ели,
Вдруг ударил фейерверк.

10 С треском, выстрелом и шипом
Он распался на сто звезд.
Парни в танце с диким шиком
Мяли девушек, как воск.

И опять взлетел над парком
Фейерверк и прынул вниз.
И тогда с тревожным карком
Галки стаями взвились.

20 И рассыпались черным
Фейерверком, прынув вверх.
Но хвостом разгоряченным
Вновь распался фейерверк.

Светла начали крутиться,
Поднимаясь к небесам.
И тогда другие птицы
Заметались по кустам.

Ослепленные пичуги
Устремлялись от огней,
Трепыхаясь словно чубы
Перепуганных коней.

30 И тогда взлетел Огромный,
Словно лопнуло стекло.

И сияющей короной
Всплыло нежное Светло.

Как шатер оно снижалось,
Озаряя небеса.
С тенью тень перемежалась,
Словно спицы колеса.

40 И последняя шутиха
Где-то канула на дно.
И тогда настало Тихо,
И надвинулось Темно.

Мы стояли, рот разинув,
И глядели долго вверх.
И как битву исполинов
Вспоминали фейерверк.

14 мая 1968

169. РОМАНТИЧЕСКАЯ БАЛЛАДА

Дремлет в будке пес-собакин,
Дремлет в будке и сопит.
А Матвей Петрович Хрякин
У себя в постели спит.

У себя, с гулящей бабой,
Спит Матвей и хоть бы хны.
В это время ангел слабый
Сочиняет ему сны.

Сны Матвея слишком хрупки.
Он не может их понять.
В нем какие-то голубки
Не устали ворковать.

Но Матвей ружье хватает
И, прицелившись, — ба-бах! —
Ангел с неба упадает
С нежной пеной на губах.

Пес-собакин, хрипло воя,
Горло голубя грызет.
Тело ангела живое
Испаряется, как лед.

И кричит в тумане тополь
Ломким голосом ветвей:

— Что ж ты ангела ухлопал,
Что наделал ты, Матвей!

Ты небесное созданье
Меткой пулей уложил
Лишь за то, что в подсознанье
Он твоим безгрешно жил! —

Баба Хрякина проснулась,
На его взглянула лик
И мгновенно ужаснулась,
Так он страшен был и дик.

Он лежал лохмат, как битник,
Лоб его пылал огнем...
И висел, как белый бинтик,
Мертвый ангел за окном.

Май 1968

170. ПУСТЫРЬ

Подвыпившие оркестранты,
Однообразный цок подков.
А мне казалось — там пространство,
За садом баронессы Корф.

Там были пустыри, бараки,
И под кладбищенской стеной
Храпели пыльные бродяги,
Не уходившие домой.

А кладбище цвело и пело
И было островом травы.
Туда бесчувственное тело
Везли под грузный вздох трубы.

Но дальше уходили трубы
Вдоль белокаменной стены,
И марши не казались грубы,
А вдохновенны и нежны.

Над белым куполом церковным
Вдруг поднималось воронье.
А дальше — в свете безгреховном
Пространство и небытие.

И светом странным и заветным
Меня пронизывал дотла

При звуках музыки посмертной
Осколок битого стекла.

1968

171

Я ехал по хólмам Богемии,
Где хмель зеленел вдоль шоссе,
И слушал, что хмеля цветение
Моей говорило душе.

Та почва тяжелая, красная
И хмеля зеленый дымок
Тогда говорили про разное,
Про то, что понять я не мог.

Я ехал по хólмам Богемии,
Вкушая движенье и цвет,
И был я намного блаженнее
В неведенье будущих бед.

1968

172. ТИШИНА

На толстых ветках шапки снега.
И это самый синий час.
И долгожданная беседа
Не начинается у нас.

Пустое слово не сорвется,
Снежинка не слетит с вершин.
И только синий час прольется,
Не тронут отзвуком чужим.

10

Ступай, дитя! Крепи свой дух,
Лети, заносчивый и вздорный!
Ты скоро сменишь желтый пух
На крыльев шелк высокогорный.

Ступай! Ни истину, ни ложь
Не стану я внушать потомку,
Ступай! А если упадешь,
Не мне стелить тебе соломку.

Я буду лишь следить, грустя
И зная, что тебя теряю —

Следить, слезы не отирая...
Ступай, дитя! Ступай, дитя!

Начало 1960-х — 1968?

173. СТАРЫЙ САД

Забор крапивою зарос,
Но, несмотря на весь разор,
Необычайно свеж рассол
Настоянных на росах зорь.

Здесь был когда-то барский сад,
Где молодой славянофил
Следил, как закипает таз
Варенья из лиловых слив.

Он рассуждал: «Недаром нить
Времен у нас еще крепка».
И отпирал старинный шкаф,
Где красовался Ламартин.

Читал. Под деревенский гул
Вдруг засыпал. Чадил ночник.
И долго слышен был чекан
Кузнечика в ночном лулу.

Конец 1968 или начало 1969

174. ЗИМНИЕ ПТИЦЫ

Задувает снегодуй,
Завевает вьюговей,
Запеваает свистопляс —
Ледовитый соловей.

Воет, воет — вью да вью! —
Вьюга, как пустой горшок.
Подпеваает соловью
Снеговитый петушок.

Режет так, что прячь лицо,
Но такая благодать!..
Вьюга катит колесо,
А куда — не угадать.

Зима 1968—1969?

175. ЛЕГКАЯ САТИРА

Торопимся, борясь за справедливость,
Позабывая про стыдливость
Исконных в нас, немых основ,
Которые причина снов.
Порой душой командуя, как телом,
Считаем покаянье главным делом
И, может, даже посрамленьем зла.
И тут закусываем удила.
Хоть собственной души несовершенство
Вкушаем, как особое блаженство.
Тогда природа помогает нам
И особенно чижики и дятлы
Или сосны растрепанные патлы.
И мы приходим к ним, как в Божий храм.
Нас восхваляет критик наш румяный,
Метафоры любитель и ловец.
И наконец покровы истины туманной
Слетают с ясной стройности словес.

Зима 1968—1969

176

Проснись однажды утром,
Обидам крикни: «Брысь!»
Гляди, как лес разубран,
И так же приберись.

Гляди, как свежи срубы,
И новый частокол
Начищен, словно зубы
Прохладным порошком.

Гляди — белей пороша
Бумажного листа.
И может быть, под прошлым
Подведена черта.

И можно без заминки
Приняться за труды —
Протаптывать тропинки,
Прокладывать следы.

Два первых трудных шага,
А там — гуляй пешком...

Чтоб пахнула бумага
Прохладным порошком.

Не позднее весны 1969

177

Вдруг обоймут большие шумы леса
И упадет к ногам кусок коры.
И февраля неистовая месса
На полнедели развеет хоры.

Такой зимы давно не выдавалось,
Подобной стужи не было давно,
Так широко и шумно не вздувалось
Деревьев грубошерстное рядно.

Давно и я не жил, забившись в угол,
Темно, как волопас или овчар.
И лишь в смешенье выдохов и гулов
Какое-то движенье различал.

Порой срывало провода с фаянса,
И нам светили печка и свеча.
Мой пес пространства дымного боялся
И в конуре ворочался рыча.

А лес, как бесконечный скорый поезд,
Летел, не удаляясь в темноту.
Я, наконец, со скоростью освоюсь,
В него вбегал, как в поезд на ходу.

И мы летели в страшном напряженье,
Почти непостижимые уму.
Но только гулом было то движенье
И устремленьем дерева во тьму.

Апрель 1969

178

Листвой наполнены деревья,
Деревьями наполнен сад,
А где-то в высшем измеренье
Садами полнится закат.

Но так бывает слишком редко
И если сильно повезет,

Чтоб смыслы высшего порядка
Загромождали горизонт.

А чаще нерадивый кравчий
Не льет нам чашу до полна...
И тщетно бьется лист, приставший
К стеклу туманного окна.

1969

179. РЕМ И РОМУЛ

Когда совсем свихнутся люди
И что-то страшное случится —
Тогда опять подставит груди
Двум новым близнецам волчица.

И, выкормленные волчицей,
Какие-нибудь Рем и Ромул
Замыслят снова причаститься
Новейшей из вселенских формул...

10 Был первый Рим, второй и третий,
И все они в пыли простерты.
И на крутом краю столетий
Уже качается четвертый.

Но лунный рог взойдет над веком
И близнецы, под стать волчатам,
Насытятся материнским млеком,
Мечтать начнут о Риме пятом.

20 Там будет пахнуть волчьей шерстью
И кровью заячьей и лисьей
И стадо туров в чернолесье
Спускаться будет с горных высей.

Пойдут, плутая в диких травах,
Отъяты от сосцов обильных,
Поняв, что единеньем слабых
Побьют разьединенье сильных.

И стенами им станут кущи,
И кровлей — придорожный явор.
Но Рим построят, потому что
Без Рима торжествует варвар.

30 Над ними будет крик гусиный,
Пред ними будет край безлесый,

А впереди их — путь пустынный.
Но на устах язык вселенский.

И лягут и, смежив ресницы,
Заснут, счастливые, как боги.
И сон один двоим приснится
На середине их дороги.

19 апреля 1969

180. ВЕСЕННИЙ ГРОМ

За горой открывается Павшино,
А оттуда — по левой руке —
Стоэтажно, победно и башенно
Встало облако недалеко.

Так высоко оно и расправлено,
И такая в нем гордая стать,
Что роскошную оду Державина
Начинаешь невольно читать.

И на облачном светлом нагории
Поднимаются, полные сил,
Алексеи, Платоны, Григории
В белизне полотна и лосин,

Чтоб с громами зелеными, юными
Сдвинуть чары курчавых пиров
И злещеными грянуть перунами
По листве красногорских дубров.

Апрель 1969

181. БЕРЕЗНЯК

Так березняк беспечен, словно он
К российским бедам не причастен,
Воронами от зла заговорен
И над своей судьбой свободно властен.

Роскошный иней украшает лес.
Еще светлей березовая роща.
Как будто псковичи с резных крылец
Сошли на вечерую площадь.

Ах, это вече! Русская мечта,
Похищенная из ганзейских вотчин!

Перед бесчинством царского меча
Как колокол березовый непрочен.

И наша деревенская судьба,
Еще не став судьбою городской,
Одним нас наградила навсегда —
Серебряной березовой мечтою!..

О жаркая, о снежная березка!
Мое поленце, веничек и розга!..

19 апреля 1969

182

Распутица. Разъезжено. Размято.
На десять дней в природу входа нет.
Лишь перелесков утренняя мята
Студит во рту. Преобладает свет.
Свет беспощадный, ярый свет весны,
Срыватель тайн с морщинок и веснушек,
Припухших век, очей полузаснувших,
С болезненной и страстной желтизны.
Свет. Ярое преображение духа.
Размяты в тюрю колеи дорог.
Невнятица, распутица, разруха.
А там — опушек тюлевый дымок.

1969?

183

Ты, Боян, золотой соловей,
Сочетал в рокотании славы
Суховой половецких полей
И туманное облако Лабы.

И не смыслит злосчастная чернь
В том, как древле в степи стоязыкой
Сопрягалась славянская речь
И наречья Монголии дикой.

Смесь словес, и понятий, и скул
Навсегда сохранились в народе.
И прекрасен сей смешанный гул
В женских лицах и варварской оде.

1969

Тот дивный, давний спор
 Приходит мне на память...
 Довольно ум тиранить!
 Сто лет прошло с тех пор!

Тот спор кипел тогда
 Так молод, смел и страстен!
 Он был, скорей, согласьем,
 Но в этом ли беда?

Беда пришла потом,
 Когда не стало спора.
 И — спорщики — мы скоро
 Покинули тот дом.

От спора мы ушли.
 И стало все бесспорно...
 Но брошенные зерна
 Вдруг дерзко проросли.

Порою из-за штор
 Я слышу довод ярый,
 И перебор гитары.
 И дивный, давний спор...

1969?

Старушечье существованье
 Зимы под серым копаком.
 И неустанное снованье
 Махровых нитей шерстяных.
 И даже наше расставанье
 Махровым обнято чулком.
 И теплым было целованье —
 Последнее из всех земных.

1969

Мне снился сон жестокий
 Про новую любовь.
 Томительно и нежно
 Звучавшие слова.

Я видел твоё платье,
И туфли, и чулки
И даже голос слышал,
Но не видал лица.

О чём меня просила?
Не помню. Повтори.
Опять с такой же силой
Со мной заговори.
И снова в свиденье
Случайное вернись.
Не надо завершенья,
Но только повторись!

Ведь в этой жизни смутной,
Которой я живу,
Ты только сон минутный,
А после, наяву —
Не счастье, не страданье,
Не сила, не вина,
А только ожиданье
Томительного сна.

1969

187

Лишь изредка рождается в нас
Мотив помимо воли,
Как бы вскрывается запас
В нас заточенной боли.

И, вслушиваясь, узнаешь
В нём все пережитое —
Какой-то тóлок, и галдеж,
И гул былых историй.

Довольно, память! Помолчи!
Пускай, свечу задувши,
Я слюнку сладкую в ночи
Почую на подушке.

1969?

188

Что-то вылепится
Из глины.

Что-то вытешется
Из камня.
Что-то выпишется
Из сердца.
Будь как будет!
Не торопись!

1969

189

Неужели всю жизнь надо маяться!
А потом
 от тебя
 останется —
Не горшок, не гудок, не подкова, —
Может, слово, может, полслова —
Что-то вроде сухого листочка,
Тень взлетевшего с крыши стрижа
И каких-нибудь полглоточка
Эликсира,
 который — душа.

26 ноября 1969

190

То осень птицы легче
Опустится на плечи
Осиновым листом...
Но это все потом.

И графика пейзажей,
Изображенных сажей
На воздухе пустом...
Но это все потом.

А что было вначале?
Какие-то печали,
Вошедшие в мой дом...
Нет! Это все потом!

25 января 1970

191

Не мысль, не слово, — а под снегом,
Подобный напряженным следам,

Отяжелевший вечный смысл
Повелевает мне: — Проснись!

И странно: в ясности речений
Какая-то есть пустота.
И может только свет вечерний
Заполнить общие места.

И трудно спать перед закатом
И просыпаться в странный час,
Когда над снегом розоватым
Березы высятся, светясь.

1970

192

Мне снился сон. И в этом трудном сне
Отец, босой, стоял передо мною.
И плакал он. И говорил ко мне:
— Мой милый сын! Что сделалось с тобою!

Он проклинал наш век, людей, судьбу.
И за меня он требовал расплаты.
А я смиренно говорил ему:
— Отец, они ни в чем не виноваты.

И видел я. И понимал вдвойне,
Как буду я стоять перед тобою
С таким же гневом и с такой же болью...
Мой милый сын! Увидь меня во сне!..

11 февраля 1970
Ленинград

193

В воздухе есть напряжение
Солнечной грубой зимы.
Может быть, это — бесснежье
Остро почуяли мы.

То, что замыслено где-то,
Осуществляется в нас:
Перемещение света
И уплотнение масс.

Наши бессмертные души
Зреют не в нас, а вовне.

И, загораясь снаружи,
Перегорают во мне.

1969 — 1 июня 1970

194

Хочу, чтобы мои сыны
и их друзья
несли мой гроб
в прекрасный праздник погребенья.
Чтобы на их плечах
сосновая ладья
плыла неспешно,
но без промедленья.

Я буду горд и счастлив
в этот миг
переселенья в землю,
что слуха мне не ранит
скорбный крик,
что только небу
внемлю.

Как жаль, что не услышу тех похвал,
и музыки,
и пенья!
Ну что же!
Разве я существовал
в свой день рожденья!

И все ж хочу,
чтоб музыка лилась,
ведь только дважды дух ликует:
когда еще не существует нас,
когда уже не существует.

И буду я лежать
с улыбкой мертвеца
и неподвластный
всем недугам.
И два беспамятства —
начала и конца —
меня обнимут
музыкальным кругом.

1970?

195. МИХАЙЛОВСКОЕ

Деревья пели, кипели,
Переливались, текли,
Качались, как колыбели,
И плыли, как корабли.

Всю ночь, до самого света,
Пока не стало светло,
Качалось сердце поэта —
Кипело, пело, текло.

14 августа 1970

196

Кончался август.
Примолкнул лес.
Стозвездный Аргус
Глядел с небес.

А на рассвете
В пустых полях
Усатый ветер
Гулял, как лях.

10 Еще чуть светел
Вдали рассвет...
Гуляет ветер,
Гуляет Фет.

Среди владений
И по лесам
Последний гений
Гуляет сам.

20 Не близок полдень,
Далек закат.
А он свободен
От всех плеяд...

1970?

197. ВТОРАЯ ЛЕГКАЯ САТИРА

Мой недоброжелатель! Как ни ползай,
Как ни соизмеряй с своею пользой
Стихи, что я свободно говорю, —
Презрительно тебя благодарю.

Хотя б за то, что твой прискорбный вкус
Расходится с моим пристойным вкусом.
И наш с тобой немислимый союз
Полезен все ж российским музам.

Ты — лакмус мой. Ты у меня в цене.
Когда, к моим приносиваясь одам,
Подавишься ты толстым бутербродом,
Тебя я первый стукну по спине.

1970?

198

Там дуб в богатырские трубы
Играет на сильном холме.
Но светлые, тихие трубы
Звучат на душе и в уме.

И слиться с землею и небом
Мечтает беспечный артист,
С закатом, где тополь над берегом
Так легок, летуч и ветвист.

Какое прекрасное свойство —
Уметь отрешиться от зла,
Бродить, постигая устройство
Пространства, души, ремесла!

Слияния легкая тризна!
Дубы замолкают тогда.
И грозные трубы отчизна
Сменяет на флейту дрозда.

Февраль—октябрь 1970

199

Д<ине> К<аминской>

Кто устоял в сей жизни трудной,
Тому трубы не страшен судной
Звук безнадежный и нагой.
Вся наша жизнь — самосожженье,
Но сладко медленное тленье
И страшен жертвенный огонь...

31 октября 1970

200. ПОЭТ И ГРАЖДАНИН

...не для битв...

...для молитв...

(Рифмы из стихотворения Пушкина)

П о э т

Скажите, гражданин, как здесь пройти
До бани?

Г р а ж д а н и н

Баня нынче выходная.
Зато на Карла Либкнехта — пивная.
Там тоже можно время провести.

П о э т

Ну что ж!

Г р а ж д а н и н

Как раз и я иду туда.
Приезжий?

П о э т

Да.

Г р а ж д а н и н

10

У нас не скучно!

П о э т

Да.

Г р а ж д а н и н

По делу?

П о э т

Нет.

Г р а ж д а н и н

К родне?.. И я вот к брату

На отпуск собираюсь восемь лет.
То захвораю... Или денег нет.
А прошлым годом прогулял зарплату...
Ты не Петрова брат?

П о э т

Да нет.

Г р а ж д а н и н

20

Постой!

Давай-ка два рубля. Вон-он мага́зин...
А там, в пивной, ее пивком подкрасим...
Я мигом. Вижу — парень ты простой.
Весь в брата.

П о э т

Нету брата у меня.

Г р а ж д а н и н

30

Ну весь в сестру. Ведь и сестра — родня.
Порядок. На-ка сдачу... Эко горе!
Пивная — елке в корень! — на запове!..
В столовой пить придется под компот.
Там пива нет!.. А где сестра живет?
Она бы нам поставила закуски.
И вместе погуляли бы по-русски.

П о э т

Да у меня родни и вовсе нет.

Г р а ж д а н и н

Так бы сказал... А сам ты кто?

П о э т

Поэт.

Г р а ж д а н и н

40

Вот то-то вижу, будто не из наших!
Выходит — пишешь?.. Я люблю читать.
Да время нет... Могу и тему дать!
А ты ее возьмешь на карандашик...
Есенин был поэт! Моя старушка,

Мол, в старомодном ветхом шушуне...
Как сказано!.. А Пушкин? «Где же кружка?..»
Бери себе стакан!

П о э т

Пожалуй, мне

Пора...

Г р а ж д а н и н

И впрямь! Чего сидеть без толку...
Ну, со свиданьем!.. А ты чего ж?
Тяни... Задумался!.. Уже хорош?
А-а! Выпятил полтинники на Лорку!

П о э т
(очнувшись)

50 Что? Федерико?..

Г р а ж д а н и н

Ей цена-то грош!
Конечно, все при ней: станочек, грудь...
Эй, Лорочка, товарищу поэту
И мне подай два раза винегрету!
А ты бы рассказал про что-нибудь.

П о э т

А было так. Он на снегу сидел.
А офицера увели куда-то.
Вблизи него стояли два солдата,
Переговариваясь. День скудел.
60 Слегка смеркалось. Из-за перелесиц
Вступали тучи реденьким гуртом.
И, как рожок, бесплотный полумесяц
Легко висел на воздухе пустом.
Нога не мучила. А только мерзла.
Он даже улыбался. Страх прошел.
Бой утихал вдали. За лесом грозно,
Как Моисеев куст, пылал костел.
Пришел какой-то чин. Но небольшой.
Он так же был небрит, как эти трое.
70 За лесом выцветали шумы боя.
Хотелось пить. Нога была чужой.
Солдаты сели есть. Один из них
Достал сухарь. И дал ему. Однако

Есть не хотелось. Думал о своих:
Какая неудачная атака!
Он думал о себе, как о ноге:
Душа была чужой, но не болела.
Он сам не мерз. В нем что-то леденело.
Еще вверху плыл месяц налегке,
80 Но словно наливался. От еды
Они согрелись. Те, что помоложе,
Подначивали третьего. Похоже,
От них не надо было ждать беды.
Тот, третий, подошел. Он был и мал,
И худ, и стар. И что-то он сказал.
Что — непонятно. Пленный без испуга
Соображал. И понял. Было туго
Вставать. И все ж он встал, держа сухарь.
Уже был месяц розов, как янтарь.
90 Те тоже подошли. И для чего-то
Обшарили его. Достали фото
Жены и сына. Фото было жаль.
Он поднял руки, но держал сухарь.
Разглядывали фото. И вернули.
И он подумал: это хорошо!
Потом его легонько подтолкнули.
Он сразу понял. И с трудом пошел.
Он мог идти. Он отпралялся в путь.
И это вдруг его приободрило.
100 «Видать, не очень сильно зацепило...
Дойти бы только... Там уж как-нибудь...»
Додумать не успел. Невдалеке
Рвануло эхо. Звук был слишком громок.
Он завизжал. И, дергаясь, как кролик,
Свалился навзничь с сухарем в руке.
Упал. И дернулся последний раз.
И остывал, не закрывая глаз.
Те трое прочь ушли. Еще дымился
Костел. И месяц наверху налился
110 И косо плыл по дыму, как ладья.

Г р а ж д а н и н

Ты это видел?

П о э т

Это был не я.

1970—1971

Возвращенье от Анны,
 Возвращенье ко мне.
 Отпадение от камня,
 Восхождение к волне.

До свидания, память,
 До свиданья, война,
 До свидания, камень,
 И да будет волна!

Память — смертным отрада,
 Камень — мертвым почет.
 А благая прохлада
 Пусть течет и течет.

До свидания, слава.
 До свиданья, беда.
 Ведь с волной нету слада,
 И она — навсегда.

Память, память, ты — камень,
 Ты под стать валуну.
 Все равно мы не канем,
 Погрузившись в волну.

До свиданья, Державин
 И его времена.
 До свидания, камень,
 И да будет волна!

Нет! Отнюдь не забвенью,
 А прозрение в даль.
 И другое волнение,
 И другая печаль.

И другое сверканье,
 И сиянье без дна...
 До свидания, камень!
 И да будет волна!

Конец 1970 или начало 1971

202. ЗАЗДРАВНАЯ ПЕСНЯ

Забудем заботы о хлебе,
 Хлебнув молодого вина.

Вспомним заботы о небе,
Где плавает в тучах луна.

Забудем заботы о доме
За этим веселым вином,
Вспомним заботы о громе,
О ливне, о ветре ночном.

Забудем заботы о детях,
Об их беспричинных слезах.
Вспомним заботы об этих
Осиных в осипших лесах.

Апрель 1971

203

Тоски ледяной гребешок
Штакетником частым отстукан.
Как черт я упрятан в мешок,
Назло современным наукам.

Ведь все из проклятых наук,
Известных с времен Гостомысла,
Гласили, что слово есть звук,
Исполненный здравого смысла.

Но вся сумасшедшая суть
Названий березы и дуба,
Рогами уставившись в грудь,
Бодает тоску словолюба.

1971

204

Березы, осины да елки —
Простой подмосковный пейзаж.
Художник в татарской мурмолке
Весенний открыл вернисаж.

Художник, немного раскосый,
С татарской раскладкою скул,
Дымит и дымит папиросой
И слушает внутренний гул.

Из гула рождаются краски,
Из звука является цвет.

Природа плетет без развязки
Один бесконечный сюжет.

Но надо включить его в раму,
И это искусства залог,
Когда бесконечную драму
Врубают в один эпилог.

1971?

205

Вот в багровой листве и лазури
Перед нами возник Сигнах,
Словно витязь в тигровой шкуре,
Чуть привставший на стременах.

А внизу, в Алазанской долине,
До чреды дагестанских вершин
Мне звучал в багрянце и сини
Грибоедовский клавесин.

1971?

206

Л<еону> Т<оому>

Здесь, в Таллине, бродили мы с Леоном.
И город становился павильоном
для съемки двух банальных кинодрам.
Банальных! Если бы не смерть артиста!
Мы понимали, как судьба ветвиста,
когда входили в лютеранский храм.

Здесь, в крепости, где городские башни
Рассказывают нелюдские басни
о юности своей сторожевой,
Здесь не орел спускал глаза Леона,
Слетала, чтоб клевать глаза Леона,
когда он был еще совсем живой.

Здесь, в Вышгороде, как в средневековье
Из адской спеси и свиной крови
варилось приворотное питье.
А мы с Леоном были беззаботны.
И он испил. И зельем приворотным
навекі сердце отравил свое.

И я отравлен был проклятьем мести.
И это страшное мое бесчестье,
но я впервые справедливость чту
Меча и дыбы, и царя Ивана,
И лютого Петра... О, как мне странно
лелеять эту дикую мечту!

1971?

207

Для себя, а не для другого
Я тебя произвел на свет...
Произвел для грозного Бога —
Сам ты будешь держать ответ.

Ты и радость, ты и страданье,
И любовь моя — малый Петр.
Из тебя ночное рыданье
Колыбельные слезы пьет.

1971

208. КУПАЛЬЩИЦА

М<аше> К<норре>

Когда бежит через лиловый полдень
Купальщица, ее волнистый бег
Невольным обещанием исполнен
Беспечных радостей и сладких нег.

И вот она уже вступает в волны
И исчезает вдалеке. Она —
Почти как речь поэзии условна
И как язык печали солона.

1971

209

Одиночество — пошлая тема
В разговорах каминных вралей.
Ерунда! Одиночество немо
Немотою лесов и полей.

О, тогда уже нам не до шуток!
О, тогда замолчи и терпи!

И взаправду становится жуток
Перестук поездов во степи.

1971

210

И осень, которая вдруг началась
Прилежно,
Меня веселит на сей раз
И тешит.
Она мне настолько мила,
Что надо
На время оставить дела
Земные...
Шататься и скуки не знать
Осенней.
Да кто это вздумал пенять
На скуку!
Ленивы мы думать о том,
Что, может,
Последняя осень последним листом
Тревожит.

1971?

211

Туман, туман, туман...
В неверном освещенье
Явления времен
Яснее ощущение.

Яснее ощущение
Явления времен
В неверном освещенье...
Туман. Туман. Туман.

24 ноября 1971

212. ПРИ ДОЖДЕ

О, так это или иначе,
По чьей неизвестно вине,
Но музыка старой удачи
Откуда-то слышится мне.

Я так ее явственно слышу,
Как в детстве, задувши свечу,

Я слышал, как дождик о крышу
Играет все то, что хочу.

10 Такое бывало на даче
 За лето по несколько раз.
 Но музыку старой удачи
 Зачем-то я слышу сейчас.

Все тот же полуночный дождик
Играет мне, что б ни просил,
Как неутомимый художник
В расцвете таланта и сил.

1971

213. НОЧНОЙ ГОСТЬ

Чадаев, помнишь ли бывлое?
А. Пушкин

Наконец я познал свободу.
Все равно, какую погоду
За окном предвещает ночь.

Дом по крышу снегом укутан.
И каким-то новым уютом
Овевает его метель.

Спят все чада мои и други.
Где-то спят лесные пичуги.
Красногорские рощи спят.

10 Анна спит. Ее сновиденья
 Так ясны, что слышится пенье
 И разумный их разговор.

Молодой поэт Улялюмов
Сел писать. Потом, передумав,
Тоже спит — ладонь под щекой.

Словом, спят все шумы и звуки,
Губы, волосы, щеки, руки,
Облака, сады и снега.

20 Спят каминьы, соборы, псалмы,
 Спят шандалы, как написал бы
 Замечательный лирик Н.

Спят все чада мои и други.
Хорошо, что юные вьюги
К нам летят из дальней округи,
Как стеклянные бубенцы.

Было, видно, около часа.
Кто-то вдруг ко мне постучался.
Незнакомец стоял в дверях.

30 Он вошел, похож на Алеко.
Где-то этого человека
Я встречал. А может быть — нет.

Я услышал: всхлипнула тройка
Бубенцами. Звякнула бойко
И опять унеслась в снега.

Я сказал: — Прошу! Ради бога!
Не трудна ли была дорога? —
Он ответил: — Ах, пустяки!

40 И не надо думать о чуде.
Ведь напрасно делятся люди
На усопших и на живых.

Мне забавно времен смешенье.
Ведь любое наше свершенье
Независимо от времен.

Я ответил: — Может, вы правы,
Но сильнее нету отравы,
Чем привязанность к бытию.

Мы уже дошли до буколик,
Ибо путь наш был слишком горек,
И ужасен с временем спор.

50 Но есть дней и садов здоровье,
И поэтому я с любовью
Размышляю о том, что есть.

Ничего не прошу у века,
Кроме звания человека,
А бессмертье и так дано.

Если речь идет лишь об этом,
То не стоило быть поэтом.
Жаль, что это мне суждено.

60 Он ответил: — Да, хорошо вам
Жить при этом мненье готовом,
Не познав сумы и тюрьмы.

Неужели возврат к истокам
Может в этом веке жестоком
Напоить сердца и умы?

Не напрасно ли мы возносим
Силу песен, мудрость ремесел,
Старых празднеств брагу и сыть?
Я не ведаю, как нам быть.

70 Длилась ночь, пока мы молчали.
Наконец вдали прокричали
Предрассветные петухи.

Гость мой спал, утопая в кресле.
Спали степи, разъезды, рельсы,
Дымы, улицы и дома.

Улялюмов на жестком ложе
Прошептал, терзаясь: — О, Боже! —
И добавил: — Ах, пустяки!

80 Наконец сновиденья Анны
Задремали, стали туманны,
Растеклись по глади реки.

1971—1972

214. ЗАВСЕГДАТАЙ

Из всех печей, из всех каминов
Восходит лес курчавых дымов.
А я шагаю, плащ накинув
И шляпу до бровей надвинув.

Спешу в спасительный подвальчик,
Где быстро и неторопливо
Рыжеволосый подавальщик
Приносит пару кружек пива.

10 Вторая кружка для студента,
Косого дьявола из Тарту,
Который дважды выпил где-то
И починает третью квартиру.

Он в сером свитре грубой вязки,
По виду — хват и забияка,
Он пьет и как-то залихватски
Разламывает шейку рака.

20 Он здешний завсегдадай. Дятел,
Долбящий ресторанный столик.
Он мефистофель и приятель
Буфетчицы и судомоек.

Поклонник Фолкнера и йоги,
Буддизма и Антониони,
Он успокоится в итоге
На обычном эталоне.

Он не опасен. Пусть он шпарит
Двусмысленные парадоксы
И пусть себе воображает,
Что он силен в стихах и в боксе.

30 Мне нравится его веселость,
Как он беспечен и нахален,
И даже то, как тычет в соус
Огрызок сигареты «Таллин».

А в круглом блюде гряда раков,
Пузырчатый янтарь бокала,
И туч и дымов странный ракурс
В крутом окне полуподвала.

1972?

215. ПОДРАЖАНИЕ ФЕОКРИТУ

Песню запойте для нас, милые Музы!
Лепит понтийский закат тень на вершине.
Воздухом нежной зимы пахнут арбузы,
Медом осенней зари — спелые дыни.

Песню запойте для нас, милые Музы!
В час, когда примет волна цвет апельсина,
В час, когда к козьей тропе выйдут Отузы,
Песню запойте для нас кратко и сильно.

Песню запойте для нас, милые Музы!
Медь ядовитых высот солнце чеканит.
Вместе с вечерней зарей сбросим обузы,
Все, что тревожило нас, в вечности канет.

Но еще видно, как там, на перевале,
Вывесил цепкий кизил алые бусы.
Вспомните, как в старину вы нам певали,
Песню запойте для нас, милые Музы!

1972?

216. РАССВЕТ

Светало. Воздух был глубок.
Вблизи долина, словно заводь.
А там, где должен быть восток,
Два облака учились плавать.

И постепенно, без болей,
Ночь умирала за домами —
Посередине тополей,
Потом — вверху, потом — над нами.

1969—1972

217

С постепенной утратой зренья
Все мне видится обобщенней.
На сугробы и на деревья
Свет ложится потусторонний.

Слабый снег сочится как мушка,
Упадает и голубеет.
Так мне видится, потому что
Постепенно зренье слабеет.

Вместе с тем не могу не похвастать,
Что острее зрение духа.
Только ночь надо мной глазаста.
Путь лежит ледяно и сухо.

Путь лежит ледяно и сухо.
Ночь стоит высоко и звездно.
Не склоняй доверчиво слуха
К прозревающим слишком поздно.

1973

218

Когда с досадой и печалью
Я слух нарочно отвращаю

От тех, кто жалуется мне, —
Простор и снег в моем окне.

И преданности безотчетной
Я полон сумрачной зиме,
Где притулился
Неотлетный
Снегирь на голой бузине.

13 апреля 1973

219. СОЛДАТ И МАРТА

Первую брачную ночь Марта и драгун Рааб
провели в доме пастора Глюка.

Из «Разысканий об императрице Екатерине Первой», т. 1, с. 86

- О н. Любимая, не говори,
 Что надо нам прощаться!
 Пускай до утренней зари
 Продлится наше счастье!..
- О н а. Драгун! Драгун! Ведь завтра бой,
 Нам суждены печали.
 Не на разлуку ль нас с тобой
 Сегодня обвенчали?..
- О н. Любимая! Не говори!
 Нам суждено прощаться!
 Но пусть до утренней зари
 Продлится это счастье!..
- И грянул бой. И обречен
 Был город. Град чугунный
 Низвергся. Рядом с трубачом
 Упал воитель юный.
- Его латали лекаря.
 И он узнал от друга,
 Что слух идет: мол, у царя
 Живет его супруга.
- Там купола, как янтари
 Над старую Москву...
- О н. Любимая! Не говори!
 Вот я перед тобою...
- О н а. Зачем здесь этот инвалид,
 Игрушка чьих-то козней!

Беги! Не то тебя велит
Убить супруг мой грозный!

О н. Любимая! Не говори!
Как разошлись дороги!..
Спокойно властвуй и цари!..

И он упал ей в ноги.

О н а. Деньгу солдату! Пусть он пьет!
Не знает сам, что мелет!
Гляди, коли Великий Петр
Словам твоим поверит!..

О н. Любимая! Не говори!
Уже настало утро!
И поскорей умри, умри,
Та ночь Мариенбурга!

О н а. Да, поскорей умри, та ночь!
Умри то утро боя!
Солдат, ступай отсюда прочь, —
Я не была с тобою.
Ступай, ступай, хромой драгун,
И обо мне — ни звука!
Забудь про то, что ты был юн,
Про свадьбу в доме Глюка.
И пей, хоть день, хоть два, хоть три —
Хоть до скончанья света!..

О н. Любимая! Не говори!
Не говори про это!..

1973

220

Л<игии> Ч<уковской>

Полночь под Иван-Купала.
Фронта дальние костры.
Очень рано рассветало.
В хате жили две сестры.

Младшая была красотка,
С ней бы было веселей,
Старшая глядела кротко,
Оттого была милей.

- 10 Диким клевером и мятой
Пахнул сонный сеновал.
На траве, еще не мятой,
Я ее поцеловал.
- И потом глядел счастливый.
Как светлели небеса,
Рядом с этой, некрасивой, —
Только губы и глаза...
- Только слово: «До свиданья!» —
С легкой грустью произнес.
И короткое рыданье
20 С легкой грустью перенес.
- И пошел, куда не зная,
С автоматом у плеча,
«Белоруссия родная!..» —
Громким голосом крича.

12 июня 1973

221—225. БАЛКАНСКИЕ ПЕСНИ

Эти стихи навеяны чтением народных песен сербов, болгар и румын. В их поэзии я нахожу много общего. «Подражание» не кажется мне словом более зазорным, чем «учение» или, как чаще говорят в наше время, «учеба».

1. ПЕСНЯ О КУЗНЕЦЕ

Подъезжает солдат:
— Ты подкуй-ка мне, брат,
вороного! —
А кузнец бьет-бьет,
он солдату кует
подкову.

Подъезжает на рысях
эскадрон: — Так и сяк,
ты подкуй нам коней
толково. —
А кузнец бьет-бьет,
эскадрону кует
подковы.

Подъезжает целый полк:
— Ты в работе знаешь толк,

не сыскать кузнеца
такого! —
А кузнец бьет-бьет,
и полку он кует
подковы.

И в пыли, как в дыму,
войско целое к нему:
— Ты подкуй нам коней
по-свойски! —
А кузнец бьет-бьет,
он подковы кует
для войска...

Ускакал солдат,
ускакал отряд,
скрылся полк за холмом,
скрылось войско за полком...
а кузнец бьет-бьет,
а кузнец бьет-бьет,
бьет-бьет,
бьет.

Октябрь 1970

2. ПРОЩАНИЕ ЮНАКА

Ты скажи, в стране какой,
в дальнем городе каком
мне уют за упокой
сталь-винтовку со штыком?

Грянет выстрел. Упаду,
пулей быстрою убит.
Каркнет ворон на дубу
и в глаза мне поглядит.

В этот час у нас в дому
мать уронит свой кувшин
и промолвит: — Ах, мой сын! —
И промолвит: — Ах, мой сын!..

Если в город Банья Лука
ты приедешь как-нибудь,
остановишься у бука
сапоги переобуть.

Ты пройди сперва базаром,
выпей доброго вина,

а потом в домишке старом
мать увидишь у окна.

Ты взгляни ей в очи прямо,
так, как ворон мне глядит.
Пусть не знает моя мама,
что я пулею убит.

Ты скажи, что бабу-ведьму
мне случилось полюбить.
Ты скажи, что баба-ведьма
мать заставила забыть.

Мать уронит свой кувшин,
мать уронит свой кувшин.
И промолвит: — Ах, мой сын! —
И промолвит: — Ах, мой сын!..

1971

3. ПЕСНЯ О ПОСТРОЕНИИ КЛАДЕНЦА

Надо выкопать колодец,
надо выкопать его.
Пусть живет в колодце жаба —
неземное существо.

Будет, будет эта жаба
Петь в колодце по ночам.
Будет месяц литься слабо
к золотым ее очам.

И увидит эта жаба
наверху одну звезду.
И уронит эта жаба
серебристую слезу.

И придет к колодцу странник,
и опустит он бадью.
И со дна слезу достанет
серебристую твою.

И отыщет странник место
на горе в густом лесу.
И построит целый город
на одну твою слезу.

В этом городе во храме
засияет семь лампад.

Грянет колокол утрами
и в дробинку и в раскат.

Семь невест придут к колодцу.
Бросят в воду семь колец,
чтобы семь веков не падал
семивратный Кладенец.

10 декабря 1970

4. ПЕСНЯ О ПОХОДЕ

А<наполю> Я<кобсону>

Как в поход собирался Вук,
говорил ему старый друг,
старый друг воевода Милош:
— Чем могу помочь тебе, Вук,
если руки не держат лук
и копьё мое преломилось?

Я гляжу как сквозь тусклый лёд
и не бью уже птицу влет,
не валю на скаку зверя.
Зажирел мой конь от овса.
И ни в сына, и ни в отца,
и ни в чох, ни в сон я не верю.

И отвечивал Вук: — Ну что ж!
Если ты для битвы негож
и не веришь в святого духа,
я и сам воевать могу.
— Чем же я тебе помогу? —
Снова Милош спросил у Вука.

— А помочь мне? Можешь помочь.
У меня остается дочь
и младенец о третьем годе.
Если долго я не приду,
посылай моим чадам еду, —
отвечает Вук воеводе.

— Да и матушку не забудь.
Навести ее как-нибудь,
соболезнуй ее заботе.
А когда истекнут ее дни,
по обряду похорони, —
отвечает Вук воеводе.

— И еще мне в чем помоги:
если злую молву враги
обо мне распустят в народе,
ты не верь той молве ни в чем,
как не веришь ни в чох, ни в сон, —
отвечает Вук воеводе.

И садится Вук на коня
и в поход отъезжает шагом.

10 июня 1971

5. ПЕСНЬ О ДРУЗЬЯХ МИЛОША

Когда старый Милош слеп,
Кто ему вино и хлеб
Приносил
По мере сил?

Не соседские князья,
А старинные друзья —
Те, кого и не просил.

— Моря не видать с горы.
Утром не видать зари,
В полдень солнца нет!
— Нам не скоро уплывать.
Можно ночью пировать! —
Те ему в ответ.

— Иль тебе не сладок мед,
Иль не слышишь, как поет
Дева у ручья?
Иль не дышит ветром сад
И с тобою не сидят
Верные друзья?

Мы нальем тебе вина.
И давай-ка, старина,
Вспомним о былом!
Отдых дай своим мечам,
Отдых дай своим очам!...

Пировали по ночам.
Пели за столом.

1973

226. СВОБОДНЫЙ СТИХ

В третьем тысячелетье
Автор повести
О позднем Предхиросимье
Позволит себе для спрессовки сюжета
Небольшие сдвиги во времени —
Лет на сто или на двести.

10 В его повести
Пушкин
Поедет во дворец
В серебристом автомобиле
С крепостным шофером Савельичем.

20 За креслом Петра Великого
Будет стоять
Седой арап Ганнибал —
Негатив постаревшего Пушкина.
Царь в лиловом кафтане
С брызнувшим из рукава
Голландским кружевом
Примет поэта, чтобы дать направление
Образу бунтовщика Пугачева.
Он предложит Пушкину
Виски с содовой,
И тот не откажется,
Несмотря на покашливание
Старого эфиопа.

30 — Что же ты, мин херц? —
Скажет царь,
Пяля рыжий зрачок
И подергивая левой щекой.
— Вот мое последнее творение,
Государь, —
И Пушкин протянет Петру
Стихи, начинающиеся словами
«На берегу пустынных волн...»

Скажет царь,
Пробежав
 начало:
— Пишешь недурно,
Ведешь себя дурно. —

40 И, снова прицелив в поэта рыжий зрачок,
Добавит: — Ужо тебе!..

Он отпустит Пушкина жестом,
И тот, курчавясь, выскочит из кабинета
И легко пролетит
По паркетам смежного зала,
Чуть кивнувши Дантесу,
Дежурному офицеру.

50 — Шаркуны, ваше величество, —
Гортанно произнесет эфиоп
Вслед белокурому внуку
И вдруг улыбнется,
Показывая крепкие зубы
Цвета слоновой кости.

60 Читатели третьего тысячелетия
Откроют повесть
С тем же отрешенным вниманием,
С каким мы
Рассматриваем евангельские сюжеты
Мастеров Возрождения,
Где за плечами гладковолосых мадонн
В итальянских окнах
Открываются тосканские рощи,
А святой Иосиф
Придерживает стареющей рукой
Вечереющие складки флорентинского плаща.

1973

227. АННА ЯРОСЛАВНА

Как тебе живется, королева Анна,
В той земле, во Франции чужой?
Неужели от родного стана
Отлепилась ты душой?

Как живется, Анна Ярославна,
В теплых странах?..

А у нас — зима.

В Киеве у нас настолько славно,
Храмы убраны и терема!

Там у вас загадочные дуют
Ветры

с моря-океана вдоль земли.

И за что там герцоги воюют?
И о чем пекутся короли?

229. ОТРЫВОК

Мария была курчава.
Толстые губы припухли.
Она дитя качала,
Помешивая угли.

Потрескавшейся, смуглой
Рукой в ночное время
Помешивала угли.
Так было в Вифлееме.

Шли пастухи от стада,
Между собой говорили:
— Зайти, узнать бы надо,
Что там в доме Марии?

Вошли. В дыре для дыма
Одна звезда горела.
Мария была нелюдима.
Сидела, ребенка грела.

И старший воскликнул: — Мальчик! —
И благословил ее сына.
И, помолившись, младший
Дал ей хлеба и сыра.

И поднял третий старец
Родившееся чадо.
И пел, что новый агнец
Явился среди стада.

Да минет его голод,
Не минет его достаток.
Пусть век его будет долог,
А час скончания краток.

И желтыми угольками
Глядели на них бараны,
Как двигали кадыками
И бороды задирали.

И, сотворив заклинанье,
Сказали: — Откроем вены
Баранам, свершим закланье,
Да будут благословенны!

Сказала хрипло: — Баранов
Зовут Шошуа и Мадох.

И Богу я не отдам их,
А также ягнят и маток.

— Как знаешь, — они отвечали, —
Гляди, не накликай печали!.. —
Шли, головами качали
И пожимали плечами.

1973

230

А<натолию> Я<кобсону>

...И тогда узнаешь вдруг,
Как звучит родное слово.
Ведь оно не смысл и звук,
А уток пережитого,
Колыбельная основа
Наших радостей и мук.

30 августа 1973

231. СКОМОРОШИНА

Поводырь ведет слепого,
Любопытного такого.

— Что там, что там, поводырь?
— Это город Алатырь.

— Почему ж не слышен город?
— В этом городе был голод.
А потом повальный мор.
Целый город перемер.

Идут лесом и болотом.
А незрячий: — Что там, что там?

Надоел поводырю.
— Что молчишь, горбатый?
— Зрю.

— Что там?
— Девка молодая.

— Каковая?
— Таковая:

Губошлеписта, толста.
— Сколько лет-то ей?
— С полста.

— Ах ты, зрячий, сын собачий!..
Что там, что там пахнет клячей?

— Ехал с ярмарки цыган,
Дурака с собой тягал.

Под ракитой опростался,
А дурак со мной остался...

Так бредут слепой с горбатым.
За леса свалился день.
И под месяцем рогатым:
— Что там, что там? — Вор? Пень?

29 августа — 4 октября 1973

232—233. СТИХИ О ПОЛЬШЕ

<1>. 1939-й

Вперед на прицел и на целик
В шеренге завязтых рубак
Шагал молодой офицерик
С улыбкой и розой в зубах.

Он шел впереди не для позы.
Он просто хотел умереть.
Он жить не хотел без улыбки и розы —
С улыбкой и розой хотел умереть.

Походкою мерной и медной,
Построенный в четкий квадрат,
Полк шел на последний, последний,
Последний, последний парад.

Еще с укрепленных позиций
Стрелки не открыли огня.
Казалось, что вечно продлится
Начало последнего дня.

Казалось, что смертное тело
Намного сильнее души...
И юная роза летела
На каменные блиндажи.

1968?

Польских смут невольный современник,
Рано утром прибыл я в Мендзыжец.
Праздник был. И служба шла в селеньях,
В тех, что немцы не успели выжечь.

Комендант меня устроил чудно
В старом добром тихом доме. Помню,
Как Марыля Адамовичувна
Вечером читала Сырокомлю.

Брат ее, довольно кислый парень,
Шляхтич и один в дому добытчик,
Полагал, что он принципиален,
Потому что не менял привычек.

Утром отправлялся на толкучку,
Предварительно начистив обувь.
Там торчал, распродавая кучку
Барахла из старых гардеробов.

А потом он торопился бриться
(Жокей-клуб был в доме брадобрея).
Между прочим, юная сестрица
Мне стихи читала в это время.

Ах, моя чахоточная панна!
Маленького зальца воздух спертый!
Как играла ты на фортепьяно
О себе — беспомощной и гордой.

От костлявых клавиш мерзли руки.
И сжимал я в тайном трепетанье
Польшу сеймов, королей, мазурки,
Бледных панн, Мицкевича, восстаний.

Я покинул этот город в полночь,
Собрался и отвалил бесшумно.
Спали пан Станислав Адамович
И Марыля Адамовичувна.

Перед Седлицем едва серело,
И не знал я, что еще увижу
Ребра искалеченной сирены
И за Вислой снег, от крови рыжий.

4 октября 1973

234. ПЯТЕРО

Жили пятеро поэтов
В предвоенную весну,
Неизвестных, незапетых,
Сочинявших про войну.

То, что в песне было словом,
Стало верною судьбой.
Первый сгинул под Ростовом,
А второй — в степи сырой.

Но потворствует удачам
Слово — солнечный кристалл.
Третий стал, чем быть назначен,
А четвертый — тем, чем стал.

Слово — заговор проклятый!
Все-то нам накликал стих...
И оплакивает пятый
Участь этих четверых.

1973

235. РОМАНС СЕДЬМОГО ДНЯ

Ю<рию> Л<евитанскому>

Когда от всех твоих любвей неясных
Родится чадо — лучшее из чад,
Прислушайся к звучанью детских гласных.
Они гласят: зачем я был зачат?

В блаженном содроганье ты был Богом,
А в день седьмой вблизи твоих дверей
Твое подобье в логове убогом
Заснет среди растений и зверей.

И ты засни на берегу вселенной,
Спи, слабый Бог, окутан сладкой мглой.
И все, что сотворил душой нетленной,
Замрет с тобою рядом в день седьмой...

Дари, творец, дитяти свет вечерний,
Его судьбы кощунственно не трожь...
И может быть, под ласкою дочерней
Когда-нибудь навеки ты уснешь.

Около 1973

236. СТИХИ И ПРОЗА

Мужицкий бунт — начало русской прозы.
Не Свифтов смех, не Вертеровы слезы,
А заячий тулупчик Пугача,
Насильно снятый с барского плеча.

Мужик бунтует против всех основ,
Опровергая кесаря и Бога.
Немая Русь, обильна и убога,
Упорно ищет сокровенных слов.

10 И в русской прозе отреченный граф
Постиг, переболев в себе боренье,
Что вера без любви — одно смирение,
А при любви — отстаиванье прав...

Российский стих — гражданственность сама.
Восторг ума, сознание пользы высшей!
И ямбов ломоносовских грома
Закованы в броню четверостиший.

20 А в Пушкине все соединено —
Век чаяний и грез и наши лета,
Свобода летописца, честь поэта,
И прозы соль, и грозное вино

Поэзии...
Года бегут, бегут!
И время нас стихам и прозе учит.
И сочинителей российских мучит
Сознание пользы и мужицкий бунт.

1957—1974

237. НА СМЕРТЬ КУЗНЕЧИКА

Ах, любезный мой кузнечик!
Я расплакаться готов.
Сколько, сколько в чет и нечет
Промотали вы годов!

Ах, как звонко вы ковали
Золотые пустяки!
Ах, как звонко распевали
Золоченые стихи!

Ваше горлышко шальное
Не могло не заболеть.

Ваше горлышко больное
Не могло не умереть.

В каждой вашей оговорке —
У кого их только нет! —
Вы оказывались зорки,
Недогадивый поэт.

Смерть случилась до кончины.
И за рюмочкой винца
Вы справляли годовщины
Незаметного конца.

Ах, любезный мой кузничик!
Я расплакаться готов.
Из-за ваших узкоплечих
Моложавых пиджачков,

Оттого, что песни ваши
Стали вдруг седей волос,
Оттого, что полной чаши
Вам испить не удалось.

1974

238

Не оставляйте письма
Для будущих веков.
Ужасно любопытство
Дотошных знатоков!

И что они узнают,
И что они поймут,
Когда они не знают,
Как на земле живут!

Они как бы заслоном
Отделены от глаз,
И все равно за словом
Не угадают нас.

Пусть весело сгорает
В печи досужий труд,
Пусть вьюги заиграют
И пепел унесут...

1974

Не торопи пережитого,
 Утаивай его от глаз.
 Для посторонних глухо слово
 И утомителен рассказ.

А ежели назреет очень
 И сдерживаться тяжело,
 Скажи, как будто между прочим
 И не с тобой произошло.

А ночью слушай — дождь лопочет
 Под водосточною трубой,
 И, как безумная, хохочет
 И плачет память над тобой.

1974

240—241. СТИХИ О ДЕЛЬВИГЕ

I

Дельвиг... Леня... Младая дева...
 Утро... Слабая метель...
 Выплывает из напева
 Детской елки канитель.

Засыпай, окутан ленью.
 В окнах — снега белизна.
 Для труда и размышленья
 Старость грубая нужна.

И к чему, на самом деле,
 Нам тревожить ход времен!
 Белокурые метели...
 Дельвиг... Дева... Сладкий сон...

25 января 1974

II

Две жизни не прожить.
 А эту, что дана,
 Не все равно — тянуть
 длиннее иль короче?
 Закуривай табак,
 налей себе вина,
 Поверь бессоннице
 и сочиняй полночи.

Выйти из дому при ветре
И поклониться отчизне.
Надо готовиться к смерти
Так, как готовятся к жизни...

1974

244. МАРКИТАНТ

Фердинанд, сын Фердинанда,
Из утрехтских Фердинандов
Был при войске Бонапарта
Маркитант из маркитантов.

Впереди гремят тамбуры,
Трубачи глядят сурово.
Позади плетутся фуры
Маркитанта полкового.

Предок полулегендарный,
Блудный отпрыск ювелира
Понял, что нельзя бездарней
Жить, не познавая мира.

Не караты, а кареты.
Уйма герцогов и свиты.
Офицеры разодеты.
Рядовые крепко сшиты.

Бонапарт короны дарит
И печет свои победы.
Фердинанд печет и жарит
Офицерские обеды.

Бонапарт диктует венским,
И берлинским, и саксонским.
Фердинанд торгует рейнским,
И туринским, и бургонским.

Бонапарт идет за Неман,
Что весьма неблагородно.
Фердинанд девицу Нейман
Умыкает из-под Гродно.

Русский дух, зима ли, Бог ли
Бонапарта покарали.
На обломанной оглобле
Фердинанд сидит в печали.

Вьюга пляшет круговую.
Снег валит в пустую фуру.
Ах, порой в себе я чую
Фердинандову натуру!..

Я не склонен к аксельбантам,
Не мечтаю о геройстве.
Я б хотел быть маркитантом
При огромном свежем войске.

1973—1974

245

Город ночью прост и вечен,
Светит трепетный неон.
Где-то над Замоскворечьем
Низкий месяц наклонен.

Где-то новые районы,
Непочатые снега.
Там лишь месяц наклоненный
И не видно ни следа,

Ни прохожих. Спит столица,
В снег уткнувшись головой,
Окольцована, как птица,
Автострадой кольцевой.

1974

246

Вас соберу, красавицы мои,
По прихоти воображенья.
Пускай мой сад нанижет вам свои
Рябиновые ожерелья.

Пройдите все, как пестрый хоровод,
На празднике воспоминанья.
И каждая пускай сорвет
Гроздь горького признанья.

1974

Ветры пятнадцатых этажей
 Не похожи на ветры,
 Плутающие по изворотам
 Двухэтажных улиц.
 В них нет ропота листьев,
 Посвиста заборных прогалов,
 Шепота слуховых окон,
 Гуда печных труб.
 Они дуют ровно и сильно
 И кажутся гулом вселенной,
 Особенно ночью.

1974

Выспалось дитя. Развеселилось.
 Ляльки-погремушки стало брать.
 Рассмеялось и разговорилось.
 Вот ему какая благодать!

А когда деревья черной ратью
 Стали тихо отходить во тьму,
 Испугалось. Страшно быть дитятью!
 Поскорей бы возрастать ему.

Август 1974

249. ПОЭТ

Средь бесконечных русских споров
 И разговоров о путях,
 Где понапрасну тратят порох
 На подхалимов и сутяг,

Лишь этот вглядывался вяло
 В игру вечернего огня
 Туда, где облако стояло,
 Напоминавшее коня.

И все ж войдет не этот образ
 В его стихи когда-нибудь,
 А неприметная подробность,
 Вдруг обнажающая суть,

Хотя, рассеян и неловок
 Он пил вино, цедил ответ,

И шурился, как будто довод
Сперва разглядывал на свет.

Потом ушел перед закатом,
Когда горят стекло и жечь,
Стихом, как будто простоватым,
Воспеть державу, долг и честь.

1974

250

Нам остается жить надеждой и любовью,
Не заносясь, не горячась,
И не прислушиваться к суесловью
Радеющих о нас.

Мы будем жить пустой надеждой,
рады
Глотку любви и доброты,
И слушать о себе издевку злобной правды,
Которая ужасней клеветы.

1974

251

Отгremели грозы.
Завершился год.
Превращаюсь в прозу,
Как вода — в лед.

1974?

252. СТАРИК

П<авлу> А<нтокольскому>

Удобная, теплая шкура — старик.
А что там внутри, в старике?
Вояка, лукавец, болтун, озорник
Запрятан в его парике.

В кругу молодых, под улыбку юнца,
Дурачится дьявол хромой.
А то и задремлет, хлебнувши винца,
А то и уедет домой.

Там, старческой страсти скрывая накал,
Он пишет последний дневник.
И часто вина подливает в бокал —
Вояка, мудрец, озорник.

21 февраля 1975

253

Вдруг странный стих во мне родится,
Я не могу его поймать.
Какие-то слова и лица.
И время тает или длится.
Нет! Невозможно научиться
Себя и ближних понимать!

1975

254

В<агиму> Б<абичкову>

И ветра вольный горн,
И речь вечерних волн,
И месяца свеченье,
Как только стали в стих,
Приобрели значенье.
А так — кто ведал их!

И смутный мой рассказ,
И весть о нас двоих,
И верное реченье,
Как только станут в стих,
Приобретут значенье.
А так — кто б знал о нас!

1975

255

Я<кову> С<моленскому>

Мой милый чтец!.. Ну что за слово!
Не тот ли чтец, кому видна
Природная первооснова
И нам потом разъяснена?

И слово, смешанное с сором,
Блеск обретает колдовской,
Вдруг вспыхивая перед взором,
Как мокрый камешек морской.

Кто говорил, что слово слабо?
Мне кажется, что я лечу.
И ироническая слава
Похлопывает по плечу!

Но тут смолкает вещей голос.
И мы наедине с судьбой...
И вдруг молчанье пропоролось:
Похлопывают нам с тобой...

1975

256

Упущенных побед немало,
Одержанных побед немного,
Но если можно бы сначала
Жизнь эту вымолить у Бога,
Хотелось бы, чтоб было снова
Упущенных побед немало,
Одержанных побед немного.

1975?

257

Надо себя сжечь
И превратиться в речь.

Сжечь себя дотла,
Чтоб только речь жгла.

1975

258. ЧЕРНОВИКИ

Два года я писал в одну тетрадь.
Всю исчеркал. И стал ее листать.
И разбирать с трудом. А толку мало.
Какие-то наброски и начала,
Зачеркнутые густо три строки.
Все недописано. Черновики.

Души моей небрежной черновик!
 Невыполненных замыслов наброски,
 Незавершенных чувств моих язык,
 Угаснувших волнений отголоски!
 Зачатки мыслей!

Слово — и пробел.

А тут-то надо было мучить перья!
 Но нет, не мог! Не сделал. Оробел...
 Зачеркнуто... А вот белей, чем мел,
 Свободная страница. Полстраницы.
 Неточность. Рядом — беглые зарницы,
 Гроза без грома —

вечный мой удел...

1974—1975?

259

Наверное, слишком уверенно
 Считаю, что прожил не зря.
 Так думает старое дерево,
 Роня в конце октября
 Веселые желтые листья
 И зорям на память даря.

18 августа 1975

260

А слово — не орудье мести! Нет!
 И, может, даже не бальзам на раны.
 Оно подтачивает корень драмы,
 Разоблачает скрытый в ней сюжет.

Сюжет не тот, чьи нити в монологе,
 Который знойно сотрясает зал.
 А слово то, которое в итоге
 Суфлер забыл и ты не подсказал.

1975

261

Возвращаюсь к тебе, дорогая,
 К твоим милым и легким словам.
 На пороге, меня обнимая,
 Дашь ты волю свободным слезам.

— Ах, — ты скажешь, — как времени много
Миновало! Какие дела!
Неужели так долго дорога,
Милый мой, тебя к дому вела!

Не отвечу, к тебе припадая,
Ибо правды тебе не скажу.
Возвращаюсь к тебе, дорогая,
У тебя на пороге лежу.

Конец 1975 или начало 1976

262. СМЕРТЬ ИМПЕРАТОРА МАКСИМИЛИАНА

Чешская баллада

В строгом замке, что квадратом
Середь города стоит,
Умирает император,
Добрый маленький старик.

Император он природный,
Императором рожден,
И за это всенародной
Он любовью награжден.

10 Три различных совещанья
Происходит в этот миг,
Три готовят завещанья
Три из трех дворцовых клик.

Три законных претендента,
Тоже, в общем, старики,
Ждут удобного момента
Взять друг друга за грудки.

20 Император умирает,
Он отходит. Но пока
Награждает и карает
Августейшая рука.

И еще спешат курьеры,
Мчат приказы из дворца.
Еще строятся карьеры
И надеются сердца.

И законы создаются,
Чтоб цвела его страна,

Еще трубы раздаются,
Раздаются ордена.

30 Но земному государю
До земного дела нет.
Он узрел иные дали,
Он увидел горний свет.

И Господь к нему приходит
И к земному королю
Стаю ангелов приводит:
— Хочешь, жизнь тебе продлю?

40 Будешь на своем престоле
Среди ангелов стоять.
По моей высокой воле
Будешь ангелам под стать.

Не ответил сразу старец —
Думал или же дремал.
Долго веки поднимались,
Долго губы разжимал.

Улыбнулся тихо Богу
И ответил: — Не хочу! —
И отправился в дорогу
Вверх по лунному лучу.

Конец 1975 или начало 1976?

263

Поэзия пусть отстает
От просторечья —
И не на день, и не на год —
На полстолетья.

За это время отпадет
Все то, что лживо.
И в грудь поэзии падет
Все то, что живо.

Конец 1975 или начало 1976

264. ДЕЗЕРТИР

Выскочил из окружения.
Драпанул.
Бежал, задыхаясь, захлебываясь,
Чуя спиной отдаление выстрелов.
И вдруг неизвестно как выплутал
К знакомым кочкарникам.
Там стояли стога прошлогоднего сена.

Упал под стог болотного сена.
Перестрелка суматошила слева,
10 Постепенно
Отдаляясь.
Долго дышал, отдыхал, принимая в сознание
То, что было вокруг: стальной холод осенней ночи,
Стога сена и звезды неба.
Звезд было густо. Метеориты
Трассировали беззвучными очередями.

Он лежал на спине.

Кто видел ночные стога, тот знает,
Что они порождают чувство движения к небу,
20 Что грузно вplывают в звезды,
Придавая им запах увядающих трав.
Со стогов не кажется страшной вселенная,
Потому что в них можно угреться,
И движение к небу ощущать как движение к дому.

Он проехал в уме тряским кочкарником,
Потом чистым округлым кустарником ближних делянок.
У сенного навеса,
Круто развернув передок,
Плечом поднажал и вывернул воз.
30 Но оттуда домой не поехал,
Ибо дома себя не увидел.

Лежал, привалившись к стогу.
Звезды чиркали с неба.
Бой смещался к востоку.
Артиллерия была слева.

Хорошо пригреться, отдыхая от смерти,
От приказа: живым не сдаваться. Да он и не сдался.
Винтовку с собой уволок — ее он припрячет в стогу.

Подобная полночь
40 Бывает поздней осенью,

Когда седеют трава
И осины, не отронявшие листьев.
Выйдешь, бывало, из дома
По нужде. И замрешь у крыльца,
Пока кот, черномазый колдун,
Не притрется к ногам.

Если войска отступают, надо поддерживать дом.

Он это сено косил прошлым годом.
Бабы во время покоса пахнут просушенным потом,
50 Жаром и соком пьяной болотницы.

Теперь он прошел в уме
Задами, по тропке — к избе.
Но в дверь не вошел,
Потому что опять дома себя не увидел.

Лежал, привалившись к стогу,
Бой смещался к востоку.

Когда шли к фронту, навстречу гнали стада.
По обочине шли пастухи,
Завернувшись в кнуты, словно в скатки.
60 Старый бык неумело
Волочил за собою телегу,
Свое грузное тело
Унося от набега.
А потом авиация налетела...

Тот, кто лежал в стогу осенней травы,
Знает, как далеко до рассвета
Ночь наклоняется к утру,
Как, словно без ветра,
Дуновение пробегает в осиннике.

70 Лежал, привалившись к стогу.
Живой, слава Богу!
Бой смещался к востоку.

Там, за Вязьмой, грозный гуд:
Там фашисты наших бьют!

Закричала сова.
А-а!

Не позднее февраля 1976

Л<еонаргу> Л<авлинскому>

Чем, собственно, живопись хуже?
В ней, может быть, даже точней
Видение леса, и стужи,
И синих следов от саней.

Но все же она не соперник
Окну, где весь день за стеклом
Быгают осинник и ельник,
И снег, и седой бурелом.

И можно ль соперничать разве
С тем воображеньем моим,
Где сила и разнообразье
Потворствуют воздуху зим!

1976

Чем более живу, тем более беспечной
Мне кажется луна и время быстротечней,
Томительнее страсть, острее боль обид,
Понятнее поэт Мартынов Леонид.

А больше ничего я здесь не понимаю,
Хоть вслушиваюсь в даль и целый день внимаю,
И всматриваюсь в шум, и слышу свет и тень,
И вижу звук и гул, и слепну каждый день.

1976

267. РЕЦЕНЗИЯ

Все есть в стихах — и вкус, и слово.
И чувства верная основа,

И стиль, и смысл, и ход, и троп,
И мысль изложена не в лоб.

Все есть в стихах — и то и это,
Но только нет судьбы поэта,

Судьбы, которой обречен,
За что поэтом наречен.

10 марта 1976

Не увижу уже Красногорских лесов,
 Разве только случайно.
 И знакомой кукушки, ее ежедневных часов
 Не услышу звучанья.

Потянуло меня на балтийский прибой,
 Ближе к холодному морю.
 Я уже не владею своею судьбой
 И с чужою не спору.

Это бледное море, куда так влекло россиян,
 Я его принимаю.
 Я приехал туда, где шумит океан,
 И под шум засыпаю.

1976

И вот однажды ночью
 Я вышел. Пело море.
 Деревья тоже пели.
 Я шел без всякой цели.
 Каким-то тайным звуком
 Я был в ту пору позван.
 И к облакам и звездам
 Я шел без всякой цели.
 Я слышал, как кипели
 В садах большие липы.
 Я шел без всякой цели
 Вдоль луга и вдоль моря.
 Я шел без всякой цели,
 И мне казались странны
 Текучие туманы.
 И спали карусели.
 Я шел без всякой цели
 Вдоль детских развлечений —
 Качелей, каруселей,
 Вдоль луга и вдоль моря,
 Я шел в толпе видений,
 Я шел без всякой цели.

1976

Сперва сирень, потом жасмин,
 Потом — благоуханье лип,
 И, перемешиваясь с ним,
 Наваливается залив.

Здесь масса воздуха висит
 Вверху, как легкое стекло.
 Но если дождь заморосит,
 Земля задышит тяжело.

Залив господствует везде,
 Навязывая свой накат.
 Деревья держит он в узде,
 Захватывает весь закат.

Он на могучем сквозняке
 Лежит пологим витражом.
 И отражает все в себе,
 И сам повсюду отражен.

1976

271. ПЕСЕНКА ДЛЯ СПЕКТАКЛЯ

Моя душа, душа моя,
 Твои дела несовершенны.
 И облако плывет над нами,
 Как одинокая ладья.

Душа моя, моя душа,
 Забудь, что мы с тобой в разлуке.
 Ведь облака в бессонном небе
 Плывут друг к другу не спеша.

Моя душа, душа моя,
 Когда-нибудь соединимся,
 Постигнем тайное значение
 Небытия и бытия.

Душа моя, моя душа,
 Давай прислушаемся снова
 К ночному разговору листьев
 Или к шуршанью камыша.

1976

272

Я люблю ощущение ушедших годов
И забытых ладоней тепло.
Я снимаю со времени тайный покров,
Убеждаясь: оно утекло.

Но зачем этот сад накануне зимы,
Этот город туманный зачем,
И зачем же тогда в этот городе мы,
Сочинители странных поэм?

А великое слово «зачем» — как пароль,
Произнесенный в долгих ночах.
И безумствую я, как влюбленный король,
По бессоннице и при свечах.

1976

273

Стихи читаю Соколова —
Не часто, редко, иногда.
Там незаносчивое слово,
В котором тайная беда.

И хочется, как чару к чаре,
К его плечу подать плечо —
И от родства, и от печали,
Бог знает от чего еще!..

1976

274

Надо так, разбираясь толково,
Узнавать о своих сыновьях,
Словно без толмача разбитного
Путешествуешь в чуждых краях.

Да и что нам толмач растолмачит
В их превратной и легкой судьбе!
Только что-то в ней переиначит,
Перешьет и примерит к себе.

Да и как нам, бывлым забиякам,
Понимать своих хмурых котят?

Разве что по таинственным знакам?..
Впрочем, пусть их живут, как хотят!

Ноябрь 1976

275

И что еще за странная привычка —
Прилипчивое это бытие,
Истлевшее, как фосфорная спичка,
Уже совсем как будто не мое.

И все же мы живем, подозревая
В себе наличие океанских сил.
И все же — может, вывезет кривая
И поплыву, куда еще не плыл.

1976?

276. СВОБОДНЫЙ СТИХ

Свободный стих —
для лентяев,
для самоучек,
для мистификаторов
(когда без точек и запятых).

Но в руках настоящего мастера
он являет
естественную силу речи,
то есть мысли.

10 Организованный стих
 организован для всех —
 для посредственности и таланта,
 он подстегивает вдохновение
 и подсказывает метафору.

надо быть слишком уверенным
в собственной ценности,
чтобы посметь изъясняться
свободным стихом.
Отыдите, нерадивые!

1976

Я учился языку у нянек,
 У молочниц, у зеленщика,
 У купчихи, приносившей пряник
 Из арбатского особняка.

А теперь мне у кого учиться?
 Не у нянек и зеленщика —
 У тебя, моя ночная птица,
 У тебя, бессонная тоска.

1976

278. РАССВЕТ В ПЯРНУ

Светает поздно. К девяти.
 И долог этот час светанья,
 Где начинается свет расти
 И намечаться очертанья.

Сначала исподволь, едва,
 В предместье, в пригороде, где-то
 Чуть отступает синева
 От городского силуэта.

Потом деревья и дома
 Все четче на темно-лиловом.
 Оказывается — зима,
 Пора бы снегу и сугробам.

Прохожие. Пробег машин.
 На городских часах — десятый.
 А в парке посреди вершин
 Ночь спит вороною лохматой.

Но, кажется, произошло
 Высвечиванье перспективы.
 Оказывается — светло.
 Оказывается — мы живы.

1976?

И снова все светло и брэнно —
 Вода, и небо, и песок,
 И хрупкая морская пена,
 И отплывающий челнок.

Уж не волнуют опасенья.
Отпущен конь, опущен меч.
И на любовь и на спасенье
Я не решусь себя обречь.

Высокой волей обуянный,
Пройду таинственной межой
И постучусь, пришелец странный,
К себе домой, как в дом чужой.

1976?

280. ЗАЛИВ

Я сделал свой выбор. Я выбрал залив,
Тревоги и беды от нас отдалив,
А воды и небо приблизив.
Я сделал свой выбор и вызов.

Туманного марта намечен конец,
И голос попробовал первый скворец.
И дальше я вижу и слышу,
Как мальчик, залезший на крышу.

И куплено все дорогою ценой.
Но, кажется, что-то утрачено мной.
Утратами и обретеньем
Кончается зимняя темень.

А ты, мой дружок, мой весенний рожок,
Ты мной не напрасно ли душу ожег?
И может быть, зря я неволю
Тебя утолить мою долю?

А ты, мой сверчок, говорящий жучок,
Пора бы и мне от тебя наутек.
Но я тебе душу вручаю.
И лучшего в мире не чаю.

Я сделал свой выбор. И стал я тяжел.
И здесь я залег, словно каменный мол.
И слушаю голос залива
В предчувствии дивного дива.

1977

О бедная моя!
Ты умерла. А я
Играю под сурдину
На скрипке бытия.

И так же непреложно
Ведет меня стезя
Туда, где жить не можно
И умереть нельзя.

Апрель 1977

Кто двигал нашею рукой,
Когда ложились на бумаге
Полузабытые слова?
Кто отнимал у нас покой,
Когда от мыслей, как от браги,
Закруживалась голова?
Кто пробудил ручей в овраге,
Сначала слышимый едва,
И кто внушил ему отваги,
Чтобы бежать и стать рекой?..

Апрель 1977

283—298. ПЯРНУСКИЕ ЭЛЕГИИ

Г<алине> М<егвеговой>

I

Когда-нибудь и мы расскажем,
Как мы живем иным пейзажем,
Где море озаряет нас,
Где пишет на песке, как гений,
Волна следы своих волнений
И вдруг стирает, осердясь.

1976

II

Красота пустынной рощи
И ноябрьский слабый свет —
Ничего на свете проще
И мучительнее нет.

Так недвижны, углубленны
Среди этой немоты
Сосен грубые колонны,
Вязов нежные персты.

Но под ветром встрепенется
Нетекучая вода...
Скоро время распадется
На «сейчас» и «никогда».

1976

III

Круг любви распался вдруг.
День какой-то полупьяный.
У рябины окаянной
Покраснели кисти рук.

Не маши мне, не маши,
Окаянная рябина,
Мне на свете все едино,
Коль распался круг души.

1976

IV

И жалко всех и вся. И жалко
Закушенного полушалка,
Когда одна, вдоль дюн, бегом —
Душа — несчастная гречанка...
А перед ней взлетает чайка.
И больше никого кругом.

1977

V

Здесь великие сны не снятся.
А в ночном сознание теснятся
Лица полузабытых людей —
Прежних ненавистей и любвей.
Но томителен сон про обманы,
Он болит, как старые раны,
От него проснуться нельзя.
А проснешься — еще больнее,
Словно слышал зов Лорелеи
И навек распалась стезя.

1977

VI

Деревья прянули от моря,
Как я хочу бежать от горя —
Хочу бежать, но не могу,
Ведь корни держат на бегу.

5 февраля 1977

VII

Когда замрут на зиму
Растения в садах,
То невообразимо,
Что превратишься в прах.

Ведь можно жить при снеге,
При холоде зимы.
Как голые побеги,
Лишь замираем мы.

И очень долго снится —
Не годы, а века —
Морозная ресница
И юная щека.

Декабрь 1976

VIII

Как эти дали хороши!
Залива снежная излука.
Какая холодность души
К тому, что не любовь и мука!

О, как я мог так низко пасть,
Чтобы забыть о милосердьи!..
Какое равнодушие к смерти
И утомительная страсть!

1977

IX

Любить не умею,
Любить не желаю.
Я глохну, немею
И зренье теряю.
И жизнью своею
Уже не играю.

Любить не умею —
И я умираю.

22 мая 1977

X

Пройти вдоль нашего квартала,
Где из тяжелого металла
Излиты снежные кусты,
Как при рождественском гаданье.
Зачем печаль? Зачем страданье,
Когда так много красоты?

Но внешний мир — он так же хрупок,
Как мир души. И стоит лишь
Невольный совершить проступок:
Задел — и ветку оголишь.

1976?

XI

В Пярну легкие снега.
Так свободно и счастливо!
Ни одна еще нога
Не ступала вдоль залива.

Быстрый лыжник пробежит
Синей вспышкой мгновенной.
А у моря снег лежит
Свежим берегом вселенной.

Декабрь 1976

XII

Когда тайком колдует плоть,
Поэзия — служанка праха.
Не может стих перебороть
Тщеславья, зависти и страха.

Но чистой высоты ума
Достичь нам тоже невозможно.
И все тревожит. Все тревожно.
Дождь. Ветер. Запах моря. Тьма.

1976

ХІІІ

Утраченное мне дороже,
Чем обретенное. Оно
Так безмятежно, так погоже,
Но прожитому не равно.
Хотел мне дать забвенье, Боже,
И дал мне чувство рубежа
Преодоленного. Но все же
Тоится и болит душа.

13 июля 1977

ХІV

Вдруг март на берегу залива.
Стал постепенно таять снег.
И то, что было несчастливо,
Приобрело иной разбег.

О этот месяц непогожий!
О эти сумрачные дни!
Я в ожидании... О Боже,
Спаси меня и сохрани...

1977

ХV

Расположенье на листе
Печальной строчки стихотворной.
И слезы на твоём лице,
Как на иконе чудотворной.
И не умею передать
То, что со мною происходит:
Вдруг горный свет в меня нисходит,
Вдруг покидает благодать.

22 июля 1977

ХVІ

Чет или нечет?
Вьюга ночная.
Музыка лечит.
Шуберт. Восьмая.

Правда ль, нелепый
Маленький Шуберт,
Музыка — лекарь?
Музыка губит.

Снежная скатерть.
Мука без края.
Музыка насмерть.
Вьюга ночная.

1976

299

Я смерть свою забуду
Всего лишь оттого,
Что состояться чуду
Не стоит ничего.
Вот что-то в этом роде:
Муаровый скворец,
Поющий на природе
Гармонию сердец.
О, малое создание!
Зато он превзошел
Величье подражания
И слабость новых школ.
Пускай поет похоже
На каждого скворца,
Ведь все создание Божье
Похоже на Творца.

1977?

300. ПРИМОРСКИЙ СОЛОВЕЙ

За парком море бледною водой
На гладкий пляж беззвучно набегает.
И вечер обок с набожной звездой
Удобно облака располагает.

Напротив запада в домах — латунь,
А иногда мерцанье белой ртути.
Везде стригут, как рекрута, июнь.
Цветут сирени грозовые тучи.

10 И эпигоны соловья — дрозды
Стараются, лютуют в три колена.
А сам он ждет, когда замрут сады
И для него освободится сцена.

Пускай уйдут! Тогда раздастся взрыв
Кристаллов в пересыщенном растворе.
И страсть, и клокотанье, и разлив,
И в воздухе явленье сжатой воли.

20 Откуда это в жалком существе,
В убогой горстке встрепанного пуха,
Укрытого в спасительной листве, —
Подобное осуществленье духа?

И вот теперь — бери его врасплох,
Когда, забывшись на вершине пенья,
Оледенел, закрыл глаза, оглох
И не годится для самоспасенья.

Нет благозвучья, нету красоты
В том щелканье, в тугих засосах свиста,
Но откровенья тайные пласты
И глубина великого артиста.

30 Не верю, что природа так проста,
Чтоб только данью вечной несвободы
Был этот полунощный взрыв куста
И перепады бессловесной оды.

И почему вдруг сердце защемит!
И свист пространства коротковолновый
Не зря нас будоражит и томит,
Как в семь колен мечта о жизни новой.

Ноябрь 1977?

301. СОБАЧИЙ ВАЛЬС

(Из поэмы «Филей»)

Не пой, красавица...
(Мнение Пушкина)

Собака пела. (Та, что у попа
Была собакой. Но не в этом дело.)
Слегка смеркалось. И собака пела.
Возможно, потому, что мясо съела.
И поп о ней подумал:

«Не глупа!

Конечно, дрянь! Но голос — адамант.
Да я и сам, когда б не воспитанье,
Разбоем добывал бы пропитанье.
И даже в суке надо чтить талант...»
А сам в тот день хотел ее убить.
И даже нож готовил, может быть.
Но это пенье вороватой суки,
Ее бельканто, горловые звуки

Попа от злодеянья отвлекли...
Кругом был виден горизонт земли.
Стоял апрель. Из кухни пахло мясом.
И поп стал подпевать собаке басом.

1977

302. ЯЛУТОРОВСК

Незнатная птица Каховский
Спускал непутевый курок,
Чтоб где-нибудь в Ялаторовске
Бессмертия вился дымок.

Сквозь зелень сибирского кедра
Сияет растрепанный март,
И слышно за три километра
Движенье ледовых громад.

И марта высокое действо
Сплетает в единый клубок
И душные дымы злодейства,
И родины вольный дымок.

Март 1978

303. ЗВЕЗДА

Зима. Среди светил вселенной
Звезда, как камень драгоценный.
Я звездной карты не знаток,
Не знаю, кто она такая.
Против меня передовая
Глядит на северо-восток.

И я, солдат двадцатилетний,
Счастливый тем, что я есть я.
В болотах Волховского фронта
Расположилась наша рота,
И жизнь моя, и смерть моя.

Когда дойдет звезда до ветки,
Когда вернутся из разведки
И в маскхалатах пробегут
На лыжах в тыл, придет мне смена,
Настанет, как обыкновенно,
Блаженный сон на сто минут.

Но я еще вернусь к рассвету
 На пост. Звезду увижу эту.
 Она как свет в окне жилья.
 Не знаю, кто она такая,
 Зачем она стоит, сверкая
 И на меня покой лия.

Март 1978

304. КАРТИНА С ПАРУСАМИ

Яхт шелкóвые ветрила...
 Легкокрылые ладьи
 Расположены, как лира,
 На поверхности воды.

Там, подсвеченная снизу,
 Воздух утренний прожгла
 Моря выпуклая линза
 Серебристого стекла.

В полотне своем высотном
 Воздух выпуклый неся,
 Друг за другом к горизонтам
 Уплывают паруса.

Горделиво и степенно,
 Белые на голубом,
 Исчезают постепенно
 За водой, как за бугром.

1975—1978

305

Может, за год два-три раза
 Вдруг проймет тебя насквозь
 Разразившаяся фраза,
 Лезущая вкривь и вкось.

Но зато в ней мысль и слово
 Диким образом сошлись.
 И с основой основа
 Без желанья обнялись.

1978

Как странны польские эмблемы:
 Седой орел или сирены,
 Картавой готики орган,
 Чванливой Венгрии кафтан,
 Мазурка или краковячек
 И воркование полячек —
 Коварных, мстительных, разумных, —
 Но кто прекрасней, чем они,
 С которыми в порывах юных
 10 Мы обнимались в эти дни!
 В дни нашей первой заграницы
 Привисленские озорицы
 Нас провожали в новый бой —
 В метель железных полонезов
 И в гром мазурки огневой.
 Как слезы юные прекрасны
 И расставанья так легки,
 Желанья смерти неопасны
 И все свершенья далеки!
 20 О, если не было бы Польши,
 Ее придумали бы после,
 Потом, уже придя с войны, —
 То краткое очарованье,
 То женственное обаянье —
 Война и молодые сны!

1978

307. ЭСТИМАА

Здесь к городам веселой трезвой Ганзы
 Приближен был высокий город Псков,
 А племена, неведомы и разны,
 Таились где-то в глубине лесов.

И там они хранили темный норов
 Среди болотниц, лешаков и ведьм —
 Неведомо когда степных угоров
 До моря дотянувшаяся ветвь.

А сколько их — неведомо. И даты
 Темны. Повсюду тьма, и тишь, и тьма.
 Датчане, шведы, немцы, руссы, латы
 Сбивали их, как масло, в Эстимаа.

Они в глуши хранили свой обычай
 И свой язык, как драгоценный клад,

В котором длинных гласных щебет птичий,
Согласных — твердость камня и раскат.

Когда же сосчитали их, то горстка
Их оказалась. Но не от числа
В них проявлялось чертово упорство
Без различения добра и зла.

Пусть их теплом не баловало солнце,
Пусть ветер дул из-за прибрежных дюн.
Но сотворили родину эстонцы
Круглее и прочнее, чем валун.

1978?

308. МОЖНО И ТАК...

Можно и так. На заре
Выйти — и за садоводство,
В час, когда в алой заре
Пышное солнце печется.

Чувствовать лапой босой
Холод и влажность тропинки.
Птиц услышать, над тобой
Пинькающих без запинки.

Можно и так. Не спеша
Ждать, чтоб глаза разлепились,
Чтобы проснулась душа,
Чтобы слова укрепились.

Как поступить? На заре,
Может быть, даже и лучше
Пальцем писать на золе
Или на утренней туче.

1978?

309—310. ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ

I

Он заплатил за нелюбовь Натальи.
Все остальное — мелкие детали:
Интриги, письма — весь дворцовый сор.
Здесь не ответ великосветской черни,
А истинное к жизни отвращенье,
И страсть, и ярость, и души разор.

А чья вина? Считайте наши вины
Те, что умеют сосчитать свои,
Когда уже у самой домовины
Сошлись концы любви и нелюбви.

И должен ли при сем беречься гений?
О страхе должен думать тот, другой,
Когда перед глазами поколений
В запал курок спускает нетугой.

1977

II

Что остается? Поздний Тютчев?
Казалось, жизнь ложится в масть.
Уже спокоен и невлюбчив.
И вдруг опять — стихи и страсть.

Что остается? Поздний тоже,
Но, Господа благодаря,
Вдруг упadaющий на ложе
В шум платья, листьев, октября.

Что остается? Пушкин поздний?
Какой там — поздний! Не вчера ль —
Метель, селитры запах грозный,
И страсть, и гибель, и февраль...

Апрель 1978

311

Какой-то ветер нынче дул,
Однообразный, безутешный.
И моря равномерный гул
Мешался с ним во тьме кромешной.

Так без начала и конца,
В однообразии усталом,
Как колыбельная вдовца
Над сиротою годовалым.

1978

312

Свежо кричат вороны
Во славу тишины.

Подстриженные кроны
Еще обнажены.

В засохших травах дудки
Утиной перелив.
И, видно, через сутки
Очистится залив.

Но надо, чтобы ветер
Дул с севера на юг
И холодом бессмертья
Повеяло у губ...

Серебряные чайки
Промчались — вот их нет.
И лучшего не чайте,
Ведь, может быть, вослед

Весне простой и легкой
События не столь
Простые, с подоплекой
Совсем уж не простой...

1978

313

Б<орису> С<луцкому>

Я все время ждал морозов,
Ты же оттепели ждал.
Я люблю мороз — он розов,
Чист и звонок, как металл.

Оттепели, ералаши,
Разоренные пути...
Я люблю морозы наши.
Только шубу запасти.

1978

314. НАЧАЛО ПОЭМЫ

Пора за поэму садиться,
Закрыться, писать. А не то
Герой ее в дверь постучится
И скинет в передней пальто.
А тут уж пишите пропало —
Начнет городить что попало

И тень на плетень наводить.
И трудно его проводить.

10 Таких сочинителей баек,
Наверно, не видывал свет.
Ему бы хороший прозаик,
Отыскивающий сюжет!
Актер погорелого театра,
Не знает он, где будет завтра,
Но помнит, что было вчера.
От самой ничтожной затравки
Трепаться готов до утра.
Из тех очевидцев бывалых,
20 Свидетелей тех матерых,
В чьих летописях и анналах
Фантазии на пятерых...

Но он не пришел, слава Богу!
В дорогу, поэма, в дорогу!
Пусть шарик по легкой бумаге
Скользит, как танцорша на льду,
И строчек лихие зигзаги
Выписывает на лету.

1978?

315. СРЕДЬ ШУМНОГО БАЛА

Когда среди шумного бала
Они повстречались случайно,
Их встреча, казалось сначала,
Была не нужна и печальна.

Он начал с какого-то вздора
В своем ироническом тоне.
Но, не поддержав разговора,
Она уронила ладони.

И словно какая-то сила
Возникла. И, как с палимпсеста,
В чертах ее вдруг проступила
Его молодая невеста —

Такой, как тогда, на перроне,
У воинского эшелона,
И так же платочек в ладони
Сжимала она обреченно.

И в нем, как на выцветшем фото,
Проявленном в свежем растворе,
Вдруг стало пробрезживать что-то
Былое в лице и во взоре.

Вдвоем среди шумного бала
Ушли они в давние даты.
— Беда, — она тихо сказала, —
Но оба мы не виноваты.

Меж нашей разлукой и встречей
Война была посередине.
И несколько тысячелетий
Невольно нас разъединили.

— Но как же тогда, на вокзале,
Той осенью после победы, —
Вы помните, что мне сказали
И мне возвратили обеты?

— Да, помню, как черной вдовой
Брела среди пасмурных улиц.
Я вас отпустила на волю,
Но вы же ко мне не вернулись...

Вот так среди шумного бала,
Где встретились полуседыми,
Они постигали начало
Беды, приключившейся с ними.

Все, может быть, было уместно:
И празднества спад постепенный,
И нежные трубы оркестра,
Игравшего вальс довоенный.

1978

316

Я устарел, как малый юс,
В сырой тени воспоминаний.
Многоглаголанья боюсь
И грубых жизнеописаний.

Ведь так изменчиво живу —
Подобно очертаньям дыма...
Хотелось бы по существу,
Но существо неуловимо...

1978

317. ЧАСОВОЙ

Л<ьву> К<опелеву>

Нельзя не сменять часового,
Иначе заснет на посту.
Нельзя человека живого
Во всем уподобить кусту.

Горячего чая в землянке
Напиться ему не грешно.
Пускай переменит портянки
И другу напишет письмо.

Пусть тело, что стыло и дрогло,
Задремлет — и вся недолга,
Забыв о величии долга,
Не помня себя и врага.

1978

318. СТАНСЫ

Начнем с подражанья. И это
Неплохо, когда образец —
Судьба коренного поэта,
Приявшего славный венец.

Терновый, а может, лавровый —
Не в этом, пожалуй что, суть.
Пойдем за старухой суровой,
Открывшей торжественный путь.

10 И, сами почти уже старцы,
За нею на путь становясь,
Напишем суровые стансы
Совсем безо всяких прикрас.

В тех стансах, где каждое слово
Для нас замесила она,
Не надо хорошего слога
И рифма пусть будет бедна.

20 Зато не с налету, не сдуру,
Не с маху и не на фуфу,
А трижды сквозь душу и шкуру
Протаскивать будем строфу.

Великая дань подражанию!
Нужна путеводная нить!
Но можно ли горла дрожанье
И силу ума сочинить?

И как по чужому каркасу
Свое устроенье обжать?
И можно ли смертному часу
И вечной любви подражать?

30 Начнем с подражанья. Ведь позже
Придется узнать все равно,
На что мы похожи и гожи
И что нам от Бога дано.

1977—1978

319

Пусть нас увидят без возни,
Без козней, розни и надсады.
Тогда и скажется: «Они
Из поздней пушкинской плеяды».
Я нас возвысить не хочу.
Мы — послушники ясновидца...
Пока в России Пушкин длится,
Метелям не задуть свечу.

1978

320

Эта плоская равнина,
Лес, раздетый догола,
Только облачная мнимо
Возвышается гора.

Гладко море, берег гладок,
Гладки травы на лугах.
И какой-то беспорядок
Только в горних облаках.

1978

321

Усложняюсь, усложняюсь —
Усложняется душа,
Не заботясь о прошедшем,
В будущее не спеша.

Умножаются значенья,
Расположенные в ней.
Слово проще, дело проще,
Смысл творенья все сложнее.

1978

322. ДРУГУ-СТИХОТВОРЦУ

Ю<рию> Л<евитанскому>

Все, братец, мельтешим, все ищем в «Литгазете» —
Не то чтоб похвалы, а все ж и похвалы!
Но исподволь уже отцами стали дети
И юный внук стихи строчит из-под полы.

Их надобно признать. И надо потесниться.
Пора умерить пыл и прикусить язык.
Пускай лукавый лавр примерит ученица
И, дурней веселя, гарцует ученик!

Забудь, что знаешь, все! Иному поколенью
Дано себя познать и тратить свой запал,
А мы уже прошли сквозь белое каленье,
Теперь пора остыть и обрести закал.

Довольно нам ходить отсюда и досюда!
А сбиться! А прервать на полуслове речь!
Лениться. Но зато пусть хватит нам досуга,
Чтоб сильных пожалеть и слабых уберечь.

Теперь пора узнать о тучах и озерах,
О рощах, где полно тяжеловесных крон,
А также о душе, что чует вещей шорох,
И ветер для нее — дыхание времен.

Теперь пора узнать про облака и тучи,
Про их могучий лет неведомо куда,
Знать, что не спит душа, ночного зверя чутче,
В заботах своего бессонного труда.

А что есть труд души, мой милый стихотворец?
Не легковесный пар и не бесплотный дым.
Я бы сравнил его с работою затворниц,
Которым суждено не покидать твердынь.

Зато, когда в садах слетает лист кленовый,
Чей светлый силуэт похож на древний храм,
В тумане различим волненье жизни новой,
Движенье кораблей, перемещенье хмар.

И ночью, обратясь лицом к звездам вселенной,
Без страха пустоту увидим над собой,
Где, заполняя слух бессонницы блаженной,
Шумит, шумит, шумит, шумит морской прибор.

Сентябрь 1978

323

Год рождения не выбирают,
легче выбрать свой последний год,
потому что люди умирают
не от старости, не от невзгод,
даже не от хворей. Просто строчку
дописав, устало ставят точку —
я уверен, — сами выбрав час.
Ну и пуля выбирает нас.

1978

324

Что за радость! Звуки шторма
Возле самого окна.
Ночь безумна и просторна,
Непонятна и черна.

Море — тыща колоколен,
Ветер — пуще топора
И готов валить под корень
Вековые тополя.

Что за радость! Непогоды!
Жизнь на грани дня и тьмы,
Где-то около природы,
Где-то около судьбы.

1978?

325. МОРОЗ

Лихие, жесткие морозы,
Весь воздух звонок, словно лед.
Читатель ждет уж рифмы «розы»,
Но, кажется, напрасно ждет.

Напрасно ждать и дожидаться,
Притерпливаться, ожидать

Того, что звуки повторяются
И отзовутся в нас опять.

Повторов нет! Неповторимы
Ни мы, ни ты, ни я, ни он.
Неповторимы эти зимы
И этот легкий ковкий звон,
И нимб зари округ березы,
Как вкруг апостольской главы...
Читатель ждет уж рифмы «розы»?
Ну что ж, лови ее, лови!..

Конец 1978 или начало 1979

326. ПОГОСТ

Здесь, возле леса, с краю поля
Погост сияет небольшой,
Где на рассвете, птицам вторя,
Душа беседует с душой.

И эти тихие беседы
Легки, как утренний туман,
В них веют радости и беды
Когда-то живших поселян.

Беседуют односельчане —
Родня, соседи, свояки —
Под вековое величанье
Дубравы, поля и реки.

И ни ограды, на гранита —
Одни воздушные струи
Вдруг всплакивают сквозь ракиту
Протяжливо, как плачей.

Я знаю кладбища другие
Вблизи огромных городов,
Где все погибели людские
Положены во сто рядов.

И кажется там громче горе
И комья глины тяжелей,
Чем здесь, в заброшенном просторе,
У края леса и полей,

Где разбегаются подросты,
В себя вбирая сок и свет...

Растут огромные погосты,
А к малым зарастает след.

Конец 1978 или начало 1979

327. АФАНАСИЙ ФЕТ

Лишь сын шинкарки из-под Кенигсберга
Так рваться мог в российские дворяне
И так толково округлять поместья.
Его прозвание Афанасий Фет.

Об этом, впрочем, нам не надо знать —
Как втерся он в наследственную знать.
Не надо знать! И в этом счастье Фета.
В его судьбе навек отделена
Божественная музыка поэта
От камергерских знаков Шеншина.

Он не хотел быть жертвою прогресса
И стать рабом восставшего раба.
И потому ему свирели леса
Милее, чем гражданская труба.
Он этим редок, Афанасий Фет.

Другие, получив свои награды,
Уже совсем не слышали природы
И, майской ночи позабыв отрады,
Писали твердокаменные оды.
А он, с почтеньем спрятав в гардеробе
Придворные доспехи Шеншина,
Вдруг слышал, как в пленительной природе
Ночь трелью соловья оглашена.

Открыв окно величию вселенной,
Он забывал про действенность глаголов.
Да, человек он необыкновенный.
И что за ночь! Как месяц в небе молод!

1979

328. ПРОЩАНИЕ

Памяти Анатолия Якобсона

Убившему себя рукой
Своею собственной, тоской
Своею собственной — покой
И мир навеки!
Однажды он ушел от нас,
Тогда и свет его погас.
Но навсегда на этот раз
Сомкнулись веки.

10 Не веря в праведность судьи,
Он предпочел без похвальбы
Жестокость собственной судьбы,
Свою усталость.
Он думал, что свое унес,
Ведь не остался даже пес.
Но здесь не дым от папирос —
Душа осталась.

20 Не зря веревочка вилась
В его руках, не зря плелась.
Ведь знала, что придет ей час
В петлю завиться.
Незнамо где — в жаре, в песке,
В святой земле, в глухой тоске,
Она повисла на крюке
Самоубийцы.

30 А память вьет иной шнурок,
Шнурок, который как зарок —
Вернуться в мир или в мирок
Тот, бесшабашный, —
К опалихинским галдежам,
Чтобы он снова в дом вбежал,
Внося с собой мороз и жар,
И дым табачный.

40 Своей нечесаной башкой
В шапчонке чисто бунтовской
Он вламывался со строкой
Заместо клича —
В застолье и с налета — в спор,
И доводам наперекор
Напропалую пер, в прибор
Окурки тыча.

Он мчался, голову сломя,
Врезаясь в рифмы и в слова,
И словно молния со лба
Его слетала.
Он был порывом к мятежу,
Но все-таки, как я сужу,
Наверно не про ту дежу
Была опара.

50 Он создан был не восставать,
Он был назначен воздавать,
Он был назначен целовать
Плечо пророка.

Меньшой при снятии с креста,
Он должен был разжать уста,
Чтоб явной стала простота
Сего урока.

60 Сам знал он, перед чем в долгу!
Но в толчее и на торгу
Бессмертием назвал молву.
(Однако, в скобках!)

И тут уж надо вспомнить, как
В его мозгу клубился мрак
И как он взял судьбу в кулак
И бросил, скомкав.

70 Убившему себя рукой
Своею собственной, тоской
Своею собственной — покой
И мир навеки.
За все, чем был он — исполать.
А остальному отпылать
Помог застенчивый палач —
Очкарь в аптеке.

80 За подвиг чести нет наград.
А уж небесный вертоград
Сужден лишь тем, чья плоть, сквозь ад
Пройдя, окрепла.
Но кто б ему наколдовал
Баланду и лесоповал,
Чтобы он голову совал
В родное пекло.

И все-таки страшной теперь
Жалеть невольника потерь!
Ведь за его плечами тень
Страшной неволи
Стояла. И лечить недуг
Брались окно, и нож, и крюк,
И, оцетинившись вокруг,
Глаза кололи.

90 Он в шахматы сыграл. С людьми
В последний раз сыграл в ладьи.
Партнера выпроводил. И
Без колебанья,
Без индульгенций — канул вниз,
Где все веревочки сплелись
И затянулись в узел близ
Его дыханья...

В стране, где каждый на счету,
Познав судьбы своей тщету,
Он из столпов ушел в щепу.
100 Но без обмана.
Оттуда не тянул руки,
Чтобы спасти нас, вопреки
Евангелию от Луки
И Иоанна.

Когда преодолен рубеж,
Без преувеличенья, без
Превозношенья до небес
Хочу проститься.
110 Ведь я не о своей туге,
Не о талантах и т. п. —
Я плачу просто о тебе,
Самоубийца.

Осень 1978 — февраль—март 1979

329. ПАМЯТИ ЮНОШИ

Жаль юношу Илюшу Лапшина,
Его война убила.
За что ему столь рано суждена
Солдатская могила!

Остались письма юноши домой.
Их суть прекрасна.
А та, что не успела стать вдовой,
Его ждала напрасно.

10 Он был когда-то маменькин сынок
И перцу до войны не нюхал.
Но был мечтатель с головы до ног.
И вышел крепок духом.

И, вылетев из доброго гнезда,
Он привыкал к недолям.
И понимал, что горняя звезда
Горит над ратным полем.

А кто сказал, что с самых нежных дней
Полезней опыт слезный
И что высокий дух всего верней
20 Воспитывают розгой?

В профессорской квартире, где он жил,
В квартире деда,

Бывало, сизой тучей дым кружил
И за полночь текла беседа.

Мы прямо в сад сигали из окна,
Минуя двери.
Я помню откровенность Лапшина,
Признанья в общей вере.

30 Вокруг весна, рассветная Москва,
Восторженные прозелиты.
Зарю поддерживали деревья,
Как темные кариатиды.

Здесь за глухим забором и сейчас —
Тишайший Институтский,
А в двух шагах, торжественно светясь,
Амбир располагался русский.

40 Здесь улицы и парки Лапшина,
Здесь жил он, здесь учился в школе,
Но черной тучей близилась война.
И мы расстались вскоре.

Расстались. Как ровесники мои —
Навеки расставались.
И я не ведал о судьбе Ильи,
Покуда не отвоевались.

Прощай, Илья, прощай, Москва тех лет,
Прощай, булыжник Божедомки,
Больничный сад, где на воротах лев.
Весны блаженные потемки.

50 Прощай и ты, рассветная звезда,
Подобная сияющему глазу.
И все прощай, что прервалось тогда,
Жестоко, может быть, но сразу!..

Март 1979

330. МАСТЕР

А что такое мастер?
Тот, кто от всех отличен
Своею сивой мастью,
Походкой и обличем.

К тому ж он знает точно,
Что прочно, что непрочно,

И все ему подвластно —
Огонь, металл и почва.

10 Суббота, воскресенье —
Другим лафа и отдых,
Копаются с весельем
В садах и огородах.

А он калечит лапы
И травит горло ядом
С миниатюрным адом
Своей паяльной лампы.

20 Когда заря над морем
Зажжется, словно танкер,
Он с мастером таким же
Готов бы выпить шкалик.

Но мастеров немного
Ему под стать найдется.
И если не найдется,
Он выпьет с кем придется.

Не верь его веселью,
Ведь мастера лукавы
И своему изделью
Желают вечной славы,

30 А не похвал в застолье
Под винными парами.
Зачем? Ведь он же мастер,
И смерть не за горами.

1979

331. ХЛЕБ

Не попрекайте хлебом меня. Не до веселья,
Ибо с тревогой на поле свое взираю.
Сам свой хлеб я сею.
Сам убираю.

Вы меня хлебом пшеничным, я вас зерном слова —
Мы друг друга кормим.
Есть и у слова своя полова.
Но и оно растет корнем.

Без вашего хлеба я отощаю.
Ну а вы-то —

Разве будете сыты хлебом да щами
Без моего звонкого жита?

Из одного перегноя растут колос пшеничный и колос словесный.
Знаю, что ждут хлебные печи.
В русское небо с заботой гляжу я, пахарь безвестный.
Жду, что прольются благие дожди в пахоту речи.

1979

332. ВОСПОМИНАНИЯ

Как тяжесть спелых яблок клонит ветку
Или ломает, если нет опоры,
Так до земли сгибают
И ломают нас
Созревшие воспоминанья.

Блажен лишь тот, кто памяти лишен.
Зато какая устремленность в небо
У необремененного побега,
Когда мы близ травы вкушаем сон!

11 апреля 1979

333. СВОБОДНЫЙ СТИХ

Я рос соответственно времени.
В детстве был ребенком.
В юности юношей.
В зрелости зрелым.

Поэтому в тридцатые годы
я любил тридцатые годы,
в сороковые
любил сороковые.

А когда по естественному закону
время стало означать
схождение под склон,
я его не возненавидел,
а стал понимать.

В шестидесятые годы
я понимал шестидесятые годы.
И теперь понимаю,
что происходит
и что произойдет
из того, что происходит.

И знаю, что будет со мной,
когда придет не мое время.
И не страшусь.

Не позднее июня 1979

334

Этот нежный, чистый голос,
Голос ясный, как родник...
Не стремилась, не боролась,
А сияла, как ночник.

Свет и ключ! Ну да, в пещере
Эта смертная свеча
Отражалась еле-еле
В клочкотании ключа.

А она все пряла, пряла,
Чтоб себе не изменить,
Без конца и без начала
Все тончающую нить.

Ах, отшельница! Ты лета
Не видала! Но струя
Льется — свежести и света —
Возле устья бытия.

Той отшельницы не стало.
Но по-прежнему живой
Свет лампада льет устало
Над водою ключевой.

Июнь 1979

335—337. ТРИ СТИХОТВОРЕНИЯ

Памяти М. Петровых

I

Спи, Мария, спи.
Воздух над тобой
До высот небесных
Полон тишиной.

Дерево в ночи —
Изваянье дыма.

Спи, Мария, спи.
Пробужденья нет.

А когда потом
Мы с тобой очнемся,
Разбегутся листья
По тугой воде.

Июль 1979

II

Во сне мне слышался голос,
Так тихо, что я не проснулся,
И сон мой к последнему вздоху
Как будто в тот миг прикоснулся.

К последнему вздоху Марии,
Который настолько был легким,
Что словно уже относился
К бессмертью души, а не к легким.

На миг, что почти не приметен,
Сошлись непохожие двое —
С ее сновиденьем бессмертным
Мое сновиденье живое.

III

И вот уже больше недели,
Как кончилась вся маета,
Как очи ее не глядели
И не говорили уста.

Казалось, что все это рядом,
Но это уже за чертой,
Лишь память не тронута хладом
И не обнята немотой.

И можно ли страхам и ранам
Позволить себя одолеть?
Лишь память, лишь память дана нам,
Чтоб ею навеки болеть.

Июнь 1979

338. В ДУХЕ ГАЛЧИНСКОГО

Бедная критикесса
Сидела в цыганской шали.
А бедные стихотворцы
От страха едва дышали.

Ее аргументы были,
Как сабля, неоспоримы,
И ключья стихотворений
Летели, как пух из перины.

От ядовитых лимонов
Чай становился бледным.
Вкус остывшего чая
Был терпковато-медным.

Допили. Попрощались.
Выползли на площадку.
Шарили по карманам.
Насобирали десятку.

Вышли. Много мороза,
Города, снега, света.
В небе луна катилась
Медленно, как карета.

Ах, как было прекрасно
В зимней синей столице!
Всюду светились окна,
Теплые, как рукавицы.

Это было похоже
На новогодний праздник.
И проняло поэтов
Нехороших, но разных.

— Да, конечно, мы пишем
Не по высшему классу
И критикессе приносим
Разочарований массу.

— Но мы же не виноваты,
Что мало у нас талантов.
Мы гегелей не читали,
Не изучали кантов.

В общем, купили водки,
Выпили понемногу.

Потолковали. И вместе
Пришли к такому итогу:

— Будем любить друг друга,
Хотя не имеем веса.
Бедная критикесса,
Бедная критикесса.

Июнь 1979

339

С<ергею> Н<аровчатову>

Скрепляют болезни и смерти
Отчетливость памятных мет
И сумрачных десятилетий
Понурый и грубый цемент.

Когда эта птица мне пела,
Сквозь пенье ее угадал
В основе грядущего дела
Простой и смертельный металл.

И все же — не твердость, не холод —
Моя кряжевая судьба.
Спасибо за то, что не молод
Я был, когда понял себя.

22 июня 1979

340

Острая моя травина,
Знавшая немало зол,
Я тебя непоправимо
Смял ногою и ушел.

Острая моя травина,
Ты лежишь суха, бела.
Я ушел, и половина
Сердца сразу отмерла.

1979?

Был ли счастлив я в любви,
 В самой детской, самой ранней,
 Когда в мир меня влекли
 Птицы первых упований?

Ах! в каком волшебном трансе
 Я в ту пору пребывал,
 Когда на киносеансе
 Локоть к локтю прижимал!

Навсегда обречены
 Наши первые любви,
 Безднадежны и нежны
 И нелепы в каждом слове.

Посреди киноромана
 И сюжету вопреки
 Она ручку отнимала
 Из горячечной руки.

А потом ненужный свет
 Зажигался в кинозале.
 А потом куда-то в снег
 Мы друг друга провожали.

Видел я румянец под
 Локоном из теплой меди —
 Наливающийся плод
 С древа будущих трагедий...

1979

342. РЕАНИМАЦИЯ

Я слышал так: когда в бессильном теле
 Порвутся стропы и отпустят дух,
 Он будет плавать около постели
 И воплотится в зрение и слух.

(А врач бессильно разведет руками.
 И даже слова не проговорит.
 И глянет близорукими очками
 Туда, в окно, где желтый свет горит.)

И нашу плоть увидит наше зренье,
 И чуткий слух услышит голоса.
 Но все, что есть в больничном отделенье,
 Нас будет мучить только полчаса.

Страшной всего свое существование
Увидеть в освещенье неземном.
И это будет первое познание,
Где времени не молкнет метроном.

Но вдруг начнет гудеть легко и ровно,
Уже не в нас, а где-то по себе,
И нашу душу засосет, подобно
Аэродинамической трубе.

И там, вдали, у гробового входа,
Какой-то вещий свет на нас лия,
Забрезжат вдруг всезнанье, и свобода,
И вечность, и полет небытия.

Но молодой реаниматор Саня
Решит бороться с бездной и судьбой
И примется, над мертвецом шаманя,
Приманивать обратно дух живой.

Из капельниц он в нас воьет мирское,
Введет нам в жилы животворный яд.
Зачем из сфер всезнанья и покоя
Мы все же возвращаемся назад?

Какой-то ужас есть в познание света,
В существование без мирских забот.
Какой-то страх в познании завета.
И этот ужас к жизни призовет.

...Но если не захочет возвратиться
Душа, усилие медиков — ничто.
Она куда-то улетит, как птица,
На дальнее, на новое гнездо.

И молодой реаниматор Саня
Устало скажет: «Не произошло!»
И глянет в окна, где под небесами
Заря горит свободно и светло.

1979?

343. УЧИТЕЛЬ И УЧЕНИК

Идиллия

Благодарю моих учителей
За то, что я не многим им обязан...

Не верь ученикам,
Они испортят дело...

Приходите, юные таланты!..

Из стихов разных лет

*Холмистая местность. Утро.
Последняя грань лета.*

У ч и т е л ь

Видимо, тебе не впрок
Моя наука.

У ч е н и к

Пожалуй.
Пусть я тебя люблю, но, видит Бог,
Твоя наука сильно устарела.
И твой урок мне больше — не урок.
Все ваши аксиомы для меня —
Лишь недоказанные постулаты.
И не просты они, а простоваты.
И потому я новые извлек.

У ч и т е л ь

А какие?

У ч е н и к

Ты помнишь, что когда-то нас учил
Глядеть вперед?

У ч и т е л ь

Но тогда
Я шел не здесь... И что же?

Ученик

А мы решились поглядеть назад!..

Учитель

Я гляжу по сторонам...
Гляди, как расположен синий воздух
Среди холмов. И золотой подковой
Над ними выгнута заря. На склонах
Отдельные деревья сжали листья
В зеленый шар, стоящий на стволе,
И не дают в нутро их свету влиться,
И длинно тень ложится на земле.
А шерстка трав недавнего покоса
Как гривка жеребенка. А спина
Холма, хребет кабаньих выгнув косо,
Словно дремучий волос, зелена.
Там лось над головою держит пару
Окаменевших допотопных крыл,
А дальше — высоко по крутояру —
Однообразных елок темный клир.
Большие валуны, как черепахи,
Круглят щиты на бывшем поле брани,
А надо всем — крутые облака
Осуществляют хлебниковский сон
О подвижных стеклянных городах.
Вот что я вижу...

Ученик

А ты

Уклончив стал.

Учитель

Нет. Я вижу
Нутро картин, а не поверхность мнений.
Природа мысли такова, мой друг,
Что доведи любую до конца —
И вдруг паленым волосом запахнет...
Да...

Ученик

Так растолкуй картину.

У ч и т е л ь

Тридцать лет тому назад,
А может, больше, здесь шел бой. И я
Лежал вон там... скорей немного ближе.
Теперь и не узнать. Я умирал.
Я был почти убит. И вот я жив.
Ты понял?

У ч е н и к

Сказать по правде,
Порой изрядно нам надоедают
Все ваши ветхие воспоминанья.
Чем хвалишься?

У ч и т е л ь

Добротой.
Ведь, если мне ученика не жалко,
Какой же я учитель!

У ч е н и к

О, все в жалейку дуешь ты!

У ч и т е л ь

А смысл легенды, может, только в том,
Что прежде, чем успел пропеть петух...
Сам знаешь...

У ч е н и к
(махнув рукой)

Ассоциации, культурный слой...
А я желаю быть самим собой!

У ч и т е л ь

Опыт ты добудешь сам.
Но ежели, вперед спиною пяясь,
Упрешься в стену, вспомни обо мне...
Кто знал войну, тот знает цену крови
И знает цену листьям в каждой кроне.
А листья — мы с тобою.

У ч е н и к

Я не ценю красивых аллегорий.
Но если так, важны не листья — корни.
И дело в корне, если хочешь знать.

У ч и т е л ь

Скоро листья полетят,
Красны, как кровь, желты, как сукровица,
И оголятся скоро лес и сад,
И птице негде будет приютиться,
Перевернется новая страница,
А корни до зимы заснут в земле...
Закружатся ладони и сердца,
Зубцы и профили листвы дубовой.
Осенний край с улыбкой мертвеца
Затихнет в ожиданье жизни новой...
Всем суждено выстрадывать судьбу.
А быть счастливым — нет такого права.
И все-таки осенняя дубрава
Ждет счастья.

У ч е н и к

И ты?

У ч и т е л ь

И я!..

Но, впрочем, осень лишь в начале.
Люблю ее пришествие, когда
Все движется, все не стоит на месте.
Деревья — как восставшее предместье —
Готовы ринуться на города.
В такую пору зренью предстает
Разительная ясность очертаний.
И ощущаешь приближенье к тайне
Того, что есть движение и полет...
Но не спешите, голову сломя,
Кидаться вслед за птичьим перелетом.
Останьтесь здесь.

И выберите холм.

И...

Ученик

Не зритель я.

Учитель

Я так и знал. В бессмысленном стремленьи
Вы видите величие души,
А я — лишь невоспитанность ума.
Послушай!

Ученик

Оставь меня!
Мы слишком далеко зашли, учитель,
Пора вернуться. Трапеза готова.

Учитель

Поброжу-ка я один.
А ты ступай.

(Уходит по дороге)

Июль — 20 сентября 1979

344. КОНЕЦ ЛЕТА

Покатилось лето под гору.
Август. Тихие деньки.
Подложив туманы под голову,
Сонно бредят родники.

Млечный Путь клешнею рачьей
Тихо движется к рассвету,
Осторожно поворачивая
Ворот медленного лета.

Осторожней, осторожнее
Вейте, ветры, надо мной,
Чтобы месяц новорожденный
Не пугался тьмы ночной.

1979

345. МОСТ

Мост с берега на берег,
Мост из века в век.
Мост от земли до звезд.
 Луч — мост,
 Речь — мост.
Самый прочный мост —
 Мозг.

1979

346

Начать сначала! Боже мой!
Нет, невозможно начинать сначала.
О, добрый путь отплывшим от причала
 И не вернувшимся домой!

О, добрый путь светилам Магеллана!
Пусть паруса подставят ветру грудь.
Пусть добрый всем, которым смерть желанна,
 Чей неизведан путь...

1979

347. БЕССОННИЦА

Я разлюбил себя. Тоскую
От неприязни к бытию.
Клянусь и плоть свою людскую,
И душу брэнную свою.

Когда-то погружался в сон
Я, словно в воду, бед не чая.
Теперь рассветный час встречаю,
Бессонницею обнесен.

Она стоит вокруг, стоглаза,
И сыплет в очи горсть песка.
От смутного ее рассказа
На сердце смертная тоска.

И я не сплю — не от боязни,
Что утром не открою глаз.
Лишь чувством острой неприязни
К себе — встречаю ранний час.

1979

Забудь меня и дни,
 Когда мы были вместе.
 На сердце не храни
 Ни жалости, ни мести.

Но вспомни об одном —
 Как в это время года
 Ходила ходуном
 Ночная непогода.

И гром дерева тряс,
 Как медная десница...
 Ведь это все для нас
 Когда-то повторится.

Сентябрь 1979

Чайка летит над своим отраженьем
 В гладкой воде.
 Тихо, как перед сраженьем.
 Быть беде.

22 сентября 1979

350. САНДРИЛЬОНА

Сандрильона ждет карету.
 Чинно курит сигарету.
 Ждет, чтоб прибыл сандрильонец
 Из компании гуляк —
 С туфелькой, на «Жигулях».

Стынет кофе. Отрешенно
 Ожидает Сандрильона
 Из миллиона сандрильон.
 В ней не счастье, не страданье,
 Все — сплошное ожиданье.
 Наконец приходит он.

И, с задумчивым соседом
 Не простившись, выйдет следом
 За плечистым сандрильонцем
 Из сапожной мастерской.
 Парк осенний залит солнцем.
 Осень. Небо. И покой.

И уедет Сандрильона,
С ней — волос ее корона,
Вместе с гордым модельером
На машине «Жигули»...
Высоко над морем серым
Чайки, тучи, корабли.

1979?

351. НЕИЗВЕСТНЫЕ ПОЭТЫ

Я люблю этих бедных пиитов,
Что угрюмые вирши плетут,
Тех, которые горький напиток
Непризнанья и бедности пьют.

Утешать, помогать, по головке
Их погладить, которые так
Неудачливы, странны, неловки
И в каких-то невнятных летах.

Ах, как свято они бесталанны,
И как много внушил им Господь.
Ведь утехи души им желанны,
А не ты, вожденная плоть!

Пусть прославится ныне и присно
Искони безымянный пиит.
И пускай благодарная тризна
Безымянный курган осенит.

1979?

352

И<сааку> К<рамову>

Мы не меняемся совсем.
Мы те же, что и в детстве раннем.
Мы лишь живем. И только тем
Кору грубеющую раним.

Живем захлеб, живем вовсю,
Не зная, где поставим точку.
И все хоронимся в свою
Ветшающую оболочку.

Октябрь 1979

353. ДНЕВНИК

Листаю жизнь свою,
Где радуюсь и пью,
Люблю и негодую.
И в ус себе не дуо.

Листаю жизнь свою,
Где плачу и пою,
Счастливый по природе
При всяческой погоде.

Листаю жизнь свою,
Где говорю шутейно
И с залетейской тенью,
И с ангелом в раю.

Октябрь 1979?

354

Я сделал вновь поэзию игрой
В своем кругу. Веселой и серьезной
Игрой — вязальной спицею, иглой
Или на окнах росписью морозной.

Не мало ль этого для ремесла,
Внушенного поэту высшей силой,
Рожденного для сокрушенья зла
Или томленья в этой жизни милой.

Да! Должное с почтеньем отдаю
Суровой музе гордости и мщенья
И даже сам порою устаю
От всесогласья и от всепрощенья.

Но все равно пленительно мила
Игра, забава в этом мире грозном —
И спица-луч, и молния-игла,
И роспись на стекле морозном.

Октябрь 1979

355

Дай мне нынче выйти в полночь
В незастегнутом пальто.
Не нужна ничья мне помощь,
И не нужен мне никто.

И не важно даже — худо
Или хорошо у нас.
Просто я шататься буду,
Несмотря на поздний час.

Потому что в эту полночь,
Раскачавшую прибой,
Вдруг очнешься и припомнишь,
И узнаешь, что с тобой.

*Октябрь 1979
Ялта*

356

З<иновью> Г<ергту>

Повтори, воссоздай, возверни
Жизнь мою, но острее и короче.
Слей в единую ночь мои ночи
И в единственный день мои дни.

День единственный, долгий, единый,
Ночь одна, что прожить мне дано.
А под утро отлет лебединый —
Крик один и прощанье одно.

31 октября 1979

357. ЛЕДИ МАКБЕТ

Ю<ршо> К<арякину>

Леди Макбет бросила профессию,
Леди Макбет вышла на пенсию.
Ее любят соседи,
Чинные леди.

Леди Макбет, забыв про макбетство,
Украшает счастливое детство
Юных джентльменов из соседства
Поучительными рассказами.
И они целуют ей руки.
Действительно, что взять со старухи!

1979

Обратно крути киноленту,
Механик, сошедший с ума,
К тому небывалому лету,
За коим весна и зима!

Крути от июня до мая
Обратного времени ход,
Что стало моим — отнимая,
Приход превращая в уход.

10 Пускай разомкнутся объятия,
Окажется шляпа в руке.
И слезы в минуту отъятия
Покатятся вверх по щеке.

Спиною подамся к перрону,
Прощанью бессмысленно рад,
Рукою махну изумленно,
И поезд потянет назад.

20 Уйдут станционные зданья,
Просторный откроется вид.
И смутное счастье незнанья
Тревожно черты озарит.

Крути мою ленту обратно.
Злорадствуй, механик шальной.
Зато я увижу двукратно
Все то, что случилось со мной.

Я прожил не много не мало
Счастливых и сумрачных лет.
Я фильм досмотрю до начала
И выйду из зала на свет...

1979?

Тот же вялый балтийский рассвет.
Тяжело размыкание век.
Тяжело замерзание рек.
Наконец, наконец выпал снег.
Я по снегу уже доберусь
Из приморского края на Русь,
Где морозы звончей и синей.

И опять, может быть, научусь
Не бояться свободы своей.

Декабрь 1979

360. АРСЕНИЮ ТАРКОВСКОМУ

Мария Петровых да ты
В наш век бездумной суеты
Без суеты писать умели.
К тебе явился славы час.
Мария, лучшая из нас,
Спит, как младенец в колыбели.

Благослови ее Господь!
И к ней придет земная слава.
Зато не сможет уколоть
Игла бесчестия и срама.

Среди усопших и живых
Из трех последних поколений
Ты и Мария Петровых
Убереглись от искушений
И в тайне вырастили стих.

Декабрь 1979

361. АКТРИСЕ

Л<игии> Т<олмачевой>

Тебе всегда играть всерьез.
Пусть поневоле
Подбрасывает жизнь вразброс
Любые роли.

Хоть полстранички, хоть без слов,
Хоть в пантомиме —
Играть до сердца, до основ,
Играть во имя.

10 Без занавеса, и кулис,
И без суфлера,
Чтоб только слезы пролились
На грудь партнера,

Чтоб лишь леса поры потерь,
Поры печали,

Рыжеволосы, как партер,
Рукоплескали.

20 Играть везде — играть в толпе,
Играть в массовке,
Но для себя и по себе,
Без подтасовки.

И, наконец, сыграть всерьез
В той мелодраме,
Где задыхаются от слез
Уже над нами.

1975 — не позднее января 1980

362

Тебе свою судьбу вручил навек,
И как бы ни была судьба печальна,
Меня не отлучит любой навет
И то, что изначально и случайно.

Суть назначенья моего проста,
И к этому мне нечего добавить:
Во имя зла не разжимать уста
И лишь тебя благословлять и славить.

Не позднее января 1980

363. СОН

Какая-то странная книга
Сегодня привиделась мне.
Я взял эту старую книгу
И стал осторожно листать.

Ах, что это за чертовщина! —
Она начиналась с конца.
Страницы ее эпилога,
Ей-богу, я знал назубок!

10 А мне было нужно начало,
Ведь был непонятен конец.
И книга мне все обещала,
Как полный сокровищ ларец.

Герои вступали в сраженье,
И кто-то из них умирал,

Но где же начало, начало? —
Задумчиво я повторял.

20 Герои казнили друг друга,
Герои вершили дела.
Меня по порочному кругу
Коварная книга вела.

Вела меня за полстолетье,
Как будто по лестнице вниз.
И я оторваться порою
Не мог от прекрасных страниц.

Но мне было нужно начало,
Которое я утерял.
Так где же начало, начало, —
Настойчиво я повторял.

30 Закрывать эту книгу не в силах,
Как это бывает во сне,
Листаю, листаю страницы,
И страшно становится мне.

Как будто вокруг одичало.
И странно и пусто в мозгу.
Так где же начало, начало —
Ищу. И сыскать не могу.

1963 — не позднее 1980

364

Деревья должны
Дорасти до особой высоты,
Чтобы стать лесом.
Мысли должны дорасти
До особой высоты,
Чтобы стать Словом.
Больше ничего не надо,
Даже ухищрений стиха.

Не позднее 1980

365

Мое единственное достояние —
Русская речь.
Нет ничего дороже,

Чем фраза,
Так облегающая мысль,
Как будто это
Одно и то же.

Не позднее 1980

366

Заросшая тропа теряется в степи,
Истаивает дым на небосклоне...
О, что за чепуха — дописывать стихи,
А не бросать на полуслове!..

Январь 1980

367

Игра в слова — опасная забава.
Иное слово злобно и лукаво.
Готово огонь разжечь и двинуть рать...
О, старости единственное право —
Спокойным словом страсти умерять.

4 февраля 1980

368

У меня пред тобою вина
И ее не смывает волна.
Не смывает прошедшего горя
Благодать полунощного моря.
У меня пред тобою вина,
Что осталась на все времена,
Времена, что белей и короче,
Чем короткие белые ночи.

1980

369

Престранная наша профессия —
Стихи сочинять на ходу,
При этом держа равновесие,
Подобно танцорам на льду.

Руками при том не размахивай,
Чтоб зря не потешить людей.

Питайся росинкою маковой
И ветром роскошных идей:

Да чем еще можно бездельнику
Оплачивать аховый труд!
Шатается по Переделкину,
Где в рифму вороны орут.

И думают люди соседские:
Бездельники, мол, чудаки...
Престранная наша профессия —
Гуляючи мыслить стихи...

1980?

370

Зачем за жалкие слова
Я отдал все без колебаний —
И золотые острова,
И вольность молодости ранней!

А лучше — взял бы я на плечи
Иную ношу наших дней:
Я, может быть, любил бы крепче,
Страдал бы слаще и сильнее.

Январь — 30 апреля 1980

371

Куда мне деваться от этих забот ежедневных,
От детских хотений и частых простуд?
Одно утешенье, что где-то в деревьях
Закатные зори растут.

Куда мне деваться от ссор и от дома в разоре,
От дружеских встреч и претензий родни?
Одно утешенье, что позже вечерние зори
Пылают в деревьях и дольше становятся дни.

Куда мне уйти? И какое найти мне решенье?
Не лучше ль идти, не противясь, куда поведет?
Не знаю. Не знаю. Одно утешенье,
Что шире зари разворот.

1980

Пахло соломой в сарае,
Тело — травой и ветром,
Губы — лесной земляникой,
Волосы — яблоней дикой.

Были на раннем рассвете
Легкие свежие грозы.
Мы просыпались. И снова
Сном забывались, как дети.

Утром она убегала,
Заспанная и босая,
С крупных ромашек сбивая
Юбкой раскосые капли.

Да! Уже было однажды
Сказано: остановиться!
Сказано: остановиться!
Остановиться мгновенью!

1980

Нет слова ужасней, чем это
Мучительное «никогда».
Со дня сотворения света
В нем времени к людям вражда.

Отбытие в нем без прибытья,
Оно убивает и рвет,
Как зверь на загривке события,
Ломающий лапой хребет.

1980

374. РИХТЕР

Крыло рояля. Руки Рихтера,
Изысканные, быстрые и сильные,
Как скаковые лошади. Точнее
Сравненья не умею подыскать.
Он заставляет музыку смотреть,
Угадывать ее предвестье
В лице, фигуре, в мимике и жесте.
Не видя Рихтера, теряешь что-то

От вдохновения и мастерства,
Как в письмах
Утрачиваешь что-то от общенья.
Транзисторщики и магнитофонцы,
Мы музыку таскать с собой привыкли
И приспособливать ее к жилью.
А Рихтер музыку возводит в зал
И возвращает музыку в музы́ку.
Прислушаемся к Рихтерову лику,
К рукам задумчивого ездока,
Вожатому коней, изваянных из звука...
Так, колесницы умедляя ход
На спуске с небосклона,
Сам Гелиос внимает, как поет,
Крыло откинув,
Черный лебедь Аполлона.

1980

375

С<ергею> Н<аровчатову>

Я был не слишком добрым,
Но доброго был нрава,
Обязанности ставя
Всегда превыше права.

Я предан был искусству,
И жил не очень густо...
Себя молве вручаю,
Которая стоуста.

17 июня 1980

376

Что за жалкие эти уловки —
Упованье на молодость духа,
Если на постаревшей головке
Белизна, вроде детского пуха.

Что за скромное наше величье —
Пиджаки в орденах и медалях.
Нет, слова величавей молитвы
Уж начертаны в наших скрижалях.

Старость — это вселенское горе.
Но сегодня, под стать новолунью,

Обнимаю рассветное море
И зарю молодую целую.

Июнь 1980

377

Рассчитавшись с жаждою и хламом,
Рассчитавшись с верою и храмом,
Жду тебя, прощальная звезда.
Как когда-то ждал я вдохновенья,
Так теперь я жду отдохновенья
От любви и горького труда.

Но, видать, не спел последний кочет
И душа еще чего-то хочет,
Своего никак не отдает.
Жаждет с веком и толпою слиться.
Так стремятся птицы в стаю сбиться,
Собираясь в дальний перелет.

29 июня 1980

378

М<ихашу> К<озакову>

Я никогда не пребывал
В любовном исступленьи Блока,
Не ведал ревности Востока,
Платок в слезах не целовал.

Влюблялся весело и просто,
Безумствовал. И в те года
Порой в порыве сумасбродства
Летел неведомо куда.

Не то чтоб лавры Дон-Жуана
Меня прельщали, но была
Любая женщина желанна
И увлекала, и звала.

И был вокруг туман любовный
И ночи светлые без сна.
И голос робкий и неровный,
Шептавший милых имена.

30 июня 1980

379. РЕВНОСТЬ

Я влюблен. Мне пятнадцать. Она холодна.
Я, отвергнутый, к ней не иду на рожденье.
Жить мне не вмоготу. Испиваю до дна
Нелюбовь, одиночество и унижение.

За дворами сгорает заря на Москве.
Наблюдает пожар каланча на Сущевке.
Опускается сумрак. Как при волшебстве,
Фонарей зажигаются длинные четки.

Во Втором Самотечном пустынно. Туда
Лишь бродячие псы совершают набеги.
Но над снегом горит высоко, как звезда,
Золотое окошко, висящее в небе.

Там она. Там на тюле ее силуэт.
Там счастливый соперник ликует за чаем.
Я взбешен со всей силой пятнадцати лет.
Я в отчаянье. Но и жесток и отчаян.

Образ сладостной мести мерещится мне.
Громкой славой увенчанный, в час неурочный,
Я въезжаю в столицу на белом коне.
Предо мной переулочек Второй Самотечный.

Открываются окна. Сияет луна.
Я проехал задумчив и взора не кинул.
Вслед мне в позднем раскаянье плачет она.
А соперник растерянный чай опрокинул.

Нет! Тогда я не стану врага попирать,
Ибо мы не злопамятны и горделивы.
Лишь одною печалью могу покарать:
Будь счастлива, любимая! Будьте счастливы!

1980

380

Тебя мне память возвратила
Такой, какую ты была,
Когда: «Не любит!» — говорила
И слезы горькие лила.

О, как мне нужно возвращенье
Из тех невозвратимых лет,
Где и отмщенье, и прощенье,
Страстей непроходящий след.

И лишь сегодня на колени
Паду. Ведь цену знаю сам
Своей любви, своей измене.
Твоей любви, твоим слезам.

1980

381

Надо идти все дальше.
Дальше по той дороге,
Что для нас начертали
Гении и пророки.

Надо стоять все тверже,
Надо любить все крепче,
Надо хранить все строже
Золото русской речи.

Надо смотреть все зорче,
Надо внимать все чутче,
Надо блюсти осторожней
Слабые наши души.

20 июля 1980

382. ДЕКАБРИСТ

Цареубийство мне претит.
В том смысл стоянья на Сенатской,
Что царь, выигрывая натиск,
Утрачивает свой престиж.

Нам повезло, что мы не взяли власть.
И это стало ясно при дознаньях.
Пусть государь, запутавшись в признаньях,
Правдивых слез напился всласть.

Они ничтожества. И это знать —
Одно из главных наших знаний.
А первый вывод из признаний —
Что умереть — не умирать.

Сибирь! И тишина. И просвещенье.
И отдаленность от родни.
Мы будем жить. Нет ничего священной,
Чем просвещенье в наши дни.

Мы будем жить близ синевы Байкала.
Пусть по родным местам душа болит.
Не быть тому, чего душа взалкала,
Но быть тому, что Родина велит.

Спать надо. Просыпаться на
Рассвете. Яблони лелеять.
Ведь еще долго-долго ветрам веять,
Хотя по времени весна.

5 сентября 1980

383

Ю<рию> А<бызову>

Я уже за третьим перевалом.
Горных кряжей розовая медь
Отцвела в закате небывалом.
Постепенно начало темнеть.

Холодно. Никто тебя не встретит.
Камень в бездну канул из-под ног.
Лишь внизу, в долине, робко светит
Одинокой сакли огонек.

Пой для храбрости, идя в долину,
Пой погромче, унимая дрожь.
Или помолись отцу и сыну
И тогда, наверное, дойдешь.

5 сентября 1980

384

Можно ли считать себя счастливым
В день, когда туманы над заливом
Так печальны, мутны, неземны?
Можно ли считать себя несчастным,
Когда рядом в образе неясном
Предстоят деревья, словно сны?
И со мною соотнесены...
Чувствую себя и к ним причастным.

5 сентября 1980

385. ГОЛОСА ЗА ХОЛМАМИ

Голоса за холмами!
Сколько их! Сколько их!
Я всегда им внимаю,
Когда чуток и тих.

Там кричат и смеются,
Там играют в лапту,
Там и песни поются,
Долетая отту...

Да! За холмами теми
Среди гладких полян —
Там живут мои тени
Среди гладких полян.

Голоса за холмами
Раздаются в тумане,
То ли ищут потери,
То ли в прятки играют...
Кличут давние тени,
А потом замирают.

1980

386

Поздно учиться играть на скрипке,
Надо учиться писать без рифмы.
С рифмой номер как будто отыгран.
Надо учиться писать верлибром...
Как Крутойямов или как Вздорич,
С рифмою не брататься, а вздорить.
Может, без рифмы и без размера
Станут и мысли иного размера.

1980

387

Декабрь. Но не хватает снега.
Скрипит приморская сосна.
Дождей тяжелая телега
Все тянется мимо окна.

А после медленно и скупно
Сквозь тучи цедится рассвет.

В такие дни на сердце скука,
Чего-то ждешь и мыслей нет.

И вдруг — письмо... Письмо от друга...
Но, как ни сумрачно окрест,
Порой желанна роскошь юга,
Но чуждо счастье дальних мест.

18 декабря 1980

388. ЗА НЕПРЯДВОЙ

Ходят кони по елани,
Меж собою говорят,
Дескать, едут басурмане
К нам с набегом, говорят.

— Скрыты в чащах наши веси, —
Отвечает конь коню, —
Не сыскать их в чернолесье
Ни мечу и ни огню.

— Ой, отыщут, ой, отыщут.
Никого не пощадят.
Их ведь тыща, да две тыщи,
Да три тыщи, говорят.

Оседлают нас, буланых,
Оседлают вороных
И угонят от желанных,
Далеко от сел родных.

Ой, увидим, как в тумане
Села дальние горят,
Ох, сердиты басурмане,
Ох, жестоки, говорят.

Пропадут следы в полыни,
Порастет вокруг быльем.
Будем сохнуть на чужбине,
Слезы горькие прольем.

— Нет, на речке, на Непрядве,
Стяги русские стоят.
Будут биться наши рати,
Одолеют, говорят.

И себя не пожалеют
Ради Родины в бою.

Одолеют, одолеют, —
Отвечает конь коню.

1974 — не позднее начала 1981

389

Стих Слуцкого. Он жгуч,
Как бич. Как бык, могуч.
Изборожден,
Как склон.
Он, как циклон,
Закручен.
И, как обвал, неблагозвучен.

На струнах из воловьих жил
Бряцает он на хриплой лире
О том, как напряженно жил,
Чтоб след оставить в этом мире.

Январь 1981

390

Разрушена души структура,
Она познала жизни тлен
И нынче прозябает хмуρο,
Не чая добрых перемен.
И зябко ощущает шкура
Неотвратно-близкий плен.
— Все прочее — литература, —
Как говорил старик Верлен.

23 января 1981

391

То, что тайно живет в подсознание,
Проясняясь, становится вдруг
Зримо, как станционное зданье,
Светофор, тепловоз, виадук.

И, пожалуй, какою-то гранью
Совпадает с бессмертьем. Ведь вся
Эта станция по расписанью,
Постояв, уползет за леса.

Мне неведомо, что есть движенье,
Для чего и откуда оно,

Направление, цепь, протяжение —
Все ли в нем предопределено?

Предусмотрен ли разумом здравым
Весь конечный его результат —
Столкновение состава с составом
И судьба паровозных бригад?

Или чаще в бессмыслице вещей,
На крутом вираже накренься,
Роковая случайность, как встречный,
Грохоча, налетает на нас...

1980—1981

392. ПАМЯТИ АНТОНИНЫ

А<нтонине> А<болиня>

Пять счастливых дней
Мы провели с Антониной.
Мы провели с Антониной
Пять счастливых дней.
Вскоре она умерла
В городе Екабпилсе,
Где мы с ней провели
Пять счастливых дней.

10 Благословляю днесь
Ее милую душу,
Ее добрые очи,
Ее теплые губы,
Ее мягкие руки,
Ее стройные ноги,
Ее светлое тело —
Ради пяти счастливых
Дней, которые мы
Вместе с ней провели
В городе Екабпилсе.

20 Может, простится мне,
Грешной моей душе,
За то, что пять дней
Мы провели с Антониной.
И были совсем счастливы.
И больше уже не видались.

2 марта 1981

В какие-то новые дали
 Меня от тебя позвали
 Какие-то новые вести,
 И радости, и печали.

Пошел я белой дорогой
 С лукавой судьбой тягаться
 Вослед весне босоногой,
 За шалью ее цыганской.

1981

Что надобно солдату?
 Натопленную хату,
 Картошки котелок,
 За печкой уголок.

И утром, этот рай
 Навеки покидая,
 Услышать, как ему
 Хозяйка молодая
 Прошепчет, провожая:
 — Солдат, не умирай!

1981

Что за странная забота —
 Судьбы мира,
 Где невзгоды Дон Кихота
 Или Лира?

Что за странное волнение —
 Утро сада?
 Почему любовь полнее,
 Сердце радо?

Что за странная тревога —
 Вечер моря,
 Где простора ветрового
 Шум и воля?

Что за странность все же это
Состраданье!
В поле отзвук, в роще — эхо,
В нас — рыданье.

1981

396

Запиши мне в жизнь кусок
Марта с долгою метелью.
Занеси еще лесок,
Где береза рядом с елью.

Подверстай еще сугроб,
Что от сумрака сиренев.
Подведи потом итог
Ветра, снега и деревьев.

Это все соедини
В зимнем облике природы
В завершающие дни
Холодов и непогоды.

1981

397

Увлечены порывом высшим,
Охвачены святым огнем,
Стихи в самозабвенье пишем
И, успокоясь, издаем.

А после холодно читаем
В журнале вялую строку
И равнодушно подставляем
Свое творенье остряку.

1981

398. ДВОЙНИК

Поэт и сосед Королев,
Почуяв движение смысла,
Очухался, встал, не умылся,
Почувствовал, что нездоров.
И вдруг увидел мирозданье
За зданьями ближних дворов.

Внезапно увидел в окне
Себя в освещении вешнем...
Двойник — это «я» не «во мне»,
А где-то вовне и во внешнем.

Двойник — это маленький сдвиг
Рассудка на десять микронов.
Но если уже он возник,
Не может он быть, не затронув
Исконных устоев судьбы,
Ее непреложных законов.

Двойник — это автопортрет
Из путаных линий и пятен.
И ты уже неоднократен.
И это похоже на бред.
И это — почти что свобода,
Когда уже выбор из двух.
И это предвестье прихода,
Захватывающее дух.

1981?

399. ДУЭТ ДЛЯ СКРИПКИ И АЛЬТА

М<аше> П<антелеевой>

Моцарт в легком опьяненье
Шел домой.
Было дивное волнение,
День шальной.

И глядел веселым оком
На людей
Композитор Моцарт Вольфганг
Амадей.

Вкруг него был листьев липы
Легкий звон.
«Тара-тара, тили-тики, —
Думал он. —

Да! Компания, напитки,
Суета.
Но зато дуэт для скрипки
И альты».

Пусть берут его искусство
Задарма.

Сколько требуется чувства
И ума!

Композитор Моцарт Вольфганг,
Он горазд, —
Сколько требуется, столько
И отдаст...

Ох, и будет Амадею
Дома влет.
И на целую неделю —
Черный лед.

Ни словечка, ни улыбки.
Немота.
Но зато дуэт для скрипки
И альты.

Да! Расплачиваться надо
На миру
За веселье и отраду
На пиру,

За вино и за ошибки —
Дочиста!
Но зато дуэт для скрипки
И альты!

24 апреля 1981

400

Думать надо о смысле
Бытия, его свойстве.
Как себя мы ни числи,
Что мы в этом устройстве?

Кто мы по отношенью
К саду, к морю, к зениту?
Что является целью,
Что относится к быту?

Что относится к веку,
К назначенью, к дороге?
И, блуждая по свету,
Кто мы все же в итоге?

1981

401

Тяжел уже стал. Никуда не хочу.
 Разжечь бы камин, засветить бы свечу
 И слушать, и слушать, как ветер ночной
 Гудит и гудит над огромной страной.
 Люблю я страну. Ее мощной судьбой
 Когда-то захваченный, стал я собой.
 И с нею я есть. Без нее меня нет.
 Я бурей развеян и ветром отпет.
 И дерева нет, под которым засну.
 И памяти нет, что с собою возьму.

1981

402

Мне выпало счастье быть русским поэтом.
 Мне выпала честь прикасаться к победам.

Мне выпало горе родиться в двадцатом,
 В проклятом году и в столетье проклятом.

Мне выпало все. И при этом я выпал,
 Как пьяный из фуры в походе великом.

Как валенок мерзлый, валяюсь в кювете.
 Добро на Руси ничего не имети.

1981

403

Уж лучше на погост,
 Когда томит бесштишье!
 Оно — великий пост,
 Могильное затишье.

И, двери затворив,
 Переживает автор
 Моления без рифм,
 Страданье без метафор.

Нет, он не глух — он нем,
 Он безъязык, как время,
 В нем брезжат тени тем
 И тупо ломит темя.

Жестокая беда!
Забвение о счастье.
И это навсегда.
Читатели, прощайте!

1981

404

Б<орису> С<луцкому>

Жизнь сплетает свой сюжет.
Но, когда назад помотришь,
Возникает свежий свет
Далеко — на девять поприщ.

По которым пятерых
Повело июнем ранним.
И нетленный пятерик
Засветился их стараньем.

Сколько крови пролилось,
Сколько дел осуществилось,
Сколько выпало волос
И сердец остановилось!

Но сияет вдалеке
Свежий свет того июня,
Как в предутренней реке
Острый отсвет новолунья.

1981

405

Милая жизнь! Протеканье времен.
Медленное угасание сада.
Вот уж ничем я не обременен.
Сказано слово, дописана сага.

Кажется, все-таки что-то в нем есть —
В медленном, в неотвратимом теченье, —
Может, о вечности тайная весть
И сопредельного мира свеченье...

Осень. Уже улетели скворцы.
Ветер в деревьях звучит многострунно.
Грустно. Но именно в эти часы
Так хорошо, одиноко, безумно.

1980—1981

406. ФАНТАЗИЯ О РАДНОТИ

- В сорок пятом году
Возле Ораниенбурга
Пара задумчивых кляч
Тащила большую фуру
По пустынной дороге.
Возница в черном жилете,
В старой фетровой шляпе
Шел рядом с той колымагой,
Похожий на итальянца.
- 10 — Кто вы? — спросил по-немецки
Я у того человека.
Возница пожал плечами.
Остановилась фура.
Выглянули из нее
Несколько бледных, курчавых
И перепуганных детских
Рожиц. За ними — старик.
Старик одет был в тряпье,
Торчали седые патлы.
- 20 Он явно был не в себе
И закричал по-немецки:
— Я — Радноти Миклош,
Великий венгерский поэт,
В городе Будапеште
Меня знает любая собака!
Меня подобрали цыгане.
И я теперь стал цыганом.
Это великое племя,
Которого не уничтожить,
- 30 Ибо ему суждены
Свобода, музыка, кони.
Нет никого прекрасней
На свете, чем цыгане!
Здесь я хочу умереть
Под скрипку и ржанье коней!
К черту — былая слава!
К дьяволу — бывшее счастье!
Я люблю только вас,
Цыгане, музыка, кони!..
- 40 Так орал этот странный
Старец с цыганской фуры.
Слушали молча цыгане,
Слов его не понимая.
Наши солдаты стояли,
Думая: старый рехнулся.

Я много позже узнал,
Что поэт Радноти Миклош
Погиб совсем молодым
В Сербии, в лагере смерти.

50

Может, ослышался я.
Но нет, хорошо помню,
Как сумасшедший старик
Орал, что он Радноти Миклош.

1981

407

Тогда я был наивен,
Не ведал, в чем есть толк.
Купите за пять гривен,
А если надо — в долг.

Тогда я был возвышен,
Как всадник на коне.
Не знал, что десять пишем
И держим два в уме.

Тогда я был не этим —
Я был совсем другим.
Не знал, зачем мы светим
И почему горим.

Тогда я был прекрасен,
Бездельник молодой.
Тогда не падал наземь
Перед любой бедой.

18 июля 1981

408. СЕВЕРЯНИН

Отрешенность эстонских кафе
Помогает над і ставить точку.
Ежедневные аутодафе
Совершаются там в одиночку.

Память тайная тихо казнит,
Совесь тихая тайно карает.
И невидимый миру двойник
Все бокальчики пододвигает.

Я не знаю, зачем я живу,
Уцелевший от гнева и пули.
Головою качаю. И жгу
Корабли, что давно потонули.

1980 — 18 июля 1981

409

Я слышал то, что слышать мог:
Баянов русских мощный слог,
И барабанный бой эпох,
И музы мужественный вздох.

Мы шли, ломая бурелом,
Порою падая челом.
Но долго будет слышен гром
И гул, в котором мы живем.

1981

410. ЦЫГАНЕ

Нас в детстве пугали няни,
Что уведут цыгане.
Ах вы, нянюшки-кralи,
Жаль, что меня не украли.

Бродил бы с табором лунным
(Странно-туманно).
Кони под месяцем юным.
Запах тимьяна.

Где вы, мои цыгане,
Плясуны, конокрады?
Где вы, мои цыганки,
Где вы, сердца отрады?

В поэзии нашей великой
Есть цыганская нота.
И звучит эта нота,
Когда уже жить неохота.

«Странно-туманно.
Расстались нежданно.
На сердце рана,
И жизнь не желанна».

Пока луна не погасла,
На свете будет цыганство:
Песня, обман, лукавство,
Скрипка и постоянство.

Я помню цыгана Игната
В городе Кишиневе.
Он мне играл когда-то
О давней моей любви.

«Странно-туманно.
Вечером рано.
Расстались неожиданно,
И на сердце рана!»

Узел моей печали,
Скрипка, стяни потуже...
Ах, если б нянюшки знали,
Как спасти наши души!

1981?

411

Сколько здесь явилось чар:
Ветер клены раскачал,
Листья с липы сбросил —
Наступила осень.

Все окончилось как будто.
Но сегодня сердце радо:
Ведь всего одна минута
До зимы и снегопада.

1981

412. ПРО ОХОТНИКА

Стоит белый камень.
На камне белый город.
Над городом белый облак.
Над облаком белый лебедь.
Пришел охотник,
Прицелился каленой стрелюю.
Упал белый лебедь
На белый облак,
А белый облак
На белый город,

А белый город
На белый камень.
Ушел охотник.
Один камень остался.

1981

413. ПРО ВАНЮШКУ

Просит Ванюшка у мамушки:
— Испеки ты мне шанежки —
Целый пуд.
— А зачем тебе, Ванюшка,
Шанежек
Целый пуд?
— Я шанежки возьму
Да на торг пойду.
Продам я шанежки,
Получу за них денежки.
— А зачем тебе, Ваня, денежки?
— Куплю кафтан ала бархата,
Да сапожки козловые,
Да ружье куплю с насечками.
Как откину у кафтана полу,
Как топну три раза сапожками,
Как начну из ружья палить,
Бояре в городе испужаются,
Слуги боярские поразбегаются.
Заберу я у них казну,
Заберу и себе возьму.
— Ах ты, Ванюшка, глупый Ванюшка.
Бояре-то в городе сильные.
Не дадут тебе казну.
Лучше ты ступай ко сну.

1981

414

В этот час гений садится писать стихи.
В этот час сто талантов садятся писать стихи.
В этот час тыща профессионалов садятся писать стихи.
В этот час сто тыщ графоманов садятся писать стихи.
В этот час миллион одиноких девиц садятся писать стихи.
В этот час десять миллионов влюбленных юнцов
садятся писать стихи.

В результате этого грандиозного мероприятия
Рождается одно стихотворение.

Или гений, зачеркнув написанное,
Отправляется в гости.

18 ноября 1981

415

Перестрадаю, переболею,
А может, все же преодолею.
Свою болью, своей печалью
Себя от прочих я отличаю.
Как отличает любой из прочих
Себя в печалях своих полночных.
Мы все на этом, стоим на этом
И существуем лишь по приметам
Своих волнений, своей тревоги
И споткновений в своей дороге.

1981

416

Когда-нибудь я к вам приеду,
Когда-нибудь, когда-нибудь,
Когда почувствую победу,
Когда открою новый путь.

Когда-нибудь я вас увижу,
Когда-нибудь, когда-нибудь,
И жизнь свою возненавижу,
И к вам в слезах паду на грудь.

Когда-нибудь я вас застану,
Растерянную, как всегда.
Когда-нибудь я с вами кану
В мои минувшие года.

Декабрь 1980 — 1981

417

Поэзия должна быть странной,
Шальной, бессмысленной, туманной
И вместе ясной, как стекло,
И всем понятной, как тепло.

Как ключевая влага, чистой
И, словно дерево, ветвистой,

На все похожей, всем сродни.
И краткой, словно наши дни.

1981

418

Примеряться к вечным временам,
К бесконечным расстояниям —
Это все безмерно трудно нам,
 Вопреки стараньям.

Легче, если расстояние — пядь,
Если мера времени — минута.
Легче жить. Труднее умирать
 Почему-то.

27 декабря 1981

419

Теперь вы плачете. А где ж вы были,
Друзья-приятели, в тот смертный час,
Когда поэт привел себя к могиле
И жизнь покинул, не оборотясь.

Детдомовец, матрос, бедняк, бродяга,
В славянский дух и в Родину влюблен,
Не сделал бы он рокового шага,
Когда б услышал славы сладкий звон.

Подайте хлеба алчущим признанья,
Им поднесите сладкое вино.
Иначе их высокое призванье
Тщетою убитым быть осуждено.

Декабрь 1981

420. ПЕСЕНКА ГУСАРА

Когда мы были на войне,
Когда мы были на войне,
Там каждый думал о своей
Любимой или о жене.

И я бы тоже думать мог,
И я бы тоже думать мог,
Когда на трубочку глядел,
На голубой ее дымок.

Как ты когда-то мне лгала,
Как ты когда-то мне лгала,
Как сердце легкое свое
Другому другу отдала.

А я не думал ни о ком,
А я не думал ни о ком,
Я только трубочку курил
С турецким табаком...

Когда мы будем на войне,
Когда мы будем на войне,
Навстречу пулям понесусь
На молодом коне.

Я только верной пули жду,
Я только верной пули жду,
Что утолит мою печаль
И пресечет вражду.

1981 или 1982

421

Сплошные прощанья! С друзьями,
Которые вдруг умирают.
Сплошные прощанья! С мечтами,
Которые вдруг увядают.

С деревней, где окна забиты,
С долиной, где все опустело.
И с пестрой листвою ракиты,
Которая вдруг облетела.

С поэтом, что стал пустословом.
И с птицей, что не возвратится.
Навечно — прощание с кровом,
Под коим пришлось приютиться.

Прощанье со старой луною,
Прощанье с осенними днями.
Прощание века со мною.
Прощание времени с нами.

2 января 1982

Допиться до стихов —
Тогда и вышить стоит;
Когда, лишась оков,
По миру сердце стонет,

Тогда — хоть в дребадан,
В заклад хитон и лиру,
И голый, как Адам,
В Эдем брести по миру.

Беситься, тосковать
По дружбе и по братству...
И, падая в кровать,
Со стоном просыпаться...

1982

Да, мне повезло в этом мире —
Прийти и обняться с людьми
И быть тамадою на пире
Ума, благородства, любви.

А злобы и хитросплетений
Почти что и не замечать.
И только высоких мгновений
На жизни увидеть печать.

1982

А мы куда-то мчались
На поезде вдвоем,
Нимало не печалась
О будущем своем.

Вдоль телеграфных линий,
Под частый перестук
В простор глядели синий,
Не разжимая рук.

Как прядь твоя взлетала!
И воздух был тугой,
Был с запахом металла
И с дымною трубой.

А мы тогда не знали,
Что станция близка
И что грозят печали
С разлукой на века.

1982

425

Хотел бы я не умереть,
А жить в четвертом измеренье.
И равнодушно посмотреть
Оттуда на свое творенье.

Пожать плечом — там нет плеча,
И усмехнуться — смеха нету.
И просквозить, как тень луча,
Сквозь прежнюю свою планету.

1982

426

А<лексангру> Ш<апиро>

В последний раз со старым другом
Сижу и пью вино.
Тепло. Поет над вешним лугом
Пчелы веретено.

О, пойте, пчелы, пойте, пчелы.
Носите вешний мед.
Вы в этой жизни новоселы,
И вас работа ждет.

А мы с товарищем бесстрашны,
Мы пьем в последний раз.
И вскорости уйдем, безгласны,
Покинем, пчелы, вас.

1982

427. БАЛЛАДА

— Ты моей никогда не будешь,
Ты моей никогда не станешь,
Наяву меня не полюбишь
И во сне меня не обманешь...

На юру загорятся листья,
За горой загорится море.
По дороге промчатся рысью
Черноперых всадников двое.

10 Кони их пробегут меж холмами
По лесам в осеннем уборе,
И исчезнут они в тумане,
А за ними погаснет море.

Будут терпкие листья зыбки
На дубах старинного бора.
И останутся лишь обрывки
Их неясного разговора:

— Ты моим никогда не будешь,
Ты моим никогда не станешь.
20 Наяву меня не погубишь
И во сне меня не приманишь.

1982

428. КАМЕНЬ

Прежде я мог тесать
На холмах обильных.
Нынче я стал писать
На камнях могильных.

Прежде, взойдя на холмы,
Я пел.
Нынче гляжу на холмы —
Снег бел.

Все вокруг меня бело —
Бел снег.
Белым уже замело
Русла рек.

Можно из снега лепить,
Тесать из льда.
Можно из них летом испить —
Вода.

Что же! Можно испить —
Вода сладка.
Хочется в камень вбить
Тебя, строка.

Нет! Тому уж не быть.
Не та рука!

1982

429

В деревьях около воды
Запели вешние дрозды.
Их с каждым годом меньше.
А ручеек между камней
Весною каждой все мутней
И с каждым летом мельче.
И с каждым годом роща та,
Лишаясь дерева, куста,
Становится все реже.
Так наступает пустота;
Так изменяются места.
А говорят: все те же.

1982

430

Купаться в ключевой воде,
Вдыхать всей грудью воздух чистый
И взором на заре тенистой
Стремиться к молодой звезде.

Чего еще? В траве лежать,
Всю ночь прислушиваясь к полю.
И руку медленно разжать,
Чтоб сердце отпустить на волю.

3 марта 1982

431

Не исповедь, не проповедь,
Не музыка успеха —
Желание попробовать,
Как отвечает эхо,

Как наше настоящее
Поет морозной ранью
И как звучит стоящее
За вековую гранью.

1982

432. ШАРМАНЩИК

Шарманщик гуляет по свету.
Бредет по московским дворам.
Шарманочка музыку эту
Играет с грехом пополам.

Шарманщик встает спозаранку
И трудится до темноты.
«Шарманка моя, лихоманка!» —
И тут заедает лады.

10 «На улице ветер, ненастье.
А ты, мой органчик, играй.
А ты из коробочки счастье
Скорее достань, попугай!»

За счастье свое горожанка
Заплатит последний пятак.
«Шарманка моя, лихоманка,
Играй свою музыку так:

20 Таратам, таратам, таратам,
Таратам, таратам, тара...
С моим попугаем хохлатым
Стою посредине двора.

Шарманка, шарманка, шарманка
Меня довела до беды.
Шарманка моя, лихоманка...» —
И тут заедает лады.

Потом, после осени трудной,
Когда на бульварах черно,
Сидит он в подвале на Трубной,
Дает попугаю зерно.

30 За чашкой горячего чая
Сидит, молчалив и устал.
Ведь, счастье другим отдавая,
Он счастья себе не достал.

1982

Надоели поэтессы,
Их жеманство, их старенья.
Не важны их интересы,
Скучны их стихотворенья.

Выходите лучше замуж,
Лучше мальчиков рожайте,
Чем писать сто строчек за ночь
В утомительном азарте.

Не нудите постоянно,
Не страдайте слишком длинно,
Ведь была на свете Анна,
Ведь писала же Марина.

1982

И встану я. И слово канет.
И больше ничего не станет.
Рассвет, рассвет. Начало дня.
Но это будет без меня.

И яблонь юное цветенье,
И трав и злаков воскресенье,
И пчел весенняя возня —
Все это будет без меня.

И паруса нальются туго,
И вы обнимете друг друга,
На плечи головы склоня.
Но это будет без меня.

И все, и все. Навеки кану.
Уйду. И я уже не стану
Сидеть у вашего огня.
Все это будет без меня.

1982?

435. ОДА

России нужны слова о России,
Поскольку пути у нее не простые.

России нужны слова о правде,
Поскольку живет она правды ради.

России нужны слова о мире,
Поскольку недругов мы сломали.

России нужны слова о хлебе,
Поскольку живет она не на небе.

Живет не на небе? А может быть — в небе,
Поскольку так широки ее бреги.

Но ей не нужны слова о мести,
Поскольку хочет славы и чести.

Но ей не нужны слова о злобе,
Поскольку низвергнуты злобные боги.

А ей нужны слова о дороге,
Где новые вехи и новые сроки.

России нужны слова о великом,
Поскольку она велика и обильна.
Чтоб перед ее таинственным ликом
Они прозвучали свободно и сильно.

5 июня 1982

436

И вот я встал, забыл, забылся,
Устал от вымысла и смысла,
Стал, наконец, самим собой
Наедине с своей судьбой.

Я стал самим собой, не зная,
Зачем я стал собой. Как стая
Летит неведомо куда
В порыве вещего труда.

19 июня 1982

437. СТАРЫЙ ТЮТЧЕВ

Всю дряблость ноября с шатанием и скрипом,
Все всхлипыванья луж и шарканье дождя
И все разрывы струн в ночном канкане диком
Я опишу потом, немного погодя.

И скрою ту боязнь, что не дождусь рассвета,
Хоть знаю — нет конца канкану и дождю,
Хоть знаю — сколько дней до окончания света.
Об этом не скажу. Немного подожду.

Что означает ночь? Что нас уже приперло.
Приперло нас к стене. А время — к рубежу.
Вот подходящий час, чтоб перерезать горло.
Немного подожду. Покуда отложу.

Июль 1982

438

А если мир погибнет весь?
Неужто там, на дне вселенной,
Не вскрикнет кто-нибудь, смятенный,
О гибели почуяв весть?

И там — в нигде и в никогда, —
Где существует постоянство,
Не крикнет: вспыхнула звезда!
И через миг: она погасла!

А может, миг переворота
Никто на свете не узрит.
И пробу странную природа
Уж никогда не повторит.

10 июля 1982

439. ГРОЗА

Накатывается издалека.
Сначала громом конского обоза
По мостовой. Гуденьем сквозняка.
Потом паденьем тяжких бочек с воза.
Потом фугасным взрывом. А за ним
Витком сверхзвукового самолета.
И вскоре — адом, где удар и дым.
И упаданье дерева в болото.

Бушуй, бушуй! Ударь в меня, ударь,
Чтоб пал близ пенной кромки океана,
Где превращается смола в янтарь
И смерть, как жизнь, светла и первозданна.

1982

Когда сумеем угадать,
 Что объявился новый гений,
 Когда прольется благодать
 В пустые окна наших келий,

Он завоюет нас легко,
 Он смыслы новые заявит,
 И скоро новое лицо
 Словесность наша миру явит.

Усвоим мы его язык,
 В ученики пойдем смиренно.
 От наших пут и от вериг
 Освободимся постепенно.

Пришел бы он! Пришел бы он!
 Чтоб его имя воссияло,
 А мы чтоб стерлись в пыль времен,
 Как будто нас и не бывало.

1982

441. СКОМОРОХИ

Идут скоморохи по тусклым дорогам —
 По главному шляху, по малой дороге,
 Отвержены церковью, признаны Богом,
 По русским дорогам идут скоморохи.

Что могут они? Потешать, скоморохи.
 Что могут они? Рассмешить, скоморохи.
 А могут ли что-то решить скоморохи?
 Какие вопросы, в какие эпохи?

Навстречу — старуха с козой на аркане,
 Навстречу — артель мужиков с топорами,
 Навстречу боярин в брусничном кафтане.
 А там уже — город горит куполами.

Войдут они в город. Осмотрятся — где бы
 Устроить им игрища утречком рано.
 Для красных петрушек поставить вертепы —
 Поближе к базару, подальше от храма.

Как станут скакать и играть в балагане,
 Посмотрит старуха с козой на аркане,

Посмотрят артельщики и горожане
И даже боярин в брусничном кафтане.

Забудет старуха невзгоды и беды,
Забудут холопы кабальные нети,
Забудет боярин войну и победы,
Когда затанцуют козлы и медведи.

Пусть к злобе и мести взывают пророки,
Пускай кулаки воздвигают над веком,
Народу надежду внушат скоморохи
И смехом его напитают, как млеком.

Воспрянут старуха с козой на аркане,
Торговые люди, стрельцы, лесорубы,
И даже вельможа в брусничном кафтане.
И ангелы грянут в небесные трубы.

1982

442

И к чему ни прислушайся — все перепев...
Да, мой перепел, ты и себя перепел.
Но однажды, от радости оторопел,
Ты особую ноту поставил в пробел.

Ту, неверную, что остальным вопреки...
Но, мой перепел, я тебя не попрекну
Переломом мотива, крушеньем строки,
Несуразицу всю не поставлю в вину.

Пусть та нота — какая-то вовсе не та,
Да, мой перепел, дуй в нее, как стеклодув,
А когда не по горлу тебе высота,
Раздери клокотаньем разинутый клюв.

24 сентября 1982

443

Заскорузлые слова мои

мыслью истоми.

Мой язык и груб и неподатлив.
Разум мой и туп и непонятлив.

Я всю жизнь кляню себя, кляню.
Все равно я у себя в плену.

Я живу в том слове заскорузлом.
В том солдатском, в том природно-русском.

Конец 1982 или начало 1983

444—446. ВЕСНА

I

Вдруг становится хорошо,
Отчего — не поймешь.
Как точильное колесо,
Точит солнышко нож.

Узкий ножик весны,
Ее синюю сталь.
С этим звуком и мы
Устремляемся вдаль.

Ах, побольше печалей,
Побольше тревог!
Чище шорканье стали
О тугой оселок!

Смерть — вы знаете, что это?
Не конец, не беда —
Остановка сюжета
Навсегда, навсегда.

9 марта 1983

II

Все тянет меня к Подмоскovieю.
Я связан с ним детством и кровью.
Вы слышали дудку коровью
Когда-нибудь на заре?

Конечно, романтика стада
Уже устаревшею стала.
И — да! — остается нас мало,
Кто слыхивал выхлест кнута.
Эпоха настала не та.

Теперь уже слогом Гомера
Опишут купанье коней.
Но будет нарушена мера
У нас в отысканье корней.

Март 1983

III

Рассвет в огромном дереве —
Словно гнездо жар-птицы.
Солнцеобразно вделаны
В него большие спицы.

Весенний день высиживается
Золотой, как луковица.
И быстро солнце рыжее
Из скорлупы вылупливается.

22 марта 1983

447—450. ПТИЦЫ

I

О, как я птиц люблю весенних,
Не зная их по именам.
Я горожанин. В потрясениях
До этого ли было нам?

Я житель улиц, житель парков,
А не тайги и не степей.
И скромных городских подарков
Я жду от птиц и талых дней.

Март 1983

II

Музыка играет
В тихом кафетерии.
Воробей порхает
За окном на дереве.

Веселишься, малый,
На носу апрель.
Проживем, пожалуй,
Несколько недель.

Не позднее 1983

III

Словно пестрая корова,
Март пасется у реки.
Там от снежного покрова
Остаются островки.

Ожиданье ледохода
Наблюдается везде.
Любопытство небосвода
К лесу, полю и воде.

Не позднее 1983

IV

Люблю я март.
Вороний карк.
Зимы последний выплеск.
Грачиный крик,
Где спор возник
О пользе сочинительств.

И ветер свеж.
И вот рубеж
Между зимой и мартом.
Ветра судьбу
На берегу
Гадают нам по картам.

В раскладе карт —
Вороний карк
И вопли жадных чаек,
Грачиный шум,
Которым ум
И сердце отвечают.

Март 1983

451

Не мешай мне пить вино.
В нем таится вдохновенье.
Вдохновенье. А продленья
Нам добиться не дано.

Без вина судьба темна.
Угасает мой светильник.
Смерть — она не собутыльник,
К трезвости зовет она.

Можно ль жить, себя храня,
С чувством самобереженья?
Нет, нельзя среди сраженья
Уберечься от огня!

Ты уж так мне жить позволь,
Чтоб не обращал вниманья
На прерывистость дыханья
И тупую в сердце боль!..

Март 1983

452

Я в этой жизни милой
Изведал все пути.
Господь меня помилуй,
Господь меня прости.

Но суеты унылой
Не мог я побороть...
Господь меня помилуй,
Прости меня, Господь.

Да, в этой жизни, Боже,
Не избежал я лжи.
Карай меня построже,
Построже накажи.

1983?

453

Я вдаль ушел. Мне было грустно.
Любовь ушла. Ушло вино.
И я подумал про искусство:
А вправду — нужно ли оно?

Затем, зачем стремится гений
Познать ненужность бытия,
Ведь все мгновенней и мгновенней
И сокровенней жизнь моя!..

Март 1983

454. БАТЮШКОВ

Цель людей и цель планет —
К Богу тайная дорога.
Но какая цель у Бога?
Неужели цели нет?..

Март 1983

— О люди, о люди! — вопит Прометей, —
Спасите меня из орлиных когтей!

Прожег меня уголь в корявых горстях,
Болит моя печень в кровавых когтях.

Спасите меня от огня и орла!
Молчанье в ответ. И крошечная мгла.

10 октября 1983

Я многого хочу.

К примеру — зимы морозной,
Чтобы сугроб в сажень
И чтоб дымок курился папиросный
Над кровлями деревень.

Чтобы трещал мороз
И чтоб светило,
Погружено в небесный купорос,
Едва светило.

Чтоб были дни короче
Фразы Цезаря
И ледяными литерами врезаны
Посередине ночи.

Чтобы пронзительные очи холода
Глядели строго,
Чтобы звезда была приколота
На грудь сугроба.

15 ноября 1983

457. СМЕХ В ОТДАЛЕНЬЕ

Смех молодых женщин: впереди
По улице. Смех молодых мужчин.
Уж, кажется, смеяться нет причин —
Дожди.

А стать зимой
Никак не соберется осень...
О боже мой,
Как смех разноголосен!

Как много в нем значений, величин,
Какой раскат и вольный дых —
Смех молодых мужчин,
Смех женщин молодых.

Смех музыке сродни —
Рулады, переливы.
Наверное, они
Прекрасны и счастливы.

А между тем — дожди,
Скрип сосен канифольный.
А там, по улице, там, впереди,
Смех молодой и вольный.

В их смехе — к жизни прикрепленность,
И ожиданье свежих зим,
И века дикого смиренность,
И принадлежность молодым.

1983?

458. ОБЛИКИ ОБЛАКА

Наблюдая, как тысячи
Наблюдают облака,
Вижу я, как в них неровно высечен
Образ века и не наверняка.

Можно видеть в утреннем облаке
Текущие лики и облики:
Космические вихри атома
И рядом профиль Курчатова.

И чему-то вселенскому родственно,
И стоустой молвы стоустей —
Нежное лицо Высоцкого,
Полное печали и предчувствий.

28 ноября 1983

459. ОЖИДАНИЕ ПРИШЕСТВИЯ

Вглядываюсь в юные лица:
Может быть, это Он,
Который должен явиться
Вестником новых времен.

Может, вон тот, с лицом неприметным,
В глупом беленьком петушке,
Записывает на коробке сигаретном
Ручкой за 35 к. —

Такое, что все закачаются,
Потому что все шары — в лузы,
И возликуют печальницы,
Русские музы.

Может, от этой поступи,
Ритмом звучащей в холоде,
Что-то случится в воздухе
И произойдет в городе.

Может быть, это таяние
Снега на косогорах
Выльется в сочетание
Новых имен и глаголов.

И может быть, потепление —
Не результат циклона,
А результат скопления
Новой воли и слова.

Нет ничего скромнее пришествий.
Звоном и лаврами они не венчаются.
Лишь улыбнутся в сонме созвездий
Русские музы — наши печальницы.

11 декабря 1983

460. ПЕСЕНКА

Ю<лю> К<иму>

Печечка залепетала.
Что она мне нашептала
Жарким шепотом ольхи?
Нашептала мне стихи.

На дворе пурга сырая,
А она поет, сгорая.
А когда сгорит дотла,
Даст мне несколько тепла.

Печечка, гуди послушно.
Без тебя мне очень скучно,

Очень скучно без друзей
И без юности моей.

Декабрь 1983

461

Всю ночь сегодня буря выла
И море зимнее бесилось.
И оттого так смутно было,
И думал я про нашу сирость.

Неужто есть конец, начало,
Но в мире — нам подобных нету?
И оттого так страшно стало
За одинокую планету.

А утром волны отрычали,
Снега от солнца заблестали.
И оттого так беспечальны
Мне дни грядущие предстали.

31 декабря 1983

462

Здесь, вдали, неизвестно — кто умер, кто жив.
Просто письма не пишут.
Здесь всегда перед окнами дышит Залив.
А друзья уж не дышат.

Пусть дыханье залива сольется с моим.
Его ветром объаты,
Вместе с ним океанской слезой утолим
Горечь каждой утраты.

Май 1983 — конец 1983 или начало 1984

463. ЗИМА

Об удовольствиях весны
Железные мечтают сосны.
Дни нераздельны и ясны.
Снега задумчивы и косны.

Не позднее 1984

464. САМОЗВАНЕЦ

Как мы встанем с клинками,
Как мы по степу свистнем.
Царь Димитрий скликает
Потягаться с Борисом.

Соберемся мы, воры,
Ко городу Кромы,
Задрожат воеводы
От нашего грома.

К нам в кафтане малиновом
Царь Димитрий выходит.
Он полячку Марину нам
На крылечко выводит.

Ох, бесстыжи глаза его!
Да зареяло зарево!
Чтобы выше зареяло,
Подыграем игре его.

Ох, и будет дым!
А там поглядим —
И спровадим прочь
Из царей его!

Не позднее 1984

465

А<льфонсасу> М<алгонису>

Люблю тебя, Литва! Старинная вражда
Остыла. И мечи — давно добыча ржави.
Нас повела одна высокая звезда
И нам судила жить в одной державе.

Давно осуждено поправление святынь.
Простили мы тебя, и ты прости нас.
И нынче тешит слух имен твоих латынь:
Марцелиус, Юстинас.

10 Литва, молись за нас! Я за тебя молюсь.
Мы вдруг соединим Царьград с великим Римом.
И слезы потекут из глаз,
Разъедены отчизны общим дымом.

Мой друг! И мой поэт! Нас не разъединит
 Различие языков и вер разъединенье.
 Одною пулей будешь ты убит
 Со мною рядом. И одно мгновенье

Мы проживем. Ах! Нам недолго жить...
 Литва, не уходи, ведь без тебя мне пусто.
 Нет, Альфонсас, теперь уж не прервется нить
 Любви, судьбы, искусства.

Декабрь 1983 — 1984

466

Вечность — предположение —
 Есть набирание сил
 Для остановки движенья
 В круговращенье светил.

Время — только отсрочка,
 Пространство — только порог.
 А цель Вселенной — точка.
 И эта точка Бог.

Конец 1983 или начало 1984

467

Перед тобой стоит туман,
 А позади — вода,
 А под тобой сыра земля,
 А над тобой звезда.

Но в мире ты не одинок,
 Покуда чуешь ты
 Движение моря и земли,
 Тумана и звезды;

Покуда знаешь о себе,
 Что ты проводишь дни
 Как неживое существо,
 Такое, как они.

А большего не надо знать,
 Все прочее — обман.
 Поет звезда, летит прибор,
 Земля ушла в туман...

16 января 1984

Луна взошла. Спасибо ей!
 Как редко мы
 Благодарим за свет. Пролей
 Сиянье среди тьмы!

Благодарю тебя, Луна,
 За этот светлый час.
 Ведь я не знал, что времена
 Должны упасть на нас.

16 или 17 января 1984

Светлые печали,
 Легкая тоска
 По небу промчали,
 Словно облака.

А по ним осталось
 Все, что я сберег:
 Легкость, свет и старость,
 Море и песок.

17 января 1984

Л<игии> Л<ибединской>

Отвези меня в Грузию! Здесь я хочу умереть.
 Но сначала хочу поглядеть со скалы над Сигнахи
 На долину, где осень кует виноградную медь
 И стоят полукружием горы, надвинув папаху.

В Алазанской долине пои меня местным вином,
 Я потом буду долго жевать золотую чурчхелу.
 Увези меня в Грузию, друг, приведи меня в дом.
 Только здесь я сумею отдаться последнему делу.

Только здесь, где однажды запели Шота и Важа,
 Только здесь, где стояла препона всевластью ислама,
 Только здесь, где судьба доведет меня до рубежа,
 Только в Грузии, здесь, и начнется последняя драма.

Пусть я буду дыханием холмов ее освежен.
Пусть я буду объят, опоен ее долей и волей,
Византийскою нежностью тонких грузинских княжон
И меддительным вежеством добрых крестьянских застолий.

Отвези меня в Грузию! Здесь я хочу умереть.
Здесь, с друзьями, окончится вдруг ощущение чужбины.
И еще я хочу, и еще я хочу посмотреть
Со Сигнахских высот в глубину Алазанской долины.

Январь—февраль 1984

471

Не преуменьшать
И не преувеличивать.
Знаю я прилипчивость
Преувеличений.
А преуменьшений
Главная опасность —
Целое, великое
Принимать за частность.

1984

472. РОМАНС

Поворожи, цыганка,
На картах погадай,
Ограбь меня до нитки,
Но молодость отдай!

Обобранный до нитки,
Неловкий, молодой,
Поеду я в пролетке
С лошадкой гнедой.

10

— Скажи-ка мне, извозчик,
Куда меня везешь?
Ведь у меня в кармане
Один несчастный грош.

Извозчик мне ответит:
— Не можешь — не плати.
Ведь сам не знаешь, малый,
Куда тебя везти!

Не молодой, не старый,
Не мертвый, не живой,

20 Обобранный до нитки,
Я побреду Москвой.

И вдруг — знакомый дворик,
Где сушится белье.
— Привет, мой друг Татьяна,
Пусти меня в жилье.

— Прости меня, мой милый,
Что не могу пустить.
За то, что не любила,
Не можешь мне простить.

30 Я отойду печальный —
Все вспомнил, все забыл.
— Тебя, мой друг Татьяна,
Так мало я любил!

Забыто — не забыто.
И больно. И светло.
И то, что будет после,
Уже произошло.

15 февраля 1984

473

Играй, Игнат, греми, цимбал!
Под скрипку и цимбал
Вот здесь я Анну целовал
И слезы проливал.

Играй, Игнат! Игра твоя
Хмельнее, чем вино.
Играй! Ведь молодость моя
Отыграна давно!

Со мной играли бой и смерть,
Начало и конец.
Со мной играли сталь и медь,
И порох, и свинец.

Со мной играли дождь и снег,
Фугас и самолет.
Со мной играл Нечеловек
И сорок первый год.

Играй, цыган! Играй, Игнат!
Терзай струну, как зверь,

Во имя всех моих наград
И всех моих потерь.

Ведь здесь последний мой привал,
Где ты тогда играл
И где я Анну целовал
И слезы проливал.

16 февраля 1984

474

Познать свой век не в силах мы!
Мы в нем, как жители тюрьмы,
Заброшены и одиноки,
Печально отбываем сроки.

Потом историк и певец
Преобразят тюрьму в дворец
И, всю эпоху перестроив,
Отыщут в ней своих героев.

И на единый пьедестал
Тогда их возведет ученый,
Чтобы палач иль заключенный
Перед потомками предстал.
И, славы предков сберегатель,
На них какой-нибудь ваятель
Употребит один металл.

1984

475. НОЧНАЯ ПРОГУЛКА

Ветер звал. Тропа вела.
Желтый мед луна пила.

Ночь была большой и сильной,
Как табун степных коней.
Лишь потом полоской синей
Прочертилось утро в ней.
Посерели небеса.
И заплакала роса.

В небесах уже мельчали
Кучи звездного зерна.
И, как сахар в желтом чае,
Быстро таяла луна.

Ветер звал. Тропа вела.
Солнце грызло удила.

1984?

476

Чудо — познаваемость вселенной
И с природой дивный диалог.
Этот чистый, темный и целебный
Рек, небес, пустынь и моря слог.

Этих гор возвышенные оды,
Пестрые элегии лесов,
Разговор осмысленной Природы,
Примечанья птичьих голосов.

Осторожней принимай признанья
И о тайнах сбивчивый рассказ.
Что-то пусть останется за гранью,
В любопытстве сдерживая нас.

1984?

477

Когда кругом цветут сады,
Душа, забывшись, отдыхает
От суесловья и вражды
И свежесть яблони вдыхает.

Она устала прозревать
Грядущее. Она устала
Прошедшее переживать,
Минувшее твердить с начала.

Она устала от оков
И, отдыхая, вновь готова
Поверить в свежесть облаков
И в святость образа людского.

1984

478

Когда уже надежды нет,
И опостылел белый свет,
И невозможно жить с людьми,
О Господи, подай любви!

Когда нет солнца в небесах,
И птицы не поют в лесах,
И в синем море нет ладьи,
О Господи, подай любви!

Когда почти что свет угас
И близится последний час,
Душа, в порыве воззови:
О Господи, подай любви!

Когда уже лежишь на дне,
Не мысля о грядущем дне,
Но что-то теплится в крови:
О Господи, подай любви!

Июнь 1984

479

Сад — это вовсе не природа,
А означенье перехода
От грустной осени к зиме,
От неба серого к земле.

Сад — это рассветанье в окнах,
Через окно — огромность лиц,
Где тишина лежит, промокнув,
И холод ей равновелик.

Ах, как мне надоело это —
Холодная зима и лето,
Времен скрипучий переход,
Что длится уж который год!..

Июнь 1984

480

А на рассвете дрозд поет.
Проснувшись, вновь тоскую.
Ведь невозможен поворот
Обратно, в жизнь мирскую.

Есть что-то нелюдское в том,
Как я живу, пытаюсь
Себя изобразить пером,
И как пишу, отчаясь.

А на рассвете свищет дрозд
И тенькают синицы.
И росы падают со звезд
Деревьям на ресницы.

Июнь 1984

481

Знаю: дерево это в июне
Достигает духовных высот.
Как роскошно оно в новолунье,
Как сильны его запах и пот!

Расстиляется лунная пажить,
Расплаваясь в рассветном дыму.
Молча дерево что-нибудь скажет,
Молча месяц ответит ему.

Друг на друга с улыбкою глянут
И увидят, что скоро рассвет.
И тогда уж пернатые грянут
Уходящему месяцу вслед.

1984?

482

Путь мой юный, свет мой ранний,
Долгий свет солнцестояний.

Будут дни чуть-чуть короче,
Будут чуть длиннее ночи.

Будут чуть длиннее ночи,
Будут чуть грустнее очи.

Чуть грустнее, чуть печальней,
Свет мой поздний, путь недальний.

1984

483

Какой могучий ветер
Всю ночь дул от залива!
Деревья на рассвете
Качались боязливо.

Пока еще зависим
От бури и от шторма,
Мне не пишете писем,
Их содержание — вздорно.

Декабрь 1983 — 20 июля 1984

484. В. СОКОЛОВУ

Какая это все мура —
Со смертью жалкая игра!
Какая это робость мысли,
Что смерть есть жизнь
В известном смысле.

И вправду ли тебе известен
Тот смысл?
И если будешь честен,
Напрасно не произнесешь
10 Нас унижающую ложь.

О, жизнь есть смерть,
В известном смысле.
Вот, видишь, яблоки нависли,
Вот, видишь, покраснел томат.
Все это ты, мой бедный брат.

Ты жил, чтоб стать томатной пастой...
А жизнь твоя была опасной.
Ты был поэтом, Соколов!
Теперь тобой заправят плов.

20 Напрасно, милый мой Володя,
Надеяться на что-то вроде
Бессмертья. Ты — матерьялист.
И даже я. И все нам ясно.
И видимо, живем напрасно.
И кажется, уйдем в навоз.
Мы станем удобреньем роз.

Февраль—июль 1984

485

Водил цыган медведя,
Плясал его медведь,
А зрители-любители
Ему бросали медь.

И девочка-цыганочка,
Как вишенки зрачки,
Ловила в звонкий бубен
Монетки-пяточки.

А как она плясала —
Плясала, как жила.
И ножками притопывала,
И плечиком вела.

Пляши, моя цыганочка,
Под дождичком пляши,
Пляши и для монетки,
А также для души.

В существованье нашем
Есть что-то и твое:
Ради монетки пляшем —
И все ж не для нее.

15—16 февраля — 23 июля 1984

486. ПЕСНЯ БЕЗ СЛОВ

Хотел бы сказать тебе:
«Радость моя!» —
Но радость мне не по годам.
Хотел бы сказать тебе:
«Сердце мое!» —
Но сердце тебе не отдам.

Хотел бы сказать тебе:
«Счастье мое!» —
Но счастьем я не дорожу.
Раскланяюсь молча
При встрече с тобой.
И молча вослед погляжу.

25 июля 1984

487

Закатам облака к лицу,
Как Пушкину и Лермонтову гибель.
Подобен краткий ливень
Лиловому свинцу.

Когда закат похож на бой,
Взлетают грозные богини.

Здесь не сражение меж собой,
А бой меж нами и другими.

Конец 1983 — 30 июля 1984

488

А помнишь, ты была тогда
Беспмятной воды —
На светлой глади ни следа,
Ни складки, ни черты.

Мы не останемся нигде
И канем в глубь веков,
Как отражение на воде
Небес и облаков.

Июль — 4 августа 1984

489. ПУШКИН ПО РАДИО

Возле разбитого вокзала
Нешадно радио орало
Вороньим голосом. Но вдруг,
К нему прислушавшись, я понял,
Что все его слова я помнил.
Читали Пушкина.

Вокруг

10 Сновали бабы и солдаты,
Шел торг военный, небогатый,
И вшивый клокотал майдан.
Гремели на путях составы.
«Любви, надежды, тихой славы
Недолго тешил нас обман».

Мы это изучали в школе
И строки позабыли вскоре —
Во времена боев и ран.
Броски, атаки, переправы...
«Исчезли юные забавы,
Как сон, как утренний туман».

20 С двумя девчонками шальными
Я познакомился. И с ними
Готов был завести роман.
Смеялись юные шалавы...
«Любви, надежды, тихой славы
Недолго тешил нас обман».

Вдали сиял пейзаж вечерний.
На ветлах гнезда в виде терний.
Я обнимал девичий стан.
Ее слова были лукавы.
30 «Исчезли юные забавы,
Как сон, как утренний туман».

И вдруг бомбежка. Мессершмитты.
Мы бросились в кювет. Убиты
Фугаской грязный мальчуган
И старец, грозный, величавый.
«Любви, надежды, тихой славы
Недолго тешил нас обман».

Я был живой. Девчонки тоже.
Туманно было, но погоже.
40 Вокзал взрывался, как вулкан.
И дымы поднялись, курчавы.
«Исчезли юные забавы,
Как сон, как утренний туман».

Август 1984

490. УБИЕНИЕ УГЛИЦКОЕ

Был Феодор добрый царь,
Да дела не ладились.
Говорили: преставится,
Все тогда поправится.
Говорили: отдохнем
От царя от грозного.
А при Феодоре, при нем
Много было розного.
10 Если бы не царский шурин,
Если б не Борис,
Все б передрались.

А Борис, царский шурин,
Был умом светел.
Он царя мишурил,
В государи метил.

А Дмитрия убили,
Сына грозного царя.
Поздно, поздно
Прибежали лекаря.
20 Мать-царицу откачивали,
В покой внеся.

Ах, нельзя убивать маленьких,
Убивать нельзя!

Лежал он бледный, беленький
Среди желтых свечей.
Мог бы стать помазанником,
А теперь он ничей.

30 Государем мог бы стать строгим,
 Страшным государем быть,
 Головы приказал бы рубить,
 Свирепей батюшки быть,
 Недругов разя!
 А все равно: маленьких
 Убивать нельзя!

Ой, — горевал Феодор!
Ай, — утешал Борис!
А после сего события
Только начались.

40 Нарядили следствие.
 Шуйские князя
 Приговорили: маленьких
 Убивать нельзя.
 А его, царевича,
 Никто и не убивал...
 Играл, играл
 Да напоролся
 На кинжал.

50 Ой, — горевал Феодор!
 Ай, — утешал Борис!
 А тут-то они, события,
 Другие начались.

Помер, помер царь Феодор.
Упросили стать Бориса.
Стал татарин, царский шурин,
Государем всея Руси.
И опять дела не пошли на лад:
Всюду глад и мор,
Всюду мор и глад.

60 Но тут заговорили:
 Димитрий бежал,
 Он не напоролся
 На кинжал.

Говорили: Гришка,
Беглый монах.
А про Бориса — царишко,
Не в своих, дескать, чинах.
Говорили: маленького
Убивать нельзя,
У него особая стезя.
70 Маленького не убили,
Маленького схоронили,
Схоронили в девичьей.
Не так просто убить царевичей!

И пришел царевич — Димитрий
С ляхами.
Архиереи хватались за митры,
Ахали.
И заколебалась
Русь вся.

80 Убивать маленьких
Нельзя..
Ведь дети, они слабеньки,
Что хочешь с ними твори.
А достойны сабельки
Взрослые цари.

Ой и помер Борис
За злодейство свое.
Ой и Шуйский ушел
За лукавство свое!
90 И по всей Руси
Началась резня.

Потому что маленьких
Убивать нельзя!..

8 августа 1984

491

В мире многообразном
Есть ясность и туман.
Пока предмет не назван,
Он непонятен нам.

Спрашиваем в страхе:
Кто он, откуда, чей?
Слова — смирительные рубахи
Для ошалевших вещей.

Между маем 1983 и октябрем 1984

492. СТАРАЯ МАМА

Как червячок,
Закутавшийся в кокон,
Полуслепая
И полуглухая,
Она грызет тихонько
Домик свой,
Чтоб маленькою бабочкой взлететь
И, шелк судьбы оставив, умереть.

1984

493. ПАРТИЗАНЫ

Спасаться от огня и от набега,
Спасать скотов, добро, себя и чад
Простительно.
Пусть же нас простят
Герои войн и мученики века.

Славнее те, кто не бежит от бед,
Кто в страшный час свой край не покидает,
А вместе с ним воюет и страдает,
И гибнет, не доживши до побед.

1984

494. МОГИЛА ПОЭТА

Памяти Л<еоны> Т<оома>

О нем и память уж почти мертва.
Ушла с друзьями.

Камень и могила
Заросшая. А та, что хоронила,
Его забыла и еще жива.

Земная память, в общем, пустыки.
Когда-то, может, вспомнятся стихи,
Совсем в другом, нездешнем пониманье.
Да не стихи! Две-три строки,

отнюдь

Не лучшие.

Их нынешняя суть
Скорей всего не привлечет вниманья.

Не позднее 1985

495. ЗИМНИЙ КОМАР

Зима. И вдруг — комар. Он объявился в доме,
Звенит себе, поет, как летнею порой.
Откуда ты, комар? Как уцелел в разгроме?
Ты жив еще, комар? Ты — истинный герой!

А на дворе метель. И ночь зимы ненастной.
В окне сплошная темь. В стекло гремят ветра.
А здесь поет комар — уже он безопасный.
И можно уважать упорство комара.

Он с лета присмотрел укромное местечко.
И вот теперь гудит, как малый вертолет.
Слились в единый хор метель, и он, и печка.
Не бейте комара! Пускай себе поет!

А может быть, придут дни поздних сожалений,
И мы сообразим, что в равновесье сил —
Ветров и облаков, животных и растений —
Он жил совсем не зря и пользу приносил.

И будет славен он, зловредный сын болота,
И в Красной книге как редчайший зверь храним,
И будет на него запрещена охота,
И станет браконьер охотиться за ним.

Гудит, поет комар, ликует напоследок,
Он уцелел в щели и рассказал о том.
Не бейте комара хотя б за то, что редок.
А польза или вред узнаются потом.

1985

496. ЗА ГОРОДОМ

Тот запах вымытых волос,
Благоуханье свежей кожи!
И поцелуй в глаза, от слез
Соленые, и в губы тоже.

И кучевые облака,
Курчавящиеся над чашей.
И спящая твоя рука,
И спящий лоб, и локон спящий.

Повремени, певец разлук!
Мы скоро разойдемся сами.
Не разнимай сплетенных рук,
Не разлучай уста с устами.

Ведь кучевые облака
Весь день курчавятся над чашей.
И слышится издалека
Дневной кукушки счет горчащий.

Не лги, не лги, считая дни,
Кукушка — мы живем часами...
Певец разлук, повремени!
Мы скоро разойдемся сами.

1985?

497

Мороз! Накликал сам! Ведь слово — колдовство!
Пророчества свои произносить не стоит.
А я призвал Мороз! Зачем призвал его?
Теперь, как псы, у нас ночами печки воют.

Мы можем иногда владеть толпой причин
И силою молитв влиять на ход вселенной.
Но следствия темны. Так лучше помолчим.
И лучше не дадим свободы воле пленной.

2 марта 1985

498. НАЗНАЧЕНИЕ

Творец, вдохновенью доверься,
Как чистой и вольной реке,
Доверься велению сердца,
Внезапной и странной строке.

Доверься дыханью свободы,
И тут же себя обретешь,
Рисуя окрестной природы
Свой неповторимый чертеж.

Существенность без искажений.
Сомненье без зла и хулы.
И твердая сила Ученья
Без метафизической мглы.

Поменьше самооправданий
И жалоб на грубость судьбы.
Суровое счастье страданий
Вдали от дотошной толпы.

Январь 1984 — март 1985

499. В НОЧНОМ

Были ветер и дым.
Были травы и кони.
Совершенством своим
Конь подобен иконе.

Так же чист его лик,
Так же взор его светел.
Были луг и тальник,
Были травы и ветер.

Был костер и казан,
Полунощная птица.
Конь, луна и цыган.
Сны, которым не сбыться.

1985

500. ПОСЛЕ СУРОВОЙ ЗИМЫ

Снег все же начал таять. Суть
Победна. И весна, хоть робко,
Но начала торить свой путь.
Уже подтаивает тропка.

Черны, крепки деревья так
В рисунке своего скелета,
Что могут сохранить костяк
В роскошном оперенье лета.

Уже на новом рубеже
Стоят небесные светила.
И время летнее уже
Нам радио провозгласило.

Так побеждает суть. В саду
Вокруг деревьев глубже лунки.
И радуют на холоду
Синиц серебряные струнки.

Суть времени уже ясна.
Пусть неуступчива погода,
Грядут иные времена,
Извечно, как у Гесиода.

Снег начал таять. В этом суть.
И здесь мерило высшей пробы.

Уже весна торит свой путь.
А формы тают, как сугробы.

16 марта 1985

501. ОСЕНЬ

Д<митрию> Х<ренкову>

В уходе есть свое величье.
Когда, не подсчитав потерь,
Выходят прямо в безграничье
И не запахивают дверь.

Перед морозом, перед снегом,
Перед бесчинством непогод.
И можно ли считать побегом
Великой Осени уход?

10 Уж ветер северо-восточный
В листве копается, сварлив,
Как архивариус дотошный,
Долистывающий архив.

А тот архив уже не нужен.
Отказываться нам пора
От стилистических жемчужин,
От легких шалостей пера.

20 Ступай вдоль серого залива,
Мечи следы на пляж пустой,
Беседуя неторопливо
С землей, водой и высотой.

1985

502

Нам надо бы закрыться,
Замкнуться ото всех.
Не видеть чужие лица,
А видеть белый снег.

Закрыться лет на триста
И жить в своей норе.
И чтобы декабристы
Не строились в каре.

Чтоб было тихо-тихо,
Без выплесков и драм.
Всесветная шумиха
Чтоб не мешала нам.

Чтоб силы накопили,
Чтоб волю сберегли.
Чтоб ложью нас не сбили
И правдой не сожгли.

Лежать нам в белой люльке
Между добром и злом...
И только снег в проулке —
Серебряным крылом.

И никого при этом
Чтоб не нарушить сон...
А где-то за проспектом
Чтоб спал микрорайон.

Чтоб все микрорайоны
При станциях метро
Посапывали сонно,
Когда вокруг мертво.

Чтоб все микрорайоны
Сдвигались. И тогда
Нас будут не миллионы,
А станут города.

И отомкнет столица
Подземные колеи.
Увидит чужие лица
И разглядит свои.

И выйдут все из комнат,
Словно услышав весть.
Тогда поймут и вспомнят,
Что и другие есть.

И посреди разброда,
Который в этом миру,
Воспрянет душа народа,
Проснувшегося поутру.

1983—1985?

503. ДИАЛЕКТИКА

Мы — самозванцы,
Выдающие себя
За собеседников богов.
Притворщики,
Которым верит простодушный,
Что разумеют жалобы лугов,
Восторг лесов
И лепет облака воздушный.
И все ж не надо так себя уничивать.
Мы —

зеркала,
Где все отображенья
Чудесно множатся
И движутся, дробясь,
Напоминая каждого из вас.
Мы —

это вы,
Не лучше и не плоше.
Когда вам весело,
Мы веселимся тоже.
Когда вы злы,
Мы тоже злы.
Нет высшей похвалы,
Чем та, когда
Нас путают:
С читателем —

поэта.

А если различат —
Не очень важно это.

1985?

504—536. БЕАТРИЧЕ

Откуда Беатриче? Да еще не под синим небом Италии, а на фоне хмурой Прибалтики? Оттуда же, откуда многие Дамы Блока — из знаковой системы культуры. Культура накапливает образы, понятия и опыт чувств. Все, кто соприкоснется с культурой, не могут не усваивать ее знаковых значений.

Для меня Беатриче — знак суровой, требовательной и неосуществленной любви.

Мой цикл сложился как ряд переживаний, связанных с категориями чувств.

Ссылка на накопленные значения составляет суть культурной традиции, вне которой не существует развитая поэзия. Она есть и в шестикрылом серафиме Пушкина, и в сапoge ломающего каноны Маяковского, где гвоздь кошмарней фантазии Гете.

Один критик, сторонник поэзии «простодушной», уже успел упрекнуть меня в книжности, наткнувшись в моем цикле на имена Беатриче, Лауры, Данте, Петрарки и Дон Кихота. Наверное, ученые педанты, со своей стороны, упрекнули меня в невежестве относительно реалий подлинных отношений Данте и Беатриче.

Выше я ответил тому и другим.

<1>. БЕАТРИЧЕ

Говорят, Беатриче была горожанка,
Некрасивая, толстая, злая.
Но упала любовь на сурового Данта,
Как на камень серьга золотая.

Он ее подобрал. И рассматривал долго.
И смотрел и держал на ладони.
И забрал навсегда. И запел от восторга
О своей некрасивой мадонне.

А она, несмотря на свою неученость,
Вдруг расслышала в кухонном гаме
Тайный зов. И узнала свою обреченность.
И надела набор с жемчугами.

И, свою обреченность почувствовав скромно,
Хорошела, худела, бледнела,
Обрела розоватую матовость, словно
Мертвый жемчуг близ теплого тела.

Он же издали сетовал на безответность
И не знал, озаренный веками,
Каково было ей, обреченной на вечность,
Спорить в лавочках с зеленщиками.

В шумном доме орали драчливые дети,
Слуги бегали, хлопали двери.
Но они были двое. Не нужен был третий
Этой женщине и Алигьери.

<2>. АВТОБУСНАЯ ОСТАНОВКА «ЛАУРИ»

У нас с тобой каникулы
В круглогодичной школе
Взаимных обучений.
Кругом леса и выгоны.
Дорога вьется в поле.
Автобус предвечерний.

А остановка «Лаури»
Вдруг может стать Лаурой,
На фоне ровной травки
Возможно в светлой ауре
Среди природы хмурой
Явление Петрарки.

Откуда здесь? В неведение.
Но где-то за лугами,
Где не подозревают,
«Божественной комедии»
Зловещими кругами
Округа созревает.

А дальше — силы женственной
Два образа, что мѣлы
Душе в своем различье.
Поэзии божественной
Две жертвы. Две могилы.
Лаура. Беатриче.

<3>

Ждать не умею! Вмиг! Через минуту!
Ведь каждый миг я изменяюсь сам.
А нынче мне приснилось почему-то,
Что мы живем по солнечным часам.

А солнца нет. В душе темно, как в штольне.
И циферблат луны туманом скрыт.
И лишь на вильяндиской колокольне
Двенадцатый удар. Звонарь не спит.

<4>

Желанье и совесть — две чаши
Весов. Если нет равновесья,
Желанья бессовестны наши.
А совесть — сплошное увечье.
И в самоубийственном раже,
Как жуткий пожар чернолесья,
Дымится нутро человечье.

<5>. ДЕНЬ

Увижу рассвет за венозным окном,
Пойму, что не надо тягаться со сном.

Теперь уже можно не спать, не дремать,
А лишь ожиданьем себя донимать.

А дождь не стихает и днем.

Сперва буду ждать вдохновенной строки.
Но рифмы трещат, как стропила.
Да! Боги мои обжигают горшки,
А я лишь леплю их уныло.

Потом ожидать начинаю письма.
И жду, чтобы дети восстали от сна.
И чтобы ты кофе сварила.
И чтобы ты заговорила.

Но оба мы ждать начинаем врага.
Ты соль уронила вблизи очага.
Ах, жаль, что солонку разбила!

Сначала его я хотел бы убить.
А после — его я хотел бы забыть.
А после — его я хотел бы любить.
Как мертвого любит могила.
А может быть, даже сильнее стократ.
Но вскоре уже наступает закат.

А дождь все шумит за венозным окном.
И можно утешиться только вином,
А может, ударом булата.
Все ждать, ожидать и опять ожидать,
И ждать, чтобы все повторилось опять.
Чтоб кончилось это когда-то.

<6>. ДОН КИХОТ

Так за день устаю от битвы с ветряками
И от фантазии испанской,
Что к вечеру хочу в трактире с мужиками
Стать Санчо Пансой.
Смешной старик, худой, седоволосый,
Молчу. Кому нужна изысканная проза!
Молчу и слушаю. Но вдруг бледнею,
Когда заговорят про Дульцинею,
Про Дульцинею из Тобозо!

Что говорят о ней, о девке с сеновала!
Смешной гидальго, встань, ведь ночь не миновала,
Клюй до утра свое небесное зерно.
А утром вновь пойдешь войной на мнимых чудищ.

Но с Санчо Пансой воевать не будешь.
Да и ему с тобой сразиться не дано.

<7>

Ты подарила мне вино,
Как крепость старому вину.

Сперва меня давила в чане,
Как кахетинские крестьяне
Тугие грозди Алазани
Жмут, беспощадные к плодам.

Потом меня лишила плоти.
А кровь мою, что изопьете,
Я при застолье вам подам.

<8>. СТРАСТЬ

В страстях, в которых нет таланта,
Заложено самоубийство
Или убийство. Страсти Данта
Равны ему. Растут ветвисто.

Страсть — вовсе не прообраз адюльтера.
В ней слепота соседствует с прозреньем,
С безмерностью — изысканная мера:
Слиянье Бога со своим твореньем.

В ней вожделенья нет. И плотью в ней не пахнет.
Есть страсть духовная. Все остальное — ложь.
И криворотый образ леди Макбет,
Которая под фартук прячет нож.

<9>

Вот в эту пору листопада,
Где ветра кислое вино,
Когда и лишних слез не надо —
В глазницах сада их полно,

Тебя умею пожалеть.
Понять умею. Но доньше
Никто не мог преодолеть
Твоей заботливой гордыни.

Ты и сама над ней не властна,
Как все не властны над судьбой.

А осень гибелью опасна.
И прямо в горло бьет прибой.

<10>

Соври, что любишь! Если ложь
Добра, то будь благословенна!
Неужто лучше ржавый нож
И перерезанная вена?

Да! Притворись! Мне правду знать
Невыносимо, невозможно.
Лелей неправды благодать,
Как в колыбели, осторожно.

1 июля 1985

<11>. 45-Я ГАЙДНА

Исчерпан разговор. Осточертели речи.
Все ясно и наглядно.
Уходят наши дни и задувают свечи,
Как музыканты Гайдна.

Брать многого с собой я вовсе не хочу:
Платок, рубашка, бритва.
Хотел бы только взять последнюю свечу
С последнего пюпитра.

Когда свой приговор произнесу в ночи
Под завыванье ветра,
Быть может, отрезвлюсь, увидев, как свечи
Истаивает cedра.

<12>

Не для меня вдевают серьги в ушки
И в зеркало глядятся.
О милая, обмана не нарушьте,
Свершая святотатство!

Не для меня небрежна эта складка,
Блеск янтаря на шейке.
О милая! Так улыбайтесь сладко,
Цветите, хорошейте.

Я знаю все равно, что на излете
Сей тривиальной прозы,

Заплаканная вы ко мне придете.
Я поцелую слезы.

Я обниму вас с болью злобной ласки
И жалостной отрады.
И потечет размыв ресничной краски
На кровь губной помады.

<13>. БАБОЧКА

Я тебя с ладони сдуну,
Чтоб не повредить пыльцу.
Улетай за эту дюну.
Лето близится к концу.

Над цветами по полянам,
Над стеною камыша
Поживи своим обманом,
Мятлик, бабочка, душа.

<14>

Ах, наверное, Анна Андревна,
Вы вовсе не правы.
Не из сора рождаются стихи,
А из горькой отравы,
А из горькой и жгучей,
Которая корчит и травит.
И погубит.

И только травинку
Для строчки оставит.

12 июля 1985

<15>. ИДИЛЛИЯ НА ПОТОМ

Рассчитаемся не мы — потомки
Порешат, кто прав, кто виноват.
Так давай оставим им потемки.
Пусть мой стих им будет темноват.

Пусть от нас останется легенда,
Росказни, почтовые лубки,
Бонбоньерка, выпускная лента,
Поздравительные голубки.

И еще — любительские снимки,
Где улычивы Она и Он,

Думаешь. О чем, о ком?
И хоть здесь лежишь,
Все равно мне целиком
Не принадлежишь.

Я с твоими мыслями
Быть хочу во мгле.
Я хочу их выследить,
Как мосье Мегре.

А когда задышишь ты
Так, как те, кто спят,
Выхожу из пустоты
В сон, как в темный сад.

Тучи чуть светяющи.
Месяц невесом.
Мысли лишь пугающи.
Сон есть только сон.

<18>

Действительно ли счастье — краткий миг
И суть его — несовершенство,
И правы ль мы, когда лобзаем лик
Минутного блаженства?

И где оно, мерило наших прав?..
О, жалкое мгновенье,
Когда пчела взлетает с вольных трав
И падает в варенье!

Нам суждено копить тяжелый мед,
И воск лепить, и строить соты.
Пусть счастья нет. Есть долгие заботы.
И этой жизни милый гнет.

<19>

Я вас измучил не разлукой — возвращеньем,
Тяжелой страстью и свинцовым мщеньем.
Пленен когда-то легкостью разлук,
Я их предпочитал, рубя узлы и сети.
Как трудно вновь учить азы наук
В забушевавшем университете!

Как длинны расстоянья расставаний!..
В тоске деревья... Но твоя рука.

И капор твой в дожде. И ночью ранней
Угрюмый стук дверного молотка...

<20>. ОНА

Неверие тому, что даже очевидно.
Мир полон призраков, как Лысая гора.
Ни пенье петуха, ни жаркая молитва
Не прогоняют их с утра и до утра.

Сгинь, наважденье, сгинь! Замкни страницы, книга,
Слепи между собой, чтоб их не перечесть!..

.....
Она томит, как ярость, злость и месть.
Она не чтит причин. Она равновелика,
Когда причины нет, когда причины есть.

<21>

Устал. Но все равно свербишь,
Настырный яд, наперекор хотеньям.
Как будто душу подгрызает мышь.
Душа живет под солнечным сплетеньем.

Казалось, что она парит везде
И незаметно нам ее передвижение.
И почему теперь я знаю, где
Ее точнейшее расположение?

И почему она
В иные времена
Как бы растворена в потоке ровной воли?
Как будто нет ее. И лишь в минуты боли
Я знаю: есть душа и где она.

<22>

Веселой радости общенья
Я был когда-то весь исполнен.
Оно подобно освещенью —
Включаем и о нем не помним.
Мой быт не требовал решений,
Он был поверх добра и зла...
А огненная лава отношений
Сжигает. Душит, как помпейская зола.

<23>

Как я завидую тому,
В ком чувство гордости сильнее
Обид. Кто может, каменя,
Как древний истукан глядеть во тьму.

Но сердце, подступивши к рубежу,
Окаменеть уже не может.
Его воображенье изничтожит...
Уже себе я не принадлежу.

2 июля 1985

<24>. ФАНТАЗИЯ

Фантазия — болезнь причин и следствий,
Их раж, их беззаконный произвол.
И непоследовательность последствий.
Фантазия! Она — начало зол!

Фантазия — свержение с престола,
Разъятые мировых кругов и сфер.
Ее для нас придумал Люцифер.
Фантазия — слепая ярость пола,

Ломание рогов и рык самца.
Крушение систем и крах теорий.
Она — недостоверность всех историй
До губительной нелепости свинца.

В ней странно то, что голубых красот
Нам не рисует кисть воображенья.
А только хаос, только разрушенье.
Ее не сыщешь в устроенье сот,

В идиллии пчелиных медосборов,
В мелодиях аркадских пастушков...
Несчастлив тот, кто испытал, каков
Ее неукротимый нор.

13 июля 1985

<25>

В меня ты бросишь грешные слова.
От них ты отречешься вскоре.
Но слово — нет! — не сорная трава,
Не палый лист на косогоре.

Как жалко мне тебя в минуты отречения,
Когда любое слово — не твое.
И побеждает ум, а увлеченье
Отжато, как белье.

Прости меня за то, что я суров,
Что повторяюсь и бегу по кругу,
За справедливость всех несправедливых слов,
Кидаемых друг другу.

<26>

Ты скажи, чем тебя я могу одарить?
Ни свободой, ни силой, ни славой,
Не могу отпустить тебя жить и творить
И свой путь по земле невозбранно торить, —
Только горстью поэзии шалой.

Потому-то у нас перекресток пути,
Потому-то нам в разные страны идти,
Где мы оба недолго покружим.
Ты раздаривать будешь осенний букет,
Я — разбрасывать старости злой пустоцвет,
Что лишь мне самому только нужен.

<27>

Ты не добра.
Ко мне добра.
Ты не жестока.
Ты со мной жестока.
Хоть ты из моего ребра,
Но требуешь
За око
Око.

Я очи отдал.
Новая заря
Прольется на меня,
Как неживая.
Тогда себе найду поводыря.
И побредем мы,
Песни распевая.

<28>

Простите, милые, ведь вас я скоро брошу.
Не вынесет спина

Ту дьявольскую ношу,
Что мне подкинул сатана.

Но все равно я буду видеть вас
И ощущать отчизну.
Я просочусь, как газ,
Как облачко повисну.

Но Бога не увижу — сатану
Среди кривляющихся ратей,
Когда, узрев тебя в жару чужих объятий,
Услышу вздох твой и, как буря, застону.

<29>. НА РАССВЕТЕ

Почти светает. После объяснения,
Где все разъяснено,
Прозрачный воздух льется в помещенье
Сквозь тусклое окно.

Все фразы завершаем многоточьем...
Проснулись воробьи.
Залаял сонный пес.

И между прочим —
Признание в нелюбви.

<30>

Жалость нежная пронзительней любви.
Сострадание в ней преобладает.
В лад другой душе душа страдает.
Себялюбье сходит с колеи.

Страсти, что недавно бушевали
И стремились все снести вокруг,
Утихают,
возвышаясь вдруг
До самоотверженной печали.

20 мая 1986

<31>

Я написал стихи о нелюбви.
И ты меня немедля разлюбила.
Неужто есть в стихах такая сила,
Что разгоняет в море корабли?

Неужто без руля и без ветрил
Мы будем врозь блуждать по морю ночью?
Не верь тому, что я наговорил,
И я тебе иное напророчу.

12 августа 1985

<32>. ФИНАЛ

Любить, терзать, впадать в отчаянье,
Страдать от признака бесчестья
И принимать за окончание
Начала тайное предвестье.

Утратить волю, падать, каяться,
Решаться на самоубийство,
Играть ва-банк, как полагается
При одаренности артиста.

Но, перекраивая наново
Все театральные каноны,
Вдруг дать перед финалом занавес
И пасть в объятия Дездемоны.

24 июня 1985

<33>. ПОСЛЕДНИЙ ПРОХОД БЕАТРИЧЕ

По окончанье этой грустной драмы
Пусть Беатриче снова просквозит.
Разъехались актеры. До утра мы
Одни. И нам не нужен реквизит.

Ах, реквизит не нужен. Только тени
Вещей, предметов, туч, деревьев, трав.
Я предпочту играть на голой сцене,
Всю нашу бутафорию убрав.

Я бы сыграл одни лишь наважденья.
Но вдруг услышу Беатриче шаг,
Когда она походкой Возрожденья
Минует зал и делает мне знак.

Уже от глаз моих бегут предметы,
И только слышатся ее шаги.
Ты — силуэт. Все вещи — силуэты.
Не вижу, Беатриче, помощи!

Не надо. У меня не хватит духа
На монолог — венец старинных драм.
Ступай. Уже мне яду влили в ухо.
А остальное доиграю сам.

Сыграю среди этой ахинеи
Деревья, травы, тучи и дожди...
Играть себя мне с каждым днем труднее.
Не нужно, Беатриче. Уходи.

Лето 1985 (стихи, у которых гата не указана)

537

Б<орису> З<ахарчене>

Конец системы самооправдания —
Начальный пункт самоуничтоженья.
Подобно это разрушенью зданья
От изверженья и землетрясенья.

Есть оправданье в самообвиненье:
К самим себе являемся с повинной;
Поэтому достойны снисхожденья.
Вот вам сюжет комедии старинной.

Август 1985

538

Есть спор двух душ слиянных — о разъятье.
Спор двух неосторожных, жадных душ,
Спор о свободе, словно о проклятье, —
Двух душ слиянных, залетевших в глушь.

И оба мы живем под впечатленьем
Поэмы, не написанной пером.
То с просветлением, то с утомленьем
Поэмой этой дышим и живем.

В боренье том неистовом, но истом,
Слиянные навек, как два ручья,
Мы обращаемся к евангелистам:
Ведь верно — боль ценней небытия.

19 августа 1985

539. ВЕЧЕРОМ

Мальчик играл в оловянных солдат,
Девочка куклу качала.
Этот тысячеклетный обряд
Весь повторялся сначала.

Девочка спела свое: «Ай-люли»,
Мальчик заснул героем.
Ветки качались. По небу шли
Тучи сомкнутым строем.

Глаз не смежая, кукла спала.
И на ночном привале,
В кучу сбившись у края стола,
Стоя солдатики спали.

1985

540

Уйти, раствориться в России,
Почувствовать радость ухода.
При этом пространство расширить —
Вселенная, космос, природа.

Все это услышать духовно,
Все это усвоить телесно —
Что пахнет, как свежие бревна,
Морозная, синяя бездна.

Пригубить такого настоя
Из хвои, созвездий и трав.
Вершить свое дело простое,
В России себя затеряв.

Не позднее 1986

541

Синяя поздняя осень
Между землею и небом.
Воздух остер и морозен.
Дни перед снегом.

Осень пространства и сини.
Холодно рекам.

Светлая осень России.
Дни перед снегом.

Не позднее 1986

542

Был год неустройства и слома.
Пустые вояжи.
Когда убегают из дома
Как вор из-под стражи.

И все же мы странные воры:
Сломали запоры,
Узлы увязали,
Ушли — и не взяли.

1986

543

Ну что за эхо! Миллионы раз
Оно всю землю облетело.
И вдруг душа душе отозвалась
Из недалекого предела.
Есть только «до» и «после». А «сейчас»
Лишь символ или знак водораздела.
Но все же больно рассекает нас.

1986

544

А иногда в туманном освещенье
Евангельский сюжет изображает клен —
Сиянье, золотое облаченье
И поворот лица, и головы наклон.

И, замерев, ты чувствуешь усладу
И с умилением ждешь своей судьбы.
И ждешь, чтоб месяц засветил лампаду,
Чтоб вознести молитвы и мольбы.

1986

545. КОРОЛЕВСКАЯ ШУТКА

— Вставайте, ваше величество!
— К черту! Который час?
— Вставайте, ваше величество.
Дело касается вас.

— Сам пусть дела решает
Старый лентяй сэр Джон!
— Ваш канцлер, ваше величество,
Этим кинжалом сражен!

— Как это? За убийство
Будете казнены..
— Но вы отреклись от престола
В пользу вашей жены!

Ваш канцлер не понял этого
И был сегодня смещен,
Смещен ударом кинжала.
И я за это прощен.

У нас уже новый канцлер:
Юный герцог сэр Грей..
— Этот юбочник — канцлер?
Эй, стража, ко мне скорей!

Эй, молодцы, за мною!
Бейте бунтовщиков!
— В ваших подвалах, сударь,
Для стражи хватило оков.

А те, на кого не хватило,
Валяются там, во рву!..
— Но я ваш король, сударь,
Покуда еще живу!

— Архиепископ и гвардия,
Народу подав пример,
В полночь уже присягнули
Вашей супруге, сэр!

Исполнить три ваших желанья —
Такой поступил приказ.
А с третьими петухами
Отправить к Господу вас!

— Как милостива королева!
Ее поблагодари.

Ведь я бы ее ухлопал,
Не дожидаясь зари.

Вели, чтоб стучались в двери
Таверны «Кум королю».
Будите красотку Мэри,
Которую я люблю.

Скажите, что некий пропойца,
Который был королем,
Просил, чтоб красotka Мэри
Прислуживала за столом.

Катите бочонок токайского,
Хочу умереть хмельной.
А вас за стол приглашаю,
Любезный убийца мой!

Второе мое желанье:
Острой наточите кинжал.
Тот недостойн короны,
Кто ее не удержал.

А третье мое желанье,
Чтобы к началу дня
Вы мадам королеву
Зарезали, а не меня!

Тут принесли токайское.
И долго, себя веселя,
Они хохотали над шуткой
Бывшего короля...

Над шуткою ко-
Над шуткою ро-
Ля!
А-а!

Лето 1985 — зима 1986

546. ЛИРИКА

Лирика! «Я», обращенное к «Вам»?
Нет! Обращенное в ночь!
Лирика — осуществление драм,
Где никому не помочь.

Это не жалоба. Чистая кровь,
Что вытекает из жил.

Здесь, как беда, возвращается вновь
То, чем когда-то ты жил.

Это не песнь, не печальный мотив,
Пусть он безмерно высок...
А Маяковский, Ее проводив,
Пулю пускает в висок.

8 февраля 1986

547

Г<еоргию> Е<фремову>

Не верь увереньям, наивный,
И, зрячий, ослепни скорей!
Избавься от дрожи противной,
И если стареешь — старей!

А если ты молод — будь молод,
Поверь и друзьям, и любви.
И если не будешь размолот,
То лучше с мое поживи.

Но из молодых, но не ранний,
Хочу, чтоб скорее постиг
Систему разочарований
И очарований моих.

Тогда, мой поэт и наследник,
Блюдя свою славу и честь,
Привыкни, что ты — из последних.
А вправду ли первые есть?

8 февраля 1986

548

Добивайтесь, пожалуйста, смысла,
Проявляйте, пожалуйста, мысли.
Понимаете? все остальное
Не имеет большого значенья.

Что есть дерево? Лишь древесина?
Или, может быть, ветки и листья?
Понимаете ли, в чем причина
Разумения и бескорыстья?

Март 1986

В крутокрышем пярнуском доме
Среди ветра, среди тумана
Мы живем, как в десятом томе
Нескончаемого романа.

Забываем его высоты
И пленительные пейзажи,
И пролистываем эпизоды,
И пробрасываем пейзажи.

Но и все же ты, мудрый Диккенс,
Сочинитель добрых легенд,
Говоришь нам: «Не торопитесь,
Дотяните до хэппи энд.

А в искусстве скорости первые
Лучше всех других скоростей.
Персонажи второстепенные
Лучше третьестепенных гостей».

Ну а мы, на него досадуя,
Нарушаем его устав.
Через пятое, через десятое,
Жизнь бросаем, перелистав.

1986

Слышно все. В соседней улице
Просквозила легковая.
Ветер с яблоней целуется
До зари, не уставая.

Фортка хлопнула. Калитка пискнула.
«Скорая» проквела сиреной.
Слышно: с расстояния неблизкого —
Крякнул дуб под тяжестью вселенной.

10 Слышно: яблоко, достигнув спелости,
С ветки уронилося с мягким стуком.
Каждый звук здесь остается в целости,
Не соединяясь с прочим звуком.

Даже слово медлит на губах,
Чтоб не затеряться в разговоре.

Главное, что в пятистах шагах
Молча страсти сдерживает море.

1986

551. СМОТРИНЫ

...Его привел под локоть некий чин
На середину небольшого зала,
Где заседали несколько мужчин
И дама под вуалью восседала.

Он бледен был, обрюзг, нетверд в ногах.
Одет нечисто, несколько всклокочен.
Глаза косили. Слюни на губах.
И женщина произнесла: «Не очень!»

10 «Кто ты?» — его спросили. «Здешний принц».
«Как звать?» Молчанье. «Не знаток меморий», —
Блеснула женщина из-за ресниц.
«Ты знаешь, что тебя зовут Григорий!»

«Я здешний принц! — И дрогнула губа. —
И вы меня ни в чем не убедите!»
Он чувствовал: решается судьба.
Но женщина сказала: «Уведите!»

20 Ивана увели. «Такая чушь
Кому-нибудь из вас могла присниться,
Что подобает мне подобный муж?»
Все промолчали. И императрица.

«Но, впрочем, это не моя вина,
Что долг ему Россией не оплачен.
Убавить пици. И лишить вина.
Он слишком толст и слишком неопрятен».

.....
Его везли от царства, от столиц,
От неожиданных фантазмагорий.
А он орал: «Я сей державы принц!»
Тут навалились: «Замолчи, Григорий!»

30 ...Тогда в России были трех корон
Носители (при воцаренье новом):
Екатерина, Третий Петр и он,
Пожалуй, всех законней коронован.

Железными запястьями звеня,
Он все орал, пока его держали:
«Я бедный принц! Забыл, как звать меня!
Но я превыше принцев в сей державе!..»

.....
А Катерина, бывшая Софи,
Разделяваясь с призраком былого,
Перед трюмо сгримасничала: «Фи!»
40 И приказала пригласить Орлова.

— К чему нам этот? — говорил Орлов, —
Россия сумасбродами богата.
Не зря на государственных орлов
В ней зарятся голодные орлята.

Один из этих треплет в кабаках —
Мирович, в нем сидит Мазепин корень, —
Что, дескать, был бы взвод в его руках...
Подумала: «И ты был так проворен».

— Но это мысль! Не трогать дурака.
50 Притворно верить всем его посулам.
И дать ему команду от полка.
И в Шлиссельбург назначить с караулом.

А если сей болван пойдет на вал,
То это совершенно безопасно.
Чуть суматоха — подавать сигнал
И действовать инструкции согласно...

.....
Он был убит... Но там, на рубеже,
Где сказочные море-окияны,
Неубиенные Петры, Иваны
60 Грозят короне, пусть они и «лже».

1986

552. БАЛЛАДА О КОНЦЕ СВЕТА

(Из блокнота 41 года)

Последний час сражалась рота.
И каждый к гибели привык.
Хорошая была работа,
Да мало виделось живых.

Стреляли изредка, с прищуром,
Оставшиеся храбрецы.
Засыпанные амбразуры
Обороняли мертвецы.

10 И приближалась грозно, внятно
Та неизбежная черта,
Где только под ноги гранату
С последним лозунгом: «За Ста...»

Но тут, врываясь в цепь событий,
Сквозь посвист пуль и минный вой,
Закаркал громкоговоритель
За вражеской передовой.

20 «Внимание! Бросайте ваффен!
Напрасно будет кровь пролит!
В пять сорок на участке нашем
В планету врежется болид.

Мы скоро будем тучей пыли —
И мы, и вы, кто бьется тут.
И нас не будет, всех, кто были.
Штык в землю, руссен! Всем капут!

Не призываем вас сдаваться.
И сами не идем к вам в плен.
Не призываем вас брататься,
Нас скоро побратает тлен.

30 Вниманье! По последней сводке,
До катастрофы ровно час.
И если вы хотите водки,
Довольно шнапса есть у нас!»

И замолкает перестрелка.
И слышно, как течет вода.
И только у комроты стрелка
Неумолима, как всегда.

40 Но тут, придя в соображенье,
Героев собирает в круг,
О межпланетном положенье
Повестку ставит политрук.

Что, мол, ввиду полочки ракет,
Ориентация туга.
Но я зову не поддаваться
На провокации врага...

И только лица побелели.
Цветной сигнал взлетел как плеть...
Когда себя не пожалели,
Планету нечего жалеть!

15 января 1946, 1986

553. ПЕСНЯ ЯСЕНЕВОГО ЛИСТКА

Жили на свете Лотта
И Гензель — лесной стрелок...
Куда ты летишь по ветру,
Ясеньевый листок?

Лотта была женою
Вальдмана-лесника.
И часто певала песню
Ясеневого листка.

10 Лотта детей рожала,
Пекла, варила обед.
Тихо в лесной сторожке
Жили двенадцать лет.

Тринадцатый год, недобрый,
Взлетел к сверчку на шесток...
Куда ты летишь по ветру,
Ясеньевый листок?

20 В тот год явился в сторожку
Гензель, лесной стрелок.
И пил он с Вальдманом пиво.
И Вальдман поспать прилег.

А Гензель шутил с Лоттой,
Рукою к себе привлек...
Куда ты летишь по ветру,
Ясеньевый листок?

И Лотта его полюбила,
Своей любви не стыдясь,
Поскольку любила в жизни
Последний и первый раз.

30 И Вальдману повинилась.
И тот сказал: «Не виню».
— Спасибо, — сказала Лотта. —
Тебе я не изменю.

И вышел он в лес дремучий,
В предутреннюю полумглу.
И взял он свой лук певучий,
И верную взял стрелу.

40 И он подошел к поляне,
Где спал беспечный стрелок.
И лук натянул певучий,
Стрелу же послать не мог.

— Зачем причинять ей горе!
И чем я ему воздам? —
Пошел он в густой орешник,
Сказал зеленым кустам:

— В зеленые руки возьмите
Певучий мой лук и стрелу,
И сердце мое пробейте,
Чтоб я не доверился злу.

50 И выпустил верный орешник
Стрелу изостренную ту.
Но ворон, с ясеня прыгнув,
Ее подхватил на лету.

И внятно прокаркал ворон:
— Зазря себя не губи.
Ведь Лотта твоя умирает.
И скоро умрет от любви.

60 Пришел он домой. И Лотта
Сказала: «Прости, мой друг».
Он молча сидел у постели.
И дети стояли вокруг.

Потом в ее изголовье
Медовую свечку зажег...
Куда ты летишь по ветру,
Ясеньвый листок?

А утром закрыв сторожку,
С детьми пошел на восток...
Куда ты летишь по ветру,
Ясеньвый листок?

70 Так кончилась повесть про Лотту
И Вальдмана-лесника.
Лучше не пойте песню
Ясеневого листка.

1986

554. АНДАЛУЗСКАЯ БАЛЛАДА

Апельсиновая ветка
 Апельсины уронила.
 Черноокая Росита
 Габриэля схоронила.
 Как он мог быка прирезать,
 Как умел водить медведя,
 Как ходил в ночное дело!
 Но его сгубила ведьма.
 Ой, мандолина!
 10 Пой, мандолина,
 Пока так запоеется,
 Что струна оборвется!
 По усопшему поминки
 Были в ночь на новолунье.
 Позвала вдова весь табор.
 И сама пришла колдунья.
 Невеселый это праздник.
 Там без песен пили-ели.
 Поминали, вспоминали
 20 О красавце Габриэле.
 Ой, мандолина!
 Пой, мандолина,
 Пока так запоеется,
 Что струна оборвется!
 А потом Росита встала
 В черной шали-покрывале
 И сказала всем цыганам,
 Так промолвила в печали —
 Не по-божески сказала,
 30 Не по дедовским обрядам:
 «Если нету Габриэля,
 Пусть весь табор ляжет рядом!»
 Ой, мандолина!
 Пой, мандолина,
 Пока так запоеется,
 Что струна оборвется!
 Тут-то ведьма и вскочила:
 — Вы послушайте, цыгане!
 Чтобы весь наш род извелся —
 40 Вот Роситино желанье.
 А чтоб нынче не свершилось
 То злодейское заклятье,
 Нечестивицу Роситу
 Пусть клинком заколют братья!
 Ой, мандолина!
 Пой, мандолина,
 Пока так запоеется,
 Что струна оборвется!

50 Но заколебались братья.
А сестра вдовы кинжалом
Десять раз пробила сердце
Под шелковым покрывалом.
Словно все окаменели.
Но раздался смех бесстыжий.
То красавица колдунья
Вознеслась вороной рыжей...
Ой, мандолина!
Пой, мандолина,
Пока так запоется,
60 Что струна оборвется!
Если женщина полюбит,
А мужчина не полюбит,
То она в порыве злости
Самого его погубит;
Если женщина полюбит,
А любимую не стала,
Пожелает в диком горе,
Чтобы вся земля пропала.
Ой, мандолина!
70 Пой, мандолина,
Пока так запоется,
Что струна оборвется!..

1986

555. ПРИТЧА О СЫНОВЬЯХ УЦЫ

Ехал король на охоту,
Встретил цыганку Уцу.
Сразу в нее влюбился.
Вскоре на ней женился.

И принесла ему Уца
Четырех цыганят кучерявых.
Утром, едва проснутся,
Время проводят в забавах:
Лазают по заборам,
10 Рвут дорогие платья.
Словно для знатных принцев
Нет другого занятия.

Помер король. Оставил
Детям четыре царства.
Стали они королями.
Тут и пошли меняться
Замками и городами.
Город — на кобылицу

20 Мавританской породы;
Замок, леса и воды —
На заморскую птицу.

Часто они съезжались.
Тогда вынимали скрипки.
Долго играли на скрипках,
Покуда не уставали.
А когда уставали,
Тут же и засыпали.
И даже во сне пели.
А в безлунные ночи
30 Ходили в соседние страны.
И табуны угоняли.

Но возмутились бароны:
«Что это за государи?
Зачем играют на скрипках?
Зачем поют при гитаре?»

И собрались бароны,
Пришли в королевский замок,
Где не было обороны,
И королей убили.

40 Потом заперлись бароны
С прелатами в тронном зале.
И короля выбирали.
Долго его выбирали,
Между собой препирались,
Но выбрали государя.

Тот не играл на скрипках,
Только правил и правил.
Он половину баронов
На эшафот отправил,
50 А остальные бароны
Радовались и похвалялись
Тем, что в живых остались.

А внуков Уцы прогнали
Обратно в цыганский табор.
И стали ее внуки
Цыганскими королями.

Они на скрипках играют.
Они поют при гитарах.
На старых гадальных картах
60 Есть их изображенье.

1986

556. КАБАРЕТНАЯ БАЛЛАДА

Жил-был король Гильом Второй
И мирно правил он.
И всем, кто кланялся ему,
Он отдавал поклон.
Но в королевстве — трам-тарам! —
Суровый был закон:
 Чтоб каждый не в свое не лез.
 Иначе дураку,
 Который не в свое полез,
 Оттяпают башку.
Пахали пахари его,
Погонщик гнал осла,
И дева милая одна
Ягнечка пасла.
И музыкантша там была,
Прелестная Мими,
Она играла — трам-тарам! —
На флейте до-ре-ми.
 Зачем же им в чужое лезть,
 В дела не по плечу
 И ради этого башку
 Подставить палачу?
Король уехал отдыхать.
Остался у руля
Его сиятельный маркиз
Картон де Труляля.
И он нарушил — трам-тарам! —
Законы короля.
 И каждый не в свое полез
 Порядку вопреки,
 Поскольку страх у всех исчез
 Остаться без башки.
Пошли портные воевать,
Жандармы — петь в церквах,
А мукомолы — суд вершить,
Воссев на жерновах.
Вручили звание посла
Погонщику осла.
Мими маркизу Труляля
Ребенка принесла.
Одна лишь дева — трам-тарам! —
Ягнечка пасла.
 Так каждый не в свое полез,
 В дела не по плечу.
 Стать воспитателем детей
 Осталось палачу.
Пока отсутствовал король,

Сбесилась вся печать.
И цензор начал сочинять,
Редактор — запрещать,
А сочинитель в цирк пошел
И так смешил народ,
Что мог наверняка попасть
В опасный оборот.
Но в королевстве — трам-тарам —
Все шло наоборот:
Того, кто не в свое полез,
Все чтили, как божка.
И возносилась до небес
Дурацкая башка.
Пришел из отпуска король.
И увидал король,
Что каждый подданный его
Не ту играет роль.
Башмачник пел, судья латал,
Хорист ковал металл,
Писатель в цирке гоготал,
Палач детей питал.
Но вмешиваться — трам-тарам! —
Король в сие не стал.
Поскольку не в свое полезть
Не пожелал король.
Он сел с девицей на осла
И поскакал в Тироль.
Адье, мадам, адье, мосье!
В Тироль! В Тироль!

1986

557

Трудней всего выздоровленье памяти.
Спрошу: — Ты помнишь? Скажешь: — Нет причины.
Увижу камедь — я леплю из камеди.
Увижу глину — я леплю из глины.

И лепится какая-то нелепица,
Какие-то уродцы, карлы, мимы,
А память, может, вовсе и не лечится.
Пути Господни неисповедимы!

3 мая 1986

Овсяночки, малиновки, щеглы,
Клесты, кукушки, иволги, синицы.
На рассвете так они щедрь,
Что нельзя не присоединиться.

Хочется защелкать, засвистать,
Повторить мотив певучей птахи.
Или с палочкой за пультом встать,
Как бывало некогда при Бахе.

10 Но, пожалуй, из таких затей
Только гений извлечет немало.
Без шестнадцатых и четвертей
Он услышит главный тон хорала.

Это могут Моцарт или Бах —
Всею стаей в нотный стан нагрнать,
Рассадить на всех линейках птах,
Встать за пульт, взмахнуть смычком — и грянуть.

20 Гений прост, когда часов с пяти
Птицы скопом распевают в чаще.
Вслушаться, понять, что это — счастье,
И свободно воспроизвести.

1986

559. ПОЭТИКА

В поэзии — старение реалий.
Но нет старенья страсти и печалей,
Метафоры стареют и язык,
Но не бессонница во мраке ночи.
Стареет рифма. Ну а если крик
Придет на рифму, то рифмуй попроще.

Поэтику пора бы отменить.
Она — пустейшее из всех занятий.
Но где тогда связующая нить,
Преемственность стремлений и понятий?

Как быть с поэтикой? Один верлибр —
Сторонник разлохмаченной кудели:
С суровой нитью больше канители
И страстотерпцам легче без вериг.

6 мая 1986

Меня ты не отпустишь. Осторожно
 Введешь меня в Харонову ладью.
 И мы тогда пойдем, как невозможно
 Сказать: «Постой. Не уходи. Люблю».

Но перевозчик строго, отрешенно
 Нас будет ждать, нетороплив и тих,
 Покуда я из той ладьи Харона
 Благословлю на жизнь детей моих.

И лодочник опустит весла плавно,
 Вокруг сомкнется черная вода.
 Прости-прощай, княгиня Ярославна,
 Твой Игорь не вернется никогда!

Так омочи в реке рукав бобровый,
 Омой свои шелковые крыла!
 Увидишь тень ладьи во мгле лиловой.
 Тогда поймешь, что молодость прошла.

1986

561. ВАЛЯ-ВАЛЕНТИНА

Бой вспоминается потом.
 В тылу. На госпитальной койке.
 Ночами часто будит стон
 Тяжелораненого Кольки.

Прокручивается кино
 На простыне, как на экране.
 Обстрел. Команда заодно
 С обрывком энергичной брани.

Все возвращается — деталь,
 Неподходящая экрану,
 Как комсомольский секретарь
 Кишки запихивает в рану...

Азарт. Бросок. «Стреляй же, бля!»
 «Ура!» звучащее не густо.
 Нет, это не годится для
 Документального искусства.

Но утренний приход сестриц
 Пригоден для кинокартины,
 Особенно насчет ресниц
 Сестрицы Вали-Валентины.

Ее не тронь! Словцом хотя б!
И не допустят матерщины
Не больно верящие в баб
Гвардейцы Вали-Валентины.

О ней возможен разговор
Возвышенный, почти стихами.
Тяжелораненый сапер
О ней во сне скрипит зубами.

А этот госпитальный быт!
О чем еще мечтать пехоте!
Лежишь на чистой койке. Сыт.
И вроде с Родиной в расчете.

Да, было. А теперь печет:
Иные раны, карантинны.
И с Родиной иной расчет.
И нету Вали-Валентины.

9 мая 1986

562. ВЕЛЕС

Какая прелесть майский лес,
Не озабоченный и не усталый!
Как будто скотий бог Велес
Играет там на дудке малой.

Его выкармливает солнце.
И не внушают времена
Жестокости иконоборца.
«Живу! Живу! Не тронь меня!»

Май 1986

563. «ГРАЧИ ПРИЛЕТЕЛИ»

Стояли они у картины:
Саврасов. «Грачи прилетели».
Там было простое, родное.
Никак уходить не хотели.

Случайно разговорились,
Поскольку случилась причина.
— Саврасов. «Грачи прилетели» —
Хорошая это картина.

Мужчина был плохо одетый.
Видать, одинокий. Из пьющих.
Она — из не больно красивых
И личного счастья не ждущих.

Ее проводил он до дома.
На улице было морозно.
Она бы его пригласила,
Но в комнате хаос и поздно.

Он сам напросился к ней в гости
Во вторник на чашечку чая.
— У нас с вами общие вкусы
В картинах, как я замечаю.

Два дня она драила, терла
Свой угол для скромного пира.
Пошла, на последние деньги
Сиреневый тортик купила.

Под вечер осталось одеться,
А также открытку повесить —
«Грачи прилетели». Оделась.
Семь, восемь. И девять. И десять.

Семь, восемь, и девять, и десять.
Поглядывала из-за шторы.
Всплакнула. И полюбовалась
Коричневой розой на торте.

Себя она не пожалела.
А про неудавшийся ужин
Подумала: «Бедненький тортик,
Ведь вот никому ты не нужен.

Наверно, забыл. Или занят...
Известное дело — мужчина...
А все же "Грачи прилетели"
Хорошая очень картина».

20 мая 1986

564. М. КОЗАКОВУ

Что полуправда? — Ложь!
Но ты не путай
Часть правды с ложью.
Ибо эта часть

Нам всем в потемках не дает пропасть —
Она ночной фонарик незадутый.

Полухарактер — ложный поводырь.
Он до конца ведет дурной дорогой.
Характер скажет так с мученьем и тревогой:
10 «Я дальше не иду! перед тобою ширь.
И сам по ней ступай. Нужна отвага,
Чтобы дойти до блага. Но смотри:
За правды часть и за частицу блага
Не осуди, а возблагодари!»

Ах, грань тонка! На том горим!
Часть... честь... «Не это» путается с «этим».
Порой фонарик правды не заметим,
За полуправду возблагодарим.

А наши покаянья стоят грош.
И осуждения — не выход,
20 Что ж делать?
 Не взыскуя выгод,
Судить себя. В себе.
 Не пропадешь.

21—24 мая 1986

565

Разговаривает ветер
С майской рощей.
Разговаривает роща
С майским солнцем.
Разговаривает солнце
С майской тучей.
Разговаривает туча
С майским небом.
Разговаривает небо
С майской речкой.

Разговаривают небо, солнце, речка,
Разговаривают тучи, ветры, рощи,
Исцеляюсь, зачарован этой речью.
Но догадываюсь: жизнь не станет проще.

24 мая 1986

Мать ушла. И тонкий полог
 Вдруг исчез.
 Надо мною звездный холод
 В семь небес.

Небеса бездонны эти —
 Синь и жуть.
 Нас, как рыбу, манит в сети
 Млечный Путь.

И теперь иные ночи
 Начались.
 Ведь твои слепые очи
 Смотрят вниз.

18 июня 1986

Птичка маленькая пела
 На серебряном рассвете
 Так осмысленно и грустно,
 Как озябшая душа.

Солнце встало. Смолкла птичка.
 Прянул ветер. Одуванчик
 Просушил свою головку
 И беспечно разлетелся.

24 июня 1986

568. ПОЛЫНЬ-ЗВЕЗДА

Вновь Родина открылась мне одна,
 Когда не хвалят или негодуют...
 Полынь-звезда. И бездна нам видна.
 И час преображенья неминуем.

Полынь-звезда! И мы пойдем ко дну,
 И вот уже нельзя бряцать оружием.
 А мы забыли долг или вину
 И бескорыстно Родине не служим!

Полынь-звезда! Затмится скоро свет.
 И мир погибнет весь во льду безмерном.

С Отчизною противоречий нет,
Как не было когда-то, в сорок первом.

Польнь-звезда!.. Себя не пожалей.
Что стоит человеческая шкура!
Уже пора среди своих полей
Не сеять ложь!
Угомонись, цензура!

20 Звезда-польнь!.. Мы перед вечным льдом!..
Заткнись, цензура! Не касайся сути!
Вы, Избранные, помните о том,
Неизбранные — о себе забудьте.

Тщеславные — ничтожен ваш успех,
Корыстолюбцы — жалки все корысти.
Звезда-польнь! И лед ползет на всех.
Себя душою к Родине приблизьте!

Польнь-звезда взошла! Ее восход
Сулит оледененье наших топей...
Очнись, народ! И оглянись, народ!
Добычи нет для наших стрел и копий...

1986?

569—571. ТРИ НАБРОСКА

1. КОНЕЦ XVIII

Язык, еще необработан,
Пленяет мощным разворотом
Звучаний, форм и ударений.
В нем высь державинских парений.
С державной лирою Державин
Еще стоит.

10 Но мы дерзаем
Усвоить речь Карамзина.
И пробует Жуковский лиру.
И муза тяжкую порфиру
Снимает — и обнажена.
Крылов, привыкший к барским креслам,
Лукаво бьет ее по чреслам.
За шторами сентиментальных спален
Цветут романсы с запахом левкоев.
И за полночь не медлит Пален
У государевых покоев.

2. КОНЕЦ XIX

Безвременье. Отдых души. Девяностые годы.
В подпольных кружках горячо обсуждают программы.
Осенние листья ложатся на голые воды.
И на десять лет отодвинуты жгучие драмы.

Поэзия стала цыганской и кафешантанной.
И кажется вялой. Словесный сугроб не подтаял.
Печалится Чехов. Но проза душевных шатаний
Не вяжется как-то с гармошкой фабричных окраин.

Но тайные сути глядят сквозь неясные бреды.
Искусство готовит себя — и отнюдь не для рынка.
И Победоносцев уже не стяжает победы.
Престранное время грядет, где Толстой и Ходынка.

3. МАЯКОВСКИЙ ОТМАЯЧИЛ

И Маяковский отмаячил.
И отлетал «Летатлин».
Стал футуристский звероящер
Отыгранным спектаклем.

И Пастернак отпастерначил,
Оттвардовал Твардовский.
И Мелкий бес кривляться начал
В своей игре бесовской.

Он напустил гееннской серы,
Он ввел закон кулачный.
И свищет муза птичкой серой
На веточке невзрачной.

1980—1986

572. ВОЗНЕСЕНИЕ АУГУСТА ЛИМА

(Местная быль)

I

Люблю легенды. В них разбег
И краткость. (Ибо я не стайер.)
Пишу, покуда снег не стаял.
Но очень скоро стает снег.
Пишу сугробам. Но люблю,
Чтобы растаяли сугробы,

Чтоб потекли, осели, чтобы
Служили пополненью рек.

II

Вот так же думал Аугуст Лим.
(Но не ручаюсь, что об этом,
Поскольку не был он поэтом,
А просто — нелюбитель зим.)
Он жил в приморском городке,
В домишке чистом и прелестном.
И слыл философом известным.
Сейчас я познакомлю с ним.

III

Мужчина. Лет за пятьдесят.
Он за столом работал редко:
Три слова, изредка — заметка.
А там его тянуло в сад.
Он наблюдал, как рос редис
Или подобное растенье.
С восторгом он встречал цветенье
И с неохотой — листопад.

IV

Амалья-Гамадрилла Фюнф
Жила у Лима экономкой.
Была девицею негромкой,
Зато достоинств — целый фунт.
Не буду я касаться здесь
О них неблаговидных сплетен.
Философ был великолепен,
Но перед ней стоял во фрунт.

V

Я даже кратко излагать
Его учения не стану,
Поскольку много в нем туману:
Идея, что Природа — мать,
Но неизвестно, кто отец.
Ну и так далее. Не страшно
Прослыть профанами. Нам важно
Лишь то, что Лим любил гулять.

VI

Да! Я ведь начал про снега,
Но, отвлекаясь, их оставил.
А снег тем временем растаял.
И отделились берега
От моря. По большой воде
Бежали легкие буруны.
По вечерам сияли дюны,
Как лысина без парика.

VII

Лим вышел прогуляться. Он
В плаще легко шагал по дюнам.
Но вдруг весенний ветер дунул
И охватил со всех сторон.
И загремел весенний шторм.
Забушевала Мать-Природа,
Как часто в это время года.
Лим в этот грохот был влюблен.

VIII

От волн неслась морская пыль,
Волнение затопило пляжи,
Распространяясь ввысь и вширь.
Деревья закричали в раже.
Бесстрашный Лим, закутан в плащ,
Стоял среди морского гула.
Но вдруг порывом плащ раздуло —
И он взлетел, как нетопырь.

IX

Превыше всех высоких крон
Его взнесло одним ударом.
По воле ветра став Икаром,
Он мчал, врезаясь в небосклон.
Стал воздух бледен, как сукно.
В груди дыхание спирало.
Вокруг гремело и орало:
На город Лима нес циклон.

X

Стемнело. Город стал глухим.
Шторм, разрастаясь, бил по крышам.

Как бы влеком порывом высшим,
Летел философ Аугуст Лим.
В его душе восторг и страх,
Вблизи шарахаются тучи.
Шторм, разъяренный и могучий,
Свеж, молод и неумолим.

XI

От притяжения земли
Совсем освободилось тело.
Оно, блаженствуя, летело,
Как парусные корабли.
Внизу десяток огоньков
Мерцал в пространстве нелюдимом,
Порою тучами, как дымом,
Прикрытый.

Ветры вознесли

XII

Философа. И он решил,
Что это знак его величья.
Мелькнула мимо стая птичья,
Почти лишившаяся сил.
Его же призывал Зевес,
Чтоб воспарил ширококрыло.
Что там Амалья-Гамадрилла
Тому, кто от небес вкусил!

XIII

И было страшно глянуть вниз,
Где все расплылось и погасло.
Стихии, плотные, как масло,
Его держали. И лились,
Куда — неведомо. Летун
Был акробатом в диком цирке...
Но вдруг задел за флюгер кирхи —
Задел за флюгер и повис.

XIV

И сразу прохватила дрожь:
Ведь можно на землю свалиться!
Вот и летай теперь как птица...
Клянусь, что этот факт не ложь.
Ну что ж, коль этот факт не ложь?

Лишь для пустого очевидца
Любая правда пригодится,
Хотя в ней смысла ни на грош.

XV

Я правдою по горло сыт.
А перед смыслом ум пасует.
Пусть тот, кого интересует,
О смысле сам сообразит.
И разберется что к чему.
Мне это не необходимо.
Итак, мы отвлеклись от Лима.
Что с ним? Пока еще висит.

XVI

Висел он, как пиратский флаг.
И слабо вопиял: «Амалья,
Спаси меня!» Ведь знал, каналья,
Что дело не оставят так.
И впрямь, его пошли искать.
И обнаружили на шпиле,
Воздели руки, возопили:
«Вот до чего довел кабак!»

XVII

Наутро люди собрались.
Смеялись, гикали, орали,
С недоумением взирали,
Как Лим над городом повис.
Пожарный прискакал обоз.
И, наконец, беднягу сняли...
А все же, как насчет морали?
Возможно, так: не возносись!

XVIII

Да что мораль!
Пришла весна,
Повеял с моря ветер вешний,
В его дыханье каждый грешный
Пьянеет, словно от вина,
И можно даже вознестись,
А хочешь — повисеть на шпиле...
Ужасно надоели штиты
И благостная тишина!

1980—1986

573. МАЛОЛЕТОК

В шесть лет он написал стихи про осень.
А было лето. Он был поражен,
Впервые ощутив порыв поэта
И первых рифм двукратный перезвон.
Потом он написал, что рябь ручья
Подобна крупной терке. И еще
Две строчки: «Я хотел бы стать природой,
Быть птицей, яблонею или снегом».
10 Потом в семь лет: «Я не могу не быть».
Он был довольно хлипок, большеглаз
И лопоух. Не избегал проказ.
Но постоянно мучила ангина.
Тогда в постель укладывали сына
Родители. И это он любил.
В ушах его жужжало и шумело,
Кровать его взлетала и летела,
Он сочинял: «Разбойничий фрегат
Летит по небу, весел и пернат».
Болея, прочитал десятки книг.
20 Любил халву. И странный вел дневник.
Родители, конечно, понимали,
Что сын их гений. И ему внимали.
Перепечатывали каждый стих.
Показывали людям. Что взять с них!
Друзей он не имел, поскольку сильно
Опережал ровесников.
В двенадцать
Влюбился страстно. Но его предмет
30 Был старше ровно на двенадцать лет.
Он ей писал: «Я буду плакать дико,
Когда тебя утрачу, Эвридика!»
Ей был смешон невинный мизантроп,
Но поощрен был поцелуем в лоб..
Он числился при Доме пионеров
В литературной студии «Ромашка».
Руководитель студии, бедняжка,
Был сам поэт. И не любил талантов.
Ему был нужен заурядный фон.
К тому ж обиду затаил писака,
40 Поскольку мальчик про него сказал:
«Мне стыдно было бы писать, как он».
Итак, отсутствием успехов внешних
Уравновешивалось восхищенье
Знакомых и родителей.
Но вдруг
В их городок примчалась из столицы
Вятелица Голубых Чудес,

Имевшая в большой газете вес.
Стихи ребенка даму покорили,
50 В восторженно-сентиментальном тоне
Оттопала она на ремингтоне
Статью, где объявлялся новый гений.
(А нас давно уверила печать,
Что в гении возможно назначать.)
Подборку напечатали в газете.
И тут о мальчишке заговорили.
(У нас когда уже заговорят,
То в говорении не знают меры.)
Прославилась «Ромашка». Всю семью
60 Сто раз отобразили в интервью.
Уж малолетка прочили в Гомеры.
Откликнулись на это пионеры,
Водители такси, пенсионеры,
Учителя, артисты, инженеры
И прочие любители стихов...
Один поэт, довольно знаменитый,
Почуяв славы душный запах,
О малолетке написал стишок.
Семья цвела. Его боготворили.
70 И даже в школе был он полубог.
Он стал заносчив, то есть одинок.
А как стихи? Да так. Он их писал,
Уже не ожидая вдохновенья.
Взрослел. Но стих его не повзрослел.
Тогда он начал нажимать на тему.
И строки шли уже натужно, вяло,
Неискренне — дыханья не хватало.
Он был еще хвалим, но постепенно
К нему утрачивали интерес.
80 Он стал угрюм и зол. Забросил книги.
Родители шептали про интриги,
Про зависть в литературских кругах.
А он остановился и зачах.
Ему обрыдла жизнь. Живя во мгле,
Порой он горло примерял к петле.
Вы скажете, его убила слава.
Не думаю. Ее шипучий хмель
Бодрит и возбуждает вдохновенье.
Нет, он упал, как незрелый плод.
90 Поэты совершаются в семнадцать —
Чуть раньше или позже. А в ребенке
Вдруг возникает, образ, звук, число.
Поззия — душевный опыт в слове.
И в ней метафоры — остаток детства.
Лишь на заре людского разуменья
Основую был образ, а не мысль.

Дитя-поэт — виденье давних эр.
Ожившее дитя палеолита,
Смятенное среди иного быта,
100 Поскольку вспомнило то, что забыто —
Язык природы и небесных сфер.
Им надо много сил, чтобы прийти
Оттуда к нам. И сохранить при этом
Начальное, услышанное там.
А мы поспешно поселяем их
У нас. И кормим их своим сюжетом,
Который так неудобоварим.
Но наши страсти непосильны им...
110 Поэты начинаются тогда,
Когда их, словно на тугом батуте,
Подбрасывает время. Сколько нужно,
Чтобы при этом не сломать костей!..
Родители невиданных детей,
С ребенком обращайтесь осторожно!
Ужасен стиль восторженных статей.
Не верьте им. Их содержание ложно.
Храните тех, кто обретает речь!..
А, впрочем, вундеркиндов можно сечь...

1984—1986

574

Не кажется ли, что наивней
Я был всего лишь год назад,
Когда в громаду поздних ливней
Вошел огромный листопад.

И с ним каких-то чувств громада.
И с ним растерянность, дабы
Рождалось чувство листопада,
Как оголение судьбы.

1980—1986

575

День выплывает из-за острова
И очищается от мрака
С задумчивостью Заболоцкого,
С естественностью Пастернака,

Когда их поздняя поэзия
Была дневной, а не вечерней,

Хотя болезнь точила лезвия
И на пути хватало терний.

1980—1986

576. ЛАБОРАТОРИЯ ПОЭТА

Лаборатория поэта —
Его черновики.
На них есть верная замета
Его души, его руки.

Священнодействует над темой,
Колдует над своей
Периодической системой
Любвей и нелюбвей.

Здесь строят из веществ строптивых
Состав, который загремит,
Воспитывая в тайных взрывах
Изобретенный динамит.

Здесь тот подвал или мансарда,
Где мыслят не по пустяку,
Чтоб под карету Александра
Метнуть взрывчатую строку.

1986

577

Рученьки мои устали,
Ноженьки мои устали,
Голова моя устала,
Сердце ноет от печали.

Песенка моя забылась,
Лесенка моя сломалась,
Душенька моя замерзла,
Сам не знаю, что осталось.

1986

578. МАША

Маша, женщина из Подмосковья,
В странного художника влюбилась.

Он все лето жил у них в сарае
И писал окрестные пейзажи.
А потом он написал Марию.
«Господи! Неужто я такая!»
А зимой Мария постучалась
В помещенье, где творил художник.
И Мария у него осталась.
10 А потом он написал картину:
Женщина с зелеными глазами
В синем платье, только что надетом.
«Господи! Ведь он меня не любит!»
И Мария возвратилась к мужу.
Он ее любил. И только спяну
За измену упрекал не часто.
Стал художник скоро знаменитым.
Он писал похожие портреты
Академиков и генералов.
20 Стал богат. А два портрета продал.
Маша, женщина из Подмосковья,
Как-то раз случайно прочитала,
Что открылась выставка в музее.
И она стояла у портрета.
Но ее при этом не узнали.
А ее портрет был самый лучший.
«Господи! Ведь я была такая!»

1986

579. КОЛОРИТ

Рябины легкое вино.
И синий звук. И желтый отзвук.
И все во всем отражено.
И все объединяет воздух.

И словно бы несовместимы
Сиена и ультрамарин.
Но где-то в глубине картины
Цвет слабой синькой растворим.

Не для того изобразила
Природа образец холста,
Чтоб ляпал на него мазила
Несовместимые цвета.

Она зовет не к подражанию,
Создав воздушную среду,
А к озаренному дерзанию
И кропотливому труду.

И тут уж осень золотая
Легонько постучит в окно,
Колебля воздух и глотая
Рябины легкое вино.

1986

580. ДВА ГОЛОСА

П е р в ы й

Когда ты восстанешь из мертвых,
Какие ты скажешь слова?

В т о р о й

Нет, я не восстану из мертвых,
Душа моя будет мертва.

П е р в ы й

Когда ты вернешься на землю,
Ты снова полюбишь ее.

В т о р о й

Нет, я не хочу возвращаться
В убогое тело мое.

П е р в ы й

Да что тебе брненное тело!
Ты явишь божественный лик.

В т о р о й

Но как же я буду без тела?
Ведь я без него не привык.

П е р в ы й

Когда ты восстанешь из мертвых,
Себя от себя отрешит.

В т о р о й

Но нужно ли мне воскресенье
Одной бестелесной души?..

1986

581. EHEGI...

Возвиг я...

Гораций

Если бы я мог из ста поэтов
Взять по одному стихотворенью
(Большого от нас не остается),
Вышел бы пронзительный поэт.

Тот поэт имел бы сто рождений,
Сто смертей (и даты от и до),
Было б сто любовных наваждений,
Ревностей и ненавистей сто.
Сто порывов стали бы единым!
10 Споров сто поэта с гражданином!
Был бы на сто бед один ответ.
Ах, какой бы стал поэт прекрасный
С лирой тихою и громогласной!
Был бы он такой, какого нет.

Он тому, что время возвещало,
В строках вещей не дал бы истлеть.
И все то, что память возвращала,
Мог бы навсегда запечатлеть.

Гений роковых сороковых,
20 И пятидесятих полосатых,
И шестидесятих дрожжевых,
И загадочных семидесятих,
И восьмидесятих межевых!..

Не запятнан завистью и ложью,
Не произносящий слов пустых...
Почиталось бы за честь к подножью
Гения сложить свой лучший стих.

Памятник ему нерукотворный
Я воздвиг бы, и дорогой торной
30 Стала бы народная тропа.
А на нем я выбил бы слова:

«Да прославятся Кирилл, Мефодий,
Петр и Павел, и Борис и Глеб...
Монумент единому в ста лицах...
Знаменитому во всех столицах...»

Но, конечно, замысел нелеп.

1986

582. ВЕСОМАЯ ОСЕНЬ

Облаков паросский камень
Придавил собою даль.
А внизу, под облаками,
Моря медленная сталь.

Тяжелее рыжей меди
Кроны плотные дубов.
Вороны на парапете
Слышат барки бычий рев.

И после дождя ночного
Желобов железный хор.
Капли падают свинцово,
Словно литеры в набор.

Осень, как металл, весома
И, как камень, тяжела.
Только времени солома
Так легко горит дотла.

1986

583. ГЛОБУС

Шел старичок традиционный.
На нем коричневый картуз,
Немодный плащ темно-зеленый
И нес он глобус, как арбуз.

Он сел в сороковой автобус,
В толпу протиснулся бочком.
И люди раздавили глобус,
Смеясь над этим старичком.

Качался глобус сиротливо
В корявых старческих руках,
Как после атомного взрыва,
Дав трещины на полюсах.

И старичок традиционный
На глобус уронил слезу,
И говорил толпе смущенной:
— А что я внуку принесу? —

И кто-то вынул осторожно
Планету из корявых рук
И говорит: «Поправить можно».
А кто-то говорит: «Каюк!»

27 декабря 1986

А вот и старость подошла
 На цыпочках. Глаза прикрыла
 Мои ладонями. Спросила:
 — Кто я? — Не мог я угадать.

Она сказала:

— Я могила.

Она была так молода,
 Что вовсе страшной не казалась.
 Она беспечно улыбалась.

Переспросил:

— Ты старость?

— Да.

Не позднее 1987

585. У ПЕЧКИ

В печи березу жрет огонь,
 И пес глядит не отрываясь,
 Как пламя злится, извиваясь.
 А я к теплу тяну ладонь.

Увы! Романтика печей
 Не привлекает москвичей!

А здесь — поленья прогорят,
 Польется жаркий теплопад
 Наружу из багровой топки.
 Тогда заслонку затвори,
 Закрой трубу. И воспари,
 Разгорячившись, как от стопки.

В саду мороз острее стекла.
 Но автономия тепла
 Понятней прочих автономий.
 При ней и проще, и знакомей
 Понятия добра и зла.

Январь 1987

586

Владеть всем тем, чем нам дано,
 Чем человек богат и чуток!
 Не опускаться до того,
 Чтобы руководил рассудок!

А отдаваться тем, земным,
Слепым, глухим и безрассудным
Желаньям — тем, что мы храним
Наперекор понятиям скудным, —

Любви, сочувствию, слезам,
Прощенью, отвращенью к крови.
Все это, относясь к азам,
Естественно в своей основе.

1987

587

Тщеславье — грех. И может быть большой.
Оно себя блюдет неутомимо.
И совершая подвиги с гнильцой,
За то награды требует у мира.

А подвиги не требуют наград.
Им Времена определяют цену.
А мы едим незрелый виноград
И с браги бурных дней глотаем пену...

1987

588. ХЛЕБНИКОВ

Не думал про стихосложение,
Как это было в том веку,
Когда боролись за княженье
И пелось «Слово о полку».

Он что-то вспомнил так правдиво
Из темного праязыка,
Что месяц в небе всем на диво
Преобразился в рог быка.

Сородич мифов быкорогих,
Он солнце брал за удила,
И шел от шалашей убогих
Бить Прометеева орла.

Он с соколом Бояна бился,
Чтоб лебедей его сбережь...
И так он жил. А к нам явился
Произнести и умереть.

1987

Когда бы спел я, наконец,
 Нежнейшее четверостишье,
 Как иногда поет скворец
 Весною в утреннем затишье!

Про что? Да как вам объясню?
 Все так нелепо в разговоре.
 Ну, предположим, про весну,
 Про вас, про облако, про море.

28 марта 1987

Напиши мне, богомаз,
 «Утоли моя печали».
 Не на день и не на час
 Утоли мои печали.
 Словом уст и светом глаз
 Утоли мои печали,
 Утоли мои печали.

Март 1987

Поверить новым временам
 Не так легко при ста обманах.
 И впрямь, нужна ли правда нам
 В разоблачительных романах?

И нужно ли разоблачать
 То, что давно уже знакомо:
 Умение не замечать
 Попранье права и закона?

И неужели в том открытье,
 Что мы должны во все поры
 Правдиво освещать события,
 А там пусть хоть в тартарары?!

28 марта 1987

Жить так: без жалоб и обид
 На мир, который нас не любит.
 И лишь велит, а не сулит,
 И недовольно брови супит.

Ну а за что любить-то нас?
 За что нас мир любить обязан?
 Что дал ему наш жадный разум?
 Мы отбираем, не чинясь.

Съедаем море, реки, лес,
 Вонючий воздух выдыхаем.
 Съедаем синеву небес,
 Земную зелень пожираем.
 Враждуем меж собой. И без
 Самоубийства умираем.

1987

Э<ре> С<условой>

Несовпадения в пространстве
 Мы не заметим. Просто мимо
 Пройдем рассеянны, бесстрастны,
 Рассеемся, как струйки дыма.

Несовпадение во времени —
 Тоска о том, чему не сбыться.
 Бессмысленное озарение
 Томящегося ясновидца.

11 июля 1987

594. ЛИНИЯ

В толпе, где прямо не пройдешь
 И где нельзя стоять разинею,
 Нужна невидимая линия
 Сквозь сутолоку и гадеж.
 Она спасает от уныния,
 Прорезывая, словно нож,
 Хмельные здравицы триклиния
 И злые выкрики святош.

1987

Смысл истории, значение лиц,
 Может быть, нам растолкует гений,
 Нас убережет от небылиц
 И замусоренных представлений.

Может быть, как это было встарь,
 Люди снова приобщатся к тайне.
 В небе звезды вспыхнут, как янтарь.
 В них прочтем судеб предначертанье.

Не по звездам ли пора прочесть
 То, что философии неясно?
 И принять судьбу, какая есть,
 Не противоборствуя напрасно.

1987

Игра со временем — не с нашим и не с прошлым,
 А с тем, гудящим во вселенских парусах,
 Простительна лишь маленьким.

А взрослым
 Внушает отвращение и страх.

И оттого-то мы не спим ночами,
 Когда ясней, что время смещено.
 И давим время, как в давальном чане,
 Чтоб в голову ударило оно.

1987

597—599. СТАРЫЙ ЦИРК

1. ПОСЛЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ

Фонари погасли под шатром.
 Разошлись зеваки. А потом

В клетках звери тощие грустят,
 Вечный рупь канючит акробат.

В номерах циркачка с циркачом
 Хлещут чай, болтая ни о чем.

Фокусник Петров (Али-Баба)
 В пух продулся — значит, не судьба.

С кавалером, помня про канат,
Пьет канатоходка лимонад.

Думает в постели казначей,
Как бы облапошить циркачей.

А под мокрым тентом шапито
Слышен чей-то слабый шепот. То

Ангел цирка с детской головой
Бродит над ареной цирковой.

Между июлем и сентябрем 1987

2. БИМ И БОМ

Бом увел жену у Бима.
Ненавидит Бома Бим.
Как она была любима!
Он недавно был любим.

На манеже град пощечин
Отпускает Биму Бом.
Их союз казался прочен,
А теперь столкнулись лбом.

На манеже град пощечин
Отпускает Бому Бим...
Почему-то мы хохочем
И над тем и над другим.

14 июня 1987

3. ЛЕВ В НЕВОЛЕ

Они не знают, что царя зверей
Дрессировать не удастся.
Я просто знаю, что они сильнее
И что в них мало благородства.

Ее мне жалко. Так она слаба,
Так неумна, так лицемерна,
Что может только быть рабынею раба.
И пахнет от нее прескверно.

А я молчу. А надо, так рычу
И публику пугаю басом.
Но огорчать бедняжку не хочу.
Она меня к тому же кормит мясом.

Его я презираю. Пистолет
Он прячет от меня под мышкой.
Он трус и неврастеник, в тридцать лет
Страдающий одышкой.

Ему башку я мог бы размозжить
Своей тяжелой лапой.
Но не хочу. И оставляю жить
На радость этой, слабой.

А публика! Я знаю, что играть
Льва перед ней почти что подло.
Но как еще жалеть и презирать
На нас глазеющее кодро?..

12 января 1987

600. ДОЖДЬ

Дождь пахнет мокрой собакой.
Угрюмо горят фонари.
Сперва говорили: «Не вякай!»
Теперь говорят: «Говори!»

А что я поведаю ливню?
Чем стану его унимать?
И чем вообще осчастливорю
Всех тех, кто способен внимать?

10 Пристойно ли в роли всезнайки,
Оратора и свистуна
Рассказывать темные байки,
Скрывая, что грош им цена?

А буйствовать — это дешежка,
Но дорого станет. Таков
Удел одурманенных ловко
Беспамятных боевиков.

20 И что в этих ливнях повальных
Сказать, кроме слова «прости»,
От всяких сентенций банальных
Стараясь себя упасти?

Такою вот всячиной всякой
Терзаешь себя до зари...
Дождь пахнет мокрой собакой.
Угрюмо горят фонари.

1987?

А<лександр> Н<егоступ>

Начать с себя. Не ждать, покуда
В слезах покается злодей.
Мы не парадная посуда,
Что выставляют для гостей.

Не надо выходить на паперть,
Рвать с воем ворота рубаш.
А надо разом сдернуть скатерть,
Не пожалев о черепках.

Все это выкинуть на свалку —
Страх, недоверье и корысть,
Не ввязываясь в перепалку
С тем, для кого копейка — жисть.

А, обобрав репей приставший,
Очистить волю и судьбу,
Чтоб отвечал за нас не старший,
Не в пядях о семи во лбу.

Без фанфаронства самохвала,
Без злобы и впаденья в раж, —
А надо начинать с начала:
Хоть с азбуки и с «Отче наш».

11 декабря 1987

602. ПАМФЛЕТ

Б. Окуджаве

Публицист Сыгоняев,
Критикесса Слепцова
Написали памфлет
Про поэта Купцова.

Дескать, можно и нужно
По многим резонам
Стихотворца сего
Считать фармазоном.

Фармазон, фармазонище,
Страхолюдина злая,
Нечто обло, озорно,
Стозевно и лайя.

Так пугали друг друга
И страх нагнетали...
А Купцов в это время
Играл на гитаре.

Не знал публициста,
Не ходил к критикессе.
А играл на гитаре
О поле и лесе.

И о том, как созвездья
Бледнеют к рассвету.
А они свой памфлет
Отвозили в газету.

Он играл про влюбленных,
Прильнувших друг к другу,
Про коней вороных
И про белую вьюгу,

И про мальвы в саду
На ночном полустанке...
А они в это время
Правили гранки.

И с устатку вином
Прочищали гортани...
А Купцов все играл
И играл на гитаре.

Не позднее 1988

603. ПЕРЕМЕННАЯ ПОГОДА

Ветры быстры. Тучи сизы.
И внезапны переходы
Настроенья. И капризы
Переменчивой погоды.

Утром солнце из-за леса
Светит. К ночи с небосвода
Дождь колотит о железо.
Переменная погода!

Как в воде с лимонной солью
Пенная щепотка соды,
Закипает все раздолье
Переменчивой погоды.

И, подобная гуляке,
Не спешит считать расхода
Солнца, ветра, листьев, влаги
Переменная погода.

На смиренье и бунтарстве
Не стоит уж слишком твердо...
Поглядим, что будет дальше:
Или ливень, или ведро.

Не позднее 1988

604. ЗАПОВЕДЬ

Скажи себе: «Не укради!»
И от соблазна отойди.

Себе промолви: «Не обидь!»
И не обидишь, может быть.

И «Не убий!» — себе скажи,
И нож подальше отложи.

А там уж «Возлюби!» воспой.
А не возлюбишь, Бог с тобой.

Коль не украл и не убил,
Неважно, что не возлюбил.

Не позднее 1988

605. АЛЬФОНСАСУ МАЛДОНИСУ

Дай тебя переведу
За руку, поэт мой милый,
Через эту немоту,
Через эту пустоту
По непрочному мосту,
По одной досочке хилой.

Не гляди по сторонам
И не надо торопиться,
Чтобы нам не оступиться,
Чтоб ничем не поступиться
Из того, что нужно нам.

Пастухи или послы,
По мостку, что, как качели,

Оперся о две скалы —
Перейдем... Мы уцелели.
Но гляди, как поседели
Оба мы, покуда шли!

Не позднее 1988

606—608. ТРИ ОТРЫВКА

1

«Кара! Кара!» — крикнул ворон.
«Кайся!» — прозвенел топор.
Это осень всем просторам
Наш вчерашний разговор
Повторила.

Значит, где-то
Надо воспроизвести
Исповедь интеллигента
Кающегося... Прости!

2

Странно мне, что с приближеньем смерти
Я о ней не думаю при свете
Дня. Но если не заснул,
Чую под щекой дрожанье рельса,
Холод голой стали и экспресса
Приближающийся гул.

3

Вот что доступно только гениям:
Обдать нас, как волной и пеной,
Захватывающим движением
Реальности обыкновенной.

А если уж потребна исповедь,
То следует Экклезиаста,
Не обинуясь, перелистывать.
Однако иногда.
Не часто.

Не позднее 1988

К Маяковскому возвращаться?
Или дальше идти — до Блока?
До гибели докричаться
Или домолчаться до Срока?

Снова гнать историю плетью?
(Ох, и резвая это кляча!)
Провожать ли тысячелетье,
Размышляя, ликуя, плача?

Подводить ли сейчас итоги?
Или повременить с итогом?
Надо остановиться в дороге.
Отдышаться. А там уж — с Богом!

1988

В памяти угасла строчка,
Как падучая звезда.
В памяти моей непрочной
Не оставила следа.

Ни следа от той, летучей,
Строчки, что легко забыть,
Строчки на какой-то случай,
Пустяковый, может быть.

Пустяковый, может статься,
Чуть нарушивший покой,
Но никак нельзя расстаться,
Вспомнить хочется — какой?

14 августа 1988

От византийской мощи
Остался только прах
Или святые мощи
В глуши, в монастырях.

О мощи византийской
Остался только слух,
А на земле российской
Ее державный дух.

Пусть наша завируха
Безумствует, чтоб впредь
Российской мощью духа
Дух мощи одолеть.

1988

612

То, что от меня пошло,
Так при мне останется.
Ну а что ко мне пришло,
От меня отвалится...
Как грешить ни тяжело,
Тяжелее каяться.

25 августа 1988

613

Вспоминай про звезды неба,
Потому что звезды неба
Упасают от набега
Половца и печенега.

Потому что в жизни вздорной,
Часто празднующей труса,
Поднимают до Нагорной
Проповеди Иисуса.

Потому что в их чертоге
Без вражды и без тревоги
Обитают полубоги,
Рыбы, псы и козероги.

Потому что различным
Привкус тайны в их настое.
Потому что нет причины
Отвлекаться на пустое.

1988

614

Не время ли, чтоб полюбовно
Сходиться у одной черты
В сознание правоты любого
И собственной неправоты?

Не время ли пройти по лугу,
По сенокосу, по траве,
Доверчиво держась за руку,
Где нож таится в рукаве?..

Осень 1987 — сентябрь 1988

615

Памяти Ф. Ю. Зигеля

Вот еще один ушел
В даль, откуда нет возврата.
Серебристый снег лежит.
Каркнул ворон. Как в трехстишье
По-японски. Я один.
Дерево бежит с холма.
Мимо неподвижной речки
Протекают берега.

Не хватает мне коня,
Чтобы с ним вести беседу,
Потому что здесь все меньше
Разумеющих меня.
Я бы с ним поговорил
На серебряном наречье
Про призванье человечье,
Про игру вселенских сил.
Мне здесь жить не надоело,
Но у Господа для тела
Я бессмертья не просил.

21 ноября 1988

616. ПРОБУЖДЕНИЕ

Протер глаза. В окне светало.
Роса сходила, чуть дымя.
На испарение кристалла
Похоже прозреванье дня.

Окно наводится на резкость
Не сразу. Ведь туман в кустах.
Гляжу: в порядке ли окрестность
И все ли на своих местах.

Иль ночью, в пору перетрясок
И непонятных нам затей

Произошло смешенье красок
Или смещение плоскостей.

Все, кажется, в порядке. Кроме
Художника, что под окном,
Растрепан, как гнездо воронье,
Безумствует над полотном.

19 января 1989

617

Январь в слезах, февраль в дожде. Как усмотреть,
Что будет так: январь в слезах, февраль в дожде.
А если утром из окошка поглядеть,
Не угадать — когда живешь, когда и где.

Как разобраться нам в невнятице такой —
Январь в слезах, февраль в дожде. Престранный год.
Уж не нарушился ли (как у нас с тобой)
На веки вечные времен круговорот.

Не позднее февраля 1989

618. ПОВОРОРИМ О ДРЯНИ

Дрянь не лезет в стих.
Стих не лезет в дрянь.
Слышишь — ветер стих,
Видишь — в поле рань.

Вслушайся в зарю.
Соберись, встань.
Я и говорю:
В стих не лезет дрянь.

Скажут мне:
— Эстет!
Ты — от сих до сих...
Я отвечу: — Нет.
В дрянь не лезет стих.

2 февраля 1989

619

Покаяньям публичным не верится.
Лучше бы промолчать, утаить.

Как заветную веточку вереска,
Как во тьме ариаднину нить.

Нынче нужно с собою по строгости
Говорить, а не так, как тогда —
Помнишь? — при отупении совести.
Ой, какая случилась беда!

Горе скоро свое не размыкаю,
Но отвечу, уйдя в тишину,
За свою, за твою, за великую,
За неявную нашу вину.

3 февраля 1989

620

Остренький листок — как свечка,
Огонечек к новоселью.
Мы уже узнали нечто
Страшное про нашу землю.

Дымы, мощные, как кроны,
В небесах сомкнулись дружно.
Для погибели-то, кроме
Дымов, ничего не нужно...

21 февраля 1989

621

Простое величье я видел однажды
В Ахматовой Анне Андревне.
Не шли вереницей слоны магараджи,
Победные стяги не реяли.

Но в той комнатенке, в той маленькой келье,
В пристанище дружеском, подле нас —
Ее остроумие, голос и чтение
Стихов и особая подлинность.

В ней было простое величье природы,
Дыхание высокогорное.
В ней было явленье особой породы,
Естественное, непритворное.

И как ни ласкали нас, ни привечали,
Вдруг явствовало перед лицами

С плеча ниспаданье ахматовской шали,
Описанное очевидцами.

22 февраля 1989

622. ТРАДИЦИОННЫЙ СТИХ

Стих из девятнадцатого века
С небольшой присадкой современности —
От ее прерывистого бега.
Диссонансов и несоразмерности.

В остальном похоже. Но не слишком
Обольщайтесь внешнею похожестью.
Это хитрость, связанная с риском
Быть понятным всякому убожеству.

Но его читатель знает цену
Сюртукам, что он кряхтя натягивал
На себя. Ведь, выходя на сцену,
По одежке ножки не протягивал.

22 февраля 1989

623

Меня не трогайте! Я занемог
Недугом русским — чаяньем, надеждой.
На зов ее, как птица на манок,
Я отозвался с радостью поспешной.

Разочаровывать меня нельзя,
Разочаровывать меня жестоко.
Верна ли, не верна моя стезя,
Надеюсь я на милосердье рока.

Февраль—март 1989

624. ПОРА!

Откройте, наконец, архивы,
Чтоб выволочь на божий свет
То, чем тогда мы были живы,
В начале юношеских лет.

Пусть, наконец, проглянут лица —
Тот простодушен, тот лукав.

А тот, кто этого боится,
Пусть прячет голову в рукав.

10 Снимите с наших глаз повязки,
Чтоб каждый разглядеть сумел
Что́ выпадет при перетряске
Открытых и закрытых дел.

Отдайте же на суд палаты,
Где всяк судья и адвокат,
Признанья тех, кто виноваты,
И тех, кто лгал, что виноват.

20 По непреложным ли законам,
А может, просто так, сплеча,
Влекли к столыпинским вагонам
Или под пулю палача.

Цель правосудия — прощенье,
Но лишь тогда, когда даны
Без домысла и извращения
Все доказательства вины.

Так отомкните же архивы!
Избавьте нас от небылиц,
Чтоб стали ясными мотивы
Событий и деянья лиц!

30 Одна ль История причастна
К тому, что деют времена,
И гибель русского крестьянства
Не ею ли предreshена?

За самовольство всех диковин
Поди с Истории спроси!
А может, кто-то был виновен
В том, что творилось на Руси?

40 Пускай Народная Палата
Сберется. И, надев очки,
Поглядывает брат на брата,
Протягивает: «На, прочти!»

Чего боитесь? Превосходства
Над нами духа тех времен?
Или несходства? Или сходства?
Иль возмущения племен?

Откройте сейфы! Вот тогда-то
Свершится всенародный суд.
Пусть встанут адвокаты ката
И речи пусть произнесут.

50 Потом пусть встанут прокуроры
И прочитают им в упор
Доносы, самооговоры
И тайны пыточных контор!

И перед приговором трудным
Пусть воцарится тишина
И смолкнет перед часом судным
Вся многоликая страна.

60 Тогда, свободная от чуши,
Она, в сознание высших прав,
Осудит, очищая души,
И только этим покарав!

1989

625

Подстригай и прореживай кроны,
Чтоб плоды наливались полней.
У поэзии те же законы —
Надо слово прореживать в ней.

Находи и вырезывай лишнее.
Не жалея и прореживай вновь!
Видишь: строчка спелую вишнею
Разбивается в кровь.

Не позднее лета 1989

626. ИМПРЕССИОНИЗМ

Импрессионизм — дурное зреньё,
Тусклый свет, расплывчатость фигур.
Но уже не время, а мгновенье
На тебя взирает сквозь прищур.

И не надо думать о дальнейшем,
Не держать идею в голове.
Почему бы не считать важнейшим
Те стога и завтрак на траве?

Как бы ни резвились по дурацки
На траве, но в этом что-то есть.
Рядом осень смешивает краски
В октябре,
Когда темнеет в шесть.

Не позднее лета 1989

Он чувствовал несправедливость
отставки,
Что временщики
генералам дают.

Он сердце свое приноравливал к датам,
Не зная сомнений,
не чуя вины.

Он делал себя Неизвестным Солдатом,
Но с правом на памятник после войны.

Он мир этот нянчил.
Он создан был пасть,
Как мост в половодье. Ему было мало
Назначенной меры. И строчки ломала
Стихами замерзшая страсть.

А выстрела ждали. Казалось — судьба.
Но время сметало решетки запретов,
И Сталин уж не улыбался с портретов,
А верил в суровость,
как верят в себя.

Мы трудно учились такому пристрастью,
Что душу сожми,
и увидишь — права!
Поэзия — тот недостаток пространства,
Где только на честность даются права.

1940

629

Опять Гефест свой крутлый щит кует.
Морочат нас текучие измены.
Но мерные мужи уже не ждут Елены,
И время Андромахи настает.

Не женское искомое тепло,
Не ласточками сложенные руки!
Когда на наковальни тяжело
Кладут мечи и близятся разлуки —

Елена — вздор! Ахейцы спят в гробах.
И лишь одно останется от праха,
Как с Гектором прощалась Андромаха
И горечь просыхала на губах.

1940

630. ОТСТУПЛЕНИЕ

А у женщин глаза, как ручки
запрокинуты в небо...
Они лежат, как забытые вещи
На полях,
полных зеленого хлеба
И убитых женщин.

1941

631

Как пахнет Самарканд зимой,
Мне вспоминается сейчас.
Я жил его голубизной
Не мучаясь, не горячась.

Наверно, почки плят рты,
Наверно, облака бегут,
Как белоснежные гурты,
Прямой дорогой на Ургут.

Наверно, старцы (пусть Аллах
Им даст еще по две жены)
Толкуют о своих делах
На солнышке у чайханы.

И прут кусты через дувал,
И на далекие холмы
Веселый март понадевал
Зеленоватые чалмы.

Шумит вода о водосток,
И самаркандская весна
Сдувает белый лепесток
На строчки моего письма.

1943

632. СЛОВО О БОГОРОДИЦЕ И РУССКИХ СОЛДАТАХ

За тучами летучими,
За горами горбатыми
Плачет Богородица
Над русскими солдатами.

Плачет-заливается за тучкою серой:
«Не служат мне солдаты правдой и верой».

Скажет она слово —
лист золотится;
слезу уронит —
звезда закатится.
Чует осень долгуя перелетная птица.

Стояли два солдата на посту придорожном,
ветром покрыты, дождем огорожены.
Ни сухарика в сумке, ни махорки в кисете —
голодно солдатам, холодно им на свете.
Взяла их Богородица за белые —
нет! —
за черные руки;
в рай повела, чтоб не ведали муки.
Привела их к раю, дверь отворила,
хлеба отрезала, щей наварила;
мол, — ешьте, православные, кушайте досыта,
хватит в раю
живности и жита.
Хватит вам, солдатам, на земле тужити,
не любо ль вам, солдатам, мне послужити.

Съели солдаты хлеба по три пайки.
Жарко стало — скинули «куфайки».
Закурили по толстой.
Огляделись в раю.
Стоит белая хата на самом краю.
И святые угодники меж облаками
пашут райскую ниву быками,
сушат на яблонях звездные сети...

Подумал первый солдат
и ответил:

«Век бы пробыть, Мати, с тобою,
но дума одна не дает покою, —
ну как, Богородица,
пречистая голубица,
бабе одной с пятерыми пробиться! —
Избу подправить, заработать хлеба...
Отпусти ты меня, Пречистая, с неба».

И ответил другой солдат —
Тишка:

«Нам ружьишки — братишки,
Сабли востры — родные сестры.
И не надо, Богородица, не надо мне раю,
когда за родину на Руси помираю».

Не сказала ни слова, пригорюнилась
Пречистая.

И опять дорога.
Опять поле чистое.
Идут солдаты страной непогожею.
И лежит вокруг осень
мокрой рогожею.

Октябрь 1942—1943

633

Прости мне горькую досаду
И недоверье к чудесам.
За неимением адресатов
Я изредка тебе писал.

И знал, что широко отверсты
Глаза бессонные твои,
Что разгадала ты притворство
Несуществующей любви.

Но как бы мог в рассветный иней
Идти по наледи шальной,
Когда бы книжной героиней
Ты не таскалася за мной.

И что ни виделось, ни мнилось
Моей кочующей судьбе,
Ты принимала все как милость,
Не помышляя о себе.

Январь 1944

634. О СОЛДАТСКОЙ ЛЮБВИ

Стоят у околицы женщины
И смотрят в осеннюю стынь.
Из Киевщины в Смоленщину,
Из Гомельщины на Волынь
Мягутся солдатские тысячи.
Любовь и для них отыщется,
Но горькая, как полынь...

10 В наградах и ранах —
Штык да сума —
В шинелишке драной
Он входит в дома.
И славная баба
Безоговорочно
Признает хозяином
Запах махорочный.

— Быть может, и мой так по свету
скитается! —
Подумает бедная и запечалится.

...Озябшие птицы кричат на ветле,
Туманы заколобродили.
20 И мнится солдату: он снова в тепле,
Он — дома, он снова на родине.
Он снова в уютном и теплом
Дому,
где живет постоянство...

А там,
за темными стеклами, —
Неприбранное пространство.
А там,
за темными стеклами, —
Россия
с войною,
с бедою;
И трупы с слепыми глазами,
Залитыми водою;
30 И мельницы,
как пугала,
Закутанные в рогожи,
И где-то родимый угол.
И дом почти такой же.
И там — почти такой же —
Солдат,
усталый и черный,
Лежит с твоею бабой,
Податливой и покорной...

40 Я душу с тоски разую.
Закрою покрепче двери,
Чтоб мучить тебя, чужую,
За то, что своей не верю,
За то, что сто лет не бачил,
Какая ты нынче стала,
За то, что холод собачий

Прости, солдат, мой грубый стих.
Он мне напомнил те минуты,
Когда супротив нас двоих
Ломились немцы на редуты.
И пулемета злая дрожь
Тогда спасала нас от страха,
И ты, на бинт порвав рубаху,
Был не по-здешнему хорош.

И если нас с тобой, солдат,
Потомки будут видеть чище —
Неверность женщине простят,
Но за неблагодарность взыщут.

Апрель 1944

636

В колокола не звонят на Руси,
И нужно ли звонить в колокола.
Беззвучный Бог живет на небеси,
Ему нужна безмолвная хвала.

А нам понятней варварский Перун,
Чем этот, желторукий и текучий.
Но иногда, бывает, ввечеру,
Мы молимся ему... на всякий случай...

Апрель 1944

637. ПРОЩАНИЕ

Я вновь покинул Третий Рим,
Где ложь рядилась в ризы дружбы,
Где грубый театральный грим
Скрывать нет поводов и нужды.

А я готов был метров со ста
Лететь, как мошка на огонь,
Как только Каменного моста
Почуял плиты под ногой.

Здесь так живут, презрев терновники
Железных войн и революций —
Уже мужья, уже чиновники,
Уже льстецы и честолюбцы.

А те друзья мои далече,
Узнали тяжесть злой стези,
На крепкие прямые плечи
Судьбу России погрузив.

Прощай, мой Рим! Гудок кричит,
Вправляя даль в железную оправу.
А мы еще придем, чтоб получить
Положенное нам по праву!

Апрель 1944

638. ДЕВОЧКА

Восемь дней возила иудеев
Немчура в песчаные карьеры.
Восемь дней, как в ночь Варфоломея,
Землю рыли и дома горели.

«Слушай, Бог!» — кричали их раввины.
«Слушай, Бог!» — рыдали их вдовицы.
И Господь услышал неповинных —
Спас одно дитя от рук убийцы.

Девочка, растрепанный галчонок,
Бурей исковерканная птаха.
И глаза — не как у всех девчонок —
Полусумасшедшие от страха.

Я обнял несчастного ребенка,
Сел на покосившемся крыльце с ней,
Расчесал ей волосы гребенкой,
Волосы из «Песни Песней».

Девочка! И я ношу и грею
Под личиной грубой и несхожей
Сердце Божьей милостью евреев,
Милости не заслуживших Божьей.

Апрель 1944

639. 1942

Паек уменьшен был на треть,
Но только начался обстрел,
Я весь запас двухдневный съел,
Чтоб натошак не умереть.

Потом был снова путь без карт,
Без компаса, по облакам.
И таял снег. И шли сквозь март
Остатки нашего полка.

А голод пух в мозгу. Кричал
В кишках.

Тащили пушки на руках.
Был март. И снег чернел, тончал,
Сырел, как сыпь. И трупом пах.

Промерзший, черствый труп хирел
В снегу, оттаяв. И в бреду
Я у него нашел еду:
Пяток заволглых сухарей.

И, приотстав, как пес в углу,
Закрывшись рукавом, сопя,
Оглядываясь, торопясь,
Я ел.

И снова шли сквозь мглу
Остатки нашего полка.

И пушки вязли в колеях.
Был март. И снег хирел и чах,
И на оттаявших ветвях
Сырели облака.

Май 1944

640. АТАКА

Перед атакой пили ром,
Захваченный вчера в траншее.
В прокисшей глине вчетвером
Сидели мы, упрятав шеи.

Артподготовка, а за ней —
Вперед, в штыки, через лощину,
Через людей, через коней,
И раненых, и матерщину.

Сперва давленье изнутри
И только памяти биенье,
Но нагнетают пушкари
Снаружи равное давленье.

И смерть кончается. И лжет.
Штык молодец, а пули — дуры.

И рвутся смельчаки на ДЗОТ,
Закреть собою амбразуры.

Но мины рвутся на куски,
Удар — и грудью на дорогу!
Я жив! Я ранен! Слава Богу —
Отвоевался! — Нет руки.

Май 1944

641—644. ИЗ ЦИКЛА «РАЗГОВОР С ДРУЗЬЯМИ»

I

П<етру> П<етровичу> Н<естеровскому>

Скажите, правда ли рассудок
Вредит поэзии сейчас,
Среди невинных незабудок
Болотной ржавчиной сочась?

И неужели это плохо,
Что мысль, как камень, тяжела,
Что камнем тем мостит эпоха
Свои поступки и дела!..

10 Когда германец бил по нервам
И наш мужик бежал с полей,
Прямой рассудок в сорок первом
Слепых осаживал коней,

Он отрицал судьбы нелепость,
Был едким, как ружейный дым,
Копал окоп, врывался в крепость,
И крепость падала пред ним.

Май или июнь 1944

II

М. Ф.

О, нужно ли спускаться с Марса!
С душой смиренно стовориться,
Забуть исконное бунтарство,
Позорной прозе покориться.

Нет. В мире нам не будет скидок
На бедность, на войну, на нервы,

На недостаток и убыток,
На то, что есть на свете стервы.

Июнь 1944

III. ВДОХНОВЕНИЕ

Я снова ощущаю трепет
Души, спекающейся в горле,
Стихов еще невнятный лепет,
Навязчивость слогов повторных.

Они томят меня упорством,
Забывчивостью, глухотою.
И воздухом сухим и спертым,
Передгрозо́вой духотою.

Потом — неповторимый ливень
Ошеломляющих резонов.
И вдруг — возможность жить счастливым,
Дыша живительным озоном.

9 или 10 сентября 1944
Польша

IV

Нет! Мы не просто честолюбцы!
Мы ждем с упорными правами.
Мы помним запах Революций,
Нас время не смутит словами.

И мы привыкли к той России,
С которой правда бунтов слита,
В которой воинов растили
Для Белграда и для Мадрида.

«Вставай, проклятем заклейменный!» —
Мы свято сохраним с тобою,
Как мальчишки хранят знамена,
Упавшие во время боя.

10 сентября 1944
Польша

I

Мы в старый дом вошли. А стужа
Алмазом режет, как стекольщик.
Мы в угол прислонили ружья.
— Хозяйка, далеко до Польши?

Покурим. Помолчим. И в хлесткий
Упорный дождь ныряет «Виллис».
Кресты пугались перекрестков.
Погосты белые молились.

Мы снова осмотрели диски
И автоматы. Украина
Нас привечала по-бандитски —
Кривым ножом и пулей в спину.

1944

II. МАРИЯ

Рушники, расшитые цветами.
Хата мелом выбелена чисто.
Здесь живет Мария, как святая,
Хлеб печет и звякает монистом.

Здесь она. И вся, как на ладони
Ласточкой летит неосторожной,
Ручейком, источником, водою,
Зайчиком, упавшим на порожек.

10 Но, красноармеец, не гляди ты!
Женщине не верь, она, как кошка —
К ней приходят хмурые бандиты
Вечерком протоптанной дорожкой.

Им она вчерашних щей согреет,
Все она расскажет им про наших,
И они, пока не посереет,
Будут водку пить из грубых чашек.

Июнь 1944
Овруч-Гладковичи

III. ПРИБЫТИЕ В КОВЕЛЬ

О, я бы запил, запил, запил
В суровых зарослях дождя,

Ушел в бессрочный шорох капель,
Где мокнет поле, как нужда.

Где на обломанной макушке
Печальный аист в колесе,
Где исковерканные пушки
Лежат на ковельском шоссе.

И где кресты остановились
Воспоминаньем о страстях,
Где мимо мчит упрямый «Виллис»
На перегретых скоростях...

О, я бы за́пил, за́пил, за́пил
В суровых зарослях дождя.
Он хлещет вкось со звоном сабель,
Струю до блеска наведя.

О, злоба уцелевших кровель!
Дожди бессрочные стучат.
Сквозь заросли пришедший в Ковель,
Трезвеет медленно солдат.

21 августа 1944
Конколевица

V. БЯЛА ПОДЛЯСКА

На стенках римские святые
Ведут невинный разговор.
Воздев пространства завитые,
Пылит торжественный собор.

Старух головки черепашьи,
Молящих о своих делах.
Теней, одетых по-монашьи,
Неразговорчивость в углах.

Не та ли высохшая глина,
Соборной ставшая скалой,
В вонючих лагерях Люблина
С людскою смешана золой?

Где Польша бунтов и восстаний?
За занавеской тишины
Живут старательные пани,
Торгуют грушами паны.

Нет! Нам был дом немил и проклят,
Когда на дальних рубежах

Звучал орудий первый рокот,
Победу врагу стяжав.

А здесь, над пыльной позолотой
Едва остывшей земли,
Приличный пан потертый золотой
Меняет срочно на рубли.

Сентябрь 1944

649. АТАКА

Приказ проверить пулеметы.
Так значит — бой! Так значит — бой!
Довольно киснуть в обороне.
Опять, опять крылом вороньим
Судьба помашет над тобой!

Все той же редкой перестрелки
Неосторожный огонек.
Пролает мина. Свистнут пули.
Окликнут часовых патрули.
И с бруствера скользнет песок.

Кто знает лучше часовых
Пустую ночь перед атакой,
Когда без видимых забот
Храпят стрелки и пулемет
Присел сторожевой собакой.

О, беззаботность бытия!
О, юность горькая моя!
О, жесткая постель из хвои.
Мы спим. И нам не снятся сны.
Мы спим. Осталась ночь до боя.
И все неясности ясны.

А ночь проходит по окопам.
На проволоке оставит клочок.
И вот — рассвет. Приедут кухни.
Солдатский звякнет котелок.
И вот рассвет синеет, пухнет
Над лесом, как кровоподтек.

И вдруг — ракета. Пять ноль — ноль.
Заговорили батареи.
Фугасным адом в сорок жерл
Взлетела пашня. День был желт.
И сыпался песок в траншеи.

Он сыпался за воротник
Мурашками и зябким страхом.
Лежи, прижав к земле висок!
Лежи и жди! И мина жажнет.
И с бруствера скользнет песок.

А батареи месяц, месяц.
Колотят гулкие цепи.
Который день, который месяц
Мы в этой буре и степи?
И времени потерян счет.
И близится земли крушение.
Застыло время — не течет,
Лишь сыплется песок в траншеи.

Но вдруг сигнал! Но вдруг приказ.
Не слухом, а покорной волей
На чистое, как гибель, поле
Слепой волной выносит нас...

И здесь кончается инстинкт.
И смерть его идет прозреньем.
И ты прозрел и ты постиг
Негодование и презренье.
И если жил кряхтя, спеша,
Высокого не зная дела.
Одна бессмертная душа
Здесь властвовать тобой хотела.
«Ура!» — кричат на правом фланге.
И падают и не встают.
Горят на сопке наши танки,
И обожженные танкисты
Ползут вперед, встают, поют,
«Интернационал» поют.
И падают...

Да, надо драться!

И мы шагаем через них.
Орут «ура», хрипят, бранятся...
И взрыв сухой... и резкий крик...
И стон: «Не оставляйте, братцы...»
И снова бьют. И снова мнут.
И полдень пороха серее.
Но мы не слышим батареи.
Их гром не проникает внутрь.
Он там,
за пыльной пеленой,
Где стоны, где «спасите, братцы»,
Где призрачность судьбы солдатской,
Где жизнь расчислена войной.

А в нас, прошедшая сквозь ад,
Душа бессмертия смеется,
Трубою судною трубя.
И как удача стихотворца,
Убийство радует тебя.

Уж в центре бросились в штыки
Бойцы потрепанной бригады.
Траншеи черные близки.
Уже кричат: «Сдавайтесь, гады!»
Уже иссяк запас гранат,
Уже врага штыком громят
Из роты выжившие трое.
Смолкает орудийный ад,
И в песню просятся герои.

8 сентября 1944
Конколевница

650. ПАСТЕРНАКУ

Мы были музыкой во льду...
Пастернак

О, Пастернак! О, марбургский девятиклассник!
Вам слишком плоским показался свет,
Где делят всех на белых и на красных
Без прочих отличительных примет.

Нам не уйти от правды гололобой —
Она велит! — и места нет стыду,
И злоба дня святою стала злобой.
Так где же ваша музыка во льду?

Все тех же дней в окне мелькают хлопья.
Идет зима. Дома курят табак.
Неужто мы напрасно наши копыта
За вас ломали в спорах, Пастернак?

Я помню лед на Ладого. И срубы
С бойницами, где стынет пулемет.
Где ж ваша музыка! Я помню этот лед,
Мы там без музыки вмораживали трупы.

И мы не подстригались под псковских,
Куря в окопах грубую махорку.
Нас тоже жребий некогда постиг
Не поддаваться попусту восторгу.

И мы противоречили азам
Беспорных политграмот и декретов...
Но вот простор, открывшийся глазам,
Он стал, как степь, посередине света,

Он стал, как музыка! И музыка была,
Пусть незатейлива. Пускай гармошкой вятской
С запавшим клапаном и полинявшей краской,
Пускай горбатая — и ей стократ хвала!

Где каждый час свистя влечет беду
И смерть без очереди номер выкликает,
Нельзя без музыки, без музыки во льду,
Нельзя без музыки!

Но где она такая?

Сентябрь 1944

651. ДОМ НА СЕДЛЕЦКОМ ШОССЕ

Дом на Сédлецком шоссе.
Стонут голуби на крыше.
И подсолнухи цветут,
Как улыбки у Мариши.

Там, на Седлецком шоссе,
Свищут оси спозаранок.
В воскресенье — карусель
Разодетых хуторянок.

10 Свищет ось — едет гость,
Конь, как облак белоснежен.
Там Мариша ждет меня,
Ждет российского жолнежа.

Ты не жди меня, не жди —
Я давно под Прагой ранен.
Это едет твой жених —
Скуповатый хуторянин.

20 Скоро в доме на шоссе
Будут спать ложиться рано.
Будешь петь, дитя жалеть:
«Мое детско, спи, кохано.

Спи, кохано, сладко спи.
В небе звездочка кочует.

Где-то бродит мой жолнеж?
Где воюет? где ночует?»

Конец 1944

652

Вы просите стихов. Их нет.
Есть только сердца боль. И бред
Ума, привыкшего вдвойне
К любым разлукам на войне.
Неужто называть стихом
Печные трубы при глухом
Проселке, тусклые кресты
На перекрестках, мертвый танк —
Черты осенней пустоты.
Неужто называть стихом
Ночные вспышки батарей,
Останки боя, мелкий дождь
И вкус солдатских сухарей.

Пусть мир сперва научит нас
Тоске, бессоннице, беде,
Пусть совесть не смыкает глаз,
Пусть бой преследует везде,
Пусть в душе перегорит,
Пусть в мозгу переболит,
Пусть как шомпол по плечу
Сечет и колет как игла —
Я вынесу и различу,
Что жизнь по-прежнему светла.
Тогда я вновь приду к стихам,
Как мне писалось на роду.
Да будет так, чтоб не стихал
Огонь в душе и дождь в саду!

Конец 1944

653. ДОМ У ДОРОГИ

Когда-то здесь жили хозяева,
За этими стенами белыми,
А нынче потухли глаза его,
Закрыты фанерными бельмами.

И мы здесь стояли постоем,
Недолгие постояльцы.
И мы здесь вдыхали простое
Домашней судьбы постоянство.

В цветении яблонь пернатых,
В печных разноцветных разводах
Здесь дремлет домашних пенатов
Войной потревоженный отдых...

Мы вышли в тот вечер из боя,
С губами, от жажды опухшими.
Три дня рисковали собою,
Не спали три дня и не кушали.

Почти равнодушные к памяти,
Не смыв с себя крови и пороха,
С порога мы падали замертво
И спали без стопа и шороха.

Так спят на оттаявшей пахоте,
Уткнувшись пробитыми лбами.
Так спят утонувшие в заводи
Слепцы с травяными чубами...

Мы спим под разметанной крышею,
Любимцы фортуны и чести,
От дома надолго отвыкшие,
Привыкшие к смерти и мести.

1944 или 1945

654. В ШЕСТЬ ЧАСОВ ВЕЧЕРА ПОСЛЕ ВОЙНЫ

Вот когда припомнились друзья!
Вот когда пошли терзать разлуки!
Вспомнили про души — ведь нельзя,
Чтоб всегда натянута, как луки.

И куда помчится мой двойник
Через все пределы ожидания?
С кем он в шесть часов после войны
Побежит на первое свиданье?

Он устал... Иных давно уж нет...
Камни у разбитого Рейхстага...
В тишину, как лекарь в лазарет,
Ночь идет, не замедляя шага.

Кислой медью крыши зелены́,
Ночь идет в просветы стен без стекол.
Медный труп зеленого коня
Скалится, поваленный на цоколь.

Здесь в тиши накрыт наш скромный стол.
Шесть часов... Мы празднуем победу.
Но никто на праздник не пришел.
Те, кого позвал бы я к обеду,

Где они, поэты и друзья!
Кто убит, а кто пропал без вести.
А который, может быть, как я
Пьет коньяк в проклятом Бухаресте.

Трудно в тишине дышать и жить...
И сосед сказал, вздохнув глубоко:
— Может, этот праздник отложить —
Здесь ведь до Парижа недалеко...

1945

655. БОЖЕНА

Нас обнимали украинки,
Нас целовали польки...
Кто сосчитает, сколько
Было их, нежных и грустных:
Бандитские жинки под Сарнами,
Под Ковелем — брови черные,
Под Луковым — очи чарные,
Под Седлецом — косы русые.

10 Но все равно не утолить
Душе бессмертной жажды.
И как болело, так болит
У любящих однажды.

От переправ
Левей Пулав,
Вперед передовых застав
Врывался на броневиках
Отряд, кося заслоны.

20 И нам полячки на руках
Тащили крынки молока
И хлеб недосоленный.

На третий день нам отдых дан:
Расположиться по домам,
Оставив караулы.
И спирта выдать по сту грамм,
Чтоб выпили и отдохнули.

Закон войны суров и строг:
Вот хлеба черствого кусок,
Вот спирта синего глоток.
Но входит женщина к тебе —
30 И к черту сыплется закон,
Хотя бы на короткий срок...

Был смех ее как тихий снег:
Слегка слепил и жег.
И сыпался с ресниц и век,
И я заснуть не мог,
Хотя без отдыха и сна
Три дня нас мучила война.

Божена! Здесь бы обрубить
Пути. Влюбиться наповал.
40 Чтоб только дальше не идти,
Чтоб только губы целовал.
Забывать, что нас сжимает сеть
Порядков и примет,
Что отступает по шоссе
Четвертый regiment,
Что отдых — несколько часов,
А после — сердце на засов...

И вдруг парабеллум пролаял
Где-то за пологом ночи.
50 И сразу пошла удаляя
Косить пулеметная очередь.

И мы по-солдатски вставали,
Вмиг забывая про губы.
И мы на бегу надевали
Тяжелые наши тулупы.

Нас властно хватала за ворот война:
Мужская работа — да будет она!
Прощай, моя радость, Божена, Божена!
60 Я мог быть блаженным —
Да воля нужна!

Июль—август 1945

656

Так рубят лозу на скаку,
Так гнется струя голубая,
Так прежнюю нашу тоску
Событья навек обрубают.

Не стоит на сытость менять
Бездомье и чистую совесть.
Нам хватит о чем вспоминать,
Но этим не кончилась повесть.

Пять дней тархтел эшелон,
Деревни в потемках чернели,
И били погосты челом
Бесчисленным серым шинелям.

Курили зловредный табак,
Уже помирать приговорясь.
Так было. И помнится так.
Но этим не кончилась повесть.

На годы покой потерять
В горячем, всемирном потопе.
Солдаты судьбу матерят
В простреленном мокром окопе.

И пуля собьет на бегу.
Атака — и это не новость!
Застывшие трупы в снегу.
И этим не кончилась повесть.

В начале такого-то дня
Очнуться в дыму окаянном,
Услышав, что в море огня
Сдается Берлин россиянам.

И скинуть гранаты с ремня,
От сердца отринуть суровость.
Ты дожил до судного дня.
И этим не кончилась повесть.

1945

657

Зачем кичимся мы и спорим,
Коснеем в давних недоверьях —
Одним мы выброшены морем
На тот же самый звонкий берег.

Мы оттого росли с пристрастьем,
Что, став препоной темной силе,
Была не именем пространства,
А имя времени — Россия.

Так поступайте, как хотите,
Чтоб только песни не стихали!
Для всех достаточно событий,
Пытающихся стать стихами.

И пусть попытка будет пыткой —
Любая мука будет легче,
Чем жизнь с оглядкой и со скидкой
В уютном логове залегши.

Ты прав, товарищ, не до спора,
Когда в цене любое слово.
Быть может, скоро, очень скоро
Горнисты заиграют снова.

Быть может, снова полустанки
Пойдут раскачивать закаты,
И поползут на приступ танки,
Как неизбежность угловаты.

На то даны глаза поэту,
Чтоб разглядеть в кромешном быте,
Как даты лезут на планету
С солдатским топотом событий.

5 января 1946

658

Я верю в нас. И это свято.
Мне этот стяг незаменим.
Мне все равно, какую дату
Подарят нам для именин.

Весной вздуваются овраги,
Бурлят и корчатся снега.
В исписанном листе бумаги
Ты видишь первого врага.

Ты шариишь ошалевшим взором,
Кладешь пространство на ладонь.
Пруды сливаются в озера,
Висят скворешни над водой,

Висят деревья вверх ногами,
Кричат в деревне петухи.
Родится истина нагая
И начинаются стихи.

Вот так же мы. И это свято.
Измучив рифмами мечты,
С войны пришедшие солдаты,
Прорвем плотины немоты.

5 января 1946

659. БАБЕЛЬСБЕРГ

1945

Мне снился сон, тифозный и огромный,
Как долгий дождь, подробно, не спеша,
Как будто в целом мире от разгрома
Не уцелела ни одна душа.

И только пятна трупов вдоль обочин,
И только — крупы вымерших коней,
И только — роща голая и очень
Просторный сумрак плещется по ней.

Прошли войска по Западной Европе.
Пролязгали железные стада.
И медленно, как в сказке о потопе,
Обратно в русла схлынула вода.

И просыхают прусские долины.
И тишина объемлет шар земной.
Но где он, голубь с веткою маслины,
Не жди его, новорожденный Ной!

Так холодно в Германии и пусто.
По рощам осень ходит не спеша.
Дома оглохли. И такое чувство,
Что нет души. Что вымерла душа.

А в кабаке оркестр играет танцы.
Цветные юбки кружатся в пыли.
И пьют коньяк в домах американцы,
И русские шагают патрули.

Скрежещут ставни, старые, косые,
Тревожное идет небытие...

Как хорошо, что где-то есть Россия,
Моя мечта, прибежище мое!

10 января 1946

660. БАНДИТКА

Я вел расстреливать бандитку.
Она пощады не просила.
Смотрела гордо и сердито.
Платок от боли закусила.

Потом сказала: «Слушай, хлопец,
Я все равно от пули сгину.
Дай перед тем, как будешь хлопать,
Дай поглядеть на Украину.

10 На Украине кони скачут
Под стягом с именем Бандеры.
На Украине ружья прячут,
На Украине ищут веры.

Кипит зеленая горилка
В беленых хатах под Березно,
И пьяным москалям с ухмылкой
В затылки тычутся обрезы.

20 Пора пограбить печенегам!
Пора поплакать русским бабам!
Довольно украинским хлебом
Кормиться москалям и швабам!

Им не жиреть на нашем сале
И нашей водкой не обпиться!
Еще не начисто вписали
Хохлов в Россию летописцы!

Пускай уздечкой, как монистом,
Позвякает бульбаш по полю!
Нехай як хочут коммунисты
В своей Руси будуют волю...

30 Придуманы колхозы ими
Для ротозея и растяпы.
Нам все равно на Украине,
НКВД или гестапо».

И я сказал: «Пошли, гадюка,
Получишь то, что заслужила.
Не ты ль вчера ножом без звука
Дружка навеки уложила.

Таких, как ты, полно по свету,
Таких, как он, на свете мало.

Так помирать тебе в кювете,
Не ожидая трибунала».

Мы шли. А поле было дико.
В дубраве птица голосила.
Я вел расстреливать бандитку,
Она пощады не просила.

Сентябрь 1944—1946

661. ПАВЛУ КОГАНУ

Кахетинским славным, старым
Наши споры начаты
За Рождественским бульваром
С наступленьем темноты.

Павка Коган! Выпьем, Павка,
Нашу молодость любя!
Офицерская заправка
Почему-то у тебя.

Ты не будешь знать про старость.
Ты на сборище любом —
Угловатый, белый парус
В нашем море голубом.

Помнишь, Павка, тамадою
Вечер в звездных угольках,
Весь как политый водою,
Весь в сирени, как в стихах.

Черный вечер, весь в сирени,
Весь сверкающий от глаз —
Он входил в стихотворенье,
Как вино входило в нас.

Головой качаешь, Павка,
Ты не помнишь эти дни...
Офицерская заправка,
Пехотинские ремни.

Руки брошены, как плети,
Брови сведены в одну...
Погубило лихолетье
Нашу первую весну!

Но весною после Финской,
В ожиданье новых дат

Мы бокалы с кахетинским
Поднимали за солдат.

Выпей, Павка! С разговором,
Как когда-то, как живой.
Ты не вейся, черный ворон
Над моею головой.

Наша молодость осталась!
И на сборище любом
Ты — упрямый белый парус
В нашем море голубом.

1946

662. СИБИРЬ

Сибирь! О, как меня к тебе влечет,
К твоим мехам, к твоим камням.
Там бешеная Ангара течет
С губами в пене, как шаман.

Сибирь! Перемолоть ногами тракт,
Перевалить Урал.
И вдруг — Байкал лежит в семи ветрах,
У океана синеву украл.

Сибирь! — тысячелетняя тайга.
Я с детских лет, как сказку, полюбил
Иртыш, Тобол, кержацкие снега,
Киргизские глаза твои, Сибирь.

Когда во глубине сибирских руд
Кирки бросали, точно якоря,
И верили, и знали — не умрут
И, наконец, взойдет она, заря.

Когда в охотничий трубила рог пурга
И старатели пили, ругая пургу,
В татарские скулы упиралась рука
И глаза грозили тебе, Петербург.

И вот я заболел тобой,
Тобой, Сибирь! Не мамонтовый клык,
Не золото связало нас судьбой,
А вольности осмысленный язык.

Сибирь! Ты этой вольности простор,
Простор не в бубенцах, а в кандалах.

Лежит Алтай, как каменный топор.
Прими его, помыслив о делах!

2 апреля 1946

663. И<ЛЪЕ> Л<ЪВОВИЧУ> С<ЕЛЬВИНСКОМУ>

Как узнает орел орлят,
Вы узнавали нас по писку.
Пускай вам снова не велят
Отдаться пламенному риску!

У будней жесткая кора.
Льстецы довольствуются малым.
Война окончена. Пора
На отдых старым генералам.

10 Но вам не удастся так.
Вы видите в клубке метаний
Картины будущих атак
И планы будущих кампаний.

И в кабинете пол дробя,
Руками скручивая главы,
Вы вновь осмотрите себя
И убедитесь в том, что правы.

20 Вы правы, может быть, не в том,
Что в нас бессмертны заблужденья.
Но в том порука — каждый том
И ваше столпное сиденье,

Что к вам поэзия строга
За исключением балласта.
Любая точная строка
Одной лишь истине подвластна.

Между 6 и 9 апреля 1946

664

Пора бы жить нам научиться,
Не вечно горе горевать.
Еще, наверное, случится
Моим друзьям повоевать.

Опять зеленые погоны.
Опять военные посты

И деревянные вагоны.
И деревянные кресты.

Но нет! уже не повторится
Еще одно Бородино,
О чем в стихах не говорится
И нам эпохой прощено.

1946

665

А вдруг такая тьма наступит,
Где ни любви, ни веры — нет.
Одно в небесной черной ступе
Существование планет.

И время — длительность простая,
И страсти — выдумка моя,
И счастье — видимость пустая
Для оправданья бытия.

Все пролетает мимо, мимо.
И средь чугунной пустоты
История неумолимо
Усовершенствует кнуты.

Напрасно чистые тоскуют,
Любовью окрестив тоску.
Зачем рыдают и токуют
Тетеревами на току...

Но нет! Нельзя, нельзя, нельзя же
Навек отречься от мечты.
Нельзя в обыденном пейзаже
Искать лишь смертные черты.

Сухая плоть стихотворенья,
Пространство, ставшее строкой,
Сулит осмысленность творенья
И мягкость глины под рукой.

1946—1947

666. В ГОСТИ

Порой затоскую по снегу,
По нежному свету,

По полю,
По первому хрусткому следу,
По бегу
Раздольных дорог, пересыпанных солью.

Там к вечеру — ветер. И снежные стружки,
Как из-под рубанка,
Летят из-под полоза.
10 Эх, пить бы мне зиму
Из глиняной кружки,
Как молоко, принесенное с холода!

Знакомая станция. Утренний поезд,
Окутанный паром,
Как дверь из предбанника.
Пошаркает, свистнет, в сугробах по поясу
Уйдет,
Оставляя случайного странника.

И конюх (всегда подвернется на счастье!)
20 Из конторы почтовой
Спросит, соломы под ноги подкатывая:
— А вы по какой, извиняюсь, части?
— А к нам по что вы?
— Стужа у нас сохатая!

И впрямь — сохатая!
В отдаленье
Деревья рога поднимают олени,
Кусты в серебряном оледененье.
Хаты покуривают. А за хатами —
30 Снега да снега — песцовую тенью.

— А я не по части,
— А так — на счастье..
Мороз поскрипывает, как свежий ремень.
Иней на ресницах.
Ветерок посвистывает.
Едем, едем — не видно деревень,
Только поле чистое.

И вдруг открывается: дым коромыслом,
И бабы идут с коромыслами
40 К проруби
По снегу, что выслан
Дорожками чистыми,
Одеты в тулупы, как в теплые коробки.

В знакомую хату
Ворвешься с мороза,
Утешишь ребят городскими гостинцами,
Обнимет тебя
Председатель колхоза,
С которым полсвета прошли пехотинцами.

50 Подробно расспросит
Про то, как живу.
Потом о себе.
И добавит со вздохом:
Вот дай только выбраться, братец, в Москву.
Хоть там отдохнешь.
А у нас суматоха!

6 января 1947

667. СЛОВО

Ты меня в ладони не уложишь,
Не упрячешь в письменном столе.
Ты меня, как пулю, спрятать можешь
В гладко отшлифованном стволе.
Чтоб в со всех сторон зажатом теле
Под угрозой острого бойка
Знать одно лишь ощущение цели...
Только бы не дрогнула рука!

10 июня 1947

668. В ТУМАНЕ

Из стихов о царе Иване

Ты мало грозен был, Иван,
Тебе бы надо быть лютей,
Учил бы разуму людей —
Не удержаться головам!

А если кровь кругом течет,
Да пот, да горькая слеза,
Свистит лоза, топор сечет —
Так это, Царь Иван, не в счет.

10 Вставай, Иван, седлай, скачи,
С метлой да с песьей головой,
В лесу по-волчьему завой,
В степи по-птичьему вскричи.

Не видно света в слободе,
Не скрипнут двери в темноте,
Ни разговора, ни огня...
Вставай, Иван, седлай коня!

20

Ты черным вороном лети
Со сворою своей вокруг!
Ты вора-ворога найди,
Найди за тридесять округ.

Ты лютым зверем стань для всех —
Хватай, как волк, юли, как лис,
А дело сделаешь — за грех
Свой человечий помолись.

Не скрипнут двери в слободе,
Темно и тихо, как в воде.
И скачет по полю Иван.
А вкрут него туман, туман...

Июль 1947

669—671. МАРИНЕ ЦВЕТАЕВОЙ

1

Много слов о тебе говорилось.
Я хочу, чтобы ты повторилась!

Но не так, как лицо повторяется
В зеркале бездушном,
Но не так, как облако покоряется
Водам душным.
Но не так, как эхо отворяется
В пустотах лестниц —
Только так, как сердце повторяется
В просторах песни.

Как жила ты, того не ведаю —
Мы родились врагами.
Но была ли ты легкой победою
Над словами, слогами?

Или без отдохновенья
Над черновиками
Мучило тебя вдохновенье
Каменными руками?

Мы к тебе не ходили друзьями
И в друзья не просились.
В какой парижской яме
Бредила ты о России?

Пограничные полосы,
Иноземные грады. —
Мы различные полюсы,
Между нами — разряды.

Ты — царица невольная,
Не вкусившая власти.
Между нами, как молнии,
Накипевшие страсти.

Ты — беглянка болезная,
Заплутавшая в чаще.
Между нами — поэзия,
Этот ливень кипящий.

2

Марина, Марина,
Много мы ошибались:
Сухие долины
Райским долом казались.

Трудно нам живется,
Трудно плывется
По глухому морю,
По людскому горю.

Но щедрей и утрюмей
Наши вольные страсти —
Ты — как золото в трюме,
Мы — как парус и снасти.

У глубинного кабеля
Ты заляжешь, тоскуя.
Нас же выкинут на берег,
На потребу людскую.

Может, где-то на Каме
Для веселых людей
Поплывем челноками
Под весеннею сетью дождей.

Иль, как символ братанья,
Об осенней поре

Прогорим над Бретанью
В полуночном костре.

3

Назначенье поэта —
Счастье или ярмо?
Ты, Марина, — комета
В полете ее непрямом.

Ты еще возвратишься
Из далеких гостей,
Когда в мире затихшем
Будут мерять по силе страстей.

Ты еще повторишься —
Не как облако в тихой воде,
А как в песнях парижских
И московских людей
Повторяются вольные,
Не признавшие власти
Накопившейся молнии
Накипевшие страсти.

1947

672. НА ОБИ

Барнаульская ночь высока, холодна,
И видать далеко на Оби.
И звезду на куски расшибает волна
О корму деревянной ладьи.

Мы беседу ведем, приглядевшись ко тьме,
Где болтливые волны спешат.
Красноватый фонарик горит на корме,
Где тяжелые сети лежат.

Пароходы плывут под сипенье гудка,
Просквозив огоньками кают.
Барнаульская ночь холодна, высока,
А на палубе песню поют.

Это жизнь пролетает, светясь и крича,
Лопастями плеща по Оби.
А рыбак на весло налегает с плеча
И к рассвету шумят воробы.

Мы идем к островам, где чернеет ветла,
Чтоб соснуть, привалившись к костру.
Там под ветром береза метет, как метла,
Выметая созвездья к утру.

А рассвет розоват, а потом — серебрист,
А потом и светло на реке.
Пароходы уходят на Новосибирск
И гудят, и гудят вдалеке.

Сентябрь 1948

673

Золотая моя, как же так? как же вдруг?
Я мечтаю о грубом железе.
Медный век, медный век зеленеет вокруг,
Ядовитую ржавчиной лезет.

Золотая моя, золотая моя,
Вот и ты залетела в бессонье,
Как порой в облаках залетают моря,
Проливаясь слезами без соли.

В нас соленая кровь до краев налита,
Медь от крови становится ржавой.
Ну а ты — управляй, как Иван Калита,
Золотою своею державой.

1949

674

В каком нас горниле ни плавило —
Мы всё — исключенье из правила.
Клинком ли мы были, врага ли рубили —
Почета и славы себе не добыли.
Трубой ли мы были, к походу сзывали —
О нас позабыли на первом привале.

Хотят, чтоб сидели бы мы торгашами,
Чтоб всё колдовали в ночи над грошами
В убогом подвале...

10

Какой же хотите расплаты вы
За те преступленья Пилатовы?
За что нам грозите мечом и пожаром,
За то ли, что был лжемессия покаран?!

Хотите быть светом, чтоб мы были тенью,
Чтоб вам быть стопою, а нам быть ступенью,
Чтоб ростом мы льстили плюгавым пигмеям!
Нет, мы не желаем и мы не умеем.

20 Мы, горькие, были бы сахару слаще,
Когда бы судьба нас ласкала почаще.
Мы в землю сухую вросли бы корнями,
Когда бы костры не пылали под нами.

О, люди, взираю без злобы и мести,
На то, как вы жить не умеете вместе,
На вас несчастливых, тщеславных,
И суетных и своенравных.
Пусть нам никому не сносить головы!
За это никто не в ответе.
И что же! Когда нас не будет на свете
Намного ль счастливее станете вы?

1951

675

Рано в этом году
Теплый ветер подул.
Неужели обманет шальная пора?
Неужели опять ледяную слюду
Накрошит непогода с утра?

Рано в этом году
Теплый ветер подул.
А весна-то еще далека!
Вновь стуженое солнце, как роза во льду
Будет падать за край дубняка.

Рано в этом году
Теплый ветер подул!
Что ж, парного тепла не жалеи!
Неужели, поднявшись, опять упаду
В белизну подмосковных полей?

Рано в этом году
Теплый ветер подул.
Я надеюсь и жду.
Я надеюсь и жду.

Первая половина 1950-х

Когда я умру, перестану
 Любить, ненавидеть, дышать,
 Хочу, чтобы много народу
 Явилось меня провожать.

Пускай похоронные трубы
 Рыдают о том, кто усоп.
 Пусть все будет очень прилично:
 Цветы и карета, и гроб.

Поставят мой гроб на карету,
 Заметят, как дом опустел.
 А я даже бровью не двину,
 Я всех огорчить захотел.

Мне будет до ужаса странно,
 Когда зарыдают друзья.
 Кого это нынче хоронят?
 Неужто в гробу — это я?

Тот я, что болел scarлатиной,
 И видел, как падает снег,
 И папа читал мне: «Как ныне
 Сбирается вещей Олег».

Тот я, что с домашней котомкой
 Однажды ушел на войну.
 А ты на дорогу глядела,
 Припав головою к окну.

Не я ли стихи о России
 Записывал в старый блокнот.
 Не я ли в лихую атаку
 Водил пулеметный расчет.

Не я ли в дырявой шинели
 Тревожно дремал у огня.
 И польские панны любили
 Неужто совсем не меня!

Мне будет до ужаса странно,
 Что я был счастлив и любим,
 Что был совершенно не этим,
 Что был совершенно другим.

Ведь я же не все еще сделал!
Ведь я перед всеми в долгу...
Тогда захочу я проснуться,
Да веки открыть не смогу...

Середина 1950-х

677. СЛЕПЫЕ

Слепые в крематории
Играют каждый день.
Конец любой истории
И завершение дел
Проходит перед ними,
Незрячими, больными.

А музыка? А музыка —
Она слепей слепых.
Иначе различала бы,
Кому направить жалобы,
Иначе бы не трогала
Случайных и любых,
Иначе бы не трогала
Тех, кто толкуются около...

Но музыка не знает
Заказанных путей.
И сердце распирает
В нем скрытый Прометей.
И воют сталактиты
В органовой пещере.

С главою непокрытой
Стоят сыны и дочери,
Без всякой аллегии
Почуяв смерти тень.
...Слепые в крематории
Играют каждый день.

1956

678. ПРЕЗРЕНЬЕ

Презренье к себе и презренье к тебе
За то, что так поздно явилось прозренье!
За грехопадение — презренье судьбе,
Презренье душе за елей примиренья.

Презренье руке за пожатье врагам,
Презренье устам за оковы молчанья,
Презренье согнувшим колени ногам,
И горлу, где не прекратилось дыханье,
И шее, согбенной, как вымя коня,
Ушам, постепенно лишившимся слуха, —
Презренье всему, что творило меня
Из плоти трусливой и рабского духа.

1956

679. ЖИЛ СТУКАЧ

Жил стукач на свете белом,
Жалкий, робкий и ничей —
Самый скромный, оробелый
Из сословья стукачей.

Не чиновный и не штатный,
Где-то, кем-то он служил.
И, влача свой крест бесплатный,
Честно голову сложил.

Это было у музея,
Где безумная толпа
Тяжкой дверью ротозея
Раздавила, как клопа.

По дознанию нестрогом
Он попасть на небо мог.
И стоял он перед Богом
Голый, сизый, как пупок.

Бог похож на дед-мороза,
Но, пожалуй, чуть добрей.
Он сказал: «Утри-ка слезы,
И не стой-ка у дверей!»

«Ты невинен и невзрачен.
Не тревожься ни о чем.
Ты навечно предназначен
Быть на небе стукачом».

И сошел наш небожитель
На небесные луга.
Стал он ангел-доноситель,
Бога доброго слуга.

1956

Извилисты тихие реки,
 А быстрые рвут напрямик.
 Но тихие реки — навеки,
 А дикие реки — на миг.

Снега на вершинах тают,
 Подуют сухие ветра,
 Сухие пески их впитают
 И выпьет сухая жара.

Но выбери дикую реку
 И высуши, выпей до дна.
 Она ведь добрей к человеку,
 Когда ему влага нужна.

Не мыслит о славе великой,
 Не тщится оставить следы...
 Так выпей из бурной и дикой —
 Она не жалеет воды.

1956

681. СТРАХ

Чей-то голос звучит у заплота,
 Кто-то вдаль проскакал на коне,
 Где-то рядом стучатся в ворота.
 Не ко мне, не ко мне, не ко мне.

Я закрылся на восемь запоров,
 Я замкнулся на восемь замков.
 Псы мои сторожат у заборов,
 Брежут с белым оскалом клыков.

Я не слышу, не вижу, не знаю,
 Я живу ото всех в стороне.
 Ходят люди по нашему краю.
 Не ко мне, не ко мне, не ко мне.

Ходят люди, ко мне не заходят,
 Просят люди, ко мне не зайдут,
 Даже споры со мной не заводят,
 Разговоры со мной не ведут.

Я сквозь ставни гляжу на дорогу,
 Припадаю ушами к стене.

Где-то в двери стучат. Слава Богу —
Не ко мне, не ко мне, не ко мне!

Октябрь 1956

682. ЧУЖИЕ ДУШИ

Я научился видеть лица
Насквозь — до самого затылка.
Что ни лицо — то небылица,
Что не улыбка — то ухмылка.

И плоть становится стеклянной...
И вот на души я глазею
И прохожу с улыбкой странной
По медицинскому музею,

Где в голубом денатурате,
Слегка похожие на уши,
С наклейкою на препарате,
Качаются чужие души.

Они уродливо-невинны,
У них младенческие лица,
Они еще от пуповины
Не постарались отделиться,

Они слепые, как котята,
Их назначенье так убого!
И в синеве денатурата
Они качаются немного.

О Боже, Боже! Что ты создал,
Помимо неба, моря, суши!
Рождаются слепые души
И падают слепые звезды...

Январь 1957

683

Пусть недостаток и убыток,
Пусть голодуха и война —
На это нам не будет скидок,
За все с нас спросится сполна.

Гляди, чтоб мысли не мельчали,
Чтобы не быть в ответе нам

За то, что многое прощали
Себе, соратникам, врагам.

1 февраля 1957

684. ПОЭТЫ

Слабы, суетны, подслеповаты,
Пьяноваты, привычны к вранью,
Глуповаты, ничем не богаты,
Не прославлены в нашем краю.
Но, поэзии дальней предтечи,
Мы плетем свои смутные речи,
Погрузив на непрочные плечи
Непосильную ношу свою.

1956 — февраль 1957

685

Как поумнел я с той поры,
Когда читал тебе стихи
Про всяческие пустяки,
Про плотников и топоры.

Я был тогда совсем иным —
Смешным. Я был тогда нежней,
Я был тогда себе нужней,
А нынче стал нужней другим.

Уже рассудок каждый день
Напоминает мне: пиши!
Уже следить бывает лень
За чистотой своей души.

Уже завидую слегка
Тупым успехам пошляка.

И все ж, одолевая ложь,
Порой испытывая страх,
Порою подавляя дрожь,
Порою отрясая прах —

Живу, и верую, и жду...
И смолкну только в том году,
Когда окончатся слова
И помертвевает голова.

1957

Какой нам странный март подарен!
Он был и нежен, и суров,
И простодушен, и коварен —
И полон снега и ветров.

Был март несбывшихся желаний,
Ненужных, застарелых пут,
И затянувшихся прощаний,
Которым срока — пять минут.

Морозный март в снегу по пояс,
Он жил беспечно, как дитя,
О будущем не беспокоясь
И о прошедшем не грустя.

Март 1957

687. СТАРАЯ ПЕСНЯ

Открываются новые страны.
Забываются старые раны.
Честолюбец идет по столице,
Сунув руки в пустые карманы.

А мы не жалуемся
И не хвалимся.
Как поужинаем,
Спать завалимся.

10 Произносятся грозные речи.
Назначаются важные встречи.
Честолюбец сидит в кабинете,
Расправляя сутулые плечи.

А мы не жалуемся
И не хвалимся.
Как поужинаем,
Спать завалимся.

20 Расплетаются сети коварства.
Достают телескопы до Марса.
Честолюбца с высокой наградой
Поздравляет глава государства.

А мы не жалуемся
И не хвалимся.

Как поужинаем,
Спать завалимся.

Древний разум царя Соломона
Попадает под власть электрона.
Над могильной плитой честолюбца
Караул преклоняет знамена.

30

А мы не жалуемся
И не хвалимся.
Как поужинаем,
Спать завалимся.
На дворе темно.
Завтра дел полно.

Апрель 1957

688

Чужая мне принадлежала.
И голова ее лежала
У губ моих, у глаз моих.
И что все это означало,
Я постигал и не постиг.

Она доверчиво дремала,
Счастливая из нас двоих.
А где-то музыка играла,
Шел дождь, светало, рассветало.
И что все это означало,
Я постигал и не постиг.

1957

689. ГРУСТЬ

Мне больше ничего не надо!
Грусть жизни овладела мной.
Я озираю тропинки сада
За дождевою пеленой.

И думал я о том, как слабы
Рождающиеся на свет.
И как поют спросонья бабы,
Качая маленьких чуть свет.

Как грустен первый шаг младенца
И первый выход за порог.

Как он за смутной гранью детства
По-юношески одинок.

Как грустно отречение друга,
Когда-то бывшего с тобой,
А после сбившегося с круга
И ублаженного судьбой.

Как грустны признаки старенья,
Замеченные у отца...
Как грустен каждый шаг творенья.
И этой грусти нет конца!

Я пел, я плакал, я томился,
То угасал, то пламенел.
Я б даже Богу помолился,
Когда бы веровать уметь.

Я был при чем-то изначальном,
И, кровно спаянный с людьми,
Томился счастьем и печалью
Рожденья, смерти и любви.

1957

690. РОМАНС

«Прости — прощай!» — мелодию такую
Я где-то слышал мельком, невзначай.
И с той поры, как только затоскую,
Мне слышится везде: «Прости — прощай!»

И ветровым своим многоголосьем,
Терзая душу и сводя с ума,
«Прости — прощай», — мне напевает осень,
«Прости — прощай», — напутствует зима.

И я твержу до умопомраченья,
Бредя один по комнате пустой,
Ту песню о прощанье и прощенье —
Ее мотив и жгучий и простой.

1957 или 1958

Проводила в путь последний.
Дверь захлопнула в передней.

Он идет по переулку
С папироской на губе.
Первый дождь полощет гулко
Горло в цинковой трубе,
Он шагает, он вдыхает
Тополиную пыльцу.
Слезы быстро высыхают —
Дождь струится по лицу.
И навстречу новым бредням
Он шагает сам не свой.

Дверь захлопнулась в передней,
Вроде крышки гробовой.

1957 или 1958

Когда любовь развеялась, истлела,
Осталась только тяга к теплоте.
И доброе, доверчивое тело
Я обнимал в бездушной темноте.

И не было ни страсти, ни распутства,
Ни тайнства, ни пропастей без дна.
И только лишь особенное чувство
Добра, тепла, покоя, полусна.

И мы лежим на самом дне забвенья,
Куда не достигает свет и звук.
И горько-сладкий плод грехопаденья
У нас лениво падает из рук.

1958

Как медленно листва
Слетает на балкон:
Чуть-чуть, едва-едва,
Листочек за листком.

Быть может, в этот час
Листва умней, чем мы,

И в ней сильней, чем в нас,
Предчувствие зимы.

Но что же медлит сад?
Чего страшится он?
Неужто он не рад
Течению времен?

Не любим медлить мы!
Ведь нам милее, друг,
И мужество зимы,
И нежность первых выюг.

Конец 1950-х или начало 1960-х

694

Запахло весной невесомой
На улицах, на площадях,
И город стоит полусонный,
И страсти меня не щадят.

И, словно с крутого разбега,
Стучать начинают сердца,
Пьянея от талого снега,
Как юный солдат от сырца.

Конец 1950-х или начало 1960-х

695

Мальчики уходят на войну,
Возвращаются с войны — мужчины.
Девочками были в ту весну,
А теперь на лбу у них — морщины.
Смотрят друг на друга, узнают,
Бродят вместе, рук не разнимая.
Соловьи вот только не поют,
И любовь у них уже другая.
Видно, мало — памяти сердец,
Знают оба — жить им врозь отныне.
Там начало было, здесь — конец,
А война была посередине.

Около 1961

Я глядел на падучие звезды
И унылые песни тянул,
Я валялся на койке тифозной,
И немало я горя хлебнул.

Я писал, прикрываясь рукою
От стоящих у локтя смертей.
Разве чуждо мне счастье людское,
Безразличны улыбки детей?

Но не то отдаленное счастье,
Что похоже на злую звезду.
Пусть не все, а хотя бы отчасти,
Пусть немного, но в этом году!

Я не меряю малою мерой,
Не прошу для себя одного,
Но довольно питались мы верой,
Не имея взамен ничего.

Около 1961

Плачет женщина чужая
У окошка, глядя в ночь.
Я беды ее не знаю.
Подойти? Спросить? Помочь?

Плачет женщина чужая
Близко, рядом, за плечом,
Бессловесно продолжая
Разговор. О ком? О чем?

— Как ты мог? — одно словечко
С губ слетает, как дымок.
Как ты мог... меня... навечно...
Бессердечно... Как ты мог?

Плачет женщина чужая:
Очи, губы, плечи — вся,
Никого не замечая,
Утешенья не прося.

Плачет женщина, сжимая
Весь искусанный платок.

Как ты мог?.. Не понимаю!
Не приемлю!.. Как ты мог!

Около 1961

698

Этой скромной нешумной весне
Тихо радуется запруда,
Как известью в коротком письме
От давно запропавшего друга.

Где-то праздники, где-то дела,
Столько суетных новостей за день!
А береза тонка и светла,
Сок ее сладковат и прохладен.

По тропе или так, напрямик,
Надо выйти к крутому оврагу,
Где запенивает родник
Мутноватую рыжую влагу.

Роща зябликами населена,
Переполнена, как квартира.
Ветка вздрагивает, как струна
И настраивается, как лира.

Этой скромной, негромкой весной
Надо ясно в себе разобраться.
Чем мне быть — тетивой иль струной
И смычку иль стреле откликаться.

1961

699

Не ломайте ее, не ломайте —
Эту голую веточку в марте!

Отгибается, бьется, гнется —
Не дается вам, не дается!

Ведь на ней уже почки полные,
Почки выпуклые, как сосочки.
Дайте жить ей в потные полудни,
Дайте жить в прохладные ночи.

Вот она за лето намается —
Станет хрупкою и седою.

Вы сломайте ее зимою,
Да она и сама сломается...

Апрель 1961
Малеевка

700. ДВОР

Ходили к нам шарманщики,
Они играли вальсы.
А девочки и мальчики
Вокруг сосали пальцы.

Весь день торчал над козлами
Матрасник — враль известный —
Вились пружины кольцами
Пред ним, как дым железный.

10 Стекольщики стеклили,
Лудильщики лудили,
Паяльщики паяли,
Точильщики точили.

А у окошка розовая
Прядильщица Елена,
Волосы расчесывая,
Цвела, как Лорелея.

20 Она была красавица,
Все это понимали.
И чтобы ей понравиться,
Меры принимали.

Шарманщик проворачивал
Ей вальсы бесконечно,
И попка, молью траченный,
Ей подавал колечко.

Лудильщики, паяльщики
Ей подносили брошки,
Стекольщик светлым зайчиком
Ей застеклял окошки.

30 Но вот весною, летом ли
Случилась перемена.
Пришел матросик с лентами —
Увез от нас Елену.

Во двор идти не хочется,
Заброшена игра...
А может, детство кончилось
И тянет со двора.

1961

701

В каком хитросплетенье генов
И совпадениях случайных
Начало действий сокровенных
И наших побуждений тайных?

Какие корни вязнут в почве,
Какие тайны тонут в быте?
Где слишком прочны, где непрочны
Рассудка спутанные нити?

Не верь, не верь миропорядку!
Не верь отливу и приливу!
Рождение гения — загадка,
Подобно солнечному взрыву.

Не ждут его. И время немо.
Умы и нравы огрубели...
Лишь три царя из Вифлеема
Поют у бедной колыбели.

1961

702

— Не отрывайся, — мне сказали.
Не оторвусь! Не оторвусь!
Страна моя, твоей печали,
Твоей надежде отзовусь.

Узлы дорог, лесное лыко,
И цепи гор, и петли рек,
И конопля и повилика
Нас приторочили навек.

Нет, не сады, не вертограды
Благословили наш союз.
Но от кладбищенской ограды
Не оторвусь, не оторвусь!

Там долгие уже недели
Спит мой отец в простом гробу.
От этой смертной колыбели
Я оторваться не могу.

Ложатся на мое оплечье
Скрещенья твоего ремня.
Как оторвусь я от наречья,
Что переполнило меня!

Пусть будут злобствовать мещане,
Пусть трижды отречется трус,
Пусть будут рвать меня клещами —
Не оторвусь! Не оторвусь!

1961

703

Таким, как ты придумала меня,
Я не умею быть... Не тут-то было!
Но я умею верить, хоть полдня,
Что я такой, как ты вообразила.
Почти полдня!.. И я почти такой.
И только зеркала страшусь, как в детстве.
Да, я почти такой, пока — покой
И от меня не требуется действий.

Там я иной. Уже не отраженье,
Не твой двойник, не благостная тень.
Бессильно все твое воображенье,
Чтоб образ мой соединился с тем.
И все же занесенная рука
Вдруг застывает... Потому что снова
Боюсь поранить я того, иного,
Несуществующего двойника.

1961

704

Слово льется —
Все удается!
Лишь покручивай вороток,
Да почерпывай из колодца,
Да выплескивай на лоток.

А бывает —
Иссякнет слово,
Хоть клещами его тащи.
И ни доброго, и ни злого —
Никакого — ищи-свищи!

Вы за то с меня не взыщите!
И не будьте со мной круты!
Я и сам молю о защите,
О спасенье от немоты.

Но я верю,
Что подберет.
И тогда немота не в счет!
И проклюнется, и созреет,
И польется, и потечет!

1961

705

Читаю умный свой дневник
Военный и передвоенный.
Там нет меня. Там мой двойник,
Восторженный и вдохновенный.

Как он умен! И как высок!
Как любит он во все соваться!
С чего он выдумал, щенок,
Передо мною красоваться!

Но он есть я, а я есть он,
И я люблю себя иного,
Я с ним навек соединен —
Ведь я уток, а он основа.

И видно, в крепкую холстину
Сплелись мы сами по себе...
И я, как собственному сыну,
В нем не завидую себе.

1961

706

И вот опять арбатские проулки
Передо мной лежат, как сто сердец.
Счастливые и краткие прогулки
Здесь падали, как чудеса с небес.

Я был счастлив хотя бы пять мгновений
И понимал, что это счастье — ложь.
Я был с собой стократно откровенней
И был готов как узник на правож.

Казни меня, моя любовь святая,
Уничтожай, унижай и режь
И угнетай, бесстрашно подавляя
Во мне внезапно вспыхнувший мятеж.

Что я могу? Лишь скорбно поклониться
На все четыре стороны. Прощай!
Казни меня, казни во мне провидца.
Ты радости и счастья не прощай!
И ничего на свете не прощай!

Около 1962

707. ХОЛОД

Этот холод — до чего приятен
Шапкам, рукавицам, рукавам.
Он сосульки к желобам приладил,
К берегам потоки приковал.

Длинный дым над трубами недвижим,
Голубые липы не звенят.
И предельно горизонт приближен
И провис, как ледяной канат.

И столбы высоковольтных линий,
Как канатоходцы, на весу
В высоте несут тяжелый иней
По прямому просеку в лесу.

1962

708

Соловьи не прельщают мотивом,
Но уж свищут — так вволю и всласть.
Потому в этом свисте ретивом
Людам чудится высшая страсть.

Как вмещается в маленьком горле
Это бульканье, щелканье, свист?
Видно, малое сердце расперли
Сотни самозабвенных обид.

Хорошо, что в порыве, повторе
Только страсть — не чужая, своя,
Что не требует аудиторий
Исступленная страсть соловья.

Тот запрятанный в пух темперамент,
Словно ствол округлившимся ртом
Как звенящая пуля дырявит
В небо клеенный лучший патрон.

Пулю в пулю сажает в десятку
Расшалившееся существо.
И трепещет победно и сладко
Крови капелька — сердце его.

5 апреля 1962

709

Не загородить тебя, не спасти,
Все сама на себе испытаясь,
И потом уже — испитая —
Еще больше сможешь нести.

Не загородить тебя, не сберечь —
Как страшна жестокость святая —
Лишь испытанная, лишь испитая,
Станешь твердой, как слово и меч,

10 Как железные корни сосны,
Как кристалла стеклянные иглы.
Ты-то думала — это все игры —
Игры, радости, лепеты, сны.

Нет, не сны, а бессонницы.
Не пути, а распутицы,
Если это начнется, разгонится,
Разбежится, завьется, закрутится...

20 Не загородить тебя, не отдать
Крови собственной бедным донорам.
Пусть хоть с гордостью, пусть хоть с гонором,
Все сама должна испытать.

Не заслонить тебя, не загородить
И самой не загородиться...
Лучше было бы не родиться,
Чтоб беду свою не породить.

Так невесту выводит отец
 На позорище под фатою...
 Не испытанной, не испитою
 Дай обнять тебя перед тем,
 Как уверенною стопою
 Ты на первую ступишь ступень,
 Дай тебя поддержать рукою,
 Перед тем, как вечным изгоем
 Ты доверчиво вступишь в тень.

1962

710

И снова будут дробить суставы
 И зажимать кулаками рты
 Поэты ненависти и славы
 Поэтам чести и доброты.

И снова в злобе полночных бдений
 Злодейство будет совершено.
 И снова будет смеяться гений
 И беззаботно тянуть вино...

1960—1962

711

Ах, Господи! Ужель нужны нам судьи!
 Когда и так я сам себя виню.
 Не в том, что мы слабы и безрассудны,
 А в том, что не подвержены огню.

А в том, что лишь твердеем, словно глина,
 И остываем сердцу вопреки,
 А судьи судят нас легко и длинно
 И тщатся склеить наши черепки.

1962

712

Дописывая этот стих,
 Я вспомнил про его начало.
 Оно негромко прозвучало,
 Стих шевельнулся и затих.
 Он пробуждался, как медведь,
 Засевший на зиму в берлоге.

Уже глаголы и предлоги,
Как лапы стали в нем неметь.
И вот он вылез — мокрый, тощий,
Облизан липкою весной,
Снегов обламывая толщи —
И потянулся всей спиной.
И вдруг взревел, и вдруг запел
Всей глоткой, всем волнистым нёбом,
Так заорал он над сугробом,
Что я и сам оторопел.
И стал он весел, потому,
Что стих не может быть невесел,
Он весел от ноздрей и чресел,
И очень хорошо ему
Вдыхать, дышать, реветь, стонать,
Бесчинствовать и бесноваться,
Обламывать и обминать
И с гласными согласоваться.
От А до О,
От О до Ю,
От Ю до Ы —
Какие звуки!
Изогнутые, как излуки,
Как реки, из которых пью.
И это я ору, пою
Дуплом огромной носоглотки,
Радующийся бытию,
Хлебнувший звуков, словно водки.
Как хорошо, что темнота,
Что пахнет лесом, ливнем, глиной,
Что сотни гласных изо рта
Выкатываются лавиной.
Вот и пошло! Теперь не трусь!
Куда девалась лень былая!
За что угодно я берусь,
Отказываться не желая.

1962

713

Я рад, что промахнулся, Генрих Белль,
Что в то мгновенье духом оробел
И пуля сбила только кисть рябины.
Кровь дерева упала в глубь травы...
Мне кажется, что это были вы,
Такой же, как и я. Почти такой же.
Я понял в этот миг, что мы похожи.

Я понял, Генрих Бель, что это вы,
Когда увидел в прорези прицела
Согбенную округлость головы,
Порыв и страх согнувшегося тела,
Шинели вашей грязное пятно.
Я вдруг почувствовал, что я не вправе
Решать за Бога, жить вам иль не жить
И то, что я не волен вас судить.

Я с облегченьем передоверял
Вам роль судьи. На спусковом крючке
Застыл мой палец. Ну, стреляйте, Генрих!
Вам сразу пять секунд дается верных!
Стреляйте, если можете стрелять.
И просвистела пуля. И опять
Мне на плечо скользнула кисть рябины,
Кровь дерева упала в глубь травы.
На сей раз, Генрих, промахнулись вы.

Да, между нами не было войны,
Мы заключили с вами перемирие.
Но только вы и я. Ведь рядом в рост
Вставал фашист, вояка и прохвост,
Убийца, освенцимский ницшеанец...
Стреляйте, Генрих! Уступаю вам,
Дарю вам, Бель, свой самый лучший выстрел...

Вы опустили автомат. Увы!
Мне кажется, что это были вы!
Но я не промахнулся, Генрих Бель!
Я выстрелил. И в прорези прицела
Я увидал, как оседает тело.
Немудрено попасть в такую цель!

1962?

714

Становлюсь постепенно поэтом.
Двадцать лет привыкаю к тому,
Чтоб не зеркалом быть и не эхом,
И не тетеревом на току.

Двадцать лет от беспамятства злого
Я лечусь и упрямо учу
Три единственно внятные слова:
Понимаю, люблю и хочу.

Декабрь 1962

Не верь ученикам! Они испортят дело!
 Разнимут, раскрадут, растащат по частям.
 И опозорят дух, и похоронят тело,
 И не дадут в земле спокойно тлеть костям.

Не верь ученикам! За дверь их мирно выставь!
 Им посох вслед швырни! Сложи с себя свой сан!
 Бунтуйся же, Христос! Гони евангелистов,
 И на Голгофу поднимайся сам!

Декабрь 1962

716. ЖАВОРОНОК

Шли мимо Молчановок,
 а после — по Сивцеву.
 О, маленький жаворонок,
 как чисто высвистывает!
 О, жаворонок желобов
 из кровельной жести, —
 не жалоб, а холода
 прозрений, предвестий,
 предчувствий.

10 О, жаворонок
 Арбатов, Молчановок,
 догадок и чаяний,
 и призрачных сумерек...
 И — локоть в ладони —
 Чуть взвешенный локоть.
 И слова в гортани
 округлая легкость.
 И диск телефонный,
 мурлычащий в будочке —
 о худшем? о лучшем?

20 о прошлом? о будущем?
 Рулетка. Орел или решка.
 — Нет дома? как жалко. —
 Шарманка. Или скворешня.
 Скворешня для жаворонка —
 стеклянная будочка.
 — К вам можно? Не поздно?
 Арбатские улочки
 витые, как гнезда.

30 И локоть, как крылышко легкий,
 И холод в подъезде —

Ни гул молвы, ни славы голос трубный
Не правят вашей медленной судьбой.

И где-то там, в подкожных ваших соках
Течет печаль и мудрость разлита,
И трудно вам дышать азотом кратких сроков
И пылью типографского шрифта.

Но все-таки, какое это благо —
Когда последний сломан карандаш,
Когда молчит перо, безмолвствует бумага,
И только слышен вещей шепот ваш.

Май 1963

720. ПОХОРОНЫ ХИКМЕТА

Выносите Назыма Хикмета,
Выносите его одного!
Не болярина и не кмета —
Выносите Назыма Хикмета,
Подставляйте плечо под него.

Жестяные колючие лавры
Поднесли на прощанье ему.
Не спеши к нему с чашей задравной —
Он лежит здесь с природою равный,
Но не равный себе самому.

И одна лишь над свежей могилой
Не роняет напрасно слезы,
Потому что ей чудится дым,
Горький запах их родины милой.
И щебечет со страстью и силой
Ей скворец: о Назым, о Назым!

1963

721

Лицо подушки смятой
Тревожно, потому
Что ей мои виденья
Весь день, наверно, снятся.
А я проснусь, умоюсь,
Забуду, потону
В заботах и о том
Не стану изъясняться.

Ах, смятая постель,
Где я запечатлен,
Как тело в глубине
Пустот помпейской лавы!
Гипс белой простыни,
Окаменевший лен!
Как здесь черты мои
Изменчивы и слабы.

Вот так мы оставляем
На всем свой беглый след:
В деревьях, в зеркалах,
В изложницах Помпеи,
В ручьях, в колоколах,
На грубом камне лет,
На легкой пыли книг
В глубинах эпопеи.

Не надо сожалеть,
Что камень слишком груб,
Что глина заплывет
И распрямятся травы,
Что неприметен след,
Как дуновенье губ,
Что слава — пустота
Внутри помпейской лавы.

17 июня 1963

722. УТРО. СТАРАЯ ВИЛЬНА

Когда еще над старой Вильной
Не слышен гром автомобильный,
Как будто прячась от людей,
Старуха кормит голубей.
Дурак в окне, не слыша фальши,
Чуть свет разыгрывает марши,
Угрюмо выпятив губу,
Играет в медную трубу.

10 На красной мостовой кирпичной
Сияет отблеск необычный
И, черная от всех скорбей,
Старуха кормит голубей...

Воркует голубь толстый, сытый
Над мостовой, дождем промытой.
Долдонит дурень: до-ре-ми!
Дудит над спящими людьми.

20 Так было и при Гедимине:
Дымился огонек в камине,
И толстый голубь ворковал,
И парень девку целовал.
И дул в трубу дурак упорный,
И шла старуха в шали черной...

30 И вправду, много ль мы постигли
С тех пор, когда варился в тигле
Волшебный корень колдуна?
Плыла зеленая луна
Над старым университетом,
И, помолясь перед рассветом,
Брела старуха по двору.
А дурень дул: туру-туру!

2 июля 1963

723

Ах, что-нибудь меня погубит —
Вино, стихи иль суета,
И то, что женщина не любит,
И то, что любит, но не та.

Или перед внезапной бездной
Однажды не сдержу коней...
А может быть, совет полезный
Меня убьет всего верней.

1963

724. РАСКОЛЬНИКОВ

Бойтесь совестливых, старушки.
Где засовы потяжелее?
Если эти дойдут до ручки,
Вас, старушки, не пожалеют.

Что старушка? Дешевле мышки.
Человечек — последний сорт.
Покопавшись в ее бельишке,
Гений, может быть, мир спасет.

Гениальность — она жестока,
Но зато оставляет след.
На колени, в пылу восторга!
А старушка? Старушки нет.

Нет старушки, бедной синички,
Мир на целую птичку бедней,
Он прикуривает от спички,
Петербургской ночи бледней.

Он, наверно, свой грех отмолит
Не пред Богом, перед собой.
Может, даже его заколет
У сибирской тачки конвой.

Он расплачивается тяжелой
Медной, звонкой монетой мук,
Лес беднее на листик желтый
На былинку беднее луг.

Нет старушки, нет скопидомки,
Бесполезной старой карги.
Он лежит головой на котомке
У большой сибирской реки.

20 апреля 1964

725. СМЕРТЬ ДИРИЖЕРА

Дирижер, дирижер —
Черный фрак,
Командир оркестровых атак,
Альпинист оркестровых высот,
Оркестровых садов садовод,
Оркестровых ручьев
Рыболов,
Как ты властен и большеголов!

Дирижер, дирижер —
Демиург,
Повелитель движений и рук,
Рук, покорно ведущих смычки,
Рук, прижавших фанфары к губам,
Рук, выпускающих ветер в орган,
Рук, которые бьют в барабан,
Рук, которые ждут на хорах,
Притаив голубей в рукавах.

Дирижер,
Береги скрипачей,
Трубачей береги, дирижер,
И высокую виолончель,
И кларнет, и корнет, и фагот,
И минор береги, и мажор,

И басы, и звенящую трель,
И смычок береги, и струну —
Дирижер, береги тишину!

Береги тишину, дирижер,
Альпинист оркестровых высот,
Оркестровых коней коновод,
Командир оркестровых атак,
Потому что случается так:
Барабан превратится в набат,
И смычки превратятся в клинки,
И фанфары не в лад вострубят,
Неподвластные взмаху руки,
И внезапно ощерится зал,
Оркестранты покинут места,
И умолкнет музыка твоя,
И тогда загремит пустота —
И последний мучительный жест —
И — ничком — как под поезд — в оркестр!

23 мая 1964

726

Современность, прущая на рожон,
Современность, пахнувшая гаражом,
Говорящая в стихах, как лабух,
Современность — достойные слабых.
Хлесткий дух, Рахметов на пуху.
Говори со мной как на духу.
Современность! Встань на голой сцене,
Выключи юпитеры кино.
Возвратимся вновь к извечной теме,
И узнаешь, что тебе дано.

1964

727

Пора бы поэзию бросить
И с ней рассчитаться добром,
Итак, в волосах уже проседеь
И бес засвербил под ребром.

Пустые все это потуги
Срифмовать нечет и чет,
Ведь кровь, как вода по Ахтубе,
Все медленней в жилах течет.

И строки забот и несчастий
Вязать все трудней и трудней.
И я высыхаю, как Каспий,
И все становлюсь солоней.

Да здравствует грубая проза,
Свялявшаяся как пимы,
В предутреннем скрипе мороза
Шершавая обувь зимы.

1964

728

Я переполненный тобой
Всю ночь хотел бродить у моря,
Где берега громил прибой,
Моим воспоминаньям вторя.

Его огромную игру
Я понимал наполовину...
Люби меня, не то умру,
Люби меня, не то я сгину.

1964

729

Казните ангела, художник,
Убейте голубя, поэт!
Не надо вам кумиров ложных,
Ну а иных кумиров нет!

В вину вам это не вменяют —
Бей по друзьям, как по врагам.
И ангел крылышки роняет,
И голубь падает к ногам.

Ах, сколько нас, неосторожных,
Перемешавших тьму и свет.
Казните ангела, художник,
Убейте голубя, поэт!

1964

Не хочется идти в журнал,
 Жаль расставаться со стихами,
 Чтоб их редактор обминал
 И цензор мучил пуствяками.

Но разве их упрячешь в стол,
 Как первых детских кудрей прядку,
 Когда своей иглой глагол
 прошил заветную тетрадку.

1964

731—732. ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ

Только тебе

1

Таллин — тайное обиталище,
 Год сегодняшний, год вчерашний.
 Снег летящий, медленно тающий
 Над деревьями и над башней.

Таллин — временное прибежище,
 Молчаливый и стерегущий.
 День, за окнами тихо брезжущий,
 День прошедший и день грядущий.

Таллин — тайное обиталище,
 Год минувший и год пришедший.
 Поезд, медленно подъезжающий,
 Поезд, медленно отошедший.

Таллин — временное прибежище,
 Сонный снег, смежающий веки...
 Вопрошающий: где же? Где ж еще?
 Неужели — совсем? Навеки?

5 января 1965

2

Похожи — стремленьем к разлукам,
 Бессильем и силой похожи.
 Сердечным разбуженный стуком,
 О, Боже, твержу я, о, Боже!

Как странно и как совершенно
С тобою мы созданы оба.
Прошедшее наше — блаженно,
Блаженно, а может — убого?

В том парке, что черным на белом —
Углем на снегу нарисован,
А может — на грифеле мелом,
На белой бумаге — свинцовым, —

В том парке, который впечатан
В меня узловатым офортом,
В том городе узком, стрельчатом
И оловом серым натертом,

В том городе — только прощанье
И запах горячего сланца.
Счастливы мы или печальны?
Как знать? И откуда дознаться?

Январь 1965

733

Вновь стою пред лицом событий,
Перед морем, сушей и твердью,
Целый день, как гений в зените,
Полон пламени и бессмертья.

Потому что чувства бессмертны,
И когда истлевают цели,
Стая чувств, шумна и несметна,
Как в скале, гнездуются в теле.

Январь 1965

734

Не надо спать, не надо глаз смыкать,
Отсутствовать при этакой погоде,
Когда кругом такая благодать —
Во мне самом, а может быть, в природе.

Нет зла. Есть снег и солнце. Ты и я.
Коварства нет. Есть дом с надежной дверью.
Есть белизна постели. Нет вранья.
Есть ты и я. И снег. И нет неверья.

Есть ты и я. И снег. И лес. И дом.
Дорога. Сани. Белизна постели.
Печные трубы. Реки подо льдом.
Колодцы. Шубы. Нежные метели.

И валенки. И круглые следы.
И псы. И кони. Избы. И деревья.
Есть ты и я. И сны. И нет вражды.
Нет зла. Коварства нет. И нет неверья.

24 января 1965

735

В огромном разобщении людей
Одна любовь кричит о единенье,
И потому благодаренье ей!
Благодаренье ей! Благодаренье!

Мы — бедные земные существа,
Нас разделяют классы, расы, мненья,
За то, что возвращает нам права,
Благодаренье ей! Благодаренье!

Пусть робкая — пускай на миг, на час,
До первых слов, до первого сомненья,
За то, что не разъединяет нас —
Благодаренье ей, благодаренье.

Так волю убегающих планет
Всемирное смиряет тяготенье.
За то, что дарит нам блаженный свет —
Благодаренье ей, благодаренье!

1965

736. ВЫЗДОРОВЛЕНИЕ

Раньше нужно было умирать
Постепенно или лучше — сразу.
А теперь — существовать, желать,
Изживать погибель как заразу.

Думать и про это, и про то,
Вновь плутать среди проблем нелегких,
Осторожно кутаться в пальто
И прислушиваться к хрипу легких.

Слушать все, всему внимать,
Натыкаться, как на острый бивень.
А тогда мне — ни жена, ни мать,
Ничего, никто — одна погибель.

Я смирился было. Я постиг,
Что не страшно перевоплощенье.
Я руками слабыми настиг
Всеприсятие и всепрощенье.

А теперь сначала. Каждый грамм
Погружать в себя, пока не станет тонна.
Стать опять подмостками для драм,
Облегчения не ждать от стона.

И опять понять, что я —
Продолжающееся явление.
Непосилен груз выздоровленья,
Непосильно счастье бытия.

1965

737

Ю<рию> Л<евитанскому>

Есть мера чувств и действий мера
У пользующихся умело
Жестоким опытом своим.
Без этой меры мир — химера
И смысл его неуловим.

В любом клубке противоречий,
Где страсти затемняют суть,
Усердный опыт человеческий
Себе прокладывает путь.

И надо лишь в цепи сомненья
Разбить всего одно звено.
Тогда падут другие звенья.
Но это требует умения
С долготерпеньем заодно.

И ты снимай с себя заклатья,
И ты сверяй свои понятия
С жестоким опытом своим.
Иначе мы не устоим.

Серегина 1960-х

Будь счастлив, сын, мечтой о лете
 В дни снегопада, в феврале,
 Покуда снег, как лебедь к Леде,
 Слетает медленно к земле.

Будь счастлив, сын, мечтой о юге,
 В час серой скуки зимним днем,
 Когда туман бинтует руки
 Садов белесым полотном.

Будь счастлив, сын, мечтой о море
 В глуши февральского житья,
 Где сгинут снег, туман и горе
 И будет море, ты и я.

Февраль 1966

Пью водку под хрустящую капустку.
 В окне луна. Снаружи слышен хруст
 Задумчивых шагов по первопутку.
 Все это вместе навевает грусть.

Пью. Наливаю. По второй, по третьей.
 Шаги затихли. Вечер снова тих.
 И опыт четырех десятилетий
 Понуро и печально входит в стих.

Я понимаю, если бы не юмор,
 Зарезаться бы надо огурцом.
 Но если вышло так, что ты не умер —
 Сиди и пей с потерянным лицом.

Пью. Наливаю. Пятую. Шестую.
 Закусываю, глядя на луну.
 И все живу. И все же существую.
 А хорошо бы снова на войну.

Февраль или март 1966

Не радует незрелость душ,
 Их детское развитие,
 Что часто превращает в чушь
 Премудрые события.

Не радует ни похвальба,
Ни слабость перед роком.
И что рассказана судьба
Таким убогим слогом.

Не радует и суета.
Сумбур, где сломишь ногу.
Не радует их доброта
И чистота, ей-богу.

И эти первые шаги
И первые их взлеты...
— Но это же брехня брюзги
Усталого!
— Да что ты!..

1967

741

Надо жить не от года к году,
Не из месяца в месяц,
А день ото дня,
Переменчивую погоду
Не оспаривая, не браня.

Ведь грядущее невыносимо
Тем, кто так уповал на него.
И уже добровольная схима
Не упрячет нас под крыло.

1967

742

Карловарские вафли,
Желтые подносики,
Сладкие фанерки.
Ешьте их, очкарики,
Ешьте, долгоносики,
Ешьте, пенсионерки!

Худощавый Гоголь
Николай Васильевич
И прозаик Тургенев,
Барин в теле,
Тоже здесь жили,
Тоже лечились
И вафли ели.

Грыз их Гоголь,
Угрюмый гений.
Думал: какая скука.
А славный барин
Иван Тургенев
Думал: прекрасная штука!

Вот так различием
Точки зрения
На вафли и на романы
Отличаются редкие гении
И рядовые болваны.

И Петр Великий, в добром упоре,
Гулял в кафтане, при сабле.
И думал: вот завоюю море,
Введу-ка в России вафли.

Годы летели,
Вафли хрустели.
Также хрустели кости.
Петр Великий
На царской постели
Готовился к Господу в гости.
И перебирая в уме реформы
Войска, нравов, одежи,
Вспомнил: Как же так,
Для прокорма
Вафли забыл, о Боже!

1967

743

Был вечер, полный отвращенья,
Где в пустоту лилось вино,
Слова, лишённые значенья,
Плели мы, как заведено.

Светало. И хозяин дома,
Честолюбивый старый шут,
Нас вывел в город незнакомый
Под купол неба, как на суд.

Плелись мы улочкою странной —
Сады и нет почти жилья,
И вдруг во тьме, как дар неожиданный,
Раздался голос соловья.

В нем только страсть. В нем нет
порыва,
В нем только суть, в нем только страсть,
Но этот голос нам на диво
В ту ночь не дал нам запропасть.

Та ночь была началом ритма,
Началом Анны и любви
И выходом из лабиринта,
Нить Ариадны — соловьи.

Зачем, зачем в ту ночь святую
Я не поверил, что спасен,
Что полюбил, что существую,
Что жив, что это все не сон.

Был день рожденья, поезд, розы,
И страх — она не та, не та...
И снова ритм вагонной прозы:
Та-та, та-та, та-та, та-та.

А после — жар, подстать простуде,
Озноб, недомоганье, дрожь...
И вот вокруг — чужие люди
И Анны больше не найдешь...

И все уже невозвратимо.
Нет Анны и ушли года.
Чужие руки... Запах дыма...
Какая жизнь!.. Беда! Беда!

10 сентября 1967

744

Играет март на скрипочке,
Не хочет замолчать:
— Ошибочки, ошибочки
Положено прощать.
Простите нам ошибочки,
Как мы прощали вам,
И выпьемте наливочки
За дружбу по сто грамм.

Простите нам трюкачество,
Картинки и стишки.
А мы простим палачества
И прочие грешки.

1966—1967

745. ТАЙНЫЙ ЛЕТОПИСЕЦ

Вот мое милое дело,
Мой дом, мой замок...
Месяц белее мела
В оконных рамах.

Значит, довольно поздно.
Задвину шторку.
День отдается прозе.
А ночь — восторгу.

Я летописец тайный,
Судья, присяжный,
Следователь чрезвычайный,
Истец отважный.

Месяц белее мела
В оконных рамах.
Вот мое милое дело —
Писать о драмах.

Я недобитый Нестор,
Трусливый Пимен.
Пусть мы сейчас безвестны,
Но мы не сгинем.

Нас миновала плаха
Истины ради.
Будем дрожать от страха,
Но лжи ни пяди.

Будем все дни томиться
И прятать очи.
Хватит для летописца
И темной ночи.

И никакой не надо
За то награды.
Но трепещите, каты,
Дрожите, гады.

1966 — 5 января 1968

746. ОСЕНЬ

Я потерял богатство.
Лампа моя погасла.

Пусты мои владенья.
Осень и запустенье.

Шелест истлевших кружев.
Таянье чахлой пены.
Неизреченный ужас.
Ужас неизреченный.

Стонет, как с перепою,
Дерево, занедужась.
Перед самым собою
Неизреченный ужас.

1968

747. БЕРЕГ МЕРТВЫХ

Поплывем с тобой
На белом, белом, белом
Теплоходе,
По реке большой, большой,
Станем мы единым телом
И одной душой.

Потому что та река большая
Нам чужая,
Всем чужая —
Та река богов,
Медленно течет,
Не утешая,
Вдоль пустынных берегов.

И на тех, на берегах пустынных
Нет растений,
Птицы не живут,
Там лишь бродят, бродят, бродят
Чьи-то тени
И кого-то издали зовут.

Там я видел и отца и друга,
И отца и друга,
Сына и жену,
Там я видел отдаленность луга,
Даль и тишину.

Я хочу спуститься с теплохода,
В тусклом свете полдня
К ним направить челн

И бродить меж ними
Год от года —
Ничего не помня
И не зная ни о чем.

31 мая 1968

748

Скрежещет ветка о стекло,
Когда на сердце тяжело,
Иначе я ее не слышу.
Все чаще слышу этот скрип
И ветра стон, деревьев всхлип,
И дождь, топочущий о крышу.

Как хорошо, когда одну
В себе звучащую струну
Ты неизменно ощущаешь.
И где-то дальнюю войну,
Суда, идущие ко дну,
И гром, и смерть, и тишину
В себе самом ты замечаешь.

Но ежели ты болен сам,
То всем вселенским голосам
Твой слух открыт. И где защита?
И бури стонут по лесам,
Гуляет гром по небесам.
И этим страшным голосам
Твое безумие открыто.

Июль 1968

Еще одно грехопадение сил.
 Грехопадение сил — уже бессилье.
 В кристаллы выпал дух.
 Железо легковесно, словно пух.
 Вздохни поглубже. Сдунь его.
 Засим
 Кончается его засилье.

(Из стихов 1962 года)

Не бойтесь! Умираем только мы!
 Пора уж узел затянуть на глотке,
 Принять снотворного, опиться водки.
 Нет сил для виселицы и тюрьмы.

Наш тонкий слух, наш изощренный глаз,
 И гибкое, испытанное слово
 Ничто пред слухом вашего глухого
 И перед словом каждого из вас.

Но если вы обманете — беда!
 Какое будет всем самопрощенье...
 Вся сволота потребует отмщенья...
 И жизнь и смерть бессмысленны тогда!

1968

Вот дерево перед окном
 Сгорает медленным огнем
 Осенней желтизны.
 И с каждым днем оно желтей.
 А пальцы угольных ветвей
 Печальны и нежны.

И каждый день оно и я,
 Как разлученные друзья,
 Киваем издали.
 И кто печальнее из нас?
 Какой еще заглянет глаз
 В сии монастыри?

Из отдаления ясней
 Простая связь причин,
 И все, о чем мы говорим.
 И то, о чем молчим.

Выстраивается столетье
 Почти что на глазах.
 С его последней третью
 Бывал я не в ладах.

С его последней сутью
 Почти что я в ладу.
 В него с размаху грудью
 Однажды упаду.

1969

В отдаленных лугах зазвеневшая осень
 Постелила мои берега.
 Тяжелее недели, подобно колосьям
 С золотого, литого герба.
 Ни любви, ни тоски, ни игры, ни желанья,
 Только золото крупных забот.
 Ты послушай! Когда уже эта каналья
 На расправу меня позовет!
 Понимаешь? Когда отдохнешь от боязни,
 Отзывается счастье и стон
 Облегченья! Нет, этой каналье и язве
 Не напрасно и я обречен!

1969

756. БАЛЛАДА РАЗЛУК

Когда-нибудь, когда-нибудь, мой друг,
 И у тебя сожмется сердце болью,
 И ты разлук услышишь дальний звук
 Тобою потревоженных неволью.

О, первая разлука! Самарканд.
 Горячей пыли серая патина.
 И дерево, летящее в закат.
 И робость чувств. И ночь. И Валентина.

Я не об этом буду вспоминать,
 Как дважды пересечена Россия...
 О, новая разлука. И опять —
 И поцелуй. И радость. И Мария.

А дни идут легко и тяжело,
А жизнь течет и страшно и блаженно.
И вновь разлука. Польское село.
И выстрелы. И слезы. И Божена.

Из всех баллад — я полюбил одну
Бессмертную балладу расставаний.
Когда, бывало, воздуха глотну,
Утру слезу — и жизнь еще желанней.

Не берегись, не берегись разлук.
Для них одна лишь молодость пригодна.
Распахиваешь рамы взмахом рук —
Плыви, плыви!.. И впереди свободно...

1969

757

А. Копелеву

Ты — окруженный гарнизон,
Майор Курляндской группировки,
Нет ничего, кроме знамен,
Нет ничего, кроме листовки.

Уже почти добит Рейхстаг,
И мы уж ничему не верим.
А ты в последней из атак,
Идешь, глухой к своим потерям.

Уже почти dosporen спор.
Пора уже отвоеваться!
И Генрих Белль идет сдаваться.
А ты воюй! Воюй, майор!

Начало 1970

758. ВЕРОЯТНО

Я, вероятно, не поэт войны,
Но, вероятно, я войной испытан,
И — черта с два — погибнуть под копытом,
Когда уже дожил до седины.

Я, вероятно, дьявольски силен,
Поскольку выпил две цистерны спирта.
Как это хорошо было распито,
Как был прекрасен пьяный Вавилон.

Теперь я, вероятно, не умру,
Но жить я буду так невероятно,
Что, вероятно, разродятся ядра
Семян, что разбросал я на ветру.

Я, вероятно, не могу развлечь,
Развеселить, расплакать и растрогать,
Но, вероятно, есть какой-то коготь,
Что вас царапает,
как эта речь.

29 июня 1970

759

Хотел бы я жить, как люблю и умею,
Но жить не хочу я и жить не умею.
Когда-то имел я простую идею.
А нету идеи — и я холодею.

Да, я холодею и надо неметь.
Но, Боже, ведь быть не могу бессловесен.
Ведь ты мне вручил колокольную медь,
И пеньё, и странную надобность песен.

Хотел бы я жить,
но, увы, не могу!
Хотел бы я верить,
но, Боже, не верю.
Хотел бы не лгать, —
ежедневно я лгу,
Хотел бы терять,
но жалею потерю.

О Боже, о Боже, кто может помочь!
Какой собутыльник прикиннет к стакану?
О, как ты желанна мне, вечная ночь,
В которую кану! В которую кану!

1970

760

Теперь уже знаю:
Стихи потекут.
Их целую стаю
Моей нарекут.

Сего не предложишь,
Как сказано встарь.
Пиши, пока можешь,
Несчастливая тварь!

14 августа 1970

761

Настала такая эпоха,
Что все мы желаем итога,
Черта и под ней: итога.
А что итога? Кроме Бога
Под этой чертой — ничего.

Под этою жирной чертою
Все замыслы, все прожитое:
И если все это сложить,
А после из этого вычесть...
Получится... (Остановитесь!..)
Что просто не стоило жить!

1970

762

Осенний вихрь гудит под дверью.
И недалеко от жилья
Срослись (зачем?) береза с елью,
Как несчастливая семья.

Вокруг березы листья вьются
И улетают в ближний путь.
А птицы больше не вернутся,
И до весны не дотянуть.

22 октября 1970

763. ПРОЗРЕВАНЬЕ

Слепой прозрел. И что увидел?
Увидел белый, белый день.
Объема выпуклых предметов
Нигде не округляла тень.

Под белым, белым, белым небом
Стояли белые дома.

Деревья были белым снегом,
В них мгла белела, как зима.

И доктор крикнул: Наложите
Ему немедленно бинты,
Не то на свете он не житель
До обретенья черноты.

Чтоб черный цвет смешался с белым,
Что есть основа всех основ,
Чтоб мир ему казался целым
Хотя бы без полутонов.

1959 — апрель 1971

764

Меня Анна Андревна Ахматова
За пристрастие к сюжетам корила.
Избегать бы сюжета проклятого
И писать — как она говорила.

А я целую кучу сюжетов
Наваял. И пристрастен к сюжетам.
О, какое быть счастье поэтом!
Никогда не пробиться в поэты.

1972

765

Родину люблю не за взаимность!
Ей за все навеки исполать!
Надо так глядеть, чтоб не двоилось,
И себе пожестче постилать.

Тем, кто боком не спешил в клеветы,
И, разинув рот, не ждал раздач,
Никогда не тягостны запреты,
Не убийствен воздух неудач.

1972

Быть выше спора наций и племен,
 А родину любить всего превыше,
 За все, чем ею щедро оделен —
 За нашу речь — за смысл ее и звон,
 Все прочее от сердца отдавши.

Прощая злость, я злобу не беру
 В расчет — она создание нищих духом,
 Язык тоскующих по серебру,
 О нет, я не вступаю в их игру —
 И если болен, то не их недугом.

1972

767. ПАМЯТИ СМЕЛЯКОВА

Мы не были на «ты»
 (Я на семь лет моложе),
 И многие черты,
 Казалось, в нас не схожи.

Он был порою груб
 И требовал признанья.
 Но вдруг срывалось с губ
 Заветное желанье —

Желанье быть таким,
 Каким он быть боялся.
 И с неба серафим
 Тогда к нему спускался.

Тогда в распеве строф,
 Немыслимых вначале,
 Звучали пять-шесть слов,
 Что спать нам не давали.

Наверное, он знал,
 Что восхваленья пошлы,
 И что к его словам
 Прислушаются позже.

И вот уже молва
 К поэту благосклонней...
 Он вырос, как трава
 На каменистом склоне.

И отошел легко
В блаженный сон России
Смеяков
Ярослав Васильич.

1972

768

Что сказать официанткам
При закрытье ресторана?
Что туманом город заткан,
Что еще довольно рано.
Что еще бы полстакана
У буфетчицы спросить,
Что еще довольно рано
Люстры верхние гасить
И идти среди тумана.

Ночь. Улыбка фонарей.
Гардеробщики. Монеты.
И выходят из дверей
Ресторанные поэты,
Легкомысленно одеты,
В пестрых галстуках до пят.
К ним спешат таксомоторы.
И ключи звенят, как шпоры,
Кто их слышит? Дома спят.
И, шатаясь, в кабинеты
Входят сонные поэты,
Пишут вяло и темно.
До тех пор, пока рассветы
Не ударят к ним в окно.

1973

769

С утра худые сосняки
Припахивают канифолью.
Садов сырые гамаки
Качаются произвольно.

Седая, пасмурная даль.
Горланит ворон по-актерски.
Шуршит осенний календарь
В Опалихе и Красногорске.

Туманный дождичек томит.
И все окрестные пейзажи
Запущенный имеют вид,
Как дом, назначенный к продаже.

1973—1974

770. ВОЗВРАЩЕНИЕ

Все в доме было чуть поблекшим —
Картины, окна, зеркала,
И локон, на плечо прилегший
С чертой подбитого крыла.

И долго, долго мы сидели —
Не целовались, не клялись,
В глаза друг другу не глядели,
А только за руки взялись.

Но я не мог ладони нежной
Согреть в ладони ледяной,
Ведь пролегла чертой рубежной
Война меж мною и тобой.

1974

771

Я теперь жилец Замоскворечья,
Той Москвы, еще не обжитой,
Где нога ступает человечья
Сразу в лифт — и прямо на шестой.

Из окна многоэтажной башни —
Магистрالی грифельной накат,
А за нею — пригород вчерашний,
Иногда и яблоневый сад.

Ночью виден вензель ресторанный
И внутри мерцающий экран.
И теперь уже не слишком странны
Притязанья полугорожан.

1974

772

Жизни первая треть.
 Надо любить и смотреть
 В мир очарованным оком.

Жизни вторая треть.
 Замысел должен созреть
 Где-то в укрытье глубоком.

Жизни последняя треть.
 Осуществить.
 Умереть.

21 марта 1974

773

Здесь, в комнате, нам слышны из окон —
 И гул, и шелестенье,
 И раковин морских волшебный геликон —
 Вплоть до того мгновенья,
 Когда смолкают ветер и прибой
 И все моря и океаны,
 И остаемся только мы с тобой,
 В последнем трепете слиянны.

6 мая 1974

774

Когда я усну наконец,
 Как долго (всю жизнь) не спалось,
 Тогда мой усопший отец
 Коснется усталых волос.
 Тогда, наконец, я пойму,
 Что я пробирался сквозь тьму.
 И холодно быть одному.
 И холодно быть одному.

1974

775

Потому мне и жалко
 меньших сыновей,
 Что им долго пилить
 без меня.

И залп подъезда, сотрясавший дом,
Грядущего был слабым отпечатком.

Я десять лет был нем. И двадцать глух.
Но слышал выстрелы подъездной двери.
Скрежещущий стартер, как ключ тюремный, сух —
Не плач, а он обозначал потери.
Служенье тем, кто был отправлен в никуда
И запропал без вести, —
Оно превыше прочих уз, когда
В нем память есть,
но нету мести.

Я думаю порой среди тишины,
Теперь уже не безглагольной,
Что — память! — мы тобой отомщены,
Твоею мукой добровольной.

18 июля 1975

778

Какой пологий Пярнуский залив!
Уходит под воду песок ребристый,
И по воде — по легкой, серебристой —
Идешь себе, колен не замочив.

Боюсь я моря южного. Оно
Красавицей мне снится роковою.
И от его прибоя нет покою,
И полюбить его мне не дано.

Но все ж однажды я его любил.
Слоновьи кряжи северного Крыма.
Так было тяжело, так неодолимо.
Наверно, я тогда моложе был.

1975

779

Светлорогая полночь висит над землей,
Светлый дом увязает в снегу.
Хорошо на ветру нехолодной зимой
Спится синему березняку.

Мне бы надо отправиться в снежную ночь
В неизведанный край тишины,
Когда спит моя мать, когда спит моя дочь,
И жена моя спит, и сыны.

В эту светлую ночь хорошо одному,
Ибо видятся сны наяву.
И куда мне идти? И никак не пойму,
Для чего я на свете живу.

Конец 1975 или начало 1976

780

До Александра дожил,
С ним пережил беду.
И до Варвары тоже
Я, может быть, дойду.

А до тебя, мой Петенька,
Я не доживу —
Захлестнется петелька
И кану в синеву.

Не позднее 1976

781

О поэтическом пространстве
Писал мне злобный стихолоб,
Сжигал мои стихи и стансы,
Так, что лишь дым вился из труб.

Он породил во мне тревогу,
Какой-то горький впрыснул яд.
Но я подумал: слава Богу,
Меня не хвалят, а хвалят.

С тех пор я стал летучим дымом
И улетел, как этот дым,
Туда, где в небе нелюдимом
Я стану новым и иным.

1976

782

Россия одинока в мире,
Она одна стоит как перст,
Не докричишься в этой шири
Ни до кого, кто есть окрест.

Нет никого окрест России,
Нет никого в ее пути.
И ни уму, ни лжи, ни силе
Ее, России, не спасти.

1976

783

Вставал буграми ледоход,
Дымилась скверная погодка.
Зима справляла свой уход
С тщеславным буйством самородка.

А все-таки в природе есть
С людьми разительное сходство —
Как в нас, презрительная спесь,
Безудержное сумасбродство.

Хотя бы в мартовских лесах
Какой-то есть замах ушкуйный,
Когда с соломой в волосах
Стоят нечесаны и буйны.

И хочется на том пиру,
Их беспардонность повторяя,
Вьть и качаться на ветру,
Бранясь и слов не выбирая.

1976?

784

Вступает день, вступает город,
Вступает первая печаль.
А сколько птичьих разговоров
Туманным утром на ветру!

А я тебя — явленье плоти —
Люблю навечно, на века,
Как в ослепительном полете
Вот это облако. Гляди:

Всего лишь несколько мгновений, —
И развернется, улетит.
Ну а любовных объяснений
Безвкусицу мне Бог простит.

Лето 1977

785

Нет пистолета, есть петля
И нож тугой, и бритва злая.
А ты живешь, тупая тля,
Себя за это проклиная.

Как смертный страх преодолеть!
Одно мгновение перехода.
И вдруг исчезнуть, вдруг истлеть?
О нет! Другого нет исхода!

1977

786

Я был в Москве и понял,
Что, кажется, отвык
От жизни слишком полной
Людей, событий, книг.

И захотел обратно
Туда, где свой дневник
Сквозь световые пятна
Ведет аллея лип.

Где вечер пахнет штормом,
Как тыщу лет назад,
И примыкает к шторам
Обыкновенный сад.

10 сентября 1977

787

Как я живу? Без ожиданий.
В себе накапливая речь.
А между тем на крыши зданий
Ребристый снег успел прилечь.

И мы, как пчелы трудовые,
Питаем сонную детву,
Осуществленный день России
Не мысля видеть наяву.

Ноябрь 1977

Молодые люди
 Вдруг становятся
 Людьми среднего возраста,
 Почти без перехода.
 У них все уже есть,
 А кажется им,
 Что ничего еще нет.
 И эта жадность —
 Первый признак старения.
 Истинным людям
 Не свойственна жадность,
 Даже жадность к жизни.
 Жизнь заключена
 В самой себе,
 И чем больше устремлена во вне,
 Тем меньше в ней
 Толку.

1978

Наконец-то в загробном мире
 Расположимся, как в квартире.

И за все за наши страданья
 Будем спать на райском диване.

Позабыв о мужском и женском,
 Насладимся вечным блаженством.

Станем пить нектар, вспоминая,
 Какова была жизнь земная.

1978

790. СЕНТИМЕНТАЛЬНАЯ ВЕСНА

Весна, сентиментальный друг,
 Кричит растрепанная птица,
 И много воздуха, но вдруг
 Все это может прекратиться...

И этим можно пренебречь.
 Зачем, зачем воды течение,
 Когда слова, сбегаясь в речь,
 Сложились в странное значенье.

Богемы злобствующий князь,
Он же притворствующий дворник,
Нам проповедует, ярься,
Аки святой или затворник.

Нет, нам заимствовать нельзя
Идеи Ницше или Кафки,
При этом, может быть, внося
То оговорки, то поправки...

Уйди, сентиментальный друг,
И лучше слуха не насилуй.
Послушай, братец, как вокруг
Скворцы вещают с дикой силой.

Не позднее 1979

791

Прирожденный горожанин,
Я тоскую по лугам,
По полям, по рощам ранним,
По нетронутым снегам.

Прирожденные крестьяне
Устремились в города,
Забывают испытанье
Первозданного труда.

Но во сне на мягком ложе
Видят рощи и туман.
И тоскуют. Значит, тоже
Превратились в горожан.

1979

792

Заманчиво задним числом
Отыскивать наши ошибки,
Всю жизнь назначая на слом.
Но эти намеренья зыбки.

Отречься, мой друг, не спеши.
И что остается в итоге?
Единственность нашей души.
Единственность нашей дороги.

Январь 1980

Окончилась драма любви
 Такой сокрушительной силы,
 Что мчалась, как вихрь, над людьми,
 Вокруг оставляя могилы.

Неужто она без надежд
 Замкнется в смиренье усталом,
 Не сделав, чтоб весь Будапешт
 Избраннику стал пьедесталом?

Страшна эта гибель души,
 Предсмертная эта бравада
 И страх в одинокой глуши,
 Где нет ожидания ада.

Я ведаю, что он хотел
 Ее, как Лауру, прославить.
 Но, Господи, как он посмел
 Ее в этом мире оставить.

Должна была чаша пролиться,
 Должна опустеть, оттого,
 Что гибель материалиста,
 Пожалуй, страшнее всего.

Февраль 1980

794. ОСЕНЬ

Неужто я иду на спад,
 Как листопад?
 И мысли спят, и чувства спят,
 Как этот сад?

И может быть, для строф и строк
 Уж выпал срок?
 Во мне иссяк российский слог,
 Его исток?

И может, пасмурный закат
 Подвел черту.
 И лишь небесный вертоград
 Горит в цвету.

1980

Наверно, все уже ушло.
И та божественная сила,
Которою меня несло,
Но никогда не заносило.

Уже недалеко черта,
Когда, по мнению неофита,
Мы устареем, как фита,
И выпадем из алфавита.

Наверное, произойдет
Естественная смена вкусов.
Как бородатый анекдот
Войдем во время, что безусо.

Тогда, быть может, нас спасут
Ирония и жалость к людям,
Которым мы простим их суд,
А сами судьями не будем.

Но ты, наверно, не продашь
И не отвергнешь, друг весенний,
Трудолюбивый опыт наш
В пылу повальных отречений.

1980

Пусть все будет как есть.
Мне не надо другого,
Ибо слышится весть,
Ибо слышится слово.

Гул событий и шум
Заглушить могут снова
Шелест медленных дум,
Шепот вещего слова.

Ничего не тревожь,
Стихотворец поспешный,
Чтоб нездешняя ложь
Стала правдою здешней.

11 августа 1980

И непонятное письмо
 Она читала на заре,
 И было новое число
 Отмечено в календаре.

Моя любовь, моя мечта!
 Я не желаю ничего!
 Тщета любви, мечты тщета,
 Тщета надежд, тщета всего.

18 декабря 1980

Вся розовая, розовая
 От позднего мороза —
 Та рожица березовая,
 Открытая для взора.

Потягивающаяся, выгнутая,
 Проснувшаяся еле,
 И свежая, как вынутое
 Дитя из колыбели.

1981

Смерть не врет. Она открыта.
 У нее всегда верняк.
 Шпага в сердце. В лоб копыто.
 Или пуля. Или так.

Эй, скорей, вино и пуля,
 Доведите до конца!
 Ведь старуха, карауля,
 Притулилась у крыльца.

Что ж, старуха, вместе выпьем,
 Чокнись, древняя, со мной,
 Угости старинным сбитнем —
 Он горячий и хмельной.

Не от пули, а от хмеля,
 Не от хвори — от вина.

В этой смерти есть веселье.
Выпьем, мерзкая, до дна!

1981

800

Не хочется с тобою расставаться,
Зеленая и синяя планета —
Пусть даже предстоит любовь и братство
Иного мира и иного света.

О брeнная! Ничтожная. И все же
Страшна и невообразима жертва
Ничтожных благ, которые дороже
Бессмертия и вечного блаженства.

1981

801

Когда сумбур полународа
Преобразуется в народ,
Придет поэт иного рода,
Светло и чисто запоет.

И поросль свежая, иная
Взойдет, как новая звезда,
О наших горестях не зная
И нашим радостям чужда.

А вы, хранители традиций,
Вдруг потеряете себя,
Когда потомок яснолицый
Над вами встанет, вострубя.

1981

802

Н. Старшинову

Ты в стихе, как на духу,
Ты открыт, как на юру,
Ты доверился стиху —
Исповеди на миру.

Так задуман дивный труд
Ради вразумленья чад,
Что, наверное, поймут.
И, наверное, простят.

1981

803

Сад подобен светлым ризам
Из прозрачной белой ткани
И засыпан, словно рисом,
Свернутыми лепестками.

Ижицами старых яблонь
Сад исписан косо-криво,
И, наверно, будет явлен
Летний ливень от залива.

Слушайте, чего вам нужно,
Слушайте, чего вам надо.
Мир прекрасен! Потому что —
Белое цветенье сада.

1981

804

Пожалуй, пора перестать
Размазывать старость и тщиться.
А просто у пропасти встать
С намереньем парашютиста.

И на протяженье секунд,
Упругих, наполненных, длинных,
Почуять, как ветры секут,
И в глину удариться в ливнях.

1981

805

Скучно жить, питаюсь славой,
Славой — гидрой многоглавой.
Поздно жить грядущим днем,
Страшно жить святым огнем.
Лучше жить огнем камина,

Утешаясь беспричинно
И заботясь лишь о нем.

1981

806

О, нет судеб печальной наших,
Суровой наших и больней,
Свои истоки начинавших
В низинах тех угрюмых дней,

Когда в возвышенность тиранства
И в благо вечных голодух
Поверил русский дух пространства,
Доверчивый и страстный дух.

10 И что питало наши силы
И наши жадные умы?
Лишь безымянные могилы
В снегах треклятой Колымы.

Мы это видели вполглаза,
Вполуха слышали о том.
Но та барачная зараза
Все отравила нам потом.

20 И если мы вершили дело,
Чтоб мир освободить от зла,
Не эта смерть в глаза глядела,
Не та могила нас взяла.

1980—1981

807

Стояла осень. Воздух чист.
На землю падал бурый лист.
И было воздуха дрожанье.
Я не боялся подражанья.

И я готов был описать,
Как десять тысяч стихотворцев,
Прозрачный воздух, небо, сад,
И море, и далекий остров.

Мой друг, не бойся повторять.
Поэзия — дитя повтора.

Какая осень! Не понять
Красы, открывшейся для взора.

О, как себя боимся мы!
Боимся, что на всех похожи.
О, наши бедные умы.
О, дай нам силы, милый Боже!

1981

808

Какого дьявола — наука!
Хоть и на высшем рубеже,
Она все так же близорука
По отношению к душе.

И уж какие там итоги,
Ведь просветленные умы
Не стали менее жестоки,
Чем жившие во власти тьмы.

В нас просто больше вожделий
И больше надобностей, чем
Во времена простых делений
И простодушных теорем.

1981

809

Вот опять для зимних птиц
Гнезда вьет зима-старуха.
В отдаленье от столиц
Я живу темно и глухо.

Тянет, милые друзья,
В суету и разговоры.
Кажется, что бытия
Там откроются просторы.

В отдаленье от зимы,
От деревьев и от снега
За столом засядем мы,
И затянется беседа

Заполночь...

1981

810. СТАРОМОДНОЕ

Разгорелась печка,
Щелкают дрова.
Славное местечко.
Может, ты права.

За окном сугробы.
На дворе темно.
Может, мне до гроба
Жить здесь суждено.

Вижу я московских
Зданий высоту.
Площадей московских
Шум и суету.

И порыв единый
Всех путей к Кремлю...
Город мой родимый,
Я тебя люблю!

30 декабря 1981

811

Никто мне ни в чем не обязан.
И я никого не люблю.
Я только по горло повязан
И навзничь положен в ладью.

Плывет без ветрил и без весел
Печальная эта ладья.
Плывет в одинокую осень,
В листву золотого литья.

И ветер ее не качает,
А только течение влечет.
Влечет, и несет, и не знает,
Куда и откуда течет.

4 июля 1982

812

Откуда я?
Из тридцатых?
А может — из сороковых?

А может — из шестидесятых
Или семидесятых?
Жизнь моя не лежит
В такой хронологии строгой.
Свои пути избирая,
Я избегал боковых.
А шел прямой дорогой.
Своей простой дорогой.

Я был всегда — пешеход,
Я не скакал на конях,
Не мчался в танковый бой,
Не резал высь самолетом.
Шел. И студеная осень
Мой осеняла шлях
И освещала меня
Легким своим позолотом.

Дальше шагал не спеша,
Непогодь пережидая.
Не манила меня
Лихость разбойных шаек.
Я находил приют
В селах и городах.
И на прощанье лобзал
Милых моих хозяек.

Я пехотный солдат.
По духу и по нутру.
Трубочкой и вином
Была бы душа согрета.
И где-нибудь на юру
Я как солдат умру,
Которого не донесли
До ближнего лазарета.

1982

813

Ирония! Давай-ка выпьем вместе.
Виват и будем здравы.
Ирония — защита чести,
Ниспровергательница славы.

Ирония — целительница духа,
Весть внутренней свободы.
Давай-ка выпьем, славная старуха,
Достойная высокой оды.

10 В твоём саду, где стройные деревья,
Откусим от плода, что кисло-сладок,
Разоблачительница суеверья,
Разгадчица загадок.

Но ты одического красноречья
Не вытерпишь и не захочешь.
Тебе, старуха, не перечя,
Оставляю оду, коль не хочешь.

20 Ты недоброжелательница музыки,
Богини простодушной,
Но облегчение обузы —
Озон в округе душной.

Насмешница, но с долей грусти,
Напоминанье об итоге,
Печаль родного устья,
Вспомнившего об истоке.

Как можно жить пустые годы,
Тебя не зная?
Ирония судьбы, ирония природы,
Ирония сквозная.

30 И если все ясней и откровенней
Худые мысли лезут,
Ирония категоричность мнений
Перегрызает, как железом.

1982

814

Надо выйти из моды,
Улететь из столиц
И на лоне природы
Написать пять страниц.

Пять коротких и точных,
Тех, в которых итог,
Для которых — подстрочник
Небо, звезды и стог.

Возлегая на стог,
Над плакучей травой,
Звезд увидеть дороги
Над своей головой.

Из высокой вселенной,
Где небесная тишь,
Ты, мой друг убиенный,
На меня поглядишь.

1982

815

Мне все время видятся холмы,
Как изображенные в картинах
Старых живописцев, что полны
Странности в неверных перспективах.

В синем небе острый лет орла.
Яблоки красны на круглом древе.
Змий, обвившийся вокруг ствола,
Держит плод соблазна в гнусном зеве.

Не спеша, без страха не успеть,
Тропкой по ухоженному саду
Я иду сквозь яблонь анфиладу,
Деревянный плащ спадает с плеч.

1982

816

Тебя люблю. С тобою буду
Всем существом своим, покуда
Я не умру. Но не умру,
Покуда я с тобою буду
Всем существом.
Подобно чуду
Существованье двух сердец
И их невысказанный конец.

Март 1983

817

Тихо тенькает синичка.
Зяблик свищет ей в ответ.
Что за милая привычка
Нас будить, когда рассвет!

Сладко иволга играет,
Не пугая тишину.

А ворона громко грает
Про свободную весну.

Март 1983

818

Друзья мои, здравствуйте!
Вот я и вернулся домой.
Любимые классики
Стоят предо мною стеной.

Квартира разгромлена,
И негде мне на ночь залечь.
Но многое вспомнено,
И вновь обретается речь.

На старом рояле,
Где спит кахетинский кувшин, —
На нем не играли
Наверное, век с небольшим.

Друзья мои, здравствуйте!
Ведь дружба еще не слаба!
И пейте! И властвуйте!
И произносите слова!

Январь или февраль 1984

819

Жизнь с множеством чувств и волнений,
А кажется — просто течет.
Не видишь, когда из течений
Рождается водоворот.

Внезапно затахнет, затахнет,
И ты захлебнешься волной.
И снова в боренье потянет
Дышать атмосферой земной.

И, кажется, нету надежды.
Но снова лежишь у костра
И смотришь сквозь мокрые вежды,
И воду блюешь из нутра.

17 февраля 1984

Тогда любовью нашей грешной
 Нисколько я не дорожил.
 Я жизнью легкой и поспешной
 И невзыскательною жил.

Был жар моей любовной речи
 Тогда не более игры.
 И, утомясь от тайной встречи,
 Бежал я в легкие пиры.

Мне лишь потом открылась сила
 Твоих страданий и страстей.
 И то, что ты произносила,
 Предстало чище и Святей.

А нынче юные созвездья
 Угасли, как глаза твои.
 И мне, как позднее возмездье —
 Страдание от нелюбви.

1984

Я ухожу постепенно.
 Ни пуля, ни петля,
 Ни яд, ни морская пена —
 Лишние три рубля.

Где-нибудь возле стойки
 Мы подводим итог.
 Видимо, мы не стойки
 На переломе эпох.

1984

822. ОБЪЯСНЕНИЕ

Быть с тобою очень страшно,
 Потому что видишь ты
 То, что я уже не вижу
 Из-за черной слепоты.

Быть с тобою очень страшно,
 Потому что слышишь ты
 То, что я уже не слышу
 Из-за шумной глухоты.

Быть с тобою очень страшно,
Потому что молвишь ты
То, что я сказать не в силах
Из-за робкой немоты.

20 июня 1984

823

Повторяемся
И не можем
 повториться,
Ибо являем только себя.
Повторений не надо бояться,
Это истина наша седа.

Мыслей мало,
 всего лишь с десятков,
Остальное — соображенья.
И когда выпадают в осадок,
Остается стихотворенье.

1984

824. ИТОГ

Что значит наше поколение?
Война нас споловинила.
Повергло время на колени.
Из нас Победу выбило.

А все ж дружили и служили,
И жить мечтали наново.
И все мечтали. А дожили
До Стасика Куняева.

Не знали мы, что чернь сильнее
И возрастет стократ еще.
И тихо мы лежим, синяя,
На филиале Кладбища.

Когда устанут от худого
И возжелают лучшего,
Взойдет созвездие Глазкова,
Кульчицкого и Слуцкого.

10 марта 1985

825. ОКНО

Петр прорубил окно. Екатерина,
Не заробевши, влезла в то окно.
Ей полюбилась русская дубина.
Поскольку можно действовать умно.

К тому окну осталось недоверье.
За ним лежал неведомый предел.
Томился Пушкин за закрытой дверью,
Поскольку в окна лазить не хотел.

Пока мужик, истрачивая силы,
Трудился от светла и до темна,
Тревожились о нем славянофилы:
Неровен час, продует из окна.

Так и живем. В окно на мирзираем.
Не так уж плохо нам в родном жилье.
А что случится, если дверь отдраить?
Нельзя, глядишь, придавят в толчее!

Окно, окно!.. А Блок писал: «Равенна!»
А Тютчев восклицал: «О, этот юг!»
А как живут? Живут обыкновенно.
На ужин жрут лягушек. Виски пьют.

Теперь уж можно высунуть головку.
И поглядеть: летят к Парижу ТУ.
А в Лувре был? Конечно. В Третьяковку
Теперь пойти бы. Как-нибудь зайду.

Глядим в окно на старую Европу.
Как бы не задала дурной пример.
А нам она показывает жопу.
И мы в свое окошко кажем хер.

13 марта 1985

826. ЧЕРНОВИК

Весна! (Зачеркнуто) Прекрасный март...
(Зачеркнуто) Голубоглазый март...
(Зачеркнуто) Весна вошла в азарт...
(Оставлено) Каракули (Та-ра-та)...
Читает март... Каракули сирени.
Читает (Прочерк), как стихотворенье...

Весна вошла в азарт!
Каракули сирени
Читает (прочерк) март
(Тара) стихотворенье.

Хоть ритмика строга,
Но вот она строфа:
Весна вошла в азарт!
Каракули сирени
Голубоглазый март
Читает в упоенье!

Стыдись, поэт, что столько сил потратил
На подражанье, на пейзаж.
Ну, напиши: «Весна входила в раж!»
Долби (та-ра-ра) ямбы, словно дятел.
Весна входила в раж.
К ней возвращалась стая.
Ты жизнь свою отдашь:
Кому, за что, не зная...

Похоже, здесь есть тайный миг
Признанья. Суть ведь только в этом.
Признаешься. И станешь вновь поэтом.
Запомни: ты ведь только черновик.
Пусть из черновика
Твоя душа родится.
Ты канешь на века,
Но слово возвратится.

26 марта 1985

827

Кто говорит, что снова молод,
Тот, вероятно, просто глуп.
А я скажу, что этот холод
Похож на холод ваших губ.

На ваших рук прикосновенье,
Отталкивающих уста,
И на последнее мгновенье,
Вслед за которым немота.

8 апреля 1985

Когда, вступая в поединок,
 Родные души резким словом
 Друг друга ранят, не жалея,
 То жалость плачет под засовом
 И молится за нас, как инок.

А две души терзать друг друга
 Обречены, страдая вместе.
 Тогда вина или заслуга
 Становятся причиной мести.
 Тогда уж не найдешь концов,
 Кто виноваты или правы.
 Достаточно одной отравы —
 Убить сиамских близнецов.

22 июня 1985

Лет через пять, коли дано дожить,
 Я буду уж никто.
 Бессилен.
 Слеп.
 И станет изо рта вываливаться хлеб.
 И кто-нибудь мне застегнет пальто.

10 Неряшлив, раздражителен, обидчив,
 Уж не отец, не муж и не добытчик,
 Порой одну строфу пролепечу,
 Но записать ее не захочу.

Смерть не ужасна. В ней есть высота.
 Недопущение кощунства.
 Ужасна в нас несоразмерность чувства,
 И зависть к молодости не чиста.

Не дай дожить! Испепели мне силы!
 Позволь, чтоб сам себе глаза закрыл,
 Чтоб, заглянув за край моей могилы,
 Не думали: «Он нас освободил!»

15 июля 1985

830. РЕМОНТ

Ремонтируют крышу,
балкон,
штукатурят стены,
Красят полы,
меняют краны и трубы.
Мастера не спешат.
А мы
постоянно сбиваемся с темы.
Одежда в передней
напоминает трупы.

Железо проржавело,
обои отстали,
подпоры сгнили.
Все надо ломать,
менять,
латать, клепать и драить.
Спрашиваем друг друга:
«Как же мы жили?
Все уже надо сносить.
Ничего не исправить».

Мастер, мастер,
тебе старого дома
не жалко.
А во мне будет долго
болеть
ощущенье потери.
Я боюсь:
в новом доме
чужда мне станет хозяйка,
чужды дети,
чужими окна и двери.

Сколько потеряно!
Сколько поломано!
Сколько разбито!
Мастера четвертными
похрустывают в передней.
Спрашивают друзья:
«Ну как?
Одолела вас
служба быта?»
А мы думаем:
«Хорошо,
если это последний...»

Лето 1985

Как ошалевший соловей,
Откликнусь вдруг в своих руладах
Другой душе, а не твоей,
Забыв о доме и о чадах.

Но ты вольна, душа моя,
Соскучившейся соловьиной
Заслушаться в печали тихой
Колен другого соловья.

20 августа 1985

Эре Сусловой

Не умирают беглые слова
И мимолетные переживанья,
А где-то тлеют в нас едва-едва —
И тайно происходит созреванье.

Все не случайно. И всему свой срок.
И, может быть, в назначенную пору
Подсказывает верный жест актеру
Или поэту вздох между двух строк.

1985

833. ОСЕНЬ

В деревьях некий шум таится,
Орут на пляже сотни чаек.
Весь день от скуки ум томится.
И это осень означает.

Как в плохо вымытом сосуде
Тускнеет солнце утром ранним,
И все вокруг — земля и люди —
Охвачены недомоганьем.

1985

Возвращаются, как бумеранги,
 Через двадцать или сорок лет
 Те, кто были
 Ведьма и ангел,
 Те, кто был,
 Кого почти что нет.

Страшно видеть их.
 Но слезы льются.
 Ах, расстались!
 И по чьей вине?
 Ах, расставшиеся
 Остаются.
 И затем являются ко мне.

1986

Я наконец свободен.
 Мне горько и светло.
 Мне не нужна свобода,
 Но рабство тяжело.

Мне наконец не надо
 Дрожать за жизнь свою,
 Ее несовершенство
 Подобно бытию.

10 Мне, наконец, не нужно
 Ни славы, ни любви.
 Ни людно, ни оружно
 Я не пойду в бои.

Я наконец-то беден.
 Без друга и жены.
 Но оттого победен,
 Что все мне не нужны.

20 Мне это богохульство
 Не следует прощать.
 Но это поиск пульса
 И возраста печать.

Теперь корпеть, стараться
 Не нужно. Для чего

Мне это стихотворство
И это мастерство!

Мне ничего не надо.
Я просто сочиню
Поэтику разлада,
Не зная почему.

В ночь на 8 февраля 1986

836. ОТКРОВЕННОСТЬ

В признаньях невозможно без примет.
Порой бывает неправдиво слово,
Вопрос неверен, не попад ответ.
Что ново в чувствах, то в словах не ново.
В признаниях часто пропадает суть.
Коль нету сокровенного чуть-чуть,
Неуловимого, но в нем основа
А так — забудь. Не говори. Забудь.

8 февраля 1986

837

Я задаю вопросы, на которые
Ответов как бы нет. Ищу в истории,
Усердно перекапываю были.
А, может быть, тогда ответы были?
В те дни, когда вопросы математики
Решали палки, камешки и пальцы,
Ботанику в лугах учили мальчики,
Брежали географию скитальцы.
Неужто меньше знали тонкопряхи,
Боявшиеся водяных и леших,
И разве обоснованнее страхи
У нас, до самых до небес долезших?

10

Февраль 1986

838

Жить в новых условиях
Гораздо полезней, чем в старых —
Не преть в пустословиях,
Не злобствовать в сварах.

А жить в этом случае,
Как будто бы вылез из лужи:
Надеясь на лучшее,
Поскольку не может быть хуже.

8 марта 1986

839. В ПЯРНУ

Когда-то, странный пилигрим,
А, в общем, вечный домосед,
Сюда я прибыл.

Тонкий дым
Тумана и неверный свет.

Когда-то сухопутный гость,
Живу близ моря.

Тонкий дым
Тумана. И сухая ость
Прибрежных камышей. За ним —
Деревья парка, где темно
В тени. По зарослям густым
Гуляет ветер.

Тонкий дым
Тумана.
Все обнажено.

13 марта 1986

840

В общем, жизнь состоялась,
Несмотря на все протори
И убытки,
На провалы и ярость,
На спиртные напитки.

В общем, жизнь состоялась,
Даже в городе чуждом и странном,
Несмотря на усталость,
При моем исступлении пьяном.

Друг, пора и в дорогу,
Вновь прильнуть и прижаться к России.
Так медведи в берлогу
Заползают в последнем усилье.

1986

Вот так и нужно жить всегда:
 Прошедшим днем и днем вчерашним,
 И днем грядущим.
 Шабашникам ли бесшабашным
 Познать усилие труда,
 Где связан проволокой медной
 Прошедший день с грядущим днем.
 Меж ними гранью незаметной
 Текущий день.
 И дело в нем.

1986

Сначала я тебе признался в том,
 Что полюбил другую. А потом
 Солгал, что не любил и не люблю.
 Потом во лжи покаялся.
 Скорблю,
 Что навсегда утрачено доверье,
 Целительный источник близких душ.
 Но сказанного не воротись.
 Сушь.
 И глухомань. И мертвые деревья.

Весна 1986

Срубленное дерево не встанет,
 Лишь от корня может прыгнуть ветка.
 Но цвести она уже не станет,
 Ибо в корень врезана некрепко.

Да и он велик для этой ветки,
 И ее всегда мне будет жалко —
 Вот и листья непрочны и редки,
 В них не спят Дриада и Русалка.

Май 1986

Отводя березовые сучья
 И минуя елок череду,

Вспоминаю, что не выпал случай
Побывать весной у нас в саду.

Поглядеть на елочки укропа,
Тронуть пальцем розовый редис,
Постоять тихонько, как у гроба,
Там, где туи строгий обелиск.

Нет! Не это! Погляжу в окошко.
Гляну, занавеску приоткрыв.
Хорошо, что на столе картошка.
И обед накрыт на четверых.

Вот мой дом и вот мои начала,
Из еще не сданных крепостей.
И винца б, пожалуй, не мешало.
И совсем не хочется гостей.

3 мая 1986

845. ЛЕЧЕНИЕ ПОДМОСКОВЬЕМ

Под утро закричал петух.
В окно вошел здоровый дух
Березы и еловой хвои.
Их было больше вдвое, втрое,
Чем могут легкие и слух
Вместить: дыханье ветровое,
Болото, братний лес и луг.
Шатаясь, словно с перепоя,
Я встал. И — в бочку головою —
Весь погрузился в этот круг
Небес, где важно, как воздух,
Носили облако льняное.
Я вспомнил, что люблю пейзаж
И климат, а не микроклимат,
Где все дозировано: пляж,
Три дерева и сто былинков.
А здесь дышал огромный климат,
Где воздух в мощном небе вымок
От Астраханей до Дудинок,
И тучи брал на бордаж.
Все это подсолил Балхаш,
Вдул в ледники Кавказский кряж,
Где льда и солнца поединок.

Потом открыл ворота гараж
И выпустил большое стадо
Свирепых зубров марки «МАЗ».

И всю округу рев потряс,
и замычала автострада
Совсем недалеко от нас.
И встало солнце — волопас.

Я понял, что на этот раз
Я у себя. И не рассада
Смиренно пахла у оград.
Дышал огромный вертоград
Мазута, воздуха и чада.
Простор вселенной был продутым
Смолою, воздухом, мазутом,
Крахмальной свежестью палат.

Всего хватало вдвое, втрое
Для вдоха, дыха, для гобоя,
Для очистительных рулад,
Так мощно заглушивших хрипы,
Все кашли, лорингиты, гриппы,
Уколы вежливых сестер,
Рентгены и кардиограммы.
Я чуть не выпрыгнул из рамы.
Дышал. Меня лечил простор.

Май 1986

846. ОБ АНТОЛОГИЯХ

Не люблю антологий,
 где Дедка за Репку.
А, вернее, треть Дедки, Полбабки, часть Внучки.
И особенно много за Внучкою Жучки.
(А могли б обойтись без беременной сучки).
Не хватает лишь Мышки,
А у Мышки — мыслишки,
А порой и рифмишки бывают у Мышки.
Но стихи ее в свет выпускаются редко.
Оттого и ни с места проклятая Репка.

1986

847

Ты нам пожертвовала
Счастьем и призваньем.
Но можно ль было грубо не принять
Сей дар души? Лишь горестно обнять
И жертву оплатить своим страданьем.

Забвенья нет. Один высокий стих
Мне может быть подобьем излеченья.
А нам наградой — малых сих
Тревоги, радости и огорченья.

Меня ты присудила жить в долгу,
Жить ежедневно, ежечасно.
Приговорила жить. Но как могу
Терпеть, что ты несчастна.

Ты несчастна.

8 мая 1986

848

Выздоровление от «Беатриче»
Больней болезни. Там было отличие
Добра от зла. Прозренья и борьба
С тобой, с собой и с кем-то.

Там кипела,
Безумствовала и рвалась судьба.

А здесь — одно успокоенье тела.

Нет! Жажда смерти, возвращенье, раж,
Успокоенье, сваря, неприличье,
Надежда...

Разве это все отдашь
За исцеление от «Беатриче»!

8 мая 1986

849

Не надо срезанных тюльпанов!
Пускай цветы растут на клумбах,
Не увядая в дымных клубах
Среди поваленных чуланов.

Пускай слезою драгоценной
Роса украсит их в тени.
И луковичкою подземной
Пусть будут заняты они.

А так — что остается, кроме
Подобья хлипкого ствола.
И лепестки, как сгустки темной крови,
Сметают утром со стола.

24 мая 1986

Лечи меня, Время, скорее
 И выбей из горла комок,
 Ведь ты, говорят, помогаешь
 Там, где бы никто не помог.

Лечи меня, Время, от блажи
 И от наваждений лечи.
 Лети, мое Время! И даже
 Скорее, чем надо, лети!

Закуй меня в легкие звенья,
 Неси меня дальше и в высь,
 Поскольку не будет мгновенья,
 Которое «остановись»!

А будут такие, что мимо
 Скорей бы промчались в пути.
 Бессонно и неутомимо
 Лети, мое Время, лети!

Июнь 1986

Вино, стихи — утеха,
 А без таких утех
 Не надо мне успеха.
 А честолюбье — грех.

Грешил и я, младенец,
 Мечтал и я, малец,
 Что Муза мне наденет
 Лавровый свой венец.

Теперь прошу от Музы
 Не этого венца,
 А чтоб остались узы
 Печали до конца.

И чтобы в той печали,
 Как сквозь осенний дым,
 Меня не отличали
 От всех, кто ей томим.

1986

852. ДОЖДЬ

Дождь всего исцеловал, исплакал,
Заболтал, заговорил взახлеб,
Лил ливмя, струился, падал, капал.
Я не шел, а по теченью греб.

Этот ливень, пахнувший покосом,
Обнимавший душу существа,
Неужели мог быть смертоносен?
А земля? А листья? А трава?

Май—июль 1986

853. БЕГСТВО ТОЛСТОГО

Стремление к уходу
Куда-то в непогоду,
Зачем-то и к кому-то,
От дома и уюта.

От глаза, от истерик
Куда-нибудь податься,
Не помня о потерях,
Хоть на летейский берег.

10 Стремление к вагону,
Где терпкий дух овчины,
Где медленно и сонно
Смолят махру мужчины.

Стремление от пруда,
От дома, от усадьбы.
Ах, убежав оттуда,
На лавке полежать бы.

20 Чтобы тебя продуло
До смертной пневмонии
Среди людского гула
Дыхание России.

И на ветрах российских
Расстаться с белым светом.
И никого из близких
Не призывать при этом.

Уйти на полустанке,
Где ночью осень стонет.

Пускай потом останки
Как надо похоронят.

1986

854

Что-то вдруг забыл о том, что юным
Был когда-то. И погряз и сник.
В свою старость я ушел по дюнам,
Где приморский шелестит тростник.

Но однажды, позабыв про беды
И про этой жизни мелкоту,
Вспомню про величие Победы
И свою Победу обрету.

1986

855. К ПЕРЕДОВОЙ

Заснул я во втором часу,
Когда вечернюю росу
Пьют совы на кустах.
Счастливый, я заснул в лесу
С улыбкой на устах.

Я спал, как может спать солдат —
Под головой мешок.
И надо мною звездопад,
А подо мной песок.

Так только в молодости спят
Любимцы всех богов.
Так только может спать солдат:
Есть долг, но нет долгов.

И дома нет. А есть один
Мешок под головой.
И сам себе я господин —
Вблизи передовой.

И в этот час, когда я сплю,
Открытый небесам,
Во сне кого-то я люблю,
Кого — не знаю сам.

И письма я во сне пишу,
Чтобы не запропасть.

А завтра утром поспешу
Из лазарета в часть.

Там старшина еще живой
Окажет мне почет.
Кивнет приветно головой
И отошлет в расчет.

1986

856. ДВОЕ

В освещенье нескольких свечек
Прокурор сидит и ответчик,
И ответчик и прокурор.
Постоянно меняются роли
На театре крови и боли —
Повелось это с давних пор.

Подают друг другу бокалы —
И неистовы, и усталы,
Доливают друг другу вино.
А потом, друг друга жалея,
Подливают в вино елея.
Началось это так давно.

А вокруг, вкушая напитки,
Восседают свидетели пытки
И снимают нагар со свечей.
И не знают, что сбились с круга
Эти двое, друг из-за друга
Потерявшие смысл речей.

После 1986

857. СОПРОТИВЛЕНЬЕ

Так наступает нелюбовь.

Сопrotивляется все тело,
Все содержание души,
Устройство плоти и скелета,
И даже — Господи спаси! —
Глаза, не видящие света.
Сопrotивляется мечта,
Сопrotивляется безверье,
Сопrotивляются уста,
Печаль, безумство и веселье.

Сопrotивляется перо,
Сопrotивляется бумага,
Сопrotивляется нутро,
Сопrotивляется присяга.
Сопrotивляется рука,
Вся в ярости неукротимой,
Напруженная, как река,
Пересеченная плотиной...

И все ж, не в силах побороть,
Смиряются душа и плоть.

После 1986

858

Слепого мальчика ведет собака.
Она внимательна и осторожна.
Научена переходить дорогу.
Ведет подростка к магазину «Хлеб».
Подросток чист и хорошо одет...
Поэт! Вообрази, что ты ослеп!
Что за тебя собака ищет след!
Что у тебя, поэт, собачье зренье!
Перечитай свое стихотворенье.
Перечитай!

Потом меня прости.
Ведь я и сам уже ослеп почти.
А я ведь сам уже почти оглох.
Поводырем мне станет Кабысдох.

1987

859

Лунным светом город залит,
Голубеют скаты крыш.
Снова космос зубоскалит.
Неподвижность. Холод. Тишь.

Нам в лицо смеется космос
И опять
Дает понять,
Что стихии смертоносность
Невозможно нам унять.

Дымных звезд роятся клубы.
Бледный месяц щурит глаз.

Снова космос скалит зубы.
Есть ли кто-то кроме нас?

1987

860. АЛЬТИСТ В МАРТЕ

На воздухе висит мансарда.
И солнце на исходе марта.

А солнце мартовское чисто,
Как звук мелодии простой,
Излившейся со струн альтиста,
Живущего в мансарде той.

Вокруг мансарды, той скворешни,
Летают голуби звеном.
Бьет в ноздри воздух огурешный
И в уши — капель метроном.

Покуда музыка струится,
Глядит из дома визави,
На подоконник встав, девица,
И помирает от любви.

Она прилежно трет по кругу
Стекло, на цыпочки привстав.
И льется, льется сквозь фрамугу
Мелодия и синий сплав.

Девице кажется, что чудо
Здесь происходит, вопреки
Однообразию этюда
Для упражнения руки.

1987?

861

Вот небеса заголубели.
А крыши дома и сарая
Роняют сопельки капели,
По-детски их не утирая.

Так образ детства в переулке
Запечатлели все детали,
Что хочется кусочек булки
Деревьям дать, чтоб пожевали.

1987

Есть жалость нежная,
 Есть жалость злая,
 Есть жалость, где упрятана вина.
 Но лучше жить на свете,
 Не зная
 Той, что презрением внушена.

20 марта 1987

Уставший от утрат,
 Живу теперь натужно.
 И новому не рад,
 И старого не нужно.

Я чувствую провал
 В осуществление счастья.
 Когда-то целовал,
 Когда-то обольщался.

Доверчив, как щенок,
 Без жизненной науки,
 Вилял хвостом у ног,
 Лизал в восторге руки.

И на своем горбу,
 Не зная, не внимая,
 Я нес свою судьбу,
 Ее не понимая.

Да не дано мне знать
 Судьбу или натуру.
 Но рук чужих лизать
 Уже не стану сдуру.

Март 1987

Навсегда с тобой расстанусь,
 Навсегда.
 Нарастающая старость —
 Не беда.
 Не твоя беда, не наша,
 А моя.

Предо мной пустая чаша
Бытия.

29 марта 1987

865. ВАРИАЦИЯ

Э. В. Суловой

Мы пишем запоздалые эскизы
К картине, что давно уже готова.
Поэты, и актеры, и актрисы,
Мы кисти окунаем в краску слова.

Этюды много лучше той картины,
Которую заляпывают будни,
Где многовато хлама и рутины,
К тому ж они любой молве подсудны.

Но своевольное воображенье,
Подобное нелепице и бреду,
Случившееся с нами поражение
Готово вдруг преобразить в победу.

Покуда не иссякло, не устало.
Оно перелицует зиму в лето,
Чтоб «мог бы полюбить Вас» означало
«Как я любил!..» И вдруг поверить в это!

1987

866

Трудна России демократия,
Не тем, что мнений разнбой,
А тем, что возмечтала шатия
Вести Россию за собой.

Ложь убедительнее истины
Для тех, кто ждет, разинув рот.
О том, что те пути убийственны,
Узнаем после. В свой черед.

1987

867. ПЕРЕВОДЧИК

Я, как контрабандист запретные товары,
Перевожу стихи, стихи перевода,
Редакторских застав минуя окуляры
И псов цензуры в раж не приводя.

Перевожу стихи — пьянительный напиток.
Пора бы на него ввести сухой закон!
Перевожу стихи, бывает, с трех попыток.
И комом все блины. И в горле тоже ком.

Но перейден рубеж. Но будем осторожны.
Не торопись строку записывать в тетрадь!
Хотя и знаешь сам, что не страшны таможни,
И то, что в нас — они не могут отобрать.

1987

868

Остановись, прогресс! Замри!
Земля, останови вращенье!
Пусть в нашем небе будут две зари
И вечный день в их освещенье!

Не мчитесь, самолеты!
Не отходите, поезда!
Не уходите в плаванье, суда!
Пусть будет как всегда!

Не лейся, сталь!
Не опускайся, молот!
Пусть будет лишь тепло, не приближайся,
холод!

Дай время нам одуматься!
Тогда
Засветит в полдень алая звезда.
И не междоусобная вражда —
Самоспасение расстелет полог.

1987

869. ОРКЕСТР

Дирижер — рукотворец музыки,
Пишущий ее палочкой в воздухе.
Скрипачи — прядильщики мелодий.
Виолончелисты — вышивальщики нот,
Пальцем поддевающие толстую нить.
Контрабасисты — пыльщики басов.
Флейтисты — выдуватели легких пузырьков звука,
Объедающие флейту, как початок кукурузы.
Трубачи — выдыхатели ритмов,
Лаокооны геликонов — выращиватели напевов
В медных вазах.
Литаврист — шеф-повар мягких громов.
Арфистка — кормилица лебедей в серебряной клетке.
Барабанщик — раскатыватель звонких горошин.

И все они играют мысль о том,
Что неслучайно и невременно
Мы пребываем в мировом пространстве,

А если кому-то так кажется,
Спроси:
А музыка?

1987

870

3. Гергму

Артист совсем не то же, что актер.
Артист живет без всякого актерства.
Он тот, кто, принимая приговор,
Винится лишь перед судом потомства.

Толмач времен, расплющен об экран,
Он переводит верно, но в итоге
Совсем не то, что возвестил тиран,
А что ему набормотали боги.

10 августа 1987

871

Старость. Сколько протяну,
Неизвестно никому.
Осязаю тишину,
Стало лучше одному.

874

Всего с собой не унесешь.
Останутся на этом свете
Стихи, бессонница, галдеж,
Друзья, возлюбленные, дети.

Останутся в твоём доме
Какие-то дела и вещи.
Живем мы вместе.
Уходим мы по одному.

1987

875

В январе дождь ливмя
Льет и льет.
Сохранит ли меня
Новый год?

Сохранят ли меня
Времена,
Упасут ли меня
От меня?

Январь 1988

876

И страшны деревенские проселки,
Где в темных избах варят самогон,
И воют черносотенные волки,
Сбиваясь в стаи на кровавый гон.

Чтобы времен бескровных стать предтечей,
Ты должен, помолясь, служитель муз,
Связать в одно узлы противоречий
И на себя взвалить сей тяжкий груз.

1988

877. ПЕСОК

Когда ты станешь мной, а я тобой,
Нас будет улаживать один прибой.

Он будет гладить нас, стирая след
Минувших празднеств и минувших бед.

И обливает нас гнилью нефтяной,
Чтобы смешать тебя со мной.

1988

878

Кто ответит, как нам быть?
Если жалуется поле,
Если стоном стонет лес,
А река, как раб в неволе,
Молит милости небес?

Кто ответит, как нам быть?

Конец 1988 или январь 1989

879

Не имею желания
Возводить на крови
Фестиваль покаяния
И декаду любви.

Все решится со временем
И не так-то легко
Всенародным прозрением...
До него далеко.

1988 или 1989

880. МОНОЛОГ МОЛЧАЛИНА

Умеренность и аккуратность! Что ж,
Он оскорбить меня намерен.
А кто неаккуратен, неумерен,
Выходит, лучше. Это ложь.
Кто неумерен,
Тот в любви не верен,
Обжора, мот,
Вина без меры пьет,
И может, даже, злонамерен.
Какое общество такой создаст?
Там кто во что горазд,
Там затошнит от качки,

Там все готовы биться на кулачки,
Там каждый оберет и не отдаст.
Умеренности — вот чего
Нам постоянно не хватает.
И аккуратность оттого
В любых делах у нас страдает.
А этот, что попал
Вдрут с корабля на бал,
Явился и пошел на всех насмешки строить.
Его бы надо успокоить.
Ведь в чем вопрос у нас?
Умеренность ли верх возьмут и аккуратность
Или неаккуратности отвратность
И неумеренности глас.

1988 или 1989

881

Полно вам искать промашек
Друг у друга. Лучше делом
Заниматься. Захромавших
Исцелять. А оголтелым
Прочищать мозги. Засевших
В чащах выводить на след
Истины. А закосневших
За руку тянуть на свет.

6 февраля 1989

882

Жизнь родины и жизнь души
Должны быть нераздельны. Время
Подсказывает: не спеши
Ни с выводами, ни с твореньем.

21 или 22 февраля 1989

883. АНАХОРЕТ

В его каморке запах книжной пыли,
И окна здесь давным-давно не мыли.
Не любит он уборки. Пусть лежит
Все как лежало. А после уборки
Не сыщешь ничего в его каморке
И все уже не так, как надлежит.

Одеяло солдатское, рваное.
Лампа тает в табачном дыму.
И какая-то женщина странная
После службы приходит к нему.
Ее внешность в глаза не бросается,
Не по моде ее гардероб.
А взглядишься получше — красавица:
Рот, глаза, ослепительный лоб.

Он с нею ласков, но не фамильярен.
И хлебосолен, словно русский барин:
Он режет на газете колбасу.
Советует ей прочитать два тома.
И провожает под руку до дома
На Сретенку — в двенадцатом часу.
И когда затихают троллейбусы,
Засыпают дворы и дома,
Она плачет от этой нелепости,
Негодует и сходит с ума.

Почти освобожденный, по Садовой
Уходит он в свой мир полубредовый,
Направив в свой приют свои стопы.
И если слышит: сзади нагоняют,
Не обернувшись, шаг свой ускоряет
И нехотя уходит от судьбы.

3 марта 1989

884

Пора воспоминаний,
Предзимняя пора.
Заморозок и зимородок,
Голье поля.

Теперь уж не страшится
Трусливое перо...
Заморозок и зимородок,
На дворе светло.

Март 1989

885

Еврейское неистребимо семя.
И как его жестоко ни полоть,
Мы семь столетий имя, а не племя,
Страданье, воплотившееся в плоть.

Ответственны за все грехи Востока,
Испании, Германии, Руси,
Не требуй же теперь за око око,
Глас вопиющего, не голоси.

Пощады нет ни старцам, ни младенцам.
И каждый сильный слаб, а слабый яр.
Дымит, дымит невиданный Освенцим
И ямы разверзает Бабий Яр.

Но если в человецех мир настанет,
И ближнего не оскорбит никто,
Пускай нас до последнего не станет.
Я отпер дверь. И застегнул пальто.

1989

886

Я приходил. И клал стихи на стол.
Она прочитывала равнодушно.
Я выходил на улицу. Я шел
По улице устало и недужно.

Теперь стихи на стол я не кладу.
А прячу в стол. Смотрю в окно упрямо.
И выхожу на улицу. Бреду.
И сыплю крошки голубям у храма.

12 марта 1989

887

Эти летние дожди...
С. Кирсанов

Он, невнимательный к природе,
Вдруг вспомнил летние дожди,
Когда все было на исходе,
Когда все было позади.

Тогда в Москве палило лето,
И долго не было дождя,
Лишь погромыхивало где-то,
Грозою город обходя.

Но словно по его приказу
Блеснул изломанный разряд,
Ударил гром. И сразу, сразу
На город рухнул дождепад.

Со всех сторон хлестало, перло,
Блистало, грохало. И он
Вдохнул в истерзанное горло
Благоухающий озон.

От этих запаха и влаги
Легчало у него в груди,
Когда ложилось на бумаге
Про эти летние дожди.

Март 1989

888

Истомясь от сердечной печали,
Истомясь, начинаем с трудом
Верить слову, что было в начале,
А не тем, что явились потом.

И понятно, и ясно, и ново
Воссияет его благодать.
Странно, что изначальное слово
Раньше мы не могли различать.

Различили. Теперь уже надо,
Чтобы силу оно обрело,
Чтоб от паствы до пастырей стада
Изначальное слово дошло.

Март 1989

889

Как разрешить взаимные обиды?
А, может, просто: впредь не обижать,
Призвать на помощь мудрость Немезиды
И кулаки грозящие разжать?

Вон две зари на небе белой ночи
Текут — одна из дня, другая в день —
Друг другу уступая полномочья
На счет кукушек, запах трав и рдень.

1989

Когда я распрощался с Беатриче,
Я стал спокоен, сумрачен и сух.
И научился жить на свой обычай,
И постепенно укрепил свой дух.

А надо бы из моего романа
Бесстрашно вымарать почти что треть —
Все строки страсти и самообмана
И страшную потребность умереть.

И вот, освободившись от обузы,
Порою снова вижу небеса,
Когда меня в глаза целуют музы,
В мои почти незрячие глаза.

1987—1989

Поэзии ничто не может помешать,
Да и помочь ничто не может —
Ни обозленная печать,
Ни преклоненье множеств.
Ни пуля в лоб, ни нож из-за угла,
Ни подношенья, ни букеты.
О чем же вы тревожитесь, поэты?

1989

892. СТАРИК И ДОМОВОЙ

Мог бы я давно уехать к сыну,
В город он меня к себе зовет.
Только как я домового кину,
Что за печкой у меня живет.

Озорной. Порой меня дурачит,
То спрячет веник, то очки.
Ночью спать не даст — по лавкам скачет,
А, бывает, плачет от тоски.

С вечера ему оставляю кашки.
Никогда при мне не станет есть.
Погляжу наутро — пусто в чашке.
На день спрячется. А знаю — есть.

Зимнею порой округи глухи.
Не проедешь к нам. Стынь, снега да бредь.
А в деревне я да три старухи.
Не дай Бог зимою помереть.

Как стемнеет, выйдет из-за печки,
Он сидеть не любит на свету.
И тогда пойдут такие речи,
И такие сказки я плету!

В городе, конечно, дочка с мужем,
Сын с женой и прочая родня.
Только там я никому не нужен,
Некому и выслушать меня.

Ну а здесь такие растабары
И такие сказки разведу
Про былые свадьбы и пожары,
Про мою военную страду.

Уважаем был самым комбатом,
Славен был на целый батальон.
Сталина я видел в сорок пятом
Выше всех людей и всех знамен.

Как не пожалеть о нем о строгом,
Но вершившем справедливый суд.
Раньше-то его считали богом,
Преклонялись, а теперь клянут.

На дворе в осинах воеет леший,
Ветер в стеклах производит дрожь.
По дороге не пройдет и пеший.
Не узнают, ежели помрешь.

И такая одолеет скука,
Как наружу глянешь в темноту.
Для меня он, малый, вроде внука.
Слушает всю ночь, что я плету.

Так вот и живем — жуем мякину.
Чай да хлеб — весь на зиму запас.
Да куда ж я домового кину!
Сгинем оба здесь в последний час.

1989

I

С любовью дружеской и братской
Я вновь сегодня помяну
Всех декабристов без Сенатской,
Облагородивших страну.

Сыны блистательной России,
Горевшие святым огнем,
Отечество не поносили —
Радели искренно о нем.

К их праху, после муки черной,
Всех неурядиц и невзгод
Народ России просвещенной
Благоговейно припадет.

1986—1989

II

Откладыватель в долгий ящик,
На послезавтра, на потом,
Певец каникул предстоящих,
Дней, не заполненных трудом,

Ленивец, не любитель спешки,
И постепенности пророк,
Я раздавал свои усмешки,
Пока всему не вышел срок.

Теперь уже не до усмешек,
Когда азартно, как юнец,
Нагромоздив орлов и решек,
Играет время в расшибец.

И делает уже попытки
Втянуть нас в дикую войну,
Чтоб мы рассыпались от битки,
Как гривенники на кону.

1989

В. М. Василенко

Свободы нет. Порыв опасный
Отнюдь не приближает к ней.
Лишь своевольтства дух всевластный
Осуществляется вольней.

Но все же в звездные минуты
Мы обольщаемся мечтой.
И кровь кипит. И судьбы вздуты,
Как парус, ветром налитой.

И в упоенном нетерпенье
Рвем узы тягостных тенет.
И сокрушаем угнетенье,
Чтоб утвердился новый гнет.

1987

896. У ОКНА

Кто-то движется в окне.
Это, видно, не ко мне.
Каблучки по тротуару
Прозвенели в тишине.
Это тоже не ко мне.
Слышу говор в стороне.
Это тоже не ко мне.

Вон старуха в шушуне
С коробочком за спиной.
Отвернулась от окна.
Это, видимо, она,
Это, видимо, за мной,
Это, видимо, ко мне...

27 июня 1989

897

Когда уже не всех подряд хватали
И на устах отгаивала речь,
Мы все же что-то обретали,
Успели кое в чем поднатореть.

Происходило воспитанье
Под зеленью болотной ряски,
Готовились для испытанья
И для грядущей перетряски.

И наши нежные мозги,
Наш дух, ничем не защищенный,
Давали первые ростки,
Скрываясь в ракушке подонной.

1989

898

Поэзия не интересна!
Ну что ж, такие времена.
Сейчас грошовая железка
Сияет ярче, чем луна.

Луна уже гроша не стоит,
Как и туманные стихи,
Собаки на нее не воют,
Не провожают петухи.

И не приветствуют гармони,
Вблизи околиц голося,
Под ней уже не скачут кони,
Невест из дома унося.

И если месяц не засветит,
Никто не хватится сперва.
А ту пропажу лишь заметит
Одна шальная голова.

На небо поглядевши дико,
Поймет: произошла беда.
И вдруг воскликнет: «Погляди-ка!
Луны-то нет! Вот это да!»

1989

899

Фрегат летит на риф.
Но мы таим надежду,
Что будет он счастлив
И что проскочит между
Харибдою и Сциллой,
Хранимый Высшей Силой.

Что остается нам?
Убавить паруса.
Удерживать штурвал.
И, укрепясь молитвой,
Надеясь на то,
Что внемлют небеса
И пронесут фрегат
Над Сциллой и Харибдой.

Октябрь 1989

900

Писем напишу пяток,
Лягу и умру.
Знай сверчок свой шесток —
Хватит жить в миру.
Но умру не насовсем
И не навсегда.
Надо мною будет сень,
А над ней звезда.
Над звездою будет Бог,
А над Богом свет.
А над светом голубок
Посреди планет.
А над голубем цветок,
А в цветке пчела,
Что опустит хоботок
.....

12 декабря 1989
<Последнее стихотворение>

***ДРУГИЕ РЕДАКЦИИ
И ВАРИАНТЫ***

2. ПАСТУХ В ЧУВАШИИ

*рукопись
1938 г.*

Глухой хрипун, седой молчальник
Следил луну из-за коряг.
Кругом торчал унылый тальник
И пни гигантских раскоряк.
Он не скучал в тоске болотной
В веселом обществе червей,
Покуда мокрые полотна
Тянул туман из-за ветвей.
Казавшись врубелевским Паном,
Пасущим стадо комаров,
Он был отшельником степенным,
Библейским пастырем коров.
Копыта их жевали глину.
И было скучно пилигриму.
Он подошел к огню костра:
— А сколько будет до кордона? —
Глаза лениво и бездонно
Смотрели из болотных трав.
Он был божественный язычник
Из глины, выжженной в огне.
Он на коров прикрикнул зычно,
И пело эхо в стороне.
И я спросил, усевшись у костра:
— Ведь это вы создали мир вчера?
Как дым кипели комары
В котле огромной лихорадки.
За косогоры падали миры.
И лезли черви из гнилой коры.
Мне нравился мой новый идол.
Я протянул ему табак.
А он свое презренье выдал
Бесстрастной складкой на губах.
Он был царем личинок войска
Кишащей эры мезозойской.

Я подражал «Цыганам» Пушкина
До третьих петухов.
Потом достигла речь кукушкина
Светлевших перьев облаков.

Коровы сбились в теплый ком,
Следят, как звезды потухают.
Шурша шершавым языком,

Они, как матери, вздыхают.
Зеленая слюна свисала у телят
И был наивен детский взгляд.

Болота голубели утром,
Прохладной гниlostью дыша.
Зубов блестящий перламутром
Юнец пришел из шалаша.

У юноши был профиль скифа.
— Прощай, — сказал я старику.
И он смотрел мне долго в спину.
Потом коровам крикнул: Гу!
И эхо прыгнуло в равнину.

И скоро неба голубая чаша
Закрыла старого чуваша.

C49 Глухой хрипун, седой молчальник
Следил луну из-за коряг.
Кругом торчал унылый тальник
И пни гигантских раскоряк.
Над мокрой духотой болотной
Влачил туман свои полотна.

Везде светились зеркала
[Воды тяжелой и вечерней,
Как будто мир был создан вчерне]
10 И тина хаос берегла.
Взбухая волдырями, пеший
Тупел от звона комаров.
Он шел туда, где старый леший
У водопоя пас коров.

Он подошел к огню костра:
— А сколько будет до кордона?
Глаза лениво и бездонно
Смотрели из болотных трав.
Он был божественный язычник
20 Из глины, выжженной в огне.
Он на коров прикрикнул зычно,
И пело эхо в стороне.
[И тот спросил, пугая дали:
— Не вы ли мир вчера создали?]

рукоп. правки в C49

8—9 Озер. Кипели звезды роem.
Казалось — мир вчерне построен.

23—24 — Ты кто? — спросил прохожий бога.
— Пастух я, — тот ответил строго.

4. К ВЕЧЕРУ

Т3741

К вечеру лошади на ходулях
Шляются. Сосны пылят медью.
В травах болотных кузнечик колдует.
И мир поворачивается медленно,

Точно колодезное колесо.
Время куделью растянута. Сонно.
И полуобморочные на песок
Падают веретена.

Вещи отбрасывают тряпье
И обращаются в мысли. А в мире
Бьется чистейшее бытие:
Холод созвездий и сырость.

7. ПЕРЕД БОЕМ

без загл.

СоСЛ

Банальностью солдатских писем
Напрасно ты раздражена.
Наш век без верности немислим,
Которая для всех одна.

В тот тесный час перед сраженьем
Простуженные голоса
Упорным сходством выраженья
Страшны, как мертвые глаза.

В тот час из всех бессмертных качеств
Живет нетвердое одно, —
Что ты поймешь, что ты заплачешь,
И что тебе не все равно.

Хочу, чтоб сердце опалилось
Моей тревогой до бровей
И чтобы жизнь моя продлилась,
Хотя бы в памяти твоей!

8. МУЗА

без загл.

Т44

Кто она, наша Муза? Девчонка солдатская?
Или та, что нас ждет по ночам со свечой,
Чья давнишняя карточка в гимнастерках затаскана
И обласкана каждой мечтой?

Все идут поезда на потных колесах,
Под поршнями пары затискав.
Ты приходишь, как осень простоволосая,
В неудобную жизнь пехотинца.

И как день посинеет и падает замертво
За путями и стрелками в пустые карьеры —
Эшелоны выстукивают гекзаметры
И в шинели укутываются Гомеры.

без загл.

С49

1

Идут поезда на потных колесах,

3—6

И Муза — девчонка простоволосая
Сидит в головах пехотинцев.
И когда отпыляет и падает замертво
Заря за путями в карьеры,

10—11. КАТЕРИНА

СоСЛ

I

Где ты, Катерина, Катерина?
Слишком дни просторны без тебя.
Дует ветер, с песенкой старинной
Темноперый тополь тебе.

Говорят: ты замужем, довольна,
Позабыла прошлогодний снег.
Но глазам моим все так же больно
Видеть каждый день тебя во сне.

У тебя подушки и перина,
Ты целуешь мужа, не любя.
Где ты, Катерина, Катерина.
Очень скучно, Катерина, без тебя.

II

6—10

Суровой музыки над сором.
Орган, внезапный, как напасть,
Колючим восстает собором.
Но разве он сильнее любви?
Она, как горе, постоянна.

14—16

Дробится в зеркале лучина.
И только твой лучистый смех
Царит над миром, Катерина.

III

2

Как в бытие созвездий и светил.

7—8

И поцелуем заглушенный кнастер
Приобретает сладость на губах.

12 Неосторожной проросла травой.

С49, вар. к № 10

1

9—16 Когда сойдет блиндажный чад
И рощи прорастут на трупях,
Опять архангелы вскричат,
Как лебеди, в органных трубах.

И все, что помнить суждено,
От шелухи освободится
И, как отборное зерно,
В просторном сердце возродится.

12

перег 1 Мы были совестью России.
T456 Мы были памятью ее,
Мы после добрых и красивых
Узнали горькое житье.

вм. 5—8 Не веря лжи и пересудам,
Мы в правду превращали песнь,
Нам женщины казались чудом —
Не ведавшим иных чудес.

И формул не было готовых,
Они копились день от дня
На полустанках прифронтовых,
Где спит вповалку солдатня.

Где в отдаленье канонада
Катает гулкие шары,
Где надо день прожить и надо
Обдумать жизни и миры.

И здесь бежал суровый разум
От недомолвок и утех.
Он был судьей, он был приказом,

13

5—8 Над чем смеешься, страшный конь!
T456 По уши тучи нахлобучив
рег. 1945 г. Насквозь продутый сквозняком
сучья

5—8 Так время воздает сторицей
рег. 1946 г. За чванство прусского орла.

Над опозоренной столицей
Ночь непонятная легла

Тупая, как шаги в потемках

14. СЕМЕН АНДРЕИЧ

вм. 2—9
Т47

Брали курсанты и отступили.
Оставили станковые пулеметы,
Штыки о ребра не иступили.

Помню. Расстреливали перед строем,
Перед до смерти уставшей пехотой,
Солдата, который не был героем,
Бежал, не полег со своей ротой.

Помню. Мальчик лежит на талом

вм. 17—21

Я так к этим дням был прочно примотан,
Что был, как стиху небывалому, рад,
Когда после боя не мне —
пулемету
Выносил благодарность комбат.

Я чувствовал каждой кровинкой и жилой,
Что нам на роду не написан покой,
Что в книгах, которые мы любили,
Так жили
И так же дружили —
И нету разницы никакой.

Мне каждый был друг, неподкупный и кровный.

вм. 24—26

И их отсылать не читая.

Что их читать, — говорил Семен,
Закручивая самокрутку на ужин. —

35

Кони тонкие, точно руки,

39

Как были гулянки, крестины и свадьбы,

45—46

Ты думал — книги пишут не люди,
Ты думал — песни живут, как кони,

62

Я выполню клятвенное обещанье.

67

И будут песни ходить, как кони,

71—74 Их пишут люди, как мы с тобою,
Про нас с тобою, Семен Андреич,
Про то, как жили с войной, с гульбою,
Про то, как прожили, не жалеючи.

20 До смерти или раненья друг.
машиноп.-2

71—74 Их люди пишут, как землю пашут,
Как травы косят, как жнут пшеницу.
И судьбы наши, и дружба наша
Для наших песен вполне годится.

отг. строфы После артподготовки пошли.
машиноп.-4 Артподготовка была жалкая.
Немцы били спокойно. Залпами.
Голову не отдерешь от земли.

Парили штурмовики на бреющем.
Жарили пушки вместе и врозь.
В тот день мы расстались с Семеном Андреичем.
Больше встретиться не довелось.

18. КРЫЛЬЯ ХОЛОПА

13—20 Но там, где ты метнулся в бездну
С49 С бессильным чувством высоты,
Взлетает стратоплан железный,
Жгутами воздух бьют винты.

Пилот, уверенный в моторе,
Вдыхает воздух ледяной.
Внизу — чешуйчатое море,
И блеск — стрекозий, слюдяной.

19. ТРЕВОГА

3—5 С тусклым блеском медного ствола,
С49 С розовыми каплями смолы.

Бабы бьют вальками за бугром —

7—8 На случайный каменный обвал
Гулко откликается подвал.

15—20 Долго будут сосны над листвою
Окисью чернеть пороховой.

Горе тем, кто бредит тишиной,
Кто не помнит облика врага,
Кто не шарит памятью ночной
Под подушкой спрятанный наган.

20—23. СТИХИ О ЦАРЕ ИВАНЕ

<3>. ТОМЛЕНИЕ КУРБСКОГО

загл.

ПИСЬМО КУРБСКОГО

С49

между 28 и 29 Ты поля, где клокотала влага,
Истоптал, испортил, иссушил.
То, что нами мыслилось на благо,
Ты, во зло облекши, совершил.

<4>. СМЕРТЬ ИВАНА

29—35

БС

ценз. правка

Они в небе парят
Выше царских палат,
Они знать не хотят
Ни князей,
Ни княжат,
Ни царей,
Ни царят.

24. ОСЕНЬ СОРОК ПЕРВОГО

3—4

С49

Что скоро... И трудно дышать неприязнью.
А Кремль stomachовым кораблем

7—8

И медные купола стынут,
Как пушки, уставленные в небеса.

16

А Кремль был все тот же. Парил над Москвой.

25

21—26

С49

Я люблю этот дом,
где ворота всегда на запоре,
где калитка в заборе
и колонны качнулись от времени...
Нет! Свобода России
не пришла из-за моря!

вм. 31—50

Я люблю этот дом.
Ведь отсюда за четверть квартала

молодая столица огни разметала
по стогнам далеким.
И встали над ними
дома, где от света становятся стены сквозными
и камень кажется легким.

Далеки расстоянья.
Рассвет над домами чуть брезжит.
И ветер метет по углам помелом.
А мне —
метельная полночь,
и поле,
и полог медвежий —
вдруг почудились здесь,
за углом.

26. НОВОСЕЛЫ

- загл. НОВОСЕЛЬЕ
Зн
- 7 Стоят и шутят
- 22 Осенних яблок
- вм. 25—36 Шипит рубанок
 В желтой пене
 Смолистых стружек.
 У нас в работе
 Мечта и правда
 Отлично дружат.

27. ЭЛЕГИЯ

- 20—21 По двадцать окон по линейке прорублено в каждом.
С49 И в каждом виднеются лица:

- вм. 29—67 А может быть вовсе они не об этом,
 Но кажется вечно поэтам,
 Что все к ним имеет свое отношенье
 И всем они служат удобной мишенью.

И хватит ли духу ответить на это:
Ступайте, не троньте, оставьте поэта!

Конечно не хватит мне духу
Неласково встретить вот эту старуху,
Что входит с квадратом конверта простого
От сына, откуда-то из под Ростова.

Ну как там в Ростове? Ну как там живетса?
А как восстанавливается животноводство?
Как с хлебом, как с зябью? И я как родному
Подробно отписываю агроному.

Старуха уходит. Пора бы засесть за писанье.
На улице осень. Лиловых небес угасанье.
И мокрые крыши и трубы. И мокрая птица...
Но сызна кто-то стучится.
Приходит сосед. На работе у них неполадки:
Неправильно строят кирпичные кладки,
И вот он явился просить у поэта
В газету куда-нибудь тиснуть про это.
Я, собственно, лирик... Но как отказатьса,
Ведь важное дело могло оказаться!
И я сочиняю.
И даже заметку эпитетами начинаю. —

На стройке звенят кирпичи, как бокалы.
Подъемные краны возводят кирпичные скалы.
А в ведрах молочно белеет известка.
А бревна похожи на свечи из воска.
И пахнет дождем, кирпичами и глиной.
(Статья получается длинной.)

Я вышел наружу. Кварталы
Текут предо мной, как большие каналы.
Огни отражаются в мокром асфальте.
Хотите Венецию? — Вот вам, пожалте!

Да где там — Венеция! В Замоскворечье
Вдруг встретишь рябину. На крыше — скворешни.
И так вдруг становится грустно и ясно
От нашей московской, хватающей властно,
И медленной осени...

28

после 16
С49

[Пусть и я умру, вдыхая запах.
Полевого, солнечного счастья
В час, когда друзья уйдут на запад,
Не успев со мною попрощаться.]

29. СНЕЖНЫЙ ЛИФТ

загл.
С49
1

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Мне и будни звучат свежо...

- вм. 6—8 На поля, на лесок
 На дома, на сады,

 18 Снег все гуще,

 22 Столбы,

 вм. 28—31 Где все тоже в снегу, в снегу!

 В каждом дне есть своя новизна:
 Первый лист открывает весна,
 С первой птицей встал человек,
 Снег над крышами кружит вновь...
 Первый снег!
 Первая любовь!

30. ГОНЧАР

- 1 Продавали на базаре виноград, халву, урюк,
 Крг
 3—5 Были синими кувшины, были желтыми тазы,
 И сияло ярко-желтым, ярко-синим все вокруг.
 Над пеньковыми тюками гордо шурился верблюдо

 7 Тот, людей не замечая, смело вспарывал арбуз.

 10 И звенят, как колокольчик, и поют, как бубенец.

 14 Красноперые пичуги в желтых зарослях поют,

 16 Эти малые озера за десятку продают.

 19 Он как будто равнодушен, этот старый человек.

 22 Вот когда тоскует сердце от удач и неудач.

 21—24 [Ремесло огня и камня — века древнего пленец.
 машиноп.-1 Пусть звенит, как колокольчик, и поет, как бубенец.
 И пускай оно расскажет про старинный быт земли —
 Век, когда еще для песни люди слова не нашли.]

35. АПРЕЛЬ

- вм. 9—12 Суровый лес еще темнее издали,
 машиноп., В нем пахнет свежерубленными избами,
 в цикле Здесь утром рано, не прибрав постель,
 «Подмосковье» Словно красавица неприбранная, заспанная,
 И ко всему немного непричастная,
 На птичий перелет глядит апрель.

37. МОСТ

*вм. 3—6
машиноп.* Он гудит и поет,
Когда поезд идет,
Когда поезд товарный, спешащий в Москву,
Вдруг влетает в простор, в высоту, в синеву!

38. НА ПОЛУСТАНКЕ

*между 8 и 9
машиноп.* На полустанке было пусто,
Какой-то кучер спал в тени.
Жевали лошади со хрустом
И песню слушали они.

Здесь пахло травами и млеком,
Роса сверкала, как слюда.
«Судьба играет человеком,
Она изменчива всегда».

10—11 А человек был нищ и мал.
Сидел и пел бедняк бездомный,

39. СКАЗКА

машиноп.-1 У крутого берега
Мальчик строил лодку.
У большого дерева
Он увидел тетку.

— Поплывем по озеру мы,
Поплывем по розовому.
Видишь, в этом озере
Солнышко купается,
А вода на озере
С облаком смыкается.

Плыли они, плыли,
К облаку приплыли.

А за первым облаком
Облако второе:
То, как пена белое,
Это — золотое,
А за этим облаком —
Третье — голубое.

А за третьим облаком
Начиналось небо.
Синее-пресинее,
Звездное-презвездное

между 8 и 9 Облако стояло
машиноп.-2 Прямо над водою,
Облако сияло
Снежную грядюю.

13—14 Розовое, теплое,
 Как буханка хлеба,
21—24 отсутствуют

40. ЧЕРНЫЙ ТОПОЛЬ

1 Не черный цвет и белый цвет
машиноп.

между 12 и 13 А черный тополь тек рекой,
 Рекою вертикальной,
 Был полон грусти нелюдской
 И мудрости печальной.

41. НЕ СПИТСЯ

3—4 И неужели спится палачам —
машиноп.-1 Не мучает их совесть по ночам?

9—16 Хороший муж, приличный человек.
 (А он сегодня голову отсек!)
 Сосед невредный, человек не злой.
 (А он сегодня голову — долой!)
 Его бы надо помянуть добром.
 (А он по шее... нынче... топором!)

Ну что ж! Он человек и он не волк.
Он верит в долг и он исполнил долг.

загл. ПАЛАЧУ НЕ СПИТСЯ
машиноп.-2

13—14 Прекрасный долг ему велел: убей!
 И он убил. И он казнил людей...

16 Что с ним? Не обратиться ли к врачу?

вм. 19—21 Они порочат честных палачей,
 И те ночами не сомкнут очей.

Не спит палач. Ворочается он.
За окнами чернеет небосклон.

Ржавеет месяц, словно нож кривой.
В потемках грузовик кричит совой.

И ветер, по-разбойному свища,
Хохочет над обидой палача.

после 21 [Не спит палач. Под ним скрипит диван.
машиноп.-3 Как старый развалившийся рыдван.

И дерево, шатаясь, как хромой,
Стучится в стекла веточкой прямой:

Открой! Открой, гу-гу! гу-гу! гу-гу!
Открой, палач, ты у меня в долгу!»]

44. ЖЕЛЕЗНАЯ СКВОРЕШНЯ

без загл.

8 Железом гудела кора.

НМ

между 8 и 9 Рыдал оцинкованный желоб
Все ночи за гулкой стеной,
И дождь, как серебряный голубь,
Весной ворковал надо мной.

10 Железному миру подстать —

15 Так вставьте мне сердце стальное

21—22 Железом закуйте мне руки,
Железом обшейте до пят,

без загл.

вм. 13—24 Но вдруг отлетели туманы,
машиноп.-1 Развеялись тучи вдали.
Я новые ближние страны
Увидел за краем земли.

И пел я в кустах краснотала,
И песня во мне клокотала,
И мир мне казался родным...
Ведь горло железным не стало,
И сердце не стало стальным.

10—11 Железному миру подстать,
машиноп.-2 И сыпаться медной капелью

18 И всплески весенней воды,

20—24 В слезах и туманах лады.
Я вырос в железной скворешне,
Жил в гуще грохочущих дней,

Я пел все мертвей и безгрешней,
А сердцу больней и больней.

48. ЦИРК

*между 26 и 27
машиноп.*

Взирают с отцовских коленей,
Ответа ища на вопрос,
Забавные игры тюленей
Они принимают всерьез.

[И только в одном лишь похожи
На них их седые отцы:
Они в представлениях тоже
Хорошие любят концы.]

51

*вм. 1
T5760*

Во мне открылось неустройство,
Томление по крутизне.
Так в дни младенческого роста
Паденье чудится во сне.

А то бывает — в день дождливый,

52. ЗОЛУШКА

*1—5
машиноп.-1*

[Не зря жалеют Золушку
Все добрые сердца.
Не жди напрасно, солнышко,
Счастливого конца.

Живешь ты, дочь приемная,]

8

[Незнамо почему.]

17—20

[Не едут слуги с тувелькой
На вороных конях,
За королевной кукольной
Не едет принц в санях.]

55. НОЧЛЕГ

*после 16
машиноп.-1*

Он был народ. И глас его
Был, как известно, гласом Божьим.
Но этим вечером погожим
Не понимал я ничего.

между 36 и 37 И я заснул. И сны не снились,
машиноп.-2 И так отрадно было мне,
И лишь минуты счастья длились
И продолжались во вне. —
В лугах, притихших от пролады,
В садах, внимавших соловью —
И все лады и все рулады
Вдруг превращались в плоть мою.
И плоть была, как новолунье
Тонка и призрачно легка.
И кружево плела колдунья,
И грубая ее рука
Была над кружевом легка.

61. СТАРИК

загл.
машиноп.
перег 1

ПОГОДА

Зима ведь, что ни говори!
Декабрь, а небо сине.
Скворцы бы, а не снегири
Уместны на лесине.

Подвел какой-нибудь Гольфстрим,
Был не туда закинут,
Не зря, быть может, мы острым,
Что изменился климат.

Есть мировой круговорот
Ветров, морских течений,
Тепла, дождей и непогод,
Туманов, излучений.

И если древний старожил
Вдруг, вылезши из хаты,
Дыханье вьюги ощутил
В своей глуши сохатой

И колет тяжким колуном
Промерзшие поленья,
И ходит эхо ходуном
В недалеком отдаленье,

Все это значит, что не сглаз,
Не чья-то воля злая,
А бурда буря пронеслась
В предгорье Гималаев.

Старик снаружи вносит в дом

вм. 13—16 И не спеша прочтет ворчун
Стареющей супруге:
«В Японии опять тайфун.
А нынче дело к вьюге».

вм. 9—16 Потом высвистывать сверчок
РГАЛИ Начнет мотив неровный,
Как будто нищий дурачок
На паперти церковной.

63. НАТАША

между 20 и 21 А если что не удастся —
машиноп.-2 Сначала — слезы, после — смех.
— Ну как живется? — Как живется?
— Да хорошо! Да лучше всех!

64

после 6 Чудак какой-то или гений
T60 Играл мелодию весны,
Не нарушая сновидений,
И не навязывая сны.
Он так любил самозабвенно

после 6 [Чудак какой-то или гений
машиноп.-1 Играл мелодию дождя,
Не нарушая сновидений,
И праведников не будя.

Дождя серебряные струи
Звучали скрипке в унисон.
Не разберешь, где дождь, где струны,
Не различишь, где явь, где сон.

И так всю ночь не замолкая
За мной мелодия вилась...
Откуда музыка такая?
Откуда музыка у нас?]

68

5—10 Зато точней и ярче ощущение
T60 Извечной смены ветров и времен.
И все важней к природе возвращенье,
И сам собою не обременен.
И все, что было слитно и незримо,
Ясней и зримей сделалось сейчас.

71. ТАЛАНТЫ

3 И ломающимися голосами
ВП
10—12 Как бывало на ночном вокзале,
Где в окопы проводили сына.
(Лучше бы меня в солдаты взяли!)

*изменен порядок 4 и 5 строф
6 и 7 строфы отсутствуют*

15—16 Пред тобою юность и влюбленность,
машиноп.-1 И былая святость незабвенна.

73

2 Я учился, любил, воевал.
Б601
с 4 Даже счастлив порою бывал.

И в друзьях мне везло, и в любви мне везло,
И от ближних не видел я зла.
 знал лишь свое ремесло,
А чужого не знал ремесла.

Научился я страсти свои умерять
И смирять взбунтовавшую кровь.
Лишь однажды мне друга пришлось потерять
И однажды утратить любовь.

после 4 Сорок лет. На полсрока еще потяну,
Т60 А на полный — едва ль.
Слишком рано мне снегом надул седину
Шелопутный военный февраль.
Он по каске осколком ударил плашмя,
И упал я.

14—16 [Где-то будет последний бокал?
машиноп.-1 Я недаром любил, размышлял, воевал...
Жизнь пошла за второй перевал.]

76. ЗАБОЛОЦКИЙ В ТАРУСЕ

10 К тому, что шумит и живет...
P72
21—26 Я понял, что тайная повесть,
Навеки сокрытая в нем,
Писалась за страх и за совесть,
Питалась водой и огнем.

Что в сорок первом шли в солдаты
И в гуманисты в сорок пятом.

кто уцелели,
А уцелела половина

79

17—20
машиноп. [Продирались порой во мраке,
Но всегда искали дорогу...
А для тех, кто побыл в атаке,
Ничего не страшно, ей-богу!]

83. СЛОВА

3—6
Т61 И все движенья естества,
И все явления природы
Красивы были и ясны,
Как в ранней молодости сны.

вм. 17—18 Их нужно взять и прояснить,
Связать порвавшуюся нить.
Они даны не для игры,
Не для произнесенья всуе,
Они врываются в миры
И властвуют, живописуя
И подвиг и печаль людскую,
И празднества или пиры.

85

8 Осеней, весен и лета

13—16
Т61 Хочется, хочется, хочется
Мира и склада и лада,
Доброго, мудрого творчества.
Большого нам и не надо!

86

после 8
машиноп.-1 [Неподвижное там движенье,
Потерявшее тяжесть тело,
Только время и протяженье
Без начала и без предела.]

вм. 15—19 От сомнений и от печалей
Звезды кличут нас с небосклона.

Словно в бочках рыжая пена
Пухнут в рощах жухлые листья...
И от брэнности и от тлена

93. КАРУСЕЛЬ

между 24 и 25 [И мимо, и мимо,
машиноп.-1 Звонящий сквозной
И пламя без дыма,
Платочек цветной,]

95. БЕРТОЛЬД ШВАРЦ

после 39 И неужель тебя благодарить
машиноп.-1 За то, что ты, Господь, нам не дал крылья!
Ведь если б научились мы парить,
То вся вселенная бы стала пылью.

96. ТЕЛЕВИЗОРЫ

без загл.
машиноп.-1

после 4 Придается вновь цена
Чину, званью и комфорту.
О, лихие времена!
Десять заповедей — к черту!..

отсутств. 2 посл. строфы

97. ДЯДЬКИН

между 16 и 17 Стоят грубошерстные пальмы,
машиноп.-2 Вино золотится в стекле,
Поют ресторанные скрипки
На нашей пылинке-земле.

Поют ресторанные скрипки
Вино золотое течет.
Наверное, в дни созиданья
И это входило в расчет.

32—36 О, только бы мысль не иссякла
В кругу ежедневных забот.
Мы сами творим мирозданье,
Себя принимая в расчет...

101. МАТАДОР

5—8
Т62 Пока злещеный бычий рог
Тебе не вспорет печень
Под этот злобный скотский рев
И стон и вопли женщин.

вм. 14—16 Ведь ждет тебя под боком
Горячий влажный сап ноздрей
С ревущим алым оком.

И если вовремя уйдешь,
Вспомянешь тот обычай
С недоуменьем. Жар и нож
И запах плоти бычьей.

102. НОЧНАЯ ГРОЗА

1—4
Т62 Хотят, чтобы жил я в Раю или около,
Но Рай невозможен. Есть пламя Аида.
Гроза заливаает июльские стекла,
А в стеклах славянская дева Обида.

6 И дева шатается. Дева иль дерево?

13—14 Она проступает мгновенно и резко и резко
При вспышке короткой грозы оголтелой

112

между 4 и 5
Т62 [Года с их суетою,
С бедой, с разноголосьем...
Сдадим их на хранение,
Квитанцию не спросим.]

11—12 В домах синеют стекла.
И все несуетливо.

после 20 [Пойдем с тобой, минуя
Старинные постройки
И улицы, где зданья
Поставлены по струнке.]

Здесь все не так, как было,
И все не так, как будет.
Здесь все о нас забыли.
И снова нас забудут.

11—12 Но все ж ноябрь на свете
машиноп.-1 Спокойный, просветленный,

30—34 Что тоже существую!
Что я имею сердце,
Имею кровь живую,
Что я наполнен словом,
Что я владею речью.

33—34 Что я владею словом,
машиноп.-2 Что я сроднился с речью.

113. ОБЛАКА

машиноп.-1 Лучше выгравировать облака,
Чем разыгрывать дурака,
Чем разделявать липу под мраморы,
Занимаясь фальшивыми драмами.
Вон плывут, возникают из самой зари
Облаков бело-розовые монастыри,
Как цветущая ветка чисты и нежны...
Неужели они никому не нужны?

115. НА ОКРАИНЕ

без загл.
перег 1 Что-то вновь во мне нарастает,
Т63 Назревает во мне, как бунт,
Бьет меня весна городская,
Уплотняет меня как бут.

после 12 Рядом с новым жилым массивом
На заборе из старых досок
Крикнул весело и спесиво
Подмосковный наш петушок.

14 С красным гребнем над головой

116

Т63 Странность чувств, их нестройные речи,
набросок Злой мазут Патриарших прудов
И сквозь пальцы текущие реки
Лет, любвей, заблуждений, трудов.

В пруд глядят полукруглые окна
И блестят на воде, как латунь.
Над тоской лебедино го воя
Издевается гусь-гоготун.

после 12 И довольно, довольно несчастий,
Т63 Войн, тревог, нелюбви и вдовства.
Этой ночью сухой и редчайшей
С нежным звоном слетает листва.

117. РОЖДЕНИЕ

между 8 и 9 Впервые осторожно краем губ
МК Чужой щеки, как яблока, касаюсь.
Впервые слышу крови странный гуд
И в травы, обессиленный, бросаюсь.

119. ДВОРИК МИЦКЕВИЧА

между 13 и 14 Здесь все отчаянье прощанья
машиноп. Сливалось скрытно
В одно щемящее звучанье:
Ojczyzno, Litwo!

вм. 18—21 [Осенний лист скользил по острой кровле
И падал, медленно качаясь.
Литва, отчизна,
Вся ты, как здоровье, —
Я повторял в тот день,
С тобой прощаясь].

120. КРАСОТА

без загл.
Т63, июнь Рассеянный убийца прячет нож
Которым он точил карандаши,
Тот самый нож, которым нынче утром
Прирезал женщину рассеянный убийца.

Кто тот убийца? Я.
Небрежный ресторанный завсегдатай,
Небритый, ошалевший от питья.
Не бойтесь... Этот самый нож
Не выкупан в крови. Он спит в столе.
Он просто мне напомнил ложь
И дрожь луча внутри стекла.
Когда я вдруг очнулся на рассвете,
А рядом женщина спала.
Спала задумчиво как дети.
О нет, я нож не вынул из стола.
Она как скрипка на моем плече.
Что знает скрипка о высоком пенье.
А птица что — об оперенье?

Что я о ней? Что двери — о ключе?
И сам Господь что знает о творенье.
Что мы умеем? Только убивать
Друг друга равнодушьем. Нож — пустое.
Пять чувств он ранит и щадит шестое,
И от него нетрудно умирать.
Что нож! Кто поднял нож, того не жаль.
Того простить легко. И я прощаю
Штык, кортик, меч, рапиру и кинжал,
Но не себя.
Лежу ... как сталь.
Она как скрипка на моем плече.
А я молчу, рассеянный убийца,
И размышляю о своей вине.
Что знаю я о ней?
Что знает обо мне?

после 13 И смысл ее гармонии не прост.
Т63, Он внятен. Да! Но и неисчерпаем.
конец тетр. И ей внимая
Какую-то вину мы искупаем.

124

машиноп.-1 Я верю в мужество и нежность
Во времена смещения вех,
Когда обманчивая внешность
Разочаровывает всех;

Когда ломают все устои,
Как разрушали купола,
И кажется, что все пустое —
Слова, и цели, и дела.

Но в испытании на прочность,
И в неприятии кнута
Нужны особенная точность,
И мужество, и доброта.

В те дни, когда ища причалы
Не трудно налететь на мель,
Расплывчатые идеалы
Опасней пули, бьющей в цель.

Расплывчатость или небрежность
Губительны на этот раз.
И только мужество и нежность
От пустоты спасают нас.

152. ВЕТРЕННЫЙ ВЕЧЕР*загл.***ВЕТРЕННЫЙ ДЕНЬ***Т668*

6

И мчится, летит к небосклону.

13—16

Все прет на рожон и с разбега,
 Ветра как непрочный навес
 Сдувают закатное небо
 И медленно сносят за лес.

165*между 4 и 5
машиноп.*

[И буду шевелить губами
 Я, изумленный Нострадам,
 Все, что начертано судьбами,
 Прочитывая по складам.]

168. ФЕЙЕРВЕРК

5—8

Т668

Завертелись карусели,
 А качели — вниз и вверх.
 Солнце спряталось за ели
 И зажегся фейерверк.

172. ТИШИНА*без загл.**машиноп.-1*

Как не бояться за птенцов,
 За баламутов желторотых,
 Что не желают знать отцов
 В хвастливых первых перелетах.

Пусть лучше привыкают к счастью
 Растрепанные чудаки,
 А нам — принять, хотя бы частью
 Их ссадины и синяки.

Ах, где бы подстелить соломки,
 Как от ловца предостеречь

*без загл.**вм. 1—8**машиноп.-2*

Ступай, дитя! Птенец, лети,
 Мой желторотый, мой зеленый!
 И чем могу тебя спасти —

Я опытный и умудренный!

Соломки, что ли подстелю
Где сам когда-то оступался?
И поступаться не велю,
Где сам когда-то поступался?

[Загорожу тебя, птенец,
Как ветеран на батарее!
Пускай еще один рубец —
Я потерплю, тебе больнее!]

Но бесполезен подвиг мой,
Его отвергнешь с раздраженьем.
И не причислить этот бой
К победам или поражениям.

между 12 и 13

[Тебя никто не заменит
И за тебя никто не скажет!
Ступай, дитя! Труба звенит,
И долг тебе сурово кажет!]

14

Не можем мы внушить потомку

17—20 отсутствуют

184

вм. 5—20
Т668

Тот дивный давний спор,
Где повод был неясен.
Он был скорей согласьем,
А не враждою школ.

А просто жаром душ
Пяти единоверцев
И простотою сердца
Когда рассудок — чушь.

196

9—10
ДП 1971

Сквозь ветки ветел
Глядит рассвет

17—20

И где-то Пушкин,
И где-то Блок...
А здесь опушки.
Он одинок.

213. НОЧНОЙ ГОСТЬ

загл.

СНЕГ

после 6
Т713, 1 рег. Спят все чада мои. На диване
Тоже спит под шкурой бараньей
Как сурок артист Рафаил.

[Все в порядке, чада и други.
Пусть гуляет вьюга в округе,
Я скорее буду писать.

Спи, издатель! Все будет в порядке,
Ты поймешь мои недостатки,
А достатков тебе не понять.

Я тебя понимаю, издатель!
Вот что важно. Спит мой приятель,
Как сурок, артист Рафаил.]

Спят дома, облака и псалмы,
Спят скандалы, как написал бы
[Знаменитый поэт с Невы.]

отг. ст. Спит домашняя пифия Нюра,
Спит природа, то-есть натура,
Спит натура. Падают снег.

вм. 30
Т713, 2 рег. Видел я раза два или три
[Что-то видимо, нас связало,
Если из ресторанного зала
Он со скрипкой шагнул ко мне.]

после 34 [Я-то думал: все сном объято,
Но увидел лицо Игната.
Что с тобой <нрзб> скрипач?
Ночь. Игнат дрожит, словно зуммер.
— Что — я спрашивал — кто-то умер?
Да, — отвечает мне Игнат.

Да, я понял, в этом покое
что-то такое
И должно было произойти.]

214. ЗАВСЕГДАТАЙ

загл.

ПОДВАЛЬЧИК

5
машиноп.
РГАЛИ-1

Спешу в заманчивый подвальчик,

вм. 17—28

Я разговор веду о том, что
К громаднейшему сожаленью
Неблагодарное потомство
Не ценит наше поколение.

Что нету почвы для конфликта.
И в будущих десятилетиях
Должна быть сломана калитка
Меж помыслами тех и этих...

Смеется: «Ишь, что вы открыли!
Хотите влезть в чужие сани.
Но то, что сами заварили,
Теперь расхлебывайте сами!

Но, впрочем, если будет пиво,
Тогда у нас нет места злобе,
И я готов миролюбиво
Участновать в таком расхлебе».

[А в вашем старомодном стиле
Один запрос (губа не дура!):
Чтоб мы вам пенсии платили.
Все прочее — литература!..»]

220

6
Т713

Щеки яблочка алей

8

И казалась мне милей

13—16

Не пришлось мне просыпаться,
Потому что я не спал.
Не просила возвращаться.
Я писать не обещал.

226. СВОБОДНЫЙ СТИХ

1
ДН

В пятом тысячелетье

598

- в.м. 17—19 С брабантским кружевом,
 Брызнувшем из-под рукава,
 Примет его,
 Чтобы дать направление
- 23 И поэт не откажется
- 28 Пяля в поэта рыжий зрачок
- в.м. 32—40 Ответит Пушкин
 И протянет царю стихотворение,
 Начинающееся словами
 «На берегу пустынных волн».
- Пишешь недурно,
 Ведешь себя дурно, —
 Скажет царь, пробежав начало стихотворения,
 И вновь нацелив в поэта рыжий зрачок,
- 43 И тот, курчавясь, выкатится из кабинета
 в.м. 46—47 Чуть кивнув Дантесу, дежурному офицеру.
- 49 Гортанно произнесет старый эфиоп
- в.м. 19—20 Примет его,
 Т713 Чтобы выразить неудовольствие
 По поводу переписки поэта
 С Эмилианом Пугачевым.

229. ОТРЫВОК

- между 8 и 9 [Вверху, в дыре для дыма
 Т713 Одна звезда стояла
 Высоко и нелюдимо.
 Мария ее не знала.

В углу лежал ягненок,
 Ровесник ее сына.
 Мария жевала сонно
 Кусок сухого сыра.]

- 15—16 Сурова и нелюдима
 Мария на них смотрела.

235. РОМАНС СЕДЬМОГО ДНЯ

- между 8 и 9 [И ты сказал: Не сегуй понапрасну,
 Мое дитя — загадка бытия.
 И потому, что страсть моя всечасна,

Ты будешь жить, но умираю я.

Я — мертвый Бог. Моя большая туша
Лежит, как кит, на берегу морском.
Я в день седьмой покоя не нарушу,
И не хочу я печься ни о ком].

236. СТИХИ И ПРОЗА

вм. 10—12 Не избегая галицизма, впрочем,
T5760 Как наш язык велик и прост и точен
неоконч. рег. В отстаиванье отчужденных прав.
И, наконец, — последний взлет пера,
И на степном просторе пляшут кони,
Казачьи будоража хутора
Мужицкий бунт бушует в «Тихом Доне».
Несть нам конца, но прозе есть конец.
Из двух бессмертий выбирай любое:
И красноречье точного свинца,
И немоту всемирного запоя.

вм. 17—24 Был петербургский, был граненый стих,
Где страсть и гнев, и звон, и вой метелей.
Кипел в строках, до края налитых
И был загублен в дыме двух дуэлей.
Был стих иной с бурлацкой долготой
С морозным духом

Был Блок. Он различал колокола,
Неясные, далекие начала,
Его метель в Россию увела
И вьюга на коленях закачала.
И был Икар. Размахом грубых крыл
Он презирал земное тяготенье
И жилы надорвав, он в небо взмыл
И пал с небес

Я вышел из младенческих годов
За двадцать лет до смерти нашей прозы
И был тогда не замечать готов
Ударившие первые морозы.

2
машиноп.-1 Не анакреонтические розы
не оконч.

вм. 17—25 Страсть Пушкина и Лермонтова гнев,
Некрасова тоскующий напев,
Две бездны Тютчева... Довольно тех имен,
Чтоб русский стих не знал худых времен.

Был Блок — последний праведник. Он мог
Довериться пророческому дару.
Он шел один. С завьюженных дорог
Его влекло к далекому пожару.
Был Маяковский.

вар. к тем же ст.

Был Блок. Он различал колокола,
Что дальние пожары возвещали.
Его метель в Россию увела,
И вьюги на коленях закачали.
Покинутый в сутробах он затих
предтечи.
И Маяковский надорвал свой стих,
Судьбу России погрузив на плечи.

237. НА СМЕРТЬ КУЗНЕЧИКА

загл.
Т713

ПАМЯТИ КИРСАНОВА

перег 1

В милой Венгрии однажды
Мы гуляли вчетвером.
Не было духовной жажды,
Утоляемой пером.

Двое было вас — с приветом,
Твердый ум у одного —
Три учителя — при этом
Не учивших ничего.

вм. 3—8

Из-за узких ваших плечик,
Резковатых ваших слов.

244. МАРКИТАНТ

перег 1
Т713

Предок мой во время оно
Прозывался Фердинандом,
Был в войсках Наполеона
Провиантским маркитантом.

У него в палатке в карты
До рассвета дулась банда.
Ветераны Бонапарта
Уважали Фердинанда.

Он был родом из голландских
Фердинандов — ювелиров

И хотя душой был ландскнехт,
Не любил таскать мундиров.

Стибнув деньги у папаша
Он беспечен, юн и розов
Оказался в самой каше
Батарей, полков, обозов.

после 8

Впереди — порядок грозный,
Бой кипит легко и кратко.
Позади — в пыли обозной
Фердинандова палатка.

Там продрогший новобранец
Становясь лихим и дерзким
Угощает старых пьяниц
Рейнским, мозельским, венгерским.

255

вм. 2—12
машиноп.,
РГАЛИ-1

[Читатель милый, а не чтец
Тебе открыта подоснова
Поступков наших и сердец.

Что может больше нас прославить?
То, что переселилось вдруг
В твою разборчивую память
И сказано тобою вслух.

Гляди-ка! Три десятилетия
Прошли, как встретились пути!
И ни досада, и ни сплетня
Нас не сумели развести.

И то, что я сказал вначале —
Мой милый друг, мой милый чтец,
Размовки нас не разлучали,
И в них ли дело, наконец!..]

258. ЧЕРНОВИКИ

2—6
машиноп.-1

Всю исписал. И стал ее листать.
Стихов в ней мало.
Какие-то кануны и начала,
Какие-то концы, две-три строки.
А дальше — ничего. Черновики.

вм. 10—17

Чуть начатых творений недоноски.
Искусанные страстью мундштуки,

Холодный пепел с запахом тоски
Как недокуренные папироски.

Себя читаю, словно детектив.
Разгадываю тайные пружины.
Сюжет полузабытый ухватив,
Там — понимаю — брал, не оплатив,
А там расположился без причины.

Выходит так. Я жил совсем не так,
Как представляется моим знакомым.
По неизвестным, по своим законам.
Зачаток мысли. Слово —

и пробел,

Сказать не мог. И сделать не умел.
Зачеркнуто. А там — белей, чем мел.
Свободная страница. Полстраницы.
Неточность. Рядом беглая зарница.
Гроза без грома.

Вот он, мой удел.

10 Замолкших впечатлений отголоски!
машиноп.-2

12—13 А тут не надо было отступиться,
Сказать не мог. Не сделал. Оробел.

после 17 [И все ж, читая полную тетрадь,
Я понял, что не надо умирать,
Что все ж каких-то прожито полдела.
А делу полному покуда —
нет предела.]

262. СМЕРТЬ ИМПЕРАТОРА МАКСИМИЛИАНА

1—2 В пышном замке, что квадратом
T757 Среди города стоит

после 16 Сводный брат, родной племянник
Муж одной из дочерей —
И чего их скипетр манит
Пуще райских эмпирей.

Чинно ждут три старших принца
Неизбежного конца.
Но как звери из зверинца
В клетках бьются их сердца.

46 — Ничего я не хочу! —

2—7
Т757

Но в дух шиповников и лип,
Себя отождествляя с ним,
С утра вторгается залив.
Он держит воздуха массив —
Прохладно-легкое стекло.
Порой дождем заморосит

6—8
Таллин

Над ним, как легкое стекло.
Но дождик вдруг заморосит,
И он задышит тяжело.

4
Таллин
9—12

И проплывающий челнок.

И вот, земли смиренный житель,
Вернувшись тайною межой,
С опаскою к себе в обитель
Уже стучусь, как в дом чужой.

283—298. ПЯРНУСКИЕ ЭЛЕГИИ

VIII

Т757

Как эти сумрачные дали,
Как уходящий в море лед,
Томят грядущие печали
И неминуемый уход.

Разлука или возвращенье,
Которое еще страшней,
Мне будет — кара и отмщенье
За бесполезность этих дней.

300. ПРИМОРСКИЙ СОЛОВЕЙ

3
МК
6—7

И небо, обок с набожной звездой

А иногда подобье беглой ргути.
В садах стригут, как рекрута, июнь,

между 12 и 13

Как будто знает: можно ль потрясти,
Покуда слышен голос переладца!
Покуда подражатели в чести,
Он в их толпе не хочет затеряться.

- 15 И страсть, и клокотанье, и порыв,
19—20 Затерянного кое-как в листве —
Великое осуществление духа?
21—24 отсутствуют
27—28 Но то, что вдруг в себе услышал ты,
Отражено мучительно и чисто.
30—34 Что только знак пассивной несвободы
Есть трепет соловьиного куста
И переливы бессловесной оды.
Недаром сразу сердце защемит,
И рокот воли коротковолновой
после 12 Он знает, что не сможет потрясти,
Т757
между 12 и 13 Как будто знает: чтобы потрясти,
машиноп. Сперва должна посредственность уняться.
34 И воли импульс коротковолновый

302. ЯЛУТОРОВСК

загл.
Т789
вм. 1

ПЕРВОЕ МАРТА

В начале туманного марта,
Уже овладев тишиной,
Я понял, что битая карта
Не может прослыть козырной.

И все у нас бито и мято,
И все перепутано так,
Что нет путеводного знака,
А только безвременья знак.

И вечное наше искусство
Терять и запутывать ход,
И с дьяволом путать Иисуса,
И с церковью тайный комплот.

Насытившийся деревенщик,
Сопливое детство хваля,
Любуется, словно помещик,
На дикие звезды Кремля.

Лишь мы, городская химера,
Терзая бумажную десь,

В истории ищем примеры
Похожих на наши злодейств.

Но, впрочем, дошли мы до смысла,
Постигли, хоть поздно, но все ж —
Бессмысленность цареубийства,
Тщеславья красивую ложь.

А мелкая сошка Каховский

311

вм. 1—4
Т64 Ночь за окном. И за окном
Звучит медлительное пенье
Природы, не объятый сном,
Настойчиво, до отупенья.

после 8 Где ты, дитя? Под тот напев
Ты спишь, наверно. Или, может,
Однообразный стон дерев
Твои воспоминанья множит.

318. СТАНСЫ

6—9
Т757 Не в этом, в конце концов, суть.
А в этой старухе суровой,
Впервые вступившей на путь.
И тоже, почти уже старцы,

12 Без лишних сюжетов и фраз.

16—17 И рифма пусть будет дурна.
Зато не с разбегу, не сдуру,

вм. 19—20 А трата и сердце и шкуру
Мы складывать будем строфу.
А там уже может начнется
И двинет само по себе.
И новое что-то очнется
В поэзии, в слове, в судьбе.

25—26 Пускай по чужому заквасу
В письме В нас будет строка вызреть!
Л. К. Чуковской

325. МОРОЗ

вм. 9—16 [Нет, невозможны повторенья,
машиноп. Лишь наш несовершенный слух

В повторах ищет смысл творенья,
Поддерживая слабый дух.

Повторов нет! Неповторима
Прошедшего любая пядь.
В анналах Греции и Рима
Примеров нечего искать.

Однажды вслед за Русской правдой
Бояна пели соловьи,
Однажды за рекой Неправдой
Гремели грозные бои.]

328. ПРОЩАНИЕ

9—10
ДП 1989

Он не хотел себе судьи.
И предпочел без похвальбы

29

Вернуться к прежним рубежам,

70—72

Но жизни собственной палач,
Он понимал: не могут вспять
Вернуться реки.

26
машиноп.-1

Совет найти иной порог,

37—40

За стол. И с ходу — прямо в спор,
И на расправу слишком скор
Пер в чашу напролом, в прибор
Окурок тыча.

73—88
машиноп.-2,
рукописная
вставка

За подвиг чести нет наград.
И не обретши вертоград,
А, может здесь, пройдя сквозь ад,
Душа окрепла.
И он бы жил — не пребывал.
Его бы спас лесоповал
И не убило наповал
Родное пекло.

Кто знает! Но страшней теперь
Жалеть невольника потерь,
Когда за ним бродила тень
И против воли
Могли лечить его недуг
Окно и море, нож и крюк,
Чтобы он вырвался из рук
Тоски и боли.

Т60

Сближают болезни и смерти
И радости памятных лет,
И въедливых десятилетий
Понурый и грубый цемент.

Сближает веселая полночь.
И легкий шипучий рассвет.
И слово: ты помнишь, ты помнишь?
И тихое — помню — в ответ.

Тогда, в предвоенные весны,
Среди молодой кутерьмы,
Вопросов огонь перекрестный
Выстраивал наши умы.

Теперь же сближают ответы

За то, что не все мы отпеты

340

5—8
Т7980

Я про это вспомнил позже,
И сравнялись мы с тобой,
Когда был растоптан тоже
Равнодушною стопой.

360. АРСЕНИЮ ТАРКОВСКОМУ

после 15
машиноп.-2

[И я теперь, когда живу,
По воле собственной стихии,
Тебя, Арсений, и Марию
К себе на помощь я зову].

363. СОН

после 8
Т63

Она уходила в начало
Как реки уходят в леса,
Текла по подземному руслу,
Которое видеть нельзя.

Так где же начало, начало? —
— Я думал и мучил себя.
Писатель, бывалый пройдоха,
Нарочно морочил меня.

Да, надо дойти до начала,
Чтоб вновь разобраться в конце

на слог. Читаю. И страшно мне стало.
стр. тетр. Стою, как на диком лугу.
 Так где же начало, начало —
 Ищу. И сыскать не могу.

370

после 4 [О если б мог я не творить,
T7980 Веселой занятый работой,
 Напрасно душу не травить
 Обременительной заботой].

374. РИХТЕР

без загл. Руки Рихтера —
T7980 Быстрые,
1-й вар. Легкие,
 Сильные
 И совершенные,
 Как лошади.

без загл. Так, осадив коней своих полет,
20—21 И сам при том откинувшись наклонно
T7980
2-й вар.

375

перег 1 Поэт из первой сотни,
T7980 Но не из черной сотни,
 Я не звеню броней,
 И не пускаю сопли.

Сам, созданный Победой,
Не призывал к победам,
Но в этой жизни радость
Предпочитаю бедам.

3—4 Всегда предпочитаю
 Обязанности праву.

6 И жил не слишком густо...

377

10—12 Так же лебедь перед перелетом
T7980 Предан невзыскательным заботам,

Несмотря на скорый перелет.

12
машиноп.-1

Но глядишь — взлетит и запоет.

378

вм. 13—16
Т7980

Удачи или неудачи,
Казалось, для меня равны.
Наверно, было все иначе,
Когда бы не было войны.

Все миновало. Все ушло.
И безразлично — Пушкин, Блок ли...
Листаю письма, что поблекли,
И неразборчиво число.

380

5—12
Т7980

[Прости мне это расставанье
И не суди, и не жалеи.
Как мог уйти я от сиянья
Слезы и верности твоей.

О, сколько сотворило время
Со мною и с моей душой.
Но все равно ношу я бремя
Слезы, уроненной тобой].

393

вм. 5—8
машиноп.

И не было долгих, скучных,
Бессмысленных расставаний.
Внезапный разрыв неразлучный,
Забвенные клятвы и признаний.
Не были пролиты слезы
При нашем том разговоре...
Где-то пустые плесы
И что-то помимо воли.

395

вм. 13—16
Т81

Что за странность — это
Сопереживанье,
В нас проснувшееся эхо
И желанье.

399. ДУЭТ ДЛЯ СКРИПКИ И АЛЬТА

вар. одной из строф

T81 Были в солнечном сверканье
Кроны лип,
А глаза его как камень
Сердолик.
Ночь не спали, выпивали
До утра.
Утром снова пировали.
Но пора!

403

1—2 Вопрос весьма непрост
T81 О том, что есть бесстишье.

14—16 Над ним опять нависла —
Что это навсегда,
И в жизни нету смысла.

405

после 3 Вот уже и ничего мне не надо.
T7980 Милая, тихая музыка дней
После отъезда друзей и знакомых.
Вот и дышаться мне стало вольней.
Я — устроитель простейших законов.

неоконч. вар. Милая жизнь! Протеканье времен.
T81 Медленное угасание снега.
Вот уж ничем я не обременен.
Видно и время устало от бега.

Может, и времени нужен затон,
Где корабли примерзают к причалу
времен (закон)
возвращенье к началу.

К песне, к былине, к печи, к алтарю,
Надобность в половцы и печенег.
Может быть, я не напрасно пою
Вечную песню о вещем Олеге.

9—10 Гляну: уже улетают скворцы.
T81 Нет голосов и становится пусто.

12 Кажется, не умирает искусство.

410. ЦЫГАНЕ

- перег 1*
Т81 Все племена оседали —
Цыгане по свету бродили.
Цыганки на картах гадали,
Мужчины паяли-лудили.
- 5—8 Бродил бы я с табором лунным
По вольным степям молдаванским
И спал под месяцем юным
В кочевьях цыганских.
- 15 И слышится эта нота
- после 16* Хотел бы и я завалиться
Однажды в цыганский табор,
И в звоне цыганской гитары
Хотелось бы мне продлиться.
- Они научились на скрипках
Играть и водить медведей
- Я слышал их в Будапеште.
Я слышал их в Кишиневе.
— Услышьте меня, цыгане
В моей безнадежной любви!

416

- после 2*
Т7980 И расскажу вам про Победу,
И покажу в медалях грудь.
- Но вы, наверно, не поймете
Несвязного рассказа суть
О бое и о пулемете, —
Когда-нибудь, когда-нибудь.

462

- машиноп.-1* Здесь, вдали, неизвестно — кто умер, кто жив.
Просто писем не пишут.
Здесь душа бездыханна и даже залив
Подо льдами чуть дышит.
- Что за ветры гудят по другим городам?
Ты их вести не чуешь.
Для чего существуешь ты, бедный Адам?
Для чего существуешь?

- 10 Здесь строенья без просыпу спят до утра
И зарею пустынной
Их, в снегу искупав, оттирают ветра
Домотканой холстиной.
- В это утро шагал человек по садам,
Сея бурю и холод.
— Для чего существуешь ты, бедный Адам! —
Он орал на весь город.
- Если ты не поверил в бессмертье души,
Для чего тебе дети,
И зачем тебе счастье, какие гужи
- 20 Тебя держат на свете?
- Эту ярость его никому не отдам.
И себя вопрошаю:
— Для чего существуешь ты, бедный Адам?
И на небо взираю.
- 14 Вея бурю и холод
машинопись-2
с отличиями от машинописи-1
- вм. 17—24 — Ты бы с розой сравнил этот скудный рассвет,
Увядающий автор!
Для чего существуешь, когда уже нет
Незатертых метафор! —
- Я всю ярость свою никому не отдам,
Сам себя презирая.
Для чего существуешь ты, бедный Адам,
Сонный мученик рая?
- Зн. 1995. № 6
- В это утро по улице шел человек,
Весь метелью оттертый,
Но не таял на лбу его розовый снег,
И я знал, что он мертвый.
- Шел Кульчицкий, несбывшийся первый поэт,
Вдоль свистящего сада.
Он погиб лейтенантом тому сорок лет
Возле стен Сталинграда.
- И он мне закричал, проходя по садам.
И стволы зашатались.
— Я с тобою бы не был,
 О, бедный Адам,
Наши вехи распались.

Ты сравнил бы вот этот поганый рассвет
С расцветающей розой.
Я нашел бы сравненье, которого нет,
А тебе надо прозой.

Поучился бы ты у Артюра Рембо
И цветам и напеву.
А не можешь, так выломай с корнем ребро.
Бог создаст тебе Еву.

Шел Кульчицкий, как бешеный гиппопотам,
Все топча и ругая.
Ну а ты существуешь, о бедный Адам.
И поэзия нынче другая.

465

*Т81,
набросок*

Юстинас, Альфонсас, Марцелиус —
Какая спелая латынь,
Прошедшая, не обесцениваясь,
Близ гедиминовых твердынь.

Марцелиус, Юстинас, Альфонсас,
Поэты истиной Литвы.

472. РОМАНС

*вм. 11—16
Т835*

Нет ни гроша в кармане,
И что с меня возьмешь?

Извозчик отвечает:
— Мне деньги ни к чему.
И платы мне не надо,
А молодость возьму.

И то, что ты, цыганка,
Могла мне нагадать,
Пришлось мне, не торгуясь,
Извозчику отдать.

20

Бреду себе Москвой.

21

Войду в зеленый дворик,

23

— Вот я пришел, Татьяна,

28

Как можно отплатить?

30—34

От старого жилья.

— Тебя любил я мало,
Любимая моя.

Гадалка. И пролетка.
И тяжко. И светло.

473

T713 Играй цыган, играй, Игнат,
Играй мне для Агнессы.
Мой славный друг, мой милый брат,
Играй для поэтессы.

Играй про все, что нас свело
В злосчастной «Каса Маре».
Играй, Игнат, как нам крыло
Безвременно сломало.

Играй, Игнат, играй, цыган,
Про все на этом свете.

476

8—12 На наречьях птичьих голосов.
T835 Познаем, но ничего не знаем,
И его не принимаем прав.
Этот мир, быть может, познаваем.
Мы его уьем, его познав.

11—12 [Ведь познание — это умирание
машиноп. Воздуха, земли, деревьев, нас.]

478

13—15 Когда ты лыс и бел, как мел,
T835, И видишь ты, что ты посмел
1-я рег. Не пожелать иной судьбы,

479

4 И тяга каждого к земле.
T835

7—12 И тишина. И грядок мокрых
Свеченье. И петуший крик.

Ах, как мне надоело это —

Холодная весна и лето,
А также осень и зима.
О, скоро я сойду с ума!

484. В. СОКОЛОВУ

между 19 и 20
Т835

Не надо так писать, мой брат,
Во имя славы и наград,
Во имя всех твоих мелодий
Будь Соколовым и Володей.

488

Т835
1-я рег.

А ты была тогда
Беспамятней воды.
На глади ни следа,
Ни маленькой черты.

Нет! Ведь на глади вод
Есть образ облаков
И цвет заката. Вот
Твой образ был каков.

Не помня ничего,
Напоминала гладь
Воды. И оттого
Не будем вспоминать.

491

1-я рег.
Т813

Я думаю о разном,
Что слышал и узрел.
Когда предмет не назван,
Он, значит, не созрел.

Чтоб мира созреванье
Скорей произошло,
Ищи всему название —
Чтоб плотно прилегло.

496. ЗА ГОРОДОМ

загл.
Т835
вм. 3—5

ПОТАЕННАЯ ЛЮБОВЬ

Счастливый дождь невольных слез.
Что может быть прекрасней, Боже!

И потаенная любовь,
И встречи изредка, украдкой.
Она обречена быть краткой!
Себя к разлуке приготовь.

И розовые облака,

13—20 *отсутств.*

498. НАЗНАЧЕНИЕ

загл.

НАЗНАЧЕНИЕ

Нева

4

Умелой и сильной руке!

6—11

И точную связь обретешь,
Рисую долины и воды,
Окрестной природы чертеж.

Существенность без искаженья.
Сомненья без зла и хулы.
И ясная правда ученья

502

Т835

России надо закрыться,
Закрыться ото всех.
Не видеть чужие лица,
А только — белый снег.

И ничего не ведать,
Забыв чужую речь.
Лишь сонного зелья отведать
И на сто лет залечь.

503. ДИАЛЕКТИКА

загл.

НО...

Б851

после 8

Обманщики,
Твердящие в стихах,
Что знаем тайны душ
И разума глубины.
А мы твердим о пустяках
Превознося свои седины.
И все ж не стоит так
Себя уничивать.
Мы — зеркала,

Где все отображенья
Чудесно множатся
И движась и дробясь
Напоминают каждого из вас.
Мы — это вы.
Не лучше и не хуже.
Нет лучшей похвалы,
Когда с собой нас путают.

504—536. БЕАТРИЧЕ

<4>

5—7
Б852 Сплошные страданья! И даже
 Страшней, чем пожар чернолесья,
 Становится жизнь человечья.

<11>. 45-Я ГАЙДНА

загл. отсутствует

рукопись

6 Платки, одежда, бритва.

9—11 Когда я буду жить, собой не дорожа,
 Не помня звук концерта,
 Заплачу. И свечи, колеблясь и дрожа,

9—10 Когда свой приговор я подпишу в ночи
оборотная Скрепленный воем ветра,
сторона листа

540

машиноп. Уйти, раствориться в России,
 Стать небом, землёй и травой,
 На улицы лечь городские,
 Стать стенами и мостовой.

 Утратить обличье земное
 До самого судного дня,
 И помнить не то, что со мною,
 А то, что помимо меня.

5—8 Блуждали по улицам Пскова,
Т869 По улицам Львова.
И не было верного слова —
Правдивого слова.

12—14 Не мешаясь с прочим звуком.
Ав Собачонка тявкнула: Гав-гав!
Птица отряхнулась на заборе.

551. СМОТРИНЫ

- вм. 1 [В карете он орал:
машиноп. — Я здешний принц!
Его везли, в лицо направив дула,
В сопровожденье неизвестных лиц
И в тесном окруженье караула.
Потом] привел под локоть некий чин
- 10 — Как звать? — Молчанье. «Не знаток историй» —
- 17—18 [Тогда его немедля увели.
—Такая блажь кому] могла присниться,
- 20 Все улыбнулись. И императрица.
- между 24 и 25 [Григорию попроще нужен харч,
Не то и впрямь он может возгордиться.
И встала, на паркету сбросив плащ.
Переглянулись. И императрица.]
- 32—33 (Он, может, всех законней коронован!)
И кандалами узкими звеня,
- между 36 и 37 [Я знаю, кто я. Я вас всех казнию!
Я покажу вам мурку и кашурку!
Затеяли сопливую возню.
Карета приближалась к Шлиссельбургу.]
- 38 Отыскивая правильное слово,
- 43—44 На наших государственных орлов
Не зря заглядываются орлята.
- после 56 [При сем, с кем связан этот молодец,
Следить людишкам Тайного приказа.

Уверена: недолг здесь конец.
И не успеет разойтись зараза.

...Мирович был назначен от полка
В наряд. Сам взялся заменить коллегу.
На веслах подошли. Ни ветерка.
Господь благопритствовал побегу.

Подробности известны из бумаг.
Команда подчинилась сначала,
Не понимая, впрочем, кто здесь враг.
На вал пошли в атаку. Робко. Вяло.

При первом шуме принц убит ножом.
Потом, как в описанье говорится,
— Берите дурака, коль вам нужен! —
И на попоне вытащили принца.

...Был скорый суд. Не каялся злодей.
Брал на себя. Достоин осужденья.
Свершилась казнь. Придворный Амадей
Сказал: «Казнен? А надо б награждение». —

Когда о деле доложили ей,
Она молчала, но сказать могла бы:
«В России слишком развелось царей.
Достаточно одной толковой бабы».

...Был вскоре Третий Петр пришиблен в драке.
И произнес все тот же вертопрах:
— Свершаются на небесах ли браки,
Но завершаются на небесах...]

57—60 [..Но говорят, на дальнем рубеже
В глухих местах зализывают раны]
Неубиенные Петры, Иваны.
[И не поймешь — кто «лже», а кто не «лже».]

60 Грозятся трону, хоть они и «лже».

552. БАЛЛАДА О КОНЦЕ СВЕТА

загл. БАЛЛАДА О КОНЦЕ МИРА
Т47

13—32 И вдруг, врываясь в цепь событий,
На вражеских грузовиках
Захаркал громкоговоритель
На двух враждебных языках.

Кричал обезумевший рупор,
Что нынче на исходе дня
Так неожиданно и глупо
В комету врежется Земля!

Что мрачной радиевой мощью
Ожесточенный звездный пыл
Вобьется в Землю этой ночью
И превратит планету в пыль.

— Кончайте, воины России,
Братоубийственную брань.
Вчера явившийся Мессия
Над вами простирает длань.

— Со всепрощеньем умирая
В астрономической пыли,
Братайтесь, два передних края
Перед кончиною Земли.

34—35 И сохнет в бочагах вода.
И только часовая стрелка.

553. ПЕСНЯ ЯСЕНЕВОГО ЛИСТКА

вм. 30—31 [И Вальдман не был жесток
машиноп. Куда ты летишь по ветру,
Ясеньевый листок!

И Вальдман сказал сурово:
— Я верю. И не виню.
— Спасибо, — ответила Лотта, —]

40 Стрелу же пустить не мог.

47 И сердце точнее пробейте

53—54 [И выкрикнул вещей ворон:
— Ты смерть к себе не зови!].

554. АНДАЛУЗСКАЯ БАЛЛАДА

между 4 и 5 [Счастья их одна неделя,
машиноп. И внезапно все разбито.
Схоронила Габриэля
Черноокая Росита.

Ой, мандолина!
Пой, мандолина,
Пока так запоеется,

Что струна оборвется!
Схоронила молодого
Кучерявого цыгана.
Говорили: нет такого,
Оттого и умер рано.]

8 Но в него влюбилась ведьма.

между 12 и 13 [Присушить его желала,
Но его не присушила.
Кудри черные сжигала,
При луне питье варила.
И при этом говорила:
«Коль Роситу не разлюбит,
Пусть погибнет скорой смертью.
Лучше пусть ничей не будет».
Ой, мандолина!
Пой, мандолина,
Пока так запоется,
Что струна оборвется!]

вм. 15—18 У костра старшины сели.
И вдова пришла в раздумье.
[А за нею, вслед за нею
(У нее повадка кунья)
Пробралась и рядом села
Рыжекудрая колдунья.
Ой, мандолина!
Пой, мандолина,
Пока так запоется,
Что струна оборвется!]
Невеселый это праздник.
Молча пили, молча ели.

между 20 и 21 [Как умел коня объездить,
Если даже конь был буен.
Как играл на мандолине,
Как плясал под звонкий бубен.]

29 Не по правилам сказала,

37 Тут-то рыжая вскочила:

между 40 и 41 Если перед новолунием
Произносится заклятье,
То свершается заклятье!
Ну-ка дуем, ну-ка плюнем!
Ой, мандолина!
Пой, мандолина,
Пока так запоется,

Что струна оборвется!

- вм. 43—44 Пусть клинком заговоренным.
Грешницу заколют братья.
Ну а если нету братьев,
Пусть ее сестра зарежет,
А не то мы все погибнем
Нынче, чуть заря забрезжит.
- 49 Взволновались все цыгане.
- 52 Под могильным покрывалом.
- 65—68 И любимую цыгана
Страшной гибелью отметит,
Если женщина полюбит,
А мужчина не ответит.

555. ПРИТЧА О СЫНОВЬЯХ УЦЫ

- 11—12 [Юные принцы, которым
машиноп. Пристали другие занятия.]
Словно для отроков знатных
Лучшего нет занятия.
- 21 На говорящую птицу.
- 40—41 Потом собрались бароны
[В главном замковом зале]
С аббатами в тронном зале.
- вм. 50—52 А остальные хвалили
[Грозного] Строгого сюзерена:
«Этот вот настоящий,
Выше нас всех стоящий.
[Он королевство прославит,
Ибо правит и правит!]
Пусть он правит и правит,
Хоть нас от голов избавит!»

556. КАБАРЕТНАЯ БАЛЛАДА

- машиноп. Жил-был король Гильом Второй
И мирно правил он.
Всех граждан жаловал своих.
И всем, кто кланялся ему,
Он отдавал поклон.
Но в королевстве у него
Суровый был закон,

Весьма суровый — трам-тарам! —
Без всяких исключений он
Гласил: чтоб не в свое не лезть.
Иначе дураку,
Который не в свое полез,
Оттяпают башку.
Адье, мадам, адье, мосье —
Оттяпают башку.

Пахали пахари его,
Погонщик гнал осла,
И дева милая одна
Ягнечка пасла.
И в королевстве — трам-тарам! —
Прекрасно шли дела.
Ведь не в свое никто не лез.
Какому дураку
Захочется в чужое лезть,
Чтоб потерять башку?
Адье, мадам, адье, мосье —
Чтоб потерять башку.

Был в государстве цех портных,
Что шили пиджаки,
И цех колпачников — они
Валяли колпаки.
И музыкантша там была,
Прелестная Мими,
Она играла — трам-тарам! —
На флейте до-ре-ми.
Зачем же им в чужое лезть,
В дела не по плечу,
И ради этого башку
Подставить палачу?
Адье, мадам, адье, мосье,
Подставить палачу.

В стране писатель был один,
Который создавал.
К сему издатель был один,
Который издавал,
И даже цензор был один —
Он все цензуровал:
Нет ли подтекста у баллад,
Нет ли вреда от тех баллад,
Нет ли крамолы — трам-тарам! —
И дело шло на лад.
И хоть порой хотел поэт
В чужое дело влезть —
Терять за то свою башку —
Спасибо вам за честь!
Адье, мадам, адье, мосье,
Спасибо вам за честь.

Король поехал отдыхать
В приморский замок Во.
Остался править за него
На время отпуска — Его
Превосходительство — Министр
По имени Прево.
Прево был brave генерал
И, видно, оттого
 В чужое никогда не лез.
 Охота чудаку,
 Имея в королевстве вес,
 При сем терять башку.
 Адье, мадам, адье, мосье, —
 При сем терять башку.
Но brave министра дух
Нововведений обуял.
Хотя и объявлялось вслух.
Что вечен идеал.
Сперва он сделал мужиков
Военными людьми.
А в генеральши произвел
Прелестную Мими.
Затем погонщику осла
Присвоил звание посла.
Лишь девушку не — трам-тарам! —
Что ярочку пасла.
 [Но ярочке снеся башку]
 Однако, ярочку сию
 Велел подать к столу.
 А палачу велел вручить
 Портняжную иглу.
 Адье, мадам, адье, мосье!
 До встречи на балу!
Пока отсутствовал король,
Правитель сунул нос в печать.
Все стали замечать,
Что цензор начал сочинять,
Издатель зажимать,
А сочинитель в цирк пошел
И так смешил народ,
Что от острот был — трам-тарам! —
И сочинитель наш попал
В опасный оборот,
 Поскольку не в свое полез.
 Казнить бы циркача
 За то, что не в свое полез,
 Но где взять палача?
 Адье, мадам, адье, мосье —
 Где взять нам палача?
Портняжный цех послали в бор,

Чтобы рубил дрова,
Колпачный — чтоб у дальних гор
Тесали жернова.
А что же делал сам Его
Превосходительство Прево?
Не знал теперь, куда кого
Назначить — трам-тарам! —
А следовало самого
За то, что не туда полез
И не туда попер,
За то, что не в свое полез,
Отправить под топор.
Адье, мадам, адье, мосье!
Найдется ль волонтер?
Когда приехало его
величество из замка Во,
То беспорядок был такой,
Такой был кавардак!
Портной пахал, палач латал,
Писатель в цирке гоготал, —
Что наш король махнул рукой,
Махнул рукою — трам-тарам! —
Сказав: «Да будет так!»
А заниматься не своим
Не пожелал король.
Он сел с девицей на осла
И укатил в Тироль!
Адье, мадам, адье, мосье!
В Тироль, ха-ха, в Тироль!

558

*вм. 13—16
рукопись*

В остальном у Баха нет забот:
Рассади певуний на линейки.
Ну а ноты каждый разберет,
С детства учатся в его семейке.

Пусть поют себе часов с пяти
Птицы пестрые свои заботы.
Ну а гений — он ведь знает ноты
И умеет воспроизвести.

560

*4
машиноп.-1*

Произнести последнее «люблю».

вм. 9—16

Тогда лишь он, паромщик мой исправный,
В мазут реки опустит два весла...

О счастье быть княгиней Ярославной,
Что на Каяле Игоря ждала!..

568. ПОЛЫНЬ—ЗВЕЗДА

загл. отсутствует
машиноп.

3 Мы на краю, и бездна всем видна.

5—18 Она одна, когда идет ко дну,
Когда уже нельзя бряцать оружием.
И мы забыли долг или вину
и ей самоотверженно не служим.

Запомните! Затмится скоро свет
И мы замерзнем, и во льду безмерном.
И с Родиной противоречий нет,
Как не было когда-то в сорок первом.

В сей страшный час себя не пожалей.
Что стоит человеческая шкура!
Не дело избранных — служенье ей,
А дело всех.

Угомонись, цензура!

Запомните! Мы перед вечным льдом.

24 Запомните, что лед ползет на всех.

26—29 Вы помните про Родину, народ.
И вспомните, что среди мертвых топий
Нет мамонтов, один смертельный лед,
Не нужный ни для стрел и ни для копий.

576. ЛАБОРАТОРИЯ ПОЭТА

14—16 Где сочиняют взрыв строки,
786 Как для убийства Александра
Бывалые боевики.

578. МАША

вм. 7 «Ты такая», — отвечал художник.
машиноп.-1 А зимой она к нему явилась,

вм. 13—16 «Господи! Ведь ты меня не любишь!»
И художник не сказал ни слова.
Скоро от него ушла Мария.

594. ЛИНИЯ

6—8
Т869
Теснят со всех сторон. Но все ж
Есть у тебя такая линия,
С которой просто не собьешь.

600. ДОЖДЬ

между 20 и 21
машиноп.
[Ведь это всегда бывает
На наших неверных путях:
Покаяться все призывают,
А каяться все не хотят.]

[И что я услышу от сосен,
От ясеней или раakit?
Ведь ливень уже смертоносен
И в реки несет гербицид.]

603. ПЕРЕМЕННАЯ ПОГОДА

17—20
машиноп.
[Снова солнечные марши
Завершает бурной кодой.
Поглядим, что будет дальше
С переменчивой погодой...]
18
Не настаивает твердо

624. ПОРА!

вм. 1—20
Т869
Ототкните сундуки архивов,
Вытащите, наконец, на свет
Документы наших несчастливых
И счастливых юношеских лет.

Наконец снимите с глаз повязки,
Чтобы каждый разглядеть сумел
Что же остается в перетряске
Незакрытых и закрытых дел.

Выносите же на суд палаты,
Где любой — судья и адвокат,
Показанья тех, кто виноваты.
Иль никто ни в чем не виноват?

Иль по историческим законам,
А не так — не сгоряча, сплеча
Гнали их к стольпинским вагонам
И визжала пуля палача.

25—36, 41—44, 49—60 отсутствуют

37—40 Пусть скорей народная палата
Соберется и надев очки
И поглядывая брат на брата
И протягивая: «На, прочти!»

СТИХИ, АВТОРОМ НЕ ПУБЛИКОВАВШИЕСЯ

627

17—20 [Тогда, сойдя с холмов соседних,
С49 Входя в ущелье, как в подвал,
Я, как сосед и собеседник,
Гигантам руку подавал.]

634. О СОЛДАТСКОЙ ЛЮБВИ

Загл. О РЕВНОСТИ

СоСЛ

1—2

Оседлое право на женщину
В войну не сыскало хвалы.

9—10

Ружье да сума, —
В шинелишке рваной

вм. 16—53

— Быть может, и мой так скитается-мучится, —
Подумает белая, как троеручица.

Быть может, осудят и нас времена,
Быть может, и нас развенчают когда-то,
Но в бабе Россия овеществлена
Для тесной души солдата.

И губы целуя красивые
И очи лаская — смородины —,
Он всюду — в своей России,
Он дома, он всюду — на родине.

Так стоит ли говорить о ревности!
Наверно ей нет возврата.
Уже не восстанет, как в древности,
За женщину брат на брата.

И в теплые колени
Уткнувшись, заснут солдаты.
И вновь пропойт Елене
Пространные «Илиады».

загл. ИЗ «СТИХОВ О СОЛДАТСКОЙ ЛЮБВИ»
T456

1—2 — как в СоСЛ

вм. 16—20 — 16—24 из СоСЛ

42 За то, что пять лет не бачил,

50 И нет, не жить нам снами,

637. ПРОЩАНИЕ

5—8 *машиноп.* Стыжусь того, что как щенок
Я в дружбу лез с любим из прежних,
И удержать себя не мог
От изъявлений слишком нежных.

13—20 А те не здесь, а те — далече,
Они не сходят с той стези,
Где мы бредем, себе на плечи
Судьбу России погрузив.

Передохнем... И дальше побредем.
А вы судьбу доверьте тонкопряхам!
Нас обойдут. Но мы не обойдем.
Пускай наш прах поспорит с вашим прахом!

641—644. ИЗ ЦИКЛА «РАЗГОВОР С ДРУЗЬЯМИ»

I

между 8 и 9 Не тот туманный и абстрактный,
T44 Покрытый гнилью, как подвал,
А тот, что бьет тупые факты
Прямой наводкой наповал.

между 12 и 13 Пинал романтику под ребра,
T44, Стх44, T48 Линейкой проверял чутьё,
Он был упрямым и недобрым,
Тяжеловесным, как литьё.

II. МАРИЯ

- между 12 и 13*
Т44 Есть у них и русские винтовки,
 И немецкой марки автоматы,
 И часы с загубленной жидовки,
 И штаны из жесткой плащ-палатки.
- 14 Все расскажет — где мы, сколько наших,

649. АТАКА

- за посл. ст.* А после прочитаешь ты
Стх44 Среди незначащих событий
 Про бой у N-ской высоты
 За улучшение позиций.

659. БАБЕЛЬСБЕРГ

1945

- машиноп., «Не вошло в "Залив"»*
загл. и 1—16 отсутствуют
вм. 25—28 Как долги дни. Как горек плод победы.
 Потсдамский парк молчит как неживой.
 Неужто вправду миновали беды?
 О, Боже мой, как хочется домой!

660. БАНДИТКА

- вм. 33—44* [Бунтуйтесь, племя гайдамаков!
С49 Вас время судит без отсрочки.
 Московской ширью и размахом
 Социализма дышит почерк.

Москва была той прочной твердью,
Той неизбежностью, в которой
За слепоту карают смертью —
и только это способ спора.

Суровый век — ты был неистов,
Когда вытягивал из меди
Породу русских коммунистов
Сороковых годов столетья.

И то, что нам когда-то зрелось
На съездах, где солдат и Ленин,

Пришло, как выучка и зрелость
Людей иного поколенья.

Пускай романтики не просят
У нас мальчишки — недоучки.
Через толпу разноголосиц,
Через рогатки и колючки, —

Для тех, кто верил не построчно,
Для тех, кто мерил не на случай —
Пришла решительно и прочно
Эпоха войн и революций.

Ещё суровым аммоналом
Взорвут словесные преграды,
Ещё с интернационалом
Пройдут от Белграда бригады.

Пусть копят порох в арсеналах,
Ведь нас недолгий ждёт покой.
С интернационалом
Воспрянет род людской.]

663. И<ЛЪЕ> Л<ЪВОВИЧУ> С<ЕЛЬВИНСКОМУ>

вм. 17—24 И вся вина, что ваш замах
T456 Кулачного бойца коммуны
Не умещается в домах,
А с боем рвется на трибуны.

666. В ГОСТИ

загл. ЖЕЛАНИЕ
S49

1 Как вдруг затоскую по снегу,
между 6 и 7 Туда,
где стоят в середине зари
дома,
где дыханье становится паром,
где зима,
где округа пушистым и розовым шаром
тихо светится изнутри.
Где пасутся в метелице
белые кони-березы,
где сосны позванивают медные
и крутятся, крутятся медленные

снежные мельницы,
поскрипывая на морозе.

Там дым коромыслом
и бабы идут с коромыслами
к проруби.
Живут не по числам —
с просторными мыслями,
одеты в тулупы, как в теплые коробы.

вм. 13—14 Не всем же в столице!
Не всем же молиться
на улицы, на магазины,
на праздничные базары...
Уехать куда-нибудь,
завалиться
на целую зиму
в белый городишко, белый и старый.

Там ведь тоже живут,
тоже думают,
пока ветры дуют,
по коже шоркая мерзлым рукавом,
там ведь тоже радуются и негодуют,
тоже о любви заводят разговор.

Там ведь тоже с войны не приехали...
А уже ночь — колючая, зимняя,
поздняя.
Окликается эхами.
Ночь, как елка, — почти что синяя,
с голубыми свечками-звездами.

Как вдруг затоскую по снегу, по свету,
по первому следу,
по хрупкому, узкому.
Наверное нужно поэту
Однажды уехать. Уеду
в какую-то область — в Рязанскую, в Тульскую.

На дальний разъезд привезет меня поезд.
Закроется паром,

19 И конюх, случившийся мне на счастье,

24 — Глушь здесь у нас сохатая...

27 Голубые деревья рога поднимают олени,

вм. 44—56 Приеду! Приеду! Заснежен, завьюжен,

со смехом в зубах,
отряхнусь перед праздничной хатой.
Приеду!
Ведь там я наверное нужен,
в этой глуши, голубой и сохатой.

668. В ТУМАНЕ

перег 25 Повсюду голь, да нищета,
С49 А дело ладить не хотят.
А строишь сруб — летит щепа,
Державу — головы летят...

674

между 21 и 22 [Как сахар, хотели бы мы раствориться
машиноп. Мы медом бы в спелые соты легли,
Мы всем за добро отплатили б сторицей,
Как щедрые зерна на нивах земли...]

678. ПРЕЗРЕНЬЕ

машиноп.-2 Презренье к себе и презренье к тебе
1-я рег. За то, что сначала явилось прозренье,
А после смирение. Презренье к судьбе,
Питавшей обманной небесною манной.
Презренье за то, что меня и тебя
Ни разу не били под дых сапогами,
За то, что мы были друзьями с врагами

2 текст Я долго думал о презренье,
О том, что было до войны,
О том, что позднее прозренье
Нас не спасает от вины.

О том, что надо было сгнуть
Не на миру, где смерть красна,
А со счетов тщеславье скинуть,
Пусть остается смерть одна.

680

машиноп., Извилисты тихие реки,
гр. рег. А бурные мчат напрямик.
Но тихие реки — навеки,
А бурные реки — на миг.

Те тихие реки ложбиной
Текут, огибая яры,

И голос у них голубиный
И в них — голубые миры.

Я выберу тихую реку,
Далеко по ней поплыву
И ту, что добрей к человеку,
Свою рекой назову.

684. ПОЭТЫ

загл. отсутствует
машиноп. 1956 г.

1—5 Мы не звезды в летучей пляде,
И не пчелы в кипучем рою,
Не отшельники в ангельском саде,
Где завидуют лишь соловью...
Мы — поэзии новой предтечи.

685

загл.
машиноп.

ДРУГУ

вм. 9—22 Уже следим не каждый день
За чистотой своей души,
И тень наводим на плетень
За славу или за гроши.
Уже завидуем слегка
Тупым успехам пошляка.

И все ж, одолевая дрожь
И ложь, идем стихи писать,
Идем к себе гранит тесать,
Чтоб стал на статую похож.

688

вм. 5 Чужая мне принадлежала.
Т5760 И как я этого достиг?

9 отсутствует

после 11 Опустошенный, отрешенный
Я был и с нею, и не с ней.
Тревогою неразрешенной
Себя терзал я все больней.

И было все во мне нестройно,
Меня моя свобода жгла.
А на плече моем спокойно
Чужая женщина спала.

689. ГРУСТЬ

загл. *отсутствует*
машиноп.-3

11—12 И как по выходе из детства
Ребенок слаб и одинок.

вм. 19—20 И грустен вид стихотворенья,
Дописанного до конца.

Вот так, опустошенный грустью,
И к самому себе жесток,
Я подходил к чужому устью
И забывал про свой исток.

25—28 Но сад как будто вдруг менялся
И в освещении ином
Вдруг осторожно наполнялся
Закатным золотым вином.

700. ДВОР

загл.
правка к машинописи

ЕЛЕНА

6 Матрасник — парень честный

14 Девушка Елена

17—20 *перечеркнуты*

вм. 29—36 Она же юбку узкую
Наглаживала всласть.
И вся земная музыка
Вокруг нее вилась.

701

9—16 Откуда, словно голубица,
Т61 Душа пернатая взывает,
Где кроется самоубийца
И где убийца вызревает.

Секретов этих слишком много.
Все тайны не раскроешь разом.

Не потому ли ищет Бога
Ленивый и пугливый разум?

704

11—20
Иерусалимский
журн. Ветер свищет
И не отыщет.
Солнце жжет — пропал и след.
Птица кличет и недокличет,
Сердце просит, а слова нет.

Разобидятся, станут дуться,
Недовольствуя и кляня.
Не дождутся
И разойдутся.
Пожалели бы хоть меня!

709

10
ДН Как стеклянные хвойные иглы

23—24 Лучше было бы не родиться.
Чтоб беду свою не породить.

вм. 28—33 Дай обнять тебя под конец...

Перед тем, как ты вступишь в тень,
Перед тем, как шагнешь в тень,
Дай тебя придержать перед тем,
Как на первую ступишь ступень.

710

после 8
Чр Он выйдет в полночь. И легким жестом
Пригладит встрепанные виски,
Дивясь красотам и совершенствам
Судьбы, созвездий, любви, листвы.

712

машиноп.-1 Дописывая этот стих,
Я вспомнил о его начале.
Он шевельнулся и затих.
В нем вспыхнули и отзвучали
Два голоса — о нас двоих.

И я прислушиваться стал,
И вдруг почувствовал, что стар.
Стар, потому что стал бесстрашен
И что умел глядеть в глаза
Тому, что стих не приукрашен
И гол и гибок, как лоза.
И я прислушиваться стал,
А стих вскипал и нарастал,
Он скорость набирал, как поезд.
И я, уже не беспокоясь,
Его на волю отпускал.

720. ПОХОРОНЫ ХИКМЕТА

вм. 11—16 Хороните Назыма Хикмета!
Т63, 2-я рег. Поскорей засыпайте песком!
Наступило последнее лето,
Хороните Назыма Хикмета,
Он не знает уже ни о ком.

Как естественно мы умираем
И потом остаемся одни.
Мы судьбу себе не выбираем,
Любим, терпим, взываем, ...
.....
Покидайте Назыма Хикмета,
Мы ему не нужны, он один,
И на слово не слышно ответа.
Ах, оставьте Назыма Хикмета,
Ах, зачем мы его берем!

745. ТАЙНЫЙ ЛЕТОПИСЕЦ

загл. отсутствует
предварит. рег.
Т668

Кто при свете приглушенном
Сочиняет без имени
Где-то в Старо-Конюшенном,
В переулке у Пимена —
Как ответить — что именно
Их влечет к сочинению
Честолюбие, истина
Или неподчинение.

Исполать сочиняющим,
Озираясь с восторгом,
Лампочки закрепляющим
По квартиркам, каморкам.
Кто бурлачит историю
На веревочке крепкой,

Как в известной истории —
Дедка за репку.
Осторожные Пимены
С электрическим нимбом, —
Бороды оттопырены
И приклеены к книгам,
Вы, трусливые Несторы,
Недобитые Тациты
.....

746. ОСЕНЬ

вм. 9—12
T668

Темень. Засовы.
Холодно с непривычки.
Где-то вдали басовый
Гуд ночной электрички.

Месяц плавает в лужах.
Лес в воде по колено.
Неизреченный ужас.
Ужас неизреченный.

Значит конца не видно
Всем страстям и потерям.

Терем, высокий терем!

770. ВОЗВРАЩЕНИЕ

перег 1
T745

[Случилось так, как предсказала,
Как я все годы видел сам:
С котомкой, прямиком с вокзала
Я подошел к твоим дверям.]

между 4 и 5

[Какая-то, казалось, ретушь
Вдоль щек и шеи пролегла.
Какую-то со стула ветошь
Ты торопливо убрала.

Как будто ты осталась прежней,
И я как будто не иной]

831

1 рег.
B851

Все чаще вспоминаю маму.
Все чаще думаю о ней.
Свою переживая драму,
Я мог бы с нею быть нежней.

Но в песне той, что распеваю,
Как захмелевший соловей,
Так часто я позабываю
Ее, и дочь и сыновей.

А разве ты другого нрава?
Не утешать, не врачевать —
Ты разве не имеешь права
Порою нас позабывать?

И ошалевшей соловьиной
В малиннике вблизи ручья
Откликнуться в тоске великой
На зов другого соловья.

2 рег.
Б851

Как захмелевший соловей
Пою, запутавшись в руладах,
Забыв в кустах тоски своей
О домочадцах и о чадах.

Но ведь и ты, душа моя,
Должна ли среди кустов пернатых
Внимать лишь песне соловья
И думать лишь о соловьятах.

Или в малиннике близ трав
Вдруг ошалевшей соловьиной
Другие песни услышав
Увлечься ими с грустью тихой.

836. ОТКРОВЕННОСТЬ

загл.
ЛА

ПРИЗНАНИЯ

В признаниях невозможно без примет.
В признаниях преобладает слово
И в связность превращает вещей бред,
Земное в них замена неземного.
В признаниях отвердевает суть.
А это сокровенное «чуть-чуть»
Теряется... Когда потянет снова
Признаться, помолчи и позабудь.

837

вм. 6—12
Т869

Решались на пяти корявых пальцах,
О чем тоскуют мнимые романтики,
Нас призывая вышивать на пальце.

А я люблю романтиков прошедшего,
Но без душка нахальства и лузги;
Да хорошо от века сумасшедшего
Вернуться вспять и освежить мозги.

839. В ПЯРНУ

вм. 11—16 Деревья парка. Казино.
T869 Под утро город нелюдим.
Свободный воздух. Тонкий дым
Тумана.
Впрочем, все равно.

846. ОБ АНТОЛОГИЯХ

загл.
рукопись

АНТОЛОГИИ

Не люблю антологий,
 где Дедка за Репкой,
А, верней, четверть Дедки, Полбабки, треть Внучки.
Потому-то и репка выходит некрепко,
Где последняя мышка пропала из кучки.
А порою у Мышки
Бывают рифмишки
И умишка хватает на Дедку и Бабку.
Потому и на полках валяются книжки,
Где от мышки хотя бы оставили лапку.

850

между 8 и 9 [Лети, мое Время, не медли,
T86 Крути этот глобус земли.
И если не доброю лаской,
То верой и правдой цели.]

853. БЕГСТВО ТОЛСТОГО

4 От дома неуютя.
T86

10—12 И к запаху овчины,
К свече, к людскому стону.
На это есть причины.

вм. 17—20 И навсегда заснуть бы
На деревянной лавке.

Такие наши судьбы.

24 Не увидав при этом.

867

9—12 Но перейден рубеж. Но все ж мы осторожны,
Т869 И не спешим строку записывать в тетрадь!
Пора сообразить, где не страшны таможни
И можно выручку в шалмане прогулять.

872

вм. 4—12 Еще спокойнее живут —
машиноп. Проблемами не задаются,
Забоятся насчет уютца
И жизнь по зернышку клюют.

885

вм. 3—16 Мы пять столетий имя, а не племя,
СоСЛ Упрямство, обратившееся в плоть.

Картавые приверженцы гипноза,
Где с отщепенцев спросится вдвойне,
Где столп отступников — Борух Спиноза
Летит в огонь с Талмудом наравне.

Не жди чудес в пыли священнодействия:
Давно из манны не идут дожди.
Но у славян от женщин иудейских
Еще роятся гордые вожди.

893—895. ТРИ СТИХОТВОРЕНИЯ

машиноп.,
1-я рег.

I

...Не хватит вашей крови скудной...
Ф. Тютчев

Мы — декабристы без Сенатской.
И, даже сброшены с коней,
Готовы как судьбе солдатской
Вверяться родине своей.

Патриотизм есть свойство духа
Российского — надежный щит,

И никакая заваруха
Нас от него не отвратит.

В своей работе многотрудной
Мы преуспеем, может быть.
И хватит нашей крови скудной,
Чтоб вечный полюс растопить.

ПРИМЕЧАНИЯ

В настоящее издание включены все стихотворения, вошедшие в прижизненные сборники Самойлова, все стихотворения, опубликованные им в периодике, начиная с 1955 г., большинство стихотворений, напечатанных другими лицами при жизни и после смерти поэта, а также более 60 стихотворений, ранее не издававшихся. За пределами издания остались поэмы (их полное научное издание является отдельной насущной задачей), «несерьезные» стихи, вошедшие в книгу «В кругу себя», произведения для детей, песни, стихотворения из периодики 1946—1950 гг., написанные специально «для печати», многочисленных переводы. Незначительная часть стихотворений, опубликованных посмертно, и часть остающихся в рукописях не вошли в издание по соображениям объема. Стихотворение «Корабли» (Сов. Россия. 1961. 14 февр.), авторство которого не подтверждено, в издание не включено. Отсутствие в издании «Блудного сына» вызвано тем, что Самойлов считал это произведение поэмой (см.: Самойлов Д. С., Чуковская Л. К. Переписка: 1971—1990. М., 2004. С. 22, 233) и, вероятно, включил в сборнике «Горсть» в раздел «Баллады», чтобы не привлекать к нему внимание цензуры.

В книге предпринята попытка представить читателю поэтическое наследие Самойлова в хронологической последовательности, по возможности очищенное от цензурных и редакторских правок. Это предопределило отказ от публикации по прижизненным авторским сборникам, чей состав складывался под постоянным воздействием внелитературных факторов и не вполне отражал волю поэта.

Первая публикация Самойлова, подписанная «Д. Кауфман», — стихотворный фельетон «Разные характеры» (Крокодил. 1941. № 7. С. 5). До войны напечатано также стихотворение «Охота на мамонта» (см. примеч. 3). Псевдоним «Самойлов» впервые использован в первой послевоенной публикации: 23 ноября 1946 г. в газ. «Московский комсомолец» появилось стихотворение «Наш земляк», подписанное «С. Наровчатов, Д. Самойлов». Несколькими публикациями в периодике 1947—1950 гг. — «Московский большевик», 9 февр. и 30 апр. 1947 г., 30 апр. 1948 г. (последняя под псевдонимом «С. Давыдов»); «Большевистский призыв» (Рубцовск, Алтайский край), 15 авг. 1948; «Советский воин», № 7 за 1950 г. (совместно с Е. Аграновичем) — Самойлов проверил возможность своего участия в официальной ли-

тературной жизни. Наиболее яркий пример — подборка «Стихи о новом городе» в журн. «Знамя» (1948. № 7. См. примеч. 26). В конце 1940-х — первой половине 1950-х гг. Самойлов приобрел известность как переводчик. Его работы часто печатались, вышло несколько книг албанской поэзии, целиком переведенных Самойловым. Исполнялись песни на его тексты («Марш футболистов», «Песня юных мичуринцев», «Тихий рабочий поселок...» и др.). Первые публикации в периодике произведений, которые Самойлов позднее включал в книги, относятся к 1955 г.

Первая книга — «Ближние страны» — вышла в 1958 г. в изд-ве «Советский писатель» тиражом 3000 экз. В 1963 г. там же — «Второй перевал», а в «Издательстве иностранной литературы» — книга «Поэты — современники», открывшая серию «Мастера поэтического перевода». На сроки выхода следующих книг повлияла общественная деятельность Самойлова, подписавшего коллективные письма в защиту А. Синаевского и Ю. Даниэля, а затем — А. Гинзбурга и Ю. Галанскова. После этого был рассыпан набор книги избранного «Равноденствие» в изд-ве «Художественная литература» и вычеркнут из плана сборник в «Советском писателе». Следующая книга — «Дни» — вышла в «Советском писателе» в 1970 г. В 1972 г. «Художественная литература» все-таки выпустила избранное, сохранив название «Равноденствие». Почти все стихи этого сборника содержались в трех выпущенных ранее книгах; в полном объеме в него вошла поэма «Ближние страны». Ряд стихотворений, по сравнению с рассыпанным набором, содержал цензурные правки. В 1974, 1978 и 1981 гг. в «Советском писателе» выходили сборники «Волна и камень», «Весть», «Залив». В 1980 г. «Художественная литература» выпустила большой том избранного, в который, кроме стихотворений и поэм из первых пяти сборников, целиком включена драматическая поэма «Сухое пламя». В 1981 г. вышли также небольшой сборник избранного «Линия руки» в «Детской литературе» и сборник стихов и переводов с эстонского «Улица Тооминга» в таллинском изд-ве «Ээсти раамат». Седьмая книга новых стихов — «Голоса за холмами» — вышла в «Ээсти раамат» в 1985 г. За эту книгу зав. редакцией русской литературы Н. Абашина получила выговор, а Самойлов в 1988 г. — Государственную премию. В том же 1985 г. «Советский писатель» выпустил иллюстрированный том «Стихотворения». В 1987 г. издана небольшая книга избранного в серии «Библиотека "Огонька"» в изд-ве «Правда». В 1989 г. — «Беатриче» в «Ээсти раамат», «Горсть» в «Советском писателе» и «Избранные произведения» в 2-х томах в «Художественной литературе» — наиболее полное прижизненное издание Самойлова. И, наконец, в 1990 г., уже после смерти поэта, в «Московском рабочем» вышел составленный им сборник «Снегопад». В эту книгу вошли стихи, изданные ранее, стихи последних лет и ряд стихотворений, написанных в предыдущие десятилетия, но не публиковавшихся.

Из посмертных сборников следует отметить: «Из последних стихов» (Таллин: Александра, 1992), «Черта» (М.: Весть, 1994) — книги с большим количеством стихов, ранее не публиковавшихся; «За третьим перевалом» (СПб.: журн. «Нева», 1998) — наиболее объемный однотомник; «Предначертание» (М.: Русская книга, 1999) — с не пуб-

ликовавшимися ранее главами и реконструированной композицией поэмы «Последние каникулы» (все подготовлены Г. И. Медведевой); «Свеча в метели» (М.: Зеркало-М, 1999; сост. А. М. Гелескул), «Обычные слова» (М.: ЭКСМО-Пресс, 2000; сост. Г. И. Ефремов), «Мне выпало все...» (М.: Время, 2000; сост. А. Давыдов) — с исправлением ряда цензурных правок. В последнюю из перечисленных книг впервые включено также несколько ранних стихотворений.

Основной корпус стихотворений состоит из двух разделов. В первый вошли стихи, подготовленные к печати автором. Кроме стихотворений, опубликованных Самойловым в книгах и периодике, сюда вошли два стихотворения (№ 32, 117), прошедшие набор, но в печатном виде не появившиеся (одно сохранилось в верстке рассыпанной книги, другое — в журнальных гранках). Второй раздел составляют стихи, опубликованные другими лицами, и ранее не печатавшиеся. Внутри разделов произведения расположены в хронологическом порядке.

Раздел «Другие редакции и варианты» содержит почти все выявленные варианты печатаемых стихотворений, расхождения которых с основным текстом превышают две последовательные строки. Исключения сделаны для ряда стихотворений с незавершенными строфами и набросками в тетрадах (№ 65, 66, 215, 325, 343, 351, 358, 489, 846), отдельными рукописными строфами, которые не удалось прочесть (№ 87, 200, 231, 342, 699), предварительными или последующими попытками разработки темы (№ 2, 151, 203, 470, 650), а также для стихотворений с вариантами большого объема и малой информативности, таких как № 219 (вариант отличается грамматическими формами), 573 и некоторые другие. Большинство разночтений меньшего объема приведено непосредственно в примечаниях к соответствующим стихотворениям (кроме мелких и несущественных). Зачеркнутые строки даются в квадратных скобках.

В хронологической последовательности произведений расположение циклов, как правило, определяется датой наиболее позднего стихотворения, в него входящего. Это условие соблюдено с двумя исключениями. Первое относится к «Стихам о царе Иване»; большая часть этого цикла написана в конце 1940-х — начале 1950-х гг., и только одно — в 1957 г. Для Самойлова было важно, что цикл был создан до смерти Сталина, он неоднократно подчеркивал этот факт в своих выступлениях. Следуя авторскому замыслу, цикл печатается под 1947 г. — годом создания его первых стихотворений. Второе исключение связано с «Беатриче». Цикл написан летом 1985 г., однако впоследствии из него было исключено одно стихотворение и добавлено стихотворение, датированное маем 1986 г. Несмотря на это цикл размещен среди стихов лета 1985 г., т. к. Самойлов связывал создание цикла именно с этим периодом.

В процессе подготовки издания произведено уточнение текстов путем сверки различных публикаций стихотворений между собой и с архивными источниками. Отдельная работа проделана с целью освобождения текстов от цензурных и редакторских правок. Отношение Самойлова к необходимости вносить в стихи нежелательные коррективы выражено им в письме к Л. К. Чуковской в августе 1980 г.: «Я Вас никак не убеждаю, что можно давать корезить свое произведе-

ние. Я просто считаю, что мелкие исключения иногда возможны в интересах целого. Тем более, что исправленное чужой рукой или собственной, можно потом восстановить, как у меня это неоднократно бывало» (Самойлов Д. С., Чуковская Л. К. Переписка: 1971—1990. М., 2004. С. 146). Однако на практике Самойлов, за редким исключением («Смерть Ивана», «Белые стихи», «Боддинская осень», «Пестель, поэт и Анна»), не возвращался к правленным стихам с целью восстановления первоначальных текстов и при ослаблении цензуры. В издании восстановлены по автографам и верстке рассыпанной первой редакции «Равноденствия» стихи 1960-х и 1970-х гг., подвергавшиеся цензурной правке, а также проанализированы автографы стихов 1950-х гг., предваряющие первую книгу поэта, на предмет расхождений с печатным текстом по цензурным соображениям. Что касается самоцензуры, выражавшейся в придании стихам посторонних заглавий для возможности их публикации, то здесь изменения в заглавия вносились только при наличии документированных подтверждений Самойловым вынужденности подобных мер.

При подготовке текстов учтены современные правила орфографии. Авторские отклонения от правил пунктуации, подтверждаемые автографами, сохраняются в тех случаях, когда они имеют интонационное значение.

Специальное исследование проведено для определения датировок. Даты, имеющиеся в некоторых сборниках Самойлова, нередко недостоверны. Зачастую они — при идентичности текстов — в разных изданиях сильно расходятся. Дата, стоящая под стихотворением, может на несколько лет «запаздывать» по сравнению с датой первой публикации. Самойлов проставлял даты не по собственному желанию, а по просьбе редакторов книг, и делал это приблизительно, не заботясь о точности. При датировании указанные в книгах даты не принимались во внимание (кроме исключений, о которых ниже); анализировались автографы, авторские перечни стихов и предварительные составы сборников, последовательность стихов в авторских тетрадах, даты первых публикаций.

В архивах сына Самойлова от первого брака А. Давыдова и второй жены поэта Г. И. Медведевой кроме автографов на отдельных листах и авторской машинописи имеются тетради за разные периоды времени, в которые Самойлов последовательно заносил стихи и наброски. В самую раннюю из них входят стихи 1937—1941 гг. В 1947—1949 гг. Самойлов несколько раз составлял тетради избранных стихотворений с указанием дат. Имеются перечень стихов, написанных в 1956 г., помесечные списки стихов, написанных в первой половине 1957 г. С середины 1961 г. Самойлов начал вести толстые тетради, в которые записывал законченные и незаконченные стихотворения, варианты строф, отдельные строки. Многие стихи в тетрадах — с датами. Ряд стихов, оставшихся в тетрадах неоконченными, приобрел завершение в машинописи. Некоторые законченные стихотворения содержат строфы из тетрадей предыдущих лет. Однако и за этот период в тетради попадали не все стихи. Часть осталась в блокнотах и на отдельных листах.

Датировки стихов, содержащихся в тетрадах, не оговариваются в примечаниях. Если же дата получена другим путем, источник ее оп-

ределения указывается. Если в тетради стихотворение не завершено, а дата первой публикации не позволяет однозначно определить год окончания, в дате под стихотворением после года указан знак вопроса. Это означает, что в указанном году велась работа над стихотворением, но нет уверенности, что оно было завершено.

Ряд стихотворений 1930-х и 1940-х гг. позднее был существенно переработан. Однако Самойлов всегда указывал для них год первой редакции. Это относится к довоенным и военным стихам, опубликованным в подборке «Из юношеских стихов», стихотворениям «Семен Андреич», «Элегия» и др. Следуя воле автора, датой создания этих стихов считается дата первой редакции, а информация о дате переработки дается в примечаниях.

Каждое примечание начинается ссылкой на первую публикацию. Далее, через точку с запятой, в хронологическом порядке указаны издания со смысловыми изменениями и последний сборник избранного, в который вошло стихотворение. В перечень изданий включается также невышедшая книга «Равноденствие» (1968 г.) в тех случаях, когда авторский экземпляр верстки этой книги имеет различия с текстами в других публикациях. Поскольку в «Избранном» 1980 г., 1-м томе «Избранных произведений» и ряде посмертных изданий, разделы которых соответствуют авторским сборникам, некоторые стихотворения вставлены в книги, в которые они не входили, в перечне изданий стихотворений, вошедших в какую-либо из восьми книг, указан соответствующий источник. Источником текста является последняя из перечисленных публикаций, если явно не оговорено иное. Данные о публикациях приведены по состоянию на 1 декабря 2004 г.

После списка публикаций приводится, через точку с запятой, перечень автографов. Если местонахождение рукописи или машинописи не уточняется, это означает, что они хранятся в архивах А. Давыдова и Г. И. Медведевой. В перечне не отражены повторяющиеся машинописи идентичного содержания. К сожалению, оказались недоступны автографы, с которых делались посмертные публикации некоторых стихотворений.

В примечаниях учтены разыскания С. Д. Абишевой, В. С. Баевского, В. П. Руднева и др. исследователей.

Звездочкой перед номером в примечаниях помечены стихи, к которым имеется информация в разделе «Другие редакции и варианты».

Издание не могло бы состояться без постоянной помощи Г. И. Медведевой, не только предоставившей составителю возможность ознакомиться с архивом, но и внесшей ряд ценных замечаний и дополнений к вступительной статье и примечаниям. Ей же принадлежит большая часть расшифровок посвящений и обращений. Благодарим также А. Давыдова за предоставление архива и отдельных примечаний, а Г. И. Ефремова — за многолетнюю товарищескую поддержку.

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

- Ав — журн. «Аврора».
- Б601 — блокнот 1960—1961 гг. Хранится в арх. А. Давыдова.
- Б758 — блокнот 1975—1978 гг. Хранится в арх. Г. И. Медведевой.
- Б851 — блокнот «июль — ноябрь 1985 г.» Хранится в арх. Г. И. Медведевой.
- Б852 — блокнот лета 1985 г. Хранится в арх. Г. И. Медведевой.
- Б86 — блокнот «апрель—май 1986 г.» Хранится в арх. Г. И. Медведевой.
- Баевский — *Баевский В. С. Давид Самойлов: Поэт и его поколение.* М.: Сов. писатель, 1986.
- БС — *Самойлов Д. С. Ближние страны.* М.: Сов. писатель, 1958.
- Бт — *Самойлов Д. С. Беатриче.* Таллин: Ээсти раамат, 1989.
- ВЛ — журн. «Вопросы литературы».
- ВМ — газ. «Вечерняя Москва».
- ВП — *Самойлов Д. С. Второй перевал.* М.: Сов. писатель, 1963.
- ВиК — *Самойлов Д. С. Волна и камень.* М.: Сов. писатель, 1974.
- Вст — *Самойлов Д. С. Весть.* М.: Сов. писатель, 1978.
- Вста — Весть: Проза. Поэзия. Драматургия. М.: Кн. палата, 1989.
- ГзХ — *Самойлов Д. С. Голоса за холмами: Седьмая книга стихов.* Таллин: Ээсти раамат, 1985.
- Гр — *Самойлов Д. С. Горсть.* М.: Сов. писатель, 1989.
- ДВС — *Самойлов Д. С. Дай выстрадать стихотворенье... М.: Правда, 1987 (Б-ка «Огонек»).*
- Дг — журн. «Даугава».
- Дни — *Самойлов Д. С. Дни.* М.: Сов. писатель, 1970.
- ДН — журн. «Дружба народов».
- ДП — День поэзии: Альм. М.: Сов. писатель.
- ДСЛЧ — *Самойлов Д. С., Чуковская Л. К. Переписка: 1971—1990.* М.: Новое литературное обозрение, 2004.
- Зл — *Самойлов Д. С. Залив.* М.: Сов. писатель, 1981.
- Зв — журн. «Звезда».
- Зн — журн. «Знамя».
- ИЖ — «Иерусалимский журнал».
- Из — *Самойлов Д. С. Избранное.* М.: Худож. лит., 1980.
- ИП1 — *Самойлов Д. С. Избранные произведения: В 2-х т. Т. 1.* М.: Худож. лит., 1989.
- ИП2 — *Самойлов Д. С. Избранные произведения: В 2-х т. Т. 2.* М.: Худож. лит., 1989.
- ИПС — *Самойлов Д. С. Из последних стихов / Сост. Г. И. Медведева.* Таллин: Александра, 1992.
- КП — газ. «Комсомольская правда».
- Кр — журн. «Крестьянка».
- Крг — журн. «Кругозор».
- КТ — газ. «Комсомолец Татарии».
- ЛА — журн. «Литературная Армения».
- ЛГ — «Литературная газета».
- ЛР — *Самойлов Д. С. Линия руки.* М.: Дет. лит., 1981.

- ЛРос — газ. «Литературная Россия».
- МВВ — *Самойлов Д. С. Мне выпало все... / Сост. А. Давыдов. М.: Время, 2000.*
- МК — газ. «Моск. комсомолец».
- МЛ — газ. «Моск. литератор».
- Мос — журн. «Москва».
- МЭ — газ. «Молодежь Эстонии».
- НВВБ — папка с машинописными и рукописными текстами, озаглавленная «Не вошедшее в "Беатриче"». Хранится в арх. Г.И. Медведевой.
- НМ — журн. «Новый мир».
- Ог — журн. «Огонек».
- Ок — журн. «Октябрь».
- ПА — Поэзия: Альм. М.: Мол. гвардия.
- Пд31 — *Самойлов Д. С. Поденные записи: В 2 т. Т. 1. М.: Время, 2002.*
- Пд32 — *Самойлов Д. С. Поденные записи: В 2 т. Т. 2. М.: Время, 2002.*
- ПЗ — *Самойлов Д. С. Памятные записки / Сост. Г. И. Медведева. М.: Междунар. отношения, 1995.*
- ПЦ — Перекресток = Цомер: Лит. альм. М.; Тель-Авив.
- P68 — *Самойлов Д. С. Равноденствие. М.: Худож. лит., 1968. Верстка неизд. книги. Авторский экз. хранится в арх. сост., редакторский (следующая корректура) — в арх. А. И. Черноуцана.*
- P72 — *Самойлов Д. С. Равноденствие. М.: Худож. лит., 1972.*
- РГАЛИ-1 — РГАЛИ. Ф. 1465. Оп. 1.
- РГАЛИ-2 — РГАЛИ. Ф. 1465. Оп. 2.
- РГАЛИ-3 — РГАЛИ. Ф. 2931. Оп. 1. Ед. хр. 866.
- С49 — переплетенный машинописный сб. «Стихотворения», составленный Самойловым в 1949 г. Хранится в арх. А. Давыдова.
- СвМ — *Самойлов Д. С. Свеча в метели / Сост. А. М. Гелескул. М.: Зеркало-М, 1999.*
- СК — газ. «Советская культура».
- СМ — журн. «Сельская молодежь».
- Сн — *Самойлов Д. С. Снегопад: Московские стихи. М.: Моск. рабочий, 1990.*
- СО — журн. «Сибирские огни».
- СоСЛ — самодельный машинописный сб.: Д. Кауфман. «Стихи о солдатской любви», с датой на обложке «1944. Белорусский фронт». Хранится в арх. Г. И. Медведевой; 2-й экз. — в РГАЛИ (Ф. 2549. Оп. 1. Ед. хр. 533. Л. 1—27).
- Стх — *Самойлов Д. С. Стихотворения. М.: Сов. писатель, 1985.*
- Стх44 — самодельный машинописный сб.: Д. Кауфман. «Стихотворения», с датой на обложке «1944 г. Польша. Фронт». Хранится в РГАЛИ (ф. 2549. Оп. 1. Ед. хр. 533. Л. 28—49).
- T3741 — рукописная тетрадь с надписью на 1-й странице: «Д. Кауфман. Стихи. 1937—1941. Москва». Хранится в арх. Г. И. Медведевой.
- T44 — тетрадь со стихами 1944 г. Хранится в арх. Г. И. Медведевой.
- T456 — тетрадь 1945—1946 г. Хранится в арх. Г. И. Медведевой.
- T47 — тетрадь со стихами по 1947 г. Хранится в арх. А. Давыдова.
- T48 — тетрадь со стихами по 1948 г. и переводами из Тувима. Хранится в арх. Г. И. Медведевой.

- T5760 — тетрадь 1957—1960 гг. Хранится в арх. А. Давыдова.
T589 — тетрадь 1958—1959 гг. Хранится в арх. А. Давыдова.
T60 — тетрадь 1960 г. Хранится в арх. Г. И. Медведевой.
T61 — тетрадь 1961 г. Хранится в арх. Г. И. Медведевой.
T62 — тетрадь 1962 г. Хранится в арх. Г. И. Медведевой.
T63 — тетрадь 1963 г. Хранится в арх. Г. И. Медведевой.
T645 — тетрадь 1964—1965 гг. Хранится в арх. Г. И. Медведевой.
T668 — тетрадь 1966—1968 гг. Хранится в арх. Г. И. Медведевой.
T6870 — тетрадь «1968 г.—нач. 1971 г.» Хранится в арх. Г. И. Медведевой.
T713 — тетрадь «июнь 1971 г.—1973 г.» Хранится в арх. Г. И. Медведевой.
T745 — тетрадь «1974 г.— август 1975 г.» Хранится в арх. Г. И. Медведевой.
T757 — тетрадь 1975 — 1977 гг. Хранится в арх. Г. И. Медведевой.
T789 — тетрадь 1978 — 1979 гг. Хранится в арх. Г. И. Медведевой.
T7980 — тетрадь 1979 — 1980 гг. Хранится в арх. Г. И. Медведевой.
T81 — тетрадь 1981 г. Хранится в арх. Г. И. Медведевой.
T813 — тетрадь «декабрь 1981 г. — апрель 1983 г.» Хранится в арх. Г. И. Медведевой.
T835 — тетрадь «май 1983 г. — июль 1985 г.» Хранится в арх. Г. И. Медведевой.
T86 — тетрадь «май-июль 1986 г.» Хранится в арх. Г. И. Медведевой.
T869 — тетрадь 1986 — 1989 гг. Хранится в арх. Г. И. Медведевой.
Тл — журн. «Таллин».
ТС — Тарусские страницы: Лит.-худож. илл. сб. Калуга: Калужское кн. изд-во, 1961.
УТ — *Самойлов Д. С.* Улица Тооминга: Стихи и переводы. Таллин: Ээсти Раамат, 1981.
Харитонов — *Харитонов М.* История одной влюбленности // *Харитонов М. С.* Способ существования. М., 1998. С. 341—411.
Чр — *Самойлов Д. С.* Черта / Сост. Г. И. Медведева. М.: Весть, 1994.
Юн — журн. «Юность».

СТИХОТВОРЕНИЯ, ПОДГОТОВЛЕННЫЕ К ПЕЧАТИ АВТОРОМ

1. Зл; ИП1. Автографы — довоенная рукопись с подписью «Д. Кауфман»; Т3741, без загл.; Т48; С49; машинопись. Т3741 подробно описана: Баевский. С. 36—48.

Ст-ние стало визитной карточкой Самойлова и принесло ему признание среди студентов ИФЛИ. О введении Самойлова в круг ифлийских поэтов см.: ПЗ. С. 114—116. Предваряя в кн. подборку ранних стихов, открывающуюся «Плотниками», Самойлов писал: «Для каждого человека приходит срок возвратиться к началу. Для меня пришел этот срок. Эти несколько стихотворений написаны очень давно. Первое — когда мне было семнадцать лет. Последнее — когда было двадцать пять. Критики писали, что я пришел в литературу «готовым». Теперь, когда я обрел читателей, им, может быть, интересно будет знать — как я «готовился», как приутоговлялся. Порой мне кажется, что вкусы мои не очень сильно изменились. Не мне судить» (Зл. С. 107). Ряд текстов в подборке ранних стихов существенно отличается от ред. 1930-х — 1940-х гг., сохранившихся в арх. поэта, и, вероятно, корректировался перед публ. В данном ст-нии различения минимальны: во всех арх. текстах в ст. 3 и 19 вар. «...горожане и воры», а в ст. 30 — «И не слушал,...».

*2. Зл; ИП1. Автографы — рукопись 1938 г., др. ред.; Т3741, др. ред., после ст-ния загл. «Варианты и добавления к «Пастуху»», за которым следует вторая ред. ст. 1—16, доп. вар. ст. 8—10, ст. 25—28 (ст. 29—32 в рукописи 1938 г.) и далее, под загл. «часть II» еще 38 ст.; Т48, совпадает с первым вар. Т3741; С49, с рукоп. правкой, ред. до правки совпадает с первым вар. Т3741; машинопись, совпадающая с первым вар. Т3741, подписанная «Д. Кауфман»; машинопись, совпадающая с правленной ред. С49; машинопись. И довоенные, и послевоенная ред. отличаются от текста, опубл. в подборке ранних стихов в Зл. К ст. 1—16 опубл. текста наиболее близка вторая ред. Т3741 (вар. ст. 3 «В Засурье на пригорках дальних», ст. 8 «Туман болотный стлал полотна», ст. 10 «Из глины и костей животных», ст. 16 «И лезли черви из гнилой коры»), ст. 17—24 с незначительными разночтениями совпадают со ст. 15—22 и рукописи 1938 г., и первой ред. Т3741 (вар. ст. 15 «Он подошел к огню костра.», ст. 22 «И пело эхо в стороне...»), ст. 25—32 почти без изменений имеются в тексте рукописи 1938 г. и ч. II Т3741. При подготовке подборки ранних стихов ст-ние было переработано.

В эссе «Хлебников и поколение сорокового года» (ИП2. С. 284—287) Самойлов писал: «Учась у Хлебникова, я написал стихи "Пастух в Чувашии"».

3. Ок. 1941. № 3, вар. последней ст. «И видели зори...»; Зл; ИП1. Автографы — рукопись, с подписью «Д. Кауфман»; Т3741; Т48; С49; машинопись.

Публикация в журн. подборки стихов своих учеников под назв. «Поэзия студентов Москвы» была организована И. Л. Сельвинским. Кроме ст-ния Самойлова, подписанного «Д. Кауфман», в нее вошли

стихи А. Кронгауза, М. Кульчицкого, С. Наровчатова и Б. Слуцкого. В ТЗ741 после текста ст-ния рукой Самойлова приводится информация о публикации и измененная строка с предваряющим текстом: «Вар. последней строки, сделанный очевидно Сельвинским».

*4. Юн. 1979. № 10, подборка «Фронтовые стихи»; Зл; ИП1. Автографы — ТЗ741, др. ред.; С49, в ред. ТЗ741, с датой. Вероятно, переработано перед публ.

5. ЛР. Автографы — ТЗ741 и С49, в обоих вар. ст. 3 «И розовый глаз...», нет разбивки «лесенкой».

6. БС; ИП1. Автографы — ТЗ741, без загл., вар. ст. 10 «На тонких...»; Т48; С49; машинопись, вар. ст. 15 «Везут...», ст. 20—21 «Как пару ласточек, ладони. / Но был...»; машинопись.

Софья Фоминична (до замужества Зоя Палеолог) (1448—1503) — вторая жена великого князя Московского Ивана III Васильевича, племянница последнего византийского императора Константина XI. Прибыла в Москву 12 ноября 1472 г. и в тот же день в Успенском соборе состоялось ее венчание с Иваном III. *Третий Рим* — доктрина «Москва — третий Рим» была сформулирована старцем Филофеем позднее (первые — в послании Василию III, написанном между 1514 и 1521 гг.). После взятия Константинополя турками (1453) и прекращения выплаты дани хану Золотой Орды (1480) Московское княжество (царство) становится единственной независимой православной державой. Допуская анахронизм, Самойлов точен по сути: брак Иоанна III с наследницей византийских императоров санкционировал притязания Москвы на Византийское наследие.

*7. Юн. 1979. № 10, подборка «Фронтовые стихи»; Зл; ИП1. Автограф — СоСЛ, без загл., дата: «май 1944», др. ред. (опубл.: Зн. 1998. № 6). Вероятно, переработано перед публ.

*8. Юн. 1979. № 10, подборка «Фронтовые стихи»; Зл; ИП1. Автографы — рукопись, 1-я ред., без загл. (опубл.: Зн. 1998. № 6); Т44 и Стх44, та же ред.; С49, 2-я ред. В Т44 расположено между стихами, датированными 10 и 25 сент. 1944 г. Вероятно, ред. С49 корректировалась перед публ.

9. Юн. 1979. № 10, подборка «Фронтовые стихи»; Зл; ИП1. Автографы — Т44, под загл. «Прибытие в Польшу», между стихами, датированными 21 и 28 авг. 1944 г.; блокнотные листки 1944 г., в цикле «Дорога на Польшу», без загл., с подзаг. «IV»; Стх44. Тексты автографов идентичны, вар. ст. 7 «повисшие плети», ст. 10 «Мосток на речушке...», ст. 11—12 «И ливень. И едут солдаты / До Польши, до Польши, до Польши». В дневнике Самойлова имеется запись от 30 июля 1944 г. о пересечении польской границы (ПдЗ1. С. 206).

*10—11. Юн. 1979. № 10, подборка «Фронтовые стихи»; Зл; ИП1. В СоСЛ в цикле 3 ст-ния. Первое (см. раздел «Другие редакции») опубл.: Зн. 1998. № 6. В подборку «Фронтовые стихи» вошли 2-е и 3-е под номерами 1 и 2.

1. Автографы — СоСЛ, подзаг. «II», др. ред.; блокнотные листки 1944 г. и Т44, в ред. СоСЛ; Т47, др. ред., без загл., переделано не ранее мая 1947 г.; С49, в ред. Т47, в цикле «Разговор с друзьями» (опубл.: Зн. 1998. № 2).

...казаки / Дружка убитого встречали — имеется в виду песня К. Я. Листова на слова П. Н. Шубина «Куст ракитовый»: «Ой, шуми ты, куст ракитовый, / Гнись под ветром до земли! / Казаки дружка убитого / На шинели привезли». В 1943 г. песню на те же слова написал А. Н. Вертинский.

2. Автографы — СоСл, подзаг. «III», др. ред.; блокнотные листки 1944 г. и Т44, в ред СоСл.

Как будто с мерным замыслом Гомера — ср. в ст-нии Мандельштама «Есть иволги в лесах, и гласных долгота...» (1914): «Но только раз в году бывает разлита / В природе длительность, как в метрике Гомера». О реминисценциях Мандельштама в 1-й части диптиха см. вступит. статью. Ср. также № 8 («И в шинели укутываются Гомеры»).

*12. Юн. 1979. № 10, подборка «Фронтные стихи»; Зл; ИП1. Автограф — Т456, др. ред., стихи недописаны.

*13. Зл; ИП1. Автографы — Т456, ред. 1945 г., 2-я строфа не закончена; там же, ред. 1946 г., др. вар. 2-й строфы и начало 3-ей. Для публ. Самойлов завершил ред. 1945 г.

Над чем смеешься, страшный конь — реминисценция из «Медного всадника» Пушкина («Куда ты скачешь, гордый конь...»). Зеленая (цвет окислившейся меди) скульптура коня (символ разгромленной Германии) вызывает ассоциации с символом другой империи.

*14. БС; ИП1. Автографы — Т456, Т47, Т48, С49 — 1-я ред.; машинопись-1, 1-я ред.; машинопись-2 (1950-е), 2-я ред.; машинопись-3 (1957), ред., близкая к опубл. (вар. ст. 20 «До смерти или раненья друг»); машинопись-4 с отдельными строфами; машинопись-5, в материалах Мос 1957 г. (РГАЛИ-3. Л. 46—48), ст. 1—12 зачеркнуты, ст. 13 испр. на «Я знал на войне...». Однако, несмотря на явно ред. правку, ст-шие в журн. не опубл. В печ. текст ст. 5—8 не вошли, вероятно всего, по ценз. соображениям, т. к. присутствуют во всех ред. ст-ния, предшествующих БС. Печ. по машинописи-3 (1957) с исправлением ст. 20 по БС.

О фронтовом друге Самойлова *Семене Андреевиче Косове* и бое 26 марта 1943 г. см. гл. «Горняшка» в ПЗ (с. 204—220). Публикуя ст-ние в газ. подборке к 35-летию Победы, Самойлов писал: «Военная судьба развела нас; мы потеряли друг друга, осталось только стихотворение. Стихотворение это более тридцати лет доходило до далекого степного села на Алтае. Когда оно дошло, Семена Андреевича в живых уже не было». (ЛРос. 9 мая 1980. С. 12—13). *И песни будут ходить, как кони* — ср. в ст-нии Хлебникова «Когда умирают кони — дышат...» (1912): «Когда умирают люди — поют песни».

15. Сн. Автографы — Т456; Т47; Т48; С49.

Обращено к Ольге Лазаревне Фогельсон (1924—1977) — первой жене Самойлова.

16. НМ. 1958. № 5, вар. ст. 2—3 «...мягутся в кругу / Бесшумно...», ст. 5 «Безмолвно...», ст. 6—7 «А звезды искрятся и выются, как снег. / И в чутком...», ст. 10 «То кожу...», ст. 12 «То теплою птицей...», ст. 15 «К нам в ноги...»; БС; ИП1. Автографы — С49, отточие вм. ст. 15—18, вар. ст. 6 — «В лицо ему звезды несутся, как снег»; машинопись 1957 г., вар. ст. 7 «И в темном...».

Но разум людской — не вода и стекло, / В нем наше дыханье и наше тепло — переключка со ст. Мандельштама «На стекла вечности

уже легло / Мое дыхание, мое тепло» из ст-ния «Дано мне тело...» (1909) (Баевский. С. 82).

17. БС; ИП1. Автографы — Т48; С49; машинопись 1957 г.

Город зимний, / Город дивный — Ср. зачин ст. Ф. Н. Глинки «Москва» (1840): «Город чудный, город древний...»; Глинка перефразирует Пушкина, писавшего о Петербурге «Город пышный, город бедный...» (1828).

*18. НМ. 1958. № 5; БС; ИП1. Автографы — Т47, Т48, С49 — 1-я ред., без загл.; машинопись. Переработано в 1950-х гг.

Название и сюжет восходят к одноименному фильму (1926; режиссер Ю. В. Тарич; авторы сценария Тарич, К. Шильдкрет, В. Б. Шкловский) о мужике-изобретателе, жившем в царствование Ивана Грозного. *Век железный* — восходящий к Гесиоду образ здесь отсылает к Блоку («Век девятнадцатый, железный...» — «Возмездие»), чье ст. «Авиатор» (1910—1912) полемически переосмыслено Самойловым (см. раздел «Другие редакции»).

*19. БС; ИП1. Автографы — Т48, С49 — 1-я ред.; машинопись 1957 г.; машинопись (РГАЛИ-1. Ед. хр. 2. Л. 10). Переработано в 1950-х гг.

20—23. Цикл в наиболее полном виде включает 5 ст-ний. Самое раннее из них (см. № 668), с первоначальным загл. «Царь Иван» (впоследствии Самойлов несколько раз менял загл. — «Во тьме», «Во мгле», «В тумане»), написано в июле 1947 г. и не публ., хотя о попытках его напечатать свидетельствуют, в частности, включение ст-ния в соерж. сост. в 1956 г. сб. «Сквозь память», а также перепечатка и включение в список не публ. стихов в середине 1960-х гг. В том же 1947 г. написано ст-ние с первоначальным загл. «Письмо Курбского» (здесь: «Томление Курбского»), про которое в 1979 г. Самойлов говорил со-ставителю, что пытался вставить его в каждый сб., и отовсюду его выбрасывают. Однако в имеющихся в арх. поэта машинописных со-держ. различных изд. и неизд. кн., предшествующих ГзХ (не считая С49), эти стихи отсутствуют. Остальные 3 ст-ния опубл. в БС, прич-ем «Смерть Ивана» с ценз. правкой. На своих выступлениях Са-мойлов неоднократно отмечал, что стихи «Смерть Ивана» написаны до 1953 г. В ГзХ Самойлов добавил в цикл «Из стихов о царе Иване» еще 2 ст-ния (см. № 464, 490), не связанные с Иваном Грозным сю-жетом. Вероятно, это было сделано для того, чтобы «Томление Курбс-кого» не слишком «выпирало». В последующих публ. он поочередно вывел эти стихи из цикла. Впервые четыре ст-ния собраны автором в единый цикл в Сн. В арх. имеется также набросок ст-ния, сюжет которого — взятие Казани.

Печ. по Сн.

1. БС; ИП1; Сн. Автографы — машинопись, вар. ст. 3 «...гукают сычи», ст. 5 «И словно степь лежал...», ст. 23—24 «Которые взмывали в небеса / Белей, чем пена или паруса», ст. 26 «...уходила степь», ст. 29—30 «И сны о море / Приходили чаще», ст. 41 «Тянул обоз...»; машинопись.

О море, море — русская мечта. Хотя Ливонская война (1558—1583) закончилась поражением, борьба за выход на Балтику стала одной из констант мифа о Грозном. Так, 3-я серия фильма С. М. Эйзенштейна должна была завершаться фигурами царя и умираю-

щего Малюты Скуратова на фоне достигнутого Балтийского моря, а в эпилоге трилогии В. И. Костылева «Иван Грозный» Петр I на завоеванном балтийском берегу вспоминает своего предшественника.

2. БС; ИП1; Сн. Автографы — Т47, начало; машинопись, с рукоп. датой, вар. ст. 4 «...дума какая томит», ст. 6 «... в окна гремит», ст. 9 «Ты-де, холоп...», ст. 10—11 «Царь-де с тобою ведет разговор! / Думаешь, любо...», ст. 20 «Козни бояре плегут да князья», ст. 22 «Нынче враги тому другу друзья», ст. 25 «Тяжко ли мне?...», ст. 26 «—Плохо тебе...», ст. 33 «Больно тебе?...», ст. 45 «...Он вошел в океан». Дата «1950» проставлена задним числом; машинопись.

Где он, тот друг, и иные друзья — князь Андрей Курбский и обвиненные в измене (1560) Алексей Адашев (?—1561) и священник Сильвестр (?— ок. 1566). *Сын был наследник мне Господом ган* — царевич Дмитрий Иванович (1552—1553), кончина которого была позднее поставлена в вину «заговорщикам»-боярам. Маловероятно, что имеется в виду царевич Иван Иванович (1554—1581), убитый отцом в припадке гнева, т. к. далее в ст-нии упомянут погибший ранее Малюта. *Криком Малюту не вгонись в озноб*. Скуратов-Бельский Григорий Лукьянович (Малюта) (?—1573) — думный дворянин, руководивший опричным террором и ставший символом опричнины.

*3. ГзХ; ИП1; Сн. Автографы — С49, под загл. «Письмо Курбского», 7-я и 8-я строфы в обратном порядке, между ними — строфа, отброшенная в 1980-х гг.; машинопись середины 1960-х гг., с отброшенной строфой из С49 и порядком строф как в Сн; машинопись.

Курбский Андрей Михайлович (1528—1583) — князь, военачальник. В 1564 г. бежал в Литву, откуда направил Ивану Грозному три послания. *Не иду к лысцам твоим в науку* — ср.: «...вместо избранных и достойных мужей, которые не стыдятся говорили тебе всю правду, скружил ты себя сквернейшими прихлебателями» («Третье послание Курбского», 1579: Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XVI века. М., 1986. С. 103). *А высоких духом погубил* — ср.: «Зачем, царь, сильных во Израиле истребил» («Первое послание Курбского», 1564: Там же. С. 17). Остальные мотивы (противопоставление измены царю и измены Руси; предсказание смут) не имеют параллелей в посланиях Курбского, чья позиция поэтом модернизирована.

*4. БС, ценз. правка; ИП1; Сн. Автографы — машинопись, без ст. 30—31, рукоп. дата проставлена задним числом; машинопись с ценз. правкой.

Самойлов игнорирует традиционный («История Государства Российского» Карамзина, «Смерть Иоанна Грозного» А. К. Толстого) сюжет о кончине царя. *«Где же ты, Иване, жены твои?»* Вопреки церковным постановлениям Грозный был женат семь раз. Первые две жены — Анастасия Романова и Мария Темрюковна — умерли своей смертью (1560 и 1569), 3-я — Марфа Собакина — скончалась через три недели после свадьбы (1571), 4-я — Анна Колтовская — была пострижена в монахини, прожив с царем менее полугода (1572), 5-я — Анна Васильчикова — умерла (нач. 1577), пробыв замужем менее двух лет, 6-я — Василиса Мелентьева — не была с царем обвенчана и умерла в 1579 или 1580, 7-й брак — с Марией Нагой — был

заключен в 1580. «*Вот он старший — чернец / Вот он младший — пленец...*» — царевич Федор Иванович (1557—1598; с 1584 — царь) и Дмитрий Иванович (1582—1591).

*24. Мос. 1957. № 5, вар. ст. 3 «Что скорю... И трудно дышать неприязню,»; БС; ИП1. Автографы — С49, вар.; машинопись (РГА-ЛИ-1. Ед. хр. 1. Л. 1—2). В С49 — последнее в разд. «Стихи войны», однако в Т47 в соответствующем разделе отсутствует.

Об октябрьской Москве 1941 г. см.: ПЗ. С. 138—189, Пд31. С. 149. *И осень стомачтовым кораблем* — возможно, отголосок ст-ния А. Рембо «Пьяный корабль», кот. Самойлов переводил в окт. 1941 (см. указ. с. ПЗ и Баевский. С. 46—48). *В тот день начиналась эпоха плаката / С безжалостной правдой: убей и умри* — ср.: «Так убей же хоть одного! / Так убей же его скорей, / Сколько раз увидишь его, / Столько раз его и убей!» (К. М. Симонов. «Убей его». 1942) и военные статьи И. Г. Эренбурга. Ср. также зачин «Песни о ветре» (1926) В. А. Луговского: «Итак, начинается песня о ветре, / О ветре, обутом в солдатские гетры...» *Казалось, что Кремль воспарил над Москвой*. Образ восходит к ст-нию Пастернака «Кремль в буран конца 1918 года».

*25. БС; Р72. Автографы — С49, 1-я ред., под загл. «В переулке»; машинопись, ред. С49; машинопись (РГАЛИ-1. Ед. хр. 1. Л. 13—14). Переработано в 1950-х гг.

Алло Domini (лат.) — Лето Господне, год от Рождества Христова.

*26. Зн. 1948. № 8, под загл. «Новоселье», 1-я ред.; Крг. 1966. № 7. Автографы — С49, 1-я ред.; машинопись.

К 1948 г. сверстники Самойлова уже много печатались. Некоторые из них выпустили книги. Самойлов был уверен, что при желании и он может писать стихи «для печати», и поспорил об этом с С. П. Гудзенко (Баевский. С. 71) или, по другой версии, с А. П. Межировым. В начале 1948 г. он написал цикл из пяти ст-ний, добавил еще одно и отнес в Зн. В дневнике 1948 г. он отмечал: «21 февраля. Отнес шесть стихотворений Тихонову, Вишневскому и Тарасенкову. Стихи довольно банальны по замыслу, но свежи ритмически и являют собой попытку перевести ряд политических убеждений в ряд поэтических ощущений. Я не жду от них большого успеха, но надеюсь, что они обратят на себя внимание при нынешнем бесстишье». «21 апреля. <...> Кажется, стихи мои одобрены Тихоновым. Вишневский, надеюсь, не будет против. Если пойдет четыре, три из шести, я буду рад до смерти. Дал бы Бог! Это нужно не столько мне, сколько людям, которые меня любят — родителям, Ляле <жене. — Комм.>, друзьям». «4 мая. В "Знамени". Шубин говорит, что из моих стихов три или четыре пойдут в июльском или августовском номере. Я рад!» (Пд31. С. 237, 250, 251). Журн. опубл. 3 ст-ния под загл. «Стихи о новом городе». Два из них Самойлов больше не печ., а к «Новоселью» вернулся в конце 1950-х — нач. 1960-х гг. и подкорректировал. В арх. имеется машинопись, предназначенная для ВП. Однако в кн. стихи не вошли.

*27. БС; ИП1. Автографы — С49, 1-я ред.; машинопись (РГАЛИ-1. Ед. хр. 1. Л. 17—18). Переработано в 1956 г. Дата переработки — в тетради с перечнем написанного в 1956 г.

*28. БС.; ИП1. Автографы — С49, с зачеркнутой дополнительной строфой; машинопись 1957 г.; машинопись.

Жаль мне тех, кто умирает дома — ср. со ст. Гумилева: «И умру я не на постели, / При нотариусе и враче...» («Я и вы», 1918).

*29. БС; ИП1. Автографы — С49, под загл. «Первый снег», 1-я ред., дата (опубл.: Россия. 1998. № 7); машинопись; машинопись 1957 г. Включено в подборку машинописных листов для сб. в 1956 г.

*30. Крг. 1966. № 7, др. ред.; Дни, вар. ст. 16 «Эти малые...»; Из; ИП1. Автографы — рукоп. текст на оборотной стороне листа машинописи драматич. поэмы «Сухое пламя»; машинопись-1 с датой, 6-я строфа зачеркнута и вписан вар., близкий к окончат. (ИП1); машинопись-2. Гранки (см. примеч. 32), вар. ст. 4 «...как лучи рождают звук», 4-я строфа отсутствует. Шестая строфа переделана не позднее 1955 г.

31. БС. Автографы — Т47, начало; машинопись (РГАЛИ-1. Ед. хр. 1. Л. 3—9), перед двумя последними ст.: «Ее изготовил / Советский завод», после них: «И это, когда / Не на полный завод»; машинопись 1957 г., та же ред.; машинопись с датой «1948—1950», та же ред.; машинопись, в материалах Мос 1957 г. (РГАЛИ-3. Л. 50—55), та же ред.; машинопись к БС; машинопись 1959 г. В 1951 г. Самойлов отнес стихи в Зн., однако они были возвращены с резолюцией «публикация не представляется возможной».

Когда-то высаживались / В Архангельске. Имеется в виду интервенция войск Антанты на сев. России во время Гражданской войны.

32. Зн. 2000. № 2, под загл. «Двое». Автографы — машинопись с правкой, без загл., с датой, вар. ст. 7 «Его трехрядке вторит»; машинопись 1959 г.; машинопись (РГАЛИ-1. Ед. хр. 2. Л. 4—5). Печ. по автографу РГАЛИ. Ст-ние было передано в Мос, где должно было быть напеч. под загл. «Двое» в 1956 или нач. 1957 г. вместе с № 30, 40, 42. В арх. А. Давыдова имеются гранки страниц журн. с публ. Однако подборка в журн. не появилась. Впоследствии Самойлов изменил загл., что отражено в авторских машинописях и оглавлениях сост. им сб. При жизни поэта ст-ние не печ.

33. БС; ИП1. Автографы — машинопись, 1-е в цикле из 5-и ст-ний «Подмосковье»; машинопись 1957 г. Первоначально Самойлов составил цикл, первыми 4-я ст-ниями которого были № 33—36, а 5-е, «Дубок», никогда не публиковалось, однако затем отказался от идеи объединения.

34. Мос. 1958. № 2, вар. ст. 3 «Темно-зеленый лес», ст. 14 «Без утомительных высот Кавказа»; БС; ИП1. Автографы — машинопись, без ст. 13—16; машинопись, 2-е в цикле «Подмосковье», вар. ст. 8 «...совсем черна», ст. 10 «Лишь только ворон...», ст. 13 «Как я люблю...», без ст. 15, доп. ст. после ст. 16 «Простой сюжет правдивого рассказа»; машинопись 1957 г.

*35. БС; ИП1. Автографы — машинопись, 3-е в цикле «Подмосковье», с вар.; машинопись 1957 г.

Возможно, образ красавицы связан с О. Л. Фогельсон (см. примеч. 15).

36. НМ. 1955. № 7, вар. ст. 4, 5 «...меха...»; БС, с теми же вар.; Р72; ИП1. Автографы — машинопись, , 4-е в цикле «Подмосковье»; машинопись 1957 г. — все с вар. ст. 4, 5 как в НМ.

*37. НМ. 1955. № 7; БС; ЛР, без загл.; Стх; ИП1. Автографы — машинопись, с вар.; машинопись 1957 г.

*38. Дни; Стх. Автографы — машинопись с доп. строфами и вар.; несколько идентичных по тексту машинописных экз., один из них с рукоп. датой «1955», проставленной задним числом. В перечне стихов в Т668 упоминается под загл. «Перед войной».

Судьба играет человеком... — слова из песни о Наполеоне «Шумел, горел пожар московский...», источником которой послужило стихотворение Н. С. Соколова «Он» (1850).

*39. БС; ИП1. Автографы — машинопись-1 неоконч. 1-й ред., без загл.; машинопись-2, без загл. и ст. 21—24, вар.; машинопись-3.

*40. Мос. 1957. № 5, вар. ст. 1 «Не черный цвет и белый цвет», ст. 3 «...был воспет», ст. 29 «И серый свет, и талый снег,»; ВП; ИП1. Автографы — машинопись, с датой, вар.; несколько экз. машинописи с разночтениями в отд. словах; Гранки (см. примеч. 32).

*41. Сн. Автографы — машинопись-1, без загл., ст. 1—16; машинопись-2, под загл. «Палачу не спится», вар.; машинопись-3 с правкой, вар. Включено в перечень стихов, написанных в 1956 г.

42. Мос. 1958. № 2, между ст. 6 и 7 повторяется ст. 13, ст. 12 отсутствует; БС; ИП1. Автографы — машинопись (РГАЛИ-1. Ед. хр. 1. Л. 11), совпадает с журн. ред.; машинопись. Гранки (см. примеч. 32). Включено в перечень стихов, написанных в 1956 г.

43. ВП; ИП1. Автографы — машинопись (РГАЛИ-1. Ед. хр. 2. Л. 7), вар. ст. 6 «Рыданья подушкой глушу»; несколько машинописных экз. Включено в перечень стихов, написанных в 1956 г.

Отец Самойлова — Кауфман Самуил Абрамович (1891—1957), врач-венеролог (см. главу «Сны об отце»: ПЗ. С. 46—60). Др. вар. 1-й строфы, где отец не поет, а читает «Песнь о вещем Олеге» Пушкина — см. № 676. Самойлов рассказывал, что отец пел ему балладу Пушкина, импровизируя мелодию.

*44. НМ. 1990. № 6, без загл.; Сн. Автографы — машинопись-1, без загл., вар.; машинопись-2, рукоп. дата, вар.; несколько экземпляров машинописи с мелкими разночтениями. Включено в перечень стихов, написанных в 1956 г. Посмертная публ. в журн. осуществлена другом Самойлова, проф. медицины В. Б. Малкиным по сохранившемуся у него автографу.

Возможный импульс к созданию ст-ния — «Уступи мне, скворец, уголок» Н. А. Заболоцкого (1946; опубл. в 1-м вып. альм. «Литературная Москва» — М., 1956), где весеннее пробуждение природы и скворца отзывается творческим порывом поэта, отягощенным сомнением («Кто бывает весною горласт, / Тот без голоса к лету останется»). Скворец Заболоцкого скрыто противопоставлен «стальному соловью» Н. Н. Асеева (1922, *credo* автора) и механическому соловью сказки Андерсена, которым не хочет уподобиться воспитанник «железной скворешни». Сказочный мотив «стального сердца» отсылает к «Трем толстякам» Ю. К. Олеши (1924), где наследнику Тутти обманом внушают, что у него «железное сердце». «Литературность» ст-ния подтверждается присутствием в вар. «серебряного голубя» (ср. загл. романа Андрея Белого, 1909).

45. НМ. 1958. № 5; БС; ИП1. Автографы — машинопись с датой, вар. ст. 16 «То уходя, то приходя...»; машинопись. На автографе с датой трудно различить, какой месяц указан: «IV» или «V».

Бомбори (Бомбор) — пос. в Гудаутском р-не Абхазии.

46. Сн. Автографы — два машинописных экз., один из них с правкой, оба — с небольшими расхождениями с Сн и между собой. Включено в перечень стихов, написанных в 1956 г.

47. Мос. 1957. № 5, вар. ст. 20 «И слава тем,...»; Дни; ИП1. Автографы — машинопись (РГАЛИ-1. Ед. хр. 2. Л. 6), вар. ст. 17 «Да он и сам...», ст. 20; машинопись. Включено в перечень стихов, написанных в 1956 г.

*48. Мос. 1957. № 5; БС; ИП1. Автограф — машинопись с правкой. Включено в перечень стихов, написанных в 1956 г.

Наягы — в греч. мифологии нимфы рек, ручьев и озер.

49. НМ. 1958. № 5, вар. ст. 9 «И ему...»; БС; ИП1. Автографы — Т5760; машинопись (РГАЛИ-1. Ед. хр. 1. Л. 15); машинопись, в материалах Мос 1957 г. (РГАЛИ-3. Л. 57).

50. Зв. 1966. № 4. Автографы — Т5760; машинопись, в материалах Мос 1957 г. (РГАЛИ-3. Л. 49).

*51. БС; ИП1. Автографы — Т5760, 1-я ред. датирована «28 апреля», через лист переписано начисто; машинопись 1959 г. В перечне стихов, написанных в 1957 г., датировано маем.

*52. БС; ИП1. Автографы — машинопись-1 с правкой; машинопись-2. Датируется на следующем основании: в списках 1956 г. и 1-й половины 1957 г. ст-ние отсутствует, но рукопись БС сдана в изд-во во 2-й половине 1957 г.

53. СО. 1970. № 7. Автографы — Т5760, ст. 1—6; машинопись.

54. Мос. 1958. № 2; БС; Из; Стх, посвящение «П<етру> Г<орелику>»; ИП1, вар. ст. 15 «...мирные псы...» (правка, скорее всего, редакторская). Автографы — машинопись (РГАЛИ-1. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 16); машинопись. Печ. по Из. Дата определена аналогично № 52.

Посвящение (Стх): Горелик Петр Залманович (р. 1918) — доцент Ленинградской Военной академии тыла и транспорта, к. в. н., близкий друг Самойлова и Слуцкого. Ныне на пенсии.

*55. БС; ИП1 — все без ст. 17—22. Автографы — машинопись-1, начало ст-ния: ст. 1—6, 11—16, 4 доп. ст. (см. раздел «Другие редакции»), 7—10, рукоп. ст. 17—22; машинопись-2, расшир. ред.; машинопись 1957 г.; машинопись (РГАЛИ-1. Ед. хр. 1. Л. 12), без ст. 17—22. Ст. 17—22 в печ. текст не вошли, вероятнее всего, по ценз. соображениям, т. к. присутствуют во всех ред. ст-ния, предшествующих книгам. Печ. по машинописи 1957 г.

...часть ремесла / Не совместимо с суетою — ср.: «Служенье муз не терпит суеты» с последующей темой юности (Пушкин, «19 октября», 1825). *Кричал в тумане коростель ... Забушевали соловьи* — ср. «В траве коростеля я слышу дикий крик, / В лесу стенанье Филомелы» (Жуковский, «Вечер», 1806; «Филомела» — соловей).

56. БС. Автограф — машинопись. Предположительно, ст-ние написано специально для 1-й кн., т. к. не упоминается ни в одном машинописном содерж. сб., сост. ранее. Больше не перепечатывалось. Включено в авт. исполнении в пластинку «Стихи о Партии, о Родине», выпущенную фирмой «Мелодия».

57. Зн. 1962. № 8, вар. ст. 3 «... вновь приснится,»; ВП; Стх. Автографы — несколько машинописных экз. Датируется на следующем основании: в перечне 1957 г. отсутствует, а в перечне стихов в Т60 указано среди стихов, написанных ранее.

58. ВП, без последнего четверостишья, вар. ст. 3 «И скучающие рантьеры», ст. 34 «... вдруг рантьеры.»; P72, без подзаг., тот же вар. ст. 3, 34; Из, подзаг. восстановлен; ИП1. Автограф — машинопись (РГАЛИ. Ф. 2847. Оп. 1. Ед. хр. 196. Л. 2), под загл. «Лошадь». Под этим же загл. упоминается в ряде перечней в тетрадах.

По рассказам Самойлова, внести подзаг. он был вынужден по настоянию редактора, который счел стихи чересчур абстрактными и побоялся, что цензура их не пропустит. Ни к фр. поэту Артюру Рембо (1854—1891), ни к Парижу отношения стихи не имеют. Вынужденное введение в текст Рембо могло быть внутренне мотивировано как антимещанским характером его поэзии вообще, так и некоторыми мотивами ст-ния «На музыке. Вокзальная площадь в Шарлевиле» (1870): противопоставление чинных буржуа и юного поэта, заглядывающего за девичьи корсажи. Перенос места действия во Францию вынудил Самойлова заменить «сердитых пенсионеров» на «скучающих рантьеров» (в ИП1 «пенсионеры» восстановлены). Без подзаг. печ. только в P72. Однако, несмотря на происхождение ценз. характера, подзаг. настолько сросся со стихами, что сост. не счел возможным опустить его. Дата определена аналогично № 57.

Дессу — франц. обозначение всего, что относится к нижнему дамскому белью.

59. Сн. Автографы — T589; машинопись (РГАЛИ. Ф. 2847. Оп. 1. Ед. хр. 196. Л. 1), с незначит. отличиями от Сн.

Распространение пищевых полуфабрикатов — характерная черта второй пол. 1950-х гг. Подтекст — пушкинская эпиграмма на гр. М. С. Воронцова («Полу-милорд, полу-купец...», 1824), где единственной «полной» адресата оказывается подлость.

60. ДП 1960; ВП, без 4-й строфы; Из; ИП1. Автограф — T589, вар. ст. 8 «Круглые грани гор». В арх. Г. И. Медведевой имеется издание ВП с вписанной рукой Самойлова 4-й строфой.

*61. ДП 1960, вар. ст. 3 «В сенях над кадкой звякнет льдом,», ст. 11 «Найдет, ...»; ВП; ИП1. Автографы — машинопись, под загл. «Погода», др. ред.; машинопись (РГАЛИ-1. Ед. хр. 2. Л. 3); машинопись с незначит. изм. в ст. 1 и 3.

62. ДП 1960, вар. ст. 17 «И плач, и спор, и разговор.», ст. 48—49 «...брань и смех, / И спор...»; P72. Автографы — рукопись, без загл., не окончено; машинопись, без загл., незначит. отличия от ДП; машинопись, совп. с ДП. В конце перечня стихов, написанных в 1956 г., запись: «Про гитариста. 24/XII—56». В перечне стихов в T60 указано среди написанных в 1959 г. или начале 1960 г.

И он прошелся для начала / По всем звучащим, всем семи — ср.: «Только взял боец трехрядку, / Сразу видно — гармонист, / Для началу, для порядку / Кинул пальцы сверху вниз» (Твардовский, «Василий Теркин», «Гармонь»). *Играли вальс «Осенний сон»* — вальс «Осенний сон» (музыка А. Джойса) упоминается в ст-нии М. В. Исаковского «В прифронтовом лесу» (1943): «С берез неслышен, неведом, / Слетает желтый лист, / Старинный вальс "Осенний сон" / Играет гармонист». Ст-ние Исаковского положено на музыку М. И. Блантером. Вероятно, мелодию этой песни (см. ниже «Но скоро песня прервалась») и играл гитарист.

*63. НМ. 1961. № 12, без 1-й и 6-й строфы. Автографы — машинопись-1, строфы 1—3 и неоконч. 6; машинопись-2, без 7-й строфы, доп. строфа после 5-й; машинопись-3, ред. НМ; машинопись-4. В ряде автографов вар ст. 12 «Рябина жесткая...». Печ. по машинописи-4. Включено в список стихов в Т60.

Возможно, связано с Тамарой Владимировной Громовой, в пору знакомства с Самойловым — журналистом «Комсомольской правды», позднее — редактором.

*64. Дни; ИП1. Автографы — Т60, вар. продолжения, без посвящения; машинопись-1 1961 г., без посвящения, зачеркнуты доп. строфы; машинопись-2, рукоп. посвящение.

Приезжая в Москву, А. А. Ахматова чаще всего жила на Ордынке у своей подруги Н. А. Ольшевской, жены писателя В. А. Ардова. Самойлов познакомился с Ахматовой в конце 1950-х гг., навестив ее на Ордынке, и в дальнейшем часто встречался с ней во время ее приездов в Москву. Очерк Самойлова «Анна Андреевна» см.: ПЗ. С. 380—387.

65. ДП 1962; ВП; ИП1. Автографы — Т60, наброски, загл. «Латвия»; машинопись, вар. ст. 10 «...молчаливый люд». Включено в список стихов в Т60.

Швабы — одно из герм. племен, используется как нарицательное обозначение немцев вообще.

66. ВП; ИП1. Автографы — Т60, наброски; машинопись, под загл. «Улица Лакстигалас»; машинопись, рук. правка загл. Включено в список стихов в Т60.

По свидетельству Ю. И. Абызова, на ул. Лакстигалас в Риге жила художница Дагмара Кимеле, в гости к которой Самойлова приводил Леон Тоом (см. примеч. 206). *И свободно постигалась / Слагость чуждого наречья* — ср. стихи Мандельштама 1932—1933 гг. о двойственных (притяжение — отталкивание) отношениях с «чужой речью»: «Не искушай чужих наречий, но постарайся их забыть...», с одной стороны, и «К немецкой речи» (где появляется «бог Нахтигаль», т. е. соловей), «Ариост», «Друг Ариоста, друг Петрарки, Тасса друг...» (с формулой «язык солоно-сладкий») — с другой.

67. ТС. Автографы — Т60, ст. 1—2, в сер. листа ст. «Давайте людям объясним / Суть мировых мистификаций», в конце — «Мы не постигли красоту? / Ну что ж! И этого довольно.»; машинопись, среди стихов к ВП. Включено в список стихов в Т60.

*68. ТС. Автографы — Т60, вар. ст. 5—10; машинопись 2 и 3 строф; машинопись.

Ловва — село в Тихвинском р-не Ленинградской обл., в окопах вблизи которого Самойлов в составе пулеметного расчета держал оборону осенью 1942 и зимой 1943 г. (Волховский фронт). В районе станции Мга 26 марта 1943 г. он был ранен в руку. См. главу «Горняшка» в ПЗ (с. 204—220). *Склобы* — населенный пункт в Польше, в районе которого Самойлов воевал в янв. 1945 г. По утверждениям родственников Самойлова, второго ранения у него не было.

69. Зн. 1962. № 8. Автографы — Т60, ст. 1—6; машинопись.

70. ВП, под загл. «Аленушке»; Р72, под тем же загл., посвящение «С<ветлане> Е<всеевой>»; Из; ИП1. Автографы — Т60, без загл. и посвящения; машинопись, в материалах Мос 1962 г. (РГАЛИ-3. Л. 76), без посвящения; машинопись.

Посвящение (P72): Евсеева Светлана Георгиевна (р. 1932) — поэт, живет в Минске.

*71. ВП, 1-я ред.; P72, вар. ст. 22 «...сбито и затерто»; Из; ИП1. Автографы — Б601, наброски, под загл. «Талант»; машинопись-1, вар. ст. 15, 16; машинопись-2. Вошло в первоначальное содерж. ВП (конец 1961 г.). В арх. Г. И. Медведевой имеется издание ВП с рукописной правкой Самойловым ст. 3.

Что вам — славы пестрые заплаты — ср.: «Что слава? — Яркая заплата / На ветхом рубище певца» (Пушкин, «Разговор книгопродавца с поэтом», 1824). *Что вам — низких истин постоянство* — ср.: «Тьмы низких истин мне дороже / Нас возвышающий обман» (Пушкин, «Герой», 1830).

72. ВП; ИП1. Автографы — Б601, строфа 1, вар. продолжения; машинопись. Включено с первоначальное содерж. ВП (конец 1961 г.).

И эти львы, и этот конь — львы у дома кн. Лобанова-Ростовского, на одном из которых сидел во время наводнения Евгений, и конная статуя Петра I («Медный всадник»).

*73. ТС; ВП; ИП1. Автографы — Т60, неоконченная ред.; Б601 — 1-я ред., не окончено; машинопись-1 с правкой ст. 14—16; машинопись-2.

И не гопита чаша сия. Христос в Гефсиманском саду, зная о грядущей казни, молит Господа: «Отче Мой! если возможно, да минует меня чаша сия; впрочем, не как Я хочу, но как Ты» (Мф. 26, 39; ср. Мк. 14, 36; Лк. 22, 42). Мотив гефсиманской «чашы» возникает в первом и последнем из «Стихотворений Юрия Живаго» — «Гамлет» (здесь он соединен с мотивом жизненного пути) и «Гефсиманский сад» — уже известных Самойлову.

74. ВП; Стх. Автографы — Б601; машинопись к ВП.

75. ВП; ИП1. Автографы — Б601; машинопись.

*76. ТС; P68; P72, с вар.; ИП1, ред. P72. Автографы — несколько машинописных вар. с разночтениями; Б601, другое загл., промежуточная ред., машинопись. Включено в P68. Текст в авторском экз. P68 совпадает с ТС, в редакторском — с P72. Печ. по ТС.

Самойлов общался с Заболоцким в Тарусе в июле 1957 г. (см. запись в дневнике от 15 июля 1957 г.: ПДЗ1. С. 289—290). Впоследствии он написал очерк «День с Заболоцким» (ПЗ. С. 388—392), в котором ошибочно указал 1958 г. *Я знаю, что он умирает*. Заболоцкий, чье здоровье было подорвано избиениями на следствии (1938) и пребыванием в лагерях (1939—1945), умер от сердечного приступа 14 окт. 1958 г., в возрасте 55 лет. *Девочка-дочка*. Дочери Заболоцкого Наталье в 1957 г. было 20 лет. *И то, что он мучает близких*. Вероятно, имеется в виду не только тяжелый характер Заболоцкого, но и нарушившее семейную жизнь чувство к Н. А. Роскиной (осень 1956 — зима 1957), отразившееся в поэтическом цикле «Последняя любовь». Различие «человеческой» и «артистической» ипостасей личности художника волновало и самого Заболоцкого («Старая актриса»).

77. ВП, ценз. правка в посл. строке («Свободен — в Болдине...»); P72; ИП1. Автографы — Б601, вар. ст. 8 «И светел стих дождям наперекор», ст. 15 «...Анисье иль Агафье?»; машинописные экз. с ценз. правкой и без. На экз. для ВП зачеркнуто «В Рос-

сии» и дописано от руки «Свободен». В арх. Г. И. Медведевой имеется издание ВП с рукописной правкой Самойловым последней ст. на «В России».

Анисья или Настасья? Во 2-й пол. 1940-х гг. Самойлов переводил стихи Ю. Тувиима. В поэме «Петр Плаксин» (1914) имеются ст.: «В кого же влюбился Плаксин? / ... / В Ольгу? В Анисью? В Настасью?» (замечено Г. И. Ефремовым).

*78. НМ. 1961. № 6; ВП; ИП1. Автографы — Б601 г., 1-я, неоконч. ред.; машинопись, вар. ст. 3—4 «...натянутые рельсы / Пространно...», ст. 20 «Единственную, дорогую», без ст. 21—24.

Сороковые, роковые... — о семантике этого речения, его фольклорных истоках и использовании Блоком (речь «О назначении поэта», 1921 — «Приближались роковые сороковые годы») см.: Баевский. С. 105. Для Самойлова могли быть также актуальными и строки из поэмы Глазкова «Распутица (По глазковским местам)» (1946): «Рванулся год сороковой / Из самой середины века, / Кто знает, что за роковой / Был этот год для человека».

*79. НМ. 1961. № 6; ВП; ИП1. Автографы — машинопись с правкой.

Посвящение: Фогельсон Сергей Борисович (1911—1960) — инженер-энергетик, инвалид войны. Друг Самойлова, двоюродный брат его первой жены, отец ред. изд-ва «Сов. писатель» В. С. Фогельсона (1932—1994), редактировавшего все кн. Самойлова в этом изд-ве, начиная с ВП.

80. ТС. Автографы — машинопись с правкой, под загл. «Алик Рывин»; машинопись, под загл. «Памяти А. Рывина».

Александр Ривин (1915 или 1916—1942) — ленинградский поэт, погиб во время блокады. Его стихи публиковались в зарубежных изд. с нач. 1970-х гг. Представительную подборку см.: Зв. 1989. № 11. С. 178—193 («Забывтый поэт». Стихи Александра Ривина). См. также: Левинтон Г. А. Из черновиков А. Ривина // Поэзия и живопись. Сборник трудов памяти Н. И. Харджиева. М., 2000. Включено в первоначальное содерж. ВП (конец 1961 г.). Д. В. Бобышев пишет, что Самойлов обещал выбросить ст-ние из готовящейся кн., узнав, что стихи Ривина сохранились, но обещание выполнено не было, и ст-ние в кн. осталось. (Бобышев Д. Я здесь. М., 2003. С. 342—343). Вопреки утверждению Бобышева, ст-ние в ВП не вошло и в дальнейшем не переиздавалось; возможно, именно потому, что Самойлов узнал о сохранившихся стихах Ривина. *Где он погиб? В каком подвале?* — зачин одного из ст-ний Ривина: «Вот придет война большая, / Заберемь мы: в подвал».

81. ВП; ИП1. Автографы — Б601 г., 1-я строфа в составе 1-й ред. № 78 (см. разд. «Другие редакции», № 78); машинопись.

Я вспоминаю Павла, Мишу, / Илью, Бориса, Николая — перечисляются молодые московские поэты, погибшие на войне. О предвоенной московской студенческой поэзии см.: ПЗ. С. 111—181. Коган Павел Давидович (1918—1942) — студент ИФЛИ, а с 1940 г. — литинститута, лидер поэтической компании, в которую, кроме него и Самойлова, входили М. Кульчицкий, С. Наровчатов, Б. Слуцкий и М. Львовский. Погиб под Новороссийском. Кульчицкий Михаил Валентинович (1919—

1943) — студент литинститута. Погиб в Сталинградской битве. Лапшин Илья Александрович (1921—1943) — студент литинститута. Смоленский Борис Моисеевич (1921—1941) — погиб в Карелии. Майоров Николай Петрович (1919—1942) — студент истфака МГУ. Погиб под Смоленском. Впрочем, упоминая Бориса, Самойлов мог иметь в виду и Бориса Рождественского, с которым был дружен в 1937—1938 гг., и погибшего на Орловщине студента литинститута Бориса Лебского (1919—1943). В поэме «Снегопад» он перечислял погибших: «Кульчицкий, Коган и Майоров, / Смоленский, Лебский и Лапшин, / Борис Рождественский, Суворов — / В чинах сержантов и старшин / Или не выше лейтенантов — / Созвездье молодых талантов, / Им всем по двадцать с небольшим...» Аукаемся мы с Сережей... Сергей Сергеевич Наровчатов (1919—1981) в предвоенные годы учился одновременно в трех вузах, включая ИФЛИ и Литинститут. Участник Финской и Отечественной войн. С 1965 г. входил в руководящие органы Союза Писателей.

82. ВП; P72, вар. ст. 2 «Запоется — запоет», посвящение «Ю<рию> Л<евитанскому>»; Из; ИП1. Автографы — машинопись, без последней строфы; машинопись. Возможно, изменение ст. 2 в P72 связано с пародированием ее Ю. Левитанским путем замены одной буквы, после чего строка приобрела неприличное звучание. В последующих переизд. ст. 2 восстановлена, посвящение снято.

Шуберт был одним из любимых композиторов Самойлова. Посвящение (P72): Левитанский Юрий Давыдович (1922—1996) — поэт, близкий друг Самойлова.

*83. НМ. 1961. № 12; ВП; ИП1. Автографы — Т61, 1-я ред.; машинопись.

84. Мос. 1963. № 4. Автограф — Т61, ст. 1—4.

*85. Мос. 1963. № 4, вар. ст. 7 «Белого-белого...», ст. 8 «Яркогорячего...»; ВП; ИП1. Автографы — Т61, с вар.; машинопись-1, ред. Т61, вар. ст. 8 «Ясного жаркого лета»; машинопись-2 с рук. правкой строфы 4 к оконч. вар.

*86. Мос. 1963. № 4, под загл. «Земляне», вар. ст. 5 «...это желанье», ст. 20 «Тянут нас...»; ВП; ИП1. Автографы — Т61, 2 строфы написаны весной под загл. «Сказка» и 4 следующие строфы в конце лета; машинопись-1, вар. 5-й строфы и доп. строфа; машинопись-2 к ВП, вар. ст. 6 «...со времен Икара». Ст-ние начато весной 1961 г. после полета в космос Ю. А. Гагарина, но не завершено. После полета Г. С. Титова в авг. 1961 г. Самойлов вернулся к недописанным стихам.

87. Зн. 1962. № 8, вар. ст. 6 «Что пробиваются...»; ВП; ИП1. Автографы — Т61, 1-я ред.; машинопись к ВП.

88. НМ. 1961. № 12, под загл. «Как на ладони», вар. ст. 2 «Под звездами...»; ВП; ИП1. Автографы — Т61; машинопись с правкой.

89. НМ. 1963. № 3; ВП; ИП1. Автографы — Т61; машинопись, без эпиграфа, вар. ст. 24 «(И поэта порой награждали)»; машинопись.

Эпиграф, скорее всего, вымышленный. Самойлов любил мистификации и предупреждал: «К ссылкам в моих стихах относитесь с осторожностью». По воспоминаниям современников, сотрудники Музея-квартиры Пушкина на Мойке восприняли ст-ние на свой счет

и обиделись. «Хочется пе...» / То ли песен? / А то ли печенья? Вероятно, эти строки и задел музейщиков, усмотревших в них намек на Пушкина, просившего перед смертью морошки. Интерпретация сомнительная (с тем же успехом можно вспомнить Чехова, просившего перед смертью шампанского), но пушкинский след здесь есть: двойное прочтение последних слов поэта напоминает о двух вариантах судьбы Ленского («Евгений Онегин», гл. VI, XXXVII—XXXIX).

90. Дни; ИП1. Автографы — Т61 без загл; машинопись.

91. Вста; Сн, вар. ст. 22 «От упреков...», ст. 27 «...бесстрашная свобода»; СвМ. Автограф — Т61, вар. ст. 13 «Строгий дух ее начал», ст. 22, ст. 23 «Героизм...», ст. 27. В Вста ст-ние процитировал Г. И. Ефремов (см. примеч. 547) в тексте интервью с Василем Быковым, воспроизведя его по памяти с утерянного автографа. Самойлов как минимум дважды восстанавливал текст ст-ния. Печ. по СвМ, где А. М. Гелескул, по-видимому, более точно воспроизвел утерянный автограф.

92. Зн. 1962. № 8, вар. ст. 13 «... как будто листва»; ВП; ИП1. Автографы — Т61; несколько экз. машинописи с разночтениями в отд. словах.

*93. ВП; ИП1. Автографы — машинопись-1 с зачеркнутой строфой и несущественной правкой; несколько экз. машинописи с несущественной правкой; машинопись, в материалах Мос 1962 г. (РГАЛИ-3. Л. 74—75). В оглавлении машинописного сб., сост. в начале 1961 г., отсутствует, а в рабочем содерж. ВП (конец 1961 г.) имеется.

94. ВП; ИП1. Автографы — машинопись с правкой, под загл. «Деревянные вагоны» (начинается с 23-х ст., впоследствии открывающих гл. «Рубежи» поэмы «Ближние страны», далее следуют 16 ст. начала ст-ния); машинопись. В оглавлении машинописного сб., сост. в начале 1961 г., отсутствует, а в рабочем содерж. ВП (конец 1961 г.) имеется.

*95. ВП, вар. ст. 39 «Чей умысел здесь? Злобный разум чей?»; Р68; Р72; Из, ред. ВП; ИП1, ред. ВП. Автографы — машинопись-1, доп. строфа в конце; машинопись-2; машинопись-3 для ВП, ст. 39 как в ВП. Включено в рабочее содерж. ВП (конец 1961 г.). Ст. 39 была изменена в 1-й публ. по ценз. соображениям. В Р68 и Р72 восстановлена, но затем ст-ние опять публ. в ред. ВП. В арх. Г. И. Медведевой имеется издание ВП с рукописной правкой Самойловым ст. 39. Печ. по Р72.

Шварц Бертольд (1310—1384) — создатель новой конструкции пушек, которому ошибочно приписывают изобретение пороха.

*96. Сн. Автографы — машинопись-1, без загл. и двух посл. строф, доп. строфа после 1-й, на бумаге 1961 г.; машинопись-2 в подборке со стихами 1956—1957 гг., загл. «Лихолетье», с той же доп. строфой и мелкими разночтениями; машинопись-3 (РГАЛИ. Ф. 2847. Оп. 1. Ед. хр. 196. Л. 1—2), под загл. «Телевизор», текст совпадает с предыдущим автографом.

*97. Сн. Автограф — машинопись-1, под загл. «О Дядькине и звездах», вар. отд. слов; машинопись-2 с правкой, без загл., вар. 9-й строфы, доп. строфы, вар. отд. слов, в ст. 15 «венец мироздания» зачеркнуто и заменено на «вершина творенья».

Альгебаран — звезда в созвездии Тельца. *Работой усердных гиббонов / И трудолюбивых горилл* — ироническая отсылка к статье Ф. Энгельса «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека» (1876), обязательной для изучения в советских школах и вузах.

98. КП. 1962. № 244. 18 окт.; Вст. Автограф — машинопись с правкой.

Еще дышали жаром боя. Поручик описывает Бородинское сражение, произошедшее 26 авг. (7 сент.) 1812 г. (Ниже упоминается осень, но Москва еще не оставлена.) *Парни, Шенье, Дигро, Декарта.* Имена французских поэтов и мыслителей здесь выступают как знаки культурной ориентации. До 1819 г. поэзия Андре Шенье (1762—1794) была неизвестна не только в России, но и во Франции. *Отбитый у французов флешей.* Находящиеся на левом фланге Семеновские флешки несколько раз переходили из рук в руки. Командование левым флангом русских войск после смертельного ранения П. И. Багратиона принял М. А. Милорадович, убитый на Сенатской площади 14 дек. 1825 г. П. Г. Каховским (в Бородинской битве не участвовал). *Пестель-прапорщик.* Будущий вождь Северного общества Павел Иванович Пестель (1793—1826), прапорщик лейб-гвардии Литовского полка, был при Бородине тяжело ранен и награжден золотой шпагой за храбрость. *Ты пистолет уронишь в снег.* В «Кюхле» Тынянова герою не удается в день восстания выстрелить в вел. кн. Михаила Павловича, т. к. в его пистолет набился снег.

99. Дни. Автограф — Т62, вар. ст. 9—11 «... шелесту листвы, / И когда протягиваю руку, / Прикасаюсь к сердцу бытия».

100. P72. Автограф — Т62, без посвящения.

Посвящение: Кросс Мария — дочь эст. писателей Яана Кросса (р. 1920) и Эллен Нийт (р. 1928), с которыми Самойлов был дружен и стихи которых переводил. В Таллине вышла кн. на рус. и эст. яз. со стихами Самойлова и Кросса, их переводами друг друга, и заметками друг о друге. (Бездонные мгновения. Таллин: Ээсти раамат, 1990). Из дневника 1964 г.: «27 декабря. В Таллине. Меня встретил Яан Кросс, с которым сразу заговорили, как будто виделись вчера. Снова обнадеживающее чувство населенности земли поэтами. Яан — умный, благородный и собранный человек». «28 декабря. <...> К вечеру пошел в гости к Кроссам. Эллен — милая, добрая. Чудные дети — Томас и Мария. У них отдыхал душой, оттаивал, чувствовал себя у своих». (ПД31. С. 365—366).

*101. ВП; ИП1. Автографы — Т62, 1-я ред.; машинопись, вар. ст. 7—8 «Под визг свисающих с райка / Ожесточенных женщин». Упоминается в дневнике в записи от 24 дек. 1962 г. в списке стихов, написанных с лета (ПД31. С. 317).

Полемичность ст-ния объясняет запись в дневнике от 13 дек. 1962 г.: «Видел Женю Евтушенко. Прочитал ему «Матадора». Он в ответ прочел стихи оправдательные — «Золушка». Я предложил напечатать оба рядом. И все же я его люблю» (ПД31. С. 314).

*102. Мос. 1963. № 4, вар. ст. 1 «Тяжелая крона набрякла, промок-ла», ст. 6 «И дева шатается...», ст. 13 «Она проступает мгновенно...», ст. 17 «...во мгле»; ВП; ИП1. Автограф — Т62, без последней строфы, вар.

103. ДП 1962; ВП; ИП1. Автографы — Т62; машинопись.

И старик Державин / Нас не заметил, не благословил — перифразированные ст. Пушкина из 8-й гл. «Евгения Онегина» «Старик Державин нас заметил / И, в гроб сходя, благословил». *Оборону под деревней Лодвой* — см. примеч. 68. *Некому и лиру передать*. Ср. набросок Державина «Тебе в наследие, Жуковской! / Я ветху лиру отдаю; / А я над бездной гроба скользкой / Уж преклоня чело стою» (1808). Использование этих строк для описания благословения Державиным Пушкина-лицеиста восходит к роману Ю. Н. Тынянова «Кюхля» (1925), главный герой которого восклицает: «Александр! <...> Тебе Державин лиру передает». ...льстец. Это обвинение сопровождало Державину с публикации «Фелицы» (1783), постоянно им оспаривалось и пережило поэта. ...и в чинах. Державин занимал посты губернатора, сенатора, министра, члена Государственного совета, в отставку вышел действительным тайным советником.

104. ВП; ИП1. Автограф — машинопись. Упоминается в дневнике в записи от 24 дек. 1962 г. в списке стихов, написанных с лета.

105. ВП; ИП1. Автографы — машинопись, в материалах Мос со штампом от 5 сент. 1962 г. (РГАЛИ-3. Л. 77); машинопись. Упоминается в дневнике в записи от 24 дек. 1962 г. в списке стихов, написанных с лета.

Вероятно, связано с Анной Анатольевной Наль (р. 1942; поэт, переводчик). *Круглый дом с кринолинами клумб* — здание на Поварской (при сов. власти — ул. Воровского), в котором располагалось правление СП СССР, традиционно отождествлялось с домом Ростовых.

106. Дни; ИП1. Автографы — Т62, не окончено; машинопись. Упоминается в дневнике в записи от 24 дек. 1962 г. в списке стихов, написанных с лета.

107. Сн. Автографы — машинопись-1, без ст. 9—12, с мелкими расхождениями в ст. 5—8, на одном листе с 1-й ред. № 712; машинопись-2. Упоминается в дневнике в записи от 24 дек. 1962 г. в списке стихов, написанных с лета.

108. Дни; ИП1. Автограф — машинопись с правкой, под загл. «При музыке», вар. ст. 23—24 «Складочка у рта. Ах, слишком рано, / Слишком рано. Жаворонок. Жанна» (отсылка к пьесе Жана Ануя «Жаворонок», 1943, посвященной Жанне д'Арк); машинопись с тем же текстом, загл. отсутствует. Упоминается в дневнике в записи от 24 дек. 1962 г. в списке стихов, написанных с лета.

Возможно, связано с Раушанией Аглиуловной Яруллиной (1924—2003; врач).

109. НМ. 1963. № 3, вар. ст. 19 «Раздавила пальцы...»; Дни; Р72, вар. ст. 16 «Легче перышка...»; Из; ИП1. Автограф — машинопись. Упоминается в дневнике в записи от 24 дек. 1962 г. в списке стихов, написанных с лета.

110. Зв. 1966. № 4, вар. ст. 12 «Вдруг угадаешь...»; Дни; Стх. Автографы — Т62; машинопись — оба без посвящения, вар. ст. 12.

Посвящение: Иванов Всеволод Вячеславович (1894—1963) — писатель. Самойлов часто навещал Иванова в Переделкино. Ему посвящена гл. ПЗ «Из третьего воспоминания». По мнению Г. И. Медведевой, несмотря на посвящение, ст-ние обращено к С. Г. Евсеевой (см. примеч. 70).

111. Сн. Автографы — Т62, ст. 1—8; машинопись с правкой с датой.

*112. Зв. 1966. № 4, вар. ст. 22 «Спокойный...», ст. 32 «По ве нам...», ст. 33 «Я понял, что...»; Дни; ИП1. Автографы — Т62, 1-я ред., дата «4 апреля»; машинопись-1 с правкой и датой, вар. ст. 30—34; машинопись-2, отличающаяся от предыдущей ст. 33—34.

По мнению Г. И. Медведевой, обращено к тому же лицу, что и № 116, 261; раскрыть имя не представляется возможным.

*113. Неделя. 1963. 21 дек. Автографы — машинопись-1 1950-х гг., 1-я ред.; машинопись-2.

114. Мос. 1965. № 1. Автографы — Т63, без загл.; машинопись, вар. ст. 7 «...мира мелкие...»; машинопись.

*115. ДП 1977; Вст. Автограф — Т63, без загл., вар., доп. строфы.

*116. Дни. ИП1. Автограф — Т63, набросок ст. 1—8; там же 1-я ред.

*117. Р68; МК. 1995. № 100. 31 мая, под загл. «Рождение», доп. строфа. Автографы — Т63, без загл., текст совп. с МК; машинопись. На редакторском экз. Р68 над ст-нием карандашная надпись: «Не печатать», ст-ние перечеркнуто. Печ. по Р68. При жизни поэта ст-ние не печаталось.

И я опять рождаюсь — как в шоне. День рождения поэта — 1 июня.

118. Дни; ИП1. Автограф — Т63, загл. «Колыбельная про себя». Во время написания ст-ния сыну Самойлова Саше было 10 лет.

*119. Дни; ИП1. Автографы — Т63, 1-я ред.; машинопись с правкой. Адам Мицкевич в 1815—1819 гг. учился в Виленском ун-те. *O, Litwo, ojczyzno moja* — ст. из поэмы Мицкевича «Пан Тадеуш», выложенная кирпичом на стене дома, в котором жил поэт, на ул. Литерату в Вильнюсе.

*120. Зв. 1966. № 4, вар. ст. 9 «И сам творец...», ст. 20 «То стройное...»; Дни; ИП1; Автографы — Т63: в той части, где записаны июньские ст-ния, др. ред. с несколькими ст., вошедшими в окончательный текст; в конце той же тетр. 4 строфы, вар.

121. НМ. 1964. № 7, под загл. «Набросок портрета»; Дни; Р72, вар. предпоследней ст. «В бессмертье громкое...»; Из; ИП1. Автограф — Т63, без загл. и трех последних ст. Книжный вар. загл. В. И. Соловьев назвал «безликим редакторским названием» (Соловьев В. Последний перевал // Ок. 1990. № 5. С. 200—203), имея в виду, что инициатором смены загл. был не Самойлов.

122. Сов. Эстония. 1964. № 298. 12 дек., вар. ст. 36 «Не по злобе...»; Дни, вар. ст. 9 «...бьет лейб-гвардеец»; Р72; ИП1. Автографы — машинопись (ст. 1—17), рукописное продолжение (ст. 18—31); рукопись, ст. 32—35; машинопись с датой.

Vogonaga застывшего миг — полемически переосмыслены строки ст-ния Баратынского «Так яркий ток, оледенев, / Над бездною висит» («Взгляни на лик холодный сей...», 1825), ставшие символом перехода от действия к рефлексии. Баратынский (автор ст-ния «Череп», 1824, 1826) был уподоблен Гамлету Пушкиным («Послание Дельвигу», 1827). (Ошибочно связываемое с личностью Грибоедова ст-ние Баратынского было использовано Ю. Н. Тыняновым как эпиграф к роману «Смерть Вазир-Мухтара», 1927).

123. Крг. 1965. № 3; Дни; ИП1.

*124. Мос. 1965. № 1, без ст. 5—8, вар. ст. 1 «Все меньше...», ст. 3 «Все больше...», ст. 14 «Разочаровывает...»; Сн. Автографы — машинопись-1 (1956 г.), ст-ние, послужившее прообразом комментируемого; машинопись-2, 6 строф неоконченного ст-ния, др. ред.; машинопись-3 неоконченного ст-ния из 4 строф, др. ред.; машинопись-4 с датой, вар. ст. 1, 3, 14. 4-я строфа — переделанная 1-я строфа ст-ния 1956 г. (машинопись-1, см. раздел «Другие редакции»).

И нет священной злости, нет. Словосочетание «святая злоба» появляется в поэме Блока «Двенадцать» (гл. 1), подготавливая убийство Катюшки (гл. 6) и реплику «Уж я ножичком / Полосну, полосну!...» (гл. 8). *Зачем, губительный стилет, / Тебе уподобляют слово!* и далее. Ср. у Лермонтова («Кинжал», 1838; «Поэт», 1838; ср. также: «О, как мне хочется смутить веселость их / И дерзко бросить им в глаза железный стих, / Облитый горечью и злостью!..» — «Как часто, пестрою толпою окружен...», 1840).

125. Сн., вар. ст. 12—13 «И уже не.., / Я уже...». Автографы — Т645; машинопись, без второй строфы. Печ. по Т645. По сообщению Г. И. Медведевой, Самойлов вставлял ст-ние во все сб., начиная со сб. Дни, но редакторы полагали текст непроходимым.

*126. Дни; ИП1. Автографы — Т645, без загл., 1-я ред.; машинопись, 1-я ред.

Эшби Уильям Росс (1903—1972) — английский психиатр, специалист по кибернетике. В 1964 г. в Москве вышла его кн. «Конструкция мозга. Происхождение адаптивного поведения». *Не хочется верить писателю Кафке.* В янв. номере журн. «Иностранная лит.» за 1964 г. впервые в СССР были опубл. два рассказа Ф. Кафки — «Превращение» и «В исправительной колонии».

127. Дни; ИП1. Автографы — Т645; машинопись.

Где Бог, там гух и прах. В переводе Самойлова ст-ния Ю. Словацкого «Смерть, что тринадцать лет при мне стояла...», написанного на смерть Николая I, имеются ст.: «...Народ вскричал: "То три царя, три сферы, / Чей образ был единым до могилы, / И первый — дух и прах, он был царь веры, / И прах и дух — второй, он был царь силы..."» (замечено Г. И. Ефремовым).

128. Дни; ИП1. Автографы — Т645, вар. ст. 15 «И я не моло ни наград, ни пощады»; машинопись.

129. Мос. 1965. № 1, вар. ст. 1 «И постепенно устает вода», ст. 13—14 «... оледенеть, / Ей предстоит уже не петь — звенеть»; Дни; Р72, посвящение «Н. Л<любимо>ву»; Из; ИП1.

Посвящение (Р72): Любимов Николай Михайлович (1912—1992) — переводчик, автор переводов на рус. яз. многих произв. мировой классики. Редактор книги переводов Самойлова «Поэты—современники» (М., 1963), открывшей серию «Мастера поэтического перевода». Автор предисловия к Р68. Самойлов и Любимов дружили с конца 1950-х гг.

130. НМ. 1965. № 1, без посвящения; Дни; ИП1. Автограф — Т645, без загл., посвящения и 3-й строфы.

Посвящение: Ласкина Евгения Самойловна (1914—1991) — зав. отд. поэзии журн. «Москва» (1956—1962), друг Самойлова.

131. МЛ. 1979. 21 дек.; Вст; ИП1. Автограф — Т645, зачеркнутое загл. «Девочка».

132. Дни; ИП1. Автограф — Т645.

133. ДН. 1977. № 5, вар. ст. 8 «...Чувствую — им увядать недалеко»; Вст; ИП1. Автографы — Т645; машинопись с правкой (РГАЛИ-2. Ед. хр. 2. Л. 47); машинопись.

...прозу презренную бросить. «Презренная проза» — выражение, неоднократно употреблявшееся Пушкиным («Граф Нулин», переписка).

134. Дни; ИП1. Автографы — Т645; Машинопись.

135. Дни; ИП1. Автограф — Т645, без загл.

К теме Пугачева Самойлов обращался неоднократно. В 1963 г. он писал ст-ние «Емелька», в 1978 и нач. 1980-х гг. фантазировал на тему взятия Пугачевым Москвы. Эти замыслы остались незавершенными. Мчится конная колонна / Бить Емельку Пугача. Разбитый И. И. Михельсоном в авг. 1774 г., Пугачев бежал в заволжские степи, 14 сент. был схвачен сподвижниками для выдачи. Мои князи и графья. Провозгласивший себя Петром III Пугачев присваивал соратникам титулы и имена российских вельмож. Устинья — жена Пугачева. Был, мужик, я птахой мелкой, / Возмечтал парить орлом — соединены ответ Пугачева гр. П. И. Панину («Я не ворон <...> я вороненок, ворон еще летает»), известный по пушкинской «Истории Пугачева», и калмыцкая сказка, которую Пугачев рассказывает Гриневу в «Капитанской дочке» (гл. XI). Предадут меня сегодня. В той же главе «Капитанской дочки» Пугачев говорит: «Ребята мои умничают. Они воры <...> при первой неудаче они свою шею выкупят моею головою».

136. МК. 1965. № 284. 31 дек., вар. ст. 9 «И были дни, как шерсть и мех»; Дни; ИП1. Автограф — Т645.

О зашифрованном адресате см. вступит. статью. Ср. написанные немногим ранее и оставшиеся неопубликованными № 731—732, также обращенные к Галине Ивановне Медведевой (р. 1938), второй жене Самойлова (ныне — публикатор архива Самойлова, подготовила к печати значительную часть посмертных изданий поэта), первое из которых строится на сходной тайнописи. Прием перечисления женских имен использован в раннем игровом ст-нии С. И. Кирсанова «Девичий именной»; ср. в частности: «Легкой выправкой / оленей / мчатся / гласные в Елене <...> Тронь, и вздрогнет / имя — Анна — / камертон, / струна, / мембрана». Позднее перечень женских имен появится в № 756.

137. Дни; ИП1. Автограф — Т645.

138. Мос. 1966. № 5, вар. ст. 6 «...Хоть бы мог...», ст. 61 «...о граждан умножень»; Дни, с ценз. правкой ст. 50 «На гения отыщется злодей»; ИП1. Автографы — Т645; машинопись (РГАЛИ. Ф. 2549. Оп. 3. Ед. хр. 514). Вар. ст. 79 «Но кто еще в России, кроме них?» — в авторском чтении на пластинке в Крг (1966. № 7).

Замысел произведения о встрече Пушкина с Пестелем возник у Самойлова давно. В арх. А. Давыдова имеется листок с выписками из дневника Пушкина: «9 апреля (1821 г.) Утро провел с Пестелем; умный человек во всем смысле этого слова. Мы с ним имели разговор метафизический, политический, нравственный и проч.»; «Сердцем я материалист, но мой разум этому противится» (см.: Пушкин А. С.

Полн. собр. соч.: В 10 т. Л., 1978. Т. 8. С. 16; Самойлов приводит цитаты по-русски). В Т61 в нескольких местах Самойлов делает записи с заголовком «К Пестелю». 2 окт. 1963 г. он пишет в дневнике: «Два замысла: один давний, другой новый. Сцены о Пушкине и декабристах. 1. Пушкин и Пестель в Кишиневе. 2. Пушкин в Каменке. (Почему декабристы его «не взяли»). 3. Пушкин после казни дек[абристов]. Попробуй-ка подумать за Пушкина!..» 6 дек. 1963 г., находясь в Молдавии: «Думал о Пушкине и Пестеле». 14 марта 1964 г.: «На сцены о Пушкине и декабристах у меня терпения не хватит. Нужно написать короткий рассказ о Пушкине и Пестеле. В него можно уложить все главное — что Пушкин умнее Пестеля и противоречивее, и точнее его» (ПдЗ1. С. 339, 344, 354). Историю возникновения в ст-нии образа Анны Самойлов записал в 1973 г.: «Один критик придумал, что Анна <...> идет от "Каменного гостя". На самом деле было так. Лет пятнадцать тому, как мы с Левитанским приехали в Кишинев и жили бедно и весело в гостинице "Кишинеу". Емельян Буков <...> позвал нас в сомнительный дом ресторанный лабуха, где мы пили полночи. Светало, когда мы возвратились в свой номер. Юра лег спать. А мне не спалось от чувства отвращения. Я вспомнил милый голос телефонистки гостиничного коммутатора. Поднял трубку, и мы поговорили до утра. Это была восемнадцатилетняя Анна Ковальджи, обладавшая даром откровенности. В тот раз я ее не увидел. Получил лишь фотографию и букет белых роз в день рождения. Я разыскал ее лет через пять. Она была уже замужем. До этого я написал ей несколько писем. Кажется, мы оба были разочарованы. "Эх, Самойлов!" — сказала она. Замысел о Пушкине и Пестеле давно меня томил. Я даже думал написать об этом пьесу. Анна явилась в стих как претворенное воспоминание» (Г. Медведева. О Пушкиниане Давида Самойлова // ЛГ-Досье. 1990. Июнь. С. 8). См. ст-ние «Был вечер, полный отвращенья...» (№ 743), связанное с описанным случаем.

И не из Брутов ли Наполеон? Бонапартовские амбиции в вину Пестелю ставили многие члены тайных обществ. *Мужицкий бунт бессмыслен.* «Не приведи Бог видеть русский бунт — бессмысленный и беспощадный» («Капитанская дочка», пропущенная глава). *В политике кто гений — тот злодей.* «А гений и злодейство — / Две вещи несовместные. Не правда ль?» («Моцарт и Сальери»). *...разговор / Был славный...* Круг тем разговора и его определения заданы обраченными к Кюхельбекеру строками ст-ния «19 октября» (1825): «Поговорим о бурных днях Кавказа, / О Шиллере, о славе, о любви». Замена Шиллера Дантом актуализирует тему поэта-изгнанника и вновь (см. вступит. статью) напоминает об Ахматовой. *Ликург* (9—8 в. до н. э.) — спартанский законодатель, которому приписывается создание институтов спартанского общественного и гос. устройства. *Солон* (между 640 и 635 — ок. 559 до н. э.) — афинский архонт-реформатор. Упоминание крупнейших античных законодателей отражает конституционные намерения декабристов. *Испиланти* Александр (1792—1828) — генерал-майор русской службы, руководитель антиосманского восстания в Молдавии (1821), ставшего сигналом к началу греческой национально-освободительной революции. *Он эту фразу записал в дневник — / О разуме и сердце.* В пушкинском дневнике фраза приведена

по-французски. Самойлова она должна была заинтриговать сходством со строкой из пушкинского «Безверия» (1817): «Ум ищет Божества, а сердце не находит».

139. Зв. 1966. № 4; Дни; ИП1. Автограф — Т645, ст. 1—2.

И всех, кого любил, / Я разлюбить уже не в силах!.. — противопоставление стихам Блока «Я всех забыл, кого любил...» («Сердце предано метели», 1907).

140. Искусство кино. 1968. № 5. Автограф — Т645, вар. ст. 4 «Француза—неореалиста».

Об ориентации на «Кинематограф» (1913) Мандельштам см.: Бавский. С. 135.

141. Зв. 1966. № 4, под загл. «Читая фантастов...», без посвящения, вар. ст. 7 «...звон его кимвал», ст. 11 «...созвездья, корабли —»; Дни; ИП1. Автограф — Т645, без загл.

С польским писателем-фантастом Станиславом Лемом (р. 1921), которому посвящено ст-ние, Самойлов был знаком лично. Запись в дневнике от 19 окт. 1965 г.: «Днем поехал в Дубну от "Кругозора" выступать в пестрой компании со Станиславом Лемом и Фр. Лемарком. Лем — тихий человек, замкнутый с виду, в очках, лет сорока с гаком. Во время банкета удалось перекинуться с ним парой откровенных слов. Как я и предполагал, в научной фантастике его меньше всего интересуют фантастика и наука» (Пд32. С. 23). *Чтс, если море — мыслящее существо* — вариации на тему романа Лема «Солярис» (1961; русский перевод — 1963), где таким существом и является инопланетный океан.

142. Дни; ИП1. автограф — Т645.

143. Дни; ИП1. автограф — Т645 без загл.

В сент. 1965 г. Самойлов ездил в Венгрию как один из переводчиков на рус. яз. венг. поэта Миклоша Радноти (1909—1944). Запись в дневнике от 18 сент. «Сиглигет на Балатоне. Крепость на вершине горы (руина XIII в.). Внизу — селение, пыльное, но симпатичное, с новыми каменными домами под черепицей и камышом, просторными, крашенными в приятные цвета. Виноградники на склоне горы. Ниже — кукуруза, перец, тыквы. За камышовой зарослью — Балатон. Туманные холмы на том берегу. <...> Мы живем в бывшем замке венгерского князя. <...> Вокруг — парк со старинными дворянскими деревьями, огромными, ветвистыми и важными, какие бывают только в таких парках — платаны, дубы, каштаны» (Пд32. С. 18). *Мне кажется, что вы — оживший образ...* — обращено к венг. поэту, переводчику Анне Беде (р. 1926) (см.: Пд32. С. 20—23).

144. МК. 1965. № 284. 31 дек., с опечатками. Автограф — машинопись с правкой, дата. Печ. по автографу.

145. СО. 1970. № 7. Автограф — машинопись.

По свидетельству Г. И. Медведевой, поводом к созданию ст-ния послужили реальные наблюдения во время прогулки в Горьком. *Бангера росса* (красное знамя) — итальянская революционная песня.

146. Дни; ИП1. Автограф — Т668.

147. НМ. 1967. № 3; Дни; ИП1. Автограф — Т668, не закончено.

148. Смена. 1972. № 16. Автографы — Т668; машинопись.

Шангал — большой подсвечник.

149. Дни; ИП1. Автографы — Т668; машинопись.

По свидетельству Г. И. Медведевой, ст-ние написано после получения письма от С. Г. Евсеевой (см. примеч. 70).

150. Дни; ИП1. Автограф — Т668.

Похищение сабинянок — согласно легенде, захват римлянами под водительством Ромула незамужних женщин племени сабинян, обусловленный нехваткой женщин в недавно основанном городе. Имеется в виду замужество С. Г. Евсеевой и переезд ее в Минск.

151. Дни; Из, с опечаткой в ст. 4; ИП1, с той же опечаткой; Сн. Автограф — Т668, неоконч. ред., написанная белым стихом, за ней ред. Дни, обе без загл.

Дому на Александровской пл. (ныне — пл. Борьбы), в котором прошло детство Самойлова, посвящены главы ПЗ «Дом» и «Квартира» (с. 17—46). Ср. более раннюю разработку темы в № 700.

*152. Дни; ИП1. Автографы — Т668, под загл. «Ветреный день», вар.; машинопись. Во всех публ. 4-я строфа снята, вероятно, по ценз. соображениям. Печ. по машинописному автографу.

153. НМ. 1967. № 3, без эпиграфа, вар. ст. 2 «Что не стало...»; Дни, доп. ценз. правки ст. 10 «Не парадные...» и ст. 55 «...рая и ада»; Р68; Р72, те же правки, эпиграф; ИП1. Автограф — Т668, под загл. «Отпевание Анны Андревны», вар. ст. 21 «...старых крыла», ст. 26 «И хотя я не ведал о том», ст. 49 «Одобрят...», ст. 53 «Много раз...», ст. 55 «Все пределы...». В редакторском экз. Р68 вар. ст. 2 «О кончине ...» По свидетельству Г. И. Ефремова, ст. 2 в журн. была испр. по настоянию А. Т. Твардовского. Печ. по авт. экз. Р68 с добавлением эпиграфа из ИП1.

Эпиграфом взят зачин ст-ния Г. Державина «Снигирь» (1800), написанного на смерть Суворова. У Державина: «Что ты заводишь песню военну / Флейте подобно, милый Снигирь?» О державинско-ахматовских аллюзиях этого ст-ния см. вступ. статью. *Об успении Анны Андревны*. Ахматова умерла 5 марта 1966. С *Шереметьевского аэродрома*. В 1960-х гг. Самойлов провел несколько зим в подмосковном поселке Шереметьево на дачах ЛГ, где и застало его известие о смерти Ахматовой. ...*гневливой волною в Дарьяле* — ср. «Дары Терек» (1839) и «Тамару» (1841) Лермонтова.

154. ДП 1969, вар. ст. 1 «...весна», ст. 12 «Названья и причины нет!»; Дни; ДВС; ИП1. Автографы — Т668; машинопись, под загл. «Слезы», правка в ст. 1 «весна» вм. «луна». Во всех изд., кроме ДВС, окончание ст-ния — «...Что с тобой?». Однако на авторских выступлениях Самойлов почти всегда читал ст-ние в ред. ДВС. Печ. по ДВС.

155. КТ. 1967. № 12. 27 янв., вар. ст. 5 «И еще...»; Дни; ИП1. Автограф — Т668.

Отец Самойлова — Кауфман С. А. — см. примеч. 43. Мать Самойлова — Кауфман Цецилия Израилевна (1895—1986). А *над Екатерининским — рай*. Имеется в виду Екатерининский сад, впоследствии переименованный в сад ЦДСА.

156. НМ. 1969. № 9; Дни; ИП1, опечатка в последней ст.; Сн. Автограф — Т668.

Речь идет о Филевской линии метро. Зимой 1967 г. Самойлов жил с женой и дочерью в районе метро «Молодежная». Там *дивная церковь* — храм Покрова в Филях (возведен в 1693—1694 гг.; Новозаводская ул., д. 4/7).

157. Дни; ИП1, без запятой после восклицания «О» в ст. 1. Автографы — Т668; машинопись. Печ. по Дни.

На Дунае Самойлов был в Венгрии осенью 1965 г. См. примеч. 143.

158. Дни; ИП1. Перечислено в Т668 в списке, в который входят стихи 1966 г. и «Рождество Александра Блока».

В Эстонии Самойлов был с 18 дек. 1966 г. по 2 янв. 1967 г. Элен с Яном — Элен Нийт и Яан Кросс (см. примеч. 100).

159. КТ. 1967. № 12. 27 янв., под загл. «Мария рисует», без посвящения; Дни. Автографы — Т668, без посвящения; машинопись.

Кросс Мария — см. примеч. 100.

160. КТ. 1967. № 12. 27 янв., с неточностями; Р68; Дни, без 4-й строфы, выброшенной цензурой; Р72, без 4-й строфы с испр. «их утешает» на «его утешает» в 5-й строфе, т. к. без 4-й строфы слово «их» становится непонятным; Из, без 4-й строфы, снова с «их»; ИП1, без 4-й строфы. В арх. Г. И. Медведевой имеется издание Дни с вписанной рукой Самойлова 4-й строфой. Печ. по Р68.

Галчинский Константин Ильдефонс (1905—1953) — польский поэт, один из любимых поэтов Самойлова. Самойлов перевел много стихов Галчинского (см.: Галчинский К. И. Стихи. М., 1967; Галчинский К. И. Избранное. М., 1975). *В честь прекрасной Натальи соловьи поют по-грузински* — жена К. И. Галчинского Наталья, наполовину грузинка (ПДЗ1. С. 308).

161. ДП. 1968, вар. ст. 2 «Был любопытный...», ст. 6 «О Гайдне, о Моцарте и о Глюке.», ст. 38, «Что вам не нужно зренья и слуха,»; Дни, вар. ст. 29 «...сторож турбазы»; Из; ИП1. Автографы — Т668, под загл. «Вольдемар Рохтля», с несуществ. изменениями; машинопись с правкой, вар. ст. 38 тот же, что в ДП. Во всех печ. изд. в ст. 27 ценз. правка «...войною». Печ. по ИП1 с испр. ценз. правки. Встреча, послужившая поводом к созданию ст-ния, произошла на турбазе Нелиярве в дек. 1966 г.

162. ДН. 1977. № 5; Вст; ИП1. Автографы — Т668, под загл. «Эпиграмма», вар. ст. 6 «Крутим ветхое веретено»; машинопись. Вероятно, написано ок. 5 марта — годовщины смерти Ахматовой.

...и вяло и темно — «Так он писал темно и вяло» («Евгений Онегин», гл. VI, строфа XXIII; характеристика преддуэльных стихов Ленского).

163. Дни; ИП1. Автограф — Т668.

164. НМ. 1967. № 12, под загл. «Александр Блок в 1917-м», вар. ст. 1 «В потемках...», ст. 68 «А тут...», ст. 83 «...запорошивал...»; Р68, тот же вар. ст. 1; Дни, под загл. «Блок. 1917», с испр. ст. 1, 68 и 83, но без 7-й строфы, вар. ст. 11. «Не павший...» ст. 61 «На мосте...»; Р72, с тем же загл., ст. 61 как в Дни, без 7-й строфы, вар. ст. 12 «Взлетевший...» и ст. 83 как в НМ; Из, как в Дни с вар. ст. 84 «И все в снегу затмилось»; ИП1, та же ред. Автограф — Т668, ред. Р68. Изменение загл., исключение 7-й строфы и последующее изменение ст. 84 носят явно ценз. характер, что подтверждается исполнением ст-ния Самойловым 25 нояб. 1970 г. на вечере, посвященном 90-летию Блока. В редакторском экз. Р68 имеется рукоп. правка загл. на вар. НМ и корректура ст. 68 и 83. Печ. по авторскому экз. Р68 с испр. ст. 1 по Дни (вар., сохраненный во всех последующих публикациях).

Написанное в год пятидесятилетия Октябрьской революции (отмечалось с особой пышностью) ст-ние оспаривает как официальный, так и либерально-интеллигентский взгляды на события 1917 г. «Интегральное отрицание революции приводит к наихудшему конформизму — аморальному <...> В революции массы живут (хотя бы и кратковременно) идеей вселенской, идеей человечества. Этот высочайший подъем народного сознания на многие годы определяет духовный путь человечества и ничего не имеет общего с прозой государства» (Пд32. С. 31; запись от 30 апр. 1967). Блок предстает художником, точно понявшим революцию и полностью ее принявшим. Такая трактовка полемична по отношению к каноническому для советской культуры образу «двойственного» Блока, предложенному Маяковским в некрологе «Умер Александр Блок» (1921) и 7 гл. «Хорошо!» (поэмы, написанной к десятилетнему юбилею революции). О связи поэзии Блока с Рождеством размышляет еще до революции герой «Доктора Живаго»: «Вдруг Юра подумал, что Блок — это явление Рождества во всех областях русской жизни <...> Он подумал, что никакой статьи о Блоке не надо, а просто надо написать русское поклонение волхвов, как у голландцев, с морозом, волками и темным еловым лесом» (часть третья, 11). Мысли Юрия Живаго предсказывают как поэму «Двенадцать», так и его ст-ние «Рождественская звезда», отсылающее в ст-нии Самойлова. Ср. восторженную («блоковскую») оценку революции Юрием Живаго (часть пятая, 8).

Он вновь увидел на мосту. Варьируются мотивы ст-ния Блока «Свирель запела на мосту...» (1908). *Он не хотел ни слов, ни встреч* — намек не только на разрыв Блока с интеллигенцией, отвергающей революцию, но и на встречу с Маяковским, описанную в некрологе и «Хорошо!». *Студеный ветер продувал / Евангельские ясли* — ср.: «Стояла зима, / Дул ветер из степи, / И холодно было младенцу в вертепе» («Рождественская звезда») и открывающий «Двенадцать» мотив ветра, осмысленный Пастернаком как ключевой для личности и творчества Блока («Ветер (Четыре отрывка о Блоке)», 1956). *Волхвы, забившись в закутки* — ср. описание людей «старого» мира в 1 гл. «Двенадцати». Далее варьируются мотивы статьи Блока «Интеллигенция и революция» (1918). *Сибирских руд* — пушкинская реминисценция («Во глубине сибирских руд...», 1827) должна указать на то, что «волхвы» недостойны своего наследия. *Когда возмездья просит сталь* — ср.: «Это — ясная, твердая, верная сталь, / И нужна ли ей наша печаль?» («Петроградское небо мутилось дождем...», 1914) и постоянную блоковскую тему «возмездия». *А рядом «Интернационал»...* — ср. в ст-нии Блока «З. Гиппиус (при получении «Последних стихов»)» (1918): «Веет знамя — Интернационал!» (Самойлов сохраняет блоковскую — французскую — огласовку названия большевистского гимна). *Над яслями пустыми* — ясли пусты, потому что Христос идет перед «двенадцатью». *Потом звезда затмилась* — революция кончилась. Ср. предсмертные настроения Блока, отразившиеся в ст-нии «Пушкинскому дому» и речи «О назначении поэта».

*165. НМ. 1969. № 2, под загл. «Счастье»; Дни; ИП1. Автографы — Т668, вар. ст. 6 «...оценю», ст. 8 «Глупцу, лентяю, парвеню»; зачеркн. машинопись. По свидетельству Г. И. Медведевой, в тексте, передан-

ном в НМ, вар. ст. 8 «Глушцу, безумцу, парвеню». Ст. 6 и 8 изм. по настоянию зав. отд. поэзии НМ С. Г. Карагановой.

166. ДП 1969, вар. ст. 37 «Здесь изгнание, здесь могила.»; Дни; ИП1. Автограф — Т668; машинопись, зачерки. загл. «Стихи о Пушкине», за которым следуют 2 ст-ния: «И снова будут дробить суставы...» (зачеркн.) (№ 710) и «Святогорский монастырь».

Вот сюда везли жандармы... И навек утомилось. Гроб с телом Пушкина сопровождал жандармский капитан Ф. С. Ракеев. Самойлов не упоминает другого сопровождающего — многолетнего друга поэта А. И. Тургенева, возможно, помня его дневниковую запись (31 янв. 1836): «Конечно то, что Пушкин почитал правдою, т. е. злобу свою и причины оной к антагонисту — он не скрыл, не утомился в сердце своем и погиб» (опубликовано в кн. П. Е. Щеголева «Дуэль и смерть Пушкина», 1927). Тургеневская оценка предсмертного состояния духа Пушкина совпадала с мнением Николая I, противопоставившего умершего поэта «ангелу» Карамзину. *...можно без боязни / Ждать иных, грядущих дней* — ср. «В надежде славы и добра / Гляжу вперед я без боязни» («Стансы», 1826). *Здесь, совсем недалеко / От Михайловского сада* — «И хоть бесчувственному телу / Равно повсюду истлевать, / Но ближе к милому пределу / Мне все б хотелось почивать» («Брожу ли я вдоль улиц шумных...», 1829). Ср. также набросок «Два чувства равно близки нам...» (1830). Место для своей будущей могилы в Святогорском монастыре Пушкин купил после похорон матери (апр. 1836). *От мгновенья Анны Керн* — см. вступит. статью. *И от кухни, полной дымом* — ср. воспоминания И. И. Пущина о неуютности дома в Михайловском (в частности, об утаре). *И от девичьей избы* — намек на роман с крепостной Ольгой Калашниковой, также упомянутой в записках Пущина. *Ах, он мыслил об ином.* В Михайловском Пушкин обдумывал планы бегства за границу. *Со своим веретеном* — «Или дремлешь под жужжанье / Своего веретена» («Зимний вечер», 1825), строки об Арине Родионовне переадресуются смерти, снабжаемой атрибутом богинь судьбы. Ср. «Парки бабье лепетанье» Пушкина («Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы», 1830). (Ср. вар. в примеч. 162).

167. ДП 1969; Дни; ИП1. Автограф — Т668.

***168.** ДП 1968, вар. ст. 27—28 «Гасли огненные чубы, / Гривы скаковых коней.»; Дни; ИП1. Автографы — Т668 без загл., не окончено; машинопись с правкой.

169. Вста, вар. ст. 1 «...пес Собакин»; Сн. Автограф — Т668, под загл. «Баллада», вар. ст. 1 «Сладко дремлет...»; машинопись с правкой в папке к ГзХ. Содержится в первоначальном содерж. Вст.

По сообщению А. Давыдова, Самойлов говорил, что мотив был ему подсказан циклом картин А. Г. Тышлера «Расстрел голубя». См. примеч. 729.

170. Дни; ИП1. Автограф — Т6870.

Баронесса Корф — прежняя владелица дома № 15 на Александровской пл. (ныне — пл. Борьбы), в котором жил Самойлов. В ПЗ в главе «Дом» Самойлов писал: «Из кухонного окна <...> виделся сад — запущенный и превращенный в свалку — сад баронессы Корф, бывшей владелицы нашего дома... Сад баронессы Корф был местом с

дурной репутацией, и туда заглядывать было строжайше запрещено. Однако, поборов страх, я изредка пробирался до дальнего забора, до дыры, выходявшей на полузастроенную Ново-Суцевскую» (с. 19—20).

171. ВиК; ИП1. Автограф — Т6870.

Самойлов посетил Чехословакию весной 1967 г., где ему была вручена премия «За выдающиеся переводы чешской поэзии и пропаганду чешской культуры». В *неведенье бугущих бег*. Имеется в виду оккупация Чехословакии советскими войсками 21 авг. 1968 г., вскоре после которой написано ст-ние. См. также № 751.

*172. Смена. 1972. № 16. Автографы — машинопись-1 начала 1960-х, неоконч., 1-я ред., без загл.; машинопись-2 с правкой начала 1960-х гг., без загл., без последней строфы, с заменой 1 и 2 строф; Т6870 — ст. 1—5; машинопись, в которой ст-ние содержит только 3—5 строфы; ст-ние в этой ред. Самойлов подарил Г. И. Ефремову (см. примеч. 547).

173. ДП 1970; ВиК; ИП1. Автограф — Т6870, под загл. «Славянофил». *Ламартин* Альфонс (1790—1869) — фр. писатель, историк, политич. деятель.

174. ВиК; ИП1. Автограф — Т6870, без 3-й строфы.

175. ДП 1972; ВиК; ИП1. Автограф — Т6870.

...критик наш румяный — ср. «Румяный критик мой, насмешник толстопузый...» (1830). Если у Пушкина критик трунит над «томной музой» и требует «веселой песенки» (для которой осенью в нищей деревне нет никаких оснований), то у Самойлова столь же цинично хвалит поэтов за «пейзажную лирику» (обращение к «вечным темам»), выше противопоставленную надсадным покаяниям.

176. Дни.

Проспись однажды утром — ср. у Пастернака: «Легко проснуться и прозреть, / Словесный сор из сердца вытрясть» («Любить иных — тяжелый крест...», 1931).

177. Дни; ИП1. Автограф — Т6870.

Давно и я не жил, забившись в угол. В 1967—1974 гг. Самойлов постоянно жил в пос. Опаиха (Красногорский р-н Московской обл.).

178. Дни; ИП1. автограф — Т6870, ст. 1—4.

179: Тл. 1981. № 3; ГзХ; ИП1. Автографы — Т6870, вар. ст. 25 «И будут им постелью кущи», ст. 34 «...веселые...», ст. 36 «Под звездами пустыни Гоби...»; машинопись-1, совпадающая с Т6870; машинопись-2 с правкой ст. 25; машинопись-3 к ГзХ, без ст. 9—16. Включено в первоначальное содерж. Вст. Публиковалось без ст. 9—16, скорее всего, по ценз. соображениям. Печ. по машинописи-2 с правкой.

Тогда опять подставит груди / Двум новым близнецам волчица. По римскому преданию, братья-близнецы Рем и Ромул, основавшие Рим, были вскормлены волчицей. *Был первый Рим, второй и третий*. Первый Рим — город, создавший Римскую империю; второй — Константинополь, столица Восточной Римской империи (Византии), третий — Москва (и Московское царство, превратившееся в Российскую империю; см. примеч. 6). Четвертым можно считать только СССР. *На середине их горюги*. Перед основанием Рима Ромул убил Рема.

180. Дни; ИП1. Автограф — Т6870.

Павшино — подмосковный поселок, ныне вошедший в черту г. Красногорска (см. примеч. 177). ...*роскошную огу Державина* — «Гром» (1806). Ср. соединение мотивов «грозы» и «пира» в «Стихах о русской поэзии» Мандельштама (1932), где за начальным обращением к Державину следуют реминисценции его од «Гром» и «Облако». *Алексеи, Платоны, Григории* — фавориты Екатерины II Алексей Орлов (1737—1807/8), Платон Зубов (1767—1822), Григорий Орлов (1734—1783), Григорий Потемкин (1739—1791).

181. ВиК; ИП1. Автограф — Т6870.

Ганза — торг. и полит. союз сев.-нем. городов в XIV—XVI вв. *Перед бесчинством царского меча / Как колокол березовый непрочен*. В 1478 г. Иван III, покончив с новгородскими вольностями, повелел перевести вечевой колокол в Москву. При Иване Грозном Новгород и Псков (о белокаменных строениях которого напомнил березняк) не раз подвергались разгрому.

182. ДП 1971; ВиК; ИП1. Т6870 — ст. 1—8.

183. ВиК. Автограф — Т6870.

Ты, Боян, золотой соловей. В «Слове о полку Игореве» легендарный песнетворец Боян назван «соловьем старого времени». *Лаба* — славянское назв. р. Эльба. ...*и варварской оде* — ср. «варварскую лиру» в «Скифах» (1918) Блока.

*184. ВиК; Стх. Автограф — Т6870, 1-я ред. *Тот дивный, давний спор* — вероятно, спор «западников» и «славянофилов» XIX в. Ср.: «Да, мы были противниками их (славянофилов. — *Комм.*), но очень странными. У нас была одна любовь, но не одинакая <...> И мы, как Янус или как двуглавый орел, смотрели в разные стороны, в то время как сердце билось одно» (Герцен, некролог «Константин Сергеевич Аксаков», 1861; соответствующий фрагмент приведен в «Былом и думах», ч. 4, гл. XXX). В конце 1960-х гг. вновь наметился раскол интеллигенции на «западников» и «славянофилов».

185. ВиК; ИП1. Автограф — Т6870.

186. ВиК; ИП1. Автограф — Т6870.

Ср. ст-ние Мандельштама «Я наравне с другими...» (1920), воздействие которого становится явным, когда Самойлов переходит от белого стиха (1 строфа) к рифмованному.

187. ВиК; Автограф — Т6870, ст. 1—8.

188. ВиК; ИП1. Автограф — Т6870, вар. ст. 7—8 «Удивительная / Жизнь моя!»

189. ДП 1970; ВиК; ИП1. Автограф — Т6870.

190. Ав. 1974. № 3, под загл. «Осень»; ВиК; ИП1. Автограф — Т6870, в дате год ошибочно указан «69».

191. ДП 1971; ВиК; ИП1. Автограф — Т6870. Снеги — толстые жерди.

192. ДП 1972, вар. ст. 9 «И думал я...»; ВиК; ИП1. Во всех публ. — ценз. правка ст. 5 «...войну, судьбу». Автограф — Т6880, вар. ст. 9 «...и чувствовал вдвойне». Печ. по автографу с коррекцией ст. 9 по ИП1.

Отец Самойлова — Кауфман С. А. — см. примеч. 43. Сын Самойлова от первого брака — Кауфман Александр Давидович (псевд. А. Давыдов) (р. 1953) — литератор.

193. ВиК; ИП1. Автограф — Т6870. 1-я строфа написана в 1969 г.

194. ВиК; ИП1. Автограф — Т6870, без последней строфы. Написано незадолго до рождения второго сына.

195. ДП 1972; ВиК; ИП1. Автограф — Т6870.

Самойлов писал в ПЗ: «Стихов я осенью 42-го и зимой 43-го не писал, да и позже писал редко и плохо. Но порой записывал строки или строфы, случайно пришедшие на ум. Некоторые из этих строк надолго сохранились в моем чувствовании. И потом через много лет вошли в стихотворения. <...> Через много лет откликнулись строки о скрипящем и поющем дереве, перенесенном из волховских болот в Михайловское, где жил Пушкин: "Дерево пело, скрипело..." Дерево это. береза, над которой в полночь стояли Качиги, действительно пело и скрипело ночью, ветреной порой, когда я стоял на посту» (с. 211).

*196. ДП 1971; ВиК; ИП1. Автограф — Т6870, ст. 1—8.

...гулял, как лях — вероятно, бессознательная реминисценция Багрицкого: «Только ворон выслан / Сторожить в полях... / За полями Висла, / Ветер да поляк» («Разговор с комсомольцем Н. Дементьевым», 1927). А он свободен / От всех пляег... В письме А. А. Лебедеву Самойлов так объяснял эту фразу: «Тогда, когда написано это стихотворение, я, определяя «свое место», прежде всего хотел освободиться от «пляеды», к которой меня причисляли, да и сам я себя причислял — от пляеды «военных поэтов». Это была полная перемена «главной темы». Процесс, происходивший не только в сознании, сколько в чувствах, в ощущении мира» (Лебедев А. Обязанность жить. М., 1987. С. 242). См. также вступит. статью.

197. Дг. 1979. № 2; Зл; ИП1. Автограф — Т6870, без ст. 7—8. Включено в первоначальное содерж. Вст.

Как вы соизмеряй с своею пользой — ср.: «Как ветер песнь твоя свободна, / Зато как ветер и бесплодна: / Какая польза нам от ней» (Пушкин, «Поэт и толпа», 1828).

198. Юн. 1974. № 4; ВиК; ИП1. Автограф — Т6870.

Бродить, постигая устройство / Пространства, души, ремесла — ср.: «По прихоти своей скитаться здесь и там, / Дивясь божественным природы красотам, / И пред созданьями искусств и вдохновенных / Трепеща радостно в восторгах умиления, / — Вот счастье! вот права...» (Пушкин, «(Из Пиндемонти)», 1836).

199. Ав. 1974. № 3, без посвящения; Вст; ИП1. Автограф — Т6870, под загл. «Из Намвадада Куфи», без посвящения.

Намвадаг Куфи — анаграмма, сост. из имени «Давид Кауфман». Посвящение: Камилская Дина Исааковна (р. 1920) — адвокат, защищала многих правозащитников на процессах 1960-х—1970-х гг. Близкий друг Самойлова, познакомилась с ним до войны в компании Павла Когана. С 1977 г. живет в США. По воспоминаниям современников, общавшихся с А. Якобсоном (см. примеч. 224) до его эмиграции в 1973 г., Якобсон был уверен, что ст-ние посвящено ему. Возможно, по этой причине в ряде публикаций, связанных с правозащитным движением, ст-ние ошибочно цитируется с посвящением Якобсону.

200. ВиК, с ценз. правками, загл. «Поэт и старожил», ст. 4 «...на Глеб Успенского...», ст. 57 «А замполита...», ст. 58 «...немецкие солдаты», ст. 104—105 «... резок, / Он закричал. И, словно был подрезан»,

ст. 108 «Три немца»; Из, с теми же ценз. праками и ошибкой в ст. 109; ИП1 с восстановленными ст. 57, 104 и частично 105. Автографы — Т6870, в 1970 г. — 1-я ред., в конце тетр. (нач. 1971 г.) — монолог Поэта; машинопись нач. 1970-х гг., вар. ст. 10 «Здесь не бывали?», ст. 28 «... — ты гляди-ка...». Печ. по машинописи с испр. ст. 10 и 28 по ИП1.

После ценз. правок рассказ Поэта стал рассказом о расстреле пленного фашистами. Однако имеет смысл процитировать дневниковые записи Самойлова, приведенные в ПЗ: «20 января [1945]. ...Приходят сдаваться немцы, группами и поодиночке. Маленький, лысоватый курчавый немец, давно не мытый, с гноящимися глазами. Он сдался от голоду, его обыскали. Он попросил, чтобы оставили фото жены. Ему отдали фото. Партизанский мальчик Ванька Радзевский вызвался конвоировать этого немца до сарая, где содержались другие пленные. Он отвел его на несколько шагов и пристрелил» (с. 273). «21 января. ...Наш дозор привел троих немцев. Они ели в хате суп с сухарями. К ним ввалился сильно выпивший старший лейтенант Касаткин. Один из них так и вышел — с сухарем в руке. Когда его застрелили, он упал с сухарем в руке» (с. 274—275). Ср. высоко ценившееся Самойловым ст-ние Слуцкого «Немецкие потери» (до 1961). Жанровая традиция «разговоров поэта» восходит к пушкинскому «Разговору книгопродавца с поэтом» (1824). В том же году К. Ф. Рылеев в посвящении А. А. Бестужеву поэмы «Войнаровский» вводит формулу «Я не Поэт, а Гражданин», вызвавшую раздражение Пушкина. Идея самодостаточности поэзии выражена им в диалоге ст-ния «Поэт и толпа» (ср. примеч. 197), рифмы которого взяты Самойловым в качестве эпиграфа («Не для житейского волнения, / Не для корысти, не для битв, / Мы рождены для вдохновения, / Для звуков сладких и молитв»). Пушкинское ст-ние полемически (со скрытой отсылкой к Рылееву) переосмысливается Некрасовым в «Поэте и гражданине» (1856).

Зато на Карла Либкнехта — пивная — скрыто цитируется (один немецкий социалист заменен другим) «Пиво и социализм» (1927) Маяковского: «Блюет напившийся, / Склонился ивой. / Вулканятся кружки, / пену пепля, / Над кружками / надпись/: «Раки и пиво / завода имени Бебеля»; там же тщетная рекомендация: «брось привычку / (глупая привычка!) — / приплетать ко всему фамилию вождя». Ценз. замена не избавила строку от иронии: писатель-народник Глеб Успенский был склонен к пьянству. *Давай-ка два рубля* — гражданин покупает типовую советскую водку за 3 р. 62 коп. и честно возвращает копейки сдачи. *Моя старушка...* Гражданин декларирует «Письмо матери» (1924) Есенина («Ты жива еще моя старушка <...> часто ходишь на дорогу / В старомодном ветхом шушуне»), по ассоциации вспоминая «Зимний вечер» Пушкина («Выпьем, добрая подружка / Бедной юности моей, / Выпьем с горя: где же кружка? / Сердцу будет веселей» (оба ст-ния входят в застольный песенный репертуар). *...Что? Федерико?* Федерико Гарсия Лорка (1898—1936), испанский поэт; без суда расстрелян фашистами. *Как Моисеев куст, пылал костел* — «И явился ему Ангел Господень в пламени огня из среды тернового куста. И увидел он, что терновый куст горит огнем, но куст не сгорает» (Исход 3, 2). И

месяц наверху. Третье упоминание месяца заставляет увидеть в нем не деталь пейзажа, но высшего свидетеля преступления, чье присутствие должно отозваться наказанием (ср. присутствие Бога в горящем костеле). В такой функции месяц выступает в балладе П. А. Катенина «Убийца» (1815), где преступник произносит «Да полно, что! гляди, плешивый! / Не побоюсь тебя; / Ты, видно, сроду молчаливый: / Так знай же про себя», но не уходит от возмездия (см. также вступ. статью).

201. ДП 1971, вар. ст. 4 «Возрождение в волне»; ВиК; ИП1. Автограф — Т6870.

202. ДП 1972; ВиК; ИП1. Автограф — Т6870.

203. ВиК; ИП1. Автограф — Т713, вар. ст. 4 «Со всею моею наукой». В Т6870 — неоконченное ст-ние «Первый снег» (1970) с совпадающей ст. 1.

Гостомысл — легендарный предводитель новгородских словен, 1-й князь или посадник (1-я половина 9 в.).

204. Юн. 1974. № 4; ВиК; ИП1. Автограф — Т713 ст. 13—16.

И слушает внутренний гул... Ср. у Блока: «Жду, чтоб спугнул мою скуку смертельную / Легкий, доселе не слышанный звон» («Художник», 1913). Следуя за Блоком в описании творческого процесса, Самойлов не принимает его трагических выводов; ср.: «*Но надо включить его в раму*» и «*И замыкаю я в клетку холодную / Легкую добрую птицу свободную <...> Крылья подрезаны, песни заучены, / Любите вы под окном постоять? / Песни вам нравятся. Я же, измененный, / Нового жду — и скучаю опять*».

205. Юн. 1974. № 4; ВиК. Автограф — Т713, 1-я строфа. Она же, с измененными ст. 1—2 «Весь в листе багровой и бурой / Над горой приподнялся Сигнах» приведена в одной из ред. недописанной гл. «Учителя» масштабной поэмы, над которой Самойлов работал в 1950-х гг. Впоследствии замысел претерпел изменения, и в законченной поэме «Ближние страны» остались только главы, относящиеся к войне.

Вспоминая о своей первой поездке в Грузию в 1955 г., Самойлов писал: «...доехали до Сигнахи. Высота, с которой открывается Алазанская долина в осенних красках, — одно из самых прекрасных мест, которые мне случалось видеть. Потрясенный, я не мог наглядеться на открывшуюся взорам красоту» (ПЗ. С. 335). *Сигнах* — рус. назв. груз. г. Сигнахи. ...*грибоевский клавесин* — тесно связанный с Грузией и похороненный в Тифлисе (Тбилиси) Грибоедов был музыкантом и композитором.

206. УТ. Автографы — Т713, не окончено; машинопись с правкой. Включено в первоначальное содерж. Вст.

Посвящение: Тоом Леон Валентинович (1921—1969) — поэт, переводчик; близкий друг Самойлова. Самойлов неоднократно возвращался к судьбе Леона Тоома в своем творчестве. См. ПЗ, «Глава с эпилогом» (с. 318—332). Ст-ние навеяно трагической гибелью Тоома, выпавшего при неясных обстоятельствах из окна своей квартиры 4 июня 1969 г.

207. ПА. 1975. № 15; Вст; ИП1. Автограф — Т713, вар. ст. 4 «Потому что доброго нет».

Сын Петр родился 16 авг. 1970 г.

208. Юн. 1974. № 4, без посвящения; ВиК; ИП1. Автограф — Т713 без посвящения.

Посвящение: Маша Кнорре — дочь подруги детства Самойлова Е. А. Дорошенко, трагически погибла летом 1964 г.

209. ВиК. Автограф — Т713, вар. ст. 3 «Болтовство!..»

210. ВиК; ИП1. Автограф — Т713, без ст. 13—16.

211. ВиК. Автограф — Т713.

212. Ав. 1974. № 3, вар. ст. 8 «Играет мне все...»; ВиК; Из; ИП1. Автограф — Т713, вар. ст. 13 «...задумчивый дождик».

*213. Вст, вар. ст. 17 «Губы, головы...»; Из, вар. ст. 17, корректорское изменение фамилии в эпиграфе на «Чаадаев»; ИП1. Автографы — Т713, 1-я ред., датированная 26 дек. 1971 г., под загл. «Снег» (зачеркнуто загл. «Идиллия»), 2-я ред. в 1972 г.; машинопись с правкой, без эпиграфа, вар. ст. 73 «Спали окна, деревья. песни», ст. 80 «Потихоньку редела тьма», ст. 75—77 дописаны от руки позднее. Печ. по Вст.

Самойлов включил ст-ние в ВиК. Однако вмешалась цензура. Записи в дневнике: «12 апреля [1974]. Приезжал Викт. Фогельсон с версткой. Цензура придирается к «Поэту и гражданину» и к «Ночному гостю». Возвращаются старые времена цензуры. Дело только в том, что ни один дурак уж не поверит в оскопленную литературу». «24 апреля. <...> «Ночной гость» зарезан цензурой». (Пд32. С. 76—77, 78).

Эпиграф из третьего послания к Чаадаеву (1824), где Пушкин переосмысливает свои вольнолюбивые мечты, выраженные в первом послании тому же адресату (1818). О других реминисценциях см. вступит. статью. По воспоминаниям М. Харитонова, Самойлов говорил ему: «В этих стихах я впервые позволил себе употребить ассоциации из прошлых стихов, не заботясь о том, поймут ли это читатели или нет...» (Харитонов. С. 358). *Псалма* — духовная песня, гимн на текст, заимствованный из библейских псалмов. *Шангал* — см. примеч. 148.

*214. Тл. 1978. № 1; Зл; ИП1. Автограф — Т713, под загл. «Подвальчик», 1-я ред.; машинопись (РГАЛИ-2. Ед. хр. 2. Л. 64—65), 1-я ред. Включено в первоначальный состав Вст.

Поклонник Фолкнера и йоги, / Буггизма и Антониони. Лишь в малой мере переведенная проза Уильяма Фолкнера (1897—1962), индийская философия и демонстрируемые на спецпросмотрах фильмы Микеланджело Антониони (р. 1912) были окружены в СССР притягательной аурой полузапретности.

215. Ав. 1974. № 3; ВиК; ИП1. Автографы — Т713, не окончено; машинопись.

Стихи навеяны чтением александрийской поэзии (ПЗ. С. 113). *Песню запойте для нас, милые Музы!* — перефразирование ст. из I идиллии др. греч. поэта Феокрита (кон. IV — пер. пол III в. до н. э.) в пер. М. Е. Грабарь-Пассек «Песни пастушечьей запев запевайте вы, милые Музы!». *Лепит понтийский закат...* Понт Эвксинский — др.-греч. назв. Черного моря. ...к козьей тропе выйдут Отузы. Отузы (ныне — Щебетовка) — горное село в Крыму, близ Коктебеля, над Отузской долиной возвышаются хребты горы Эчки-Даг — Козьей горы (тюрк.), на лесистых склонах которой в старину водились дикие козы.

216. Юн. 1974. № 4; ВиК; ИП1. Автографы — Т6870, 3 строфы набросков к поэме «Блудный сын», 1-я из которых совпадает с 1-й

строфой ст-ния; Т713, под загл. «Рассвет I», далее следуют неоконч. вар. «Рассвет II» и «Рассвет III».

217. ВиК; ИП1. Автографы — Т713, с дописанным позднее посвящением «Л. К. Чуковской»; рукоп. текст в «Книге о русской рифме», подаренной Самойловым Л. К. Чуковской 8 июня 1973 г.

Посвящение (Т713): С Лидией Корнеевной Чуковской (1907—1996) Самойлов был связан многолетней дружбой (см.: ДСЛЧ). С постепенной утратой зрения. Во 2-й половине 1973 г. Самойлов был вынужден лечь в институт им. Гельмгольца на операцию катаракты.

218. ВиК; ИП1. Автограф — Т713, под загл. «Снегирь».

Самойлов не скрывал своего резко негативного отношения к эмиграции. См. эссе «Об отъездах» в ПЗ (с. 451—452).

219. Юн. 1974. № 4, вар. ст. 13—15 «...Свинцовых пчел / Раздался гул. Чугунный / Гром ядер...», ст. 17 «Спасли солдата...», подзаг. «Из стихов «О веке Петровом»; ВиК, без подзаг., та же ред.; Из, неверная ст. 10; ИП1. Автографы — Т713, ранняя ред.; машинопись.

Эпиграф, скорее всего, вымышлен (в отличие от самого факта первого замужества Екатерины I). При чтении ст-ния Самойлов неоднократно призывал слушателей его авторских выступлений не верить приводимым им ссылкам. О событиях, косвенно связанных с созданием ст-ния, Самойлов рассказал в ПЗ (с. 19) и в беседе с Ю. Л. Болдыревым: «...я, как многие люди, отталкиваюсь от реального раздражителя — прочитанного, увиденного. В этом смысле можно найти связи между тем, что произошло, и тем, что я когда-то написал. Но это скорее воздействие на эмоциональную сферу, чем на логическую. Приведу пример. В 41-м году перед уходом на фронт один юноша женился. У него оставались сутки до отъезда — и он с молодой женой отправился на дачу, чтобы побыть вдвоем перед разлукой. Во время ночного налета немцев на Москву самолет, не прорвавшийся в город, сбросил бомбы где попало. Одна из бомб обрушилась на эту дачу — и погибли оба. Из этого факта родилось первое мучительное ощущение жестокости войны ко всему — и к любви тоже. Об этом я написал стихотворение "Солдат и Марта"» (Самойлов Д. С. «Поэт контактен и потому принадлежит не только самому себе...» / Беседу вел Ю. Болдырев // ВЛ. 1978. № 10. С. 214—236).

Екатерина I Алексеевна (1684—1727) (Марта Скавронская) — жена Петра I, рос. императрица с 1725 г. Захвачена в плен при штурме русской армией Мариенбурга (ныне на терр. Латвии). *И грянул бой* — цитата из 3-й песни поэмы Пушкина «Полтава».

*220. ВиК; ИП1. Автограф — Т713, с вар.

Посвящение Л. К. Чуковской (см. примеч. 217), возможно, связано с ахматовскими коннотациями купальского сюжета. В набросках автобиографии Ахматова писала: «В ночь моего рождения справлялась и справляется древняя Иванова ночь — 23 июня (Midsummer Night)» (1957; английские слова отсылают к комедии Шекспира «Сон в летнюю ночь»). О фольклорных параллелях см.: Баевский. С. 138—139. *Белорусия родная, Украина золотая...* — начало припева строевой песни «Марш красных полков», текст которой написан по заказу Е. А. Долматовским и В. А. Луговским в 1939 г. перед вводом войск в Зап. Украину и Зап. Белоруссию.

221—225. В первой публ. цикла в ДН предисл. заканчивалось фразой «Сюжеты моих "Балканских песен" я придумал сам». «Чтение народных песен» было связано с переводами балканского фольклора для Библиотеки Всемирной Литературы (см.: Песни южных славян. М., Худож. лит., 1976).

1. ДН. 1972. № 6; ВиК; ИП1. Автограф — Т6870.

2. ДН. 1972. № 6, вар. ст. 5 «Грянул ...», ст. 13 «Баня-Лука», ст. 17 «... пройди потом...»; ВиК; ИП1. Автограф — Т6870, без загл.

Самойлов писал в ПЗ: «...первая строфа "Прощания юнака" записана в первой моей фронтовой книжечке. Почему-то я назвал это "Сербская песня"» (с. 211). Загл. он привел не совсем точно. В дневниковой записи от 22 окт. 1942 г. в планы на будущее включена «Хорватская песенка» (ПДЗ1. С. 157).

3. ДН. 1972. № 6; ВиК; ИП1. Автограф — Т6870, без загл.

4. ДН. 1972. № 6, без посвящения; ВиК; ИП1. Автограф — Т713.

Посвящение: Якобсон Анатолий Александрович (1935—1978) — литератор, педагог, правозащитник. Участник семинара молодых переводчиков, руководимого В. К. Звягинцевой, М. С. Петровых и Самойловым. Впоследствии близкий друг Самойлова. С дек. 1969 г., после ареста Н. Е. Горбаневской, ред. самиздатского журн. «Хроника текущих событий». В 1973 г., под угрозой ареста и в силу семейных обстоятельств, вынужден был эмигрировать в Израиль. Тяжело переносил отъезд. В 1978 г. покончил с собой.

5. ВиК; ИП1. Автографы — Т713; машинопись, вар. ст. 19 «Добрые...».

*226. ДН. 1974. № 6, др. ред.; ВиК, вм. ст. 16—18 «Царь», вм. ст. 35—37 «Царь пробежит начало / И скажет»; Из; ИП1. Автографы — Т713; машинопись с правкой, вар. ст. 1 «В тридцатом тысячелетье» и др. расхождений.

Сюжет фантастической аудиенции восходит к ст-нию Цветаевой («Петр и Пушкин») («Стихи к Пушкину», 2; 1931), где, в частности, настойчиво проводится тема «негритянского» происхождения поэта («Был негр ему истинным сыном, / Так истинным правнуком — ты / Останешься»), а Петр противопоставляется «недостойным» потомкам Александру I и Николаю I. Эти государи присутствуют в ст-нии Самойлова скрыто (аллюзии на пушкинский «Воображаемый разговор с Александром I», 1824—1825 и отношения с Николаем, в частности на претензии царственного цензора к поэме «Медный всадник»).

С брызнувшим из рукава / Голландским кружевом — в журн. вар. («брабантское кружево») была яснее реминисценция Гумилева: «...сыпется золото с кружев, / С розоватых брабантских манжет» («Капитаны», 1; 1909). *Он предложит Пушкину / Виски с содовой...* — ср.: «Подали водку — налив рюмку себе, велел он и мне поднести; я не поморщился — и тем, казалось, чрезвычайно одолжил старого Арапа». В сохранившемся отрывке уничтоженных записок (1824) Пушкин описывает визит к двоюродному деду П. А. Ганнибалу, сыну А. П. Ганнибала («арапа Петра Великого») и персонажа ст-ния Самойлова). ...*мин херц* — «мое сердце» (искаженное голландское), обращение Петра I к Меншикову. *На берегу пустынных волн* — 1-я ст. «Медного всадника», описывающая Петра. *Ужо тебе* — проклятье безумного Евгения Медному всаднику (и Петру).

227. ВиК; ИП1. Автограф — машинопись с правкой. Ст-ние отражает резко негативное отношение Самойлова к идее эмиграции (см.: ПЗ. С. 451—452).

Тема «отъездов» бурно обсуждалась в интеллигентских кругах. Отвечая на реакцию Л. К. Чуковской на ст-ние, Самойлов признается в письме от 21 авг. 1973 г.: «Это идет от конкретного раздражения». (ДСЛЧ. С. 23). Анна Ярославна (ок. 1024 — позже 1075) — дочь Ярослава Мудрого, жена фр. короля Генриха I.

228. ВиК; ИП1. Автограф — Т713.

Младший сын Самойлова Павел родился 19 июля 1973 г.

*229. Вст; ИП1. Автографы, — Т713, без загл., не окончательная ред.; машинопись, черновой вар. Вст (РГАЛИ-2. Ед. хр. 2. Л. 61), рукоп. правка загл. на печ. вар. Всюду печаталось под загл. «Брейгель» с подзаг. («Картина»). Самойлов писал Н. И. Дубову в февр. 1977 г.: «...посылаю стихотворение "Брейгель", которое на самом деле называется "Отрывок" и к Брейгелю не имеет никакого отношения — это название для цензуры — может пройдет в книге». И, в следующем письме: «...такая радость — Ваше письмо об "Отрывке". Брейгель здесь, конечно, пришлой кобыле хвост, но иначе не печатают» (РГАЛИ. Ф. 2880. Оп. 1. Ед. хр. 452). В авторских выступлениях Самойлов также называл ст-ние «Отрывок». Печ. по ИП1 с испр. загл.

Шли пастухи от стага... — ср.: «Когда Ангелы отошли от них на небо, пастухи сказали друг другу: пойдем в Вифлеем и посмотрим, что там случилось, о чем возвестил нам Господь. И поспешивши пришли, и нашли Марию, и Иосифа, и Младенца, лежащего в яслях [...] И возвратились пастухи, слава и хвала Бога за все то, что слышали и видели, как им сказано было» (Лк. 2, 15—16, 20).

230. Ав. 1974. № 3, без посвящения, вар. ст. 4 «А итог...»; ВиК; ДВС, без посвящения; ИП1. Автограф — Т713, под загл. «Родное слово», без посвящения, вар. ст. 1—2 «И прислушаешься вдруг, / И услышишь наше слово», с пропуском вместо слова «уток» в ст. 4.

Написано на отъезд А. А. Якобсона (см. примеч. 224), эмигрировавшего в начале сентября. Уток — нити ткани, перпендикулярные нитям основы и переплетающиеся с ними.

231. ВиК, опечатка в посл. ст.; Из; ИП1. Автограф — Т713, две ред. 1-я ред. от 29 авг. 1973 г. зачеркнута.

Тема ст-ния связана с ухудшением зрения. См. примеч. 217. *Алатырь* — не город, а священный камень; в стихе о Голубиной книге и заговорах — алтарь в центре мира, на острове Буяне. *Что там, что там? — Вор? Пень?* — ср. в «Бесах» (1830) Пушкина: «"Что там в поле?" — Кто их знает? пень иль волк?»

232—233. ВиК; ИП1.

<1>. Автограф — Т6870, 3 строфы под загл. «Психическая атака». В авторских выступлениях Самойлов использовал это загл., которое, вероятно, навеяно знаменитым эпизодом атаки каппелевцев в фильме «Чапаев».

Речь идет о начале Второй мировой войны — вторжении войск нацистской Германии в Польшу (1 сент. 1939). *...последний парад* — ср. в ставшей народной песне (слова Е. М. Студенской) «Памяти "Варяга"»: «Последний парад наступает».

<2>. Автограф — Т713. без загл., вар. ст. 1 «...пристрастный современник». В перечне стихов в Т713 загл. «Романтическое вступление».

Самойлов вспоминал: «...Раза три меня посылали в командировку во второй эшелон фронтового штаба, располагавшийся в Бялой-Подляске. В этом городке я квартировал вместе с экспедитором у старой пани Адамовичевой, чьи дочь и сын описаны в одном из моих стихотворений. Правда, я переселил брата и сестру в соседний город Мендзыжец, а матушку их вовсе забыл на старом месте в наказание за то, что она неизменно присутствовала при чтении Сырокомли и мешала мне поговорить с чахоточной панной Марьлей. В говоре панны Марьли я впервые ощутил сладость польской речи и полюбил польский язык навсегда» (ПЗ. С. 262).

Владислав Сырокомля — псевдоним пол. поэта Людвиг Кондратовича (1823—1862). *Жокей-клуб* — аристократический клуб в Англии. *Седльце* — город в Польше, через который Самойлов проходил в окт. 1944 г. *Ребра искалеченной сирены*. Имеется в виду Варшава после подавления восстания. Сирена — символ Варшавы.

234. ВиК; ИП1. В печ. изд. вар. ст. 15—16 «И живет на свете пятый, / Вспоминая четверых». Автограф — Т713, вар. ст. 16 «...пятерых». Печ. по записям авторских чтений.

Пятеро поэтов — П. Коган, М. Кульчицкий, Б. Слуцкий, С. Наровчатов и Д. Самойлов (см. примеч. 81). Поэтическая компания, которую Самойлов неоднократно описывал, состояла из шести человек, однако М. Львовский в послевоенные годы работал как кинодраматург. Самойлов писал: «...Когда встретились после войны, из шестерых осталось нас трое. Двое погибли, третий от поэзии отошел. Нескольким лет держались вместе...» (ПЗ. С. 136). Ст-ние написано при жизни Слуцкого и Наровчатова, и, вероятно, в этом причина изменения ст. 15—16 в публ. Однако на своих выступлениях Самойлов почти всегда читал стихи в приводимой ред.

*235. ГзХ; ИП1. Автограф — машинопись с правкой.

Посвящение: Ю. Д. Левитанский (см. примеч. 82) — отец трех дочерей, старшая из которых родилась в 1973 г. *А в день седьмой вблизи твоих гверей...* — ср.: «И совершил Бог к седьмому дню дела свои, которые Он делал, и почил в день седьмой от дел Своих, которые делал. И благословил Бог седьмой день и освятил его» (Бытие 2, 1—2).

*236. ДН. 1974. № 6, с эпиграфом «...волна и камень / Стихи и проза... Пушкин»; ВиК, вар. ст. 8 «Упрямо...», ст. 10 «С огромной силой понял суть боренья», ст. 21 «Гражданский стих!..», без ст. 17—20; ИП1, совп. с ВиК. Автографы — Т5760, под загл. «Вступление без поэмы», первонач. ред., перед ст. 1 подзаг. «I», перед ст. 13 — «II»; Т6870 — испр. строфа о Толстом в 1969 г.; машинопись-1, без загл. и подзаг., не оконч., с разл. вар. одних и тех же ст.; машинопись-2 под загл. «Из «Вступления без поэмы» (отрывки)», содержит ст. 1—16 гл. «1» и ст. 1—4 гл. «2» в ред. Т5760; машинопись-3, под загл. «Вступление без поэмы», с эпиграфом к гл. «1» из «Капитанской дочки» Пушкина, в остальном совпадает с машинописью-2; машинопись-4 со звездочками вм. загл.. без ст. 17—20, ст. 10—12 по Т5760. Последние правки сделаны уже после сдачи в набор ВиК, и ст-ние было передано для

юбилейного номера ДН к 175-летию Пушкина. В последующих изд. с 1980 г. перепечатывалась ред. ВиК. Однако на своем вечере в музее Пушкина 16 янв. 1975 г. Самойлов читал ст-ние в журн. ред. Вероятнее всего, ко времени подготовки «Избранного» журн. публ. просто была забыта. Другой причиной могло быть то, что цензура наверняка не пропустила бы эту ред. в книжном издании. Печ. по ДН, но без эпиграфа из Пушкина, носящего явно юбилейный характер («Стихи о Дельвиге», № 240—241, также были напеч. в журн. с эпиграфом из Пушкина, однако в книге опубл. без эпиграфа). В содерж. неосуществленной поэмы, охватывающей период с 20-х по 50-е гг. XX в., главы из которой писались в 1950-х гг., присутствует назв. главы «Мужицкий бунт».

В ст-нии демонстративно игнорируются бесспорно известные Самойлову факты: русская проза начиналась как сатирическая; роман Гете «Страдания молодого Вертера» переводился и восторженно читался несколькими поколениями; Пугачев не снимает с Гринева «заячий тулупчик», а получает его в дар и др. *Немая Русь, обильна и убога, / Упорно ищет сокровенных слов* — соединяются строки Некрасова «Ты и убогая, / Ты и обильная...» («Кому на Руси жить хорошо», песня Гриши Добросклонова «Русь») и Маяковского «улица корчится безъязыкая — / ей нечем кричать и разговаривать» («Облако в штанах», 1915). *Восторг ума...* — первая строка ломоносовской «Оды... на взятие Хотина...» (1739), считающейся началом русской поэзии, — «Восторг внезапный ум пленил».

*237. ГЗХ; ИП1. Автографы — Т713, под загл. «Памяти Кирсанова», не окончено, 4 строфы, среди которых ст. 1—2 и 9—12 окончательной ред.; Т745, под загл. «На смерть Кирсанова», вар. ст. 13—15 «В вашей странной оговорке, / Там, где "смерти больше нет", / Оказались слишком зорки»; машинопись. Включено в первонач. содерж. Вст.

Кирсанов Семен Исаакович (1906—1972) — поэт. Ученик Маяковского, входил в «Лэф». В главе ПЗ «Кирсанов» Самойлов писал: «Семен Кирсанов. Открыватель, ничего не открывший. Политехнический музей ритмов, рифм, метафор и прочего. Инвентарь для восхождения на Эльбрус» (с. 310). «...И за год до смерти прочитал: "Смерти больше нет". Опять гениальная оговорка. "Больше нет" — значит было. Значит, уже была смерть» (с. 311). В одном из последних ст-ний Кирсанова «Смерти больше нет!..» имеются ст.: «Родился кузнецик / Пять минут назад...» *Ваше горлышко больное. У Кирсанова был рак горла.*

238. ДП 1976; Вст; Стх. Автографы — Т745, машинопись.

239. ПА. 1977. № 19; Вст; ИП1. Автографы — Т745; машинопись.

И, как безумная, хохочет / И плачет память над тобой — реминисценция ст-ния Баратынского «Как много ты в немного дней...» (1825): «Как Магдалина, плачешь ты, / И, как русалка, ты хохочешь».

240—241. ДН. 1974. № 6, эпиграф «Друзья, в сей день благословенный / Забвенью бросим суеты! Пушкин»; Вст, без эпиграфа; ИП1. Автограф — Т745.

Эпиграф в ДН — ст. ст-ния «Торжество Вакха» (1818).

I. Дельвиг... Лень... «Лень» и «сон» — сквозные мотивы поэзии Дельвига и легенды о поэте.

II. В ДН переставлены пары строк во 2-й строфе, вар. нач. 3 строфы «И, друг мой, / разве это не итог / Полустолетья, / мною...»

242. Вст; ИП1. Автограф — Т745, вар. ст. 6 «Что чувствуется...»

Страдания разоренных вилайетов. Вилайет — административно-территориальная единица в Турции. Речь идет о геноциде армян.

243. ПА. 1975. № 15; Вст; ИП1. Автограф — Т745.

*244. ДП 1974, опечатка в ст. 21; Вст; ИП1. Автограф — Т713, вар. нескольких строф, в т. ч. ст. 1—8 окончательного текста. Г. И. Ефремов зафиксировал в своем дневнике, что 16 апр. 1974 г., навестив в больнице Самойлова, перенесшего очередную глазную операцию, записал под его диктовку «Маркитанта». (ДН. 2003. № 10. С. 182).

Гражданская позиция Самойлова (отношение к истории страны, конфликту власти и оппозиции и своему участию в нем) представлена на фоне семейного предания. Ср.: «...Все известные мне Фердинанды происходили от уездного фельдшера из города Борисова Минской губернии Авраама Фердинанда. Об этом моем прадеде немало я слышал от матери и от тетки. <...> Однако непосредственно за прадедом начинается некий генеалогический туман, откуда выплывает фигура Рафаэля Фердинанда, солдата или маркитанта наполеоновских войск. Маркитант сей, по легенде, отступая с Великой армией, застрял в городе Борисове, где осел, женился и прославился основанием обширного и плодovitого рода» (ПЗ. С. 40). *Русской дух, зима ли, Бог ли...* — реминисценция из десятой гл. «Евгения Онегина»: «Гроза двенадцатого года / Настала — кто тут нам помог? / Остервенение народа, / Барклай, зима иль русский Бог?..».

245. ДП 1975; Вст; ИП1. Автограф — Т745, вар. ст. 4 «Хрупкий месяц...»

В 1974 г. Самойлов получил квартиру в новом районе Москвы, на Пролетарском проспекте, и покинул Опалиху.

246. ПА. 1977. № 21. Автограф — Т745, вар. ст. 8 «И каждая из вас...»

247. ДП 1977; Вст; ИП1. Автограф — Т745, вар. ст. 7 «Звуков...», ст. 8 «Пепла...» См. примеч. 245.

248. ПА. 1977. № 19; Вст; ИП1. Автограф — Т745, вар. ст. 8 «...подрастать ему».

249. Дг. 1979. № 2. Автографы — Т745; машинопись, в папке материалов к Вст (РГАЛИ-2. Ед. хр. 2. Л. 61).

250. ДП 1976; Вст; Стх. Автографы — Т745; машинопись.

251. ДН 1977. № 5; Вст; ИП1. Автограф — Т745, ст. 3—4.

Самойлов уже несколько лет работал над «Памятными записками».

252. ЛРос. 1977. № 1. 1 янв.; Вст; Стх. Автограф — Т745.

Посвящено Павлу Григорьевичу Антокольскому (1896—1978). Свое отношение к нему Самойлов выразил в заметке «Поэт, мастер, учитель» (ИП2. С. 253).

253. ДН. 1977. № 5; Вст; ИП1. Автограф — Т745, доп. ст. между ст. 1 и 2 «И вылетает словно птица».

254. ДП 1976; ПА. 1977. № 19, без посвящения; Вст; ЛР, без посвящения, Стх; ИП1. Автографы — Т745, посвящение «Вадиму Бабичкову»; машинопись.

Посвящение: Бабичков Вадим Абрамович (1920—1984) — к. техн. н., литератор, друг Самойлова со школьных лет. Литературовед В. С. Баевский, автор двух кн. о Самойлове, написал, что получил эти стихи в письме от Самойлова с непосредственным указанием, что стихотворение посвящено ему (Баевский В. С. В нем каждый вершок был поэт: Записки о Давиде Самойлове. Смоленск, 1992. С. 61). Здесь нет противоречия, т. к. Самойлов любил подобным образом подшучивать над друзьями, к примеру, над Ю. Кимом и Ю. Карякиным, также имеющими одинаковые инициалы. *И весть о нас двоих* — о себе и жене.

*255. Дг. 1979. № 2. Автографы — Т745, под загл. «Я. Смоленско-му»; машинопись с правкой (РГАЛИ-2. Ед. хр. 2. Л. 57). Включено в первоначальное содерж. Вст.

Посвящение: Смоленский Яков Михайлович (1920—1996) — чтец, Народный артист РСФСР. Первым начал читать со сцены композиции по стихам Самойлова. Неоднократно выступал вместе с Самойловым на его вечерах.

256. Вст; ИП1. Автограф — Т745, вм. ст. 5—7 «Я б попросил, чтоб повторилось / Все, что со мною сотворилось».

257. Вст; ИП1. Автограф — Т745.

*258. Ок. 1980. № 1; Зл; ИП1. Автографы — Т745, под загл. «Тетрадь», 1-я ред.; машинопись-1, 1-я ред.; машинопись-2 с правкой, загл. испр. на «Черновики», не окончат. ред. Дата до правок — авг. 1975 г.

259. ПА. 1977. № 19; Вст; Из, опечатка в ст. 4; ИП1, та же опечатка. Автограф — Т745, вар. ст. 3 «Возможно, так думает дерево». Печ. по Вст.

260. ДП 1976; Вст; ИП1. автограф — Т757.

261. ПА. 1977. № 21, вар. ст. 2 «...детским словам»; Вст; ИП1. Автограф — Т757.

*262. Тл. 1981. № 3, вар. ст. 16 «Чтобы взяться за грудки», ст. 26 «Чтобы слушалась страна»; ГзХ; ИП1. Автограф — Т757, 4 начальные, 2 доп. и посл. строфа, вар.; машинопись с правкой, к загл. «Смерть императора» дописано «Максимилиана» и «Чешская баллада», вар. ст. 26 «И покорна им страна», ст. 31—32 «Он иные видит дали, / Он провидит горний свет».

Несмотря на подзаголовок, у читателей не могли не возникнуть ассоциации с недееспособным Брежневым и стариками из Политбюро ЦК КПСС. *Максимилиан I* (1459—1519) — император (с 1493) Священной Римской империи из династии Габсбургов. *Вверх по лунному лучу*. В «Мастере и Маргарите» Понтий Пилат обретает свободу, идя по лунной дороге с Иешуа. Прощение Пилата у Булгакова сопряжено с обретением главными героями «вечного приюта». Ср. также похищение инопланетянами Александра I в поэме «Струфиан».

263. ДН. 1977. № 5; Вст; ИП1. Автографы — рукопись, на одном листе с № 779, вар. ст. 8 «Лишь то...»; Т757.

264. Вст, под загл. «Окруженец», вар. ст. 2 «Ушел», ст. 73—74 «А под .., / Это наши в бой идут!», без ст. 36—47, 71. Автографы — машинопись, доп. ст. после ст. 3 «Хрипя хрящами горгани», после ст. 25 «В сене шинель пахнет, как конский потник», вар. ст. 49 «...отстойным потом»; машинопись с правкой, в письме Н. И. Дубову от 26 февр. 1977 г. (РГАЛИ. Ф. 2880. Оп. 1. Ед. хр. 452). Печ. по автографу

РГАЛИ с книжными исправлениями, не носящими цензурного характера. Самойлов читал эти стихи М. С. Харитонову 20 февр. 1976 г. (Харитонов. С. 371).

265. Вст. Автограф — Т757.

Посвящение: Лавлинский Леонард Илларионович (р. 1930) — поэт, критик. Был первым зам. ред. ДН, гл. ред. ЛО.

266. ПА. 1977. № 21; Вст. Автограф — Т757, вар. ст. 6 «Хоть целый день смотрю...», ст. 7 «И вглядываюсь в даль...».

Мартынов Леонид Николаевич (1905—1980) — поэт. Очерк Самойлова о нем помещен в ПЗ (с. 376—380).

267. ДП 1976, без загл.; Вст; Стх. Автограф — Т757, без загл.

268. НМ. 1978. № 3, в публ. под общим заголовком «Из пярнских элегий»; Вст; ИП1. Автограф — Т757.

В 1976 г. Самойлов с семьей переехал в Пярну.

269. Вст; ИП1. Автограф — Т757, с незначит. расхождениями.

*270. Тл. 1978. № 1, вар. ст. 6—8; УТ, вар. ст. 8 «Залив ...»; Зл; ИП1. Автограф — Т757, др. ред.

271. ПА. 1977. № 21, вар. ст. 12 «Бессмысленного бытия»; Ав. 1985. № 7, под загл. «Песенка»; ГзХ; ИП1. Автографы — Т757, аналогично 1-й публ.; машинопись, правка ст. 12.

272. УТ; Зл; ИП1. Автографы — Т757; машинопись.

273. ДН. 1977. № 5; Вст; ИП1. Автографы — Т757, вар. ст. 3 «Люблю меддительное слово»; машинопись. Соколов Владимир Николаевич (1928—1997) — поэт. 17 ноября 1975 г. Самойлов записал в дневнике: «Вернулся из Софрина с совещания молодых. <...> Соколов, с которым я жил в одной комнате, — истинный поэт и в слове и в манере держаться» (ПдЗ2. С. 91).

274. ПА. 1977. № 21, вар. ст. 6 «В их небурной...», ст. 7 «Только слово...», ст. 9 «Да и нам ли...», ст. 10 «...тихих котят»; Гр; ИП1. Автограф — Т757, отличие от 1-й публ. — вар. ст. 11 «Разве только по тайному знаку».

275. НМ. 1978. № 3, в публ. под общим заголовком «Из пярнских элегий»; Вст. Автографы — Т757, 1-я строфа; машинопись с правкой.

276. Памир. 1977. № 10, вар. ст. 19 «Лучше не братья!»; Зл; ИП1. Автограф — Т757, вар. ст. 14 «...идею», ст. 19.

Otygite, neravgivye — переосмысливается латинское речение «Procul <este>, profani» («Прочь, непосвященные»), восходящее к «Энеиде» Вергилия и взятое Пушкиным в качестве эпиграфа к стиху «Поэт и толпа».

277. ДН. 1977. № 5, вар. ст. 2 «... у фруктошника», ст. 6 «Не у нянек, у фруктошника»; Вст. Автографы — Т757, 1-я строфа; машинопись.

278. ЛРос. 1978. № 2. 13 янв.; Вст. Автографы — Т757, без загл., первые 3 строфы; машинопись без 4-й строфы.

*279. Тл. 1978. № 1, др. ред.; УТ; Зл; ИП1. Автографы — Б758; машинопись.

280. МК. 1978. № 224. 29 сент.; Зл; ИП1. Автографы — Т757, без посл. строфы; машинопись.

Я выбрал залив. 8 авг. 1976 г. Самойлов записал в дневнике «Решение зимовать в Пярну» (ПдЗ2. С. 103). С этого времени он постоянно жил в Пярну, выбираясь в Москву по 2—3 раза в год. Частота и длитель-

ность посещений столицы нередко зависели от состояния здоровья.

281. МК. 1978. № 224. 29 сент.; Зл; ИП1. Автограф — Т757.

Написано на смерть О. Л. Фогельсон (см. примеч. 15), умершей 28 февр. 1977 г.

282. Вст; ИП1. Автографы — Т757 и машинопись, вар. ст. 8 «...видимый едва».

Кто пробудил ручей в овраге... — реминисценция из «Египетских ночей» Пушкина («Зачем крутится ветр в овраге...»).

283—298. Писались в 1976—1977 гг., сначала как отд. ст-ния, часть из которых вошла в Вст. Публ. полного цикла — УТ; Зл; ИП1.

Посвящение: Галине Медведевой — см. примеч. 136.

I. ДП 1977. Автографы — Б758; машинопись.

II. НМ. 1978. № 3. Автографы — Т757, вар. ст. 7 «...рыжие колонны»; машинопись.

III. ПА. 1977. № 21. Автограф — Т757.

IV. Вст. Автограф — машинопись.

Написано после похорон О. Л. Фогельсон (см. № 281 и примеч. 15). *Душа — несчастливая гречанка* — аллюзия на греч. миф о Психее (Душе). См. также поэму «Сон о Ганнибале».

V. Тл. 1978. 1. Автограф — машинопись с правкой.

Лорелея — образ из нем. романтической поэзии, волшебница (К. Брентано), русалка (О. фон Лебен, Г. Гейне). В ст-нии Гейне «Не знаю, что стало со мною...» (1823) волшебное пение Лорелеи сводит с ума и губит плывущих по Рейну.

VI. Вст. Автографы — Т757; машинопись.

VII. НМ. 1978. № 3. Автографы — Т757, вар. ст. 12 «и девичья щека»; машинопись.

*VIII. Тл. 1978. 1. Автографы — Т757, предварит. ред. и ред. с вар. ст. 8 «И унижительная страсть» вм. «И возвышающая страсть»; машинопись, вар. ст. 8 «И унижающая страсть» зачеркнут, от руки вписано «Какая сумрачная страсть»; машинопись.

IX. Дг. 1979. № 2. Автографы — Т60, ст. 1—2 с продолжением «Старею, немею, / Живу — поживаю»; Т757. *Любить не умею* — ср. «Хотел бы я жить, как люблю и умею» (№ 759).

X. Вст. Автографы — Т757, 1 строфа; машинопись, вар. ст. 1 «Пройтись...», ст. 10 «Встряхни...».

XI. ДП 1977. Автографы — Т757; машинопись.

XII. ПА. 1979. № 25. Автографы — Т757; машинопись.

XIII. ПА. 1979. № 25. Автографы — Т757, вар. ст. 3 «В астральные пределы вхоже»; машинопись. *Хотел мне дать забвенья, Боже...* — ср.: «Забыть? — забвенья не дал Бог, / Да он и не взял бы забвенья!..» (Лермонтов, «Демон», ч. 1, гл. 9).

XIV. Тл. 1978. 1, вар. ст. 7, 8 «Как...». Автографы — Т757, вар. ст. 1 «...недалеко от моря», ст. 3 «И почему-то чувство горя», ст. 5, 6 «Как...»; машинопись, отлич. от Т757 вар. ст. 3 «И постепенно чувство горя»; машинопись.

XV. МК. 1978. № 224. 29 сент., вар. ст. 5 «И невозможность передать» и опечаткой в ст. 7. Автографы — Т757; машинопись.

XVI. ДП 1977. *Шуберт. Восьмая*. По воспоминаниям Ю. Ч. Кима, Самойлов говорил, что имеется в виду седьмая симфония Шуберта,

которую он особенно любил, а на вопрос: «Почему же в стихах восьмая?» отвечал «Для благозвучия». (Ким Ю. Собрание пестрых глав: Кн. первая. М., 1998. С. 247). Шутка предсказана первой строкой. Вопрос *Чет* или *нечет*? — это, согласно мифологическим представлениям, вопрос «жизнь или смерть?». Игра поддержана творческой историей сочинений Шуберта: Седьмая симфония (1821) осталась незавершенной, а потому Восьмая (прославленная Неоконченная, 1822) иногда именуется «Седьмой». Выбор номера продиктован не благозвучием, но семантикой «четности» (жизни), противопоставляющей с мрачной окраской финала. Видимо, по той же причине цикл составлен из 16-и (четное число) ст-ний.

299. УТ; Зл; ИП1. Автографы — Т757, без ст. 13—16, вар. ст. 5 «Вот чудо...», ст. 7 «...на свободе», ст. 9—10 «И суть его создания — / («Скворец или щегол)»; машинопись без ст. 13—16.

*300. МК. 1978. № 224. 29 сент., др. ред.; УТ; Зл; ИП1. Автографы — Т757, не завершено; машинопись, с вар., без ст. 21—24.

301. ЛГ. 1978. № 1. 4 янв., вар. ст. 9 «В собаке тоже...» Автограф — машинопись. Печ. по автографу (правка в ЛГ имеет явно ценз. характер).

Автопародия опубл. в «Клубе Д<венадцати> С<тулев>» и предваряется предисл. П. Ф. Хмарь: «Чувством юмора, то есть умением видеть себя со стороны, а также умением иногда и посмеяться над самим собой, должны обладать все. Поэтому <...> администрация <Клуба ДС. — Комм.> обратилась к целому ряду писателей с просьбой создать пародии на самих себя. <...> Сегодня мы предлагаем вниманию читателей первые образцы творческого самообслуживания <...>». Стишок «У попа была собака...» как канва для пародий был впервые использован авторами сб. «Парнас дыбом» (Харьков, 1925) Э. С. Паперной, А. Г. Розенбергом и М. А. Финкелем. В эпиграфе оборван зачин ст-ния Пушкина «Не пой, красавица, при мне / Ты песен Грузии печальной» (1828), на слова которого написан романс М. И. Глинки. *И поп о ней подумал: «Не глупа!...» <...> Стоял апрель* — ср. в № 138: «А Пушкин думал: "Он весьма умен..." <...> Стоял апрель. И жизнь была желанна».

*302. ГзХ; ИП1. Автографы — Т789, под загл. «Первое марта», с 6-ю доп. строфами в начале; машинопись с зачеркнутыми 4-мя строфами в начале, 3 из которых совпадают с началом в Т789, а 4-я — 6-я строфа из Т789 с заменой посл. ст. на «И недалёвность Бориса, / Убийце подавшего нож», добавленное от руки загл. «Ялуторовск», правка ст. 1.

Первое марта — дата убийства Александра II (1881). *Ялуторовск* — город в Тюменской обл., место политической ссылки в царской России. В нем находится музей декабристов. *Каховский* Петр Григорьевич (1797—1826) — декабрист, смертельно ранивший М. А. Милорадовича 14 дек. 1825 г.

303. ДН. 1979. № 12, вар. ст. 20 «Как свет недалёго жилья»; Зл; ИП1. Автографы — Т789, вар. ст. 20 «Она уже вблизи хуста»; машинопись с правкой кн. вар. на вар. ДН.

304. МЭ. 1978. 11 ноября; Зл; ИП1. Автографы — Т789, ст. 1—8 с загл.; Б758, ст. 9—16; машинопись.

305. ПА. 1979. № 25; Зл; ИП1. Автограф — Т789.

306. Ав. 1980. № 5, вар. ст. 4 «Старинной Венгрии...», ст. 10 «Мы проводили...». Автограф — Т789, вар. ст. 14—15 «(А Польша, как ее ни двигай, / При Висле лишь — сама собой)», ст. 25 «Что были так тогда нужны»; машинопись с правкой (РГАЛИ-2. Ед. хр. 8. Л. 1), вар. ст. 14—15. Печ. по автографу РГАЛИ с правкой ст. 14—15 по Ав.

Чванливой Венгрии кафтан — в средневековой истории Польши и Венгрии имеются взаимосвязанные страницы. В частности, при Лайоше Великом (1326—1382), короле Венгерского королевства с 1342 г. и короле Польши (под именем Людовик I Великий или Людовик Венгерский) с 1370 г., Польша пребывала в тени гегемонистской Венгрии. После смерти Лайоша Великого польский трон достался его младшей дочери Ядвиге. *Коварных, мстительных, разумных, — / Но кто прекрасней, чем они.* Личные воспоминания соединяются с образами Марины Мнишек («Борис Годунов») и «полячки» пушкинского перевода баллады Мицкевича («Будрыс и его сыновья», 1833): «Нет на свете царицы краше польской девицы».

307. Зл; ИП1. Автограф — Т789, без загл. и последней строфы. Ганза — см. примеч. 181. Повсюду тьма, и тишь, и тьма — ироническая реминисценция из ст-ния А. Блока «Скифы» («Нас — тьмы, и тьмы, и тьмы»).

308. Дг. 1980. № 12, вар. ст. 6 «Влажность и холод...»; Зл; ИП1. Автограф — Т789, не окончено.

309—310. Тл. 1978. № 1, под загл. «Из стихов о Пушкине»; Зл; ИП1.

I. Тл — вар. ст. 8 «Те, кто...», ст. 9 «...у края домовины». Автографы — Т757; машинопись, совп. с Тл.

Он заплатил за нелюбовь Натальи — ср. записи о трагедии Пушкина в «Общем дневнике» от 23 марта и 17 апр. 1977 г. (ПДЗ2. С. 284—287). *Домовина* — гроб.

II. Автограф — Т789.

Что остается? Поздний Тютчев? Имеется в виду нарушающая все светские нормы любовь женатого Тютчева к Елене Александровне Денисьевой (1826—1864); их связь началась в 1850 г. (Тютчеву было 46 лет) и продолжалась до смерти Денисьевой. *Поздний тоже.* Имеется в виду столь же незаконная любовь женатого Пастернака к Ольге Всеволодовне Ивинской (1913—1995). *Вдруг упاداющий на ложе / В шум платья, листьев, октября* — ср.: «Ты так же сбрасываешь платье, / Как роща сбрасывает листья, / Когда ты падаешь в объятье / В халате с шелковой кистью» («Осень», входит в «Стихотворения Юрия Живаго»). О соотношении биографического и «литературно-исторического» пластов см. вступит. статью.

*311. УТ, с посвящением «Ю<рию> Д<кикову>»; Зл; ИП1. Автограф — Т789. Ст. 5—8 взяты из ст-ния 1964 г. «Ночь за окном. И за окном...» (см. разд. «Другие редакции»; автограф — Т64, посмертная публ.: ПЦ. 1996. № 3).

Посвящение: Диков Юрий Павлович (р. 1938) — д. геол.-мин. н.

312. ПА. 1979. № 25; Зл; ИП1. Автограф — Т789.

313. ГзХ; ИП1. Автографы — Т789, без посвящения, вар. ст. 6 «Нынче вовсе не в чести»; машинопись.

Посвящение: Слуцкий Борис Абрамович (1919—1986) — один из ближайших друзей Самойлова с довоенного времени. О сложных взаимоотношениях поэтов см. главу ПЗ «Друг и соперник» (с. 152—177).

314. Ав. 1980. № 5, вар. ст. 15 «Не помнит...»; Зл; ИП1. Автограф — Т789, под загл. «Вступление», вар. ст. 27 «...на ходу».

315. МЭ. 1978. 11 нояб., вар. ст. 41 «И, может, все было уместно:»; Зл; ИП1. Автограф — Т789.

Когда среди шумного бала — варьируется зачин ст. А. К. Толстого «Средь шумного бала, случайно...» (1851; положено на музыку П. И. Чайковским). Сохраняя метр (трехстопный амфибрахий), Самойлов заменяет чередующиеся рифмы сплошными женскими. Стиховые различия подчеркивают различия смысловые: у Толстого речь идет о встрече-откровении, у Самойлова — о разрыве. *Палимпсест* — рукопись, написанная поверх счищенного текста. *Война была посередине* — ср. первую разработку темы в № 695.

316. Тл. 1981. № 3; ГзХ; ИП1. Автографы — Т789, вар. ст. 2 «Живя в тени...»; машинопись.

Малый юс — буква церковнославянского алфавита, некоторое время сохранявшаяся и после того, как отражаемый ею носовой звук исчез из языка. Ср. № 795. *Многоглаголанья боюсь* — ср.: «И празднословия не дай душе моей» (Пушкин, «Отцы пустынноики и жены непорочны...», 1836; переложение великопостной молитвы Ефрема Сирина).

317. МЭ. 1978. 11 ноября, без загл. и посвящения; Ав. 1980. № 5, без посвящения; Зл; ИП1. Автограф — Б758. Запись в дневнике от 3 июня 1978 г.: «Льву послал стихи «Часовой»» (Пд32. С. 112).

Посвящение: Копелев Лев Зиновьевич (1912—1997) — писатель, критик-германист, друг Самойлова. До войны аспирант Копелев руководил лит. кружком в ИФЛИ, участником которого был Самойлов. Узник сталинских лагерей. В 1960—1970-х гг. открыто выступал против политических преследований в СССР. В 1977 г. исключен из Союза Писателей. Подвергался травле. Несколько раз «возмущенные граждане» били окна в его квартире. Ст-ние навеяно наметившимися планами эмиграции Копелева. В 1981 г. адресат во время поездки в ФРГ был лишен советского гражданства. Жил в Кельне.

*318. ВЛ. 1978. № 10, вар. ст. 19 «...сквозь сердце и шкуру», ст. 31 «...в сем мире похожи»; Зл; ИП1. Автографы — Т757, др. ред.; Т789, отд. ст.; машинопись с правкой, вар. ст. 19; в письме Л. К. Чуковской в авг. 1978 г. (см.: ДСЛЧ. С. 95). О литературном контексте ст-ния см. вступит. ст.

319. Пушкинский праздник (совместное изд. ЛГ и ЛРос). 1979. 28 мая — 6 июня; Зл; ИП1. Автографы — Т789, вар. ст. 2 «Без несуразницы и розней», ст. 4 «Из пушкинской плеяды поздней», ст. 6 «Но следует за то молиться»; машинопись с правкой.

320. Нева. 1980. № 2; Зл; ИП1. Автографы — Т789, вар. ст. 8 «Лишь в гористых облаках»; машинопись (РГАЛИ-2. Ед. хр. 7. Л. 10).

321. ЛГ. 1979. № 41. 10 окт.; Зл; ИП1. Автограф — Т789.

322. МЭ. 1978. 11 нояб.; ЛГ. 1978. № 49. 6 дек., без посвящения и 4-й строфы; Зл; ЛР, без посвящения; Стх; ИП1. Автографы — Т789, не целиком; машинопись с правкой. В конце 1978 г. Самойлов писал

Н. И. Дубову, что ЛГ опубл. ст-ние, выкинув лучшую строфу (РГАЛИ. Ф. 2880. Оп. 1. Ед. хр. 453).

Посвящено Юрию Левитанскому — см. примеч. 82. Название отсылает к дебютному ст-нию Пушкина «К другу стихотворцу» (1814), где юный автор отговаривает столь же юного собрата от выбора пути поэта. Реминисценции следуют и далее. *Не то чтоб похвалы, а все ж и похвалы и Пускай лукавый лавр примерит ученица* — ср.: «За лаврами спешишь опасною стезей». *И наго потесниться* — ср.: «Довольно без тебя поэтов есть и будет». ...не спит гуша, ночного зверя чулче... — контаминация хрестоматийных заветов «поздних» Заболоцкого («Душа обязана трудиться / И день и ночь, и день и ночь» — «Не позволяй душе лениться...», 1958) и Пастернака («Не спи, не спи, художник» — «Ночь», 1956). ...шумит морской прибой — ср. коду ст-ния Мандельштама «Бессонница. Гомер. Тугие паруса...» (1915): «И море черное, витийствуя, шумит / И с тяжким грохотом подходит к изголовью», в свою очередь отсылающую к Пушкину («Лишь море Черное шумит...» — «Отрывки из путешествия Онегина») и Лермонтову («А море Черное шумит не умолкая» — «Памяти А. И. О^доевско^{го}», 1839).

323. Тл. 1985. № 4; ГзХ; ИП1. Автографы — Т789, вар. ст. 4—5 «...а от невзгод, / И не от невзгод. А просто строчку», ст. 8 «Только пуля...»; машинопись.

324. ЛГ. 1979. № 41. 10 окт.; Зл; ИП1. Автограф — Т789, ст. 1—4, 9—12.

*325. Ок. 1980. № 1; Зл; ИП1. Автографы — Т789, наброски под загл. «Рифмы-повторы»; там же, позднее, наброски под загл. «Повторы»; машинопись с правкой.

Лухие, жесткие морозы... — ср. у В. Н. Соколова «Сухие, чистые морозы...» (Шайтанов И. О времени слышнее вест // ИП1. С. 10). *Читатель ждет уж рифмы «розы»* — ср.: («Читатель ждет уж рифмы розы; / На, вот возьми ее скорей!») — «Евгений Онегин», гл. 4, строфа XLII). *Ну что ж, лови ее, лови* — наряду с Пушкиным цитируется Тютчев («О, в этом радужном виденье / Какая нега для очей! / Оно дано нам на мгновенье, / Лови его — лови скорей!» — «Как неожиданно и ярко», 1865; отмечено И. О. Шайтановым). *Однажды за рекой Непрядвой / Гремели грозные бои* (вар.) — полемическая отсылка к циклу Блока «На поле Куликовом» (1908) с его идеей «повторения» ключевых исторических событий; ср. у Блока: «За Непрядвой лебеди кричали, / И опять, опять они кричат...», «Опять с вековой тоскою / Пригнулись к земле ковыли, / Опять за туманной рекою / Ты кличешь меня издали...», «Опять над полем Куликовым / Взошла и расточилась мгла»

326. ДН. 1979. № 12, вар. ст. 1 «Здесь, на опушке, близко поля»; Зл; ИП1. Автографы — Т789, отд. ст. с загл.; машинопись с правкой.

Я знаю кладбища другие. Противопоставление сельского и городского кладбищ выявляется в «Сельском кладбище» (1802) Жуковского, а затем у Пушкина в «Когда за городом, задумчив, я брожу...» (1836).

327. Нева. 1980. № 2; Зл; ИП1. Автограф — Т789, под загл. «Фет», без последней строфы, 3-я строфа перенесена в конец.

Лишь сын шинкарки из-под Кенигсберга / Так рваться мог в российский дворяне. До 14 лет Фет именовался потомственным дворянином Афанасием Шеншиным, однако после того как выяснилось, что его мать обвенчалась с А. Н. Шеншиным через 2 года после рождения ребенка, он стал гессен-дармштадтским подданным Афанасием Фётом. Поставив себе целью вернуть утраченное, он поступил в армию в надежде дослужиться до офицерского чина, дающего потомственное дворянство, в чем не преуспел. Потомственное дворянство и фамилию Шеншин Фет получил волей императора Александра II в 1873 г. *И так толково округлять поместья.* Купив в 1860 г. землю во Мценском уезде Орловской губ. (село Степановка), Фет успешно занимался сельским хозяйством. *От камергерских знаков Шеншина.* Фет получил придворное звание камергера в 1889 г. Ср. в ст-нии А. М. Жемчужникова «Памяти Шеншина-Фета (1892): «Искупят прозу Шеншина / Стихи пленительные Фета». Противопоставление двух фамилий иронически обыгрывалось многими современниками поэта. *Он забывал про действительность глаголов.* Без глаголов написано ст-ние «Шепот, робкое дыханье...» (1850). *И что за ночь!..* — перифразированная ст. ст-ния Фета «Еще майская ночь» (1867) «Какая ночь! На всем какая негала!»

*328. ДП 1989, 1-я ред., с посвящением «Анатолию Якобсону», без ст. 57—64, 73—96; Сн. Автографы — Т789, наброски; машинопись-1 с правкой, 1-я ред.; машинопись-2, 1-я ред., дата «16 02.79» с рукописными строфами, добавленными позднее; машинопись-3, 2-я ред., дата «февраль 1979» с рукоп. правкой и дописанной позднее 12-й строфой; машинопись-4 с правкой, датированная «февраль—март 1979». Публ. в ДП осуществлена по тексту, имевшемуся у одного из сост. альм. — Т. Жирмунской (см.: Жирмунская Т. «Простота сего урока...»: Голос издалека // Вопросы лит. 1994. № 4. С. 290—298). В Сн помещено в разд. «Поэмы», однако в письмах и приведенных ниже примеч. называется ст-нием.

Якобсон (см. примеч. 224, 230) покончил с собой в Израиле 28 сент. 1978 г. В письме Л. К. Чуковской в 1-й декаде февр. 1979 г., в ответ на присланные стихи памяти Якобсона, Самойлов сообщал: «Я тоже тогда начал писать стихи о том же. Но «звук» там оказался более «эпическим», чем в Ваших стихах, что не соответствовало тогдашнему впечатлению. Заранее понятое и отстоявшееся потянуло стихи в другую сторону. Вероятно, я к ним вернусь. Уже вертятся в голове новые строфы». (ДСЛЧ. С. 106—107). 27 февр. 1979 г., получив 1-ю ред. ст-ния, Чуковская телеграфировала «ГЛУБОКО БЛАГОДАРНА ЗА НЕОБХОДИМЫЕ СТИХИ» (ДСЛЧ. С. 109), а на следующий день написала письмо с откликом на ст-ние. В ответном письме в первой декаде марта Самойлов писал: «Прощание» я Вам послал, а потом немного жалел, до Вашей телеграммы и до письма. Я там многие слова переписал и прибавил три строфы. Хочется прибавить и четвертую — как он играл в шахматы, как спровадил партнера и (по письму Майи), что самоубийство было сознательно, моментом понимания неотвратимости болезни. Но этого пока нет». В арх. Г. И. Медведевой имеется машинопись текста, озаглавленного «Примечания автора к стихотворению "Прощание"»:

«1. Ритм и размер этого стихотворения всем показался оригинальным. Покойная М. С. Петровых вспомнила, что подобная строфа

есть в одном из переводов Маршака из Бернса. (Точного аналога строфы в переводах Маршака нет. — *Комм.*)

2. *Однажды он ушел от нас...* Имеется в виду отъезд А. Якобсона в Израиль (1973). По этому поводу были большие споры среди его друзей.

3. *Не веря в праведность судьбы...* Бесспорно, одной из главных причин отъезда Якобсона было нежелание предстать перед судом.

4. *Ведь не остался даже пес...* Уезжая, А. Я. увез с собой приبلудную хромую собачонку по кличке Том, названную так в честь погибшего под поездом нашего пса Тома.

5. *Не зря веревочка вилась...* У А. Я. была привычка крутить в руках веревочку или шнурок. Веребочка была всегда при нем.

6. *К опалихинским галдежам...* Последние годы перед отъездом А. Я. наша семья жила в пос. Опалиха (29 км. от Москвы по Рижской ж. д.). А. Я. часто бывал там, обычно вваливаясь неожиданно в любое время дня и ночи. В Опалиху ездило много народу. Застолье там было постоянным.

7. *Он был назначен целовать плечо пророка...* А. Я. сам рассказывал, как сдороваясь с Тарковским, целовал ему «плечико».

8. *Бессмертием назвал молву...* — намек на признание А. Я. в работе о «Вакханалии» Пастернака.

9. *В его мозгу клубился мрак...* Строчка эта вызвала недовольство Л. К. Чуковской. «Здоровых литераторов я не видела», — сказала она.

10. *Застенчивый палач...* А. Я. лечили большим количеством лекарств, что ему, видимо, не помогало, а лишь усугубляло депрессию.

11. *Но кто б ему наколдовал...* Продолжение спора об отъезде. «Я бы наколдовала», — сказала Л. К. Чуковская.

12. *Он в шахматы сыграл...* Так рассказывали о последнем часе жизни А. Я.

13. *Без индугенций...* Первая жена А. Я. Майя Улановская писала в одном из писем, что он поступил жестоко, никого не простив перед смертью».

Из 1-го примеч. следует, что текст написан не ранее июня 1979 г. (М. С. Петровых умерла 1-го июня). Это единственный случай, когда Самойлов счел нужным сделать к стихотворению развернутые примечания.

329. ДП 1979, вар. ст. 33 «Здесь за забором...»; Зл; ИП1. Автографы — Т789, неоконч. вар., под загл. «Поздний плач об Илье Лапшине»; машинопись с правкой, под загл. «Памяти юноши Ильи Лапшина», вар. ст. 35 «А дальше площадь, где легко светясь»; машинопись.

Жаль юношу Илюшу Лапшина. Лапшин Илья Александрович (1921—1943) — студент литинститута. Стихи и письма Лапшина с предисл. Самойлова см.: Юн. 1981. № 1. *Божедомка* Нов. — ныне ул. Достоевского, на ней располагался Туберкулезный институт, во флигеле которого жил Лапшин.

330. Ок. 1980. № 1; Зл; ИП1, с опечаткой в ст. 20. Автограф — Т789, без ст. 27. Во всех кн. изд. — опечатка в ст. 22. Печ. по Ок.

331. ДН. 1979. № 12; Зл; ИП1. Автографы — Т789, без ст. 13—16; машинопись, вар. ст. 8 «...живет корнем», ст. 15 «...с тревогой гляжу я...»

332. ДН. 1979. № 12; Зл; ИП1. Автографы — Т789, вар. ст. 6 «Лишь тем легко,...»; машинопись с правкой.

333. Тл. 1981. № 3, вар. ст. 13. «А старался понять.»; Зл; ИП1. Автограф — машинопись. Послано в письме Л. К. Чуковской в конце июня 1979 г.

334. ИП2, в тексте эссе «Наброски к портрету», посвященному М. С. Петровых. Автографы — Т789, под загл. «Памяти Марии Петровых», 3 строфы; Т7980, 1-е в цикле из трех ст-ний (вместе с № 336, 337); машинопись (РГАЛИ-2. Ед. хр. 8. Л. 6, 9), также 1-е в том же цикле. В июле Самойлов заменил его в цикле другим (№ 335).

Петровых Мария Сергеевна (1908—1979) — поэт, переводчик. Единственная ее прижизненная кн. стихов и переводов «Дальнее дерево» вышла в Ереване в 1968 г. Самойлов писал: «...как поэта оценил Петровых, только прочитав ее маленькую книжку, вышедшую в Армении» (ИП2. С. 278). Петровых и Самойлов дружили с конца 1950-х гг., когда они вместе с В. К. Звягинцевой вели семинар молодых переводчиков при Союзе Писателей. М. С. Петровых умерла 1 июня 1979 г. Самойлов узнал об этом 5 июня и тут же послал в ЛГ некролог, который не был опубликован.

335—337. Написаны на смерть М. С. Петровых.

I. Нева. 1980. № 2; Зл; ИП1. Автограф — Т7980. Впоследствии вставлено в цикл вместо № 334.

II—III. НМ. 1980. № 1, без посвящения; Зл; ИП1. Автографы — Т789, не до конца; Т7980; машинопись (РГАЛИ-2. Ед. хр. 8. Л. 7—8). Самойлов писал Л. К. Чуковской: «В "Н. мире" (негодяи!) напечатали два ст-ния на смерть М. С., но без посвящения! Объяснение одно: забыли. Что с ними делать?» (ДСЛЧ. С. 130).

338. ЛГ. 1979. № 46. 14 ноября; Зл; ИП1. Автографы — Т7980; машинопись с правкой.

Запись в дневнике от 14 ноября 1979 г.: «В "Литгазете" на шестнадцатой полосе щелкнул по носу Глушкову» (ПдЗ2. С. 136). Глушкова Татьяна Михайловна (1939—2001) — поэт, переводчик, критик, принадлежала к числу самых ярких обличителей Самойлова. *Галчинский* К. И. — см. примеч. 160. *И проняло поэтов / Нехороших, но разных* — ср.: «А мне / в действительности / единственное надо — / чтоб больше поэтов / хороших / и разных» (Маяковский. «Послание пролетарским поэтам», 1926; ср. там же: «а у меня к вам, товарищи, / деловое предложение — давайте, / устроим / веселый обед!» и *В общем, купили водки... Будем любить друг друга*). *Мы гегелей не читали* — ср.: «Мы / диалектику / учили не по Гегелю» (Маяковский. «Во весь голос», 1930).

*339. НМ. 1980. № 1, без посвящения; Зл; ИП1. Автографы — Т60, неоконченное ст-ние; Т7980, без посвящения, с зачеркнутым вар. ст. 1 «Сближают болезни...»; машинопись без посвящения.

Посвящено Сергею Наровчатovu — см. примеч. 81.

*340. Тл. 1982. № 5; ГзХ; ИП1. Автографы — Т7980; машинопись, вар. ст. 7 «А при этом половина»; машинопись.

Возможно, обращено к Натэлле Всеволодовне Горской (р. 1928; поэт, переводчик).

341. ЛГ. 1980. № 5. 30 янв., без последней строфы; Зл; ИП1. Автографы — Т7980, наброски; машинопись с правкой (РГАЛИ-2. Ед. хр. 6. Л. 8).

342. Зл; ИП1. Автографы — Т7980, отд. строфы; машинопись с правкой, первоначальная, не завершенная ред. (РГАЛИ-2. Ед. хр. 7. Л. 1).

«...у гробового входа» — цитата из ст-ния Пушкина «Брожу ли я вдоль улиц шумных...» (1829).

343. Нева. 1981. № 5, без 1-го и 2-го эпитафьев, вар. окончания «Что ж, пойдем. Ведь нам с тобой / Еще идти... / (Уходят по дороге)»; Зл; ИП1. Автографы — Т7980, варианты, 3-й эпитафья «Пускай лукавый лавр примерит ученица»; машинопись с правкой и датой окончания; машинопись.

1-й эпитафья — зачин незавершенной гл. «Учителя» из неосуществленной поэмы, которую Самойлов писал в 1950-х гг. 2-й эпитафья — см. № 715, 3-й эпитафья — см. № 71. Первоначальный вар. 3-го эпитафья — см. № 322. Название отсылает к одноименному прозаическому трактату Хлебникова (1912). Обозначения персонажей и ремарки входят в состав стиха. Позднее этот прием будет использован в поэмах «Старый Дон-Жуан» и «Юлий Клоampus». Осуществляют хлебниковский сон / О подвижных стеклянных городах — см. ст-ние Хлебникова «Город будущего» (1920), в частности: «Ремнями приводными живые ходят горницы, / Светелка за светелкою, серебряный набат, / Узнавшие неволю веселые затворницы, / Как нити голубые стеклянных гладких хат». ...прежде, чем успел пропеть петух... На тайной вечере Христос предсказывает апостолу Петру, что тот трижды отречется до петушиного крика.

344. ЛГ. 1980. № 5. 30 янв.; ГзХ; ИП1, с опечаткой в ст. 3. Автографы — Т7980, без 3-й строфы и загл.; машинопись. Печ. по ГзХ.

345. АР. Автографы — Т7980; машинопись.

346. ГзХ; ИП1. Автографы — Т7980; машинопись.

347. ПА. 1981. № 30, вар. ст. 12 «...тяжкая тоска»; Зл; ИП1. Автограф — Т7980, вар. ст. 12.

348. ЛГ. 1980. № 5. 30 янв.; Зл; ИП1. Автографы — Т7980, машинопись с правкой (РГАЛИ-2. Ед. хр. 7. Л. 12).

По свидетельству Г. И. Медведевой, обращено к Зое Александровне Крахмальниковой (р. 1929) — во времена знакомства с Самойловым сотруднице ЛГ, ныне — религиозному публицисту.

349. УГ, под загл. «Перед бурей»; Зл; ИП1. Автограф — Т7980.

350. МЛ. 1980. 6 июня; Зл; ИП1. Автографы — Т7980, без 2-й строфы, не закончено; машинопись с правкой (РГАЛИ-2. Ед. хр. 7. Л. 9).

Сандрильона (фр., *sendrillon*) — золушка.

351. МЛ. 1980. 6 июня; Дг. 1980. № 12. Автографы — Т7980, незавершенная ред.; машинопись (РГАЛИ-2. Ед. хр. 8. Л. 4, 5).

352. Дг. 1980. № 12, без посвящения; Зл; ИП1. Автографы — Т7980, вар. ст. 6 «Плывем и не жалеем лодку»; машинопись с правкой (РГАЛИ-2. Ед. хр. 6. Л. 2).

Посвящение: Крамов Исаак Наумович (1919—1979) — критик, прозаик, эссеист. Вместе с женой — прозаиком Е. М. Ржевской — близкие друзья Самойлова, знакомые с ним с ифлийских времен. В нач. окт. 1979 г. Самойлов писал Л. К. Чуковской: «С середины октября на две недели собираюсь в Ялту — там у моих друзей почти

одновременные шестидесятилетия» (ДСЛЧ. С. 126). 19 окт. в Ялте вместе с Ржевской и Крамовым он отметил 60-летие Крамова, а 23 окт. Крамов неожиданно умер (см.: Пд32. С. 134).

353. Дг. 1980. № 12; Зл; ИП1. Автограф — Т7980, 2 строфы и начало 3-й; машинопись с правкой (РГАЛИ-2. Ед. хр. 6. Л. 9).

И с залетейской тенью — ср. автохарактеристику Ахматовой: «Почти от залетейской тени» («Надпись на книге», 1940).

354. МЛ. 1980. 6 июня, вар. ст. 9 «...всегда я отдаю»; Зл; ИП1. Автограф — Т7980.

Суровой музе гордости и мщенья — ср.: «Замолкни, Муза мести и печали» (1855) и др. ст-ния Некрасова о Музе.

355. МЛ. 1980. 6 июня; Зл; ИП1. Автограф — Т7980, вар. ст. 4—5 «Не желаю ни на что / Обращать вниманье. Худо», ст. 12 «Все, что сделалось с тобой». Обращено к Г. И. Медведевой.

356. ЛГ. 1980. № 5. 30 янв., без посвящения; Зл; Стх; ИП1, без посвящения, Сн. Автографы — Т7980, машинопись (РГАЛИ-1. Оп. 2. Ед. хр. 6. Л. 1), с посвящением «З. Г. (Зиновию Гердту)».

Посвящение: Гердт Зиновий Ефимович (1916—1996) — актер театра и кино, Народный артист СССР, инвалид войны. Участник арбузовской студии, актер Центрального театра кукол (1945—1982). Друг Самойлова. Адресат ряда шуточных ст-ний. Неоднократно принимал участие в авторских вечерах Самойлова. *А под утро — отлет лебединый*. Мотив превращения умирающего поэта в лебедя восходит к Горацию (кн. 2, ода 20 «К Мекенату»); в русской поэзии представлен «Лебедем» (1804) Державина. Ср. также ст-ние Жуковского «Царско-сельский лебедь» (1831).

357. СМ. 1981. № 7, без посвящения; ГзХ; ИП1. Автографы — Т7980, без загл. и посвящения; машинопись, рукоп. посвящение.

Посвящение: Карякин Юрий Федорович (р. 1930) — литературовед, публицист, специалист по Достоевскому. Ср. эпатажное ст-ние Ю. П. Кузнецова «Макбет» (вошло в его кн. «Выходя на дорогу, душа оглянулась». М., 1978), «кощунственность» которого активно обсуждалось в лит. среде: «За то, что вам гореть в огне / На том и этом свете, / Поцеловать позвольте мне / Вам эти руки, леди».

358. СМ. 1981. № 7, вар. ст. 2 «Механик в пустом синема», ст. 7 «Что было моим...», ст. 20 «Черты мои вновь озарит». ст. 22 «Старайся, ...». ст. 23 «Пуская я...»; Зл; ИП1. Автографы — Т7980, с вар.; машинопись с правкой (РГАЛИ-2. Ед. хр. 6. Л. 3).

359. ПА. 1981. № 30.; Зл; ИП1. Автографы — Т7980; машинопись с правкой (РГАЛИ-2. Ед. хр. 7. Л. 11).

*360. ГзХ; ИП1. Автографы — Т7980, под загл. «Тарковскому», 4-я строфа не окончена; машинопись-1, 4 строфы (РГАЛИ-2. Ед. хр. 10. Л. 4); машинопись-2 к ГзХ, 4-я строфа зачеркнута; машинопись-3. Имеется пометка о передаче ст-ния в ПА, но публ. не последовало.

Возможно, на исключение 4-й строфы повлияло мнение Л. К. Чуковской, высказанное в письме от 23 апр. 1980 г.: «Я получила Ваши стихи [Тарковско]му, спасибо. Они сильные. ...«вырастили стих» — великолепно. А вот последние 4 строки мне не кажутся удачей. 1) «стихия» слишком близко стоит к «стиху» 2) в последней строке «я»

проглатывается, а ведь «я» — *persona grata* — не должно проглатываться... Быть может, я пишу вздор — проверьте. Кроме того, в этом случае мне не по душе неточность рифмы: «стихии — Марию». Тут хочется полноты звука. А вообще стихотворение прекрасное, я сразу его запомнила наизусть, как молитву...» (ДСЛЧ. С. 134—135). Тарковский Арсений Александрович (1907—1989) — поэт. Биографии А. Тарковского и М. Петровых (см. примеч. 334) объединяет поздний выход к читателю с собственными стихами. На протяжении многих лет они были известны только как переводчики. Первая кн. стихов Тарковского «Перед снегом» вышла в 1962 г. (набранный в 1946 г. в изд-ве «Сов. писатель» сб. был рассыпан после постановления ЦК «О журналах «Звезда» и «Ленинград»»). К концу 1979 г. Тарковский был автором 4-х кн. и тома избранного. Первая кн. Петровых в Москве выпущена в 1983 г.

361. ЛГ. 1980. № 5. 30 янв., без посвящения; Зл; ИП1. Автографы — Т757, наброски; машинопись с правкой (РГАЛИ-2. Ед. хр. 10. Л. 7), вар. ст. 15 «Тебе, взрываясь как партер», ст. 19 «Лишь для себя и по себе»; машинопись (Там же. Л. 8), с посвящением: «Л. Т. (Толмачевой)», вар. ст. 15 «К тебе, рванувшись как партер»; машинопись с правкой, загл. и посвящение вписаны от руки, вар. ст. 2—4 «Всерьез — и только, / Чего б играть ни удалось —/ Любая ролька.», ст. 9—16 отсутствуют.

Посвящение: Толмачева Лидия Михайловна — актриса театра «Современник», Народная артистка РСФСР, жена В. С. Фогельсона (см. примеч. 79). Варьируются мотивы 4-го «фрагмента» «Вакханалии» (1957) Пастернака, посвященного игре А. К. Тарасовой во мхатовской постановке «Марии Стюарт». Метр (чередование четырех- и двухстопных ямбов) и синтаксис отсылают к «Во всем мне хочется дойти...» (1956) Пастернака, с которым есть и лексические сходжения.

362. Ав. 1980. № 5, вар. ст. 1 «Тебе судьбу мою...»; Зл; ИП1.

*363. ГзХ; ИП1. Автографы — Т63, без загл., 1-я ред. не окончена; машинопись. Включено в список «Не вошло в "Залив"».

Ср. в ст-нии Левитанского «Сон о забытой роли» (вошло в кн. «Кинематограф», 1970), написанном тем же «гейнеобразным» трехстопным амфибрахией с «холостыми» строками: «Меж тем, я отчетливо помню — / я занят в одной из ролей./ Но я этой пьесы не знаю / и роли не помню своей».

364. Зл; ИП1.

365. Зл; ИП1.

366. СМ. 1981. № 7. Автографы — Т7980, вар. ст. 4 «А надо бы бросать...»; машинопись. *А не бросать на полуслове* — ср. распространенную легенду о Хлебникове, обрывающем чтение стихов словами «И так далее».

367. СМ. 1981. № 7; Зл; ИП1. Автографы — Т7980; машинопись.

368. ПА. 1981. № 30; Зл; ИП1. Автограф — Т7980. Обращено к О. Л. Фогельсон (см. примеч. 15).

369. Тл. 1982. № 5; ГзХ; ИП1. Автографы — Т7980, без ст. 13—16, вар. ст. 9—10 «Да чем и заплатят бездельнику / За этот бессмысленный труд»; машинопись.

Переделкино — пос. в ближнем Подмосковье, в котором расположены Дом творчества и многочисленные дачи писателей.

*370. СМ. 1981. № 7; Зл; Стх, с посвящением «П<етру> Г<орелику>»; ИП1. Автографы — Т7980, с доп. зачеркнутой строфой; машинопись. Горелик П. З. — см. примеч. 54.

371. Тл. 1982. № 5; ГзХ; ИП1. Автографы — Т7980, вар. ст. 11 «Одно утешенье»; машинопись с правкой ст. 11 на «Но что-то есть все же в судьбе, и одно утешенье»; машинопись.

372. СМ. 1981. № 7; Зл; ИП1. Автограф — Т7980. Связано с Г. И. Медведевой. *Остановиться мгновенью!* — согласно договору с Мефистофелем, Фауст должен стать его добычей, потребовав остановить «высший миг». В трагедии Гете Фауст проходит мимо любви (не просит остановить ее мгновение), но спасается благодаря заступничеству любящей Гретхен (Вечной Женственности).

373. НМ. 1982. № 1, 1-е из трех ст-ний (вместе с № 375 и 385) с общим посвящением «Памяти Сергея Наровчатова»; СМ. 1985. № 2, с посвящением «С<ергею> Н<аровчатову>»; ГзХ; Стх, с посвящением; ИП1. Автографы — Т7980; машинопись.

Наровчатов С. С. — см. примеч. 81. *Мучительное «никогда»*. «Никогда» («Nevermore») — рефрен баллады Эдгара А. По «Ворон» (1845); этим словом злоеющая птица отвечает на безнадежные вопросы поэта, утратившего возлюбленную.

*374. ЛРос. 1981. № 2. 9 янв., под загл. «Рихтеру»; Зл; ИП1. Автографы — Т7980, два вар., оба без загл.; машинопись с правкой (РГА-ЛИ-2. Ед. хр. 7. Л. 6). *Рихтер* Святослав Теофилович (1915—1997) — великий пианист.

*375. НМ. 1982. № 1, 2-е из трех ст-ний (вместе с № 373 и 385) с общим посвящением «Памяти Сергея Наровчатова»; ГзХ; ИП1. Автографы — Т7980, без посвящения, с 2-я доп. строфами в начале; машинопись-1, 1-е две строфы зачеркнуты, рукоп. посвящение; машинопись-2. Изменения и посвящение в машинописи-1 сделаны после смерти С. Наровчатова в 1981 г.

Наровчатов С. С. — см. примеч. 81. Тема преобладания обязанностей над правами проходит через все творчество Самойлова. В набросках 1940-х—1950-х гг. имеются ст.: «И в этой дороге дальней / Я вновь для себя открываю / Прекрасное преобладанье / Обязанностей над правами». Ср. финал поэмы «Юлий Кломпус» (1979): «После обязанностей права / Хотели мы. Но — мысля здраво — / Обязанности выше прав. // Скажите, разве я не прав?»

376. ГзХ; ИП1. Автографы — Т7980; машинопись с правкой.

*377. Тл. 1982. № 5, вар. ст. 1 «...с жаждой и хламом», ст. 10 «Хочет ...», ст. 11 «Так стремится птица...»; ГзХ, с испр. ст. 10—11; ИП1. Автографы — Т7980, др. ред.; машинопись-1 с правкой ст. 12; машинопись-2.

*378. Тл. 1982. № 5, без посвящения; ГзХ; ИП1. Автографы — Т7980, др. ред., без посвящения; машинопись, без посвящения; машинопись, рукоп. посвящение.

Посвящение: Козаков Михаил Михайлович (р. 1934) — актер, режиссер, Народный артист РСФСР, друг Самойлова. Самойлов посвятил Козакову также ст-ние «Что полуправда? — Ложь!..» (см. № 564) и несколько ст-ний, вошедших в кн. «В кругу себя». Козаков — автор воспоминаний о Самойлове (Козаков М. Актерская книга. М., 1996).

С. 277—314). *И был вокруг туман любовный...* Строфа отсылает к № 136 с ключевым именем «Анна» (ср. выше упоминания Дон-Жуана и Блока). *Все миновало* (вар.) — ср.: «Все миновалось, молодость прошла» (Блок. «О доблестях, о подвигах, о славе...», 1908).

379. Зл; ИП1. Автографы — Т7980, без 6-й строфы; машинопись (РГАЛИ-2. Ед. хр. 6. Л. 6—7).

*380. ДП 1981; Зл; ИП1. Автограф — Т7980, др. ред. двух последних строф зачеркнута и вписаны новые из окончат. ред.. Обращено к актрисе театра им. К. С. Станиславского Клавдии Ивановне Шинкиной.

381. СМ. 1981. № 7; Зл. Автограф — Т7980, вар. ст. 3 «Что для нас проложили», ст. 12 «Светлые...»

382. СМ. 1981. № 7; ГзХ; ИП1. Автографы — Т7980, без ст. 9—12; машинопись с правкой (РГАЛИ-2. Ед. хр. 10. Л. 5); машинопись.

383. СМ. 1981. № 7, без посвящения; ГзХ; Стх, без посвящения; ИП1. Автографы — Т7980, без 3-й строфы и посвящения; машинопись, рукоп. посвящение.

Посвящение: Абызов Юрий Иванович (р. 1921) — литератор из Риги, друг Самойлова. Собрал многочисленные шутки, экспромты, автографы Самойлова, предназначенные для круга общения, составившие кн. «В кругу себя» (Таллинн, 2001). Ср. № 73. Выражение «за третьим перевалом» есть в ст-нии Фета «Степь вечером» (1854), не имеющем других переключек с текстом Самойлова.

384. СМ. 1981. № 7; ГзХ, без ст. 4, вар. ст. 8 «Муть тумана, грусти и весны»; ИП1. Автографы — Т7980, без последней ст.; машинопись с правкой, вар. ГзХ; машинопись.

385. НМ. 1982. № 1, 3-е из трех ст-ний (вместе с № 373 и 375) с общим посвящением «Памяти Сергея Наровчатова»; ГзХ; ИП1. Автографы — Т7980, без загл.; машинопись.

386. Тл. 1981. № 3; ГзХ; ИП1. Автографы — Т7980, вар. ст. 8 «...другого размера»; машинопись.

Как Крутоямов или как Вздорич. Имеются в виду Вячеслав Глебович Куприянов (р. 1939) и Владимир Петрович Бурич (1932—1994) — поэты, теоретики верлибра, сост. антологии русского верлибра.

387. Тл. 1981. № 3; ГзХ; ИП1. Автографы — Т7980; машинопись.

Запись в дневнике от 18 дек. 1980 г.: «Письмо от Копелевых. Стихотворение им» (ПДЗ2. С. 151).

388. Тл. 1981. № 3; ГзХ, вар. ст. 18 «Наши полеси горят»; Стх; ИП1. Автографы — Т745, строфы 1—4; машинопись строф 1—4 в папке к ГзХ, рукоп. строфы 5—7 и загл.; машинопись.

Елань — ровное травянистое место, окруженное лесом. *Непрядва* — река, протекающая вдоль Куликова поля.

389. ГзХ; ИП1. Автографы — Т7980; машинопись. К моменту написания ст-ния Б. А. Слуцкий (см. примеч. 313) был уже тяжело болен. В середине янв. Самойлов писал Л. К. Чуковской о своем посещении Москвы в конце 1980 г.: «...В Москве успел навестить Слуцкого. <...> Подарил мне свое «Избранное». Его сильно пощипали редактора. И все же книга получилась сильная, где главное своеобразие — личность самого Слуцкого. При всех недостатках нашего поколения, он его выразил точно, даже недостатки» (ДСЛЧ. С. 152).

390. ГзХ; ИП1. Автографы — Т7980; машинопись.

Все прочее — литература — заключительная ст. ст-ния П. Верлена «Искусство поэзии» в пер. В. Я. Брюсова и Б. Л. Пастернака. У Верлена «литературе» («риторике», «элоквенции») противопоставлена «музыка», которая решает «дело» поэзии.

391. Нева. 1981. № 11. Автографы — Т7980, 3 строфы с вар. продолжения; Т81, 4 строфы, не окончено.

392. Дг. 1983. № 5, без посвящения, вар. ст. 12 «Ее сладкие губы»; ГзХ, вар. ст. 16 «За эти пять...»; Стх, без посвящения; ИП1. Автографы — Т81, без загл., вар. ст. 9 «Благословляю весну —», ст. 20—21 «Господь, прости / Мою грешную душу»; машинопись без посвящения.

Посвящение: Аболия Антонина — работник министерства культуры Латв. ССР, сопровождавшая московских писателей в поездках по республике. Самойлов встретился с ней в 1963 г.

*393. ДП 1982; ГзХ; ИП1. Автографы — Т81, без ст. 6; машинопись, др. ред.; машинопись. Обращено к Г. И. Медведевой.

394. Дг. 1983. № 5; ГзХ; ИП1. Автографы — Т81; машинопись.

*395. ДН. 1982. № 5; ГзХ; ИП1. Автографы — Т81, вар.; машинопись.

396. ДП 1982, вар. ст. 10 «Зимним обликом...»; ГзХ; ИП1. Автографы — Т81; машинопись с правкой.

397. Дг. 1983. № 5; ГзХ; ИП1. Автографы — Т81; машинопись.

398. Дг. 1983. № 5; ГзХ; ИП1. Автографы — Т81, строфы 1 и 3; машинопись.

*399. Нева. 1981. № 11; ГзХ, без посвящения; Стх; ИП1. Автографы — Т81, без посвящения и ст. 9—12, вар.; машинопись с правкой, рукоп. посвящение «Маше Пантелеевой».

Посвящение: Мапа Пантелеева (1956—1989) — дочь писателя А. И. Пантелеева. В письме от 23 мая 1981 г. Самойлов писал Л. К. Чуковской: «...После Москвы был (в конце апреля) в Ленинграде. Виделся с А. И. Вся семья их мне понравилась — и его собранность, и тбилисская любезность Элико, и Маша. У Маши очень хорошее, красивое лицо, внешне в ней почти не чувствуется болезнь. Я прочитал ей и подарил стихотворение, только что написанное» (ДСЛЧ. С. 163). Одно из любимых Самойловым произв. Моцарта — концертная симфония для скрипки и альта с оркестром ми-бемоль мажор. Размер (чередование четырех- и двустопных хореев) восходит к ст-нию Мандельштама «Я скажу тебе с последней...» (1931); отмечено Чуковской в письме Самойлову от 30 мая 1981 (Там же. С. 166); ср. «музыкально бессмысленные» *Тара-тара, тили-тики* и «Ой ли, так ли, дуй ли, вей ли» из ст-ния Мандельштама. *Композитор Моцарт Вольфганг*. Иронический канцеляризм должен напомнить о «Шуберте Франце» (№ 82).

400. Дг. 1983. № 5; ГзХ; ИП1. Автографы — Т81; машинопись.

401. ДП 1982; ГзХ; ИП1. Автографы — Т81; машинопись.

402. ГзХ; ИП1, с запятой в ст. 6. Автографы — Т81, без ст. 7—8; машинопись.

Мне выпало горе родиться в двадцатом — ср. у Слуцкого: «В девятнадцатом я родился, / но не веке — просто году» («Двадцатый век», 1967). *Мне выпало все* — автореминисценция; ср.: «И это все в меня запало» (№ 78). *Как пьяный из фуры в походе великом* — авто-

реминисценция; ср.: «Я б хотел быть маркитантом / При огромном свежем войске» (№ 244).

*403. Тл. 1982. № 5; ГзХ; ИП1. Автографы — Т81, вар.; машинопись с правкой; машинопись.

404. ДП 1982, без посвящения, вар. ст. 4 «...на двести поприщ», ст. 6 «Понесло рассветом...», ст. 8 «Загорелся...», ст. 12 «И надежда пошло вынос!», ст. 16 «Острый отблеск...»; ДП 1984, без посвящения, вар. ст. 4 «...на десять поприщ», ст. 6 «Понесло июнем...», ст. 12 «И друзей пошло на вынос!»; СМ. 1985. № 2, без посьв.; Ав. 1985; № 7, ред. ДП 1984, но с посвящением; ГзХ; ИП1. Автографы — Т81, вар. ст. 10 «Сколько не осуществилось», ст. 15—16 «Как на утренней реке / Тонкий...»; машинописи без посвящения и с посвящением, с разл. комбинациями строк, приведенных выше.

Посвящение: Слуцкий Б. А. — см. примеч. 313. *По которым пятерых / Повело...* — см. примеч. 234.

*405. Дг. 1983. № 5; ГзХ, с опечаткой в ст. 8; Стх; ИП1. Автографы — Т7980, начало; Т81, неоконченный вар. продолжения и вар. 3-й строфы; машинопись.

406. ДП 1981, вар. ст. 8 «Шагал с колымагой рядом», ст. 36 «...бывшая слава!», ст. 45 «...свихнулся», ст. 53 «Кричал, ...»; Тл. 1985. № 4; ГзХ; ИП1. Автографы — Т7980, вар.; Т81; машинопись.

Радноти Миклош (1909—1944) — венг. поэт, стихи которого Самойлов переводил во время поездки в Венгрию в 1965 г.

407. ДН. 1982. № 5, вар. ст. 3 «Берите...», ст. 12. «И для чего...»; ДП 1984; ГзХ; ИП1. Автографы — Т81, вар. ст. 11—12 «...что зря мы светим, / Напрасно и горим»; машинопись.

408. Дг. 1983. № 5, без загл., вар. ст. 4 «Совершаются здесь...»; ГзХ; ИП1. Автографы — Т7980, начало; Т81, без загл.; машинопись с приписанным от руки загл. Ст-ние несколько лет не имело загл., что подтверждает и письмо Л. К. Чуковской Самойлову от 13 февр. 1982 г. (ДСЛЧ. С. 187).

409. ДП 1982, вар. ст. 8 «Тот гул, которым...»; ГзХ; ИП1. Автографы — Т81, вар. «Но вы услышите потом / Наш гром, когда мы все умрем.» в м. ст. 7; машинопись, вар. ст. 7 «...будут слышны...».

*410. Нева. 1982. № 11; ГзХ; ИП1. Автограф — Т81, разрозненные строфы и наброски, в т. ч. строфы 1, 3, 4 с незначит. отличием от окончательной ред.

411. Дг. 1983. № 5; ГзХ; ИП1. Автографы — Т81, вар. ст. 6—7 «Ничего уже не надо — / И еще...»; машинопись.

412. ГзХ; ИП1. Автографы — Т81, без загл., вар. ст. 6 «...острой стрелою»; машинопись.

413. ГзХ; ИП1. Автографы — Т81, без загл.; машинопись.

414. ДН. 1982. № 5, без загл.; ГзХ; ИП1. Автографы — Т81, вар. ст. 4 «...сто тысяч...»; машинопись.

415. ГзХ; ИП1. Автографы — Т81; машинопись.

*416. ДН. 1982. № 5; ГзХ; ИП1. Автографы — Т7980, набросок; Т81, вар. ст. 4 «Когда увижу...»; машинопись.

417. Тл. 1982. № 5; ГзХ; ИП1. Автографы — Т81; машинопись.

418. ДН. 1982. № 5; ГзХ; ИП1. Автографы — Т813; машинопись.

419. ГзХ; ИП1. Автографы — Т813, вар. ст. 3 «Когда Рубцов...», ст. 12 «тщетою будет вдруг погребено»; машинопись.

Ст-ние связано с трагической гибелью поэта Николая Рубцова (1936—1971). Запись в дневнике от 7 ноября 1979 г.: «Читаю Н. Рубцова. Одаренный поэт. Его тоже верстают в гении, при этом крича о безнравственности завышенных оценок» (ПдЗ2. С. 135).

420. ГзХ; ИП1. Автограф — машинопись. В перечне стихов к ГзХ — между стихами 1981 и 1982 гг.

421. ДН. 1982. № 5, вар. ст. 11 «Навечно...»; ГзХ, вар. ст. 6 «С домами,...», ст. 11; Стх, испр. ст. 6; ИП1. Автографы — Т813, вар. ст. 6 «С деревней,...», ст. 7 «И с острой...», ст. 13—14 «Прощание с узкой луною, / Прощание с длинными днями»; машинопись, вар. ст. 6 «С домами,...»; машинопись.

422. ГзХ; ИП1. Автографы — Т813; машинопись.

423. ПА. 1983. № 35; ГзХ; ИП1. Автографы — Т813; машинопись.

424. Ав. 1985; № 7; ГзХ; ИП1. Автографы — Т813, вар. ст. 12 «И с дымом над трубой»; машинопись.

425. ГзХ; ИП1. Автографы — Т813, вар. ст. 4 «...свое волнение», ст. 7 «И просквозить в созвездье Ча»; машинопись.

426. ПА. 1983. № 35, без посвящения; ГзХ; ИП1. Автографы — Т813, вар. ст. 12 «И встретим смертный час»; машинопись, рукоп. посвящение.

Посвящение: Шапиро Александр Борисович (ум. 1984) — врач, литератор (лит. псевд. А. Свирин). Самойлов опубли. несколько рецензий на кн. Свирина (Энциклопедия для почемучек // КП. 1967. 7 дек.; На самом интересном месте // Наука и религия. 1974. № 1. С. 85). Запись в дневнике от 23 янв. 1982 г.: «...[были] у Шуры Шапиро. Он мужественно и достойно умирает» (ПдЗ2. С. 168).

427. ПА. 1983. № 35, без загл., вар. ст. 4 «...не обманешь», ст. 13 «...зыбки», ст. 17 и 18 «Ты моим...», ст. 20 «...не приманишь»; ГзХ, под загл., испр. ст. 13, 17 и 18; Стх., вар. ст. 13 «Свистнут терпких листьев обрывки»; ИП1. Автографы — Т813, без загл.; машинопись.

428. ГзХ; ИП1. Автографы — Т813, вар. ст. 11 «Снегом уже замело»; машинопись.

429. ГзХ; ИП1. Автографы — Т813; машинопись.

430. Ав. 1985. № 7; ГзХ; ИП1. Автографы — Т813; машинопись.

431. Нева. 1982. № 11. Автографы — Т813; машинопись.

432. ДН. 1983. № 10, вар. ст. 19 «С своим...», ст. 31 «...доставая»; ГзХ, с той же ст. 31; Стх; ИП1. Автографы — Т813, вар. ст. 6 «Обходит дворы и сады», ст. 8 «Меня довела до беды», ст. 12 «Достань для меня,...», ст. 19 «С своим попугаем помятым...»; машинопись.

433. ГзХ; ИП1. Автографы — Т813, вар. ст. 1 «Не нужны мне...»; машинопись. Анна — А. А. Ахматова, Марина — М. И. Цветаева.

434. ГзХ; ИП1. Автографы — Т813, не целиком; машинопись.

435. Нева. 1982. № 11; ГзХ; ИП1. Автографы — Т813, вар. ст. 14 «...старые боги»; машинопись.

...она велика и обильна — цитируется формула призвания варягов в 862 г.: «Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет» («Повесть временных лет»). ставшая рефреном в «Истории государства российского от Гостомысла до Тимашева» (1868) А. К. Толстого.

436. ПА. 1983. № 35, вар. ст. 8 «...вящего труда»; ГзХ; ИП1. Автографы — Т813; машинопись.

437. ДН. 1983. № 10, вар. ст. 1 «Всю дряхлось...»; ГзХ, с тем же вар. ст. 1 и вар. ст. 12 «Покуда подожду...»; Стх; ИП1. Автографы — Т81, без загл.; машинопись, без загл., текст аналог. ГзХ; машинопись, рукоп. загл.

438. ГзХ; ИП1. Автографы — Т813, вар. ст. 1 «Когда наш мир...», ст. 3 «...кто-то сокровенный (вдохновенный)»; машинопись.

439. Ав. 1985. № 7; ГзХ; ИП1. Автографы — Т813; машинопись.

440. Ок. 1986. № 4; Гр; ИП1, с лишней запятой в ст. 15. Автографы — Т813; машинопись, вар. ст. 15—16 «Чтобы мы стерлись <...> / Чтоб нас как будто...». Печ. по Гр. Ср. № 801 и 459.

441. ГзХ; ИП1. Автографы — Т813; машинопись.

442. ДП 1984; ГзХ; ИП1. Автографы — Т813, вар. ст. 4 «...поставишь в пробел», ст. 8 «Нарушение лада...», ст. 9 «Эта нота...»; машинопись.

443. ГзХ; ИП1. Автографы — Т813; машинопись.

444—446. ДН. 1983. № 10; ГзХ; ИП1. Автограф — машинопись.

I. Автограф — Т81, отд. ст-ние, вар. ст. 7 «С ее искрами мы».

II. Автограф — Т81, отд. ст-ние, вар. ст. 7 «Конечно, осталось...».

Теперь уже слогом Гомера / Опишут купанье коней — ср. «Запев» поэмы «Цыгановы» (1973).

III. Автограф — Т81, отд. ст-ние под загл. «Рассвет».

447—450. ДН. 1983. № 10, вар. ст. 6 в IV «О пользе их строительств»; ГзХ; ИП1, опечатка в IV, ст. 3; Сн. Автограф — машинопись.

I. Автограф — Т813, отд. ст-ние, вар. ст. 4 «Прошедших трудно было нам», ст. 8 «Я жду от этих теплых дней».

IV. Автограф — Т813, отд. ст-ние, вар. ст. 6 «О пользе их правил», ст. 7 «И воздух свеж», ст. 15 «И крики...».

451. ДН. 1983. № 10; ГзХ; ИП1. Автографы — Т813, вар. ст. 16 «И все то, что в сердце боль»; машинопись.

Обращено к жене. В ст-нии продолжается тема апологии страстей; ср., например. № 112, 147, 355 и примеч. к нему.

452. ГзХ; ИП1. Автографы — Т813, строфы 1—2; машинопись, рукоп. 3-я строфа.

453. ДН. 1983. № 10; ГзХ; ИП1. Автографы — Т813, вар. ст. 7 «Когда мгновенней...»; машинопись.

454. ГзХ; ИП1. Автографы — Т813, без загл., вар. ст. 1 «Путь людей и путь планет» и вар. продолжения; Т813, в конце тетр., под загл. «Размышления Ньютона»; машинопись, зачеркнуто загл. «Батюшков» и вписано — «Утерянное стихотворение», эпиграф: «"Мир создал Бог, но кто же создал Бога..." А. Полежаев»; машинопись.

Предполагаемый эпиграф — начальные строки несохранившегося ст-ния Полежаева (что отражено в соответствующем заглавии), по преданию, подаренного им в 1833 г. приятелю, сыну ковровского купца Н. И. Шагаеву. См.: Баранов В. В. А. И. Полежаев. Биографический очерк // Полежаев А. И. Стихотворения. М.; Л., 1933. С. 103.

455. ГзХ; ИП1. Автографы — Т835, вар. ст. 3—4 «Ведь я же вам отдал частицу огня, / И вас он согрел, но съедает меня»; машинопись.

456. ГзХ; ДП 1985, в цикле «Зима» под номером I (вместе с № 495, 497, 500); ИП1. Автографы — Т835, вар. ст. 3 «Чтобы сугроб лежал в сажень», ст. 12 «И были врезаны»; машинопись с правкой в ст. 4 «папиросный» на «паровозный».

457. Ав. 1985. № 7; ГзХ; ИП1. Автографы — Т835, без загл. и строф 4 и 6; машинопись без строф 4 и 6; машинопись с вписанными строфами 4 и 6.

458. ГзХ; ИП1. Автографы — Т835, вар. ст. 3 «Видю, как неровно высечен».

459. ГзХ; ИП1. Автографы — Т835, без загл. и последней строфы; машинопись.

460. МК. 1985. № 29. 3 февр., без посвящения; ГзХ; ИП1; Автографы — Т835, без загл. и посвящения, вар. ст. 8 «Будет несколько теп-ла»; машинопись, без посвящения.

Посвящение: Ким Юлий Черсанович (род. 1936) — поэт, драматург, правозащитник, автор и исполнитель песен. «Я все приставал, чтобы он выделил мне специальный текст для озвучания — он снизошел и подарил», — вспоминал Ким (см.: Ким Ю. Воспоминание о Давиде // Ким Ю. Собрание пестрых глав. Кн. первая. М., 1998. С. 233—253).

461. ДП 1984; ГзХ; ИП1. Автографы — Т835; машинопись.

*462. МК. 1985. № 29. 3 февр.; ГзХ; ИП1. Автограф — машинопись. В Т835 имеется автограф из 3-х строф с датой 13 мая 1983 г., первые две ст. которого совпадают с первыми ст. данного ст-ния. Имеются также машинопись-1 и машинопись-2 с разными ред. ст-ния, начинающегося с этих 3-х строф. Кроме того, в Т835 имеется ст-ние, датированное 17 марта 1984 г., являющееся переработкой машинописного автографа. Это ст-ние опубл.: Зн. 1995. № 6.

463. ГзХ; ИП1. Автограф — машинопись.

464. ГзХ, включено в цикл «Из стихов о царе Иване»; ИП1; Сп. Автограф — машинопись. Включение ст-ния в цикл, к которому оно не имеет отношения (так же, как и «Убиение Углицкое», № 490), возможно, связано с желанием притупить бдительность цензуры и опубл. среди стихов на историческую тему «Томление Курбского» (см. № 22), что не удавалось ранее. После того, как «Томление Курбского» было опубл. в ГзХ и в Москве в ИП1, Самойлов при формировании Сп объединил «Томление Курбского» с остальными стихами о царе Иване, а комментируемое ст-ние вынес из цикла.

Соберемся мы, воры, / Ко городу Кромы. «Воры» — ссыльный люд и беглые холопы, составлявшие значительную часть населения Юго-Запада России, наиболее энергично поддержали Лжедмитрия. Кромы — город в Орловской обл. В 1604—1605 гг. войска Годунова безуспешно пытались взять крепость Кромы. Осада кончилась восстанием в войсках, и из-под Кром начался поход Лжедмитрия на Москву. Ср. «Сцену под Кромами» в опере Мусоргского «Борис Годунов».

*465. ГзХ; ИП1. Автографы — Т81 — набросок из 6 ст.; Т835, с вар. ст. 3—4 «...неверная звезда / И нам надолго...», ст. 17 «Живем с тобой. Уже недолго жить...», ст. 19—20 «...с тобой не прерывалась нить, / Чтоб нас соединить при помощи искусства»; машинопись без посвящения, вар. ст. 12 «...горьким дымом»; машинопись, рукоп. посвящение, вар. ст. 20 «и нас соединит при помощи искусства». Две первые строфы написаны в конце 1983 г., продолжение — в 1984 г.

Посвящение: Малдонис Альфонсас (р.1929) — народный поэт Литвы. Председатель правления Союза Писателей Литвы (1976—1988). *Марцелиус, Юстинас* — Мартинайтис Марцелиус (р. 1936) — литовский поэт, критик, эссеист. Марцинкявичюс Юстинас (1930) — народный поэт Литвы. Их произв. в пер. Самойлова см. в книгах: Путь Солнца: Поэты Литвы в пер. Д. Самойлова. Вильнюс, 1981; Малдонис А. Путь. М., 1979; Мартинайтис М. Баллады Кукутиса. М, 1983; Марцинкявичюс Ю. Миндаугас; Собор. М., 1978; Марцинкявичюс Ю. Жизнь, сладкий июль. М., 1982. ...отчизны общим дымом. Восходящее к античным источником («Одиссея» Гомера, «Письма с Понта» Овидия и др.) реченье «дым отечества» появляется в «Арфе» (1798) Державина; позднее употреблялось Батюшковым, Грибоедовым, Вяземским и др.

466. ГзХ; ИП1. Автографы — Т835; машинопись.

467. ДП 1984; ГзХ; ИП1. Автографы — Т835; машинопись.

468. Кр. 1985. № 2; ГзХ; ИП1. Автографы — Т835; машинопись, в ст. 8 зачеркнуто «Должны упасть» и вписано «Навалятся».

469. ДП 84, вар. ст. 5 «А под ним...»; МК. 1985. № 29. 3 февр., посвящение «Лиде»; ГзХ; ИП1. Автографы — Т835; машинопись, рукоп. посвящение; машинопись.

По предположению Г. И. Медведевой, ст-ние посвящено жене брата В. С. Фогельсона Михаила.

470. ГзХ; ИП1. Автографы — Т61, первое обращение к теме; Т745, вар.; Т835; машинопись без посвящения, вар. ст. 11 «...положила конец рубежа»; машинопись без посвящения.

См. примеч. 205. Посвящение: Либединская Лидия Борисовна (р. 1921) — прозаик, литературовед, друг Самойлова. *Шота и Важа* — классики груз. поэзии Шота Руставели (XII в.) и Важа Пшавела (1861—1915). *Пусть я буду дыханием холмов ее освежен*. Архаическое ударение в слове «холмы», как и прежде (№ 171, 385) отсылает к Пушкину («На холмах Грузии лежит ночная мгла...», 1829). По свидетельству Г. И. Медведевой, ст-ние обращено к ней и навеяно ее предложением совершить путешествие в Грузию.

471. МК. 1985. № 29. 3 февр.; ГзХ; ИП1. Автографы — Т835; машинопись.

*472. МК. 1985. № 29. 3 февр., опечатка в ст. 5, 19; ГзХ; ИП1. Автографы — Т835, без загл., зачеркн. загл. «Песня», вар.; машинопись с правкой, рукоп. загл.

*473. Нева. 1985. № 9; ГзХ; ИП1. Автографы — Т713, неоконч. вар.; Т835, вар. ст. 8 «Проиграна давно!», ст. 18 «И рви струну...», ст. 23 «Про то, как...»; машинопись, вар. ст. 23 «Когда я...». См. № 410.

474. ГзХ; ИП1. Автографы — Т835, ст. 1—9; машинопись.

475. Ок. 1986. № 4; Гр; ИП1. Автографы — Т835, без загл. и ст. 3—6, вар. ст. 14 «Ты тогда со мной была»; машинопись с правкой. 19 марта 1985 г. Самойлов читал эти стихи на вечере в музее Пушкина.

*476. Смена. 1986. № 15; Гр; ИП1. Автографы — Т835, вар.; машинопись с правкой. 19 марта 1985 г. Самойлов читал эти стихи на вечере в музее Пушкина.

477. ГзХ; ИП1. Автографы — Т835, вар. ст. 10—11; машинопись.

*478. ГзХ; ИП1. Автографы — Т835, 1-я ред., дата: 3 июня 1984 г., окончательная ред. — до 20 июня; машинопись.

*479. МК. 1985. № 29. 3 февр.; ГзХ; ИП1. Автографы — Т835, вар.; машинопись.

480. ГзХ; ИП1. Автографы — Т835, вар. ст. 7—8 «Наладить быт, устроить дом, / И как я пью, отчаясь»; машинопись, тот же вар. ст. 8; машинопись, рукоп. правка ст. 8; машинопись.

481. Гр; ИП1. Автографы — Т835, две строфы; машинопись. 19 марта 1985 г. Самойлов читал эти стихи на вечере в музее Пушкина.

482. Ок. 1986. № 4; Гр; ИП1. Автографы — Т835, вар. ст. 1 «Свет мой юный...», ст. 2 «Поздний свет...»; машинопись с правкой.

483. МК. 1985. № 29. 3 февр., вар. ст. 1 «...огромный ветер»; Ав. 1985. № 7, вар. ст. 8 «Чье содержанье...»; ГзХ; ИП1. Автографы — Т835, 1-я строфа написана в дек. 1983 г, 2-я — 20 июля 1984 г.; машинопись.

*484. ГзХ; ИП1. Автографы — Т835, 2 строфы в февр., продолжение в июле, вар.; машинопись.

Соколов В. Н. — см. примеч. 273. Возможно, навеяно ст-нием Соколова «Оптимистика» (1981), опубл. в: НМ. 1984. № 2: «...Мысль о смерти <...> / Если это мысль, то мысль о жизни <...> Мысль о смерти — это вам не шутки, / Мысль о смерти — это мысль о жизни».

485. Нева. 1985. № 9; ГзХ; ИП1. Автограф — Т835, вар. ст. 7 «...крут-лый бубен».

486. МК. 1985. № 29. 3 февр.; ГзХ; ДВС, под загл. «Песенка без слов»; ИП1, вар. ст. 1 «Хотелось бы сказать тебе:..». Автографы — Т835; машинопись. Печ. по ГзХ.

487. МК. 1985. № 29. 3 февр.; ГзХ; ИП1. Автографы — Т835; машинопись.

*488. МК. 1985. № 29. 3 февр.; ГзХ; ИП1. Автографы — Т835, 1-я ред. и отдельно 2-я строфа окончат. текста); машинопись. Обращено к Г. И. Медведевой. Ср. № 271.

489. МК. 1985. № 29. 3 февр., вар. ст. 34 «Был рядом грязный...»; ГзХ; ИП1. Автографы — Т835, наброски; машинопись. Цитируются строки ст-ния Пушкина «К Чаадаеву» (1818). Ср. № 78.

490. ГзХ, в цикле «Из стихов о царе Иване»; ИП1. Автографы — Т835, вар.; машинопись с правкой, между ст. 66 и 67 «Зачем отменил Юрьев день? / Теперь вот затягивай ремень!»; машинопись с правкой, зачеркнутые ст. между 66 и 67. Тем не менее, выступая на вечере в музее Герцена 3 июня 1987 г., Самойлов читал зачеркнутые строки. По поводу включения ст-ния в цикл см. примеч. 464. В ИП1 оно включено в разд. «Баллады».

Смерть царевича Дмитрия, младшего сына Ивана Грозного (1591) традиционно (вослед Карамзину, Пушкину, А. К. Толстому) трактуется как убийство, совершенное по приказу Бориса Годунова, а выводы следствия (им руководил князь Василий Иванович Шуйский, 1552—1612; избран царем в 1606, низложен в 1610), согласно которым царевич в эпилептическом припадке случайно закололся, — как фальсификация. А *Борис, царский шурин*. При характеристике Бориса Федоровича Годунова (1552—1605; избран царем в 1598) используется 36-я строфа «Истории государства российского...» А. К. Толстого: «Борис же, царский шурин, / Не в шутку был умен, / Брюнет, лицом недурен, / И сел на царский трон». *Государем мог быть строгим*. Царевич отличался тяжелым нравом.

*491. ГзХ; ИП1. Автографы — Т813, 1-я ред. с датой «13 мая 1983». В перечне стихов к ГзХ 1-я ред. указана с пометкой «не вкл»; зачеркнутая машинопись 1-й ред. с рукоп. 2-й ред., в ст. 4 «непонятен» зачеркнут, заменено на «враждебен», вар. ст. 8 «Для сумасшедших вещей»; машинопись.

492. ГзХ; ИП1. В перечне стихов к ГзХ указано последним.

Ст-ние посвящено матери Самойлова — Кауфман Цецилии Израилевне (1895—1986).

493. Нева. 1985. № 9, вар. ст. 2 «Спасать стада, добро, себя и чад»; Гр; ИП1. Автографы — Т835; машинопись, посвящение «А<ндрею> С<ахарову>».

В дни написания ст-ния А. Д. Сахаров объявил голодовку в горьковской ссылке.

494. Тл. 1989. № 3; Гр; ИП1, без посвящения. Автограф — машинопись с правкой. Печ. по Гр. В перечне 1986 г. указано среди стихов 1984 и 1985 гг.

Посвящение: Тоом Л. В. — см. примеч. 206.

495. ДП 1985, в цикле «Зима» под номером III (вместе с № 456, 497, 500); Гр. Автографы — Т835, 1-я строфа и вар. продолжений; машинопись. 25 мая 1985 г. Самойлов читал эти стихи на вечере в ЦДЛ.

*496. Зн. 1989. № 6, с опечаткой в ст. 16; Сн. Автографы — Т835, загл. «Потаенная любовь», без ст. 13—20, вар.; машинопись с правкой.

497. ДП 1985, в цикле «Зима» под номером II (вместе с № 456, 495, 500), вар. ст. 6 «И силою страстей...»; Гр; ИП1. Автографы — Т835; машинопись.

*498. Нева. 1985. № 9, др. ред. загл. «Назначение». Автограф — машинопись с правкой и пометкой: «Нева» 14.03.85». Повторная правка после отправки в журн. Печ. по автографу.

499. Ок. 1986. № 4; Гр; ИП1. Автографы — Т835; машинопись с правкой, загл. «Ночное».

500. ДП 1985, в цикле «Зима» под номером IV (вместе с № 456, 495, 497); Гр; ИП1. Автограф — Т835, под загл. «После зимы» и с датой после 4-й строфы.

Гесиод (VIII—VII вв. до н. э.) — др.-греч. поэт, автор эпич. поэмы «Труды и дни».

501. Ок. 1986. № 4, без посвящения; Гр; ИП1. Автографы — Т835; машинопись, без посвящения, вар. ст. 17—18 «Она уходит вдоль залива, / Сияя зрелой красотой».

Посвящение: Хренков Дмитрий Терентьевич (1919—2002) — ленинградский критик, литературовед.

*502. Гр. Автографы — Т835, др. ред. первых 8 ст.; машинопись, вар. ст. 1 «России надо закрыться», ст. 10 «Все тише и светлей», ст. 12 «Чтоб не мешала ей» и заменой местоимений «нам», «нас»... на «ей», «ее»... в других ст.; машинопись в папке к Гр 1986. В перечне 1986 г. — среди стихов 1985 г.

*503. Смена. 1986. № 16. Автографы — Б851, вар., не окончено; машинопись с правкой.

504—536. Цикл написан летом 1985 г. и впервые прочитан в чит. зале Пярусской городской библиотеки 17 авг. 1985 г. В Москве первое чтение состоялось 15 янв. 1986 г. в ВТО. Впоследствии порядок пяти последних ст-ний в цикле был изменен, а вместо шедшего под

№ 24 ст-ния «Ремонт» (см. № 830) включено «Жалость нежная пронзительней любви...». В Бт указано посвящение «Г<алине> М<едведевой>», предисл. отличается от др. изданий. В Гр к циклу добавлено три ст-ния 1987 г. (№ 586, 589, 590), входящие в ИП1 в разд. «Разные стихотворения». Два из них (№ 586, 590) впоследствии включены в Сн как самостоятельные стихи. Печ. по ИП1 с исправлением опечаток.

...и в шестикрылом серафиме Пушкина, и в сапоге ломающего каноны Маяковского, где гвоздь кошмарней фантазии Гете. Имеются в виду ст-ние «Пророк» (1826) и поэма «Облако в штанах» (ч. 2).

<1>. ДН. 1986. № 3. Автограф — Б852, отд. строфы.

<2>. ДН. 1986. № 3. Автограф — Б852, без загл.

<3>. ДН. 1986. № 3. Автограф — Б852, вар. ст. 3 «Но иногда мне снится...», ст. 5 «...Вокруг темно...», ст. 8 «Звонит звонарь. Он никогда не спит».

Вилянди — город в Эстонии, в который Самойлов ездил с семьей в июле 1985 г.

*<4>. ДН. 1986. № 3. Автограф — Б852, вар.

<5>. Бт. Автограф — рукопись, вар. ст. 5 «И думать всегда об одном», ст. 8 «Нет! ...», ст. 10 «Потом ожидаю от друга письма».

<6>. ДН. 1986. № 3. Автограф — рукопись, без загл.

<7>. Ок. 1986. № 4.

<8>. Ок. 1986. № 4. Автограф — Б852, без загл.

И криворотый образ леги Макбет — ср. № 357.

<9>. ДН. 1986. № 3. Автограф — рукопись, вар. ст. 6 «Понять умел бы...», ст. 11—12 «И оттого ты так несчастна / С детьми, со мной, сама с собой».

Вот в эту пору листопада — ср. у Пастернака: «Глухая пора листопада» («Иней»).

<10>. ДН. 1986. № 3. Автограф — Т835, вар. ст. 7—8 «Ты лжи святую благодать / Не разрушай неосторожно».

*<11>. ДН. 1986. № 3. Автограф — рукопись без загл., на оборотной стороне того же листа — испр. ред.

В собранной Самойловым фонотеке имеется 45-я «Прощальная» симфония Гайдна в исполнении Венского симфонического оркестра. Как музыканты Гайдна. При исполнении симфонии музыканты постепенно покидают сцену, гася свечи.

<12>. Ок. 1986. № 4. Автограф — Б852.

<13>. ДН. 1986. № 3. Автограф — рукопись.

<14>. Бт. Автограф — Б851, вар. ст. 1—2 «Ах, не правы Вы, Анна Андреевна, / Всегда не правы», ст. 5—6 «А из горькой, из кислой, из терпкой, / Что...», ст. 9 «На строчке...».

Самойлов полемизирует со строками Ахматовой «Когда б вы знали, из какого сора / Растут стихи, не ведая стыда» («Мне ни к чему одические рати...»).

<15>. ДН. 1986. № 3. Автограф — Б851, без загл.

<16>. ДН. 1986. № 3. Автограф — Б852.

<17>. Ок. 1986. № 4. Автограф — Б852, без загл. и последней строфы, вар. ст. 15 «Мне в то время целиком».

Борей — в гр. мифологии бог сев. ветра. Мегрз — сыщик, герой серии детективных романов Ж. Сименона.

<18>. ДН. 1986. № 3. Автограф — Т835, 1-я строфа.

<19>. Ок. 1986. № 4. Автограф — Б852, вар. ст. 2 «...настырным мщеньем».

<20>. Ок. 1986. № 4.

<21>. ДН. 1986. № 3. Автограф — Б852, вар. ст. в. 9—11 «И почему в иные времена / Она живет как бы помимо воли?».

<22>. Ок. 1986. № 4. Автограф — Б852.

Душит, как помпейская зола. Город Помпеи был погребен под золой при извержении Везувия (79 г.).

<23>. Ок. 1986. № 4. Автограф — Т835, вар. ст. 6 «С достоинством терпеть уже не может».

<24>. ДН. 1986. № 3; Бт, вар. ст. 4 «...причина зол!». Автограф — Б851, вар. ст. 2 «Их незаконномерное сцепление», ст. 4 «Фантазия — начало преступления», ст. 8—10 «Фантазия — осуществление пола, / Свист соловья, звериный рык самца, / Рождение...».

<25>. ДН. 1986. № 3. Автограф — Б852, вар. ст. 10 «Что речь веду по тысячному кругу», ст. 12 «Что брошены...».

<26>. Ок. 1986. № 4. Автограф — Б852, отд. строфы.

<27>. ДН. 1986. № 3. Автограф — Б852, вар. ст. 11—12 «прольется, света мне / Не проливая».

<28>. Ок. 1986. № 4. Автограф — Б852, ст. 1—4.

<29>. ДН. 1986. № 3; Бт, вар. ст. 7 «Залаял пес...». Автограф — Б852, вар. ст. 4 «Сквозь серое окно».

<30>. Нева. 1986. № 12, отд. ст-ние. Автографы — Б86, 1-я строфа; рукопись с датой.

<31>. ДН. 1986. № 3. Автограф — Б852, вар. ст. 7 «Забудь, что я тебе наговорил».

<32>. ДН. 1986. № 3. Автограф — Т835, без загл.

<33>. ДН. 1986. № 3. Автограф — Б852, без загл.

Уже мне яду влили в ухо. Так в трагедии Шекспира был отравлен Гамлет-отец.

537. СК. 1988. № 1, без посвящения; Гр; ИП1. Автографы — Б851; машинопись, вар. ст. 3 «Оно подобно...».

Посвящение: Захарченя Борис Петрович (р. 1928) — физик, академик, лауреат Ленинской и Гос. премий.

538. Гр; ИП1. Автографы — Б852; НВвБ, вар. ст. 3 «Спор о свободе, о противоядь», ст. 7—8 «А нашим утолненьем, утомленьем, / Толненьем — всем, чем дышим и живем», ст. 11—12 «Живем меж болью и самоубийством, / Но все же ...»; машинопись, испр. ст. 3.

539. Ок. 1986. № 4, вар. ст. 11 «Сбившись в кучу...»; Гр; ИП1.

*540. Тл. 1987. № 1; Сн. Автограф — машинопись 1950-х — нач. 1960-х гг. с совпадающей ст. 1.

Мотив «ухода» навеян жизненной программой позднего Толстого. Ср. № 853. В письме Л. К. Чуковской от 2-й половины июня 1980 г. Самойлов пишет: «Пробавляюсь <...> чтением Маковицкого, очень медленным, ибо великого старика невозможно воспринимать большими дозами» (ДСЛЧ. С. 139). Речь идет об изд.: У Толстого. 1904—1910. «Яснополянские записки» Д. П. Маковицкого // Лит. наследство. М., 1979. Т. 90: В 4 кн. Ср. о предварительных журнальных публикациях того же источника в письме от середины авг. 1978 (ДСЛЧ. С. 93—94).

541. Ок. 1987. № 1.

*542. Гр; ИП1. Автографы — Т869, с другим вар. 2-й строфы; машинопись с правкой. Включено в машинописное содерж. Гр 1986 г.

И все же мы странные воры. Самойлов имеет в виду себя и жену.

543. Ок. 1987. № 1, вар. ст. 7 «Но лишь оно так прочно держит нас!». Автографы — Т869, вар. ст. 7 «И все же больно рассекает нас»; машинопись с правкой. Печ. по ИПС.

544. Ок. 1987. № 1; Гр; ИП1. Автографы — Т869, 1-я строфа, вар. ст. 3 «Старинных красок блеск и облаченья»; машинопись, вар. ст. 3 «Слегка размытый контур облаченья».

545. ДН. 1987. № 3; Гр; ИП1. Автографы — Б85, без загл., не завершено; машинопись с загл. и подзаг. «Баллада». В машинописном содерж. Гр 1986 г. загл. «Последняя шутка». Окончено между 24 янв. и 6 февр. 1986 г. (см. запись в дневнике от 6 февр.: Пд32. С. 221.).

В 1986 г. Самойлов написал еще несколько баллад. Вынеся их в Гр в отд. разд. «Баллады» вместе с рядом более ранних ст-ний, он предварил разд. следующим текстом: «Надоели медитации у себя и у других. Наша поэзия расплывается в них, как сад в тумане. В медитациях часто камуфлируется отсутствие мыслей, чувств и темперамента. Хочется потребовать, чтобы поэты выложили карты на стол. Сюжет — это карты на стол. Его нельзя камуфлировать. Он либо интересен, либо нет. Отсюда — баллады. Я перебрал многие стили балладного стиха от энергичной английской, сентиментальной немецкой, шутиливой французской старинных баллад до «скорости голой» баллад советской поэзии 20-х годов. Тихонов, Асеев, Сельвинский. Но это отнюдь не формальный поиск. Сюжет не только способ организации материала, но и нравственный стержень стиха. Сюжет указывает, как надо или не надо действовать в данных обстоятельствах. Он дает побуждение к действию. Он же является способом интенсивного контакта с читателем, формой уважения к нему. Мне кажется, что в наши времена, когда этот контакт ослабевает, хороша баллада. Сюжеты мной придуманы, услышаны или взяты из истории».

546. Нева. 1986. № 12; Гр; ИП1. Автографы — Т869; машинопись.

Нет! Обращенное в ночь — ср. в предсмертных стихах Маяковского (<Неоконченное>, [4]): «Уже второй. Должно быть, ты легла, / В ночи Млечпуть серебряной Окою, / Я не спешу, и молниями телеграмм / Мне незачем тебя будить и беспокоить». ...*Ее проводив* — Веронику Витольдовну Полонскую, свидание с которой предшествовало самоубийству Маяковского 14 апр. 1930 г.

547. Нева. 1986. № 12; Гр; ИП1, без посвящения. Автографы — Т869, под загл. «Г. Ефремову», вар. ст. 15—16 «Пойми, что ты был из последних, / Не помня, что первые есть»; машинопись. Печ. по Гр.

Посвящение: Ефремов Георгий Исаакович (р. 1952) — поэт, переводчик, издатель. Несколько его поэтических кн. вышли в Вильнюсе. В 1972—1974 гг. был лит. секретарем Самойлова. Тесное дружеское общение продолжалось и в дальнейшем. Воспоминания Ефремова о Самойлове см.: Ефремов Г. Желтая пыль // ДН. 2003. № 10, 11. *А вправду ли первые есть* — ср. № 162.

548. Гр; ИП1. Автографы — Т869; машинопись.

549. Ав. 1986. № 11; Гр; ИП1. Автографы — Т869, машинопись с правкой.

*550. Ав. 1986. № 11, с эпиграфом из Мандельштама «Звук острожный и глухой / Плода, сорвавшегося с древа...», вар.; Гр; ИП1. Автографы — машинопись с правкой, эпиграф; машинопись, эпиграф зачеркнут.

Эпиграф — зачин 1-го ст-ния книги «Камень». В окончании ст-ния Мандельштама («...Среди немолчного напева / Глубокой тишины лесной») возникает опущенное Самойловым ключевое слово — «тишина».

*551. Юн. 1987. № 5; Гр; ИП1, вар. ст. 20 «Все помолчали...» Автографы — Б86, без загл., 1-я ред.; рукопись, 1-я ред., загл. испр. с первоначального «Единственное свидание»; машинопись с правкой. Печ. по Гр.

Первое упоминание о сюжете — в дневниковой записи от 20 ноября 1981 г.: «Думаю о Мировиче». 6 янв. 1982 г. — запись в дневнике: «Первые строки "Мировича"». И, наконец, 9 янв. 1982 г. среди замыслов указаны «Сцены о Мировиче и Ив[ане] Ант[оновиче]» (ПД32. С. 164, 166). Далее, до 1986 г., упоминания и наброски на эту тему в арх. отсутствуют.

Иоанн VI Антонович (1740—1764) — рос. император (1740—1741), регентами которого были сначала герцог Бирон, а затем мать младенца Анна Леопольдовна. После гвардейского переворота в пользу Елизаветы Петровны находился под арестом, в 1756 г. заключен в Шлиссельбургскую крепость. Длительное заключение и одиночество отразились на психике узника. «Смотрины», взятые сюжетом ст-ния, случились в 1762 г. Екатерина II сочла его сумасшедшим. По указу Петра III, подтвержденному Екатериной после ее восшествия на престол, при попытке освободить узника его следовало умертвить. Что и произошло в 1764 г. Существует версия, что попытка переворота была инсценирована Екатериной. «Здешний принц». Наряду с полной и неопрятностью персонажа его самоаттестация напоминает от Гамлет. Орлов Г. Г. — см. примеч. 180. Мирович Василий Яковлевич (1740—1764) — организатор неудачного дворцового переворота с целью возвести на престол Иоанна VI. В нем *сидит Мазепин корень*. Дед Мировича был сторонником Мазепы.

*552. Ав. 1986. № 11, под загл. «Из блокнота 1941 года»; Гр; ИП1. Автографы — Т47, Т48, С49 — все — 1 ред., под загл. «Баллада о конце мира»; рукопись, подзаг. «Из блокнота 1942»; машинопись. Ст-ние написано в 1946 г., переработано в 1986 г. Печ. по Гр.

*553. ДН. 1987. № 3; Гр; ИП1. Автографы — машинопись с правкой; рукопись, вар. ст. 44 «...упругим кустам:».

*554. ДН. 1987. № 3; Гр, вар. ст. 39 «...ваш род...»; ИП1. Автографы — рукопись, 1-я ред.; машинопись с правкой, 1-я ред.

Баллада навеяна старинными испанскими четверостишиями, которые Самойлов переводил весной 1986 г. «с небывалым удовольствием» (ПД32. С. 224). В конце апр. или начале мая он писал А. М. Гелескулу из подмосковной больницы: «...Постарался перевести 300 строк прекрасных испанцев. <...> Цыганский сюжет украл...» (арх. сост.). Стихотворные размеры баллады и переводов совпадают.

*555. Юн. 1987. № 5; Гр, вар. ст. 28 «... во сне певали»; ИП1. Автограф — машинопись с правкой, рукоп. загл.

*556. ДН. 1987. № 3; Гр, вар. ст. 50 «Редактор — сокращать,»; ИП1. Автографы — рукопись, 1-я ред.; машинопись с правкой, 1-я ред.

Король уехал отдыхать. Наряду с традиционным карнавальным сюжетом (вольница на несколько дней сменяет порядок, который затем возвращается) пародируется и его «обращенный» вариант: в «Мера за меру» Шекспира (чей сюжет использован Пушкиным в «Анжело») добрый властитель, покидая государство, вручает власть суровому законнику (ср. «его превосходительство Прево» в вар.), дабы тот навел порядок, а возвращение государя кладет конец бессердечному и лицемерному царству закона. В *приморский замок Во* (вар.) — замок соименен резиденции суперинтенданта Фуке, посетив которую Людовик XIV решает разжаловать и арестовать ее хозяина (Александр Дюма, «Виконт де Бражелон, или Десять лет спустя»).

557. Нева. 1986. № 12; Гр; ИП1. Автографы — Б86, вар. ст. 6 «Уродство, ярость, дикие картины»; рукопись; машинопись.

Камедь — застывший сок некоторых растений, древесный клей.

*558. Нева. 1986. 12, вар. ст. 1 «Овсяновки,...»; печатка в ст. 5; Гр; ИП1, вар. ст. 1, как в Нева. Автографы — Б86, вар. ст. 1—2 «Здесь есть птицы: иволги, щеглы, / Сойки, желтогрудки и синицы»; рукопись, вар.; машинопись. Печ. по Гр.

559. Гр; ИП1. Автографы — Б86, без загл.; рукопись; машинопись, вар. ст. 6 «Падет на рифму,...».

Метафоры стареют и язык, / Но не бессонница во мраке ночи — ср.: «Часов однообразный бой, / Томительная ночи повесть! / Язык для всех равно чужой / И внятный каждому, как совесть» (Тютчев. «Бессонница», 1829).

*560. Гр; ИП1. Автографы — Б86; рукопись; машинопись-1 — все — 1-я ред. из 3 строк; машинопись-2 с правкой. Обращено к жене.

Прости-прощай, княгиня Ярославна. В «Слове о полку Игореве» княгиня Ярославна вымаливает у ветра, Днепра и солнца возвращение князя Игоря из плена (равного смерти); бегство Игоря следует за плачем Ярославны. Ср. воспоминание о романсе со словами «Прости-прощай» в № 690. *Так омочи в реке рукав бобровый, / Омой свои шелковые крыла* — «...омочу бобрый рукав»; эпитет из плача Ярославны традиционно переводился как «бобровый», в последние годы — как «шелковый»; «крыла» напоминают о самоотжествлении Ярославны с «зегзицею» (кукушкой). *Тогда поймешь, что молодость прошла* — трансформируется финал ст-ния Блока «О доблестях, о подвигах, о славе...» (1908), где в строке «Все миновалось, молодость прошла» передано состояние героя после ухода героини в «синем плаще» (ср. «лиловую мглу» у Самойлова).

561. Нева. 1986. № 12; Гр; ИП1. Автографы — Б86, под загл. «Госпиталь»; рукопись с датой; машинопись.

Валя-Валентина — так именуется героиня поэмы Багрицкого «Смерть пионерки» (1932).

562. Гр. Автографы — Т86, вар. ст. 4 «Вдали свистит...»; рукопись, вар. ст. 4 «Свежо свистит...».

Скотий бог Велес. В древнерусском языческом пантеоне Велес — бог домашних стад («скотьем богом» назван в «Повести временных лет»). Игра на дудке напоминает о родственном пастушьем божестве — древнегреческом Пане со свирелью; в «Слове о полку Игореве» Боян назван внучком Велеса.

563. Нева. 1986. № 12; Гр; ИП1. Автографы — Т86, 9-я строфа; рукопись с датой, вар.; машинопись.

«Грачи прилетели» — картина (1871) А. К. Саврасова, хранится в Третьяковской галерее. *Семь, восемь. И девять. И десять* — трансформируется эпизод ожидания возлюбленной в «Облаке в штанах» Маяковского: «Приду в четыре», — сказала Мария. / Восемь. / Девять. / Десять».

564. В мире книг. 1988. № 7, с опечатками; Гр, с посвящением вместо загл; ИП1. Автографы — Т86; машинопись, вар. ст. 11 «А дальше сам ступай...», ст. 15 «Но грань весьма тонка».

Козаков М. М. — см. примеч. 378. Поводом к написанию ст-ния послужило чтение законченной в 1981 г. первой части «Актерской книги» Козакова («Рисунки на песке»). Журн. публ. фрагмента книги предваряет предисл. Самойлова, заканчивающееся этим ст-нием. *Что полуправда?* — *Ложь!* Тема «полуправды» была актуальна в период робкого зарождения «гласности».

565. Ав. 1986. 11, вар. ст. 12 «...ветер, небо, рощи»; Гр, с опечаткой в ст. 12; ИП1. Автографы — Т86; машинопись, вар. ст. 4 «С майским ветром», ст. 12 в ред. Ав.

566. Ок. 1987. № 1, вар. ст. 7 «И, как рыбу,...»; Гр; ИП1.

Мать ушла. Мать Самойлова умерла 17 июня 1986 г. в Пярну, не дожив двух месяцев до 91 года.

567. Гр; ИП1. Автографы — Т86, вар. ст. 7 «Подсушил...»; машинопись.

*568. Тартуский курьер. 1989. № 1, с опечаткой в ст. 5; Гр. Автографы — Т86, 1-я ред., без загл. и последней строфы; машинопись, 1-я ред., без загл.

Польнь-звезда — из пророчества св. Иоанна Богослова: «Третий ангел вострубил, и упала с неба большая звезда, горящая подобно светильнику, и пала на третью часть рек и на источники вод. Имя сей звезде польнь; и третья часть вод сделалась польнью, и многие из людей умерли от вод, потому что они стали горьки» (Откр. 8, 10—11) — ассоциируется со взрывом на Чернобыльской атомной электростанции (26 апр. 1986); «чернобыль» — вид польни. *Угомонись, цензура.* Официальные источники систематически преуменьшали значение чернобыльской катастрофы.

569—571. Впервые под общим загл. в Гр. Печ. по Гр. Все ст-ния начаты в 1980 г., а закончены в 1986 г., что отмечено в Т7980 и авторской машинописи.

1. Ок. 1987. № 1, вместе с 2-м ст-нием из этого цикла под загл. «Два наброска», вар. ст. 10—12 «Роняет — и обнажена, / Крылов (в переяденье тяжком) / Лукаво бьет ее по ляжкам»; ИП1. Автографы — Т7980, 3-я строфа; машинопись с правкой, дата, вар. ст. 8 «Жуковский принимает лиру».

С державной лирою Державин. Семантику своей фамилии Державин обыгрывает в шуточном ст. «Привратнику» (1808). *...усвоить речь Карамзина* — ср.: «Пой, Карамзин! — И в прозе / Глас слышен соловьиный» (Державин, «Прогулка в Сарском селе», 1791). *И пробует Жуковский лиру.* В конце XVIII в. ст-ния Жуковского были известны лишь узкому кругу его соучеников по Благородному пансиону; значимым дебютом стало «Сельское кладбище» (1802). См. также примеч. 103. *Пален Петр Алексеевич (1745—1826)* — граф, петербург-

ский генерал-губернатор, организатор заговора и убийства Павла I (11 марта 1801).

2. Ок. 1987. № 1, вместе с 1-м ст-нием из этого цикла под загл. «Два наброска»; ИП1. Автографы — Т7980, 2 строфы под загл. «90-ые годы»; машинопись с правкой, вар. ст. 8 «Как будто в разладе...»

Побегоносцев Константин Петрович (1827—1907) — обер-прокурор Синода, оказывавший влияние на Александра III. Ср. его характеристику в контексте рассказа о тех же 1890-х гг. в поэме Блока «Возмездие». *Ходынка* — давка на Ходынском поле в Москве 18 мая 1896 во время раздачи подарков народу по случаю коронации Николая II. Во время давки погибло и было изувечено более двух с половиной тыс. человек.

3. Автографы — Т7980, с датой, без загл., вар. ст. 7—8 «...зафырдыбачил, / Внос свой дух бесовский»; машинопись, вар. ст. 9 «Он надымил гиеннской серой». 1-я строфа написана в 1980 г., продолжение — в 1986 г.

«*Летатлин*» — проект художника, художника-конструктора Владимира Евграфовича Татлина (1885—1953): летающий велосипед, аппарат для полетов человека с использованием силы собственных мускулов, основанный на принципе воспроизведения птичьего полета. Созданный Татлиным аппарат воспринимался как произв. искусства, но для реальных полетов не был приспособлен. *Звероящер* — ср.: «С хвостом годов / я становлюсь подобием / чудовищ / ископаемо-хвостатых» (Маяковский, «Во весь голос»). *Мелкий бес* — отсылка к роману Федора Сологуба (1905).

572. Юн. 1987. № 5; Гр; ИП1, опечатка в ст. 8 гл. XI. Автографы — Т7980, 5 главок, частично совпадающих с началом, загл. «Философ»; Т86, главки XVI и XVIII. Печ. по Гр.

573. Зн. 1986. № 12, вар. ст. 33 «Но награжден был...», ст. 51 «...на пишмашинке», ст. 53 «(А нас давно уверила печать,», ст. 57 «У нас когда уже...»; Гр; ИП1. Автографы — Т835, 1-я ред. под загл. «Вундеркинды»; Т86, начало; машинопись с правкой, промежуточная ред.

По признанию Самойлова, в отличие от большинства его ст-ний, это было написано «по задуманной теме» (Тл. 1989. № 3. С. 74). Оно связано с шумом, поднятым вокруг Ники Турбиной (1974—2002). Первая подборка стихов вундеркинда из Ялты опублик. 6 марта 1983 г. в КП с предисл. Юлиана Семенова, а в 1984 г. изд-во «Мол. гвардия» выпустило книгу стихов Турбиной «Черновик» с предисл. Евг. Евтушенко, взявшего юного поэта под свое покровительство. Вместе с Евтушенко Ника совершила несколько зарубежных поездок, где выступала с чтением стихов. В 1985 г. в Венеции она получила поэтическую премию «Золотой лев». Впоследствии шум утих. О Турбиной забыли. Жизнь ее закончилась трагически. *Родители, конечно, понимали, / Что сын их гений. И ему внимали* — ср. отношение Онегина к стихам Ленского: «И снисходительный Евгений, / Хоть их не много понимал, / Прилежно юноше внимал» («Евгений Онегин», гл. 2, строфа XVI).

574. Сн. Автограф — Т7980, с датой. В 1986 г. дописана последняя ст.

575. Гр; ИП1. Автографы — Т7980, неоконченная ред.; машинопись, с датой и эпиграфом из Пастернака «Был утреник. Сводило челюсти» из ст-ния «На пароходе (1916).

*576. Гр; ИП1. Автографы — Т86, без загл., вар.; машинопись с правкой.

Воспитывая в тайных взрывах / Изобретенный динамит — ср. у Маяковского: «Говоря по-нашему, / рифма — / бочка, / Бочка с динамитом, / Строчка — / фитиль, / Строка додымит, / взрывается строчка, — / и город / на воздух / строфой летит, / Где найдешь, / на какой тариф, / рифмы, / чтоб враз убивали, нацелься?» («Разговор с фининспектором о поэзии», 1926). *Чтоб пог карету Александру...* Имеется в виду убийство народовольцами Александра II 1 марта 1881 г.

577. Гр; ИП1. Автографы — Т86, под загл. «Подражание испанскому», вар. ст. 4 «Сердце стонет»; машинопись, зачеркнутое загл. «В духе испанской народной поэзии». См. примеч. 554.

***578.** Ок. 1987. № 1, вар. ст. 16 «За измену попрекал. Не часто»; Гр; ИП1. Автографы — машинопись-1, рукоп. загл., вар.; машинопись-2 с правкой. В машинописном содерж. Гр — среди стихов 1986 г.

579. Ок. 1987. № 1; Гр; ИП1. Автографы — машинопись, вар. ст. 4 «И даль подсинивает воздух», ст. 8 «Цвет, словно сахар, растворим», ст. 19 «И позовет тебя. глотая»; машинопись, рукоп. посвящение «Л. Д.-М.». В машинописном содерж. Гр — среди стихов 1986 г.

В машинописи посвящено Лучане Де-Марки (р. 1925) — актрисе, художнице, жене школьного друга Самойлова В. А. Бабичкова.

580. Гр; ИП1. Автограф — машинопись, вар. ст. 6 «Какой ты станешь ее?», ст. 9 «Зачем тебе брненное тело?», ст. 11—12 «Нет, я не желаю без тела! / Я быть...». В машинописном содерж. Гр — среди стихов 1986 г.

***581.** ВМ. 1986. 10 ноября, без загл., вар. ст. 36 «Жаль, что этот замысел нелеп»; Ок. 1987. № 1, тот же вар. ст. 36; Гр, опечатка в загл; ИП1. Автографы — Т869, без загл. и эпиграфа; машинопись, под загл. «Прожект»; машинопись с правкой.

В загл. и эпиграфе отражена строка «*Exegi monumentum*» из оды Горация «К Мельпомене», взятая Пушкиным эпиграфом к ст-нию «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...» (1836). *В строках вещей не дал бы истлеть* — ср. пушкинское «*Душа в заветной лире / Мой прах переживет и тленья убежит*». *Памятник ему нерукотворный* и далее — варьируется 1-я строфа ст-ния Пушкина.

582. Тл. 1987. № 1. Автограф — машинопись с правкой. В машинописном содерж. Гр — среди стихов 1986 г., под загл. «Тяжкая осень».

583. Тл. 1987. № 1. Автограф — Т869, вар. ст. 3 «Потертый плащ...»

584. Дг. 1989. № 10. Автограф — машинопись. Включено в перечень стихов, сост. в 1987 г.

585. Ок. 1988. № 5; Гр; ИП1. Автограф — Т869.

586. Ок. 1988. № 5; Гр, включено в цикл «Беатриче»; ИП1. Автограф — Т869, вар. ст. 7 «Предчувствиям, что мы храним».

587. Дг. 1989. № 10. Автографы — Т869, вар. ст. 6 «Им долго время назначает цену», ст. 8 «И с кружки пива не сдуваем пену»; машинопись.

А подвиги не требуют награ — ср.: «Не требуя награды за подвиг благородный» (Пушкин, «Поэту», 1830).

588. Ок. 1988. № 5; Гр; ИП1. Автограф — Т869.

Самойлов считал Хлебникова одним из своих учителей. См. эссе «Хлебников и поколение сорокового года» (ИП2. С. 284—287). См. также: Самойлов Д. С. О «Творениях» Велимира Хлебникова // НМ. 1988. № 1. С. 257—259. *Не думал про стихосложение...* «Беззаконная» поэзия Хлебникова неоднократно сопоставлялась с древнерусской

словесностью вообще и, в частности, со «Словом о полку Игореве», начало чему положил сам поэт: «И когда земной шар, выгорев, / Станет строже и спросит: "Кто же я?" —/ Мы создадим "Слово Полку Игореву" / Или что-нибудь на него похожее» («Война в мышеловке», 2, 1916). *Он солнце брал за удила* — о «солнцоборческих» мотивах в «сверхповести» «Дети Выдры» (1911—1913) и др. соч. Хлебникова см.: Баран Хенрик. О Хлебникове. Контексты. Источники. Мифы. М., 2002. С. 50—67. *Он с соколом Бояна бился...* — «Тогда он пускал десять соколов на стадо лебедей, которую лебедь настигал, та первой песнь пела <...> Но Боян, братья, не десять соколов на стадо лебедей пускал, а на живые струны свои вещице персты возлагал...» («Слово о полку Игореве»).

589. Ок. 1988. № 5; Гр, включено в цикл «Беатриче»; ИП1. Автограф — Т869, вар. ст. 3 «Которое поет...», ст. 6 «Все так неточно...»

Когда бы спел я, наконец, / Нежнейшее четверостишие — вариация на тему ст-ния Пастернака «Во всем мне хочется дойти...» (1956): «Я написал бы восемь строк / О свойствах страсти...». Ср. № 814.

590. Ок. 1988. № 5; Гр, включено в цикл «Беатриче»; ИП1. Автограф — Т869. «Утоли моя печали» — иконографический извод, один из видов богородичной иконы.

591. Ог. 1987. № 43, в разд. «Слово читателя» с подписью «Д. Самойлов. Пяру», опечатка в ст. 8; Гр; ИП1, вар. ст. 11 «...отражать событие». Автограф — Т869. Печ. по Гр.

Ст-ние является реакцией на всеобщую эйфорию, возникшую в начале «перестройки» в связи с отменой цензуры.

592. Гр; ИП1. Автограф — Т869, не до конца.

593. Ок. 1988. № 5, вар. ст. 1 «Несовпадение...»; Гр; ИП1, вар. ст. 1 по Ок. Автограф — Т869, с посвящением «Э. Сусловой». Печ. по Гр.

Посвящение: Сулова Эра Васильевна (р.1925) — актриса Горьковского театра драмы, народная артистка РСФСР. История знакомства Самойлова с ней во время войны описана в ПЗ (с. 238) и в заметке: Мараш М. «А мы такие молодые»// Сов. женщина. 1986. № 4. С. 36. В дек. 1985 г. Самойлов ездил в Горький на празднование 60-летия Э. В. Суловой.

*594. Ог. 1989. № 3; Сн. Автографы — Т869, вар.; машинопись с правкой, вар. ст. 8 «И злое сборище святош».

Триклиний — столовая в древнеримском доме.

595. Ог. 1989. № 3; Сн. Автографы — Т869, вар. ст. 10 «То, что социологам не ясно?»; машинопись с правкой, вар. ст. 3 «Нас освобождает от небылиц», ст. 7—8 «И увидев в небе звезд янтарь, / Вновь поймут...».

596. Ог. 1989. № 3; Сн. Автографы — Т869; машинопись.

597—599. Ок. 1988. № 5; Гр; ИП1, без внутр. нумерации. Печ. по Гр. 1. Автографы — Т869, без ст. 15—16, вар. ст. 8—9 «В карты проигрался — не судьба, / С кавалером, позабыв канат,»; машинопись.

2. Автограф — Т869, вар. ст. 4 «Он когда-то...».

3. Автограф — Т869.

*600. Ог. 1989. № 3; Сн. Автографы — Т869, в июне — 1-я строфа с продолжением «И я говорю с фонарями», осенью — строфы 1, 2 и 5, оба текста без загл.; машинопись, к тексту Т869 допечатана 1 строфа,

от руки дописаны загл. и 2 строфы, последняя печатная и 1-я рукописная строфы зачеркнуты. Строфы 3—4 окончат. ред. отсутствуют.

Теперь говорят: «Говори!» — обыгрывается название спектакля по «Районным будням» В. В. Овечкина (Театр имени Ермоловой; режиссер В. В. Фокин; 1986), чья постановка знаменовала наступление «гласности». ...*Беспамятных боевиков* — намек на националистическое движение «Память».

601. Ок. 1988. № 5; Гр; Сн. Автографы — Т869, без посвящения, под загл. «Начало».

Посвящение: Недоступ Александр Викторович (р. 1939) — врач — терапевт, лечивший Самойлова. Ныне — академик Рос. Академии Медицины. *Начать с себя* — призыв М. С. Горбачева «Начинать перестройку с себя» вызвал резкое неприятие либеральной интеллигенции, с кот. и полемизирует Самойлов.

602. ЛГ. 1988. № 50. 14 дек., вар. ст. 17 «Не читал публициста». Печ. по ИПС.

Сыгоняев, Слепцова — в вымышленных фамилиях угадываются С. Ю. Куняев (см. примеч. 824) и Т. М. Глушкова (см. примеч. 338). *Про поэта Кулцова* — см. вступит. статью. *Нечто обло, озорно, / Стозевно и лаяй* — обыгрывается эпиграф к «Путешествию из Петербурга в Москву» (1790) А. Н. Радищева, перефразирующий ст. «Тилемахиды» (1766) В. К. Тредиаковского. ...*считать фармазоном*. Фармазон — искаженное «франк-масон». В националистической публицистике конца 1980-х гг. слово «масон» могло использоваться и как эвфемизм слова «еврей», и как знак «жидо-масонского заговора». Ср. обыгрывание слова «фармазон» у Грибоедова и Пушкина: «— Что? к фармазонам в клуб? Пошел он в пусурманы» («Горе от ума», д. 3, явл. 19; реплика Графини бабушки) и «Он фармазон; он пьет одно / Стаканом красное вино» («Евгений Онегин», гл. 2, строфа V; мнение соседей об Онегине).

*603. Ог. 1989. № 3, описка в ст. 13; Сн. Автограф — машинопись с правкой.

604. Ог. 1989. № 3; Сн. Автограф — машинопись, без загл. и ст. 9—10.

«Не укради»... «Не убий» — 8-я и 6-я заповеди, данные Господом Моисею на Синае (Исх. 20, 15, 13).

605. Ог. 1989. № 3, опечатка в ст. 6; Сн. Автограф — машинопись с правкой, вар. ст. 14 «От скалы и до скалы».

Малдонис Альфонсас — см. примеч. 465.

606—608. Ог. 1989. № 3; Сн. Автограф — машинопись.

3. В автографе вар. ст. 8 «Однако не всегда.»

Экклезиаст — «Слова Екклесиаста, сына Давидова, царя в Иерусалиме. Суета сует, сказал Екклесиаст, суета сует, — все суета» (в первых стихах Книги Екклесиаста, или Проповедника формулируется ее главная мысль).

609. Зн. 1989. № 6; Сн. Автограф — Т869, без ст. 9—12, вар. ст. 4 «Или домолчаться до Бога», ст. 6—8 «Еле тащится эта кляча! / Или праздновать тысячулетье, / Умиляясь...».

Слова гнать историю плелью — ср. «Клячу истории загоним» (Маяковский, «Левый марш», 1918).

- 610.** Ог. 1989. № 3; Сн. Автографы — Т689; машинопись, вар. ст. 10 «С пустяковою строкой».
- 611.** Зн. 1989. № 6; Сн. Автограф — Т869.
- 612.** Ог. 1989. № 3; Сн. Автографы — Т689, вар. ст. 2 «Навсегда останется»; машинопись.
- 613.** Ог. 1989. № 3; Сн. Автографы — Т689, под загл. «Не забудь», без ст. 13—16; машинопись.
Нагорная проповедь — Мф. 5—7; Лк. 6, 20—49.
- 614.** Ог. 1989. № 3; Сн. Автографы — Т689, вар. ст. 2 «Сошлись мы у одной черты»; машинопись.
- 615.** Зн. 1989. № 6; Сн. Автограф — Т869, вар. ст. 5 «На японском. Я один».
Посвящение: Зигель Феликс Юрьевич (1920—1988) — астроном, уфолог, автор многочисленных кн. по астрономии. Друг Самойлова со школьных времен.
- 616.** Зн. 1989. № 6. Автограф — Т689, без загл., эпиграф из Пастернака «Пора проснуться и прозреть», вар. ст. 10—12 «Произошло смещение стен / Крутое несогласье красок / И разложение плоскостей», ст. 16 «Задумался над полотном».
Эпиграф в Т689 — неточная цитата из ст-ния «Любить иных — тяжелый крест...». У Пастернака — «Легко проснуться и прозреть». *Все, кажется, в порядке. Кроме / Художника* — в подтексте заключительные строфы вступления к «Спекторскому» Пастернака (описание рассвета). Ср. особенно: «Чужая даль. Чужой, чужой из труб / По рвам и шляпам шлепающий дождик, / И, отчужденем обращенный в дуб, / Чужой, как мельник пушкинский, художник» (в «Русалке» Пушкина Мельник называет себя «вороном» — ср.: *Растрепан, как гнездо воронье*).
- 617.** Зн. 1989. № 6; Сн. Автограф — Т869. Обращено к Г. И. Медведевой.
- 618.** Зн. 1989. № 6; Сн.
Поговорим о гряди — ср.: «Слава, Слава, Слава героям!!! / Впрочем, / им / довольно воздали дани, / Теперь / поговорим / о дряни» (Маяковский, «О дряни», 1921). *Скажут мне: — Эстет!* — ср. укоры Маяковского «писателю» («Вы, / над облаками рея, / птица / в человеческий рост, / Вы, мусье, / из канареек, / чижик вы, мусье, / и дрозд» — «Птичка божия», 1930; ср. постоянное у Самойлова сопоставление поэта с певчей птицей, восходящее к «Певцу» Гете) и его признание («И мне / агитпроп / в зубах навяз, / и мне бы / строчить / романсы на вас, — / доходней оно / и прелестней, / Но я / себя / смирял, / становясь / на горло / собственной песне» — «Во весь голос», 1930). Спор с Маяковским, Самойлов имел в виду и своих современников, обратившихся в перестройку к гражданской поэзии.
- 619.** Зн. 1989. № 6; Сн. Автограф — Т869, вар. ст. 4 «Просто все по иному творить», ст. 12 «Неотплатную нашу вину».
- 620.** Дг. 1989. № 10, вар. ст. 1 «Листик остренький...», ст. 3 «Нам уже известно...»; Сн. Автограф — Т869, совпадает с Дг.
- 621.** Дг. 1989. № 10; Сн. Автограф — Т869, переставлены 2-я и 3-я строфы, вар. ст. 9 «...простое явление природы», ст. 14 «Мы видели вдрут со смущенными лицами».
С плеча ниспаданье ахматовской шали — шаль стала атрибутом образа Ахматовой после ст-ния Блока «Анне Ахматовой» (1913).

622. Дг. 1989. № 10; Сн. Автограф — Т869, без загл., ст. 10 не дописана.

623. Дг. 1989. № 10, вар. ст. 4 «Я откликаюсь...», ст. 7—8 «Надеюсь, что верна моя стезя, / Надеюсь и...»; Сн. Автограф — Т869, совпадает с Дг.

*624. Дг. 1989. № 10. Автограф — Т869, без загл., 1-й ред.

625. Дг. 1989. № 10. Автограф — машинопись, вар. ст. 1 «...и подрезывай кроны», ст. 7 «Видишь — слово...»

626. Дг. 1989. № 10.

Те стога и завтрак на траве. Имеются в виду картина Клода Моне «Завтрак на траве» и серия его же картин с изображением стогов.

СТИХОТВОРЕНИЯ, АВТОРОМ НЕ ПУБЛИКОВАВШИЕСЯ

*627. Россия. № 7. 1998, 1-я ред. ст. 17—20. Автографы — Т3741, посвящение «С. Наровчатову»; машинопись, в подборке довоенных стихов, ст. 17—18 в 1-й ред., ст. 19—20 отсутствуют; Т48, ст. 17—20 в 1-й ред.; С49, с зачеркнутыми ст. 17—20 и вписанной от руки их 2-й ред.. Правка не ранее 1949 г. Печ. по С49.

628. Коломенская правда. 1987. 13 окт. Автографы — машинопись в подборке довоенных стихов; Т3741; Т48; С49. Включено в первоначальное содерж. Зл в разд. ранних стихов. Печ. по машинописи.

29 окт. 1987 г. Самойлов записал в дневник: «1-го октября поехал с Сашей в Коломну на конференцию по Маяковскому. Довольно бойко выступал, развлекал ученых. Обедал у профессора Кости Петросова, бывшего ифлийца». (Пд32. С. 239). После конференции К. Г. Петросов, литературовед, д. филол. н., профессор Коломенского пед. ин-та, опубли. в местной газ. студенческое ст-ние Самойлова, снабдив его предисл.: «Готовясь к конференции "Маяковский и современность", я обратился к поэту Давиду Самойлову и напомнил ему двустийше "Поэзия тот недостаток пространства..." из стихотворения, прочитанного им в 1940 г. в МИФЛИ. Поэт ответил, что забыл об этом стихотворении, но постарается восстановить его по памяти и прочитать на коломенской конференции. К всеобщему удовольствию, чтение это состоялось...».

Что голос был отдан на крик прокламаций. Текст строится на реминисценциях вступления к поэме «Во весь голос». *Все прочно — ср. тревогу Маяковского из-за «остановки» революции, отразившуюся в комедиях «Клоп» и «Баня», ряде стихотворений, 1-й и (замаскированно) финальных главках «Хорошо!».* Он чувствовал несправедливость отставки, / Что временщики генералам дают — ср.: «Явившись / в Це Ка Ка / идущих / светлых лет, / над бандой / поэтических / рвачей и выжиг / я подыму, / как большевистский партбилет, / все сто томов / моих / партийных книжек» (ср. конфликты Маяковского с руководством РАППа). Он сердце свое приносивал к гатам — имеются в виду создание поэмы «Хорошо!» к 10-летию октябрьской революции и выставка в Доме комсомола Крас-

ной Пресни «20 лет работы Маяковского» (открылась 25 марта 1930); обе «нужные» акции противоречили отрицательному отношению Маяковского к юбилеям. Он *делал себя Неизвестным Солдатом, / Но с правом на памятник после войны* — ср.: «умри, мой стих, / умри, как рядовой, / как безымянные / на штурмах мерли наши!» и «пускай нам / общим памятником будет / построенный / в боях / социализм». ...А *выстрела ждали* — полемика со «Смертью поэта» Пастернака, где поэт последовательно противопоставляется социуму; ср.: «Не верили, — считали, — бредни / <...> Твой выстрел был подобен Этне / В предгорье трусов и трусих».

629. Зн. 2002. № 2, опечатка в ст. 3. Автографы — машинопись в подборке довоенных стихов, вар. ст. 6 «Не ракушками...»; Т48; С49. В Т3741 отсутствует. Печ. по С49.

Опять Гефест свой круглый щит кует — в «Илиаде» (песнь XVIII) бог-кузнец Гефест изготавливает щит для Ахилла, который вскоре сразит троянского царевича Гектора (мужа Андромахи). Наречие «опять» указывает на повторяемость событий — ср. ту же фигуру в цикле Блока «На поле Куликовом» и ст-ния Вл. Соловьева «Ответ на «Плач Ярославны»» (1898): «Пускай Пергам давно во прахе, / Пусть мирно дремлет тихий Дон:/ Все тот же ропот Андромахи / И над Путивлем тот же стон», рифма из кот. возникает в 3-й строфе ст-ния Самойлова. Но *мерные мужи уже не ждут Елены*. Противопоставление «изменчивая Елена — верная жена» восходит не столько к «Илиаде», сколько к Мандельштаму («Не Елена — другая...» в «Золотистого меда струя из бутылки текла...», 1917, здесь противопоставлена Елене не Андромаха, а ждущая Одиссея Пенелопа; ср. также: «Когда бы не Елена, / Что Троя вам одна, ахейские мужи» — «Бессонница. Гомер. Тугие паруса...», 1915 и «За то, что я руки твои не сумел удержать...», 1920). «Античным» стилем Мандельштама, видимо, навеяны и «ласточки» второй строфы. Позднее у Самойлова начало войны ассоциируется с исчезновением другой — обычной — Елены (№ 700). *Как с Гектором прощалась Андромаха* — эпизод «Илиады» (песнь VI), использованный многими художниками и поэтами. Самойлов наверняка знал «Прощание Гектора» (1780) Шиллера. *Ахейцы спят в гробах* — еще одна отсылка к Шиллеру («Спящий в гробе мирно спи» — пер. Жуковского) напоминает о предшествующих коде строках «Торжества победителей» (1803): «Все великое земное / Разлетается, как дым: / Ныне жребий выпал Трое, / Завтра выпадет другим».

630. Баевский. С. 43, вар. ст. 4 «И роботы насилуют женщин». Автограф — машинопись с датой, в папке конца 1970-х гг. среди ранних стихов, предполагаемых к публ. Печ. по автографу. Включено в первоначальное содерж. Зл в разд. ранних стихов.

631. НМ. 2004. № 1. Автограф — в дневнике за март—май 1943 г., ранее записи от 13 марта, т. е. еще на фронте, до ранения в бою 26 марта. В Самарканде Самойлов провел в эвакуации зиму 1941—1942 г., восстанавливаясь после тяжелой болезни и участв. в вечернем пединституте, откуда ушел добровольцем в офицерское училище (ПЗ. С. 191—195).

632. Зн. 1998. № 2. Автографы — несколько ст. в дневниковой записи от 22 окт. 1942 г. (ПДЗ1. С. 156—157); рукоп. листки из тетр., с

датой «1942»; Т47 с датой «1942—1943»; Т48; С49. В госпитальной записи в дневнике от 25 июня 1943 г. в планах упоминается «Слово о Богородице и солдатах» (ПДЗ1. С. 165).

Самойлов мог знать «Разговор бойца с Богородицей» из поэмы Глазкова «Фантастические годы» (1941). *Нам ружьишки — братишки — ср. песню «Солдатушки, бравы ребятушки, / А где ваши жены?»*; далее спрашивается о сестрах, матках, детках и т. п., в ответах возникают ружья, сабли и т. п.

633. Зн. 2004. № 12. Автограф — рукопись.

Моей кочующей судьбе — Ср.: «В моей блуждающей судьбе» («Евгений Онегин», гл. VII, строфа XXXVI). Пушкинская реминисценция соответствует «книжной» тональности ст-ния.

*634. Зн. 1998. № 2, 2-я ред., подзаг. «Из цикла «Пехотинцы». Автографы — рукоп. листки из блокн., 1-я ред., под загл. «О ревности»; СоСЛ, 1-я ред., под тем же загл.; Т456, 2-я ред., дата «август 1945»; Т47 и Т48, 2-я ред.; С49, 2-я ред., под загл. «Стихи о солдатской любви», 1-е из двух ст-ний, сразу за заголовком «Из цикла «Пехотинцы»; машинопись, 3-я ред., под загл. «Стихи о солдатской любви»; машинопись к ВП, 3-я ред. В Зн приведен текст 2-й ред. из С49. Печ. по машинописи к ВП (3-я ред.). Судя по автографам, ст-ние претерпело 3 ред.: в апр. 1944, в авг. 1945 и в конце 1950-х гг.

Вар.: *Троеручица* — вид богородичной иконы. Рифма «смородины — родине» восходит к «Папиросному коробку» (1927) Багрицкого, видимо, поэтому и изменена. *И вновь пропоют Елене* — см. примеч. 629.

635. Зн. 1998. № 6. Автографы — рукоп. листки из блокн.; СоСЛ, как продолжение ст-ния «О ревности» (№ 634); С49, 2-е из двух ст-ний под загл. «Стихи о солдатской любви».

Рифма «жалок — полушалок» восходит к ст-нию Мандельштама «Сегодня ночью, не солгу...» (1925). В иной форме возникает в № 286. *Не в такт тоске-баню* — ср. № 10. *...бахвалась перед гураком... рыжеватый ус крутя...* — реминисценция пушкинского «Гусара» (1833): «Он стал крутить свой длинный ус / И начал: "Молвить без обиды, / Ты, хлопец, может, и не трус, / Да глуп, а мы видали виды"», далее гусар рассказывает о сожительстве с ведьмой и случившихся от того приключениях. *Ломились немцы на редуты...* — см. № 14 и примеч. к нему. Архаизм «редут» отсылает к ст-нию Лермонтова «Бородино» (1837): «И все на наш редут».

636. Зн. 1998. № 6. Автограф — СоСЛ.

*637. Зн. 1998. № 2. Автографы — рукоп. листки из блокн.; СоСЛ; С49, сразу за заголовком «Из цикла "Разговор с друзьями"»; машинопись, др. ред.

В февр. 1944 г. Самойлов вырвался из тыловой части в Москву в надежде добиться отправления на фронт (см. ПЗ. С. 239—240). Запись в дневнике от 15 февр.: «Настроение просто похабное. Во-первых, от хождения по инстанциям и от этой попытки "вырваться", где все еще неясно и может обернуться худо. Но как иначе, если не вабанк? Во-вторых, блестящая скудость Москвы, где смятенные и полуманящие души не решают, не ищут, а прячутся подмышку. Равнодушные радующие там, где ожидал увидеть теплоту понимания. Ни одного душевного разговора "о принципах и принципах". Я здесь чужой. Друзья на войне. И жить придется совсем сначала» (ПДЗ1. С. 200—

201). Вар.: *А те не здесь, а те — галече — «Иных уж нет, а те далече»* («Евгений Онегин», гл. VIII, строфа LI; стих восходит к эпиграфу «Бахчисарайского фонтана»). *А вы судьбу говорьте тонкопряхам* — имеются в виду древнегреческие мойры (римские парки), держащие и прерывающие нити людских судеб.

638. Зн. 1998. № 6. Автограф — СоСЛ.

Волосы из «Песни песней» — «волоса твои, как стадо коз, сходящих с горы Галаадской», «волосы на голове твоей, как пурпур» (Песнь Песней 4, 1; 7, 6)

639. Зн. 1998. № 6. Автографы — рукопись, под загл. «1941»; СоСЛ, рукоп. правка загл.

640. Зн. 1998. № 6. Автограф — СоСЛ.

В Москве в февр. 1944 г. Самойлов тесно общался с С. П. Гудзенко. Скорее всего, Гудзенко читал ему свое ст-ние «Перед атакой» (окт. 1942). *Через людей, через коней* — ср.: «Смешались в кучу кони, люди» (Пушкин, «Полтава», песнь 3). *Штык молодец, а пули — гуры* — перефразировка известной присказки Суворова. *И рвутся смельчаки на ДЗОТ* — хотя повторить ставший легендой подвиг Александра Матросова (27 февр. 1943 г.).

641—644. Зн. 1998. № 6, в цикл включено 5 ст-ний. Все стихи написаны в разное время 1944 г. Т44 открывается загл. цикла, под которым расположены 3 ст-ния, 1-е из них — не оконченное, без последней ст., и в дальнейшем в автографах не встречающееся, далее — I (с вар.) и II. Остальные публикуемые ст-ния расположены в Т44 позднее, без привязки к циклу. В цикл объединены в Стх44, причем под номером V следует ст-ние, являющееся др. редакцией № 8 и в данном изд. помещенное в раздел «Другие редакции». В С49 в составе цикла другой набор ст-ний (без нумерации), в который из публикуемых вошли I и II. Публ. в Зн осуществлена по Стх44.

*I. Печ. по С49.

Посвящение: Нестеровский Петр Петрович (1914—1998) — киевский прозаик, драматург, во время войны — сотрудник гарнизонной газ. в Горьком, принявший участие в судьбе Самойлова (см. ПЗ. С. 237—239).

II. Адресата посвящения установить не удалось.

IV. *Вставай, проклятьем заклейменный* — 1-я ст. «Интернационала».

645—648. Зн. 1998. № 6. Автографы — Т44, отд. ст-ния, последовательность которых совпадает с последовательностью в цикле, вар.; блокнотные листки с нумерацией, в т. ч. под № IV — № 9 наст. изд.; Стх44, состав цикла тот же; С49, № II и V, включены в цикл «Пехотинцы».

I. Печ. по Стх44.

Нас привечала по-бангитски — об участии Самойлова в операциях против бендеровцев в 1944 г. см. в гл. ПЗ «Белоруссия родная, Украина золотая ...».

*II. Печ. по С49.

III. Т44, вар. ст. 15 «Идут дожди...». Зн. — ст. 1—2, 15—20. Печ. по Стх44.

Ковель — город на Зап. Украине, райцентр в Вольнской обл.

V. Зн. — вар. ст. 1 «На стенах...», ст. 2 «Вели...», ст. 10 «...святой». Печ. по С49.

Личные впечатления явно подсвечены «Конармией» Бабея (1923—1925). *Бяла-Погляска* — город на востоке Польши.

*649. Зн. 1998. № 2. Автографы — Т44, блокнотные листки, оба автографа с небольшими разночтениями, вар. посл. ст. «И близится паденье Трои»; Стх44, испр. от руки последняя ст. и дописанная строфа; С49.

...опять крылом вороньим / Судьба помашет над тобой — ср.: «Пресловутый ворон / Подлетит в упор, / Каркнет «nevermore» он / По Эдгару По» (Багрицкий, «Разговор с комсомольцем Н. Дементьевым», 1927). *Пролает пуля... и пулемет / Присел сторожевой собакой* — ср.: «Как собака на цепи тяжелой, / Тявкает за лесом пулемет» (Гумилев, «Война», 1914). *Храпят стрелки* — традиционное описание ночи перед битвой от «Слова о полку Игореве» до отозвавшейся ниже «Ночи в окопе» (1920) Хлебникова и «Песни о великом походе» (1924) Есенина («В красном стане храп, / В красном стане смрад»). *Кололят гукие цепи* — восходящее к фольклору сопоставление битвы и крестьянского труда (пахоты, жатвы, молотбы) возникает в «Полтаве» («Как пахарь, битва отдыхает» — ср. № 640), отголоски которой появятся далее, и «Войне» Гумилева («А "ура" вдали — как будто пенье / Трудный день окончивших жнецов» и др.). *И в песню просят ся герои* — ср. № 14.

650. Печ. впервые по С49. Автографы — Т44, без загл. и эпиграфа; Т47; Т48; С49. В одной из тетр. 1947 г. — неоконч. попытка переписать ст-ние.

Эпиграф — из «Высокой болезни» Б. Пастернака (1923, 1928). В гл. ПЗ «Предпоследний гений» (с. 372—375), посвященной Пастернаку, Самойлов вспоминал свои военные стихи: «И не мог я понять тогда, о какой музыке и о каком льде говорил Пастернак. О том самом льде, о вечном полюсе Тютчева, который растопить не хватит нашей крови скудной. А Пастернак писал о музыке во льду. И значит, о том, что не скудна кровь. <...> Он говорил о музыке среды. И счастлив поэт, который может воскликнуть о своей среде: "Мы были музыкой во льду". <...> Я ничего этого тогда не понимал и предложил стихи Всеволоду Вишневскому в журнал "Знамя". Стихи тогда, сразу после войны, к счастью, не были напечатаны. После постановления о ленинградцах Вишневский позвонил мне и предложил стихи опубликовать. "Теперь поздно", — сказал я ему...» Однако вплоть до С49 Самойлов включал ст-ние в регулярно составляемые «итоговые» подборки.

О, марбургский девятиклассник — намек на «инфантилизм» поэта; Пастернак провел семестр в Марбурге летом 1912 г. (ему было 22 года); о драме, пережитой в Марбурге, Пастернак писал в одноименном ст-нии (1916, 1928) и «Охранной грамоте» (1931). *Нам не уйти от правды гололобой* — то есть правды Ленина; ср. в «Высокой болезни»: «Но корпуса его изгиб / Дышал полетом голой сути / Прорвавшейся сквозь слой лузги...». *И лоба дня святою стала злобой* — см. примеч. 124. *Все тех же дней в окне мелькают хлопья* — варьируются мотивы ст-ния Пастернака «Про эти стихи», содержащего традиционно инкриминируемые Пастернаку стихи «Какое, милые, у нас / Тысячелетие на дворе?». *Не погдаваться попусту восторгу* — возможно, противопоставление «естественного» народного чувства автора «экзальтированному»: народолюбию Пастернака, выразившемуся в ст-нии «На ранних

поездах» (1941). Он стал, как степь, посередине света — ср. в ст. Пастернака «Степь» (1917): «И через дорогу за тын перейти / Нельзя, не топча мироздания». К предшествующему ему в сб. «Сестра моя жизнь» ст-нию «Распад» эпиграфом поставлены слова Гоголя «Вдруг стало видимо далеко во все концы света» («Страшная месть»).

651. Зн. 1998. № 2, вар. ст. 19 «Будут петь,...». Автографы — Т44, под загл. «Песенка», вар. ст. 15 «Едет гость к тебе — жених...»; Т48; С49. Печ. по С49.

Седльце — см. примеч. 233. *Жолнеж* — солдат (пол.). *Прага* — предместье Варшавы.

652. Печ. впервые по Т44.

653. Зн. 1998. № 2, с опечаткой в ст. 13. Печ. по С49.

654. Зн. 1998. № 2. Автограф — С49.

Название иронически отсылает к одноименной музыкальной кинокомедии (1944; реж. И. А. Пырьев). *Иных давно уж нет* — см. примеч. 637. *Медный труп зеленого коня* — см. № 13 и примеч. к нему. *Пьет коньяк в проклятом Бухаресте*. В Румынии воевал Б. Слуцкий. Войну он закончил в Австрии, но Самойлов мог этого не знать, т. к. переписка была редкой. Примерно в это же время Слуцким написано ст-ние «В шесть часов утра после войны» (опубл. посмертно).

655. Зн. 2000. № 2, без деления на строфы. Автографы — Т456, вар. ст. 55 «Лохматые...»; Т47, С49. Печ. по С49.

В гл. ПЗ «А было так...» Самойлов рассказал (с. 268—270) о встрече в Польше 17 янв. 1945 г. Девушку звали Бронислава. «О Брониславе я потом написал стихи под названием "Божена". Надо бы написать их заново», — закончил он рассказ. *Сарны*, *Ковель* — города на Украине, *Лукув*, *Седльце*, *Пулавы* — города в Польше. *Регимент* — воинская часть, полк.

656. Зн. 2000. № 2. Автографы — Т456, С49.

657. Россия. 1998. № 7. Автографы — Т456; Т47; Т48; С49.

Чтоб разглядеть в кромешном быте / <...> / С солдатским топотом событий — оспаривается строфа, дважды повторенная в «Письме к женщине» (1924) Есенина: «Не знали вы, / Что я в сплошном дыму, / В развороченном бурей быте / С того и мучаюсь, что не пойму — / Куда несет нас рок событий».

658. Зн. 2004. № 12. Автографы — Т456, вар. ст. 2 «Ты для меня незаменим»; Т47.

*659. Зн. 1998. № 2, под загл. «Германия», вар. ст. 6 «И только — трупы...», ст. 8 «Просторный воздух...», ст. 18 «По рощам ветер...», ст. 22 «...крутятся в пыли», ст. 25 «...ржавые, косые». Автографы — Т46; Т47, вар. ст. 18 «По паркам осень...», ст. 25—26 «И вновь дожди. Подробные, босые, / И осени пустое бытие»; Т48, вар. ст. 25—26 «И вновь дожди. И тянутся в бессилье / Как руки нищих, ветки без листвы», неоконч. ст. 28 «Моя мечта...»; С49 (по этому источнику публ. в Зн); машинопись 1957 г. — во всех перечисленных автографах под загл. «Германия»; машинопись (РГАЛИ-1. Ед. хр. 2. Л. 1); машинопись в подборке «Не вошло в "Залив"», без загл., только ст. 17—24 и доп. строфа. Печ. по машинописи РГАЛИ.

Сочетание размера (пятистопный ямб с перекрестной рифмой) и семантики «сна» навеяно «Снами» Лермонтова («В полдневный жар

в долине Дагестана...», 1841) и Пастернака («Мне снилась осень в полусвете стекла...», 1913, 1928). *Бабельсберг* — город в Германии, в котором Самойлов находился после окончания войны до демобилизации. *Но где он, голубь с веточкой маслины?..* — «Голубь возвратился к нему в вечернее время; и вот, свежий масляный лист во рту у него: и Ной узнал, что вода сошла с земли» (Бытие 8, 11).

*660. Зн. 2000. № 2. Автографы — Т44, ст. 1—8, между стихами от 9 и 10 сент.; Т456; Т47; Т48 — во всех в 1-й ред.; С49, рукоп. правка 1-й ред. на 2-ю, ст. 29—32 зачеркнуты. Печ. по Зн, где восстановлены ст. 29—32, зачеркнутые, по-видимому, из-за своей остроты.

В гл. ПЗ «Белоруссия родная, Украина золотая...» Самойлов, описывая действия против бандеровцев (с. 251—254), процитировал часть стиха. По воспоминаниям Л. И. Лазарева, Самойлов читал эти стихи на вечере в МГУ в 1946 г., вероятно, 26 февр. или 27 апр. (см.: ПдЗ1. С. 228, 231). *Бандера* Степан Андреевич (1909—1959) — руководитель отрядов Укр. Повстанческой Армии (УПА) на Зап. Украине в 1943—1947 гг. *Березно* — город в Ровенской обл. «*Нам все равно — НКВД или гестапо*» — фраза из бандеровской листовки. *Бульбаш* — в словарях укр. яз. слово отсутствует. Возможно, производное от Бульбы — руководителя одного из отрядов сопротивления Советской Армии на Украине. *Будуют* (укр.) — строят, создают.

661. Россия. 1998. № 7, без строф 8—10. Автографы — Т456 и Т47, без загл.; Т48, С49. Печ. по С49.

Коган П. Д. — см. примеч. 81. *Угловатый белый парус* — контаминируются ст. лермонтовского «Паруса» (1832; ассоциации с «Бригантиной» Когана, 1937) и программного стиха Когана «Гроза» (1936): «Я с детства не любил овал! / Я с детства угол рисовал!». *Ты не вейся, черный ворон* — перефразируется песня «Черный ворон», канонизированная фильмом «Чапаев». Ср. также примеч. 649.

662. Зн. 2000. № 2. Автографы — Т456; Т47; Т48; С49. См. вступит. статью.

*663. Зн. 2000. № 2. Автографы — Т456, без загл., вар.; Т48, под загл. «И. Л. Сельвинскому»; С49.

Сельвинский Илья Львович (1899—1968) — поэт, драматург. Лидер созданного в 1925 г. и разгромленного в начале 1930-х гг. объединения конструктивистов. Оказал большое влияние на молодых поэтов предвоенной поры, в том числе Самойлова, в 1939—1941 гг. посещавших руководимые Сельвинским семинары молодых поэтов при Гослитиздате и поэтический семинар в Литинституте. См. гл. ПЗ «В мастерской стиха». После вечера поэтов в Колонном зале дома Союзов Самойлов записал в дневнике 4 апр. 1946 г.: «Сельвинский — человек больших заблуждений, размах которого виден в его заблуждениях. Он создает поэзию только на пути к крайностям» (ПдЗ1. С. 231).

664. Зн. 2000. № 2. Автограф — С49.

Не вечно горе горевать — ср. старинный марш «Взвейтесь, соколы, орлами! / Полно горе горевать...».

665. Печ. впервые по Т48. Др. автограф — Т47. В содерж. С49 — последнее в разд. «Стихи 1946 г.», но текст отсутствует.

Нельзя в обыденном пейзаже / Искать лишь смертные черты... — ср. в прологе «Возмездия» Блока: «Сотри случайные черты — / И ты увидишь: мир прекрасен».

*666. Зн. 1998. № 2, 1-я ред., под загл. «Желание». Автографы — Т48, С49 — 1-я ред.; машинопись 1950-х гг., 2-я ред. Печ. по машинописи.

667. Зн. 2002. № 2. Автограф — Т48.

*668. Печ. впервые по машинописи 1960-х гг. Др. автографы — Т47 — ст. 1—4; машинопись, под загл. «Во тьме», подзаголовок «Из стихов о царе Иване»; С49, под загл. «Царь Иван», дата, в обоих автографах 6-я строфа — за 3-й. В машинописном содерж. не изд. сб. «Сквозь память», сост. в конце 1956 г., — под загл. «Во мгле».

С метлой да с песьей головой — имеется в виду эмблема опричного войска.

669—671. Зн. 1998. № 2. Автограф — С49.

Запись в дневнике от 16 сент. 1946 г.: «Большая — и в силе своей — изломанная Цветаева. И все же негодование не переплескивается в презрении к миру. Там, где поэзия пробивается через бабью лихую злость и позу гордой нищенки — там правда — бунт против пошлости Гаммельна, там тончайшая связь с революцией» (ПДЗ1. С. 234). Цветаеву Самойлов видел один раз мельком (ПЗ. С. 373).

I. *Мы родились врагами*. Цветаева покинула советскую Россию в 1922; для молодого Самойлова всякий эмигрант был врагом. *Мы различные полюсы, / Между нами — разряды* — ср. сквозные для Цветаевой темы любви-противоборства и обреченности на разрыв. Ср. примеч. 669—671 (III). *Ты — царица невольная*. Цветаева несколько раз отождествляла себя с Мариной Мнишек. *Этот ливень киплящий*. Возможно, Самойлов знал статью Цветаевой о Пастернаке «Световой ливень» (1922) или что-то о ней слышал.

II. *Может, где-то на Каме*. Цветаева покончила с собой 31 авг. 1941 в г. Елабуге, стоящем на р. Каме.

III. *Накопившейся молнии / Накопившие страсти*. Поэзия Цветаевой, вероятно, знакомая Самойлову в 1947 г. в малой мере, воспринимается сквозь призму Пастернака; ср.: «...Мирозданье — лишь страсти разряды, / Человеческим сердцем накопленной» («Определение творчества», 1917).

672. Зн. 1998. № 2. Автограф — С49.

Запись в дневнике от 21 авг. 1948 г.: «Барнаул. Второй день жду парохода на Новосибирск. Он будет не раньше 23-го. Я порядком устал — не от впечатлений — от мыслей. Мысли эти невеселы. Я с ужасом думаю, что все мои стихи — бесплодны, в них нет того, что может интересовать людей. От этого и тоска на сердце. Да, мне нужно было сравнить поэзию с жизнью. Поэзия не устояла. Жизнь настоятельно требует другого. Это я понял. И это тяжело». (ПДЗ1. С. 257). В авг. 1948 г. Самойлов ездил в командировку в Алтайский край. Его заявление в Комиссию по работе с молодыми писателями Союза Писателей с просьбой о творческой командировке (без командировочных) с положительной резолюцией хранится в РГАЛИ (Ф. 631. Оп. 15. Ед. хр. 944. Л. 17).

673. Россия. 1998. № 7. Автограф — С49.

Обращено к О. Л. Фогельсон (см. примеч. 15). *Медный век, медный век зеленеет вокруг* — ср. № 13 и 654.

*674. Печ. впервые по авторской машинописи с правкой и датой.

Ст-ние написано в период активного проявления государственного антисемитизма под лозунгом борьбы с «безродным космополитизмом».

675. Печ. впервые по авторской машинописи с правкой.

676. Зн. 2004. № 12. Автограф — машинопись с правкой.

Неужто в гробу — это я? — ср. «Перед зеркалом» (1924) Ходасевича: «Я, я, я. Что за дикое слово! / Неужели вон тот — это я?» с перечислением разных стадий развития личности. Редкая для Самойлова рифмовка (с «холостой» третьей строкой), возможно, еще один знак Ходасевича: она применена в «Балладе» («Сижу, освещаемый сверху...», 1921), написанной тем же трехстопным амфибрахией. Одновременно такая рифмовка и ироническая разработка мотивов жизненного пути и смерти напоминает Гейне. *Тот я, что болел scarlatиной* — ср. № 43. *Что был совершенно не этим* — ср. № 407.

677. Печ. впервые по авторской машинописи. Имеется еще несколько машинописей с одинаковым текстом, одна из них без загл. Включено в содерж. двух машинописных сб. в 1956 и 1957 гг.

*678. Печ. впервые по машинописи-1 с правкой. Др. автограф — машинопись-2 с набросками двух текстов на одну и ту же тему, первый из которых является др. ред. данного ст-ния. Дата — по перечню стихов 1956 г.

679. Печ. впервые по авторской машинописи. Др. автограф — более ранний, без загл., с разночтениями. Дата — по перечню стихов 1956 г.

*680. Печ. впервые по машинописи с правкой. Др. автограф — машинпись с датой, др. ред.

681. Печ. впервые по авторской машинописи. Дата — по перечню стихов 1956 г.

682. Печ. впервые по авторской машинописи. Др. автографы — Т5760, без загл.; машинопись с правкой, под загл. «Чужие лица». В перечне стихов 1957 г. загл. «Музей».

683. Зн. 2004. № 12. Автограф — Т5760.

*684. Печ. впервые по машинписи к ВП. Др. автографы — машинопись 1956 г., 1-я ред.; Т5760, с незначит. расхождениями.

Слабы, суетны, погсеповаты... Переосмысливая тему «мирской ничтожности» поэта (Пушкин, «Поэт», 1827; Блок, «Поэты», 1908; ср. в др. ред. противопоставление «плеяде», ассоциирующей с Пушкиным, и герою «Соловьиного сада»), Самойлов впервые говорит здесь о будущей великой поэзии.; ср. мотив появления нового гения в № 701, 71, 801, 459.

*685. Печ. впервые по машинописи к ВП. Др. автографы — Т5760, ст. 1—8; машинпись с правкой, под загл. «Другу», вар.; машинопись.

Опущенное загл. соотносит текст с одноименным программным ст-нием Пастернака («Иль я не знаю, что, в потемки тычась...», 1931; ныне печатается под загл. «Борису Пильняку») об опасной «вакансии поэта». По предположению Г. И. Медведевой, обращено к Эсфирь Чириковой (1920—1944) — школьной подруге Самойлова, безгранично верившей в него как в поэта. ...*Про плотников и топоры* — См. № 1.

686. Зн. 2004. № 12. Автограф — Т5760. Дата — в перечне стихов 1957 г.

687. Ав. 1991. № 5, под загл. «Честолюбец». Автографы — Т5760, ст. 1 и 2, 7 и 8 поменяны местами; машинопись-1, вар. ст. 26 «Заменен торжеством...»; машинопись-2. Печ. по машинописи-2.

*688. Баевский. С. 87. Автографы — Т5760; машинопись, вар. ст. 9 «Шел снег...»; машинопись, на одном листе с № 691 и 692. Публикация В. С. Баевским № 688 и 692 была санкционирована Самойловым. Есть основания предполагать, что в этих трех ст-ниях отразились отношения поэта с К. И. Шинкиной. О ней см. примеч. 380.

*689. Печ. впервые по авторской машинописи-1 в подборке стихов 1957 г. Др. автографы — машинопись-2, незаверш. набросок; машинопись-3, незаверш. вар.

Как грустно отречение друга — ср.: «Где сердце друга? — Хитрых глаз прищур, / Знали ли вы такого-то? — Наслышкой» (Пастернак, «Спекторский», «Вступление»). Вероятно, обусловлено расхождением со Слуцким.

690. Зн. 2004. № 12. Автограф — машинопись.

«Прости — прощай» — ср.: «Милый друг, прости-прощай» (Ап. Григорьев, «Цыганская венгерка»).

691. Зн. 2004. № 12. Автографы — машинопись; машинопись с эпиграфом «А разлука — вроде смерти». Эпиграф — из ст-ния, написанного в апр. 1957 г., из которого взяты также 3 ст. в качестве 1-й и последних.

692. Баевский. С. 86—87, вар. ст. 4 «... в бездумной темноте». Автографы — Т589, вар. ст. 4, ст. 10 «Куда не проникает...»; машинопись. Печ. по машинописи.

693. Печ. впервые по авторской машинописи.

Обращено к Борису Тимофеевичу Грибанову (р. 1920) — литературоведу, канд. ист. наук, ифлийцу, другу Самойлова.

694. Зн. 2004. № 12. Автограф — машинопись.

695. Печ. впервые по авторской машинописи.

Ср. 315. *Видно, мало — памяти сердце* — ср.: «О память сердца! ты сильней / Рассудка памяти печальной» (Батюшков, «Мой гений», 1815).

696. Печ. впервые по авторской машинописи.

697. Печ. впервые по авторской машинописи.

698. Печ. впервые по Т61. По мнению Г. И. Медведевой, связано со Светланой Иосифовной Алилуевой (р. 1926). Ср. также № 699 и 703.

699. Известия АН. Серия лит. и яз. 1998. Т. 57. № 6, в коммент. В. Н. Абросимовой к публ. переписки Л. З. Копелева и Р. Д. Орловой с Самойловым, со ссылкой на автограф — РГАЛИ. Ф. 2549. Оп. 1. Ед. хр. 533. Л. 50. Др. автографы — Т61, 1-я ред.; машинопись к ВП; машинопись, рукоп. запись поперек листа: «М. Луконин прав. Душещипательное»; машинопись. В публ. — ошибочное посвящение «Л. Копелеву». Из местоположения надписи на автографе следует, что Копелеву подарен лист со ст-нием, а не посвящено ст-ние.

*700. Печ. впервые по авторской машинописи. Др. автографы — Б601; несколько машинописных экз. к ВП. Текст во всех автографах идентичен. На одном экз. рукоп. правка, по-видимому, более поздняя и не окончательная.

Волосы расчесывая, / Цвела, как Лорелея — см. примеч. 287; у Гейне: «И кос ее золото вется, И чешет их гребнем она» (пер. В. Левика).

*701. Печ. впервые по машинописи с правкой. Др. автограф — Т61, с вар.

Лишь три царя из Вифлеема. Имеется в виду поклонение волхвов: «и, войдя в дом, увидели Младенца с Марией, Материю Его, и, пав, поклонились ему; и, открыв сокровища свои, принесли Ему дары: золото, ладан и смирну» (Мф. 2.11).

702. Печ. впервые по авторской машинописи. Др. автографы — Т61; несколько экз. машинописи.

Там долги уже недели. Отец Самойлова умер в 1957 г.

703. Печ. впервые по авторской машинописи. Др. автограф — Т61.

Таким, как ты придумала меня — ср.: «Ты выдумал меня. Такой на свете нет...» (Ахматова, 1956).

***704.** ИЖ. 2002. № 13, вар. ст. 11—20. Автографы — несколько машинописных экз., в т. ч. к ВП. Печ. по машинописи. В оглавлении машинописного сб., сост. в начале 1961 г., отсутствует, а в рабочем содерж. ВП (конец 1961 г.) имеется.

705. Пд31. С. 12, вар. ст. 2 «Военный или предвоенный». Автографы — машинопись, вар. ст. 4 «... и дерзновенный»; машинопись с правкой, зачеркнутый вар. ст. 2 «Военный и послевоенный»; машинопись к ВП, еще несколько машинописных экз. Печ. по машинописи к ВП. В оглавлении машинописного сб., сост. в начале 1961 г., отсутствует, а в рабочем содерж. ВП (конец 1961 г.) имеется.

706. Печ. впервые по авторской машинописи.

707. ДН. 2000. № 6. Автограф — Т62.

708. ДН. 2000. № 6. Автограф — Т62.

***709.** ДН. 2000. № 6, вар. Автографы — Т62, ред. ДН; машинопись. Печ. по авторской машинописи. Обращено к С. Г. Евсеевой (см. примеч. 70).

***710.** Чр. 3 строфы. Автографы — Т60, ст. 1—4, вар. ст. 2 «И грязным кляпом немотить рты»; машинопись с правкой, 3-я строфа дописана от руки; машинопись конца 1960-х гг., 1-е в цикле из 2-х ст-ний под загл. «Стихи о Пушкине», 2 строфы, зачеркнуто вместе с загл. цикла и номером 2, предваряющим ст-ние «Святогорский монастырь» (№ 166). Печ. по машинописи конца 1960-х гг. Упомянуется в дневнике в записи от 24 дек. 1962 г. в списке стихов, написанных с лета.

Ст-ние было «визитной карточкой» Самойлова в 1962—1965 гг., до написания ст-ния «Пестель, поэт и Анна», причем известны были 2 строфы, сохранившиеся в магнитофонных записях и автографе конца 1960-х гг. Вероятно, 3-я строфа, опубли. в Чр, была отброшена автором вскоре после написания ст-ния.

711. Печ. впервые по Т62.

***712.** Зн. 1994. № 9, вар. Автографы — Т62, ред. Зн; машинопись-1, 1-я ред., на одном листе с наброском № 107; машинопись-2. Печ. по машинописи-2.

713. Зн. 1995. № 6. Автограф — машинопись, рукоп. окончание.

Бель Генрих (1917—1985) — нем. писатель, лауреат Нобелевской премии. Запись в дневнике от 1 окт. 1962 г.: «Встреча с Беллем. Рано постаревший, с мешками под глазами, с редкими волосами человек вдумчиво, не на публику говорит. Как будто говорит для себя, разбирается в себе. Я написал ему записку: "Бель, мы, кажется, воевали на одном фронте с разных сторон. Очень рад, что промахнулся. Надеюсь, нам не придется больше стрелять друг в друга"» (Пд31. С. 303). Впоследствии Л. З. Кояелев познакомил Самойлова с Беллем, они не-

однократно встречались, в т. ч. в 1972 г. у Самойлова в Опалихе. *И пуля сбила только кисть рябины* — в «Докторе Живаго» (ч. 11, гл. 4) герой, обороняющийся с партизанским отрядом, при атаке противника стреляет в дерево, но несколько раз попадает в наступающих «белых» мальчиков. Эта глава была полностью приведена в письме членов редколлегии «Нового мира» Пастернаку, верно оценена и подвергнута ими яростному порицанию. Письмо 1956 г. было в связи с присуждением Пастернаку Нобелевской премии опубликовано в 1958 г. «Литературной газетой» (25 октября) и «Новым миром» (№ 11), что сделало главу доступной для тех, кто не мог прочесть роман, и подчеркнуло ее значение для читателей запретной книги. «Рябина», видимо, тоже навеяна Пастернаком — следующая часть романа называется «Рябина в сахаре» и строится вокруг этого символа.

714. ИЖ. 2002. № 13. Автографы — Т62, ст. 1—4, вар. ст. 2 «Четверть века стремился к тому»; машинопись, рукоп. дата, правка в ст. 8 «Ненавижу» на «Понимаю»; машинопись.

715. Печ впервые по авторской машинописи. Др. автографы — Т62, 2 первые ст.; машинопись, дата, вар. ст. 7 «Взбунтуйся...», ст. 8 «... отправляйся сам!» Ст. 1 использована в качестве одного из эпиграфов к № 343.

716. Зн. 2000. № 6, ст. 1—24. Автограф — машинопись. Печ. по автографу. Дата — из публ. Г. И. Медведевой.

Молчановки Большая и Малая, Сивцев Вражек — улицы и переулок в Москве в р-не Арбата.

717. Печ. впервые по машинописи из подборки «Не вошедшее в "Весть"». Др. автограф — Т63. Включено в первоначальное содерж. Вст.

И лес тихонько умирает / Под их веселую игру — ср. в № 81: «И леса нет — одни деревья» и расхожую поговорку в оправдание сталинского террора: «Лес рубят — щепки летят».

718. Зн. 2000. № 6. Автограф — Т63.

Где спят застенчивые голуби соборов — ср. в «кремлевском» контексте: «Какая прелесть / Фисташковые эти голубятни: / Хоть проса им насыпать, хоть овса...» (Мандельштам, «Сегодня можно снять декалькомани...», 1931).

719. ИЖ. 2004. № 18, без ст. 9—12, опечатка в ст. 5. Автограф — Т63. Печ. по автографу.

Запись в дневнике от 4 июня 1963 г.: «Был у Анны Андреевны на Ордынке. Как всегда приняла меня ласково и обрадовалась стихам, посвященным ей». (ПдЗ1. С. 332). Из письма к Л. К. Чуковской в февр. 1979 г.: «Были у меня еще стихи об А. А. Наверно, даже черновика не осталось. Но стихи я эти подарил ей. Примерно в то же время, когда А. Я[кобсон] написал ей стихи. Последнюю строчку помню: "И слышен только вещей шепот ваш..."» (ДСЛЧ. С. 107). *Учусь у вас достоинству и трудной / Науке быть всегда самим собой* — ср.: «И нас они науке первой учат:/ Чтить самого себя» (Пушкин, «Еще одной высокой, важной песни...», 1829).

720. ИЖ. 2004. № 18. Автографы — Т63, где вслед за публ. ред. — 2-я, незаконч. ред.; машинопись в папке к ГзХ. Включено в первоначальное содерж. Вст.

Назым Хикмет Ран (1902—1963) — турецкий писатель, общ. деятель. С 1951 г. жил в СССР. См. публ. Самойлова к 80-летию Хикмета: Памятные встречи // В мире книг. 1982. № 1. С. 62. Запись в дневнике от 5 июня 1963 г.: «Похороны Назыма. С точки зрения субординации они не по первому разряду. Впрочем, народу много, немало плачущих женщин. Как всегда — неувязки — панихида откладывается: ждут жену и сына из Варшавы. <...> Величественное впечатление производит жена Назыма. Лицо не совсем восточное, с крупными чертами, с красными глазами, умными и грустными. Волосы седые. Она спокойна. Даже утвердительно покачивает головой, когда понимает надгробные речи. С превосходной выдержкой смотрит на жалкие мелодрамы, поочередно выданные Галей и Верой» (ПдЗ1. С. 333).

721. ДН. 2000. № 6. Автографы — Т63, ред. ДН; машинопись 1960-х гг.; поздняя машинопись, незначительные расхождения с ред. ДН. Печ. по поздней машинописи.

722. Чр, под загл. «Старая Вильна», без ст. 28, вар. ст. 15 «Играет...», вм. ст. 22 «И та старуха в шали черной / Кормила сытых голубей / Или качала колыбель...», вар. ст. 26 «Брела...», ст. 30 «А парень дул...». Автографы — Т63, без загл., тот же вар. ст. 15, 26 и замены ст. 22; машинопись-1, загл. как Чр, тот же вар. ст. 15, 26, вар. ст. 19—20 «И дурень засветло вставал / И дул в трубу балбес упорный.», ст. 30 «Труба играла: Тру-туру!..», в вар. замены ст. 22 «...смирных голубей»; машинопись-2 с датой в подборке для сб., вар. ст. 19—20 «И на рассвете ликовал / Дудя в трубу дурак упорный.», ст. 30 «А он дудит: ...»; машинопись-3 с датой в подборке для сб. Печ. по машинописи-3.

В Вильнюс Самойлов приехал 27 июня 1963 г. Запись в дневнике от 3 июля: «Вчера ночью писались стихи». (ПдЗ1. С. 334). В загл. и концепции (неизменность литовской столицы) присутствует, возможно, и скрытая полемика со ст-нием Тютчева «Над русской Вильной стародавней...», где поэт восхищается «возвращением» города к его православному (для Тютчева — русскому) прошлому («минули веки искушенья»). *Гегимин* (?—1341) — вел. князь литовский.

723. Зн. 1994. № 9. Автограф — Т63.

724. Ав. 1991. № 5. Автограф — Т645.

У большой сибирской реки. В эпилоге «Преступления и наказания» прозрение приходит к Раскольникову на берегу сибирской реки.

725. Зн. 1994. № 9, вар. ст. 24—25 «И басы, и высокую трель. / И металл береги, и струну». Автографы — Т645, в ст. 24 «высокую» изменено на «звенящую»; машинопись 1960-х гг., ред. Зн; поздняя машинопись, совп. с Т645. Печ. по поздней машинописи.

726. Зн. 2000. № 6. Автограф — Т645.

Рахметов на пуху — герой романа Чернышевского «Что делать?», памятный тем, что спал как раз не на пуху, а на гвоздях; здесь (в соседстве с хлестким духом, ассоциирующимся с лже-ревизором Хлестаковым) — «Лжерахметов».

727. Печ. впервые по Т645. *Ахтуба* — левый рукав нижней Волги.

728. Печ. впервые по Т645.

729. ИЖ. 2003. № 16. Автограф — Т645.

Запись в дневнике от 26 сент. 1964: «Тышлер <...> показывал замечательные рисунки о расстреле голубя и казни ангела» (ПдЗ1. С. 360). См. также № 169.

730. Чр. Автограф — Т645.

731—732. Чр, отд. ст-ния. Автографы — Т645, отд. ст-ния; машинопись. Печ. по машинописи. Посвящено Г. И. Медведевой.

733. Чр. Автограф — Т645.

734. Ок. 1994. № 9. Автограф — Т645. Обращено к Г. И. Медведевой.

735. Чр. Автограф — Т645.

736. Зн. 2003. № 10. Автограф — машинопись 1966 г. Дата уточнена Г. И. Медведевой.

Непоислен груз выздоровленья, / Непосильно счастье бытия —
ср. парадоксальный финал одноименного ст-ния Батюшкова: «Ты снова жизнь даешь; она твой дар благой, / Тобой дышать до гроба стану, / Мне сладок будет час и муки роковой: / Я от любви теперь увяну» (1809).

737. Печ. впервые по авторской машинописи. Др. автограф — машинопись без посвящения.

Посвящение: Левитанский Ю. Д. — см. примеч. 82.

738. Чр. Автограф — Т668. Обращено к сыну Александру (см. примеч. 192).

Как лебедь к Леге. В греч. мифологии Зевс овладел Ледой, женой спартанского царя Тиндарея, обратившись в лебедя.

739. Чр. Автографы — Т668; машинопись, под загл. «Вечер», без ст. 9—12, вар. ст. 15 «Живу себе!.. Неплохо существую!..».

740. ПЦ. 1996. № 3, без ст. 13—16, вар. ст. 2 «Мудреные...», ст. 9 «Ах, праведнички! Скукота...». Автографы — Т668, ред. ПЦ; машинопись в подборке «Не вошедшее в «Весть»». Включено в первоначальное содерж. Вст. Печ. по машинописи.

741. Печ. впервые по Т668.

742. Зн. 1994. № 9. Автограф — Т668.

В Карловых Варах Самойлов провел неделю с 28 апр. по 5 мая 1967 г. во время поездки в Чехословакию, связанной с получением премии «За выдающиеся переводы чешской поэзии и пропаганду чешской культуры».

743. Печ. впервые по Т668. Связано с историей написания ст-ния «Пестель, поэт и Анна» (№ 138, см. примеч. 138)

744. Зн. 2000. № 6. Автограф — Т668.

*745. Чр. Автографы — Т668, в 1966 г. — неоконч. предварительная ред., позднее — начало, в 1968 г. — окончательный текст с датой. *Нестор* — др.-русский летописец XI — начала XII вв. *Лимен* — летописец из пушкинского «Бориса Годунова».

*746. Зн. 1994. № 9. Автограф — Т668, 1-я ред. не окончена, 2-я совпадает с Зн.

747. Чр. Автограф — Т668.

748. Чр. Автограф — Т668. Сюжет безумия представлен в строфах, напоминающих размером, схемой рифмовки и некоторыми образами «Не дай мне Бог сойти с ума...» Пушкина (1833); у Пушкина 3 и 6 стихи — трехстопные ямбы; размер использован в 1 и 2 строфах № 750.

749. Чр. Автограф — Т62, эпиграф как отдельное ст-ние; машинопись, то же под загл. «Малая война»; Т6870.

750. Ок. 1994. № 9. Автограф — Т6870.

751. Зн. 1994. № 9. Автограф — Т6870.

Праг — одна из центральных частей Праги, резиденция чешских королей. *Градчаны* — р-н Праги, примыкающий к Граду. *С розой встать на лобном месте*. 25 авг. 1968 г. на Красной площади у Лобного места состоялась демонстрация протеста по поводу оккупации советскими войсками Чехословакии. С некоторыми участниками демонстрации Самойлов был знаком лично.

752. Зн. 2000. № 6. Автограф — Т6870. Навеяно нередкими для интеллигенции разговорами о вине и необходимости жертвенного противостояния режиму, не ведущими к каким-либо поступкам. Ср. № 749.

753. ИЖ. 2003. № 16. Автограф — Т6870.

754. Чр. Автограф — Т6870.

755. Чр. Автограф — Т6870.

...подобно колосьям / С золотого, литого герба — с герба СССР.

756. Зн. 1995. № 6. Автограф — Т6870.

Самарканд — см. примеч. 631. *Валентина Т.* — студентка ИФЛИ, предвоенная влюбленность Самойлова. О прощании с ней в Самарканде см. ПЗ. С. 194. *Божена* — см. № 655. *...я полюбил огню / — Бессмертную балладу расставаний* — Ср.: «Я изучил науку расставания» (Мандельштам, «Tristia», 1918). *Распахиваешь рамы взмахом рук — / Плыви, плыви!.. И впереди свободно* — ср.: «О пониманье дивное, кивни, / Кивни и изумишься! — ты свободна. <...> Открыть окно что жилы отворить» (Пастернак, «Рояль дрожащий пену с губ облизет...»), 9 ст-ние цикла «Разрыв», 1918).

757. Зн. 1995. № 6. Автограф — Т6870.

Посвящение: Копелев Л. З. — см. примеч. 317. В 1945 г. Копелев в звании майора занимался пропагандистской работой среди войск и населения противника в Политуправлении 2-го Белорусского фронта, отстаивая при этом гуманистические позиции. 5 апр. 1945 г. он был арестован (см.: Копелев Л. З. *Хранить вечно*. М., 1990). В 1960-х гг. Копелев вновь привлек внимание КГБ своими правозащитными выступлениями. А незадолго до написания ст-ния, в нояб. 1969 г., он открыто выступил против исключения А. И. Солженицына из Союза Писателей. Бель Г. — см. примеч. 713. Копелев дружил с Беллем с 1962 г. — даты первого приезда Белля в Москву (см.: Орлова Р., Копелев Л. *Мы жили в Москве*. М., 1990).

758. Чр. Автограф — Т6870.

759. Чр. Автограф — Т6870.

760. Чр. Автограф — Т6870.

761. Чр. Автограф — Т6870.

762. ПЦ. 1996. № 3. Автограф — Т6870.

763. ПЦ. 1996. № 3. Автографы — Т589, без загл., не окончено; Т6870.

764. ИЖ. 2004. № 18. Автограф — Т713. Вспоминая свои встречи с Ахматовой, Самойлов писал в 1973 г.: «Вообще же несколько раз корила за приверженность к сюжету. Ей сюжет в стихах был не ну-

жен. Да и правда, сюжет в стихах — не самая высокая форма построения. Я много об этом думал. Но, видимо, у меня не столько приверженность к сюжету, сколько стремление к драматургии» (ПЗ. С. 387).

765. Чр. Автограф — Т713.

766. ПЦ. 1996. № 3. Автограф — Т713.

767. ИЖ. 2004. № 18. Автографы — Т713; машинопись с правкой; машинопись.

Смеляков Ярослав Васильевич (1912/13—1972) — поэт, в 1930-е — 1950-е гг. трижды подвергался репрессиям.

768. ПЦ. 1996. № 3. Автограф — Т713.

Иронично осовременивается сюжет и обыгрываются особенности рифмовки ст-ния Тютчева «Кончен пир, умолкли хоры...» (1850). В мире «ресторанных поэтов» отсутствуют «звезды чистые», что горят во 2 строфе Тютчева. *Пишут вяло и темно* — см. примеч. 162.

769. Чр, вар. ст. 7 «Открыт...». Автографы — Т713, 2 строфы; Т745, ред Чр.; машинопись. Печ. по машинописи.

В Опалихе и Красногорске — см. примеч. 177. *Как гом, назначенный к прогаже* — см. примеч. 245.

*770. Зн. 1995. № 6. Автографы — Т745, с зачеркн. вар.; машинопись с правкой. Ср. 695, 315 и одноименную поэму.

771. Печ. впервые по машинописи из папки к ГзХ.

Я теперь жилец Замоскворечья — см. примеч. 245.

772. Чр. Автограф — Т745.

773. Чр. Автограф — Т745.

774. Чр. Автограф — Т745.

775. Ок. 1994. № 9. Автограф — Т745.

Младшие сыновья Самойлова Петр и Павел родились в 1970 и 1973 гг.

776. ПЦ. 1996. № 3. Автограф — Б758.

Палиевский Петр Васильевич (р. 1932) — критик, влиятельный идеолог «государственно-почвеннического» толка. В его антимодернистской статье «К понятию гения» (1969) даны памфлетные характеристики ряда художников, в том числе Стравинского и Хлебникова. Статья вошла в кн. Палиевского «Пути реализма. Литература и теория» (М., 1974), сразу по выходе ставшую предметом активных обсуждений в лит. кругах. *По дикой Персии скитаясь* — в апр. 1921 г. Хлебников участвовал в походе Красной армии в Иран. *Не слушай дождика в ночи* — имеется в виду известнейший «романс без слов» (1872; «Сердце тихо плачет...» — пер. И. Г. Эренбурга). *Le sanglot* (фр.) — рыдание, инициальное и ключевое слово «Осенней песни» (1866) Верлена.

777. Чр. Автограф — Т745. Печ. по автографу. ...служенье муз — формула из «19 октября» (1825) Пушкина.

778. Зн. 2006. № 6. Автограф — Т745.

779. ИЖ. 2003. № 16. Автограф — рукопись, на одном листе с № 263, по которому уточнена датировка.

780. Печ. впервые по машинописи из папки к ГзХ. Включен в предварительное содерж. Вст.

Александр (р. 1953, см. примеч. 192), *Варвара* (р. 1965), *Петр* (р. 1970) — дети Самойлова. *С ним пережил беду*. Бедой для Александра стал развод родителей.

781. Чр, вар. ст. 5 «Он поселил...». Автографы — Т745, ред. Чр; машинопись. Печ. по машинописи.

782. Чр, вар. ст. 3 «Не докричишь из...», ст. 8 «Ее веки...». Автографы — Т745, ред. Чр.; машинопись. Печ. по машинописи.

783. ЛА. 1991. № 6. Автографы — Т757, 3 строфы; машинопись с правкой.

Ушкуйники — в Новгородских землях XIII—XIV вв. разбойники, совершавшие набеги на ушкуях — больших плоскодонных ладьях с парусом и веслами.

784. Чр. Автограф — Т757. Обращено к Г. И. Медведевой.

785. Печ. впервые по Т757.

786. Печ. впервые по Т757. Запись в дневнике: «24 августа — 9 сентября <1977>. В Москве. После суматошного, утомительного лета, о котором следует еще поразмыслить, — Москва. То же ощущение безумия, возбуждения, и усталости, к которой все привыкли. И вдруг — тишина, осень в Пярну, счастливые часы» (ПДЗ2. С. 107—108).

787. Чр. Автограф — Т757.

788. Печ. впервые по машинописи с правкой в папке к ГзХ. Др. автограф — Т789, с незначит. изменениями.

789. Дг. 1990. № 12. Автографы — Т789, вар. ст. 7—8 «Будем нектар вкушать, не зная, / Для чего...»; машинопись с правкой.

790. Зн. 2003. № 10. Автографы — машинопись с правкой, в папке к Зл, без загл.; машинопись с правкой.

791. Печ. впервые по Т789.

792. Чр. Автограф — Т7980.

793. ИЖ. 2004. № 18. Автограф — Т7980.

Написано на смерть венг. поэта и прозаика Антала Гидаша (1899—1980) — бойца венг. коммуны, члена КП Венгрии с 1920 г. В 1925—1959 гг. Гидаш жил в СССР. Был репрессирован, провел 6 лет в Магадане. В начале 1960-х вернулся в Венгрию. Речь в ст-нии идет также и об его жене — Агнессе Кун (1915—1990), переводчице с венг., дочери лидера венг. коммунистов Белы Куна, приобщившей к переводам венг. поэзии ряд известных поэтов, в том числе Самойлова. Самойлов много общался с Гидашами, несмотря на различия в политических взглядах и лит. вкусах. В дневнике неоднократно упоминаются споры как с Гидашем, так и с Агнессой.

794. Чр. Автограф — Т7980.

795. ИЖ. 2003. № 16. Автографы — Т7980; машинопись (РГАЛИ-2. Ед. хр. 8. Л. 3). Прочитано на вечере в музее Пушкина 26 марта 1981 г. В перечне стихов к ГзХ — отметка, что отдано в НМ. В первоначальном оглавлении Гр — по 1-й ст. 2-й строфы. Печ. по автографу РГАЛИ.

Фита — буква старого рус. алфавита, обозначающая звук «ф». Удалена из алфавита орфографической реформой 1918 г. Ср. № 316.

796. Зн. 2000. № 6. Автографы — Т7980; машинопись (РГАЛИ-2. Ед. хр. 8. Л. 10). Прочитано на вечере в музее Пушкина 26 марта 1981 г. В перечне стихов к ГзХ с пометкой «не вкл.».

797. Чр. Автограф — Т7980. Обращено к Г. И. Медведевой.

798. Печ. впервые по Т81.

799. Печ. впервые по машинописи в папке к ГзХ. Др. автограф — Т81. В перечне стихов к ГзХ с пометкой «не вкл.».

Он горячий и хмельной — реминисценция песни Д. Н. Садовникова «Из-за острова на стрежень...» (1883; «и веселый и хмельной») возникает по смежности с тоже перешедшим в застольный репертуар «Зимним вечером» Пушкина (ср. Что ж, старуха, вместе выпьем... В этой смерти есть веселье, / Выпьем, мерзкая, до дна — и «Выпьем, добрая подружка... Сердцу будет веселей»). Ср. цитирование этого же ст-ния в № 166, 200.

800. ИЖ. 2003. № 16. Автограф — Т81. В перечне стихов к ГзХ имеется пометка о передаче ст-ния в ДП 1982, однако в публ. оно не вошло.

801. Чр, вар. ст. 12 «Ударит в лиру, мир любя». Автографы — Т81, ред. Чр.; машинопись. Печ. по машинописи.

802. ДН. 2000. № 6. Автограф — Т81.

Посвящение: Старшинов Николай Константинович (1924—1998) — поэт, критик. Гл. ред. ПА (1972—1992), в котором неоднократно печ. стихи Самойлова.

803. Печ. впервые по Т81.

804. Печ. впервые по машинописи в папке к ГзХ. Др. автограф — Т81. Включено в перечень стихов к ГзХ.

805. ДН. 2000. № 6. Автограф — Т81. Включено в перечень стихов к ГзХ.

806. Чр, ст. 13—20. Автографы — Т7980, ст. 1—12; Т81, ст. 13—20; машинопись в папке к ГзХ. Печ. по машинописи. В перечне стихов к ГзХ с пометкой «—».

807. ПЦ. 1996. № 3. Ср. № 325.

808. Печ. впервые по Т81.

809. Печ. впервые по Т81. Временами у Самойлова возникало желание вернуться в Москву. В Т81 публикуемому ст-нию предшествует незаконченное: «До свиданья, славная страна, / Здесь шесть лет прошли, почти счастливых, / Здесь текли спокойные времена / При твоих задумчивых заливах, / Я не твой. Твоя темна мне речь, / Чужды чувства. Непонятны страсти, / Нет! Ты не могла меня увлечь, / И не здесь мое зарыто счастье, / Беспорядочная жизнь Москвы, / Непонятное течение жизни — / Вновь меня к себе призвали. Вы / ... Отчизне». В дневнике несколько раз встречается фраза «Хочется в Москву» (см. ПдЗ2, записи от 26 февр., 18 апр., 28 сент. 1982 г.). Впрочем, кроме тяги в Москву, были и обратные настроения, также зафиксированные в дневнике: желание вырваться из Москвы (запись от 20 ноября 1979 г.), нежелание ехать в нее (записи от 7 янв. 1983 г., 6 марта 1985 г., 30 янв. 1987 г.).

810. ПЦ. 1996. № 3. Автографы — Т813, зачеркн. первонач. загл. «Из старого»; машинопись в папке к ГзХ. См. примеч. 809.

811. Чр. Автограф — Т813.

812. Печ. впервые по машинописи в папке к ГзХ. Др. автограф — Т813. Включено в перечень стихов к ГзХ.

813. Зн. 2000. № 6, без ст. 9—12, 25—28. Печ. по Т813.

814. Чр. Автограф — Т813.

Написать пять страниц — ср. «Я написал бы восемь строк / О свойствах страсти» (Пастернак, «Во всем мне хочется дойти...»). Небо,

звезды и стог — ср. ст-ние Фета «На стоге сена ночью южной...» (1857).

815. Чр. Автограф — Т813.

816. Чр. Автограф — Т813. Обращено к Г. И. Медведевой.

817. Печ. впервые по Т813.

818. Зн. 2000. № 6. Автографы — Т835, без ст. 5—8, незначит. расхождения в ст. 10—11, 14—15; машинопись с правкой.

Самойлов приехал в Москву 22 янв. и до 15 февр. вернулся в Пярну.

819. Зн. 1984. № 9. Автограф — Т835.

820. Ок. 1991. № 9. Автографы — Т835, незначит. расхождения в ст. 4, 10, 13, 15—16; машинопись с правкой. Возможно, обращено к А. А. Наль. О ней см. примеч. 105.

821. Зн. 2000. № 6. Автограф — Т835.

822. Зн. 2000. № 6. Автограф — Т835.

823. Печ. впервые по Т835.

824. Дг. 1990. № 12. Автографы — две машинописи с датой. Прочитано 19 марта 1985 г. в музее Пушкина, 15 янв. 1986 г. в ВТО.

Куняев Станислав Юрьевич (р. 1932) — поэт, лит. критик, с 1989 г. гл. ред. журн. «Наш современник». Свое отношение к Куняеву Самойлов выразил также в ряде записей в дневнике, напр., в записи 25 февр. 1985 г. по поводу статьи Куняева «О "вселенских дровах" и традициях отечественной поэзии: Полемиические заметки» (Наш современник. 1985. № 2): «Поносная статья Куняева в "Нашем современнике" против Чупринина. Выпады против меня и Левитанского. Это все от импотенции» (ГД32. С. 209). Глазков Николай Иванович (1919—1979) — поэт, один из основоположников «небывализма». Самойлов высоко ценил его творчество. См. гл. ПЗ «У врат Поэтограда» (с. 300—307). Кульчицкий М. В. — см. примеч. 81. О нем — гл. ПЗ «Кульчицкий и пятеро» (с. 141—152). Слуцкий Б. А. — см. примеч. 313.

825. Зн. 1991. № 6. Автографы — Т835, не окончено, но с датой; машинопись с правкой.

Екатерина, / Не заробевши, влезла в то окно — намек на немецкое происхождение Екатерины II и ее любовные приключения. *Томился Пушкин за закрытой дверью*. В Одессе, а затем в Михайловском Пушкин разрабатывал умозрительные планы побега за границу. *Европу... жолу*. Это рифменное клише употреблялось в русской вольной словесности с начала XIX в. и обросло множеством дополнительных значений; иногда выступало в замаскированном виде; отзывалось и в подцензурных текстах. Ср. также распространенную частушку: «Мимо тещино дома (интеллигентский вариант: «нашего райкома») я без шуток не хожу...». «Равенна» (1909) — ст-ние Блока. «*О, этот Юг, о, эта Ницца!..*» (1864) — ст-ние Тютчева.

826. Нева. 1991. № 3. Автограф — Т835.

827. ЛГ. 1990. № 22. 30 мая. Автографы — Т835; машинопись.

828. Печ. впервые по Т835.

829. Печ. впервые по машинописи из НВвБ. Др. автографы — Б851, без ст. 7—10, вар. ст. 16—18 «Пусть самому дойти достанет сил, / Пусть скажут, бросив ком во глубь могилы: / "Спасибо. Ты нас всех осво-

бодил!"; машинопись с правкой, вар. ст. 18 «Подумали: "Ты нас освободил!"».

По свидетельству Г. И. Медведевой, поводом к написанию стихотворения послужил визит А. П. Юренева (впоследствии гл. кардиолога Москвы), который предупредил Самойлова, что при несоблюдении щадящего режима его организм выдержит не более пяти лет.

830. Печ. впервые по авторской машинописи. Др. автографы — Б851; машинопись нач. 1986 г. (Беатриче, 24). Впоследствии из цикла исключено, в перечне стихов к Гр 1986 г. указано уже отд. ст-нием.

Ремонт в пярнском доме начался в сент. 1984 г. и продолжался почти до конца 1985 г. ...*четвертными похрустывают в передней* — двадцатипятирублевыми купюрами.

*831. Печ. впервые по машинописи из НВвБ. Др. автографы — Б851, 2 первоначальные ред.

832. Сов. женщина. 1996. № 4, в публ. М. Мараш «А мы такие молодые», в тексте письма Самойлова к Э. Сусловой. Автограф — Б851.

Посвящение: Суслова Э. В. — см. примеч. 593. В том же журн. опубл. также письмо Самойлова к Э. Сусловой от янв. 1944 г. с адресованными ей стихами.

833. Печ. впервые по Б851.

834. Печ. впервые по Т869.

Записи в дневнике: «23 декабря [1985] <...> Письмо от Св. Алилуевой. Прошлое возвращается». «6 февраля [1986] <...> Письмо от Светланы Евсевой. Предлагает встретиться, боится, что не успеем свидеться. <...> Зоя Крахм[альникова] получила мои «Голоса». Все возвращаются — две Светланы, Эра, Зоя, а мне уже ничего и никого не нужно. Ком тоски в горле» (ПД32. С.219, 220, 221).

835. Чр, без ст. 17—20, вар. ст. 7 «Ведь я несовершенно», ст. 14 «Ни друга, ни жены», ст. 16 «Что вы...». Автографы — Т869, ред. Чр; НВвБ, машинопись. Печ. по машинописи.

Ни лодно, ни оружно — ср.: «Отпущен конь, опущен меч» (№ 279). *Без груга...* Имеется в виду Слуцкий; ср. № 689 и примеч. к нему. Для чего / Мне это стихотворство / И это мастерство! — ср.: «Все наклоненья и залог / Изжеваны до одного, / Хватить бы соды от изжоги! / Так вот итог твой, мастерство?» (Пастернак, 1936).

*836. ЛА. 1991. № 6, под загл. «Признанья». Автографы — Т869, под загл. «Признанья»; НВвБ, машинопись с правкой; машинопись. Печ. по машинописи из НВвБ.

*837. ЛГ. 1990. № 22. 30 мая. Автограф — Т869, вар.

838. ЛГ. 1990. № 22. 30 мая. Автограф — Т869.

*839. Дг. 1990. № 12. Автографы — Т869, вар.; машинопись.

840. ЛА. 1991. № 6. Автографы — Т869, ст. 1—9; машинопись. Включено в первоначальное содерж. Гр 1986 г.

841. Зн. 1994. № 9, вар. ст. 2 «Текущим днем», ст. 5 «Постичь значение...», ст. 8 «... нитью незаметной», ст. 9 «...где мы живем». Автографы — Т869; НВвБ, машинопись. Печ. по машинописи. Ред. Зн — по Т869.

842. Печ. впервые по машинописи из НВвБ. Др. автограф — Т869.

843. ИПС. Автографы — Т86, вар. ст. 4 «Ибо корень покарала крепко», ст. 7—8 «Да и листья будут мелки, редки — / Тоненькая роспись полушалка»; рукопись, тот же вар. ст. 8; машинопись.

Dryada — в греч. мифологии — нимфа деревьев, обительница лесов и рощ.

844. Чр, с незначит. расхождениями. Автографы — Б86, ред. Чр.; рукопись с датой. Печ. по рукоп. автографу.

845. ЛА. 1991. № 6. Автографы — Т86, под загл. «Выздоровление в Подмосковье»; рукопись; машинопись.

***846.** Зн. 1991. № 6. Автографы — рукопись, 1-я ред.; Б86, 1-я ред. с вар. продолжения; машинопись.

847. Зн. 2000. № 6. Автографы — Т86; рукопись. Печ. по рукоп. автографу. В Т86 дата под №№ 847 и 848 — «8.06», но, вероятно, это описка, т.к. далее снова следуют стихи, датированные маем. Обращено к Г. И. Медведевой.

848. Печ. впервые по машинописи. Др. автографы — Б86, вар. ; рукопись.

849. Ок. 1991. № 9. Автографы — Т86, вар. ст. 3—4 «А не умрут в табачных клубах / У нас в поваленных чуланах», ст. 10 «... голого ствола»; машинопись.

***850.** Дг. 1990. № 12, изменен порядок стрóf 1—2 и 3—4. Автографы — Т86, с зачеркн. доп. стрófой; машинопись. Печ. по ИПС.

851. Печ. впервые по Т86.

852. ЛГ. 1990. № 22. 30 мая. Автографы — Т86, без загл.; машинопись.

Неужели мог быть смертоносен? — отзвук катастрофы на Чернобыльской АЭС. См. № 568 и примеч. к нему.

***853.** Зн. 1991. № 6. Автографы — Т86, под загл. «Уход Толстого», стрóфы 1, 3, 4, 6, незаверш. вар. стрóфы 5; машинопись с правкой. В списке 1987 г. указано среди стихов 1986 г.

Ср. № 540 и примеч. к нему.

854. Ок. 1991. № 9. Автограф — Т869.

855. Ок. 1991. № 9. В предварительном оглавлении Гр 1986 г. указано среди стихов 1986 г.

856. Зн. 2003. № 10. Автографы — машинопись с правкой, под загл. «Новый год», в ст. 17 зачеркнуто «Невозможные друг без друга» и вписано от руки «Этот друг и эта подруга»; машинопись.

857. Зн. 2003. № 10, опечатка в ст. 17. Автографы — машинопись-1 с правкой, загл. вписано от руки; машинопись-2, с отделением ст. 1. Печ. по машинописи-2.

858. Нева. 1991. № 3. В списке 1987 г. указано среди стихов 1987 г.

859. ЛГ. 1990. № 22. 30 мая. Автографы — Т869, 2 стрóфы; машинопись. Включено в список 1987 г.

860. Ок. 1991. № 9. Автографы — Т869, ст. 1—10; машинопись с правкой.

861. ЛА. 1991. № 6. Автограф — Т869.

862. ЛА. 1991. № 6. Автограф — Т869.

863. Чр, ст. 1—16. Автографы — Т869; машинопись. Печ. по машинописи.

864. Чр. Автограф — Т869. Обращено к Г. И. Медведевой.

- 865.** Нева. 1991. № 3. Автограф — Т869.
 Посвящение: Сулова Э. В. — см. примеч. 593.
- 866.** ЛГ. 1990. № 22. 30 мая. Автографы — Т869, вар. ст. 6—8 «Когда сидит с открытым ртом./ А что пути ее убийственны, / Об этом узнают потом»; машинопись с правкой.
- ***867.** Нева. 1991. № 3. Автограф — Т869, без загл., вар.
- 868.** ЛА. 1991. № 6. Автограф — Т869, не окончено; машинопись с незначительной правкой. В списке 1987 г. указано среди стихов 1987 г.
- 869.** Нева. 1991. № 3. Автограф — Т869, с незначит. расхождени-ями; машинопись.
- 870.** Нева. 1991. № 3. Автограф — Т869.
 Посвящение: Гердт З. Е. — см. примеч. 356. Запись в дневнике от 2 июня 1987 г.: «Вечером на замечательном спектакле "Костюмер" с Гердтом» (ПдЗ2. С. 234). 10 авг. Гердт с женой приехали в Пяру.
- 871.** ИПС. Автограф — Т869.
- ***872.** ИПС. Автографы — Т869; машинопись, вар.
- 873.** ЛА. 1991. № 6. Автограф — Т869, без ст. 6.
- 874.** МЭ. 1991. № 38. 23 февр. Автограф — Т869.
- 875.** Ок. 1991. № 9. Автограф — Т869.
- 876.** Зн. 1991. № 6. Автограф — Т869.
- 877.** Ок. 1991. № 9. Автограф — Т869, без одного слова в послед-ней ст.
- 878.** ИПС. Автограф — Т869.
- 879.** Зн. 1994. № 9.
Фестиваль покаяния — после выхода на экран и огромного успеха фильма Т. Абуладзе «Покаяние» (1987) его название стало одним из символов эпохи перестройки—гласности.
- 880.** Зн. 1991. № 6. Автограф — машинопись.
Умеренность и аккуратность — по признанию Молчалина, два его достоинства («Горе от ума», д. 3, явл. 3). ...вина без меры пьет — толки о пьянстве Чацкого (д. 3, явл. 21). ...Вдруг с корабля на бал — «Он возвратился и попал, / Как Чацкий, с корабля на бал» («Евгений Онегин», гл. VIII, строфа XIII).
- 881.** ЛГ. 1990. № 22. 30 мая. Автографы — Т869; машинопись.
- 882.** МЭ. 1991. № 38. 23 февр. Автограф — Т869.
- 883.** Нева. 1991. № 3. Автограф — Т869, с мелкими разночтениями.
Анахорет — отшельник.
- 884.** Ок. 1991. № 9. Автограф — Т869
- ***885.** Зн. 1991. № 6. Автографы — СоСЛ, др. ред.; С49, та же ред.; Т869.
 Первая ред. написана в апр. 1944 г. под впечатлением от встреч в освобожденных районах с евреями, пережившими гитлеровскую оккупацию. Через год, 24 апр. 1945 г., Самойлов записал в дневник: «Удивительная встреча! Четверо живых евреев почти в центре Берлина. Разговаривал с ними. Судьба их ужасна. Однако живучесть евреев поразительна. Они говорят, что в окрестностях Берлина скрывается около 2 тыс. евреев». (ПдЗ1. С. 223). В 1989 г. он переписал ст-ние, оставив почти неизменной первую строфу. *Освенцим* — концлагерь на территории Польши, в котором в 1940—1945 гг. погиб-

ло около полутора миллиона заключенных, в т. ч. более 600 тыс. евреев. *Бабий Яр* — овраг на окраине Киева, место массового уничтожения фашистами еврейского населения города.

886. Печ. впервые по Т869.

На протяжении многих лет Г. И. Медведева была первым читателем произведений Самойлова, чье мнение было для него особенно важным. *Она прочитывала равнодушно* — ср. ст-ние Тютчева «Она сидела на полу...» (1858). *А прячу в стол* — ср.: «Но разве их упрячешь в стол» (№ 730).

887. ИЖ. 2004. № 18. Автограф — Т869.

Эпиграф — 1-я ст. одного из последних ст-ний Кирсанова. Кирсанов С. И. — см. примеч. 237.

888. ИПС. Автограф — Т869.

889. Зн. 1991. № 6. Автограф — Т869.

890. Печ. впервые по машинописи с правкой и датой. Др. автограф — Т869, ст. 1—8, 1987 г.

891. ЛГ. 1990. № 22. 30 мая. Автограф — Т869, ст. 1—4.

892. Ок. 1991. № 9. Автограф — Т869, ст. 1—8. Лишний слог в ст. 14 — следствие незавершенности работы над текстом. Вероятно, Самойлов выбирал между вар. «Не проедешь. Стынь, снега да бредь» и «Не проедешь к нам. Снега да бредь».

893—895. Ог. 1990. № 15.

I. Автографы — Т86, 1-я ред., ст. 1—4, 9—12; машинопись 1989 г., 1-я ред.; машинопись, отд. ст-ние.

Эпиграф к 1-й ред. — неточная цитата из ст-ния Тютчева «14-е декабря 1825» (1826), ст. 12 1-й ред. — цитата из того же ст-ния.

II. Автографы — Т869, 6 ст.; машинопись, отд. ст-ние.

III. Автограф — машинопись с правкой, отд. ст-ние. В списке 1987 г. — среди стихов 1987 г.

Василенко Виктор Михайлович (1905—1991) — искусствовед, поэт, узник сталинских лагерей.

896. ЛГ. 1990. № 22. 30 мая. Автографы — Т869, без ст. 13; машинопись, порядок ст. 12 и 13 изменен.

897. Зн. 1994. № 9. Автограф — Т869.

898. ЛГ. 1990. № 22. 30 мая. Автографы — Т869, не окончено; машинопись.

А ту пропажу лишь заметит / Огна шальная голова — ср. в «Ночи перед Рождеством» (1831) Гоголя: «В Диканьке никто не слышал, как черт украл месяц <...> “Что за дьявол! Смотри, смотри, Панас!” — Что? — произнес кум и поднял свою голову также вверх. — Как что? месяца нет. — Что за пропасть! В самом деле нет месяца». Пропажу месяца замечает Чуб, возможно, смешавшийся в памяти Самойлова с другим персонажем — Головой.

899. Зн. 1991. № 6. Автограф — Т869.

900. Ч. Автограф — Т8990.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ СТИХОТВОРЕНИЙ

- «А вдруг такая тьма наступит...» 450
«А вот и старость подошла...» 401
«А если мир погибнет весь?...» 318
«А иногда в туманном освещенье...» 366
«А мы куда-то мчались...» 311
«А на рассвете дрозд поет...» 336
«А помнишь, ты была тогда...» 340
«А слово — не орудье мести! Нет!..» 226
«А у женщин глаза, как ручьи...» (Отступление) 423
«А что такое мастер?...» (Мастер) 262
Автобусная остановка «Лаури» («У нас с тобой каникулы...»;
Беатриче, <2>) 351
Актрисе («Тебе всегда играть всерьез...») 282
Аленушка («Когда настанет расставаться...») 106
Альтист в марте («На воздухе висит мансарда...») 548
Альфонсасу Малдонису («Дай тебя переведу...») 410
Анахорет («В его каморке запах книжной пыли...») 556
Андалузская баллада («Апельсиновая ветка...») 376
Анна Ярославна («Как тебе живется, королева Анна...») 209
Анне Ахматовой («Учусь у вас достоинству и трудной...») 481
«Апельсиновая ветка...» (Андалузская баллада) 376
Апрель («Словно красавица, неприбранная, заспанная...») 84
Апрельский лес («Давайте каждый день приумножать богатство...») 169
Армения («Здесь Арарата древнее господство...») 219
Арсению Тарковскому («Мария Петровых да ты...») 282
«Артельщик с бородкой...» (Карусель) 121
«Артист совсем не то же, что актер...» 552
Атака («Перед атакой пили ром...») 430
Атака («Приказ проверить пулеметы...») 435
Атлант («Не нужен гений и талант...») 100
Афанасий Фет («Лишь сын шинкарки из-под Кенигсберга...») 258
«Ах, бедный современный гений...» 510
«Ах, Господи! Ужель нужны нам судьи!..» 477
«Ах, любезный мой кузничик!..» (На смерть кузничика) 216
«Ах, наверное, Анна Андревна...» (Беатриче, <14>) 356
«Ах, что-нибудь меня погубит...» 484

Бабельсберг. (1945) («Мне снился сон, тифозный и огромный...») 445
Бабочка («Я тебя с ладони сдуну...»; Беатриче, <13>) 356
«Базарный день...» (Гитары) 101
Балканские песни (1—5) 203
Баллада («— Ты моей никогда не будешь...») 312

- Баллада о конце света (Из блокнота 41 года) («Последний час сражалась рота...») 372
- Баллада разлук («Когда-нибудь, когда-нибудь, мой друг...») 501
- Бандитка («Я вел расстреливать бандитку...») 446
- «Барнаульская ночь высока, холодна...» (На Оби) 455
- Батюшков («Цель людей и цель планет...») 324
- «Баян спасает от тоски...» (Катерина, 1) 62
- Беатриче (<1>—<33>) 350
- Беатриче («Говорят, Беатриче была горожанка...»; Беатриче, <1>) 351
- Бегство Толстого («Стремление к уходу...») 544
- «Бедная критикесса...» (В духе Галчинского) 267
- «Безвременье. Отдых души. Девяностые годы...» (Конец XIX; Три наброска, 2) 388
- Белые стихи. (Рембо в Париже) («Рано утром приходят в скверы...») 98
- Берег мертвых («Поплывем с тобой...») 497
- Березняк («Так березняк беспечен, словно он...») 178
- «Березы, осины да елки...» 192
- «Берлин в просветах стен без стекол...» 63
- Бертольд Шварц. (Монолог) («Я, Шварц Бертольд, смиреннейший монах...») 122
- Бессонница («Я разлюбил себя. Тоскую...») 276
- Бим и Бом («Бом увел жену у Бима...»; Старый цирк, 2) 406
- Блок. 1917 см. Рождество Александра Блока
- Божена («Нас обнимали украинки...») 441
- «Бой вспоминается потом...» (Валя-Валентина) 382
- «Бойтесь совестливых, старушки...» (Раскольников) 484
- Болдинская осень («Везде холера, всюду карантин...») 109
- «Бом увел жену у Бима...» (Бим и Бом; Старый цирк, 2) 406
- Брейгель (*Картина*) см. Отрывок
- «Будь счастлив, сын, мечтой о лете...» 492
- «Бывает, рядом человек...» (Часовщик) 136
- «Был вечер, полный отвращения...» 494
- «Был год неустройства и слома...» 366
- «Был ли счастлив я в любви...» 269
- «Был ливень. И вывездил крону...» 166
- «Был Федор добрый царь...» (Убиение Углицкое) 341
- «Была туманная луна...» 161
- «Были ветер и дым...» (В ночном) 347
- «Быть выше спора наций и племен...» 506
- «Быть с тобою очень страшно...» (Объяснение) 529
- Бяла Подляска («На стенках римские святые...»; Из цикла «Дорога на Польшу», V) 434
- «В августе, когда заголубели...» 210
- «В воздухе есть напряженье...» 183
- В гости («Порой затоскую по снегу...») 450
- В деревне («В деревне благодарен дому...») 142
- «В деревне благодарен дому...» (В деревне) 142
- «В деревьях некий шум таится...» (Осень) 535
- «В деревьях около воды...» 314

- В духе Галчинского («Бедная критикесса...») 267
- «В его каморке запах книжной пыли...» (Анахорет) 556
- «В какие-то новые дали...» 297
- «В каком горниле нас ни плавило...» 456
- «В каком хитросплетенье генов...» 472
- «В колокола не звонят на Руси...» 428
- «В крутокрышем пярнуском доме...» 370
- «В меня ты бросишь грешные слова...» (Беатриче, <25>) 360
- «В мире многообразном...» 343
- В ночном («Были ветер и дым...») 347
- «В общежитии поют разноголосо...» (В общежитии слепых) 155
- В общежитии слепых («В общежитии поют разноголосо...») 155
- «В общем, жизнь состоялась...» 538
- «В огромном разобщении людей...» 490
- «В освещенье нескольких свечек...» (Двое) 546
- «В отдаленных лугах зазвеневшая осень...» 501
- «В памяти угасла строчка...» 412
- «В первую неделю...» (Зима настала) 154
- «В переулке московском старинном...» 73
- «В печи березу жрет огонь...» (У печки) 401
- «В последний раз со старым другом...» 312
- «В поэзии — старение реалий...» (Поэтика) 381
- «В признаньях невозможно без примет...» (Откровенность) 537
- В Пярну («Когда-то, странный пилигрим...») 538
- В Пярну легкие снега...» (Пярнуские элегии, XI) 241
- В районном ресторане... («В районном ресторане...») 82
- «В районном ресторане...» (В районном ресторане...) 82
- «В сорок пятом году...» (Фантазия о Радноти) 303
- «В стихах господствует закономерность...» (Катерина, 2) 62
- «В страстях, в которых нет таланта...» (Страсть; Беатриче, <8>) 354
- «В строгом замке, что квадратом...» (Смерть императора Максимилиана (Чешская баллада)) 227
- «В той Венгрии, куда мое везенье...» (Сиглигет) 154
- «В толпе, где прямо не пройдешь...» (Линия) 404
- «В тот тесный час перед сраженьем...» (Перед боем) 61
- «В третьем тысячелетье...» (Свободный стих) 208
- В тумане («Ты мало грозен был, Иван...» (Из стихов о царе Иване)) 452
- «В тумане старые дворцы...» (Рождество Александра Блока) 166
- «В турбазе, недалеко от Тапы...» (Ночной сторож) 164
- «В уходе есть свое величье...» (Осень) 348
- «В шесть лет он написал стихи про осень...» (Малолеток) 393
- В шесть часов вечера после войны («Вот когда припомнились друзья!..») 440
- «В этой Праге золотой...» 500
- «В этот час гений садится писать стихи...» 307
- «В январе дождь ливмя...» 554
- Валя-Валентина («Бой вспоминается потом...») 382
- Вариация («Мы пишем запоздалые эскизы...») 550
- «Вас соберу, красавицы мои...» 221
- «Вглядываюсь в юные лица...» (Ожиданье пришествия) 326

- Вдохновение («Я снова ощущаю трепет...»; Из цикла «Разговор с друзьями», III) 432
- Вдохновенье («Жду, как заваленный в забое...») 116
- «Вдруг март на берегу залива...» (Пярнуские элегии, XIV) 242
- «Вдруг обоймут большие шумы леса...» 176
- «Вдруг становится хорошо...» (Весна, I) 321
- «Вдруг странный стих во мне родится...» 224
- «Везде холера, всюду карантины...» (Болдинская осень) 109
- Велес («Какая прелесть майский лес...») 383
- Вероятно («Я, вероятно, не поэт войны...») 502
- «Веселой радости общенья...» (Беатриче, <22>) 359
- «Веселым зимним солнышком...» (Золушка) 93
- Весенний гром («За горой открывается Павшино...») 178
- Весна (I—III) 321
- «Весна! (Зачеркнуто) Прекрасный март...» (Черновик) 531
- «Весна, сентиментальный друг...» (Сентиментальная весна) 515
- Весомая осень («Облаков паросский камень...») 399
- «Весь город в плавных разворотах...» (Над Невой) 107
- «Весь лес листвою переполнен...» 147
- «Ветер звал. Тропа вела...» (Ночная прогулка) 334
- Ветренный вечер («Взлетает пернатая птица...») 159
- «Ветры быстры. Тучи сизы...» (Переменная погода) 409
- «Ветры пятнадцатых этажей...» 222
- Вечером («Мальчик играл в оловянных солдат...») 365
- «Вечность — предположение —...» 330
- «Взлетает пернатая птица...» (Ветренный вечер) 159
- «Вино, стихи — утеха...» 543
- «Владеть всем тем, чем нам дано...» 401
- «Внезапно в зелень вкрался красный лист...» (Красная осень) 130
- «Вновь Родина открылась мне одна...» (Полынь-звезда) 386
- «Вновь стою пред лицом событий...» 489
- «Во сне мне послышался голос...» (Три стихотворения, II) 266
- «Вода моя! Где тайники твои...» 150
- «Водил цыган медведя...» 338
- «Возвращаюсь к тебе, дорогая...» 226
- «Возвращаются, как бумеранги...» 536
- Возвращение («Все в доме было чуть поблекшим...») 508
- «Возвращенье от Анны...» 191
- «Возле разбитого вокзала...» (Пушкин по радио) 340
- Вознесение Аугуста Лима («Люблю легенды. В них разбег...») 388
- «Вон плывут, возникают из самой зари...» (Облака) 135
- «Восемь дней возила иудеев...» (Девочка) 429
- Воспоминания («Как тяжесть спелых яблок клонит ветку...») 264
- «Вот в багровой листве и лазури...» 193
- «Вот в эту пору листопада...» (Беатриче, <9>) 354
- «Вот дерево перед окном...» 499
- «Вот еще один ушел...» 414
- «Вот и все. Смежили очи гении...» 165
- «Вот когда припомнились друзья!...» (В шесть часов вечера после войны) 440

- «Вот мое милое дело...» (Тайный летописец) 496
 «Вот небеса заглоубели...» 548
 «Вот опять для зимних птиц...» 523
 «Вот опять спорхнуло лето...» (Осень) 108
 «Вот сюда везли жандармы...» (Святогорский монастырь) 168
 «Вот так и нужно жить всегда...» 539
 «Вот что доступно только гениям...» (Три отрывка, 3) 411
 «Вот я перед вами стою. Я один...» (С эстрады) 145
 «Вперед на прицел и на целик...» (1939-й; Стихи о Польше, <1>) 213
 «Врут про Гамлета...» (Оправдание Гамлета) 140
 «Все, братец, мельтешим, все ищем в "Литгазете"...» (Другу-стихотворцу) 255
 «Все в доме было чуть поблекшим...» (Возвращение) 508
 «Все есть в стихах — и вкус, и слово...» (Рецензия) 231
 «Все реже думаю о том...» 142
 «Все сегодня легко, свежо...» (Снежный лифт) 77
 «Все тянет меня к Подмоскovie...» (Весна, II) 321
 «Всего с собой не унесешь...» 554
 «Вспоминай про звезды неба...» 413
 «— Вставайте, ваше величество!..» (Королевская шутка) 367
 «Вставал буграми ледоход...» 513
 «Вступает день, вступает город...» 513
 «Всю дряблость ноября с шатанием и скрипом...» (Старый Тютчев) 317
 «Всю ночь сегодня буря выла...» 328
 «Вся розовая, розовая...» 519
 Вторая легкая сатира («Мой недоброежелатель! Как ни ползай...») 185
 «Вы меня берегите, подмосковные срубы...» (Позднее лето) 147
 «Вы просите стихов. Их нет...» 439
 Выезд («Помню — папа еще молодой...») 161
 Выздоровление («Раньше нужно было умирать...») 490
 «Выздоровление от "Беатриче"...» 542
 «Выйти из дому при ветре...» 219
 «Выносите Назыма Хикмета...» (Похороны Хикмета) 482
 «Выскочил из окружения...» (Дезертир) 229
 «Выспалось дитя. Развеселилось...» 222
 «Выстраивается столетье...» 501
 «Выютя тучи, как знамена...» (Конец Пугачева) 148
- Гитары («Базарный день...») 101
 Глобус («Шел старичок традиционный...») 400
 «Глухой хрипун, седой молчальник...» (Пастух в Чувашии) 58
 «Говорят, Беатриче была горожанка...» (Беатриче; Беатриче, <1>) 351
 «Год рождения не выбирают...» 256
 Голоса («Здесь дерево качается: — Прощай!..») 144
 Голоса за холмами («Голоса за холмами...») 293
 «Голоса за холмами...» (Голоса за холмами) 293
 Гончар («Продавали на базаре яблоки, халву, урюк...») 78
 «Город зимний...» 66
 «Город ночью прост и вечен...» 221

- «Готовьте себя к небывалым задачам...» 114
 «Грачи прилетели» («Стояли они у картины...») 383
 Гроза («Накатывается издалека...») 318
 Грусть («Мне больше ничего не надо!...») 465
- «Да, мне повезло в этом мире...» 311
 «Давай поедem в город...» 134
 «Давайте защитим людей...» 104
 «Давайте каждый день приумножать богатство...» (Апрельский лес) 169
 «Дай выстрадать стихотворенье!...» 168
 «Дай мне нынче выйти в полночь...» 279
 «Дай тебя переведу...» (Альфонсасу Малдонису) 410
 «Два года я писал в одну тетрадь...» (Черновики) 225
 Два голоса («Когда ты восстанешь из мертвых...») 398
 Два стихотворения (1—2) 488
 Два стихотворения (I—II) 248
 «Две жизни не прожить...» (Стихи о Дельвиге, II) 218
 Двое («В освещенье нескольких свечек...») 546
 Двойник («Поэт и сосед Королев...») 298
 Двор («Ходили к нам шарманщики...») 471
 Двор моего детства («Еще я помню уличных гимнастов...») 158
 Дворик Мицкевича («Здесь жил Мицкевич. Как молитва...») 138
 Девочка («Восемь дней возила иудеев...») 429
 Дезертир («Высочил из окружения...») 229
 «Действительно ли счастье — краткий миг...» (Беатриче, <18>) 358
 Декабрист («Цареубийство мне претит...») 291
 «Декабрь. Но не хватает снега...» 293
 «Дельвиг. Ленъ. Младая дева...» (Стихи о Дельвиге, I) 218
 День («Увижу рассвет за венозным окном...»; Беатриче, <5>) 352
 «День выплывает из-за острова...» 395
 «Деревья в двадцатом веке...» 105
 «Деревья должны...» 284
 «Деревья пели, кипели...» (Михайловское) 185
 «Деревья прынули от моря...» (Пярнуские элегии, VI) 240
 Деревянный вагон («Спотыкался на стыках...») 122
 Диалектика («Мы — самозванцы...») 350
 «Дирижер — рукотворец музыки...» (Оркестр) 552
 «Дирижер, дирижер...» (Смерть дирижера) 485
 «Для себя, а не для другого...» 194
 Дневник («Листаю жизнь свою...») 279
 Дневник («Писал при свете фитилька...») 125
 «Дни становятся все сероватей...» (Элегия) 75
 «До Александра дожил...» 512
 «Добивайтесь, пожалуйста, смысла...» 369
 Дождь («Дождь всего исцеловал, исплакал...») 544
 Дождь («Дождь пахнет мокрой собакой...») 407
 «Дождь всего исцеловал, исплакал...» (Дождь) 544
 «Дождь пахнет мокрой собакой...» (Дождь) 407
 «Дождь пришел в городские кварталы...» 120

- «Долго пахнут порохом слова...» (Тревога) 67
 Дом на Седлецком шоссе («Дом на Седлецком шоссе...») 438
 «Дом на Седлецком шоссе...» (Дом на Седлецком шоссе) 438
 Дом у дороги («Когда-то здесь жили хозяева...») 439
 Дом-музей («Заходите, пожалуйста. Это...») 117
 Дон Кихот («Так за день устаю от битвы с ветряками...»; Беатриче, <6>) 353
 «Дописывая этот стих...» 477
 «Допиться до стихов...» 311
 «Дремлет в будке пес-собакин...» (Романтическая баллада) 171
 Другу-стихотворцу («Все, братец, мельтешим, все ищем в «Литгазете»...») 255
 «Друзья мои, здравствуйте!..» 528
 «Дрянь не лезет в стих...» (Поговорим о дряни) 415
 Дует ветер («Дует ветер однолучный...») 92
 «Дует ветер однолучный...» (Дует ветер) 92
 «Думать надо о смысле...» 300
 Дуэт для скрипки и альта («Моцарт в легком опьяненье...») 299
 Дядькин («Иван Алексеевич Дядькин...») 124
 «Еврейское неистребимо семя...» 557
 «Его безобразная дума сосет...» (Маяковский) 421
 «...Его привел под локоть некий чин...» (Смотрины) 371
 Его слово («Не легенда, не обожествленье...») 96
 «Если б у меня хватило глины...» (Подмосковье) 83
 «Если бы я мог из ста поэтов...» (Ехегі...) 398
 «Если вычеркнуть войну...» 119
 «Есть жалость нежная...» 549
 «Есть мера чувств и действий мера...» 491
 «Есть спор двух душ слиянных — о разъятье...» 364
 «Ехал король на охоту...» (Притча о сыновьях Уцы) 377
 «Еще я помню уличных гимнастов...» (Двор моего детства) 158
 Жаворонок («Шли мимо Молчановок...») 480
 «Жалость нежная пронзительней любви...» (Беатриче, <30>) 362
 «Жаль мне тех, кто умирает дома...» 77
 «Жаль юношу Илюшу Лапшина...» (Памяти юноши) 261
 «Ждать не умею! Вмиг! Через минуту!..» (Беатриче, <3>) 352
 «Жду, как заваленный в забое...» (Вдохновение) 116
 «Желанье и совесть — две чаши...» (Беатриче, <4>) 352
 Железная скворешня («Я вырос в железной скворешне...») 88
 «Жизни первая треть...» 509
 «Жизнь одинокого мужчины...» (Неореализм) 152
 «Жизнь родины и жизнь души...» 556
 «Жизнь с множеством чувств и волнений...» 528
 «Жизнь сплетает свой сюжет...» 302
 «Жил в Ленинграде странный малый...» (Памяти А. Р.) 112
 Жил стукач («Жил стукач на свете белом...») 460
 «Жил стукач на свете белом...» (Жил стукач) 460
 «Жил-был король Гильом Второй...» (Кабаретная баллада) 379

- «Жили на свете Лотта...» (Песня ясеневое листка) 374
 «Жили пятеро поэтов...» (Пятеро) 215
 «Жить в новых условиях...» 537
 «Жить так: без жалоб и обид...» 404
- За городом («Тот запах вымытых волос...») 345
 «За горой открывается Павшино...» (Весенний гром) 178
 За Непрядвой («Ходят кони по елани...») 294
 «За парком море бледною водой...» (Приморский соловей) 243
 «За тучами летучими...» (Слово о Богородице и русских солдатах) 423
 Заболоцкий в Тарусе («Мы оба сидим над Окою...») 109
 «Забор крапивою зарос...» (Старый сад) 174
 «Забудем заботы о хлебе...» (Заздравная песня) 191
 «Забудь меня и дни...» 277
 Завсегдатай («Из всех печей, из всех каминов...») 198
 «Задувает снегодуй...» (Зимние птицы) 174
 Заздравная песня («Забудем заботы о хлебе...») 191
 «Закатам облака к лицу...» 339
 Залив («Я сделал свой выбор. Я выбрал залив...») 237
 «Заманчиво задним числом...» 516
 «Запахло весной невесомой...» 468
 «Запиши мне в жизнь кусок...» 298
 Заповедь («Скажи себе: "Не укради!"...») 410
 «Заросшая тропа теряется в степи...» 285
 «Засиренило сначала...» 500
 «Заскорузные слова мои...» 320
 «Заснул я во втором часу...» (К передовой) 545
 «Заходите, пожалуйста. Это...» (Дом-музей) 117
 «Захотелось мудрым землянам...» 115
 «Зачем за жалкие слова...» 286
 «Зачем кичимся мы и спорим...» 443
 Звезда («Зима. Среди светил вселенной...») 245
 «Здесь Арарата древнее господство...» (Армения) 219
 «Здесь, в комнате, нам слышны из окон...» 509
 «Здесь, в Таллине, бродили мы с Леоном...» 193
 «Здесь, вдали, неизвестно — кто умер, кто жив...» 328
 «Здесь великие сны не снятся...» (Пярнуские элегии, V) 239
 «Здесь, возле леса, с краю поля...» (Погост) 257
 «Здесь дерево качается: — Прощай!..» (Голоса) 144
 «Здесь жил Мицкевич. Как молитва...» (Дворик Мицкевича) 138
 «Здесь к городам веселой трезвой Ганзы...» (Эстимаа) 247
 Зима («Об удовольствиях весны...») 328
 Зима настала («В первую неделю...») 154
 «Зима. И вдруг — комар. Он объявился в доме...» (Зимний комар) 345
 «Зима. Среди светил вселенной...» (Звезда) 245
 Зимние птицы («Задувает снегодуй...») 174
 Зимние стихи («Утром, только солнцу встать...») 94
 Зимний комар («Зима. И вдруг — комар. Он объявился в доме...») 345
 «Знаю: дерево это в июне...» 337

- «Золотая моя, как же так? как же вдруг?...» 456
 Золушка («Веселым зимним солнышком...») 93
 Зрелость («Приобретают остроту...») 91
- «И ветра вольный горн...» 224
 «И вот однажды ночью...» 232
 «И вот опять арбатские проулки...» 474
 «И вот уже больше недели...» (Три стихотворения, III) 266
 «И вот я встал, забыл, забылся...» 317
 «И всех, кого любил...» 152
 «И встану я. И слово канет...» 316
 «И жалко всех и вся. И жалко...» (Пярнуские элегии, IV) 239
 «И к чему ни прислушайся — все перепев...» 320
 «И Маяковский отмаячил...» (Маяковский отмаячил; Три наброска, 3) 388
 «И начинает уставать вода...» (Перед снегом) 145
 «И непонятное письмо...» 519
 «И осень, которая вдруг началась...» 195
 «И снова будут дробить суставы...» 477
 «И снова все светло и бrenно...» 236
 «И снова конь...» (Конь) 60
 «И страшны деревенские проселки...» 554
 «И так бывает — в день дождливый...» 93
 «И тогда узнаешь вдруг...» 212
 «И что еще за странная привычка...» 235
 «Иван Алексеевич Дядькин...» (Дядькин) 124
 Иван и холоп («Ходит Иван по ночному покою...»; Стихи о царе Иване, <2>) 69
 «Игра в слова — опасная забава...» 285
 «Игра со временем — не с нашим и не с прошлым...» 405
 «Играет март на скрипочке...» 495
 «Играй, Игнат, греми, цимбал!..» 333
 Идиллия на потом («Рассчитаемся не мы — потомки...»; Беатриче, <15>) 356
 Идут разговоры («По улице строим...») 90
 «Идут скоморохи по тусклым дорогам...» (Скоморохи) 319
 «Из всех печей, из всех каминов...» (Завсегдатай) 198
 Из детства («Я — маленький, горло в ангине...») 88
 Из цикла «Дорога на Польшу» (I—III, V) 433
 Из цикла «Разговор с друзьями» (I—IV) 431
 «Извечно покорны слепому труду...» 65
 «Извилисты тихие реки...» 461
 «Ильдефонс-Константы Галчинский дирижирует соловьями...» (Соловьи Ильдефонса-Константы) 164
 И<лье> Л<ьвовичу> С<ельвинскому> («Как узнает орел орлят...») 449
 «Импрессионизм — дурное зреньё...» (Импрессионизм) 419
 Импрессионизм («Импрессионизм — дурное зреньё...») 419
 «Ирония! Давай-ка выпьем вместе...» 525
 «Истомясь от сердечной печали...» 559

- «Исчерпан разговор. Осточертели речи...» (45-я Гайдна; Беатриче, <11>) 355
- Итог («Что значит наше поколение?..») 530
- «Их не ждут. Они приходят сами...» (Таланты) 106
- К вечеру («К вечеру лошади на ходулях...») 59
- «К вечеру лошади на ходулях...» (К вечеру) 59
- «К Маяковскому возвращаться?..» 412
- К передовой («Заснул я во втором часу...») 545
- Кабаретная баллада («Жил-был король Гильом Второй...») 379
- «Казните ангела, художник...» 487
- «Как в поход собирался Вук...» (Песня о походе; Балканские песни, 4) 206
- «Как весело рисуют дети...» (Рисунок) 127
- «Как медленно листья...» 467
- «Как может быть спокоен прокурор...» (Не спится) 87
- «Как мы встанем с клинками...» (Самозванец) 329
- «Как объяснить тебе, что это, может статься...» 133
- «Как ошалевший соловей...» 535
- «Как пахнет Самарканд зимой...» 423
- «Как поумнел я с той поры...» 463
- «Как разрешить взаимные обиды?..» 559
- «Как смеют женщину ругать...» 427
- «Как странно, что за сорок с лишним лет...» (Рождение) 137
- «Как странны польские эмблемы...» 247
- «Как тебе живется, королева Анна...» (Анна Ярославна) 209
- «Как тяжесть спелых яблок клонит ветку...» (Воспоминания) 264
- «Как узнает орел орлята...» (И<лье> Л<ьвовичу> С<ельвинскому>) 449
- «Как червячок...» (Старая мама) 344
- «Как эти дали хороши!..» (Пярусские элегии, VIII) 240
- «Как я живу? Без ожиданий...» 514
- «Как я завидую тому...» (Беатриче, <23>) 360
- «Какая прелесть майский лес...» (Велес) 383
- «Какая это все мура...» (В. Соколову) 338
- «Какая-то странная книга...» (Сон) 283
- «Какого дьявола — наука!..» 523
- «Какой могучий ветер...» 337
- «Какой нам странный март подарен!..» 464
- «Какой пологий Пярусский залив!..» 511
- «Какой-то ветер нынче дул...» 249
- Камень («Прежде я мог тесать...») 313
- «"Кара! Кара!" — крикнул ворон...» (Три отрывка, 1) 411
- «Карловарские вафли...» 493
- Картина с парусами («Яхт шелковые ветрила...») 246
- Карусель («Артельщик с борожкой...») 121
- Катерина (1—2) 62
- «Кахетинским славным, старым...» (Павлу Когану) 447
- «Когда бежит через лиловый полдень...» (Купальщица) 194
- «Когда бы спел я, наконец...» 403

- «Когда, вступая в поединок...» 533
 «Когда еще над старой Вильной...» (Утро. Старая Вильна) 483
 «Когда замрут на зиму...» (Пярнуские элегии, VII) 240
 «Когда кругом цветут сады...» 335
 «Когда любовь развеялась, истлела...» 467
 «Когда мы были на войне...» (Песенка гусара) 309
 «Когда настанет расставаться...» (Аленушка) 106
 «Когда от всех твоих любвей неясных...» (Романс седьмого дня) 215
 «Когда с досадой и печалью...» 200
 «Когда совсем свихнутся люди...» (Рем и Ромул) 177
 «Когда среди шумного бала...» (Средь шумного бала) 251
 «Когда старый Милош слеп...» (Песнь о друзьях Милоша; Балканские песни, 5) 207
 «Когда сумбур полународа...» 520
 «Когда сумеем угадать...» 319
 «Когда тайком колдует плоть...» (Пярнуские элегии, XII) 241
 «Когда, туман невозможная...» 421
 «Когда ты восстанешь из мертвых...» (Два голоса) 398
 «Когда ты станешь мной, а я тобой...» (Песок) 554
 «Когда уже надежды нет...» 335
 «Когда уже не всех подряд хватили...» 563
 «Когда я распрощался с Беатриче...» 560
 «Когда я умру, перестану...» 458
 «Когда я усну наконец...» 509
 «Когда-нибудь и мы расскажем...» (Пярнуские элегии, I) 238
 «Когда-нибудь я к вам приеду...» 308
 «Когда-нибудь, когда-нибудь, мой друг...» (Баллада разлук) 501
 «Когда-то здесь жили хозяева...» (Дом у дороги) 439
 «Когда-то, странный пилигрим...» (В Пярну) 538
 М. Козакову («Что полуправда? — Ложь!..») 384
 Колорит («Рябины легкое вино...») 397
 Колыбельная вполголоса («Ну вот, сыночек, спать пора...») 138
 Конец XVIII («Язык, еще необработанный...»; Три наброска, 1) 387
 Конец XIX («Безвременье. Отдых души. Девяностые годы...»; Три наброска, 2) 388
 Конец лета («Покатилось лето под гору...») 275
 Конец Пугачева («Вьются тучи, как знамена...») 148
 «Конец системы самооправдания...» 364
 «Кончался август...» 185
 Конь («И снова конь...») 60
 Королевская шутка («— Вставайте, ваше величество!..») 367
 «Красиво падала листва...» (Слова) 114
 Красная осень («Внезапно в зелень вкрался красный лист...») 130
 Красота («Она как скрипка на моем плече...») 139
 «Красота пустынной рощи...» (Пярнуские элегии, II) 238
 «Крут любви распался вдруг...» (Пярнуские элегии, III) 239
 «Круглый двор...» (Наташа) 130
 «Крыло рояля. Руки Рихтера...» (Рихтер) 287
 Крылья холопа («Стоишь, плечами небо тронув...») 66
 «Кто говорит, что снова молод...» 532

- «Кто двигал нашею рукой...» 238
«Кто ответит, как нам быть?...» 555
«Кто устоял в сей жизни трудной...» 186
«Кто-то движется в окне...» (У окна) 563
«Куда мне деваться от этих забот ежедневных...» 286
Купальщица («Когда бежит через лиловый полдень...») 194
«Купаться в ключевой воде...» 314
- Лаборатория поэта («Лаборатория поэта...») 396
«Лаборатория поэта...» (Лаборатория поэта) 396
Лев в неволе («Они не знают, что царя зверей...»; Старый цирк, 3) 406
Легкая сатира («Торопимся, борясь за справедливость...») 175
Леди Макбет («Леди Макбет бросила профессию...») 280
«Леди Макбет бросила профессию...» (Леди Макбет) 280
«Лет через пять, коли дано дожиться...» 533
Летний день («Наполнен яблоневым светом...») 553
Лечение Подмосковьем («Под утро закричал петух...») 540
«Лечи меня, Время, скорее...» 543
Линия («В толпе, где прямо не пройдешь...») 404
Лирика («Лирика! "Я", обращенное к "Вам"?...») 368
«Лирика! "Я", обращенное к "Вам"?...» (Лирика) 368
«Листаю жизнь свою...» (Дневник) 279
«Листвой наполнены деревья...» 176
«Лихие, жесткие морозы...» (Мороз) 256
«Лицо подушки смятой...» 482
«Лишь изредка рождается в нас...» 181
«Лишь сын шинкарки из-под Кенигсберга...» (Афанасий Фет) 258
«Луна взошла. Спасибо ей!..» 331
«Лунным светом город залит...» 547
«Луч солнца вдруг мелькнет, как спица...» 97
«Любимая, не говори...» (Солдат и Марта) 201
«Любить не умею...» (Пярнуские элегии, IX) 240
«Любить, терзать, впадать в отчаянье...» (Финал; Беатриче, <32>) 363
«Люблю легенды. В них разбег...» (Вознесение Аугуста Лима) 388
«Люблю тебя, Литва! Старинная вражда...» 329
«Люблю я март...» (Птицы, IV) 323
- Малолеток («В шесть лет он написал стихи про осень...») 393
«Мальчик играл в оловянных солдат...» (Вечером) 365
«Мальчик строил лодку...» (Сказка) 85
«Мальчики уходят на войну...» 468
Марии («Прекрасно рисует Мария...») 163
«Марина, Марина...» (Марине Цветаевой, 2) 454
Марине Цветаевой (1—3) 453
Мария («Рушники, расшитые цветами...»; Из цикла «Дорога на Польшу», II) 433
«Мария была курчава...» (Отрывок) 211
«Мария Петровых да ты...» (Арсению Тарковскому) 282
Маркитант («Фердинанд, сын Фердинанда...») 220
Мастер («А что такое мастер?...») 262

- Матадор («Скорей, скорей! Кончай игру...») 128
 «Мать ушла. И тонкий полог...» 386
 Маша («Маша, женщина из Подмосковья...») 396
 «Маша, женщина из Подмосковья...» (Маша) 396
 Маяковский («Его безобразная дума сосет...») 421
 Маяковский отмячил («И Маяковский отмячил...»; Три наброска.
 3) 388
 «Меня Анна Андревна Ахматова...» 505
 «Меня не трогайте! Я занемог...» 417
 «Меня ты не отпустишь. Осторожно...» 382
 Мечта о море («Он видел лес...»; Стихи о царе Иване, <1>) 68
 «Милая жизнь! Протеканье времен...» 302
 Михайловское («Деревья пели, кипели...») 185
 «Мне больше ничего не надо!..» (Грусть) 465
 «Мне все время видятся холмы...» 527
 «Мне выпало счастье быть русским поэтом...» 301
 «Мне снился сон жестокий...» 180
 «Мне снился сон, тифозный и огромный...» (Бабельсберг. (1945)) 445
 «Мне снился сон. И в этом трудном сне...» 183
 «Много слов о тебе говорилось...» (Марине Цветаевой, 1) 453
 «Мог бы я давно уехать к сыну...» (Старик и домовой) 560
 Могила поэта («О нем и память уж почти мертвая...») 344
 «Мое единственное достояние...» 284
 «Может, за год два-три раза...» 246
 «Можно и так. На заре...» (Можно и так...) 248
 Можно и так... («Можно и так. На заре...») 248
 «Можно ли считать себя счастливым...» 292
 «Мой милый чтец!.. Ну что за слово...» 224
 «Мой недоброжелатель! Как ни ползай...» (Вторая легкая сатира) 185
 «Молодые люди...» 515
 Монолог Молчалина («Умеренность и аккуратность! Что ж...») 555
 Море («Сначала только пальцем...») 148
 Мороз («Лихие, жесткие морозы...») 256
 «Мороз! Накликал сам! Ведь слово — колдовство!..» 346
 Мост («Мост с берега на берег...») 276
 Мост («Стройный мост из железа ажурного...») 85
 «Мост с берега на берег...» (Мост) 276
 «Моцарт в легком опьяненье...» (Дуэт для скрипки и альта) 299
 «Моя душа, душа моя...» (Песенка для спектакля) 233
 «Мужицкий бунт — начало русской прозы...» (Стихи и проза) 216
 Муза («Тарахтят паровозы на потных колесах...») 61
 «Музыка играет...» (Птицы, II) 322
 «Музыка, закрученная туго...» 132
 «Музыкантам, музыкантам...» (Фейерверк) 170
 «Мы — самозванцы...» (Диалектика) 350
 «Мы в старый дом вошли. А стужа...» (Из цикла «Дорога на
 Польшу», I) 433
 «Мы зябли, но не промерзали...» 62
 «Мы не были на "ты"...» (Памяти Смелякова) 506

- «Мы не меняемся совсем...» 278
 «Мы оба сидим над Окою...» (Заболоцкий в Тарусе) 109
 «Мы пишем запоздалые эскизы...» (Вариация) 550
- «На воздухе висит мансарда...» (Альтист в марте) 548
 На Дунае («О, краткое очарование...») 162
 На Оби («Барнаульская ночь высока, холодна...») 455
 На окраине («Парк в предутреннем беспорядке...») 136
 На полустанке («На полустанке пел калека...») 85
 «На полустанке пел калека...» (На полустанке) 85
 На рассвете («Почти светает. После объясненья...»;
 Беатриче, <29>) 362
 На смерть кузнечика («Ах, любезный мой кузнечик!..») 216
 «На стенках римские святые...» (Бяла Подляска; Из цикла «Дорога
 на Польшу», V) 434
- «На толстых ветках шапки снега...» (Тишина) 173
 «Наблюдая, как тысячи...» (Облики облака) 326
 «Наверно, все уже ушло...» 518
 «Наверное, слишком уверенно...» 226
 «Навсегда с тобой расстанусь...» 549
 «Над домами, низко над домами...» (Томление Курбского; Стихи о
 царе Иване, <3>) 70
 Над Невой («Весь город в плавных разворотах...») 107
 «Надо выйти из моды...» 526
 «Надо выкопать колодец...» (Песня о построении Кладенца;
 Балканские песни, 3) 205
 «Надо жить не от года к году...» 493
 «Надо идти все дальше...» 291
 «Надо себя сжечь...» 225
 «Надо так, разбираясь толково...» 234
 «Надоели поэтессы...» 316
- Названия зим («У зим бывают имена...») 149
 Назначенье («Творец, вдохновенью доверься...») 346
 «Назначенье поэта...» (Марине Цветаевой, 3) 455
 «Накатывается издалека...» (Гроза) 318
 «Наконец я познал свободу...» (Ночной гость) 196
 «Наконец-то в загробном мире...» 515
 «Нам надо бы закрыться...» 348
 «Нам остается жить надеждой и любовью...» 223
 «Напиши мне, богомаз...» 403
 «Наполнен яблоневым светом...» (Летний день) 553
 «Нас в детстве пугали няни...» (Цыгане) 305
 «Нас обнимали украинки...» (Божена) 441
 «Настала такая эпоха...» 504
 Наташа («Крутлый двор...») 130
 Наташа («Неужто девушке Наташе...») 102
 Начало зимних дней («Прекрасная пора — начало зимних дней...») 84
 Начало поэмы («Пора за поэму садиться...») 250
 «Начать с себя Не ждать, покуда...» 408
 «Начать сначала! Боже мой!..» 276

- «Начинают отмирать...» (Телевизоры) 123
«Начнем с подражания. И это...» (Стансы) 253
«Не белый цвет и черный цвет...» (Черный тополь) 86
«Не бойтесь! Умираем только мы!..» 499
«Не верь увереньям, наивный...» 369
«Не верь ученикам! Они испортят дело!..» 480
«Не время ли, чтоб полюбовно...» 413
«Не для меня вдевают серьги в ушки...» (Беатриче, <12>) 355
«Не думал про стихосложение...» (Хлебников) 402
«Не загородить тебя, не спасти...» 476
«Не имею желаний...» 555
«Не исповедь, не проповедь...» 314
«Не кажется ли, что наивней...» 395
«Не легенда, не обожествление...» (Его слово) 96
«Не ломайте ее, не ломайте...» 470
«Не люблю антологий...» (Об антологиях) 541
«Не мешай мне пить вино...» 323
«Не мысль, не слово — а под снегом...» 182
«Не надо спать, не надо глаз смыкать...» 489
«Не надо срезанных тюльпанов!..» 542
«Не нужен гений и талант...» (Атлант) 100
«Не оставляйте письма...» 217
«— Не отрывайся, — мне сказали...» 472
«Не попрекайте хлебом меня. Не до веселья...» (Хлеб) 263
«Не преуменьшать...» 332
«Не радует незрелость душ...» 492
Не спится («Как может быть спокоен прокурор...») 87
«Не торопи пережитого...» 218
«Не у кого просить пощады...» 500
«Не увижу уже Красногорских лесов...» 232
«Не умирают беглые слова...» 535
«Не хочется идти в журнал...» 488
«Не хочется с тобою расставаться...» 520
«Неверие тому, что даже очевидно...» (Она; Беатриче, <20>) 359
«Незнатная птица Каховский...» (Ялуторовск) 245
Неизвестные поэты («Я люблю этих бедных пиитов...») 278
«Нельзя не сменять часового...» (Часовой) 253
Неореализм («Жизнь одинокого мужчины...») 152
«Непонятны нам сыновья и дочери...» 134
«Несовпадения в пространстве...» 404
«Нет! Мы не просто честолюбцы!..» (Из цикла «Разговор с друзьями», IV) 432
«Нет пистолета, есть петля...» 514
«Нет слова ужасней, чем это...» 287
«Неужели всю жизнь надо маяться!..» 182
«Неужто девушке Наташе...» (Наташа) 102
«Неужто я иду на спад...» (Осень) 517
«Никто мне ни в чем не обязан...» 524
Новоселы («Шипит рубанок...») 74
Ночлег («Однажды летним вечерком...») 95

- Ночная гроза («Тяжелое небо набрякло, намокло...») 128
 Ночная прогулка («Ветер звал. Тропа вела...») 334
 Ночной гость («Наконец я познал свободу...») 196
 Ночной сторож («В турбазе, недалеко от Тапы...») 164
 «Ну вот, сыночек, спать пора...» (Колыбельная вполголоса) 138
 «Ну что за эхо! Миллионы раз...» 366
- «О бедная моя!..» 238
 «О, вы ее не знаете!..» (Реплика Данте; Беатриче, <16>) 357
 «О Господи, конечно, все мы грешны...» 132
 «О много ли надо земли...» 95
 «О, как я птиц люблю весенних...» (Птицы, I) 322
 «О, краткое очарованье...» (На Дунае) 162
 «— О люди, о люди! — вопит Прометей...» 325
 «О нем и память уж почти мертва...» (Могила поэта) 344
 «О, нет судеб печальней наших...» 522
 «О, нужно ли спускаться с Марса!..» (Из цикла «Разговор с друзьями», II) 431
 «О, Пастернак! О, марбургский девятиклассник!..» (Пастернаку) 437
 «О поэтическом пространстве...» 512
 О солдатской любви («Стоят у околицы женщины...») 425
 «О, так это или иначе...» (При дожде) 195
 «О, я бы запил, запил, запил...» (Прибытие в Ковель; Из цикла «Дорога на Польшу», III) 433
 Об антологиях («Не люблю антологий...») 541
 «Об удовольствиях весны...» (Зима) 328
 Облака («Вон плывут, возникают из самой зари...») 135
 «Облаков пароский камень...» (Весомая осень) 399
 Облики облака («Наблюдая, как тысячи...») 326
 «Обратно крути киноленту...» 281
 Объяснение («Быть с тобою очень страшно...») 529
 «Овсяночки, малиновки, щеглы...» 381
 Ода («России нужны слова о России...») 316
 «Одиночество — пошлая тема...» 194
 «Однажды летним вечерком...» (Ночлег) 95
 Ожиданье пришествия («Вглядываюсь в юные лица...») 326
 Окно («Петр прорубил окно. Екатерина...») 531
 «Окончилась драма любви...» 517
 Окруженец см. Дезертир
 «Октябрь бульвары дарит рублем...» (Осень сорок первого) 72
 «Он видел лес...» (Мечта о море; Стихи о царе Иване, <1>) 68
 «Он заплатил за нелюбовь Натальи...» (Два стихотворения, I) 248
 «Он, невнимательный к природе...» 558
 Она («Неверие тому, что даже очевидно...»; Беатриче, <20>) 359
 «Она как скрипка на моем плече...» (Красота) 139
 «Они не знают, что царя зверей...» (Лев в неволе; Старый цирк, 3) 406
 Оправдание Гамлета («Врут про Гамлета...») 140
 «Опять Гефест свой круглый щит куёт...» 422
 Оркестр («Дирижер — рукотворец музыки...») 552

- «Осенний вихрь гудит под дверью...» 504
 Осень («В деревьях некий шум таится...») 535
 Осень («В уходе есть свое величье...») 348
 Осень («Вот опять спорхнуло лето...») 108
 Осень («Неужто я иду на спад...») 517
 Осень («Я потерял богатство...») 496
 Осень сорок первого («Октябрь бульвары дарит рублем...») 72
 «Остановись, прогресс! ЗаMRI!..» 551
 «Острая моя травина...» 268
 «Остренький листок как свечка...» 416
 «От византийской мощи...» 412
 «Отвези меня в Грузию! Здесь я хочу умереть...» 331
 «Отводя березовые сучья...» 539
 «Оттремели грозы...» 223
 «Откладыватель в долгий ящик...» (Три стихотворения, 2) 562
 Откровенность («В признаниях невозможно без примет...») 537
 «Откройте, наконец, архивы...» (Пора!) 417
 «Открываются новые страны...» (Старая песня) 464
 «Откуда я?...» 524
 «Отмерено добро и зло...» (Софья Палеолог) 60
 «Отрешенность эстонских кафе...» (Северянин) 304
 Отырок («Мария была курчава...») 211
 Отступление («А у женщин глаза, как ручьи...») 423
 «Отцы поднимают младенцев...» (Цирк) 91
 Офицеры его величества («Сорок первый...») 79
 Охота на мамонта («Я спал на вокзале...») 58
- Павлу Когану («Кахетинским славным, старым...») 447
 «Паек уменьшен был на треть...» (1942) 429
 Pamфлет («Публицист Сыгоняев...») 408
 Памяти А. Р. («Жил в Ленинграде странный малый...») 112
 Памяти Антонины («Пять счастливых дней...») 296
 Памяти Смелякова («Мы не были на "ты"...») 506
 Памяти юноши («Жаль юношу Илюшу Лапшина...») 261
 Память («Я растаю памятью...») 146
 «Парк в предутреннем беспорядке...» (На окраине) 136
 Партизаны («Спасаться от огня и от набега...») 344
 Пастернаку («О, Пастернак! О, марбургский девятиклассник!..») 437
 Пастух в Чувашии («Глухой хрипун, седой молчальник...») 58
 «Пахло соломой в сарае...» 287
 Первый гром («Стоят дубы с обнаженными сучьями...») 84
 Перебирая наши даты («Перебирая наши даты...») 112
 «Перебирая наши даты...» (Перебирая наши даты) 112
 Переводчик («Я, как контрабандист запретные товары...») 551
 «Перед атакой пили ром...» (Атака) 430
 Перед боем («В тот тесный час перед сраженьем...») 61
 Перед снегом («И начинает уставать вода...») 145
 «Перед тобой стоит туман...» 330
 Переменная погода («Ветры быстры. Тучи сизы...») 409

- «Перестрадаю, переболею...» 308
- Песенка («Печечка залепетала...») 327
- Песенка гусара («Когда мы были на войне...») 309
- Песенка для спектакля («Моя душа, душа моя...») 233
- Песнь о друзьях Милоша («Когда старый Милош слеп...»; Балканские песни, 5) 207
- «Песню запойте для нас, милые Музы!..» (Подражание Феокриту) 199
- Песня без слов («Хотел бы сказать тебе...») 339
- Песня о кузнеце («Подъезжает солдат...»; Балканские песни, 1) 203
- Песня о построении Кладенца («Надо выкопать колодец...»; Балканские песни, 3) 205
- Песня о походе («Как в поход собирался Вук...»; Балканские песни, 4) 206
- Песня ясеневое листка («Жили на свете Лотта...») 374
- Песок («Когда ты станешь мной, а я тобой...») 554
- Постель, поэт и Анна («Там Анна пела с самого утра...») 150
- «Петр прорубил окно. Екатерина...» (Окно) 531
- «Печечка залепетала...» (Песенка) 327
- «Писал при свете фитилька...» (Дневник) 125
- «Писем напишу пяток...» 565
- «Плачет женщина чужая...» 469
- «Плетенье чепухи люблю...» 481
- «Плотники о плаху притупили топоры...» (Плотники...) 57
- Плотники... («Плотники о плаху притупили топоры...») 57
- «По окончании этой грустной драмы...» (Последний проход Беатриче; Беатриче, <33>) 363
- «По улице строим...» (Идут разговоры) 90
- «Поверить новым временам...» 403
- «Поводырь ведет слепого...» (Скоморошина) 212
- «Поворожи, цыганка...» (Романс) 332
- «Повтори, воссоздай, возверни...» 280
- «Повторяемся...» 530
- Поговорим о дряни («Дрянь не лезет в стих...») 415
- Погост («Здесь, возле леса, с краю поля...») 257
- Под утро («Так с тобой повязаны...»; Беатриче, <17>) 357
- «Под утро закричал петух...» (Лечение Подмосковьем) 540
- «Подвыпившие оркестранты...» (Пустырь) 172
- Подмосковье («Если б у меня хватило глины...») 83
- Подражание Феокриту («Песню запойте для нас, милые Музы!..») 199
- Подросток («Подросток! Как по нежному лекалу...») 146
- «Подросток! Как по нежному лекалу...» (Подросток) 146
- «Подставь ладонь под снегопад...» 116
- «Подстригай и прореживай кроны...» 419
- «Подъезжает солдат...» (Песня о кузнеце; Балканские песни, 1) 203
- «Пожалуй, пора перестать...» 521
- Позднее лето («Вы меня берегите, подмосковные срубы...») 147
- «Поздно учиться играть на скрипке...» 293
- «Познать свой век не в силах мы!..» 334

- «Покатилось лето под гору...» (Конец лета) 275
 «Покаянням публичным не верится...» 415
 «Полно вам искать промашек...» 556
 «Полночь под Иван-Купала...» 202
 Полуфабрикаты («Продажа полуфабрикатов...») 99
 «Получил письмо издалека...» 157
 Польша-звезда («Вновь Родина открылась мне одна...») 386
 «Польских смут невольный современник...» (1944-й; Стихи о
 Польше, <2>) 214
 «Помирает царь, православный царь!..» (Смерть Ивана; Стихи о
 царе Иване, <4>) 71
 «Помню — папа еще молодой...» (Выезд) 161
 «Помню! Синявинские высоты...» (Семен Андрейч) 63
 «Поплывем с тобой...» (Берег мертвых) 497
 Пора! («Откройте, наконец, архивы...») 417
 «Пора бы жить нам научиться...» 449
 «Пора бы поэзию бросить...» 486
 «Пора воспоминаний...» 557
 «Пора за поэму садиться...» (Начало поэмы) 250
 «Порой затоскую по снегу...» (В гости) 450
 После представления («Фонари погасли под шатром...»; Старый
 цирк, 1) 405
 После суровой зимы («Снег все же начал таять. Суть...») 347
 Последний проход Беатриче («По окончание этой грустной
 драмы...»; Беатриче, <33>) 363
 «Последний час сражалась рота...» (Баллада о конце света (Из
 блокнота 41 года)) 372
 «Потому мне и жалко...» 509
 «Похожу — стремленьям к разлукам...» (Два стихотворения, 2) 488
 Похороны Хикмета («Выносите Назыма Хикмета...») 482
 «Почти светает. После объяснения...» (На рассвете;
 Беатриче, <29>) 362
 «Поэзии ничто не может помешать...» 560
 «Поэзия должна быть странной...» 308
 «Поэзия не интересна!..» 564
 «Поэзия пусть отстает...» 228
 Поэт («Средь бесконечных русских споров...») 222
 Поэт и гражданин («Скажите, гражданин, как здесь пройти...») 187
 «Поэт и сосед Королев...» (Двойник) 298
 Поэтика («В поэзии — старение реалий...») 381
 Поэты («Слабы, суетны, подслеповаты...») 463
 Предместье («Там наконец, как пуля из ствола...») 162
 «Прежде я мог тесать...» (Камень) 313
 Презренье («Презренье к себе и презренье к тебе...») 459
 «Презренье к себе и презренье к тебе...» (Презренье) 459
 «Прекрасная пора — начало зимних дней...» (Начало зимних
 дней) 84
 «Прекрасно рисует Мария...» (Марии) 163
 «Престранная наша профессия...» 285
 При дожде («О, так это или иначе...») 195

- Прибытие в Ковель («О, я бы запил, запил, запил...»; Из цикла «Дорога на Польшу», III) 433
- «Приказ проверить пулеметы...» (Атака) 435
- «Примеряться к вечным временам...» 309
- Приморский соловей («За парком море бледною водой...») 243
- «Приобретают остроту...» (Зрелость) 91
- «Прирожденный горожанин...» 516
- Притча о сыновьях Уцы («Ехал король на охоту...») 377
- «Приходили ко мне советчики...» (Советчики) 118
- Про Ванюшку («Просит Ванюшка у мамушки...») 307
- Про охотника («Стоит белый камень...») 306
- Пробуждение («Протер глаза. В окне светало...») 414
- «Проводила в путь последний...» 467
- «Продавали на базаре яблоки, халву, урюк...» (Гончар) 78
- «Продажа полуфабрикатов...» (Полуфабрикаты) 99
- Прозревание («Слепой прозрел. И что увидел?...») 504
- «Пройти вдоль нашего квартала...» (Пярнуские элегии, X) 241
- «Просит Ванюшка у мамушки...» (Про Ванюшку) 307
- «Проснись однажды утром...» 175
- «Прости мне горькую досаду...» 425
- «Прости — прощай!» — мелодию такую...» (Романс) 466
- «Простите, милые, ведь вас я скоро брошу...» (Беатриче, <28>) 361
- «Простое величье я видел однажды...» 416
- «Протер глаза. В окне светало...» (Пробуждение) 414
- «Профессор Уильям Росс Эшби...» (Свободный стих) 144
- Прощание («Убившему себя рукой...») 258
- Прощание («Я вновь покинул Третий Рим...») 428
- Прощание юнака («Ты скажи, в стране какой...»; Балканские песни, 2) 204
- Птицы (I—IV) 322
- «Птичка маленькая пела...» 386
- «Публицист Сыгоняев...» (Памфлет) 408
- Пустырь («Подвыпившие оркестранты...») 172
- «Пусть все будет как есть...» 518
- «Пусть нас увидят без возни...» 254
- «Пусть недостаток и убыток...» 462
- «Путь мой юный, свет мой ранний...» 337
- Пушкин по радио («Возле разбитого вокзала...») 340
- «Пью водку под хрустящую капустку...» 492
- Пярнуские элегии (I—XVI) 238
- Пятеро («Жили пятеро поэтов...») 215
- «Пять счастливых дней...» (Памяти Антонины) 296
- «Разговаривает ветер...» 385
- «Разгорелась печка...» (Старомодное) 524
- «Разрушена души структура...» 295
- «Рано в этом году...» 457
- «Рано утром приходят в скверы...» (Белые стихи. (Рембо в Париже)) 98
- «Раньше нужно было умирать...» (Выздоровление) 490

- Раскольников («Бойтесь совестливых, старушки...») 484
 «Расположенье на листе...» (Пярнуские элегии, XV) 242
 «Распутица. Разъезжено. Размято...» 179
 Рассвет («Светало. Воздух был глубок...») 200
 «Рассвет в огромном дереве...» (Весна, III) 322
 Рассвет в Пярну («Светает поздно. К девяти...») 236
 «Расставанье...» 157
 «Рассчитавшись с жаждою и хламом...» 289
 «Рассчитаемся не мы — потомки...» (Идиллия на потом; Беатриче, <15>) 356
 Реанимация («Я слышал так: когда в бессильном теле...») 269
 Ревность («Я влюблен. Мне пятнадцать. Она холодна...») 290
 Рем и Ромул («Когда совсем свихнутся люди...») 177
 Рембо в Париже см. Белые стихи
 Ремонт («Ремонтируют крышу...») 534
 «Ремонтируют крышу...» (Ремонт) 534
 Реплика Данте («О, вы ее не знаете!...»; Беатриче, <16>) 357
 Рецензия («Все есть в стихах — и вкус, и слово...») 231
 Рисунки («Как весело рисуют дети...») 127
 Рихтер («Крыло рояля. Руки Рихтера...») 287
 «Родину люблю не за взаимность!...» 505
 Рождение («Как странно, что за сорок с лишним лет...») 137
 Рождество Александра Блока («В тумане старые дворцы...») 166
 Романс («Прости — прощай!»— мелодию такую...») 466
 Романс («Поворожи, цыганка...») 332
 Романс седьмого дня («Когда от всех твоих любвей неясных...») 215
 Романтическая баллада («Дремлет в будке пес-собакин...») 171
 «России нужны слова о России...» (Ода) 316
 «Россия одинока в мире...» 512
 Рубеж («Свет фар упирается в ливень...») 61
 Рубка леса («Слыхали, как летит лесина...») 481
 «Рукоположения в поэты...» (Старик Державин) 129
 «Рученьки мои устали...» 396
 «Рушники, расшитые цветами...» (Мария; Из цикла «Дорога на Польшу», II) 433
 Рябина («Так бы длинно думать...») 155
 «Рябины легкое вино...» (Колорит) 397
- «С любовью дружеской и братской...» (Три стихотворения, 1) 562
 «С повышенной самооценкой...» 553
 «С постепенной утратой зренья...» 200
 «С утра худые сосняки...» 507
 С эстрады («Вот я перед вами стою. Я один...») 145
 «Сад подобен светлым ризам...» 521
 «Сад — это вовсе не природа...» 336
 Самозванец («Как мы встанем с клинками...») 329
 Сандрильона («Сандрильона ждет карету...») 277
 «Сандрильона ждет карету...» (Сандрильона) 277
 «Свежо кричат вороны...» 249
 «Свет фар упирается в ливень...» (Рубеж) 61

- «Светает поздно. К девяти...» (Рассвет в Пярну) 236
 «Светало. Воздух был глубок...» (Рассвет) 200
 «Светлорогая полночь висит над землей...» 511
 «Светлые печали...» 331
 Свободный стих («В третьем тысячелетье...») 208
 Свободный стих («Профессор Уильям Росс Эшби...») 144
 Свободный стих («Свободный стих...») 235
 «Свободный стих...» (Свободный стих) 235
 Свободный стих («Я рос соответственно времени...») 264
 «Свободы нет. Порыв опасный...» (Три стихотворения, 3) 563
 Святогорский монастырь («Вот сюда везли жандармы...») 168
 Северянин («Отрешенность эстонских кафе...») 304
 Семен Андреич («Помню! Синявинские высоты...») 63
 Сентиментальная весна («Весна, сентиментальный друг...») 515
 Сибирь («Сибирь! О, как меня к тебе влечет...») 448
 «Сибирь! О, как меня к тебе влечет...» (Сибирь) 448
 Сиглигет («В той Венгрии, куда мое везенье...») 154
 «Синяя поздняя осень...» 365
 «Скажи себе: "Не укради!"...» (Заповедь) 410
 «Скажете, гражданин, как здесь пройти...» (Поэт и гражданин) 187
 «Скажите, правда ли рассудок...» (Из цикла «Разговор с друзьями», I) 431
 Сказка («Мальчик строил лодку...») 85
 «Сколько здесь явилось чар...» 306
 Скоморохи («Идут скоморохи по тусклым дорогам...») 319
 Скоморошина («Поводырь ведет слепого...») 212
 «Скорей, скорей! Кончай игру...» (Матадор) 128
 «Скрежещет ветка о стекло...» 498
 «Скрепляют болезни и смерти...» 268
 «Скучно жить, питаюсь славой...» 521
 «Слабы, суетны, подслеповаты...» (Поэты) 463
 «Слава Богу! Слава Богу!...» 111
 «Слепого мальчика ведет собака...» 547
 «Слепой прозрел. И что увидел?...» (Прозреванье) 504
 Слепые («Слепые в крематории...») 459
 «Слепые в крематории...» (Слепые) 459
 Слова («Красиво падала листва...») 114
 «Словно красавица, неприбранная, заспанная...» (Апрель) 84
 «Словно пестрая корова...» (Птицы, III) 322
 Слово («Ты меня в ладони не уложишь...») 452
 «Слово льется...» 473
 Слово о Богородице и русских солдатах («За тучами летучими...») 423
 «Служенье памяти!..» 510
 «Слыхали, как летит лесина...» (Рубка леса) 481
 «Слышно все. В соседней улице...» 370
 Смерть дирижера («Дирижер, дирижер...») 485
 Смерть Ивана («Помирает царь, православный царь!..»; Стихи о царе Иване, <4>) 71

- Смерть императора Максимилиана (Чешская баллада) («В строгом замке, что квадратом...») 227
- «Смерть не врет. Она открыта...» 519
- Смерть поэта («Я не знал в этот вечер в деревне...») 159
- Смех в отдаленье («Смех молодых женщин: впереди...») 325
- «Смех молодых женщин: впереди...» (Смех в отдаленье) 325
- Смотрины («...Его привел под локоть некий чин...») 371
- «Смысл истории, значенье лиц...» 405
- «Сначала только пальцем...» (Море) 148
- «Сначала я тебе признался в том...» 539
- «Снег все же начал таять. Суть...» (После суровой зимы) 347
- «Снег сухой, как зубной порошок...» 156
- Снежный лифт («Все сегодня легко, свежо...») 77
- «Собака пела. (Та, что у попа...» (Собачий вальс (Из поэмы «Филей») 244
- Собачий вальс (Из поэмы «Филей») («Собака пела. (Та, что у попа...») 244
- Советчики («Приходили ко мне советчики...») 118
- «Современность, прущая на рожон...» 486
- «Соври, что любишь! Если ложь...» (Беатриче, <10>) 355
- В. Соколову («Какая это все мура...») 338
- Солдат и Марта («Любимая, не говори...») 201
- Соловьи Ильдефонса-Константы («Ильдефонс-Константы Галчинский дирижирует соловьями...») 164
- «Соловьи не прельщаются мотивом...» 475
- Соловьиная улица («Тучей шла сирень, лавиной...») 104
- Сон («Какая-то странная книга...») 283
- Сопровителенье («Так наступает нелюбовь...») 546
- «Сорок лет. Жизнь пошла за второй перевал...» 107
- «Сорок первый...» (Офицеры его величества) 79
- 45-я Гайдна («Исчерпан разговор. Осточертели речи...»; Беатриче, <11>) 355
- Сороковые («Сороковые, роковые...») 110
- «Сороковые, роковые...» (Сороковые) 110
- Софья Палеолог («Отмерено добро и зло...») 60
- «Спасаться от огня и от набега...» (Партизаны) 344
- «Сперва сирень, потом жасмин...» 233
- «Спи, Мария, спи...» (Три стихотворения, I) 265
- «Сплошные прощанья! С друзьями...» 310
- «Спотыкался на стыках...» (Деревянный вагон) 122
- «Средь бесконечных русских споров...» (Поэт) 222
- Средь шумного бала («Когда среди шумного бала...») 251
- «Срубленное дерево не встанет...» 539
- «Становлюсь постепенно поэтом...» 479
- Стансы («Начнем с подражанья. И это...») 253
- Старая Вильна см. Утро. Старая Вильна
- Старая мама («Как червячок...») 344
- Старая песня («Открываются новые страны...») 464
- Старик («Старик с мороза вносит в дом...») 100
- Старик («Удобная, теплая шкура — старик...») 223

- Старик Державин («Рукоположения в поэты...») 129
 Старик и домовый («Мог бы я давно уехать к сыну...») 560
 «Старик с мороза вносит в дом...» (Старик) 100
 Старомодное («Разгорелась печка...») 524
 «Старость. Сколько протяну...» 552
 «Старушечье существование...» 180
 Старый город («Трудолюбивые пейзажи...») 103
 Старый сад («Забор крапивою зарос...») 174
 Старый Тютчев («Всю дряблость ноября с шатанием и скрипом...») 317
 Старый цирк (1—3) 405
 «Старых сней медвежьи барабаны...» (Утро) 127
 «Стих из девятнадцатого века...» (Традиционный стих) 417
 «Стих небогатый, суховатый...» 108
 «Стих Слуцкого. Он жгуч...» 295
 Стихи и проза («Мужицкий бунт — начало русской прозы...») 216
 Стихи о Дельвиге (I—II) 218
 Стихи о Польше (I—II) 213
 Стихи о царе Иване (I—IV; В тумане) 68; 452
 «Стихи читаю Соколова...» 234
 «Стоит белый камень...» (Про охотника) 306
 «Стоишь, плечами небо тронув...» (Крылья холопа) 66
 «Стояла осень. Воздух чист...» 522
 «Стояли они у картины...» («Грачи прилетели») 383
 «Стоят дубы с обнаженными сучьями...» (Первый гром) 84
 «Стоят у околицы женщины...» (О солдатской любви) 425
 «Странно мне, что с приближеньем смерти...» (Три отрывка, 2) 411
 «Странно стариться...» 133
 Страсть («В страстях, в которых нет таланта...»; Беатриче, <8>) 354
 Страх («Чей-то голос звучит у заплота...») 461
 «Стремление к уходу...» (Бегство Толстого) 544
 «Стройность чувств. Их свободные речи...» 137
 «Стройный мост из железа ажурного...» (Мост) 85
- «Та война, что когда-нибудь будет...» 143
 Тайный летописец («Вот мое милое дело...») 496
 «Так березник беспечен, словно он...» (Березняк) 178
 «Так бы длинно думать...» (Рябина) 155
 «Так за день устаю от битвы с ветряками...» (Дон Кихот; Беатриче, <6>) 353
 «Так наступает нелюбовь...» (Сопrotивленье) 546
 «Так рубят лозу на скаку...» 442
 «Так с тобой повязаны...» (Под утро; Беатриче, <17>) 357
 «Таким, как ты придумала меня...» 473
 Таланты («Их не ждут. Они приходят сами...») 106
 «Талин — тайное обиталище...» (Два стихотворения, 1) 488
 Таллинская песенка («Хорошо уехать в Талин...») 163
 «Там Анна пела с самого утра...» (Пестель, поэт и Анна) 150
 «Там дуб в богатырские трубы...» 186
 «Там наконец, как пуля из ствола...» (Предместье) 162

- «Тарахтят паровозы на потных колесах...» (Муза) 61
«Творец, вдохновенью доверься...» (Назначенье) 346
«Тебе всегда играть всерьез...» (Актрисе) 282
«Тебе свою судьбу вручил навек...» 283
«Тебя люблю. С тобою буду...» 527
«Тебя мне память возвратила...» 290
Телевизоры («Начинают отмирать...») 123
Телеграфные столбы («Телеграфные столбы...») 88
«Телеграфные столбы...» (Телеграфные столбы) 88
«Теперь вы плачете. А где ж вы были...» 309
«Теперь уже знаю...» 503
«Тихо тенькает синичка...» 527
Тишина («На толстых ветках шапки снега...») 173
«То осень птицы легче...» 182
«То, что от меня пошло...» 413
«То, что тайно живет в подсознание...» 295
«Тогда любовью нашей грешной...» 529
«Тогда я был наивен...» 304
Томление Курбского («Над домами, низко над домами...»; Стихи о
царе Иване, <3>) 70
«Торопимся, борясь за справедливость...» (Легкая сатира) 175
«Тоски ледяной гребешок...» 192
«Тот дивный, давний спор...» 180
«Тот же вялый балтийский рассвет...» 281
«Тот запах вымытых волос...» (За городом) 345
Традиционный стих («Стих из девятнадцатого века...») 417
Тревога («Долго пахнут порохом слова...») 67
Три наброска (1—3) 387
Три отрывка (1—3) 411
Три стихотворения (1—3) 562
Три стихотворения (I—III) 265
«Трудна России демократия...» 550
«Трудней всего выздоровление памяти...» 380
«Трудолюбивые пейзажи...» (Старый город) 103
«Туман, туман, туман...» 195
«Тучей шла сирень, лавиной...» (Соловьиная улица) 104
«Тщеславье — грех. И может быть большой...» 402
«Ты, Боян, золотой соловей...» 179
«Ты в стихе как на духу...» 520
«Ты мало грозен был, Иван...» (В тумане. (Из стихов о царе
Иване)) 452
«Ты меня в ладони не уложишь...» (Слово) 452
«— Ты моей никогда не будешь...» (Баллада) 312
«Ты нам пожертвовала...» 541
«Ты не добра...» (Беатриче, <27>) 361
«Ты не торопи меня, не трогай...» 65
«Ты — окружённый гарнизон...» 502
«Ты подарила мне вину...» (Беатриче, <7>) 354
«Ты скажи, в стране какой...» (Прощание юнака; Балканские
песни, 2) 204

- «Ты скажи, чем тебя я могу одарить?...» (Беатриче, <26>) 361
 1942 («Паек уменьшен был на треть...») 429
 1944-й («Польских смуг невольный современник...»; Стихи о Польше, <2>) 214
 1939-й («Вперед на прицел и на целик...»; Стихи о Польше, <1>) 213
 «Тяжел уже стал. Никуда не хочу...» 301
 «Тяжелое небо набрякло, намокло...» (Ночная гроза) 128
- «У зим бывают имена...» (Названья зим) 149
 «У меня пред тобою вина...» 285
 «У нас с тобой каникулы...» (Автобусная остановка «Лауре»; Беатриче, <2>) 351
 У окна («Кто-то движется в окне...») 563
 У печки («В печи березу жрет огонь...») 401
 «Убившему себя рукой...» (Прощание) 258
 Убиение Углицкое («Был Федор добрый царь...») 341
 «Увижу рассвет за венозным окном...» (День; Беатриче, <5>) 352
 «Увлечены порывом высшим...» 298
 «Удобная, теплая шкура — старик...» (Старик) 223
 «Уж лучше на погост...» 301
 «Уйти, раствориться в России...» 365
 «Умеренность и аккуратность! Что ж...» (Монолог Молчалина) 555
 «Упущенных побед немало...» 225
 «Усложняюсь, усложняюсь...» 254
 «Уставший от утрат...» 549
 «Устал. Но все равно свербишь...» (Беатриче, <21>) 359
 «Утраченное мне дороже...» (Пярнуские элегии, XIII) 242
 Утро («Старых пней медвежьи барабаны...») 127
 Утро. Старая Вильна («Когда еще над старой Вильной...») 483
 «Утром, только солнцу встать...» (Зимние стихи) 94
 Учитель и ученик («У ч и т е л ь. Видимо, тебе не впрок...») 271
 «У ч и т е л ь. Видимо, тебе не впрок...» (Учитель и ученик) 271
 «Учусь у вас достоинству и трудной...» (Анне Ахматовой) 481
- «Фантазия — болезнь причин и следствий» (Фантазия; Беатриче, <24>) 360
 Фантазия («Фантазия — болезнь причин и следствий»; Беатриче, <24>) 360
 Фантазия о Радноти («В сорок пятом году...») 303
 Фейерверк («Музыкантам, музыкантам...») 170
 «Фердинанд, сын Фердинанда...» (Маркитант) 220
 Финал («Любить, терзать, впадать в отчаянье...»; Беатриче, <32>) 363
 «Фонари погасли под шатром...» (После представления; Старый цирк, 1) 405
 «Фотографирует себя...» (Фотограф-любитель) 140
 Фотограф-любитель («Фотографирует себя...») 140
 «Фрегат летит на риф...» 564
- «Химера самосохраненья!..» 156
 Хлеб («Не попрекайте хлебом меня. Не до веселья...») 263

- Хлебников («Не думал про стихосложение...») 402
 «Ходили к нам шарманщики...» (Двор) 471
 «Ходит Иван по ночному покою...» (Иван и холоп; Стихи о царе Иване, <2>) 69
 «Ходят кони по елани...» (За Непрядвой) 294
 Холод («Этот холод — до чего приятен...») 475
 «Хорошо уехать в Таллин...» (Таллинская песенка) 163
 «Хотел бы сказать тебе...» (Песня без слов) 339
 «Хотел бы я жить, как люблю и умею...» 503
 «Хотел бы я не умереть...» 312
 «Хочется мирного мира...» 115
 «Хочу, чтобы мои сыны...» 184
- «Цареубийство мне претит...» (Декабрист) 291
 «Цель людей и цель планет...» (Батюшков) 324
 Цирк («Отцы поднимают младенцев...») 91
 Цыгане («Нас в детстве пугали няни...») 305
- «Чайка летит над своим отраженьем...» 277
 Часовой («Нельзя не сменять часового...») 253
 Часовщик («Бывает, рядом человек...») 136
 «Чей-то голос звучит у заплота...» (Страх) 461
 «Чем более живу, тем более беспечной...» 231
 «Чем, собственно, живопись хуже...» 231
 Черновик («Весна! (Зачеркнуто) Прекрасный март...») 531
 Черновики («Два года я писал в одну тетрадь...») 225
 Черный тополь («Не белый цвет и черный цвет...») 86
 «Чет или нечет?...» (Пярусские элегии, XVI) 242
 «Читаю умный свой дневник...» • 474
 Читая фантаста («Что, если море — мыслящее существо...») 153
 «Что за жалкие эти уловки...» 288
 «Что за радость! Звуки шторма...» 256
 «Что за странная забота...» 297
 «Что значит наше поколение?...» (Итог) 530
 «Что, если море — мыслящее существо...» (Читая фантаста) 153
 «Что надобно солдату?...» 297
 «Что остается? Поздний Тютчев?...» (Два стихотворения, II) 249
 «Что полуправда? — Ложь!...» (М. Козакову) 384
 «Что сказать официанткам...» 507
 «Что-то вдруг забыл о том, что юным...» 545
 «Что-то вылепится...» 181
 «Чудо — познаваемость вселенной...» 335
 «Чужая мне принадлежала...» 465
 Чужие души («Я научился видеть лица...») 462
- Шарманщик («Шарманщик гуляет по свету...») 315
 «Шарманщик гуляет по свету...» (Шарманщик) 315
 «Шел старичок традиционный...» (Глобус) 400
 «Шипит рубанок...» (Новоселы) 74
 «Шли мимо Молчановок...» (Жаворонок) 480

Шуберт Франц («Шуберт Франц не сочиняет...») 113
«Шуберт Франц не сочиняет...» (Шуберт Франц) 113

Элегия («Дни становятся все сероватей...») 75
Эстимаа («Здесь к городам веселой трезвой Ганзы...») 247
«Эта плоская равнина...» 254
«Этой скромной нешумной весне...» 470
«Этот нежный, чистый голос...» 265
«Этот холод — до чего приятен...» (Холод) 475

«Я был в Москве и понял...» 514
«Я был не слишком добрым...» 288
«Я в этой жизни милой...» 324
«Я вас измучил не разлукой — возвращеньем...» (Беатриче, <19>) 358
«Я вдаль ушел. Мне было грустно...» 324
«Я вел расстреливать бандитку...» (Бандитка) 446
«Я, вероятно, не поэт войны...» (Вероятно) 502
«Я верю в нас. И это свято...» 444
«Я видел, как поджав колени...» 155
«Я влюблен. Мне пятнадцать. Она холодна...» (Ревность) 290
«Я вновь покинул Третий Рим...» (Прощание) 428
«Я все время ждал морозов...» 250
«Я вырос в железной скворешне...» (Железная скворешня) 88
«Я вышел ночью на Ордынку...» 103
«Я глядел на падучие звёзды...» 469
«Я ехал по холмам Богемии...» 173
«Я задаю вопросы, на которые...» 537
«Я застаю памятью...» (Память) 146
«Я, как контрабандист запретные товары...» (Переводчик) 551
«Я люблю ощущение ушедших годов...» 234
«Я люблю этих бедных пиитов...» (Неизвестные поэты) 278
«Я — маленький, горло в ангине...» (Из детства) 88
«Я многого хочу...» 325
«Я наконец свободен...» 536
«Я наконец услышал море...» 89
«Я написал стихи о нелюбви...» (Беатриче, <31>) 362
«Я научился видеть лица...» (Чужие души) 462
«Я не знал в этот вечер в деревне...» (Смерть поэта) 159
«Я никогда не пребывал...» 289
«Я очень люблю деревья...» 93
«Я переполненный тобой...» 487
«Я потерял богатство...» (Осень) 496
«Я приходил. И клал стихи на стол...» 558
«Я рад, что промахнулся, Генрих Бёль...» 478
«Я разлюбил себя. Тоскую...» (Бессонница) 276
«Я рано встал. Не подумав...» 131
«Я рос соответственно времени...» (Свободный стих) 264
«Я сделал вновь поэзию игрой...» 279
«Я сделал свой выбор. Я выбрал залив...» (Залив) 237
«Я слышал так: когда в бессильном теле...» (Реанимация) 269

- «Я слышал то, что слышать мог...» 305
«Я смерть свою забуду...» 243
«Я снова ощущаю трепет...» (Вдохновение; Из цикла «Разговор с друзьями», III) 432
«Я спал на вокзале...» (Охота на мамонта) 58
«Я стал теперь зависим от погоды...» 105
«Я тебя с ладони сдуну...» (Бабочка; Беатриче, <13>) 356
«Я теперь жилец Замоскворечья...» 508
«Я уже за третьим перевалом...» 292
«Я устарел, как малый юс...» 252
«Я ухожу постепенно...» 529
«Я учился языку у нянек...» 236
«Я, Шварц Бертольд, смиреннейший монах...» (Бертольд Шварц, Монолог) 122
«Язык, еще необработан...» (Конец XVIII; Три наброска, 1) 387
Ялutorовск («Незнатная птица Каховский...») 245
«Январь в слезах, февраль в дожде. Как усмотреть...» 415
«Яхт шелковые ветрила...» (Картина с парусами) 246
Ежегі... («Если бы я мог из ста поэтов...») 398

СОДЕРЖАНИЕ

Лирика Давида Самойлова. Вступительная статья А. Немзера 5

СТИХИ, ПОДГОТОВЛЕННЫЕ К ПЕЧАТИ АВТОРОМ

1. Плотники.....	57
2. Пастух в Чувашии	58
3. Охота на мамонта	58
4. К вечеру	59
5. Конь	60
6. Софья Палеолог	60
7. Перед боем	61
8. Муза	61
9. Рубеж	61
10—11. Катерина	62
1. «Баян спасает от тоски...»	62
2. «В стихах господствует закономерность...»	62
12. «Мы зябли, но не промерзали...»	62
13. «Берлин в просветах стен без стекол...»	63
14. Семен Андреич	63
15. «Ты не торопи меня, не трогай...»	65
16. «Извечно покорны слепому труду...»	65
17. «Город зимний...»	66
18. Крылья холопа	66
19. Тревога	67
20—23. Стихи о царе Иване	68
<1>. Мечта о море	68
<2>. Иван и холоп	69
<3>. Томление Курбского	70
<4>. Смерть Ивана	71
24. Осень сорок первого	72
25. «В переулке московском старинном...»	73
26. Новоселы	74
27. Элегия	75
28. «Жаль мне тех, кто умирает дома...»	77
29. Снежный лифт	77
30. Гончар	78
31. Офицеры его величества	79
32. В районном ресторане... ..	82
33. Подмосковье	83
34. Начало зимних дней	84
35. Апрель	84

36. Первый гром	84
37. Мост. («Стройный мост из железа ажурного...»)	85
38. На полустанке	85
39. Сказка	85
40. Черный тополь	86
41. Не спится	87
42. Телеграфные столбы	88
43. Из детства	88
44. Железная скворешня	88
45. «Я, наконец, услышал море...»	89
46. Идут разговоры	90
47. Зрелость	91
48. Цирк	91
49. Дует ветер	92
50. «Я очень люблю деревья...»	93
51. «И так бывает — в день дождливый...»	93
52. Золушка	93
53. Зимние стихи	94
54. «О много ли надо земли...»	95
55. Ночлег	95
56. Его слово	96
57. «Луч солнца вдруг мелькнет, как спица...»	97
58. Белые стихи (Рембо в Париже)	98
59. Полуфабрикаты	99
60. Атлант	100
61. Старик. («Старик с мороза вносит в дом...»)	100
62. Гитары	101
63. Наташа. («Неужто девушке Наташе...»)	102
64. «Я вышел ночью на Ордынку...»	103
65. Старый город	103
66. Соловьиная улица	104
67. «Давайте защитим людей...»	104
68. «Я стал теперь зависим от погоды...»	105
69. «Деревья в двадцатом веке...»	105
70. Аленушка	106
71. Таланты	106
72. Над Невой	107
73. «Сорок лет. Жизнь пошла за второй перевал...»	107
74. «Стих небогатый, суховатый...»	108
75. Осень («Вот опять споркнуло лето...»)	108
76. Заболоцкий в Тарусе	109
77. Болдинская осень	109
78. Сороковые	110
79. «Слава Богу! Слава Богу!»	111
80. Памяти А. Р.	112
81. Перебирая наши даты	112
82. Шуберт Франц	113
83. Слова	114
84. «Готовьте себя к небывалым задачам...»	114
85. «Хочется мирного мира...»	115

86. «Захотелось мудрым землянам...»	115
87. Вдохновение	116
88. «Подставь ладонь под снегопад...»	116
89. Дом-музей	117
90. Советчики	118
91. «Если вычеркнуть войну...»	119
92. «Дождь пришел в городские кварталы...»	120
93. Карусель	121
94. Деревянный вагон	122
95. Бертольд Шварц. (Монолог)	122
96. Телевизоры	123
97. Дядькин	124
98. Дневник. («Писал при свете фитилька...»)	125
99. Утро	127
100. Рисунок	127
101. Матадор	128
102. Ночная гроза	128
103. Старик Державин	129
104. Красная осень	130
105. Наташа («Круглый двор...»)	130
106. «Я рано встал. Не подумав...»	131
107. «О Господи, конечно, все мы грешны...»	132
108. «Музыка, закрученная туго...»	132
109. «Странно стариться...»	133
110. «Как объяснить тебе, что это, может статься...»	133
111. «Непонятны нам сыновья и дочери...»	134
112. «Давай поедem в город...»	134
113. Облака	135
114. Часовщик	136
115. На окраине	136
116. «Стройность чувств. Их свободные речи...»	137
117. Рождение	137
118. Колыбельная вполголоса	138
119. Дворик Мицкевича	138
120. Красота	139
121. Фотограф-любитель	140
122. Оправдание Гамлета	140
123. В деревне	142
124. «Все реже думаю о том...»	142
125. «Та война, что когда-нибудь будет...»	143
126. Свободный стих («Профессор Уильям Росс Эшби...»)	144
127. Голоса	144
128. С эстрады	145
129. Перед снегом	145
130. Память	146
131. Подросток	146
132. «Весь лес листвою переполнен...»	147
133. Позднее лето	147
134. Море	148
135. Конец Пугачева	148

136. Названия зим	149
137. «Вода моя! Где тайники твои...»	150
138. Пестель, поэт и Анна	150
139. «И всех, кого любил...»	152
140. Неореализм	152
141. Читая фантаста	153
142. Зима настала	154
143. Сиглигет	154
144. «Я видел, как поджав колени...»	155
145. В общежитии слепых	155
146. Рябина	155
147. «Химера самосохраненья!..»	156
148. «Снег сухой, как зубной порошок...»	156
149. «Получил письмо издалека...»	157
150. «Расставанье...»	157
151. Двор моего детства	158
152. Ветреный вечер	159
153. Смерть поэта	159
154. «Была туманная луна...»	161
155. Выезд	161
156. Предместье	162
157. На Дунае	162
158. Таллинская песенка	163
159. Марии	163
160. Соловьи Ильдефонса-Константы	164
161. Ночной сторож	164
162. «Вот и все. Смежили очи гении...»	165
163. «Был ливень. И вызвездил крону...»	166
164. Рождество Александра Блока	166
165. «Дай выстрадать стихотворенье!..»	168
166. Святогорский монастырь	168
167. Апрельский лес	169
168. Фейерверк	170
169. Романтическая баллада	171
170. Пустырь	172
171. «Я ехал по хólмам Богемии...»	173
172. Тишина	173
173. Старый сад	174
174. Зимние птицы	174
175. Легкая сатира	175
176. «Проснись однажды утром...»	175
177. «Вдруг обоймут большие шумы леса...»	176
178. «Листвой наполнены деревья...»	176
179. Рем и Ромул	177
180. Весенний гром	178
181. Березняк	178
182. «Распутица. Разъезжено. Размято...»	179
183. «Ты, Боян, золотой соловей...»	179
184. «Тот дивный, давний спор...»	180
185. «Старушечье существованье...»	180

186.	«Мне снился сон жестокий...»	180
187.	«Лишь изредка рождается в нас...»	181
188.	«Что-то вылепится...»	181
189.	«Неужели всю жизнь надо маяться!..»	182
190.	«То осень птицы легче...»	182
191.	«Не мысль, не слово — а под снегом...»	182
192.	«Мне снился сон. И в этом трудном сне...»	183
193.	«В воздухе есть напряженье...»	183
194.	«Хочу, чтобы мои сыны...»	184
195.	Михайловское	185
196.	«Кончался август...»	185
197.	Вторая легкая сатира	185
198.	«Там дуб в богатырские трубы...»	186
199.	«Кто устоял в сей жизни трудной...»	186
200.	Поэт и гражданин	187
201.	«Возвращенье от Анны...»	191
202.	Заздравная песня	191
203.	«Тоски ледяной гребешок...»	192
204.	«Березы, осины да елки...»	192
205.	«Вот в багровой листве и лазури...»	193
206.	«Здесь, в Таллине, бродили мы с Леоном...»	193
207.	«Для себя, а не для другого...»	194
208.	Купальщица	194
209.	«Одиночество — пошлая тема...»	194
210.	«И осень, которая вдруг началась...»	195
211.	«Туман, туман, туман...»	195
212.	При дожде	195
213.	Ночной гость	196
214.	Завсегдагай	198
215.	Подражание Феокриту	199
216.	Рассвет	200
217.	«С постепенной утратой зренья...»	200
218.	«Когда с досадой и печалью...»	200
219.	Солдат и Марта	201
220.	«Полночь под Иван-Купала...»	202
221—225.	Балканские песни	203
1.	Песня о кузнеце	203
2.	Прощание юнца	204
3.	Песня о построении Кладенца	205
4.	Песня о походе	206
5.	Песнь о друзьях Милоша	207
226.	Свободный стих («В третьем тысячелетье...»)	208
227.	Анна Ярославна	209
228.	«В августе, когда заголубели...»	210
229.	Отрывок	211
230.	«И тогда узнаешь вдруг...»	212
231.	Скоморошина	212
232—233.	Стихи о Польше	213
<1>.	1939-й	213
<2>.	1944-й	214

234. Пятеро	215
235. Романс седьмого дня	215
236. Стихи и проза	216
237. На смерть кузнечика	216
238. «Не оставляйте письма...»	217
239. «Не торопи пережитого...»	218
240—241. Стихи о Дельвиге	218
I. «Дельвиг. Ленъ. Младая дева...»	218
II. «Две жизни не прожить...»	218
242. Армения	219
243. «Выйти из дому при ветре...»	219
244. Маркигант	220
245. «Город ночью прост и вечен...»	221
246. «Вас соберу, красавицы мои...»	221
247. «Ветры пятнадцатых этажей...»	222
248. «Выпалось дитя. Развеселилось...»	222
249. Поэт	222
250. «Нам остается жить надеждой и любовью...»	223
251. «Отгремели грозы...»	223
252. Старик («Удобная, теплая шкура — старик...»)	223
253. «Вдруг странный стих во мне родится...»	224
254. «И ветра вольный горн...»	224
255. «Мой милый чтец!.. Ну что за слово...»	224
256. «Упущенных побед немало...»	225
257. «Надо себя сжечь...»	225
258. Черновики	225
259. «Наверное, слишком уверенно...»	226
260. «А слово — не орудье мести! Нет!..»	226
261. «Возвращаюсь к тебе, дорогая...»	226
262. Смерть императора Максимилиана. (Чешская баллада)	227
263. «Поэзия пусть отстает...»	228
264. Дезертир	229
265. Чем, собственно, живопись хуже...	231
266. «Чем более живу, тем более беспечной...»	231
267. Рецензия	231
268. «Не увижу уже Красногорских лесов...»	232
269. «И вот однажды ночью...»	232
270. «Сперва сирень, потом жасмин...»	233
271. Песенка для спектакля	233
272. «Я люблю ощущение ушедших годов...»	234
273. «Стихи читаю Соколова...»	234
274. «Надо так, разбираясь толково...»	234
275. «И что еще за странная привычка...»	235
276. Свободный стих («Свободный стих...»)	235
277. «Я учился языку у няnek...»	236
278. Рассвет в Пярну	236
279. «И снова все светло и бренно...»	236
280. Залив	237
281. «О бедная моя!..»	238
282. «Кто двигал нашу рукой...»	238

283—298. Пярнуские элегии.....	238
I. «Когда-нибудь и мы расскажем...»	238
II. «Красота пустынной рощи...»	238
III. «Круг любви распался вдруг...»	239
IV. «И жалко всех и вся. И жалко...»	239
V. «Здесь великие сны не снятся...»	239
VI. «Деревья прянули от моря...»	240
VII. «Когда замрут на зиму...»	240
VIII. «Как эти дали хороши!..»	240
IX. «Любить не умею...»	240
X. «Пройти вдоль нашего квартала...»	241
XI. «В Пярну легкие снега...»	241
XII. «Когда тайком колдует плоть...»	241
XIII. «Утраченное мне дороже...»	242
XIV. «Вдруг март на берегу залива...»	242
XV. «Расположение на листе...»	242
XVI. «Чет или нечет?...»	242
299. «Я смерть свою забуду...»	243
300. Приморский соловей	243
301. Собачий вальс. (Из поэмы «Филей»)	244
302. Ялуторовск	245
303. Звезда	245
304. Картина с парусами	246
305. «Может, за год два-три раза...»	246
306. «Как странны польские эмблемы...»	247
307. Эстимаа	247
308. Можно и так	248
309—310. Два стихотворения	248
I. «Он заплатил за нелюбовь Натальи...»	248
II. «Что остается? Поздний Тютчев?...»	249
311. «Какой-то ветер нынче дул...»	249
312. «Свежо кричат вороны...»	249
313. «Я все время ждал морозов...»	250
314. Начало поэмы	250
315. Среди шумного бала	251
316. «Я устарел, как малый юс...»	252
317. Часовой	253
318. Стансы	253
319. «Пусть нас увидят без возни...»	254
320. «Эта плоская равнина...»	254
321. «Усложняюсь, усложняюсь...»	254
322. Другу-стихотворцу	255
323. «Год рождения не выбирают...»	256
324. «Что за радость! Звуки шторма...»	256
325. Мороз	256
326. Погост	257
327. Афанасий Фет	258
328. Прощание («Убившему себя рукой...»)	258
329. Памяти юноши	261
330. Мастер	262

331. Хлеб	263
332. Воспоминания	264
333. Свободный стих («Я рос соответственно времени...»)	264
334. «Этот нежный, чистый голос...»	265
335—337. Три стихотворения	265
I. «Спи, Мария, спи...»	265
II. «Во сне мне послышался голос...»	266
III. «И вот уже больше недели...»	266
338. В духе Галчинского	267
339. «Скрепляют болезни и смерти...»	268
340. «Острая моя травина...»	268
341. «Был ли счастлив я в любви...»	269
342. Реанимация	269
343. Учитель и ученик. (Идиллия)	271
344. Конец лета	275
345. Мост («Мост с берега на берег...»)	276
346. «Начать сначала! Боже мой!..»	276
347. Бессонница	276
348. «Забудь меня и дни...»	277
349. «Чайка летит над своим отраженьем...»	277
350. Сандрильона	277
351. Неизвестные поэты	278
352. «Мы не меняемся совсем...»	278
353. Дневник («Листаю жизнь свою...»)	279
354. «Я сделал вновь поэзию игрой...»	279
355. «Дай мне нынче выйти в полночь...»	279
356. «Повтори, воссоздай, возверни...»	280
357. Леди Макбет	280
358. «Обратно крути киноленту...»	281
359. «Тот же вялый балтийский рассвет...»	281
360. Арсению Тарковскому	282
361. Актрисе	282
362. «Тебе свою судьбу вручил навек...»	283
363. Сон	283
364. «Деревья должны...»	284
365. «Мое единственное достояние...»	284
366. «Заросшая тропа теряется в степи...»	285
367. «Игра в слова — опасная забава...»	285
368. «У меня пред тобою вина...»	285
369. «Престранная наша профессия...»	285
370. «Зачем за жалкие слова...»	286
371. «Куда мне деваться от этих забот ежедневных...»	286
372. «Пахло соломой в сарае...»	287
373. «Нет слова ужасней, чем это...»	287
374. Рихтер	287
375. «Я был не слишком добрым...»	288
376. «Что за жалкие эти уловки...»	288
377. «Рассчитавшись с жаждою и хламом...»	289
378. «Я никогда не пребывал...»	289
379. Ревность	290

380.	«Тебя мне память возвратила...»	290
381.	«Надо идти все дальше...»	291
382.	Декабрист	291
383.	«Я уже за третьим перевалом...»	292
384.	«Можно ли считать себя счастливым...»	292
385.	Голоса за холмами	293
386.	«Поздно учиться играть на скрипке...»	293
387.	«Декабрь. Но не хватает снега...»	293
388.	За Непрядвой	294
389.	«Стих Слуцкого. Он жгуч...»	295
390.	«Разрушена души структура...»	295
391.	«То, что тайно живет в подсознание...»	295
392.	Памяти Антонины	296
393.	«В какие-то новые дали...»	297
394.	«Что надобно солдату?...»	297
395.	«Что за странная забота...»	297
396.	«Запиши мне в жизнь кусок...»	298
397.	«Увлечены порывом высшим...»	298
398.	Двойник	298
399.	Дуэт для скрипки и альта	299
400.	«Думать надо о смысле...»	300
401.	«Тяжел уже стал. Никуда не хочу...»	301
402.	«Мне выпало счастье быть русским поэтом...»	301
403.	«Уж лучше на погост...»	301
404.	«Жизнь сплетает свой сюжет...»	302
405.	«Милая жизнь! Протеканье времен...»	302
406.	Фантазия о Радноти	303
407.	«Тогда я был наивен...»	304
408.	Северянин	304
409.	«Я слышал то, что слышать мог...»	305
410.	Цыгане	305
411.	«Сколько здесь явилось чар...»	306
412.	Про охотника	306
413.	Про Ванюшку	307
414.	«В этот час гений садится писать стихи...»	307
415.	«Перестрадаю, переболею...»	308
416.	«Когда-нибудь я к вам приеду...»	308
417.	«Поэзия должна быть странной...»	308
418.	«Примеряться к вечным временам...»	309
419.	«Теперь вы плачете. А где ж вы были...»	309
420.	Песенка гусара	309
421.	«Сплошные прощанья! С друзьями...»	310
422.	«Допиться до стихов...»	311
423.	«Да, мне повезло в этом мире...»	311
424.	«А мы куда-то мчались...»	311
425.	«Хотел бы я не умереть...»	312
426.	«В последний раз со старым другом...»	312
427.	Баллада	312
428.	Камень	313
429.	«В деревьях около воды...»	314

430. «Купаться в ключевой воде...»	314
431. «Не исповедь, не проповедь...»	314
432. Шарманщик	315
433. «Надоели поэтессы...»	316
434. «И встану я. И слово канет...»	316
435. Ода	316
436. «И вот я встал, забыл, забылся...»	317
437. Старый Тютчев	317
438. «А если мир погибнет весь?..»	318
439. Гроза	318
440. «Когда сумеем угадать...»	319
441. Скоморохи	319
442. «И к чему ни прислушайся — все перепев...»	320
443. «Заскоружные слова мои...»	320
444—446. Весна	321
I. «Вдруг становится хорошо...»	321
II. «Все тянет меня к Подмоскovie...»	321
III. «Рассвет в огромном дереве...»	322
447—450. Птицы	322
I. «О, как я птиц люблю весенних...»	322
II. «Музыка играет...»	322
III. «Словно пестрая корова...»	322
IV. «Люблю я март...»	323
451. «Не мешай мне пить вино...»	323
452. «Я в этой жизни милой...»	324
453. «Я вдаль ушел. Мне было грустно...»	324
454. Батюшков	324
455. «— О люди, о люди! — вопит Прометей...»	325
456. «Я многого хочу...»	325
457. Смех в отдаленье	325
458. Облики облака	326
459. Ожиданье пришествия	326
460. Песенка	327
461. «Всю ночь сегодня буря выла...»	328
462. «Здесь, вдали, неизвестно — кто умер, кто жив...»	328
463. Зима	328
464. Самозванец	329
465. «Люблю тебя, Литва! Старинная вражда...»	329
466. «Вечность — предположение —...»	330
467. «Перед тобой стоит туман...»	330
468. «Луна взошла. Спасибо ей!..»	331
469. «Светлые печали...»	331
470. «Отвези меня в Грузию! Здесь я хочу умереть...»	331
471. «Не преуменьшать...»	332
472. Романс («Поворожи, цыганка...»)	332
473. «Играй, Игнат, греми, цимбал!..»	333
474. «Познать свой век не в силах мы!..»	334
475. Ночная прогулка	334
476. «Чудо — познаваемость вселенной...»	335
477. «Когда кругом цветут сады...»	335

478. «Когда уже надежды нет...»	335
479. «Сад — это вовсе не природа...»	336
480. «А на рассвете дрозд поет...»	336
481. «Знаю: дерево это в июне...»	337
482. «Путь мой юный, свет мой ранний...»	337
483. «Какой могучий ветер...»	337
484. В. Соколову	338
485. «Водил цыган медведя...»	338
486. Песня без слов	339
487. «Закатам облака к лицу...»	339
488. «А помнишь, ты была тогда...»	340
489. Пушкин по радио	340
490. Убиение Углицкое	341
491. «В мире многообразном...»	343
492. Старая мама	344
493. Партизаны	344
494. Могила поэта	344
495. Зимний комар	345
496. За городом	345
497. «Мороз! Накликал сам! Ведь слово — колдовство!...»	346
498. Назначенье	346
499. В ночном	347
500. После суровой зимы	347
501. Осень («В уходе есть свое величье...»)	348
502. «Нам надо бы закрыться...»	348
503. Диалектика	350
504—536. Беатриче	350
<1>. Беатриче	351
<2>. Автобусная остановка «Лаури»	351
<3>. «Ждать не умею! Вмиг! Через минуту!...»	352
<4>. «Желанье и совесть — две чаши...»	352
<5>. День	352
<6>. Дрон Кихот	353
<7>. «Ты подарила мне вину...»	354
<8>. Страсть	354
<9>. «Вот в эту пору листопада...»	354
<10>. «Соври, что любишь! Если ложь...»	355
<11>. 45-я Гайдна	355
<12>. «Не для меня вдевают серьги в ушки...»	355
<13>. Бабочка	356
<14>. «Ах, наверное, Анна Андревна...»	356
<15>. Идиллия на потом	356
<16>. Реплика Данте	357
<17>. Под утро	357
<18>. «Действительно ли счастье — краткий миг...»	358
<19>. «Я вас измучил не разлукой — возвращеньем...»	358
<20>. Она	359
<21>. «Устал. Но все равно свербишь...»	359
<22>. «Веселой радости общенья...»	359
<23>. «Как я завидую тому...»	360

<24>. Фантазия	360
<25>. «В меня ты бросишь грешные слова...»	360
<26>. «Ты скажи, чем тебя я могу одарить?..»	361
<27>. «Ты не добра...»	361
<28>. «Простите, милые, ведь вас я скоро брошу...»	361
<29>. На рассвете	362
<30>. «Жалость нежная пронзительней любви...»	362
<31>. «Я написал стихи о нелюбви...»	362
<32>. Финал	363
<33>. Последний проход Беатриче	363
537. «Конец системы самооправдания...»	364
538. «Есть спор двух душ слиянных — о разъятье...»	364
539. Вечером	365
540. «Уйти, раствориться в России...»	365
541. «Синяя поздняя осень...»	365
542. «Был год неустройства и слома...»	366
543. «Ну что за эхо! Миллионы раз...»	366
544. «А иногда в туманном освещенье...»	366
545. Королевская шутка	367
546. Лирика	368
547. «Не верь уверениям, наивный...»	369
548. «Добивайтесь, пожалуйста, смысла...»	369
549. «В кругокрышем пярнуском доме...»	370
550. «Слышно все. В соседней улице...»	370
551. Смотрины	371
552. Баллада о конце света. (Из блокнота 41 года)	372
553. Песня ясеневого листка	374
554. Андалузская баллада	376
555. Притча о сыновьях Уцы	377
556. Кабаретная баллада	379
557. «Трудней всего выздоровленье памяти...»	380
558. «Овсяночки, малиновки, щеглы...»	381
559. Поэтика	381
560. «Меня ты не отпустишь. Осторожно...»	382
561. Валя-Валентина	382
562. Велес	383
563. «Грачи прилетели»	383
564. М. Козакову	384
565. «Разговаривает ветер...»	385
566. «Мать ушла. И тонкий полог...»	386
567. «Птичка маленькая пела...»	386
568. Польша—звезда	386
569—571. Три наброска	387
1. Конец XVIII	387
2. Конец XIX	388
3. Маяковский отмаячил	388
572. Вознесение Аугуста Лима	388
573. Малолеток	393
574. «Не кажется ли, что наивней...»	395
575. «День выплывает из-за острова...»	395

576. Лаборатория поэта	396
577. «Рученьки мои устали...»	396
578. Маша	396
579. Колорит	397
580. Два голоса	398
581. Ехеді...	398
582. Весомая осень	399
583. Глобус	400
584. «А вот и старость подошла...»	401
585. У печки	401
586. «Владеть всем тем, чем нам дано...»	401
587. «Тщеславье — грех. И может быть большой...»	402
588. Хлебников	402
589. «Когда бы спел я, наконец...»	403
590. «Напиши мне, богомаз...»	403
591. «Поверить новым временам...»	403
592. «Жить так: без жалоб и обид...»	404
593. «Несовпадения в пространстве...»	404
594. Линия	404
595. «Смысл истории, значение лиц...»	405
596. «Игра со временем — не с нашим и не с прошлым...»	405
597—599. Старый цирк	405
1. После представления	405
2. Бим и Бом	406
3. Лев в неволе	406
600. Дождь («Дождь пахнет мокрой собакой...»)	407
601. «Начать с себя. Не ждать, куда...»	408
602. Памфлет	408
603. Переменная погода	409
604. Заповедь	410
605. Альфонсасу Малдонису	410
606—608. Три отрывка	411
1. «"Кара! Кара!" — крикнул ворон...»	411
2. «Странно мне, что с приближеньем смерти...»	411
3. «Вот что доступно только гениям...»	411
609. «К Маяковскому возвращаться?...»	412
610. «В памяти угасла строчка...»	412
611. «От византийской мощи...»	412
612. «То, что от меня пошло...»	413
613. «Вспоминай про звезды неба...»	413
614. «Не время ли, чтоб полюбовно...»	413
615. «Вот еще один ушел...»	414
616. Пробуждение	414
617. «Январь в слезах, февраль в дожде. Как усмотреть...»	415
618. Поговорим о дряни	415
619. «Покаяньям публичным не верится...»	415
620. «Остренький листок как свечка...»	416
621. «Простое величье я видел однажды...»	416
622. Традиционный стих	417
623. «Меня не трогайте! Я занемог...»	417

624. Пора!	417
625. «Подстригай и прореживай кроны...»	419
626. Импрессионизм	419

СТИХИ, АВТОРОМ НЕ ПУБЛИКОВАВШИЕСЯ

627. «Когда, туман перевозмогая...»	421
628. Маяковский	421
629. «Опять Гефест свой круглый щит куёт...»	422
630. Отступление	423
631. «Как пахнет Самарканд зимой...»	423
632. Слово о Богородице и русских солдатах	423
633. «Прости мне горькую досаду...»	425
634. О солдатской любви	425
635. «Как смеют женщину ругать...»	427
636. «В колокола не звонят на Руси...»	428
637. Прощание («Я вновь покинул Третий Рим...»)	428
638. Девочка	429
639. 1942	429
640. Атака («Перед атакой пили ром... »)	430
641—644. Из цикла «Разговор с друзьями»	431
I. «Скажите, правда ли рассудок...»	431
II. «О, нужно ли спускаться с Марса!...»	431
III. Вдохновение	432
IV. «Нет! Мы не просто честолюбцы!...»	432
645—648. Из цикла «Дорога на Польшу»	433
I. «Мы в старый дом вошли. А стужа...»	433
II. Мария	433
III. Прибытие в Ковель	433
V. Бяла Подляска	434
649. Атака («Приказ проверить пулеметы...»)	435
650. Пастернаку	437
651. Дом на Седлецком шоссе	438
652. «Вы просите стихов. Их нет...»	439
653. Дом у дороги	439
654. В шесть часов вечера после войны	440
655. Божена	441
656. «Так рубят лозу на скаку...»	442
657. «Зачем кичимся мы и спорим...»	443
658. «Я верю в нас. И это свято...»	444
659. Бабельсберг. (1945)	445
660. Бандитка	446
661. Павлу Когану	447
662. Сибирь	448
663. И<лье> Л<ьвовичу> С<ельвинскому>	449
664. «Пора бы жить нам научиться...»	449
665. «А вдруг такая тьма наступит...»	450
666. В гости	450
667. Слово	452

668. В тумане. (Из стихов о царе Иване)	452
669—671. Марине Цветаевой	453
1. «Много слов о тебе говорилось...»	453
2. «Марина, Марина...»	454
3. «Назначение поэта...»	455
672. На Оби	455
673. «Золотая моя, как же так? как же вдруг?...»	456
674. «В каком нас горниле ни плавило...»	456
675. «Рано в этом году...»	457
676. «Когда я умру, перестану...»	458
677. Слепые	459
678. Презренье	459
679. Жил стукач	460
680. «Извилисты тихие реки...»	461
681. Страх	461
682. Чужие души	462
683. «Пусть недостаток и убыток...»	462
684. Поэты	463
685. «Как поумнел я с той поры...»	463
686. «Какой нам странный март подарен!..»	464
687. Старая песня	464
688. «Чужая мне принадлежала...»	465
689. Грусть	465
690. Романс («Прости — прощай!» — мелодию такую...»)	466
691. «Проводила в путь последний...»	467
692. «Когда любовь развеялась, истлела...»	467
693. «Как медленно листва...»	467
694. «Запахло весной невесомой...»	468
695. «Мальчики уходят на войну...»	468
696. «Я глядел на падающие звёзды...»	469
697. «Плачет женщина чужая...»	469
698. «Этой скромной нешумной весне...»	470
699. «Не ломайте ее, не ломайте...»	470
700. Двор	471
701. «В каком хитросплетенье генов...»	472
702. «— Не отрывайся, — мне сказали...»	472
703. «Таким, как ты придумала меня...»	473
704. «Слово льется...»	473
705. «Читаю умный свой дневник...»	474
706. «И вот опять арбатские проулки...»	474
707. Холод	475
708. «Соловьи не прельщают мотивом...»	475
709. «Не загородить тебя, не спасти...»	476
710. «И снова будут дробить суставы...»	477
711. «Ах, господи! Ужель нужны нам судьи!..»	477
712. «Дописывая этот стих...»	477
713. «Я рад, что промахнулся, Генрих Бёль...»	478
714. «Становлюсь постепенно поэтом...»	479
715. «Не верь ученикам! Они испортят дело!..»	480
716. Жаворонок	480

717. Рубка леса	481
718. «Плетенье чепухи люблю...»	481
719. Анне Ахматовой	481
720. Похороны Хикмета	482
721. «Лицо подушки смятой...»	482
722. Утро. Старая Вильна	483
723. «Ах, что-нибудь меня погубит...»	484
724. Раскольников	484
725. Смерть дирижера	485
726. «Современность, прущая на рожон...»	486
727. «Пора бы поэзию бросить...»	486
728. «Я переполненный тобой...»	487
729. «Казните ангела, художник...»	487
730. «Не хочется идти в журнал...»	488
731—732. Два стихотворения	488
1. «Таллин — тайное обиталище...»	488
2. «Похожи — стремленьям к разлукам...»	488
733. «Вновь стою пред лицом событий...»	489
734. «Не надо спать, не надо глаз смыкать...»	489
735. «В огромном разобщении людей...»	490
736. Выздоровление	490
737. «Есть мера чувств и действий мера...»	491
738. «Будь счастлив, сын, мечтой о лете...»	492
739. «Пью водку под хрустящую капустку...»	492
740. «Не радует незрелость душ...»	492
741. «Надо жить не от года к году...»	493
742. «Карловарские вафли...»	493
743. «Был вечер, полный отвораченья...»	494
744. «Играет март на скрипочке...»	495
745. Тайный летописец	496
746. Осень («Я потерял богатство...»)	496
747. Берег мертвых	497
748. «Скрежещет ветка о стекло...»	498
749. «Не бойтесь! Умираем только мы!...»	499
750. «Вот дерево перед окном...»	499
751. «В этой Праге золотой...»	500
752. «Не у кого просить пощады...»	500
753. «Засиренило сначала...»	500
754. «Выстраивается столетье...»	501
755. «В отдаленных лугах зазвеневшая осень...»	501
756. Баллада разлук	501
757. «Ты — окружённый гарнизон...»	502
758. Вероятно	502
759. «Хотел бы я жить, как люблю и умею...»	503
760. «Теперь уже знаю...»	503
761. «Настала такая эпоха...»	504
762. «Осенний вихрь гудит под дверью...»	504
763. Прозревание	504
764. «Меня Анна Андревна Ахматова...»	505
765. «Родину люблю не за взаимность!...»	505

766.	«Быть выше спора наций и племен...»	506
767.	Памяти Смелякова	506
768.	«Что сказать официанткам...»	507
769.	«С утра худые сосняки...»	507
770.	Возвращение	508
771.	«Я теперь жилец Замоскворечья...»	508
772.	«Жизни первая треть...»	509
773.	«Здесь, в комнате, нам слышны из окон...»	509
774.	«Когда я усну наконец...»	509
775.	«Потому мне и жалко...»	509
776.	«Ах, бедный современный гений...»	510
777.	«Служенье памяти!»	510
778.	«Какой пологий Пярнуский залив!»	511
779.	«Светлорогая полночь висит над землей...»	511
780.	«До Александра дожил...»	512
781.	«О поэтическом пространстве...»	512
782.	«Россия одинока в мире...»	512
783.	«Вставал буграми ледоход...»	513
784.	«Вступает день, вступает город...»	513
785.	«Нет пистолета, есть петля...»	514
786.	«Я был в Москве и понял...»	514
787.	«Как я живу? Без ожиданий...»	514
788.	«Молодые люди...»	515
789.	«Наконец-то в загробном мире...»	515
790.	Сентиментальная весна	515
791.	«Прирожденный горожанин...»	516
792.	«Заманчиво задним числом...»	516
793.	«Окончилась драма любви...»	517
794.	Осень («Неужто я иду на спад...»)	517
795.	«Наверно, все уже ушло...»	518
796.	«Пусть все будет как есть...»	518
797.	«И непонятное письмо...»	519
798.	«Вся розовая, розовая...»	519
799.	«Смерть не врет. Она открыта...»	519
800.	«Не хочется с тобою расставаться...»	520
801.	«Когда сумбур полународа...»	520
802.	«Ты в стихе как на духу...»	520
803.	«Сад подобен светлым ризам...»	521
804.	«Пожалуй, пора перестать...»	521
805.	«Скучно жить, питаюсь славой...»	521
806.	«О, нет судеб печальней наших...»	522
807.	«Стояла осень. Воздух чист...»	522
808.	«Какого дьявола — наука!»	523
809.	«Вот опять для зимних птиц...»	523
810.	Старомодное	524
811.	«Никто мне ни в чем не обязан...»	524
812.	«Откуда я?...»	524
813.	«Ирония! Давай-ка выпьем вместе...»	525
814.	«Надо выйти из моды...»	526
815.	«Мне все время видятся холмы...»	527

816. «Тебя люблю. С тобою буду...»	527
817. «Тихо тенькает синичка...»	527
818. «Друзья мои, здравствуйте!..»	528
819. «Жизнь с множеством чувств и волнений...»	528
820. «Тогда любовью нашей грешной...»	529
821. «Я ухажу постепенно...»	529
822. Объяснение	529
823. «Повторяемся...»	530
824. Итог	530
825. Окно	531
826. Черновик	531
827. «Кто говорит, что снова молод...»	532
828. «Когда, вступая в поединок...»	533
829. «Лет через пять, коли дано дожить...»	533
830. Ремонт	534
831. «Как ошалевший соловей...»	535
832. «Не умирают беглые слова...»	535
833. Осень («В деревьях некий шум таится...»)	535
834. «Возвращаются, как бумеранги...»	536
835. «Я наконец свободен...»	536
836. Откровенность	537
837. «Я задаю вопросы, на которые...»	537
838. «Жить в новых условиях...»	537
839. В Пярну	538
840. «В общем, жизнь состоялась...»	538
841. «Вот так и нужно жить всегда...»	539
842. «Сначала я тебе признался в том...»	539
843. «Срубленное дерево не встанет...»	539
844. «Отводя березовые сучья...»	539
845. Лечение Подмосковьем	540
846. Об антологиях	541
847. «Ты нам пожертвовала...»	541
848. «Выздоровление от "Беатриче"...»	542
849. «Не надо срезанных тюльпанов!..»	542
850. «Лечи меня, Время, скорее...»	543
851. «Вино, стихи — утеха...»	543
852. Дождь («Дождь всего исцеловал, исплакал...»)	544
853. Бегство Толстого	544
854. «Что-то вдруг забыл о том, что юным...»	545
855. К передовой	545
856. Двое	546
857. Сопrotивленье	546
858. «Слепoго мальчика ведет собака...»	547
859. «Лунным светом город залит...»	547
860. Альгист в марте	548
861. «Вот небеса заголубели...»	548
862. «Есть жалость нежная...»	549
863. «Уставший от утрат...»	549
864. «Навсегда с тобой расстанусь...»	549
865. Вариация	550

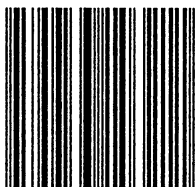
866. «Трудна России демократия...»	550
867. Переводчик	551
868. «Остановись, прогресс! Замри!..»	551
869. Оркестр	552
870. «Артист совсем не то же, что актер...»	552
871. «Старость. Сколько протяну...»	552
872. «С повышенной самооценкой...»	553
873. Летний день	553
874. «Всего с собой не унесешь...»	554
875. «В январе дождь ливня...»	554
876. «И страшны деревенские проселки...»	554
877. Песок	554
878. «Кто ответит, как нам быть?..»	555
879. «Не имею желания...»	555
880. Монолог Молчалина	555
881. «Полно вам искать промашек...»	556
882. «Жизнь родины и жизнь души...»	556
883. Анахорет	556
884. «Пора воспоминаний...»	557
885. «Еврейское неистребимо семья...»	557
886. «Я приходил. И клал стихи на стол...»	558
887. «Он, невнимательный к природе...»	558
888. «Истомясь от сердечной печали...»	559
889. «Как разрешить взаимные обиды?..»	559
890. «Когда я распрощался с Беатриче...»	560
891. «Поэзии ничто не может помешать...»	560
892. Старик и домовый	560
893— 895. Три стихотворения.....	562
1. «С любовью дружеской и братской...»	562
2. «Откладывает в долгий ящик...»	562
3. «Свободы нет. Порыв опасный...»	563
896. У окна	563
897. «Когда уже не всех подряд хватало...»	563
898. «Поэзия не интересна!..»	564
899. «Фрегат летит на риф...»	564
900. «Писем напишу пяток...»	565
Другие редакции и варианты	567
Примечания	645
Алфавитный указатель стихотворений	751

Давид Самойлов

Стихотворения / Вступ. ст. А. С. Немзера; Составление, подг. текста В. И. Тумаркина; Примеч. В. И. Тумаркина и А. С. Немзера — СПб.: Академический проект, 2006 — 800 с. — (Новая Библиотека поэта)

ISBN 5-7331-0321-3

Том представляет первое научное издание поэзии Давида Самойлова. С максимально возможной полнотой в нем представлены оригинальные стихотворения поэта. Выявлены и проанализированы многочисленные сохранившиеся в архивах рукописные и печатные варианты. Устранены очевидные цензурные и редакторские вмешательства. Во вступительной статье и примечаниях подробно характеризуются творческий путь Д. Самойлова, особенности его художественной системы, место поэта в истории русской литературы.



9 | 785733 | 103211 |

Редактор *А. Е. Барзах*
Художник *В. В. Еремин*
Художественный редактор *В. Г. Бахтин*
Верстка *И. А. Сакулин*
Корректор *О. И. Абрамович*

ЛР № 066191 от 27.11.98

Подписано в печать 15.11.2004. Формат 84Ч108/32
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура Балтика.
Усл. п. л. 50. Уч. изд. п. л. 51. Тираж 1000 экз. Заказ № 55.

Гуманитарное агентство "Академический проект"
191002, Санкт-Петербург, ул. Рубинштейна, 26.

Отпечатано с готовых диапозитивов
в типографии "Град Петров" ООО ИД "Петрополис"
197101, Санкт-Петербург, ул. Б. Монетная, д. 16,
офис-центр 1, пом. 12.
www.petropolis-ph.spb.ru

